УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10 (76). №1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

ISSN 2413-1733

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых комуникаций
Учредитель и издатель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Адрес: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, протокол № от г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать . Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.
Дата выхода в свет «__»._____. 20__г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-law.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 3–11.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК: 327.83

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Абасов Г. Г., Дрынь Н. В.
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируются термины «общественная дипломатия», «публичная дипломатия», «народная дипломатия» и «гражданская дипломатия» и выделяются отличительные особенности каждого из них. Подчеркивается важность четкого разграничения данных терминов в научной литературе, а также недопустимость их отождествления между собой. Определено, что наиболее распространенным в научной среде и на государственном уровне является термин «общественная дипломатия», охватывающий деятельность как государства, так и граждан, некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества по продвижению интересов Российской Федерации на международной арене. Акцентируется внимание на том, что в настоящий момент не приняты ни на федеральном уровне, ни на уровне субъектов Российской Федерации какие-либо нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность в сфере общественной дипломатии. В связи с этим предлагается принять на уровне субъектов Российской Федерации соответствующие законы, направленные на регулирование использования ресурсов общественной дипломатии для улучшения международных связей на современном этапе развития отношений между государствами.

Ключевые слова: общественная дипломатия, публичная дипломатия, народная дипломатия, гражданская дипломатия, мягкая сила, соотношение понятий, международные отношения, правовое регулирование, законопроект, законы субъектов РФ.

Сегодня, в условиях сложной геополитической ситуации в мире, требуется более сбалансированная внешняя политика, гармонизирующая международные отношения и способствующая сохранению дипломатических каналов, способов решения межгосударственных конфликтов и взаимодействия между ними. В современном мире особую актуальность приобретает улучшение международных отношений между государствами, а также выработка новых способов взаимодействия между ними. Однако, недружественная политика многих иностранных государств по отношению к Российской Федерации серьезно усложняет взаимодействие на официальном межгосударственном уровне. В такой обстановке наиболее оптимальным способом развития международного общения является использование возможностей общественной дипломатии.

Остановимся на некоторых аспектах существующих проблем, решение которых необходимо для эффективного использования ресурсов общественной дипломатии.

Во-первых, до сих пор нет единообразного подхода к применению термина «общественная дипломатия». Во многих исследованиях данный термин используется наряду с «публичной дипломатией», «народной дипломатией» и «гражданской дипломатией». При этом далеко не всегда приводится их четкое разграничение, а зачастую и вовсе данные термины подменяют друг друга, выступая в качестве синонимов. Такая терминологическая путаница не способствует эффективному использованию ресурсов общественной дипломатии и развитию механизмов общественной дипломатии, как это предусмотрено в Указе Президента Российской Федерации от

31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Во-вторых, ни на федеральном уровне, ни на уровне субъектов Российской Федерации не приняты никакие нормативные правовые акты, которые регулировали бы применение возможностей общественной дипломатии при взаимодействии с иностранными государствами. В этой связи нет четкого понимания, какими органами и организациями можно использовать данные средства, в каких пределах и какими способами.

Рассмотрим краткую характеристику и особенностей терминов «публичная дипломатия», «народная дипломатия», «общественная дипломатия» и «гражданская дипломатия». При этом необходимо обратиться к истории появления термина «public diplomacy». Наиболее активно он начинает внедряться в научный оборот после окончания Второй мировой войны. Термин «пропаганда», который существовал в тот момент, стал ассоциироваться с дезинформацией и искажением фактов. В связи с этим термин «public diplomacy» пришел на его смену и стал опираться именно на правдивую информацию [2]. Журналист и директор Информационного агентства США Эдвард Мэрроу в 1963 г. выдвинул тезис о том, что правда – это лучшая пропаганда, а ложь – худшая. «Чтобы быть убедительными, нам надо быть правдоподобными», – говорил Э. Мэрроу [9, с. 73].

Наиболее значимый вклад в развитие термина «public diplomacy» внес Эдмунд Галлион. В 1965 г. Э.Галлион писал, что «public diplomacy» – это средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения [13, с. 197]. Таким образом, помимо государства, которое при решении стоящих перед ним задач в большей части использует «жесткую силу», «public diplomacy» характеризуется участием граждан и их объединений, деятельность которых строится на «мягкой силе», без принуждения и угроз. При этом «public diplomacy» является одним из основных способов развития потенциала «мягкой силы» [6].

Термин «public diplomacy» переводится на русский язык одинаково, как «публичная дипломатия», «общественная дипломатия» и «народная дипломатия». Необходимо отметить, что при этом каждый термин имеет свои особенности.

Термин «народная дипломатия» наибольшее распространение получил в советский период. Отличительным признаком народной дипломатии являлась ее цель, которая была направлена на страны социалистического лагеря, в связи с чем говорить о народной дипломатии на современном этапе не совсем корректно [10, с. 58]. Другой термин, который зачастую используется вместе с «народной дипломатией» – «гражданская дипломатия». В частности, Медведева Т.И. в своей диссертации данные термины отождествляет, используя слово «народная» в скобках после «гражданской» [11].

Ряд авторов критически относятся к отождествлению понятий «народная дипломатия» и «гражданская дипломатия». Белозеров В.К., Васильева М.М. и Поздняков А.И. в своем учебнике «Современные международные отношения» обращают внимание на то, что народная дипломатия осуществляла поддержку крупномасштабным советским мирным инициативам, что было особенно актуально в период ядерной гонки. В гражданской дипломатии, в отличие от народной, главным действую-

щим субъектом является гражданин, поэтому она должна обеспечивать международную коммуникацию на уровне индивидов и, в меньшей степени, на уровне неправительственных организаций [1, с. 170].

Необходимо подчеркнуть, что термин «народная дипломатия» преимущественно используется при описании деятельности граждан, неправительственных организаций, движений и институтов, основанной на принципах мира, уважения национальных и социальных прав народов по развитию и укреплению межгосударственных отношений в период существования СССР. «Гражданская дипломатия», преследуют те же цели, осуществляется от лица отдельных граждан и характерна для современного этапа.

Отличительным признаком «публичной дипломатии» является включение в нее трех субъектов: государства, общественных объединений и отдельных граждан. При этом государство играет одну из главных ролей, являясь заказчиком различных мероприятий по продвижению его интересов за рубежом [14, с. 9].

В систему российской публичной дипломатии исследователи включают телеканал «Russia Today», информационное радио «Голос России», фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Россотрудничество, Общественную палату, Российский совет по международным делам и др. [4, с. 13]. Данные организации созданы и осуществляют свою деятельность при непосредственной поддержке государства и, соответственно, действуют именно в рамках публичной дипломатии.

Необходимость участия государства в рамках публичной дипломатии закреплена на официальном уровне. В частности, в Указе Президента РФ от 07.05.2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» Министерству иностранных дел совместно с другими федеральными органами исполнительной власти предписывается эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс, укреплять взаимодействие с Общественной палатой, некоммерческой организацией «Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова», другими неправительственными организациями внешнеполитической направленности [18].

Однако, несмотря на особенности термина «публичная дипломатия», некоторые авторы, в частности, Красовская Н.Р. и Гуляев А.А., в своей работе, говоря об истории публичной дипломатии, используют термин «народная дипломатия» [6, с. 510]. Евдокимов Е.В. в аналогичной ситуации употребляет термин «общественная дипломатия», отмечая, что он содержательно близок к термину «народная дипломатия». Вместе с тем, китайские исследователи трактуют «народную дипломатию», как более широкое понятие, которое ориентируется не только на интересы государства, но и на интересы народа как внутри страны, так и за ее пределами [5, с. 285].

Таким образом, под публичной дипломатией следует понимать действия граждан, их объединений и государства по взаимодействию с обществами других стран с целью объяснения проводимой государством внешней политики, передачи объективной информации о стране, формирования позитивного имиджа государства за рубежом, в том числе для влияния на принятие выгодных внешнеполитических решений.

Термин «общественная дипломатия» является наиболее распространённым в настоящее время, как в научных кругах, так и на официальном уровне. При этом ряд

авторов придерживается позиции, что общественная дипломатия является формой или видом публичной дипломатии [1, с. 169]. Следовательно, под общественной дипломатией подразумевается дипломатия на уровне неправительственных организаций и экспертного сообщества, в то время как публичная дипломатия включает в себя более широкий круг деятельности [19].

Наиболее спорным вопросом в связи с частым отождествлением терминов «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия» является возможность участия государства в общественной дипломатии. Так, Лебедева О.В. формулирует определение общественной дипломатии как процесс коммуникации с аудиторией иностранного государства через государственных и негосударственных акторов [20, с. 27]. Мурадов Г.Л. под общественной дипломатией понимает совокупность действий государства и гражданского общества по продвижению интересов страны и повышению ее авторитета путем взаимодействия с государственными органами и общественностью других стран [8, с. 6]. Гришина Т.А., говоря об общественной дипломатии, упоминает те же организации, которые выше в данной работе относились к осуществляющим деятельность в сфере публичной дипломатии [3, с. 62]. Следовательно, может показаться, что нет особой разницы между терминами «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия», однако их разграничение проводится государством в нормативных правовых актах.

Указ Президента РФ от 15.07.2008 № Пр-1440 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» содержал положение о том, что в рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться своего объективного восприятия в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности. Этот же Указ закреплял необходимость развивать, в том числе используя ресурсы, потенциал и инициативы институтов гражданского общества в сфере общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество. То есть, Указ предусматривал в рамках публичной дипломатии, развитие международного культурного и гуманитарного сотрудничества с использованием ресурсов и потенциала общественной дипломатии. Следовательно, нормативно, общественная дипломатия рассматривалась, как вид публичной дипломатии.

Термин «общественная дипломатия» употребляется в дальнейшем и в других Указах Президента. Так, в Указе от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается, что одним из основных направлений государственной национальной политики в сфере развития международного сотрудничества является использование ресурса общественной дипломатии посредством вовлечения институтов гражданского общества в решение задач международного культурного и гуманитарного сотрудничества. Подобное положение содержится в Указе от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» и в Указе от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (далее – Указ). В данном Указе Президента Российской Федерации используется термин «общественная дипломатия» для решения задач в сфере международного гуманитарного сотрудничества. Подчеркивается, что Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание развитию механизмов обществен-

ной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений. Необходимо, также, обратить внимание на то, что в Указе определяются задачи органов государственной власти и иных государственных органов по формированию и реализации внешней политики Российской Федерации. В п. 67 Указа сказано, что Совет Федерации Федерального Собрания РФ и Государственная Дума Федерального Собрания РФ в пределах своих полномочий проводят работу по законодательному обеспечению реализации внешнеполитического курса РФ и выполнения ее международных обязательств, а также способствуют выполнению задач парламентской дипломатии.

В данном случае, по нашему мнению, используется термины «парламентская дипломатия» и «общественная дипломатия» как виды публичной дипломатии. В то же время полностью исключить государство как субъекта общественной дипломатии не корректно. Участие государства в общественной дипломатии заключается, согласно п. 75 Указа, в том, что федеральные органы исполнительной власти взаимодействуют с институтами гражданского общества, способствуя их участию в международном сотрудничестве. Следовательно, термины «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия» различаются в зависимости от степени участия государства в их реализации. В публичной дипломатии государство играет одну из главных ролей, являясь заказчиком различных мероприятий по продвижению его интересов за рубежом [14, с. 9]. А в общественной дипломатии преимущественно важную роль играют институты гражданского общества, используя международные общественные связи, при содействии государственных органов.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что общественная дипломатия – это деятельность граждан и их объединений, общественных движений и других институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества при содействии государственных органов в сфере международного гуманитарного сотрудничества.

Рассматривая проблемы правового регулирования общественной дипломатии, следует подчеркнуть, что кроме упоминания в ряде Концепций ее значения, ее содержание не раскрывается ни в одном нормативном правовом акте. В связи с этим считаем необходимым разработать и принять такой акт. Однако сразу возникает вопрос – на каком уровне данный нормативный правовой акт должен быть принят.

В 2010 году проводились парламентские слушания на тему «Общественная дипломатия: проблемы и пути их решения». В ходе слушаний помимо прочего обсуждался вопрос принятия отдельного федерального закона, регулирующего сферу общественной дипломатии [12]. На необходимость совершенствовать деятельность по использованию ресурса общественной дипломатии обращалось внимание и в 2016 г. на круглом столе Комитета Государственной Думы по делам национальностей [7]. Однако дальнейших шагов по разработке отдельного нормативного правового акта предпринято не было. В связи с этим в настоящий момент вряд ли возможно оперативное принятие федерального закона, учитывая, что на его значение не раз обращали внимание с 2010 г.

Наиболее оптимальным вариантом на современном этапе является разработка и принятие законов об общественной дипломатии на уровне субъектов РФ. Во-

первых, право субъектов на осуществление международных и внешнеэкономических связей исходит из п. «о» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. Во-вторых, разработка законов на уровне субъектов РФ позволит предусмотреть исторические и национальные особенности каждого субъекта при осуществлении международных связей, что будет гораздо эффективнее в контексте использования ресурсов общественной дипломатии. В-третьих, согласовать нормативный правовой акт на уровне субъекта легче и быстрее по сравнению с федеральным уровнем, что в настоящее время играет немаловажную роль.

Обращаясь к содержанию законов субъектов РФ «Об общественной дипломатии», прежде всего необходимо закрепить основные понятия для избежания упомянутой путаницы в понятийном аппарате, цели и задачи общественной дипломатии, а также основные принципы, на которых она строится. Не менее значимым является закрепление основных направлений деятельности с использованием ресурсов общественной дипломатии, которые будут в наибольшей степени индивидуализировать субъекты РФ в деятельности по развитию международных связей. Нельзя обойти стороной и определение основных прав граждан и их объединений в данной сфере, что обозначит основной вектор их деятельности по использованию возможностей общественной дипломатии. Публичным органам государственной власти субъектов также необходимо обеспечить информационную, правовую и консультационную поддержку граждан и некоммерческих организаций, действующих в рамках общественной дипломатии, что также важно определить в законе. Субъекты РФ, которые имеют соответствующую возможность, могут осуществлять и финансовую поддержку, что наиболее важно при проведении крупных мероприятий, на которые сложно найти финансирование. В связи с этим можно рассмотреть создание специального реестра, в котором будут отражены граждане и некоммерческие организации, наиболее активно действующие в сфере общественной дипломатии, и, соответственно, которые будут иметь больше шансов на получение финансовой поддержки. Подробный порядок формирования подобного реестра и включения в него граждан и некоммерческих организаций также целесообразно отразить в законах.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что принципиально важно разграничивать термины «общественная дипломатия», «публичная дипломатия», «народная дипломатия» и «гражданская дипломатия». Несмотря на внешнюю схожесть, каждое из них имеет содержательную особенность, которая отграничивает одно понятие от другого. При этом игнорирование данной разницы приводит не только к путанице в понятийном аппарате, но и невозможности уделить внимание развитию общественной дипломатии, которую чаще всего исследователи и подразумевают, используя другие термины. Принятие отдельных законов «Об общественной дипломатии» на уровне субъектов Российской Федерации способствует данному развитию, особенно в тех субъектах, которые в данный момент еще активно не используют возможности общественной дипломатии. Тем самым, у граждан и некоммерческих организаций будет конкретное представление, что подразумевает под собой деятельность в сфере общественной дипломатии и насколько она необходимо в настоящий момент.

Список литературы:

1. Белозеров, В. К. Современные международные отношения : учебник и практикум для академического бакалавриата / В. К. Белозёров ; под редакцией В. К. Белозёрова, М. М. Васильевой,

А. И. Позднякова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 379 с. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/510123 (дата обращения: 10.07.2023).
2. Глебов, М. С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства / М. С. Глебов. – Текст : электронный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 68. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-i-mehanizmy-novoy-publichnoy-diplomatii-vo-vneshney-politike-gosudarstva (дата обращения: 01.07.2023).
3. Гришанина, Т. А. Механизм общественной дипломатии РФ: направления деятельности в контексте анализа концепций внешней политики РФ / Т. А. Гришанина. – Текст : электронный // Международные отношения. – 2020. – №4. – С. 60-71. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obschestvennoy-diplomatii-rf-napravleniya-deyatelnosti-v-kontekste-analiza-kontseptsiy-vneshney-politiki-rf (дата обращения: 17.07.2023).
4. Долинский, А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : автореф. дис. на соискание к-та полит. наук / Долинский Алексей Владимирович ; «Моск. гос. ин-т междунар. отношений». – Москва, 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный.
5. Евдокимов, Е. В. «Народная дипломатия» массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды / Е. В. Евдокимов. – Текст : электронный // Вестник МГИМО. – 2011. – № 3. – С. 285-289. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-diplomatiya-massovost-kak-fenomen-kitayskoy-vneshnepoliticheskoy-propagandy (дата обращения: 12.07.2023).
6. Красовская, Н. Р. Роль мягкой силы и народной дипломатии в развитии международных отношений между странами СНГ в современных условиях / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев. – Текст : электронный // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 510-515. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36635852 (дата обращения: 12.07.2023). – Режим доступа: по подписке.
7. Круглый стол Комитета по делам национальностей на тему «Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества в сфере государственной национальной политики РФ». – Текст : электронный. – URL: http://duma.gov.ru/multimedia/photo/11181/ (дата обращения: 21.07.2023).
8. Мурадов, Г.Л. Общественная дипломатия российского Крыма: осмысление феномена и тенденций развития / Летопись народной дипломатии Крыма / Составители: Б. С. Балаян, Г. Л. Мурадов, А. Ю. Трофимов. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2022. – 272 с.
9. Лукин, А. В. Публичная дипломатия / А. В. Лукин. – Текст : электронный // Международная жизнь. – 2013. – № 3. – С. 69-87. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/831 (дата обращения: 05.07.2023).
10. Мартыненко, Е. В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения / Е. В. Мартыненко, В. В. Матвиенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 57-60. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-obschestvennaya-diplomatiya-v-kontekste-sovremennogo-mezhgosudarstvennogo-obscheniya (дата обращения: 07.07.2023).
11. Медведева, Т. И. Гражданская (народная) дипломатия и её роль в российско-японском политическом диалоге : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : автореф. дис. на соискание к-та полит. наук / Медведева Тамара Ивановна ; «Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова». – Москва, 2007. – 24 с. – Текст: непосредственный.
12. Парламентские слушания на тему «Общественная дипломатия: проблемы и пути их решения». – Текст : электронный. – URL: http://council.gov.ru/events/smi/announcements/12940/ (дата обращения: 21.07.2023).
13. Парубочая, Е. Ф. Общественная дипломатия как инструмент реализации российской «мягкой силы» / Е. Ф. Парубочая, Н. В. Пискунов. – Текст : электронный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 197-207. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-diplomatiya-kak-instrument-realizatsii-rossiyskoy-myagkoy-sily (дата обращения: 02.07.2023).
14. Публичная дипломатия: теория и практика / Е. А. Антюхова, Б. Х. Бахриев, К. П. Боришполец ; под ред. М. М. Лебедевой ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 269 с. – Текст: непосредственный.
15. Шамугия, И. Ш. Понятие «Публичная дипломатия» в теории международных отношений. – Текст : электронный // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – № 10. – С. 136-142. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-publichnaya-diplomatiya-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (дата обращения: 17.07.2023).
16. Lebedeva, O. V. Russian Public Diplomacy: Historical Aspects // Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice. – 2019. – P. 27-43. – Текст : непосредственный.

Abasov G.G., Dryn N.V. Public diplomacy: the concept and problem of legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 3–11

The article analyzes the terms «public diplomacy», «public diplomacy», «public diplomacy», and «civil diplomacy» and distinguishing features of each of them are distinguished. The importance of a clear distinction between these terms in the scientific space, as well as the inadmissibility of their identification among themselves, is emphasized. It is determined that the most common in the scientific environment and at the state level is the term «public diplomacy» covering the activities of citizens and non -profit organizations to promote the interests of the Russian Federation in the international arena. Attention is focused on the fact that at the moment there have been any regulatory legal acts that regulate activities in the field of public diplomacy at the federal level or at the level of the constituent entities of the Russian Federation. In this regard, it is proposed to adopt at the level of the constituent entities of the Russian Federation the relevant laws aimed at regulating the use of public diplomacy resources to improve international ties at the present stage of development of relations between states.

Key words: public diplomacy, public diplomacy, public diplomacy, civil diplomacy, soft power, the ratio of concepts, international relations, legal regulation, bill, laws of constituent entities of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Belozerov, V. K. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / V. K. Belozyorov ; pod redakciej V. K. Belozyorova, M. M. Vasil'evoj, A. I. Pozdnyakova. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : YUrajt, 2023. – 379 s. – Tekst : elektronnyj // Obrazovatel'naya platforma YUrajt [sajt]. – URL: https://urait.ru/bcode/510123 (data obrashcheniya: 10.07.2023).
2. Glebov, M. S. Elementy i mekhanizmy novoj publichnoj diplomatii vo vneshnej politike gosudarstva / M. S. Glebov. – Tekst : elektronnyj // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. – 2018. – № 68. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-i-mehanizmy-novoy-publichnoy-diplomatii-vo-vneshney-politike-gosudarstva (data obrashcheniya: 01.07.2023).
3. Grishanina, T. A. Mekhanizm obshchestvennoj diplomatii RF: napravleniya deyatel'nosti v kontekste analiza koncepcij vneshnej politiki RF / T. A. Grishanina. – Tekst : elektronnyj // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2020. – №4. – S. 60-71. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obschestvennoy-diplomatii-rf-napravleniya-deyatelnosti-v-kontekste-analiza-kontseptsiy-vneshney-politiki-rf (data obrashcheniya: 17.07.2023).
4. Dolinskij, A. V. Sovremennye mekhanizmy sotrudnichestva v ramkah publichnoj diplomatii : special'nost' 23.00.04 «Politicheskie problemy mezhdunarodnyh otnoshenij, global'nogo i regional'nogo razvitiya» : avtoref. dis. na soiskanie k-ta polit. nauk / Dolinskij Aleksej Vladimirovich ; «Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij». – Moskva, 2011. – 24 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Evdokimov, E. V. «Narodnaya diplomatiya» massovost' kak fenomen kitajskoj vneshnepoliticheskoj propagandy / E. V. Evdokimov. – Tekst : elektronnyj // Vestnik MGIMO. – 2011. – № 3. – S. 285-289. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-diplomatiya-massovost-kak-fenomen-kitayskoy-vneshnepoliticheskoy-propagandy (data obrashcheniya: 12.07.2023).
6. Krasovskaya, N. R. Rol' myagkoj sily i narodnoj diplomatii v razvitii mezhdunarodnyh otnoshenij mezhdu stranami SNG v sovremennyh usloviyah / N. R. Krasovskaya, A. A. Gulyaev. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2018. – T. 2, № 4. – S. 510-515. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36635852 (data obrashcheniya: 12.07.2023). – Rezhim dostupa: po podpiske.
7. Kruglyj stol Komiteta po delam nacional'nostej na temu «Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti i organov mestnogo samoupravleniya s institutami grazhdanskogo obshchestva v sfere gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF». – Tekst : elektronnyj. – URL: http://duma.gov.ru/multimedia/photo/11181/ (data obrashcheniya: 21.07.2023).
8. Muradov, G.L. Obshchestvennaya diplomatiya rossijskogo Kryma: osmyslenie fenomena i tendencij razvitiya / Letopis' narodnoj diplomatii Kryma / Sostaviteli: B. S. Balayan, G. L. Muradov, A. YU. Trofimov. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2022. – 272 s.
9. Lukin, A. V. Publichnaya diplomatiya / A. V. Lukin. – Tekst : elektronnyj // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2013. – № 3. – S. 69-87. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/831 (data obrashcheniya: 05.07.2023).
10. Martynenko, E. V. Narodnaya (obshchestvennaya) diplomatiya v kontekste sovremennogo mezhgosudarstvennogo obshcheniya / E. V. Martynenko, V. V. Matvienko // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – № 1. – S. 57-60. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-obschestvennaya-diplomatiya-v-kontekste-sovremennogo-mezhgosudarstvennogo-obscheniya (data obrashcheniya: 07.07.2023).
11. Medvedeva, T. I. Grazhdanskaya (narodnaya) diplomatiya i eyo rol' v rossijsko-yaponskom politicheskom dialoge : special'nost' 23.00.04 «Politicheskie problemy mezhdunarodnyh otnoshenij, global'nogo i regional'nogo razvitiya» : avtoref. dis. na soiskanie k-ta polit. nauk / Medvedeva Tamara Ivanovna ; «Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova». – Moskva, 2007. – 24 s. – Tekst: neposredstvennyj.

12. Parlamentskie slushaniya na temu «Obshchestvennaya diplomatiya: problemy i puti ih resheniya». – Tekst : elektronnyj. – URL: http://council.gov.ru/events/smi/announcements/12940/ (data obrashcheniya: 21.07.2023).
13. Parubochaya, E. F. Obshchestvennaya diplomatiya kak instrument realizacii rossijskoj «myagkoj sily» / E. F. Parubochaya, N. V. Piskunov. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2018. – T. 23, № 6. – S. 197-207. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-diplomatiya-kak-instrument-realizatsii-rossiyskoy-myagkoy-sily (data obrashcheniya: 02.07.2023).
14. Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika / E. A. Antyuhova, B. H. Bahriev, K. P. Borishpolec ; pod red. M. M. Lebedevoj ; Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (Universitet) MID Rossii. – Moskva : Aspekt Press, 2017. – 269 s. – Tekst: neposredstvennyj.
15. SHamugiya, I. SH. Ponyatie «Publichnaya diplomatiya» v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij. – Tekst : elektronnyj // Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij. – 2017. – № 10. – S. 136–142. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-publichnaya-diplomatiya-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (data obrashcheniya: 17.07.2023).
16. Lebedeva, O. V. Russian Public Diplomacy: Historical Aspects // Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice. – 2019. – P. 27–43. – Tekst : neposredstvennyj.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 12–20.

УДК. 341

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРИВИЛЕГИЙ В ПРАВЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Апкаев Д. М.

ВЮИ ФСИН России, г. Владимир

В разные исторические эпохи привилегии имели различную степень выраженности и необходимости. Изначально религиозные и традиционные нормы играли основополагающую роль во всех сферах жизни общества и также являлись неким предписанием касаемо методов, способов и правил взаимодействия на всех уровнях жизнедеятельности. Но в процессе глобализации и частых взаимодействий на внешнем уровне, стало необходимо установить определенные правила взаимодействий людей между собой, т.к. традиции и обычаи государств и народов иногда имели весьма различный характер. В связи с этим, государства принимали внутренние акты, которые регулировали все сферы жизнедеятельности и функционирования государства. Принимаемые нормативные акты помогли полностью стабилизировать единый подход к установлению необходимых привилегий для определённых сословий, так как они отличались друг от друга. Исключения в силу своей объективной природы находят свое отражение в самых ранних формах социальной регламентации – обычаях и традициях первобытного строя.

Ключевые слова: привилегия, социальное неравенство, развитие права, льготы, законодательство.

Предоставление привилегий основывалось на принципах исключительности отдельной категории людей исходя из отличительных особенностей и находят отражение в обычаях, религиозных канонах и правовых актах [3, с. 50]. Так, Древнеримское государство предоставляло привилегии на основании наличия гражданства. Римское гражданство было сложной концепцией, которая варьировалась в зависимости от пола, происхождения и социального статуса. На полное гражданство могли претендовать только мужчины. Ребенок, рожденный в результате законного союза отца и матери-гражданина, получит гражданство при рождении. Теоретически свободнорожденные римские женщины считались римскими гражданами; на практике, однако, они не могли занимать должности или голосовать, деятельность считалась ключевым аспектом гражданства. Привилегии, которыми пользовались полноправные граждане, были широкими: они могли голосовать на собраниях и выборах; владеть собственностью; выйти замуж в законном порядке; их дети наследуют имущество; баллотироваться на выборах и получать доступ к государственным должностям; участвовать в священстве; и записаться в легион. Граждане мужского пола также могли заниматься коммерческой деятельностью на римской территории.

В обмен на такие привилегии граждане были обязаны участвовать в военных расходах пропорционально своему богатству. По закону они должны были зарегистрироваться в переписи, чтобы государство могло вычислить, к какому социальному классу они принадлежали, исходя из их богатства.

Отдельного внимания заслуживают жрицы, которые выбирались из знатных семей и получали привилегии, которые были бы невообразимы для других женщин в Древнем Риме. Они могли владеть имуществом, голосовать и писать завещание. У них были лучшие места на публичных играх, и они даже имели право освобождать осужденных заключенных и рабов. Но, несмотря на полномочия и привилегии,

предоставленные жрицам, они все еще жили в патриархальном обществе , которое контролировало все аспекты их жизни. Их основная задача как жриц заключалась в том, чтобы охранять священное пламя в храме Весты, поддерживая огонь. Если пламя погаснет, это приведет к неудаче для Рима и еще хуже для ответственной жрицы, которую в наказание первосвященник подвергнет наказанию.

В 18 г. до н. э. императором Августом было издано несколько законов касающиеся семейных ценностей, например, «lex de maritandis ordinibus» и «lex Julia de adulteriis coercendis» [1, с. 784, 825]. Принимаемые нормативные акты, были направлены на улучшение положения простого народа. В частности, право трех детей давало преимущество в получении государственных должностей, например, быть назначенным наместником провинций раньше, чем через 5 лет после исполнения должности претора или консула. Вольноотпущенники, которые имели определенное число детей, были освобождены от обязательных работ: «Если у какого вольноотпущенника будет двое или более подвластных сыновей или дочерей, кроме того (сына), который играет на сцене, или того, кто сдает свои услуги внаем, сражаясь со зверями, то никто из них не обязан ради освобождения давать, делать или предоставлять работы, подарки, услуги или что-либо другое патрону, патроне или их детям, в отношении которых он поклянется, или обещает, или обяжется». Разрешено было заключать помолвку с девушками, еще не достигшими возраста вступления в брак, приобретая вместе с тем те же льготы, что и женатые.

Несмотря на то, что Август ассоциируется с реформированием законодательства в брачно-семейных отношениях, в период его правления были приняты ряд законов направленных на совершенствование нравственной сферы римского общества и борьбы с роскошью. Август стремился к установлению равноправия среди граждан и ликвидации привилегированного положения отдельных сословий. В соответствии с «lex sumptuana» запрещалось тратить более 400 сестерциев, если это был обыкновенный день, более 800 - если это был праздник, более были 1000 - если это была свадьба

Неблагополучное состояние римского общества во время кризиса республики влияло на усиленную борьбу в нескольких направлениях одновременно. Стремление каждого нового императора ликвидировать разобщение в обществе сводилось к увеличению налогов, что приводило к увеличению количества разорению землевладельцев. В результате представители высших сословий, имеющие привилегии, обособлялись от власти императора за счет увеличения территорий своих имений, путем выкупа разорившихся земель у сборщиков налогов [5, с. 540]. Складывающиеся обстоятельства, слабая политика государства в последствии привели к крушению Римской империи.

Законодательство стран не развивалось по схожему направлению в вопросах предоставления привилегий, о чем свидетельствует история Древнего Китая. В течение многих веков Китай обходился без юридически закрепленных законов. Но уже в IV – III вв. до н.э. оформляется школа легизма.

Суть легизма состоит в том, что власть должна основываться не сколько на добродетели правящих, сколько на подчинении закону. Впервые концепция управление страной на основе закона была выдвинута Гуань Чжэнем, так же он оказал большое влияние на Шан Яна.

Появились законы, которые были направлены на ликвидацию привилегированного положения у чиновников, которые использовали данную им власть в своих интересах. Так, чиновник получал высокий доход, но при этом имел большую ответственность и в случае нарушения законодательства должен был поплатиться жизнью, имуществом и честью [18].

Так, в 618 г. было положено начало составление свода законов династии Тан в соответствии с которым население страны в зависимости от социального статуса имели ряд привилегий [14]. В большинстве случаев это были чиновники и их родственники. Например, для чиновника ссылка и каторга могли быть заменены на лишение должности, ранга или титула.

Родственники и свойственники императора, а также чиновники четвертого ранга и ниже в случае наказания смертной казнью могли подать прошение на имя императора. Если лица, входившие в группу привилегиотванных, заслуживали наказание ссылкой или менее тяжкими мерами наказания, то наказание автоматически снижалось на одну степень.

Таким образом, можно сделать вывод, что нормы средневекового китайского права составляли систему привилегий, которая позволяла избавить высшие слои общества, а именно: дальних и близких родственников императора, чиновничество и их родственников от прямого применения к ним мер наказания, предусмотренных законами.

После падения империи Юань в XI в. в Китае создается специальное бюро по пересмотру и классификации законов, оно же и составило «Свод законов из 900 статей». Уже в XIV в. Появляется «Дай Мин люй гао» или в переводе на русский язык – «Свод законов династии Мин» [13], включавший в себя большинство положений ранее существовавшего законодательства. Свод законов создается в период возвращения власти в руки ханьского народа, поэтому основной задачей правителя династии Мин было возвращение к традиционному китайскому праву. При этом было увеличено влияние коренного населения страны путем предоставления привилегий при назначении наказаний за совершенные преступные деяния.

Развитие привилегий в китайской правовой системе сопровождается слиянием конфуцианства и легизма в ортодоксальное конфуцианство. Главной идеей заключалась в социальном, сословном и ранговом различиях людей. Нерушимостью данных различий служила четкая регламентация поведения людей в обществе, с помощью соблюдения моральных норм «ли». Слияние конфуцианства и легизма способствовало тому, что мораль задавала стереотип для получения привилегий, а право с помощью наказаний запрещало от него уклоняться.

Крайне интересным представляется развитие привилегий в истории Англии, которая заложила основы законодательного устройства для многих мировых держав, среди которых США, Канада, Индия и т.д. В ответ на рост королевского абсолютизма в ранней Европе, люди защищали, развивали и радикализировали существующие представления о верховенстве права, представительных привилегиях народа. Например, в середине XVI в. Антверпенские купцы успешно сопротивлялись попыткам императора Священной Римской империи Карла V ввести в их городе инквизицию, утверждая, что это нарушит их традиционные привилегии и разрушит их процветание (следовательно, уменьшит налоговые доходы императора). В своей петиции о праве английский парламент выступил против попыток короля Карла I

обложить налогами и принудить к займам частных граждан, посадить подданных в тюрьму без надлежащего судебного разбирательства и потребовать от подданных четвертовать королевских солдат [8]. Привилегии в средневековой Европе не только характеризовали статус субъекта, его служебную роль в иерархии власти, но и регламентировали даже бытовые условия жизни в зависимости от принадлежности к какому-либо сословию: форму одежды, жилище (усадьбу, имение), место в собрании и в церкви и т. д. [16, с. 34].

Также считается, что плотность населения в средние века была довольно низкой, особенно в периоды конфликтов, так как многочисленное количество людей погибало из-за войн, болезней и голода. Следовательно, короли приглашали в свои владения иностранных поселенцев в большом количестве и предоставляли им многочисленные привилегии для увеличения населения, следовательно, и источников дохода.

В Англии позиции дворянства усиливались в течение всей истории развития государства. К концу XVIII в. высшим сословиям была предоставлена привилегия в виде свободы от ареста по гражданским делам. Кроме того, дворяне стремились защитить свою собственность, заявляя о нарушении привилегии в случаях незаконного проникновения и браконьерства на их владениях. В конечном итоге такая практика была запрещена законом, поскольку она явно стала серьезным препятствием для обычного отправления правосудия.

В Соединенном Королевстве представители титулованного сословия пытались стать членами парламента для увеличения своего привилегированного положения. Изначально парламент функционировал больше как суд, чем как законодательный орган, и претензии на некоторые привилегии были первоначально сделаны в этом контексте. Эти привилегии оказались необходимыми для защиты палаты и ее членов не от народа, а от власти и вмешательства короля и палаты лордов.

В 1967 г. Парламент Великобритании признал необходимость радикальной реформы законодательства в сфере распределения привилегий среди населения, практики и процедур их предоставляющих с целью приведения норм в соответствии с современным мышлением. Объединенный комитет по привилегиям вынес ряд рекомендаций, призывающих к кодификации различных вопросов привилегий в статутном праве. Несмотря на то, что законопроект обсуждался в палате общин, он так и не был принят [7, с. 94].

В Конституции США нет специального положения, предусматривающего привилегии. Однако сменявшие друг друга администрации утверждали, что привилегии закрепляются Конституцией через структуру разделения властей.

В основу конституции США легло Mayflower compact («Соглашение на Мейфлауэре»). Соглашение предусматривало объединение поселенцев в единый «гражданский политический организм» для поддержания порядка и безопасности, а также для воплощения идеи о «справедливых и одинаковых законах» для всеобщего блага. Данное Соглашение было создано не только для образования политически единого организма, но и для избегания установления привилегированного положения для кого-либо.

Важно отметить, что соглашение было подписано не только свободными переселенцами, но и частью сервентов (беднейшей, экономически зависимой части пере-

селенцев) с целью установить равноправие на новых территориях и ликвидировать наличие привилегированных групп [15].

4 июля 1776 г. была подписана Декларацию независимости США политическая основа которой включала в себя идеи о «регулировании» общества, состоящего из так называемых фракций или классов, обусловленным наличием привилегий. Способом в осуществлении классового равновесия являлась защита богатых, коих меньшинство, от бедных для поддержания стабильного политического статуса. Также, для создания устойчивой политической системы «на века», необходимо учитывать идеи меньшинства, возложить ему средства защиты своих интересов и способы подчинения имущих «верхов» неимущему большинству.

22 ноября 1787 г. Джеймс Мэдисон, один из отцов опубликовал эссе под названием «Федералист № 10». Этот текст является частью серии трудов, посвященных ратификации будущей Конституции, и касается управления фракциями, т. е. группами лиц, которые разделяют общую цель в различных интересах: социальных, экономических или интеллектуальных [17]. В эссе резко осуждались попытки создавать богатство с помощью привилегий и провозглашалась роль государства в обеспечении всех равными возможностями приобретать и умножать собственность, а все исключительные привилегии должны предоставляться за счет общества, которое должно получать справедливый эквивалент.

Конгресс продолжал политику по ликвидации дискриминационных порядков и в начале 1866 г. радикально приступил к реконструкции. Тогда были приняты еще две важные поправки. XIV Поправка Конституции США устанавливала равенство граждан. Ни один штат не должен отныне был издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов [9].

Следующая XV Поправка Конституции гласила, что право голоса граждан не должно оспариваться или ограничиваться федеральными органами или каким-либо штатом по расовой принадлежности, либо по факту выполнения ранее подневольной работы[10]. Исходя из этих поправок, представители населения африканского происхождения не просто получали активное избирательное право, а получали привилегии наравне с остальными.

Конституция Канады, принятая британским парламентом не предусматривала законодательного закрепления привилегий. Однако в 1801 г. Законодательное собрание Верхней Канады приняло решение о предоставлении привилегий на территории Канады в соответствии с нормативными актами Великобритании. Колония пыталась увеличить влияние собственной знати и поэтому установило вето на назначение наказания в виде ареста для высших сословий за незначительное нарушение законодательства. Также высшими должностными лицами заявлено праве вызывать и допрашивать свидетелей, а также наказывать тюремным заключением любого человека, отказывающегося явиться или отвечать на вопросы.

В тот же период Собрание Нижней Канады также провозгласило как индивидуальные, так и коллективные привилегии – свободу от ареста и свободу от обязанности явиться в суд в отношении гражданских исков, поданных против титулованных особ.

С принятием Конституции 1867 г. Канада получила полный аналог Соединенного Королевства, закрепилась вестминстерская система управления, включая исторические привилегии, необходимые для функционирования такой системы. Кроме то-

го, раздел 18 Конституции предоставил Законодательному собранию Канады право определять привилегии в соответствии с законом, если эти привилегии никогда не превышали тех, которыми пользовалась британская знать во времена Конфедерации.

В контексте Индии законодательные органы, созданные в колониальный период, ориентировались на британскую парламентскую практику. Самые ранние примеры использования законодательных привилегий восходят к правлению Ост-Индской компании в Бенгалии. Во время прямого правления британского правительства законодательные органы провинций призывали оградить себя от судебного надзора, в частности, чтобы защитить действующих законодателей от надвигающихся арестов. Поэтому британские власти стремились всячески избежать объединения провинций Индии, что могло лишить влияния, а вместе с этим – привилегии [12, с. 21].

В истории Франции привилегии занимали достаточно важное значение в формирование законодательства. Привилегии знати, духовенства и короля были лишь вершиной структуры привилегий, которая распространилась на многие провинции и затронула почти все населенные пункты, отчасти благодаря городским ремесленникам, объединяющихся в корпорации. Недовольство среди населения страны возрасталось в связи с недовольством относительно распределения благ. Аббат Сийес, чье полемическое эссе о привилегиях1788 г., утверждал о том, что привилегия была «разрешением или освобождением в пользу того, кто ею обладает, и разочарованием для тех, кто ею не обладает». Сийес добавил, что «суть, характеристика привилегии состоит в том, чтобы поставить ее обладателя за пределы общего права» [4, с. 45].

В связи с растущим недовольством в стране были приняты ряд законов, которые должны были улучшить положение работающего класса. Корпорации предоставляли привилегированное право вдовам заниматься профессией мужа в течение определенного периода. В обычных условиях женщинам запрещалось заниматься мужской работой. В некоторых профессиях и в некоторых местах это право могло сохраняться довольно долго, если имелся несовершеннолетний ребенок. После 1777 г. в большинстве корпораций вдовы могли получить постоянное разрешение на ведение своего бизнеса без ограничений. Также женщинам была предоставлена возможность вступать в гильдии с правом публичных действий.

Франция страдала от финансовых проблем на протяжении восемнадцатого века. Дворянство пользовалось многими налоговыми привилегиями. Они были освобождены, например, от тейла, основного земельного налога. Католическая церковь, которой принадлежала десятая часть земли во Франции, была полностью освобождена. Предпринимались многочисленные попытки реформировать налоговую систему и экономику в XVIII в., но все они потерпели неудачу из-за сопротивления дворянства и парламента. Сопротивлению способствовала широко распространенная система продажности, согласно которой богатые люди могли покупать определенные государственные должности, например, места в парламенте. В семнадцатом веке эта практика обеспечивала корону денежным потоком в краткосрочной перспективе, но это также означало, что было трудно сместить государственных чиновников без вознаграждения.

Коренные жители Франции, могли приобретать земельные участки, что сопровождалось наделением определенными привилегиями и обязанностями. Например,

только жители имели право на мелкую торговлю мехом. Engagés (наемным рабочим-иммигрантам), волонтерам и солдатам запрещалось торговать. Коренные жители отличались от наемных сельскохозяйственных рабочих (домашних) и временных рабочих (пахарей, батраков и сезонных рабочих).

Традиционная знать часто возмущалась вступлением богатых простолюдинов в ряды аристократии. Это было особенно характерно для старой знати «меча», состояние многих из которых за последнее столетие ухудшилось. Между тем рост земельной ренты означал, что аристократы с более крупными поместьями становились менее зависимыми от королевских назначений, синекур и пенсий, чем в семнадцатом и начале восемнадцатого века.

Духовенство и дворянство были привилегированным классом. У них были определенные особые привилегии в дополнение к феодальным привилегиям. Они были освобождены от уплаты любых видов налогов. Они платили феодальные налоги, взимаемые после представителей низжего сословия.

Во Франции период правления Наполеона Бонапарта ознаменован реформированием законодательства. Равенство перед законом было по большей части усилено за счет масштабных новых кодексов Наполеона и отмены наследственных привилегии среди взрослых мужчин. Новые учебные заведения, находившиеся под контролем государства, открывали доступ к бюрократической и специализированной технической подготовке для большинства населения страны [2, с. 230].

Таким образом, эволюция института привилегий в зарубежных странах позволила выделить ряд закономерностей:

1) Правовое регулирование привилегий берет свое начало с начала государственности и их развитие продолжалось на всем этапе развития государственности. Особенно ярко привилегии выражаются в традициях и обычаях, которые хоть и являются формальностью, выражающей взаимоуважение, но соблюдаются с особой строгостью. Изначально, привилегии не имели формального закрепления, а выходили из традиций и обычаев и являлись негласным правилом. Лишь в более поздний период началась регламентация привилегий в виде указов правителей государств.

2) Исследование истории отдельных государств указывает на отсутствие окончательного закрепления привилегий в процессе формирования нормативного пласта для наиболее эффективного действия данных норм. Правовой анализ демонстрирует, что в различные эпохи возникали споры относительно объемов и необходимости предоставления преимуществ, так как некоторые представители привилегированных сословий злоупотребляли своими правами и оставались безнаказанными.

3) Разнообразная история развития законодательства различных стран наглядно демонстрирует, что защита привилегий это, прежде всего, разработка внутригосударственных механизмов по защите преимуществ отдельных сословий и обеспечение их максимально эффективными полномочиями по поддержанию установленного порядка в государстве.

4) Вопросы предоставления привилегий протекало достаточно долгое время по причине постоянного изменения многих факторов, одним из которых является курс развития государства. Результатами деятельности политических факторов и ситуации на внутригосударственном уровне стало принятие законов, регулирующие сферу прав и свобод человека, в том числе и вопросы, касающиеся привилегий.

Список литературы:
1. Mommsen Th. Das Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. – S. 1078.
2. Альфред, Э. Восточная деловая практика и средневековая европейская торговля / Э. Альфред // The Economic History Review. –1968. – 21.– С. 230–243.
3. Байдарова, М. А. Генезис исключений в рамках правовой жизни: теория и практика / М. А Байдарова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 2(170). – С. 47-50.
4. Герберт, Дж. Сравнительная история права: ее роль в анализе современных ближневосточных правовых институтов / Дж. Герберт // Американский журнал сравнительного правоведения. – 1972. – № 20. – С. 38–52.
5. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Д: издательство «Феникс», 1997. – 576 с.
6. Емельянов, А. С. Торговые привилегии в истории права и государства Китая в начале XIX века / А. С. Емельянов // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования : сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции, Курск, 14 ноября 2019 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 174-175.
7. Коломиец, Р. И. Парламентские привилегии в законодательстве некоторых зарубежных стран / Р. И. Коломиец // Крымский Академический вестник. – 2017. – № 4. – С. 92-96.
8. Петиция о праве, Электронный ресурс – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Petition_of_Right (дата обращения 26.01.2024)
9. Поправка XIV (Гарантируется равенство граждан США). – URL: https://state-usa.ru/usa-constitution/215- popravki-k-konstitutsii-ssha#p14 (дата обращения: 25.01.2024).
10. Поправка XV (Вводится активное избирательное право для цветного населения и бывших рабов) – URL: https://state-usa.ru/usa-constitution/215-popravki-k-konstitutsii-ssha#p15 (дата обращения: 25.01.2024).
11. Потемкин В.П. История дипломатии. Том 1. С древнейших времен до нового времени / В.П. Потемкин. - М.: Директ-Медиа, 2015. - 543с.
12. Сафронова, А. Л. Судьбы княжеских династий в Республике Индия / А. Л. Сафронова // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 8. – С. 20-25.
13. Свод законов династии Мин – URL: http://drevlit.ru/docs/kitay/XIV/1360-1380/Svod_zakonov_Min/Zakony_o_sol_monopolii/text.php(дата обращения 24.01.2024)
14. Свод законов династии Тан – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VII/640-660/Tan_ug_Zakon_1/framevved1.htm (дата обращения 24.01.2024)
15. Слёзкин, Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд. 1630–1642. М.: Наука, 1980. URL: https://www.indiansworld.org/sredi-neotlozhnyh-zabot-gubernator-uilyam-bredford-beretsya-za-sostavlenie-letopisi-upravlyaemoy-im#.XmSldvRS_IU (дата обращения: 29.01.2024).
16. Суменков, С. Ю. Привилегия как неотъемлемый атрибут средневекового права: теоретический и исторический аспекты (на примере правовых памятников Западной Европы, Беларуси, России) / С. Ю. Суменков // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : Зборнік навуковых артыкулаў па матэрыялах канферэнцыі, Мінск, 19–20 октября 2018 года / БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ; Рэдакцыйная калегія: С. А. Балашэнка (гал. рэд.), С. А. Калінін (нам. гал. рэд.), С. М. Сивец, А. І. Малюгін (нам. гал. рэд.), В. А. Шаршун, Т. І. Доўнар (навук. рэд.), А. В. Шыдлоўскі, Л. Л. Голубева, А. І. Арлоўская, В. Ю. Вячорка. – Мінск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 32-38.
17. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – С. 78–86.
18. Хань Фэй-цзы: Чэнь Ци-ю. Хань Фэй-цзы цзиши, т. I-П. Шанхай, 1958. Перевод: Е. П. Синицын и В. С.Спирин. – URL: https://www.rulit.me/books/drevnekitajskaya-filosofiya-sobranie-tekstov-v-dvuh-tomah-read-509671-151.html (дата обращения: 25.01.2024).
19. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века. М.: Норма, 2007. – 816 с.

Apkaev D. M. Retrospective analysis of the development of privileges in the law of foreign states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 12 – 20.

In different historical eras, privileges had varying degrees of expression and necessity. Initially, religious and traditional norms played a fundamental role in all spheres of social life and were also a kind of prescription regarding methods, methods and rules of interaction at all levels of life. But in the process of globalization and frequent interactions at the external level, it became necessary to establish certain rules for the interactions of people with each other, because traditions and customs of states and peoples were sometimes very different in nature. In this regard, states adopted internal acts that regulated all spheres of life and functioning of the state. The adopted regulations helped to completely stabilize a unified approach to establishing the necessary privileges for certain classes, since they differed from each other. Exceptions, due to their objective nature, are reflected in the earliest forms of social regulation - the customs and traditions of the primitive system.

Key words: privilege, social inequality, development of law, benefits, legislation.

Spisok literatury:

1. Mommsen Th. Das Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. – S. 1078.
2. Al'fred, E. Vostochnaya delovaya praktika i srednevekovaya yevropeyskaya torgovlya / E. Al'fred // The Economic History Review. –1968. – 21.– S. 230–243.
3. Baydarova, M. A. Genezis isklyucheniy v ramkakh pravovoy zhizni: teoriya i praktika / M. A Baydarova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2019. – № 2(170). – S. 47-50.
4. Gerbert, Dzh. Sravnitel'naya istoriya prava: vevе rol' v analize sovremennykh blizhnevostochnykh pravovykh institutov / Dzh. Gerbert // Amerikanskiy zhurnal sravnitel'nogo pravovedeniya. – 1972. – № 20. – S. 38–52.
5. Dzhons A.KH.M. Gibel' antichnogo mira. Rostov n/D: izdatel'stvo «Feniks», 1997. – 576 s.
6. Yemel'yanov, A. S. Torgovyye privilegii v istorii prava i gosudarstva Kitaya v nachale XIX veka / A. S. Yemel'yanov // Gosudarstvo i pravo: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya : sbornik nauchnykh trudov 2-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Kursk, 14 noyabrya 2019 goda. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 174-175.
7. Kolomiyets, R. I. Parlamentskiye privilegii v zakonodatel'stve nekotorykh zarubezhnykh stran / R. I. Kolomiyets // Krymskiy Akademicheskiy vestnik. – 2017. – № 4. – S. 92-96.
8. Petitsiya o prave, Elektronnyy resurs – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Petition_of_Right (data obrashcheniya 26.01.2024).
9. Popravka XIV (Garantiruyetsya ravenstvo grazhdan SSHA). – URL: https://state-usa.ru/usa-constitution/215- popravki-k-konstitutsii-ssha#p14 (data obrashcheniya: 25.01.2024).
10. Popravka XV (Vvoditsya aktivnoye izbiratel'noye pravo dlya tsvetnogo naseleniya i byvshikh rabov) – URL: https://state-usa.ru/usa-constitution/215-popravki-k-konstitutsii-ssha#p15 (data obrashcheniya: 25.01.2024).
11. Potemkin V.P. Istoriya diplomatii. Tom 1. S drevneyshikh vremen do novogo vremeni / V.P. Potemkin. - M.: Direkt-Media, 2015. - 543s.
12. Safronova, A. L. Sud'by knyazheskikh dinastiy v Respublike Indiya / A. L. Safronova // Aziya i Afrika segodnya. – 2020. – № 8. – S. 20-25.
13. Svod zakonov dinastii Min – URL: http://drevlit.ru/docs/kitay/XIV/1360-1380/Svod_zakonov_Min/Zakony_o_sol_monopolii/text.php(data obrashcheniya 24.01.2024)
14. Svod zakonov dinastii Tan – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VII/640-660/Tan_ug_Zakon_1/framevved1.htm (data obrashcheniya 24.01.2024)
15. Slozkin, L. YU. U istokov amerikanskoy istorii. Massachusets, Merilend. 1630–1642. M.: Nauka, 1980. URL: https://www.indiansworld.org/sredi-neotlozhnyh-zabot-gubernator-uilyam-bredford-beretsya-za-sostavlenie-letopisi-upravlyaemoy-im#.XmSldvRS_IU (data obrashcheniya: 29.01.2024).
16. Cumenkov, S. YU. Privilegiya kak neot"yemlemyy atribut srednevekovogo prava: teoreticheskiy i istoricheskiy aspekty (na primere pravovykh pamyatnikov Zapadnoy Yevropy, Belarusi, Rossii) / S. YU. Sumenkov // Statut Vyalíkaga Knyastva Lítoŭskaga, Ruskaga í Zhamoytskaga 1588 g.: da 430-goddzya vydannya : Zborník navukovykh artykulaŭ pa materyyalakh kanferentsyí, Mínsk, 19–20 kastryčnika 2018 goda / BELARUSKÍ DZYARZHAŬNY ŬNÍVERSÝTET; Redaktsyynaya kalegíya: S. A. Balashenka (gal. red.), S. A. Kalínín (nam. gal. red.), S. M. Sivets, A. Í. Malyugín (nam. gal. red.), V. A. Sharshun, T. Í. Doŭnar (navuk. red.), A. V. Shydloŭskí, L. L. Golubeva, A. Í. Arloŭskaya, V. YU. Vyachorka. – Mínsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. – S. 32-38.
17. Federalist: Politicheskiye esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya. – M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Litera», 1994. – S. 78–86.
18. Khan' Fey-tszy: Chen' Tsi-yu. Khan' Fey-tszy tszishi, t. I-P. Shankhay, 1958. Perevod: Ye. P. Sinitsyn i V. S.Spirin. – URL: https://www.rulit.me/books/drevnekitajskaya-filosofiya-sobranie-tekstov-v-dvuh-tomah-read-509671-151.html (data obrashcheniya: 25.01.2024).
19. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran: V 2 t. / Otv. red. d. yu. n., prof. N. A. Krasheninnikova. T. 1: Drevniy mir i Srednive veka. M.: Norma, 2007. – 816 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 21–29.

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Боер В. М.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения»

Террористические действия создают угрозу для интересов демократического общества. Акты терроризма создают предпосылки для существенного ограничения основных прав и свобод человека. В краткосрочной перспективе под лозунгом борьбы с терроризмом происходит укрепление аппарата принуждения, производится многофункциональное переоснащение силовых структур, в том числе сыскных и связанных с ними служб, устанавливаются запреты на отправление международно признанных прав и свобод, вводится чрезвычайное, иногда военное положение, но, как правило, режим контртеррористической операции. Автор обращает внимание на ключевую роль, которую играют положения о порядке объявления и отмены контртеррористической операции, об ответственности за неисполнение законных требований должностных лиц в период её проведения, а также о мерах по обеспечению безопасности гражданского населения. При проведении контртеррористических операций начинают действовать специфические нормы права, модифицирующие стандартные положения о правах и свободах человека ради высшей цели – защиты жизни и здравия граждан от террористических угроз.

Ключевые слова: правовой режим, контртеррористическая операция, механизм, стадии, терроризм.

Современный мир сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами национальной и глобальной безопасности, среди которых терроризм занимает одно из ключевых мест. Терроризм как явление возник не в наше время, однако с развитием технологий и глобализацией его масштабы и последствия значительно расширились. Рассмотрение правового режима контртеррористической операции в России требует углубленного анализа теоретико-правовых основ этого процесса.

Терроризм как социально-политическое явление существует столько, сколько существует государственность. В различные исторические эпохи он принимал разные формы, но его основная цель оставалась неизменной – дестабилизация общества путем создания атмосферы страха и неопределенности. С точки зрения права, терроризм – это серьезное преступление, направленное на подрыв основ конституционного строя и безопасности человека.

Гражданам обеспечивается защита от актов терроризма, одновременно они должны соблюдать требования безопасности и оказывать содействие компетентным органам при проведении контртеррористических операций. Особенно пагубно акты терроризма сказываются на интересах простых граждан и всех тех, кто выступают за мир, демократию, национальное освобождение, социальный прогресс и социализм. Наносимый ими ущерб распространяется не только на какую-то специфическую часть населения или группу государств, но и на все международное сообщество в целом. Терроризм замедляет общественное развитие, ослабляет эффективность международного сотрудничества, затрудняет решение общих проблем, стоящих перед человечеством, препятствует демократизации международных отношений.

Контртеррористическая операция в РФ регулируется комплексом нормативных актов. Ключевым документом, определяющим правовые рамки режима контртеррористической операции, является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который устанавливает понятия, принципы и порядок проведения контртеррористических мероприятий. Закон чётко делегирует полномочия по проведению контртеррористической операции соответствующим органам федеральной власти – ФСБ, МВД, войскам национальной гвардии и другим спецслужбам и органам исполнительной власти. Соответствующие органы обладают расширенными полномочиями для быстрого реагирования на угрозы терактов.

В период контртеррористической операции права и свободы граждан могут быть временно ограничены в интересах обеспечения безопасности. Гражданам важно быть бдительными и оказывать помощь органам государственной власти, в том числе оперативно докладывать информацию, содержащую в себе сведения о терроризме. Все это необходимо для того, чтобы своевременно предупредить теракты и сохранить жизни населения. Россия взаимодействует с ООН и другими организациями в целях борьбы с международным терроризмом. Законы любой страны должны быть направлены на защиту граждан, но при этом данные нормативные правовые акты нуждаются в адаптации к правам человека. Противодействие терроризму опирается на строгие нормы и разнообразные методы обеспечения безопасности.

Террор – серьезная угроза современности, отличающаяся беспощадностью. В качестве контрмер, многие страны ввели законодательные акты и создали спецслужбы для его подавления. В 1990-х гг. Российская Федерация начала активную борьбу с террором: были приняты соответствующие законы и сформированы специальные подразделения. Правовые нормы регламентируют стратегию противодействия террористической деятельности, обязанности органов власти и права граждан.

Изучение эволюции правовых механизмов противодействия терроризму позволяет лучше понять специфику отечественного юридического поля этой области и определить перспективы его развития на новом этапе – XXI в. Это также помогает углубленно анализировать текущие вызовы и угрозы безопасности страны для разработки эффективной стратегии антитеррористической политики на будущее.

Терроризм как социальное явление имеет долгую историю. Он прошел через множество этапов эволюции, начиная от использования террора как метода борьбы за политическую власть до современных форм международного терроризма, характеризующихся высоким уровнем жестокости и беспрецедентным масштабом последствий.

Зарубежный опыт противодействия терроризму неоднозначен и разнообразен. Многие государства разработали специализированные законы и подзаконные акты, создали специальные антитеррористические подразделения, а также определили комплекс мер по предупреждению и нейтрализации угроз. В России борьба с терроризмом начала приобретать системный характер лишь к концу XX века. Значимыми этапами стали принятие специализированного законодательства, формирование правоохранительных органов со специальными полномочиями по борьбе с террористической деятельностью. Сравнивая российское законодательство с нормами права зарубежных стран, можно отметить стремление к унификации и гармонизации норм на международной арене при сохранении особенностей национального подхода.

Власти России активизировали меры по противодействию террористическим угрозам, усилив при этом контроль и законодательное регулирование. Терроризм, угрожающий безопасности граждан, находится в фокусе государственных структур, разрабатывающих методы борьбы с ним.

В дореволюционной России не существовало специализированного законодательства против террористических актов. Государственная реакция ограничивалась ответными мерами на конкретные преступления вроде покушений и незаконного оборота оружия. Однако после ряда терактов и беспорядков в начале XX века начали формироваться законы против политического насилия.

После Октябрьской революции 1917 г. большевики занялись решительной борьбой с терроризмом, считая его угрозой новой власти. В период с 1917 по 1922 годы был создан ряд законов для жёсткой ликвидации терроризма, что привело к обширным репрессиям.

В СССР законодательство по борьбе с терроризмом развивалось параллельно с созданием юридических теорий. Основополагающие нормы в этой сфере были заложены в Конституции 1936 г., которая включала положения о защите государственной безопасности и борьбе с террористическими актами. С годами усиливалась законодательная база противодействия бандитизму и преступлениям против государства.

Серьезный импульс в антитеррористической политике произошёл после распада СССР, когда был принят специальный закон о терроризме. В конце XX в. Россия активно модернизировала и пересматривала свои законы для борьбы с терроризмом. Принимается несколько федеральных законов, направленных на создание единой системы предупредительных мер и методов реагирования на теракты, в итоге Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 1998 г. стал основополагающим документом данной области.

Терроризм, будучи одной из наиболее актуальных угроз современности, требует всестороннего и эффективного реагирования на международном уровне. Законодательные меры противодействия терроризму занимают ключевую позицию в стратегии обеспечения национальной и глобальной безопасности. В этом контексте особый интерес представляет сравнительный анализ норм права Российской Федерации и законодательства зарубежных стран.

Российское законодательство в сфере противодействия терроризму базируется на ряде фундаментальных нормативных правовых актов, в частности, Федеральный закон «О противодействии терроризму», который определяет организационные и правовые основы борьбы с террористической деятельностью, а также направлен на защиту личности, общества и государства от террористических угроз. Особенностью данного закона является комплексный подход к проблеме – регламентация не только реакции на террористические акты, но и профилактика терроризма, система мер по предупреждению террористической деятельности.

Зарубежное законодательство в области борьбы с терроризмом также разнообразно и отражает специфику политической и правовой систем каждого государства.

В США ключевым нормативным актом является «Патриотический акт» (USA Patriot Act), принятый после событий 11 сентября 2001 г. Акт значительно расширил полномочия правоохранительных органов в части слежки и проведения разведыва-

тельной деятельности, что вызывало определённые опасения со стороны защитников гражданских свобод.

В странах Евросоюза ориентир делается на кооперацию между странами, входящими в данный союз, с целью эффективного расследования и предотвращения терактов. Рамочное решение Совета Евросоюза от 13 июня 2002 г. устанавливает минимальные нормы для определения террористических преступлений в уголовном праве данных стран. В Великобритании в последние годы было принято несколько значимых законов, таких как Terrorism Act 2000, который вводит широкое определение терроризма и даёт полиции широкие полномочия для задержания подозреваемых без предъявления обвинений. Также в Великобритании имелось расширение полномочий спецслужб при одновременном создании новых институтов контроля за этими службами.

Проведя анализ основных норм права Российской Федерации и зарубежных стран можно выделить как общие черты, так и специфические различия. Общим является признание серьезности угрозы терроризма и необходимость комплексного подхода к его противодействию. Россия стремится к повышению эффективности контрразведывательной деятельности при минимальном ограничении прав своих граждан, уважаемая при этом каждого субъекта права. В США послабления в области защиты персональных данных вызывали споры относительно соответствия мер конституции. В некоторых странах Евросоюза выделяются координированные механизмы партнёрства между членами государств, участвующих в вопросах противодействия терроризму.

Таким образом, анализ показывает, что каждая страна формирует свой подход к борьбе с террором, основываясь на своей юридической системе, социокультурных ценностях и конкретных вызовах безопасности. При этом международное сотрудничество играет ключевую роль в обмене информацией и координации действий для создания единого фона перед лицом глобальной угрозы.

Механизм и стадии проведения правового режима контртеррористической операции складываются из ряда последовательных действий, направленных на организацию и осуществление мер по противодействию терроризму. Особенность таких операций заключается в необходимости быстрого реагирования на угрозы и высоком уровне координации действий различных подразделений.

Механизм введения правового режима контртеррористической операции начинается с момента обнаружения признаков террористической активности или непосредственного совершения теракта. По закону, право на введение такого режима имеет ряд уполномоченных органов, к числу которых относятся представители органов федеральной безопасности, внутренних дел и прочие структуры, задействованные в борьбе с терроризмом.

С точки зрения теории права, механизм проведения контртеррористической операции требует четкого понимания корреляции между правами и свободами человека и потребностями общественной безопасности. Это баланс интересов требует юридически обоснованных методик ограничения отдельных конституционных прав при одновременном сохранении основополагающих начал правопорядка.

Исследования учёных-правоведов позволяют осмыслить эффективность применяемых механизмов контртеррористических операций, выявить проблемные зоны и предложить пути оптимизации действующего законодательства.

Гражданам обеспечивается защита от актов терроризма, одновременно они должны соблюдать требования безопасности и оказывать содействие компетентным органам при проведении контртеррористических операций.

В период проведения контртеррористической операции граждане сохраняют за собой основные конституционные права: право на жизнь – каждый человек имеет право на защиту своей жизни и здоровья. Органы власти обязаны принимать меры для минимизации угрозы для граждан; право на информацию – каждый человек имеет право получать достоверную информацию о состоянии окружающей обстановки, ходе и результатах контртеррористической операции; право на свободу передвижения – это право может быть ограничено только в зонах прямого проведения операций и только с целью обеспечения их безопасности; право на частную собственность – конфискация имущества возможна лишь по решению суда, если это имущество использовалось или предназначалось для террористической деятельности; право на социальную защиту – в случаях потери кормильца или работы из-за контртеррористических мероприятий, государством предусмотрена помощь и поддержка пострадавших.

В то же время на гражданина возлагается ряд специальных обязательств: соблюдение законов и порядка – неукоснительное следование предписаниям законодательства и требованиям сил, осуществляющих контртеррористические мероприятия; сотрудничество с органами власти – сообщение информации о лицах или действиях, подозрительных в террористической деятельности; прохождение процедур проверок – выполнение требований по прохождению личной проверки, проверке личных вещей и транспортных средств; осуществление эвакуации – приказ о немедленной эвакуации должен выполняться безоговорочно для сохранения жизни и здоровья; невмешательство в операцию – любые попытки самостоятельного вмешательства или помощи спецслужбам без разрешения запрещены.

Особое значение имеет баланс между необходимостью обеспечения безопасности и сохранением основных прав человека. Каждое из этих прав может быть временно ограниченно.

Теоретико-правовой аспект данных мер заключается в понимании того, что защита от терроризма является одной из функций социального государства, которое стремится к созданию условий для нормального функционирования всех институтов общества и безопасности каждого индивида.

Контекст этих положений выходит за рамки узко юридического регулирования; он также затрагивает политический строй, экономическую систему и культурные ценности общества, что требует комплексного подхода к рассмотрению феномена терроризма.

Территориальная граница контртеррористической операции определяется как конкретная область, в которой осуществляется оперативно-розыскная деятельность, а также проводятся антитеррористические мероприятия. Это может быть здание, сооружение, отдельный район или даже целый населённый пункт. Границы устанавливаются постановлением соответствующего руководителя операции с учётом сложившейся обстановки и потенциальной опасности для населения.

Зона, в пределах которой проводится контртеррористическая операция, определяется в случае непосредственной угрозы совершения террористического акта либо в ходе активных боевых действий с террористами. В этом районе временно ограни-

чивается свобода передвижения, устанавливаются специальные режимы проверок лиц и транспорта, могут быть приостановлены или ограничены любые действия, которые могут помешать проведению операции или создать дополнительные риски для безопасности субъектов права.

Временные рамки контртеррористической операции также имеют крайне важное значение, поскольку эффективность антитеррористических мероприятий напрямую зависит от скорости реакции на угрозу. Начало операции фиксируется с момента официального объявления зоны проведения контртеррористической операции и длится до полного выполнения задач – ликвидации террористической угрозы или задержания преступников.

Для минимизации негативного воздействия на жизнь общества временные границы должны быть максимально сжатыми. Тем не менее нельзя упускать из виду необходимость досконального планирования операций и последующей тщательной разработки всех возможных сценариев развития событий.

С правовой точки зрения, установление временных и территориальных рамок контртеррористической операции осуществляется на основании ФЗ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и других нормативных правовых актов, касающихся безопасности государства. Такое правовое регулирование позволяет координировать действия всех служб и минимизировать вероятность юридических коллизий в процессе пресечения теракта.

Также автор обращает внимание на ключевую роль, которую играют положения о порядке объявления и отмены контртеррористической операции, об ответственности за неисполнение законных требований должностных лиц в период её проведения, а также о мерах по обеспечению безопасности гражданского населения.

Таким образом, при проведении контртеррористических операций начинают действовать специфические нормы права, модифицирующие стандартные положения о правах и свободах человека ради высшей цели – защиты жизни и здравия граждан от террористических угроз.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г.
2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» : в ред. Федерального Конституционного закона от 3 июля 2016 г. № 6-ФКЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277; 2016. – № 27, ч. 1. – Ст. 4153.
3. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» : в ред. Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269; 2023. – № 1, ч. 1. – Ст. 85.
4. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (утратил силу). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.
5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» : в ред. Федерального закона от 26 мая 2021 г. № 155-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146; 2021. – № 22. – Ст. 3690.
6. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27, ч. 1. – Ст. 4159 ; 2023. – № 1, ч. 1. – Ст. 85.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2008 г. № 278 «О возмещении расходов, связанных с использованием при проведении контртеррористической операции транспортных средств, принадлежащих организациям или физическим лицам». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 16. – Ст. 1703.

8. The Terrorism Act 2000, section 130(1); this is subject to sections 130(2) to (6) which provide that sections 59 to 61, Part VII and Schedules 5, 15 and 16 do not extend to the United Kingdom.
9. Боер, В. М. Правовая компетентность и гражданская активность личности / В. М. Боер // Закон. Право. Государство. – 2019. – № 3(23).
10. Боер, В. М. Правовые предпосылки возникновения режима контртеррористической операции (теоретико-правовой аспект) / В. М. Боер // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 4(25). – С. 5-12.
11. Боер, В. М. Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях / В. М. Боер, В. Н. Шамрай // Бизнес в законе. – 2012. – № 3. – С. 161-164.
12. Боер, В. М. Человек как высшая ценность: конституционное измерение / В. М. Боер // Закон. Право. Государство. – 2022. – № 2(34). – С. 73-78.
13. Захарцев, С. И. Основные подходы к пониманию правовых режимов в контексте теории права (на примере правового режима контртеррористической операции) / С. И. Захарцев, В. В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 21-28.
14. Луценко, В. В. О внесении изменений в действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы национальной безопасности Российской Федерации (на примере специальной военной операции / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 23-26.
15. Луценко, В. В. Основные направления правового воздействия государства на общественные отношения (на примере коммуникативной функции права) / В. В. Луценко, Е. С. Акименко, А. И. Сушицкий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. – Т. 33, № 2. – С. 339-343.
16. Луценко, В. В. Противодействие терроризму в условиях революционных движений 1905-1907 гг. (историко-правовой аспект) / В. В. Луценко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 3(20). – С. 5-7.
17. Луценко, В. Правовой режим контртеррористической операции (содержание и сущность) / В. Луценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 490-495.
18. Луценко, В. Правовой режим контртеррористической операции (содержание и сущность) / В. Луценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 490-495.
19. Михалев, Е. В. Правовой режим контртеррористической операции: к проблеме определения понятия / Е. В. Михалев // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2018. – № 24. – С. 100-104.
20. Нерсесянц В.С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.) // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1989. С. 22.
21. Рудьман, Д. С. Критерии ограничения прав и свобод граждан в условиях правового режима контртеррористической операции / Д. С. Рудьман // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – № 1(9). – С. 117-119.
22. Рудьман, Д. С. Особенности правового статуса граждан в условиях правового режима контртеррористической операции: теоретические аспекты / Д. С. Рудьман // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1(10). – С. 109-116.
23. Сальников, В. П. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 144-161.
24. Смолина, Д. В. Режим контртеррористической операции в контексте особых правовых режимов / Д. В. Смолина, А. В. Андреев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2016. – Т. 18, № 2. – С. 69-72.
25. Строителев, А. Н. Режимы чрезвычайного положения и контртеррористической операции - правовая основа в борьбе с терроризмом / А. Н. Строителев // Обозреватель. – 2010. – № 9(248). – С. 83-93.
26. Lucenko V. V., Semenova I. V. The regime of counter-terrorism operation as a special integrated legal institution. In: Military law. 2021; 4(68): 56–60.

Boer V.M. Legal regulation in the process of countering terrorism (theoretical and legal analysis) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 21–29.

Terrorist acts pose a threat to the interests of a democratic society. Acts of terrorism create the preconditions for significant restrictions on fundamental human rights and freedoms. In the short term, under the slogan of the fight against terrorism, the coercive apparatus is being strengthened, a multifunctional re-equipment of security forces is being carried out, including detective and related services, bans are being established on the exercise of internationally recognized rights and freedoms, a state of emergency, sometimes martial law, is being introduced, but, as a rule, , counter-terrorism operation mode. The author draws attention to the key role played by the provisions on the procedure for declaring and canceling a counter-terrorism operation, on liabil-

ity for failure to fulfill the legal demands of officials during its implementation, as well as on measures to ensure the safety of the civilian population. When conducting counter-terrorism operations, specific rules of law come into force, modifying standard provisions on human rights and freedoms for the sake of the highest goal - protecting the life and health of citizens from terrorist threats.

Keywords: legal regime, counter-terrorism operation, mechanism, stages, terrorism.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrenny`mi obshherossijskim golosovaniem 1 iyulya 2020 g.
2. Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 30 maya 2001 g. № 3-FKZ «O chrezvy`chajnom polozhenii» : v red. Federal`nogo Konstitucionnogo zakona ot 3 iyulya 2016 g. № 6-FKZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 23. – St. 2277 ; 2016. – № 27, ch. 1. – St. 4153.
3. Federal`ny`j zakon ot 3 aprelya 1995 g. № 40-FZ «O federal`noj sluzhbe bezopasnosti» : v red. Federal`nogo zakona ot 29 dekabrya 2022 g. № 638-FZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1995. – № 15. – St. 1269 ; 2023. – № 1, ch. 1. – St. 85.
4. Federal`ny`j zakon ot 25 iyulya 1998 g. № 130-FZ «O bor`be s terrorizmom» (utratil silu). – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1998. – № 31. – St. 3808.
5. Federal`ny`j zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» : v red. Federal`nogo zakona ot 26 maya 2021 g. № 155-FZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2006. – № 11. – St. 1146 ; 2021. – № 22. – St. 3690.
6. Federal`ny`j zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskax nacional`noj gvardii Rossijskoj Federacii» : v red. Federal`nogo zakona ot 29 dekabrya 2022 g. № 638-FZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 27, ch. 1. – St. 4159 ; 2023. – № 1, ch. 1. – St. 85.
7. Postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 16 aprelya 2008 g. № 278 «O vozmeshhenii rasxodov, svyazanny`x s ispol`zovaniem pri provedenii kontrterroristicheskoj operacii transportny`x sredstv, prinadlezhashhix organizaciyam ili fizicheskim liczam». – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2008. – № 16. – St. 1703.
8. The Terrorism Act 2000, section 130(1); this is subject to sections 130(2) to (6) which provide that sections 59 to 61, Part VII and Schedules 5, 15 and 16 do not extend to the United Kingdom.
9. Boer, V. M. Pravovaya kompetentnost` i grazhdanskaya aktivnost` lichnosti / V. M. Boer // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. – 2019. – № 3(23).
10. Boer, V. M. Pravovy`e predposy`lki vozniknoveniya rezhima kontrterroristicheskoj operacii (teoretiko-pravovoj aspekt) / V. M. Boer // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional`noj gvardii. – 2024. – № 4(25). – S. 5-12.
11. Boer, V. M. Teoretiko-pravovoe obespechenie obshhestvennogo poryadka i obshhestvennoj bezopasnosti v sovremenny`x usloviyax / V. M. Boer, V. N. Shamraj // Biznes v zakone. – 2012. – № 3. – S. 161-164.
12. Boer, V. M. Chelovek kak vy`sshaya cennost`: konstitucionnoe izmerenie / V. M. Boer // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. – 2022. – № 2(34). – S. 73-78.
13. Zaxarcev, S. I. Osnovny`e podxody` k ponimaniyu pravovy`x rezhimov v kontekste teorii prava (na primere pravovogo rezhima kontrterroristicheskoj operacii) / S. I. Zaxarcev, V. V. Lucenko // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. – 2022. – № 12. – S. 21-28.
14. Lucenko, V. V. O vnesenii izmenenij v dejstvuyushhie normativny`e pravovy`e akty`, reguliruyushhie voprosy` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (na primere special`noj voennoj operacii / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voenno-yuridicheskij zhurnal. – 2024. – № 1. – S. 23-26.
15. Lucenko, V. V. Osnovny`e napravleniya pravovogo vozdejstviya gosudarstva na obshhestvenny`e otnosheniya (na primere kommunikativnoj funkcii prava) / V. V. Lucenko, E. S. Akimenko, A. I. Sushiczkij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. – 2024. – T. 33, № 2. – S. 339-343.
16. Lucenko, V. V. Protivodejstvie terrorizmu v usloviyax revolyucionny`x dvizhenij 1905-1907 gg. (istoriko-pravovoj aspekt) / V. V. Lucenko // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional`noj gvardii. – 2022. – № 3(20). – S. 5-7.
17. Lucenko, V. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoj operacii (soderzhanie i sushhnost`) / V. Lucenko // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 9, № 3. – S. 490-495.
18. Lucenko, V. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoj operacii (soderzhanie i sushhnost`) / V. Lucenko // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 9, № 3. – S. 490-495.
19. Mixalev, E. V. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoj operacii: k probleme opredeleniya ponyatiya / E. V. Mixalev // Vestnik Xakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 2018. № 24. – S. 100-104.
20. Nersesyancz V.S. Prava cheloveka v istorii politicheskoj i pravovoj my`sli (ot drevnosti do Deklaracii 1789 g.) // Prava cheloveka v istorii chelovechestva i v sovremennom mire. M., 1989. S. 22.
21. Rud`man, D. S. Kriterii ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyax pravovogo rezhima kontrterroristicheskoj operacii / D. S. Rud`man // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2009. № 1(9). S. 117-119.

22. Rud`man, D. S. Osobennosti pravovogo statusa grazhdan v usloviyax pravovogo rezhima kontrterroristicheskoj operacii: teoreticheskie aspekty` / D. S. Rud`man // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. – 2009. – № 1(10). – S. 109-116.
23. Sal`nikov, V. P. Vojska nacional`noj gvardii i vozlagaemy`e na nix zadachi: uchastie v obespechenii rezhimov chrezvy`chajnogo polozheniya, voennogo polozheniya, pravovogo rezhima kontrterroristicheskoj operacii / V. P. Sal`nikov, E. N. Kondrat, O. S. Borisov // Pravovoe pole sovremennoj e`konomiki. – 2016. – № 9. – S. 144-161.
24. Smolina, D. V. Rezhim kontrterroristicheskoj operacii v kontekste osoby`x pravovy`x rezhimov / D. V. Smolina, A. V. Andreev // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – T. 18, № 2. – S. 69-72.
25. Stroitelev, A. N. Rezhimy` chrezvy`chajnogo polozheniya i kontrterroristicheskoj operacii - pravovaya osnova v bor`be s terrorizmom / A. N. Stroitelev // Obozrevatel`. – 2010. – № 9(248). – S. 83-93.
26. Lucenko V. V., Semenova I. V. The regime of counter-terrorism operation as a special integrated legal institution. In: Military law. 2021;4(68): 56–60.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 30–34.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НКВД СССР ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бутов С. В.
Петербургский военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье дается понятие юридической ответственности и ее роль в качестве гарантии исполнения военнослужащими своей обязанности по вооруженной защите Отечества. Раскрываются особенности юридической ответственности военнослужащих войск НКВД в условиях военного времени. Приводится нормативная база дисциплинарной и уголовной ответственности фронтовиков в годы Великой Отечественной войны, показаны наиболее распространенные виды преступлений, совершаемые в войсках внутреннего предназначения в военные годы, а также возможность замены наказания отправкой военнослужащего в штрафное подразделение на самый сложный участок фронта с целью предоставить ему возможность своей доблестью и кровью искупить вину перед Родиной. В заключение отмечается, что юридическая ответственноттть в условиях военного времени характеризовалась применением более строгих санкций, возможностью внесудебной расправы с правонарушителями, смешением признаков дисциплинарной и уголовной ответственности, процессуальными мерами, направленными на замену наказания отправкой на фронт.

Ключевые слова: юридическая ответственность, военнослужащие, войска НКВД, законы военного времени, штрафные подразделения, Великая Отечественная война.

Основным элементом правового статуса военнослужащих является юридическая ответственность. «Включение юридической ответственности в правовой статус военнослужащих не случайно, ей отводится роль гарантии надлежащего выполнения военнослужащими своих обязанностей» [1, с 61]. Тройственный состав правового статуса (юридические права, обязанности и ответственность) свойственен специальным субъектам правоотношений, реализующим наиболее важные государственные функции, например, педагогическим работникам, военнослужащим и иным государственным служащим. Тройственность характерна и для самой юридической ответственности. С одной стороны под ней можно понимать публичные правоотношения (права-обязанности) лица (органа), уполномоченного привлекать к юридической ответственности и правонарушителя, с другой – право должностных лиц, органов, государства на применение принудительных мер, а с третьей – обязанность лица претерпевать неблагоприятные для него последствия в случае совершения правонарушения.

В годы Великой Отечественной войны от качества выполнения военнослужащими войск НКВД своих обязанностей по вооруженной защите Отечества завесила не только успешность войсковой или специальной операции, но и жизнь тысяч людей. Не случайно, поэтому, в военные годы юридическая ответственность за выполнение обязанностей военной службы носила более строгий характер и наступала по законам военного времени в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [2]. На территориях, где вводилось военное положение, действовал следующий порядок:

- уголовная ответственность устанавливалась не только союзными

законодательными органами, но и правовыми актами чрезвычайных органов власти, а также приказами и директивами НКО, НКВД, НКЮ СССР;

- дела о преступлениях военного времени попадали под юрисдикцию военных трибуналов;

- вступали в действие статьи уголовного кодекса, для которых военное время являлось условием или юридическим фактом для их применения. Как правило, санкции этих статей предусматривали высшую меру наказания;

- военное время давало право внесудебной расправы как над проявившими на поле боя трусость военнослужащими, так и в тылу над гражданскими лицами, нарушившими требования военного законодательства.

Вместе с тем, судебная практика военных лет свидетельствует о том, что военное законодательство применялось и в областях, где военное положение введено не было. В частности, это касалось ответственности военнослужащих войск НКВД, находившихся в отпусках или на излечении по ранению в тыловых госпиталях страны.

Ужесточение юридической ответственности являлось чрезвычайной вынужденной мерой, направленной на усиление воинской дисциплины и правопорядка в войсках, поддержание боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил СССР в тот период времени, когда от решительных, самоотверженных и правомерных действий каждого военнослужащего зависела судьба всего советского народа.

В состав юридической ответственности военнослужащих войск НКВД по законам военного времени целесообразно включать такие виды ответственности как дисциплинарная и уголовная, так как именно на них условия военного времени оказали наибольшее влияние, а правоприменительная практика по дисциплинарным и уголовным правонарушениям получила широкое распространение на фронте.

Нормативная база дисциплинарной ответственности военнослужащих войск НКВД была заложена в предвоенный период. Специальным юридическим документом, регламентировавшим дисциплинарную ответственность военнослужащих войск НКВД, являлся Дисциплинарный устав Красной Армии 1940 года [3].

Согласно Уставу командный состав войск НКВД в отношении своих подчинённых обладал соответствующей своему статусу дисциплинарной властью. Военнослужащие подлежали дисциплинарной ответственности за совершённые дисциплинарные проступки.

Законы «военного времени требовали установления в войсках жесткой дисциплины, беспрекословного исполнения норм служебно-правовых актов и приказов командиров (начальников)» [4, с 74]. В зависимости от характера дисциплинарного нарушения, наступивших последствий, должностного положения виновного лица и ряда других факторов, дисциплинарный начальник обладал правом выбора меры дисциплинарной ответственности. Дисциплинарный устав предусматривал обширный список различных дисциплинарных взысканий материального и иного характера, влекущих неблагоприятные последствия для военнослужащих. Командир в рамках своих дисциплинарных полномочий мог объявить подчиненному замечание, выговор, лишить увольнения, части очередного отпуска, процентной надбавки к заработной плате за выслугу лет на срок до 6

месяцев, наложить арест с содержанием на гауптвахте, снизить в воинском звании или в должности, уволить в запас или отставку и др.

К особенностям дисциплинарной ответственности следует отнести то, что в боевой обстановке многие из перечисленных видов дисциплинарной ответственности к бойцам не применялись. Так, командиры (начальники) в боевой обстановке не применяли взыскания к фронтовикам за неопрятный внешний вид, нарушение формы одежды. По понятным причинам не полежало реализации дисциплинарное взыскание, предусматривающее увольнение с военной службы.

Значительное влияние военное время оказывало на уголовную ответственность военнослужащих войск НКВД. В СССР общего уголовного кодекса не существовало, республики самостоятельно осуществляли полномочия по принятию уголовных и уголовно-процессуальных кодексов, действовавших на их территории. Нормативную основу уголовной ответственности военнослужащих в РСФСР составлял Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. с изменениями, внесенными «Положением о преступлениях государственных» [5] и «Положением о воинских преступлениях» [6].

Анализ норм УК РСФСР 1926 г. дает представление о том, что условия военного времени и боевая обстановка являлись квалифицирующим признаком для ряда преступлений, при наличии которых к виновному лицу, как правило, применялась высшая мера наказания.

Понятие преступления было определено в ст. 6 УК РСФСР, как «всякое общественно-опасное действие или бездействие, направленное против основ советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [7]. В войсках внутреннего предназначения преобладали следующие виды преступлений: хищение, вымогательство, сон на посту и уход с него, взяточничество, нарушение службы конвоирования, утеря секретных документов и оружия, дезертирство [8]. За дезертирство и оставление боевых позиций в военное время к военнослужащим применялась высшая мера наказания. Расстрел дезертиров во время бегства с поля боя или перед строем после сражения был частым явлением.

Интересной особенностью обладал приказ НКО СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению воинской дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» [9]. Его нормы совмещали в себе в себе признаки как уголовной, так и дисциплинарной ответственности. Приказ требовал отправлять в штрафные подразделения «военнослужащих, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости для того, чтобы они искупили кровью свои преступления против Родины» [10, с 226–227]. В штрафбаты и штрафроты бойцы могли быть направлены как за грубое нарушение воинской дисциплины решением командира части, так и за совершение преступления на основании приговора военного трибунала.

За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафной роты обязан был применять все меры воздействия вплоть до расстрела на месте [11, с. 312–315].

Военные действия требовали постоянного пополнения воинских частей действующей армии личным составом, а направление осужденных военнослужащих в места лишения свободы не способствовало повышению боеспособности войск.

Поэтому в военное время широкое применение получило прим. 2 к ст. 28 УК, согласно которому «приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, мог быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию» [7]. Отличившиеся на фронте воины на основании ходатайства командира части могли рассчитывать на снятие судимости.

Суровая юридическая ответственность наступала не только за дезертирство, но и за расхищение или разбазаривание государственной собственности. Анализ уголовной практики в войсках НКВД показал, что весной 1942 г. из 279 военнослужащих, привлеченных к уголовной ответственности за расхищение и разбазаривание государственного имущества, «высшая мера наказания была применена к 97 воинам, лишение свободы на срок более 10 лет – к 82, на срок от 6 до 10 лет – к 40, на срок до 5 лет – к 60» [12].

Таким образом, юридическая ответственность военнослужащих войск НКВД по законам военного времени в годы Великой Отечественной войны характеризовалась применением более строгих санкций, возможностью внесудебной расправы с правонарушителями, смешением признаков дисциплинарной и уголовной ответственности, процессуальными мерами, направленными на замену наказания отправкой на фронт. Эти меры давали военнослужащим возможность своей доблестью в бою искупить вину за совершенные преступления с последующим снятием судимости и поражения в правах.

Список литературы:

1. Крижановская Г. Н. Особенности правового положения государственных служащих и военнослужащих в контексте категориального аппарата теории государства и права / Г. Н. Крижановская, С. В. Бутов // Юридическая наука: история и современность. – 2024. – № 8. – С. 59-65.
2. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // «Известия» от 24 июля 1941 г.
3. Дисциплинарный устав Красной Армии. – М.: Ленинград, 1941. – 32 с.
4. Бутов С. В. Дисциплинарная ответственность военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как ключевой элемент их правового статуса / С. В. Бутов // Актуальные вопросы административного законодательства: Сборник материалов всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 27 апреля 2023 года / Редакционная коллегия: И.С. Назарова, В.И. Кайнов. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2023. – С. 73-79.
5. Положение о преступлениях государственных, принятое 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета СССР 25 февраля 1927 года // СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123.
6. Положение о воинских преступлениях, принятое ЦИК СССР 27 июля 1927 г. // СЗ СССР. 1927. № 50. Ст. 504.
7. Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. – 1926. № 80. – Ст. 600.
8. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32880. Оп. 5. Д. 82. Л. 216; Д. 315. Л. 29.
9. РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.
10. Мировые войны XX века: Док. и материалы в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война / Ин-т всеобщей истории РАН, Ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. историков Второй мировой войны; Отв. ред. М.Ю. Мягков. – М.: Наука, 2005. – 677 с.
11. Приказ с объявлением положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии. 28 сентября 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г.-1942 г. / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ, Рос. гос. воен. архив; Отв. сост. А.И. Барсуков. – М.: ТЕРРА, 1997. – 448 с.
12. РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 12. Л. 120.

Butov S. V. Features of legal responsibilitv of military servants of the USSR NKVD troops under wartime laws during the Great Patriotic War // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 30–34.

The article gives the concept of legal responsibility and its role as a guarantee of the fulfillment by military personnel of their duties for the armed defense of the Fatherland. The features of the legal liability of military personnel of the NKVD troops in wartime conditions are revealed. The regulatory framework for the disciplinary and criminal liability of front-line soldiers during the Great Patriotic War is given, the most common types of crimes committed in internal troops during the war years are shown, as well as the possibility of replacing punishment by sending a serviceman to a penal unit on the most difficult section of the front in order to provide him with the opportunity to with valor and blood to atone for guilt before the Motherland. In conclusion, it is noted that legal liability in wartime conditions was characterized by the use of more stringent sanctions, the possibility of extrajudicial reprisals against offenders, a mixture of signs of disciplinary and criminal liability, and procedural measures aimed at replacing punishment with sending to the front.

Keywords: legal liability, military personnel, NKVD troops, wartime laws, penal units, the Great Patriotic War.

Spisok literaturv:

1. Krizhanovskaya G. N. Osobennosti pravovogo polozheniya gosudarstvennikh sluzhashchikh i voennosluzha-shchikh v kontekste kategorialnogo apparata teorii gosudarstva i prava / G. N. Krizhanovskaya, S. V. Butov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost. – 2024. – № 8. – S. 59-65.
2. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Soyuza SSR ot 22 iyunya 1941 g. «O voennom polozhenii» // «Izvestiya» ot 24 iyulya 1941 g.
3. Distsiplinarnii ustav Krasnoi Armii. – M.: Leningrad, 1941. – 32 s.
4. Butov S. V. Distsiplinarnaya otvetstvennost voennosluzhashchikh voisk NKVD SSSR v godi Velikoi Otechestvennoi voini kak klyuchevoi element ikh pravovogo statusa / S. V. Butov // Aktualnie voprosi administrativnogo zakonodatelstva: Sbornik materialov vserossiiskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 27 aprelya 2023 goda / Redaktsionnaya kollegiya: I.S. Nazarova, V.I. Kainov. – Belgorod: Ob-shchestvo s ogranichennoi otvetstvennostyu Epitsentr, 2023. – S. 73-79.
5. Polozhenie o prestupleniyakh gosudarstvennikh, prinyatoe 3-i sessiei III soziva Tsentralnogo Ispolnitelnogo Komiteta SSSR 25 fevralya 1927 goda // SZ SSSR. 1927. № 12. St. 123.
6. Polozhenie o voinskikh prestupleniyakh, prinyatoe TsIK SSSR 27 iyulya 1927 g. // SZ SSSR. 1927. № 50. St. 504.
7. Ugolovnii kodeks RSFSR // SU RSFSR. – 1926. № 80. – St. 600.
8. Rossiiskii gosudarstvennii voennii arkhiv (dalee – RGVA). F. 32880. Op. 5. D. 82. L. 216; D. 315. L. 29.
9. RGVA. F. 4. Op. 12. D. 105. L. 122–128.
10. Mirovie voini XX veka: Dok. i materiali v 4 kn. Kn. 4. Vtoraya mirovaya voina / In-t vseobshchei istorii RAN, Assots. istorikov Pervoi mirovoi voini, Assots. istorikov Vtoroi mirovoi voini; Otv. red. M.Yu. Myagkov. – M.: Nauka, 2005. – 677 s.
11. Prikaz s obyavleniem polozhenii o shtrafnikh batalonakh i rotakh i shtatov shtrafnogo batalona, roti i zagraditelnogo otryada deistvuyushchei armii. 28 sentyabrya 1942 g. // Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 13(2-2). Prikazi narodnogo komissara oboroni SSSR, 22 iyunya 1941 g.-1942 g. / In-t voen. istorii M-va oboroni RF, Ros. gos. voen. arkhiv; Otv. sost. A.I. Barsukov. – M.: TERRA, 1997. – 448 s.
12. RGVA. F. 38652. Op. 1. D. 12. L. 120.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 35–40.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ УЯСНЕНИЯ СУЩНОСТИ ТЕРМИНА «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» КАК ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАЧАЛА

Воробьев А. О.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Любые нарушения общественного порядка, могут быть оценены с нравственной и правовой точек зрения как явления, недопустимые в сильном правовом государстве. Статья посвящена отдельным аспектам формированию термина «общественный порядок». В ней предпринята попытка по-новому подойти к определению общественного порядка, проводится отграничение его от ряда смежных понятий, через отраслевой анализ посягательств на него, освещается общее понятие. Без первоочередной разработки перечисленных общих вопросов невозможно правильно решать частные задачи борьбы с противоправным поведением против общественного порядка. Приводится авторское толкование термина, исходя из широкого понимания, поскольку деятельность военнослужащих и сотрудников сопряжена с охраной общественного порядка в различных сферах жизнедеятельности общества и государства.

Ключевые слова: общественный порядок, отрасли права, нравственность, противоправные действия, деятельность, войска национальной гвардии.

Сохранение общественного порядка в сочетании с укреплением демократии и соблюдением законности является сегодня первостепенной задачей в сфере развития нашего социально-политического общества. Добровольное и сознательное поддержание гражданами общественного порядка становится одним из важнейших принципов развития правоотношений в нашей стране. Любые нарушения общественного порядка, оценены с нравственной и правовой точек зрения как явления, недопустимые в сильном правовом государстве.

Общество стало меньше помнить о прошлом, но индивидуальность, распущенность, предрассудки, скупость, стяжательство и пренебрежение к другим остались. Мы по-прежнему являемся свидетелями неуважения к обществу, порядку и государству. Мы обязаны решительно и бескомпромиссно противостоять этому, особенно противозаконным действиям, направленным против общего порядка, используя всю мощь народа и всю силу закона.

Частота противоправных действий, нарушающих общественный порядок, ежегодно снижается. Это неизбежный признак здорового общества. Однако подобные правонарушения все еще широко распространены. Поэтому борьба с ними остается актуальной. Борьба с правонарушениями против общественного порядка, безусловно, будет способствовать улучшению взаимодействия между гражданами и укреплению верховенства закона. Это актуализирует необходимость совершенствования теории и правовой базы, регулирующей охрану общественного порядка.

Для обеспечения стабильности и нерушимости общественного порядка используются различные экономические, политические, идеологические и правовые меры. Среди них наиболее действенными и эффективными (хотя и обязательными на данном этапе общественного прогресса) являются правовые стратегии.

При рассмотрении отдельных аспектовдеятельности войск национальной гвардии представляется иное понимание общественного порядка, отделяя его от смежных отраслевых понятий. Общественный порядок рассматривается через призму проти-

воправных деяний, выделяя основное понятие, его признаки и систему деяний, направленных против общественного порядка. Без внимания к общим вопросам невозможно решить конкретную задачу противодействия противоправному поведению против общественного порядка.

Профессор А. П. Кузнецов определяет следующую структуру общественного порядка:

Во-первых, его предназначение. Это организация взаимодействия, определение направлений действий людей в обществе.

Во-вторых, по способу организации отношений. Это не только по социальным правилам, но и по нормам права.

В-третьих, по предназначению.

Он служит для эффективной и действенной защиты личности, общества и государства от преступного вмешательства и является защитным инструментом, предохраняющим идеологические, социальные и государственные институты, опирающиеся на экономическую основу.

В-четвертых, по способу регулирования.

Создание социально-правовой базы для успешного и эффективного функционирования социально-экономической и административно-управленческой деятельности [5, стр. 9].

Соглашаясь с мнением профессора А. П. Кузнецова, выделяющего элементы, которые отличают это явление от других, представляется возможным взять их на основу для общего понимания общественного порядка.

Глубокое и всестороннее исследование научной проблемы начинается с изучения общих вопросов и выделения из них частных. Разрешить более узкие вопросы невозможно без предварительной оценки общей сложившейся ситуации в рассматриваемой сфере. Изучение отдельных сторон укрепления и охраны общественного порядка предполагает четкое уяснение основополагающих теоретических положений данной проблемы, которые уместно будет отметить. Определить существующие пробелы в праве, поскольку жизнь многогранна и предугадать события и их развитие, особенно связанные со стихиями, катастрофами, эпидемиями, достаточно проблематично**.** Не претендуя на исчерпывающее и бесспорное освещение вопросов, а лишь предпринимая попытку в их решении.

Юридический анализ правовых норм, определяющих составы противоправных деяний против***общественного порядка***, их применение являются предметом самостоятельного отраслевого научного исследования, не вкладывающегося в рамки проводимого исследования.

Общественные науки, в том числе и правовая наука, играют большую роль в развитии общества. Они составляют научную основу руководства построения правового государства.

Теоретическое осмысливание общественной жизни, выявление ее главных тенденций позволяют государству предвидеть ход общественных процессов, разрабатывать оптимальные социальные планы, избегая ошибок и субъективных решений. Ученые-обществоведы призваны разрабатывать проблемы, актуальные для настоящего и будущего.

Юридическая наука должна быть посвящена не только исследованию установленных законов, но и активному изучению развития общества и правовых структур, методичному исследованию общественных отношений, которые регулируются и защищаются правовыми нормами, а также исследованию каждого элемента жизни во всех ее проявлениях.

Одной из таких важных сфер жизни является общественный порядок. Это емкое многоплановое общественное явление выступает в качестве компонента существенной части общества, которое представляет собой динамическую систему.

Осмысление понятия и объяснение «общественного порядка» является целью правового исследования. Это теоретическое требование основано на практических потребностях нашей страны, поскольку в процессе преобразования человека происходит интенсификация общественных отношений, что значительно увеличивает роль общественного порядка. Обеспечение законности и поддержание общественного порядка стало национальной задачей, для выполнения которой необходимы государственные и общественные меры. Сформированный и урегулированный общественный порядок создает необходимые условия для достижения людьми успешных результатов.

Дальнейшая разработка правовых проблем общественного порядка позволит точнее определить круг общественных отношений, составляющих его суть, выявить виды, природу и характер социальных норм, охраняющих и регулирующих эти отношения, обрисовать механизм их правового регулирования, определить задачи и функции государственных органов и общественных организаций по поддержанию необходимого порядка в обществе. Усилия в этом направлении будут способствовать отбору наиболее рациональных и эффективных средств охраны общественного порядка, правильному сочетанию при этом методов убеждения и принуждения, разработке действенных мер предупреждения его нарушений, дальнейшему совершенствованию деятельности органов исполнительной власти и общественности в борьбе с антиобщественными проявлениями.

При изучении вопроса привлечения органов исполнительной власти к охране общественного порядка было выявлено ограниченное понимание теоретиково роли и месте войск национальной гвардии при осуществлении своих полномочий.

В научной литературе сложилось убеждение, что в осуществлении комплекса мер по поддержанию общественного порядка задействованы отдельные структурные подразделения территориальных органов, входящие в структуру Федеральной службы войск национальной гвардии (далее по тексту-ФС ВНГ). В качестве приоритетного направления в данной сфере является деятельность по контролю за оборотом оружия [13, с. 45].

С данной позицией представляется возможным не согласиться. Сфера полномочий военнослужащих и сотрудников ФС ВНГ имеет гораздо больший объем и направлений по регулированию общественных отношений при обеспечении безопасности граждан, чем это заявлено. При всем этом они выполняют обязанности не только в мирное время, но в период ведения боевых действий.

Так, например, подразделения ОМОН и СОБР с достоинством справились с обеспечением охраны общественного порядка в период проведения выборов на вновь присоединенных территориях. В частности, осуществляли охрану членов и

объекты территориальных избирательных комиссий [10]. При взаимодействии спецназа Росгвардии и военной контрразведки в ходе проведения мероприятий, проводимых по охране общественного порядка и обеспечению национальной безопасности на территории ДНР, был обезврежен военный украинский беспилотный летательный аппарат, тем самым предотвращена шпионская деятельность врага на территории России [2]. Достойно и профессионально военнослужащие совместно с сотрудниками Росгвардии обеспечивают безопасность при проведении массовых спортивных мероприятий [9]. Для понимания сущности общественного порядка необходимо исследовать толкования данного термина и правового явления в целом.

Так, в ст. 2 Закона [8], регулирующего деятельность граждан в сфере общественного порядка, отсутствует понятие, что относится к данному явлению. При этом косвенно формулируется суть деятельности:защита конституционных ценностей от посягательств, совершаемых в общественных местах. Отсутствие легитимного закрепления термина порождает лишь общее обобщенное упоминание деятельности, направленной на защиту интересов и прав граждан. В частности, упоминая общественные места в качестве места осуществления такой деятельности, являясь бланкетной, отсылочной нормой, поскольку более точное определение такого места можно найти лишь в КоАП РФ, и то с «открытым» перечнем. Только лишь в ст. 12 Федерального закона [7], регулирующего защиту здоровья граждан от табакокурения, можно найти более подробный перечень, что создает существенные неудобства для реализации норм права в сфере общественного порядка.

С определением и четким закреплением места регулирования общественных отношений в сфере общественного порядка появится четкое понимание территориального распространения должностных обязанностей органов исполнительной власти и общественных организаций и не породит обжалование их действий.

В научной литературе также нет четкого понимания «общественного порядка», даже, исходя из имеющегося терминологического закрепления на законодательном уровне, в толковании первого термина «общественное место» вовсе не используется. Так, В. Ф. Лапшин, Н. Н. Кемова с уголовно-правовой точки зрения определяют, что в состав любых отношений входит общественный порядок, регулирующий его осуществление [6, с. 35]. Е. А. Сычев, Э. Н. Любичева определяют, что общественный порядок, может выступать в качестве правовой категории, а его нарушение, при квалификации преступлений, необходимо оценивать степень опасности влияния на безопасность граждан [12, с. 37].

Как систему целенаправленных общественных взаимодействий, основанных на коллективных интересах населения, регулируемых нормами права, морали, правилами и традициями, складывающихся преимущественно в публичной сфере, а также тех отношений, которые возникают и развиваются вне общественных мест. Они носят характер, обеспечивающий охрану жизни, здоровья, достоинства граждан, укрепление национального достояния, поддержание общественного спокойствия, создание благоприятных условий для деятельности предприятий, организаций, учреждений, воспринимает общественный порядок М.И. Еропкин [4, с. 7].

А. П. Кузнецов рассматривает общественный порядок как систему правил, реализуемых государством, которые гарантируют безопасность личности, общества и

государства от нарушений. Эти правила состоят из социальных и правовых норм[5, стр. 9].С целью поддержания интересов государства в рассматриваемой сфере могут быть применены меры принуждения, сопряженные с ограничением конституционных прав граждан [1, с. 27].Вместе с государственным регулированием порядка, необходим социальный контроль потребностей личности и общества. Общественный порядок представляет собой индикатор эффективности деятельности по достижению поставленных целей [11, с. 214-215]. С. А. Денисов определяет общественный порядок как взаимоотношения, сложившиеся в обществе, определяющие правила должного поведения личности в обществе [3, с. 114].

Таким образом, на основе проведенного анализа следует, что отраслевому толкованию общественного порядка характерно прикладное, узкопрактическое значение, исходя из понимания объекта противоправного деяния.

В результате проведенного исследования представляется возможным определить, что осуществление охраны общественного порядка происходит только с применением мер убеждения и принуждения и предопределением мер ответственности. Несоблюдение нормприводит к пагубным последствиям и нарушению законности, несоблюдению общественного порядка. Нарушение общественного порядка является нарушением демократии, поскольку, ставя свои интересы превыше других, приводит к нарушению интересов членов общества и проявлению бескультурья.

Подводя итог вышесказанному, следует определить, что общественный порядок, прежде всего,это структура общественных отношений, складывающаяся на основе реализации социальных правил и норм, существующих в обществе во всех сферах: правовые нормы, социальные обычаи и другие неправовые социальные нормы; ценностей и убеждений, которые объединяют наиболее значимые и существенные для данного экономического, социального и политического состояния государства, поведение индивидов, государства и общественных объединений.

Список литературы:

1.Бредихин, И. Д. Общественный порядок как международно-правовая категория / И. Д. Бредихин // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2010. – № 2-1. – С. 26-31.
2.В ДНР перехватили замаскированный под птицу беспилотник //URL:https://regnum.ru/news/3848353. (дата обращения: 08.12.2023).
3.Денисов, С. А. Общественный порядок как социальное благо, охраняемое от хулиганских посягательств уголовным законом Республики Армения / С. А. Денисов, О. Г. Джумшудян // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1(89). – С. 110-114.
4.Еропкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. – Москва: Юрид. лит., 1965. – 215 с.
5.Кузнецов, А. П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование / А. П. Кузнецов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 2. – С. 4-11.
6.Лапшин, В. Ф. Общественный порядок и цифровая безопасность как современные объекты уголовно-правовой охраны / В. Ф. Лапшин, Н. Н. Кемова // Союз криминалистов и криминологов. – 2024. – № 2. – С. 30-38. – DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192-30-38.
7.Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации.URL:http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 09.12.2023).
8.Об участии граждан в охране общественного порядка: Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://pravo.gov.ru, (дата обращения: 09.12.2023).

9.Росгвардейцы обеспечили безопасность предварительного этапа чемпионата России по гандболу в Санкт-Петербурге // URL:https://rosguard.gov.ru/news/article/rosgvardejcy-obespechili-bezopasnost-predvaritelnogo-etapa-chempionata-rossii-po-gandbolu-v-sanktpeterburge(дата обращения: 08.12.2023).
10. Руководители ДНР и ЛНР рассказали президенту о подготовке к выборам // URL:https://rg.ru/2023/08/30/rukovoditeli-dnr-i-lnr-rasskazali-prezidentu-o-naibolee-ostryh-respublikanskih-voprosah.html (дата обращения: 8.12.2023).
11. Селифонов, А. А. Общественный порядок как социально-психологическое явление / А. А. Селифонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1(37). – С. 212-216.
12. Сычев, Е. А. Общественный порядок как правовая категория при квалификации хулиганства / Е. А. Сычев, Э. Н. Любичева // Общество и право. – 2007. – № 1(15). – С. 36-37
13. Шульгин, А. А. Охрана общественного порядка, осуществляемая сотрудниками органов внутренних дел совместно с войсками Национальной гвардии Российской Федерации / А. А. Шульгин // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 62-17. – С. 44-47.

Vorobvov A.O. On the issue of clarifying the essence of the term "public order" as a general theoretical principle // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 35–40.

Any violations of public order can be assessed from a moral and legal point of view as phenomena unacceptable in a strong state governed by the rule of law. The article is devoted to certain aspects of the formation of the term "public order". It attempts to approach the definition of public order in a new way, differentiates it from a number of related concepts, through an industry analysis of encroachments on it, highlights the general concept. Without the priority development of the listed general issues, it is impossible to correctly solve the particular tasks of combating illegal behavior against public order. The author's interpretation of the term is given, based on a broad understanding, since the activities of military personnel and employees are associated with the protection of public order in various spheres of life of society and the state.

Keywords: public order, branches of law, morality, illegal actions, activities, National Guard troops.

Spisok literatury:

1. Bredihin, I. D. Obshchestvennyj poryadok kak mezhdunarodno-pravovaya kategoriya / I. D. Bredihin // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. – 2010. – № 2-1. – S. 26-31.
2. V DNR perekhvatili zamaskirovannyj pod pticu bespilotnik //URL:https://regnum.ru/news/3848353. (data obrashcheniya: 08.12.2023).
3. Denisov, S. A. Obshchestvennyj poryadok kak social'noe blago, ohranyaemoe ot huliganskih posyagatel'stv ugolovnym zakonom Respubliki Armeniya / S. A. Denisov, O. G. Dzhumshudyan // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1(89). – S. 110-114.
4. Eropkin M.I. Upravlenie v oblasti ohrany obshchestvennogo poryadka. – Moskva: YUrid.lit.,1965. – 215s.
5. Kuznecov, A. P. Obshchestvennyj poryadok kak social'no-pravovaya kategoriya: teoreticheskoe issledovanie / A. P. Kuznecov // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2022. – № 2. – S. 4-11.
6. Lapshin, V. F. Obshchestvennyj poryadok i cifrovaya bezopasnost' kak sovremennye ob"ekty ugolovno-pravovoj ohrany / V. F. Lapshin, N. N. Kemova // Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2024. – № 2. – S. 30-38. – DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192-30-38.
7. Ob ohrane zdorov'ya grazhdan ot vozdejstviya okruzhayushchego tabachnogo dyma, posledstvij potrebleniya tabaka ili potrebleniya nikotinsoderzhashchej produkcii: Federal'nogo zakona ot 23.02.2013 № 15-FZ (red. ot 24.07.2023) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.URL:http://pravo.gov.ru. (data obrashcheniya: 09.12.2023).
8. Ob uchastii grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka: Federal'nogo zakona ot 02.04.2014 № 44-FZ (red. ot 14.07.2022) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL: http://pravo.gov.ru, (data obrashcheniya: 09.12.2023).
9. Rosgvardejcy obespechili bezopasnost' predvaritel'nogo etapa chempionata Rossii po gandbolu v Sankt-Peterburge // URL:https://rosguard.gov.ru/news/article/rosgvardejcy-obespechili-bezopasnost-predvaritelnogo-etapa-chempionata-rossii-po-gandbolu-v-sanktpeterburge(data obrashcheniya: 08.12.2023).
10. Rukovoditeli DNR i LNR rasskazali prezidentu o podgotovke k vyboram // URL:https://rg.ru/2023/08/30/rukovoditeli-dnr-i-lnr-rasskazali-prezidentu-o-naibolee-ostryh-respublikanskih-voprosah.html (data obrashcheniya: 8.12.2023).
11. Selifonov, A. A. Obshchestvennyj poryadok kak social'no-psihologicheskoe yavlenie / A. A. Selifonov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2008. – № 1(37). – S. 212-216.
12. Sychev, E. A. Obshchestvennyj poryadok kak pravovaya kategoriya pri kvalifikacii huliganstva / E. A. Sychev, E. N. Lyubicheva // Obshchestvo i pravo. – 2007. – № 1(15). – S. 36-37
13. SHul'gin, A. A. Ohrana obshchestvennogo poryadka, osushchestvlyaemaya sotrudnikami organov vnutrennih del sovmestno s vojskami Nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii / A. A. SHul'gin // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2020. – № 62-17. – S. 44-47.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 41–47.

УДК 347

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО БУДУЩЕГО: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Даниелян А. С.

Статья посвящена исследованию вопросов применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правовой сфере. В работе рассматриваются достоинства и проблемы, связанные с использованием ИИ в правовых процессах, а также принципы его применения. Автором освещаются достоинства применения систем ИИ в праве, а также анализируются проблемы, возникающие при их использовании в юридической деятельности, и делаются предложения по их решению. Резюмируется, что решение проблем, связанных с применением и приемлемостью ИИ в юридической деятельности, требует активного взаимодействия представителей юридического сообщества, IT-специалистов и общественности. По мнению автора, для решения проблем, связанных с применением и приемлемостью искусственного интеллекта в юридической деятельности, необходимо: гарантировать алгоритмическую прозрачность систем ИИ; обеспечить квалификацию специалистов; учитывать социальное назначение права; определить правовой статус систем ИИ и ответственность за их действия; установить условия и ограничения для принятия юридически значимых решений с использованием ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право, юридическая деятельность, правосудие, цифровизация, машинное обучение, цифровые технологии

Стремительное развитие ИИ вызывает необходимость правового регулирования систем ИИ с разной степенью автономности. В ближайшее время ожидается постепенное правовое признание действий систем ИИ и их последствий, а также формализация этих действий [18]. Право должно выполнять свои регулятивные функции взаимодействуя с другими социальными регуляторами в области использования ИИ. В связи с этим, особое внимание должно уделяться анализу и оценке потенциальных рисков применения данных технологий и их соотнесения с возможными преимуществами, при императивном учете этического критерия использования систем ИИ, которые имеют особое значение в данной сфере и требуют дальнейшей проработки.

Отметим, что в качестве рабочего, в данном исследовании, используется определении ИИ, предложенное Н.Н. Черногором. Так, под искусственным интеллектом автором понимается технология, определяющая способность некой информационной системы без непосредственного участия человека правильно интерпретировать внешние данные (внешнюю информацию), уточнять базу (базы) данных с их учетом, извлекать уроки из допущенных ошибок и использовать полученные знания для достижения конкретных целей, решения конкретных задач посредством гибкой адаптации в условиях плохо определенной ситуации [8].

В свою очередь в законопроекте об ИИ, разработанном Европарламентом, «система искусственного интеллекта» понимается как: «...программное обеспечение, разработанное с использованием [конкретных] методов и подходов … и способное для заданного набора определяемых человеком целей генерировать выходные данные, такие как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среду, в которой они взаимодействуют» (статья 3(1)) [17].

Мы, в свою очередь, считаем, что некорректно сводить столь многогранное и даже эманационное явление, коим является ИИ, к линейному и одностороннему пониманию. Схожую позицию занимают и другие авторы [3, с. 21].

В русле полифуркационного подхода ИИ рассматривается также С. Расселом и П. Норвигом, выделяющим четыре базовых подхода к его пониманию – антропомыслительный, рациомыслительный, антроподействующий, рациодействующий [22, p. 1-5].

Следует принять, что любые попытки осмыслить природу, архитектуру и перспективы ИИ в сфере юриспруденции, неумолимо приведут нас, как верно подметил Н.Н. Черногора, к двум вопросам: 1) практическая применимость искусственного интеллекта для целей правового регулирования; 2) последствия применения искусственного интеллекта в праве для человека [16].

Говоря о прикладной составляющей применение систем ИИ в области права можно отметить, в частности, что оно позволяет повысить скорость и точность анализа юридических документов, доступность юридических услуг и в целом эффективность правовой системы путем сокращения расходов. С помощью программного обеспечения, оснащенного ИИ, можно выделить правовые акты и нормативные положения с юридико-значимой информацией. Компьютеры могут быстро решать проблемы, возникающие при работе с документами, и обнаруживать дополнительные релевантные документы [24]. Также внедрение ИИ в юридическую сферу может повлиять на обучение студентов-юристов и структуру образовательных программ юридической направленности.

Еще одним результатом бурного развития ИИ в юриспруденции стала выработка и принятие концепции машиночитаемого права[1] [15].

Конечно же, помимо указанных, существуют и другие инновации в области ИИ, которые либо имеют перспективу адаптации к правовым реалиям, либо уже встроены в них. Вот некоторые из них: чтение мыслей [1]; расшифровки речевых сигналов; системы распознавания лиц [11] и прочее.

И это лишь толика из инструментов и возможностей, которые могут быть представлены для решения задач в сфере юриспруденции уже сейчас, не говоря про будущее.

В свою очередь представители судейского сообщества видят потенциал применения цифровых технологий для целей отправления правосудия в решении следующих задач:

Во-первых, улучшении процесса разрешения споров, сделав его быстрее, доступнее и экономичнее. Технологии должны способствовать мирному урегулированию споров, включая возможность досудебного урегулирования.

Во-вторых, изменении масштаба и формы проведения правосудия. Излишние судебные процедуры при незначительных спорах должны быть исключены, а сами процессы максимально перемещены в виртуальное пространство.

В-третьих, создании электронных образовательных курсов, содействующих участникам юридического процесса в применении цифровых технологий, в частно-

[1] Под машиночитаемым правом разработчиками концепции понимается «основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)» [6, с. 50].

сти, для определения категории спора, применимого законодательства, способов защиты и средств доказывания обстоятельств, имеющих юридическую значимость.

В-четвертых, визуализации значения правового текста для уяснения смысла права для обывателя [7].

Конгениальность к позиции изложенной выше проявляется и в среде представителей академического сообщества, резюмирующих, что применение технологий ИИ в отечественном судопроизводстве, в частности, при рассмотрении корпоративных споров, повлечет ряд позитивных моментов: обеспечит процессуальную экономию и сроки рассмотрения корпоративного спора по существу посредством скорости и безошибочности совершения вычислений; послужит объективному установлению юридических фактов, экономической ситуации в корпорации и показателей её деятельности (валюты баланса, цены сделки, размера убытков и т. д.); придаст бóльшую цифровую гласность отечественному судопроизводству и обеспечит прозрачность работы машинного интеллекта; позволит улучшить деловой климат в стране [2, с. 31].

Однако, как и у любого начинания и явления, у применения систем ИИ существует ряд проблем и нерешенных вопросов.

Так, Сахнова Т.В. выводит три основных измерения (проблемы) применимости и приемлемости ИИ в правосудии [12].

Первая проблема заключается в надлежащей квалификации использования специальных знаний при определении возможностей ИИ в правовой сфере вообще и категории «электронное правосудие» в частности.

Вторая проблема связана с тем, что «объективность» ИИ во многом иллюзорна, ибо решение ИИ тех или иных задач подчинено той идеологии, которая заложена в него разработчиками, т.е. человеком.

Третья проблема зиждется в приемлемости использования ИИ для целей правосудия, имея в виду антропоцентричность права, его социальное назначение.

Авторским коллективом Института цифрового права НИУ ВШЭ также выделены проблемы, связанные с использованием ИИ в правовой сфере. К ним относятся: определение субъектного и объектного состава правоотношений, связанных с системами ИИ; допустимость использования ИИ при принятии юридически значимых решений; регулирование ответственности в сфере ИИ; совершение гражданско-правовых сделок с использованием систем ИИ; обеспечение алгоритмической прозрачности в процессах принятия решений [10, с. 29].

По мере раскрытия проблематики исследователи постулируют о необходимости учёта опыта отраслевого саморегулирования и использования механизмов этического регулирования при разработке концептуальных правовых документов в области применения искусственного интеллекта. В качестве ориентира здесь может служить Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который был разработан и принят в 2021 году [5].

По мнению А.И. Овчинникова, И.А. Хакимова в рамках научной дискуссии игнорируется краеугольный юридико-эпистемологический вопрос, а именно – препарирование специфики интеллектуального процесса подведения общей нормы к частному случаю как творческой деятельности [9, с. 481]. В качестве примера авторами приводится аксиологическая неспособность систем ИИ достичь контекстуальности принципов права, являющейся первостепенной в процессе правоприменения.

Программирование контекстуальных интеллектуальных процедур в ИИ невозможно, т.к. взаимосвязь между нормой и контекстом её толкования требует преодоления герменевтического круга, где норма является частью и контекст нормы (принципы отрасли) является целостным [9, с. 482].

По мнению П.М. Морхата, обоснованно выделять две основные группы правовых проблем, которые потенциально могут возникнуть при использовании искусственного интеллекта: проблемы, связанные с обеспечением надлежащего правового регулирования функционирования и использования систем[2] ИИ в целом, их решение может быть направлено, главным образом, на предотвращение нанесения вреда обществу и индивиду от массового (как следствие, нельзя исключать, – неосторожного и бесконтрольного) использования таких систем; проблемы, связанные с надлежащим регулированием использования систем искусственного интеллекта в конкретных (общественно полезных) сферах деятельности либо для достижения тех или иных публичных интересов [8, с.96].

Еще один препон выявили А. Раджкомар, Дж. Дин и И. Коэн, заявившие, что основной проблемой для разработчиков при построении модели машинного обучения является использование разнообразного, непротиворечивого и репрезентативного набора данных [21]. В свою очередь А. Шмитц и Дж. Железников утверждают, что создать такие наборы данных в медицине возможно, но, увы, в юриспруденции это гораздо более сложная задача. В медицине доступно гораздо больше, и более, «чистых данных», чем в юридических областях. Таким образом, использование машинного обучения в юриспруденции вряд ли когда-либо сможет конкурировать с его использованием в медицине [23;25].

Стоит учесть, что любые преференции, приобретенные в результате использования ИИ и нейросетей в национальной правовой системе, при неправильном использовании могут иметь и множественные недостатки, основными из них могут быть: утечки информации о конфиденциальных правовых отношениях; возможность несанкционированной модификации баз данных и правил в базах знаний; возможность дистанционного управления зарубежными информационными технологиями, позволяющими производить модификацию или отключение; отсутствие компетенций в использовании и формировании интеллектуальных систем у пользователей правовой системы, в т.ч. и у представителей законотворческих органов, формирующих структуру управления[14, с. 593].

Для адаптации к влиянию искусственного интеллекта в юриспруденции предлагается признание роботов в качестве партнеров [13]. При этом стратегия юридического образования в качестве приоритетов должна обозначить: 1) изучение передовых информационно-коммуникационных технологий; 2) подготовку специалистов, объединяющих навыки юристов и IT-специалистов, что послужит минимизации рисков ИИ в правовой сфере.

Придерживаемся позиции, что применение ИИ в правовой сфере, включая роботов-юристов и электронные суды, может привести к кардинальной трансформации отрасли и облегчить доступ к судебной системе для большего числа людей. Однако, для обеспечения этичного использования ИИ в правовой системе, необходимо ре-

[2] Автор использует термин «юнит», но для унификации сути изложенного материала будем использовать понятие «система» (Прим. – А.Д.)

шить проблемы, связанные с предвзятостью, прозрачностью и ответственностью. Можно солидаризироваться с позицией, что первоочередной задачей в деле применения систем ИИ является обеспечение справедливости общедоступных приложений и применение этических ценностей к любому лицу, без создания какого-либо неравенства с точки зрения социальной сплоченности [4].

Системы, работающие на основе ИИ, должны быть точными, справедливыми и проверяемыми. Решение всех этих проблем требует серьезного исследования и разработки соответствующих регулирующих мер, чтобы гарантировать этичное и справедливое использование ИИ в юридической сфере. При это важно еще раз подчеркнуть, в ответ т.н. «алармистам» [19], что судебное разбирательство и использование ИИ неразрывно связаны с присутствием судьи-человека. Существующие технологии искусственного интеллекта не способны самостоятельно и полностью принимать «машинные решения» в судебных делах. Вопросы права и юридической квалификации не могут быть полностью переданы ИИ без оценки со стороны судьи-человека. Согласны, что ИИ *пока* (курсив – А.Д.) не собирается отнимать рабочие места у юристов. Искусственный интеллект – это вспомогательный инструмент. И как отметил М. Мюррэй, «по истине великолепный, опытный и знающий инструмент, который учится выполнять юридические задачи и делает их хорошо с потрясающей скоростью» [20].

Тезисно резюмируем, что для решения проблем, связанных с применением и приемлемостью искусственного интеллекта в юридической деятельности, необходимо: гарантировать алгоритмическую прозрачность систем ИИ; обеспечить квалификацию специалистов; учитывать социальное назначение права; определить правовой статус систем ИИ и ответственность за их действия; установить условия и ограничения для принятия юридически значимых решений с использованием ИИ.

Реализация данных тезисов требует активного взаимодействия представителей юридического сообщества, IT-специалистов и общественности для выработки оптимальных правил применения искусственного интеллекта как в социальной сфере, так и в правовой.

Список литературы

1. Альбицкая И., Косяков А. Искусственный интеллект для юристов // Юридический справочник руководителя. 2022. № 1. С. 79–84.
2. Андреев В.К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 19–34.
3. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы. М., 2023. 176 с.
4. Декларация Комитета Министров Совета Европы «О рисках принятия решений в области социального обеспечения с использованием компьютерных программ или алгоритмов искусственного интеллекта» (Decl(17/03/2021) 2) (Принята 17.03.2021 на 1399-м заседании представителей министров) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 5.
5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (дата обращения: 24.01.2024)
6. Концепция развития технологий машиночитаемого права – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 24.01.2024)
7. Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 112–123.
8. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

9. Овчинников А.И., Хакимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481–484.
10. Приоритетные направления правового регулирования цифровой трансформации в Российской Федерации. Внедрение в нормотворчество системы оценки гуманитарного воздействия (2022–2025 годы) : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, М., 2022 г. / М. В. Якушев (рук. авт. кол.), М. С. Журавлёв, Р. С. Ибрагимов, А. В. Майоров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2022. 67 с.
11. С лица данные не брать. Как в мире пытаются упорядочить использование технологий по распознаванию лиц [Электронный ресурс] – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5985054 (дата обращения: 24.01.2024)
12. Сахнова Т.В. Об искусственном интеллекте и его естественных пределах в цивилистическом процессе (посвящение проф. Боннеру А.Т.) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 225–239.
13. Соколова А. А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. №13. С. 350–356.
14. Унижаев Н.В. Преимущества использования искусственного интеллекта и нейросетей в правовой системе Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. №2. С. 587–600.
15. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 2-е изд., обновл. и доп. – Нижний Новгород, 2022. 275 с.
16. Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 5–15.
17. Artificial Intelligence Act 2021/0106(COD) [Электронный ресурс] URL – https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2021/0106(COD)&l=en (дата обращения: 24.01.2024)
18. Artificial Intelligence Act: deal on comprehensive rules for trustworthy AI [Электронный ресурс] – URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai (дата обращения: 24.01.2024)
19. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence // Computer Law & Security Review. 2015. 31 (3). P. 376–389.
20. Murray Michael D. Artificial Intelligence and the Practice of Law Part 1: Lawyers Must be Professional and Responsible Supervisors of AI (June 14, 2023) [Электронный ресурс] – URL: https://ssrn.com/abstract=4478588 (дата обращения: 24.01.2024).
21. Rajkomar A., Dean J., Kohane I. Machine learning in medicine // The New England Journal of Medicine. 2019. Vol. 380. № 24. P. 1347–1358.
22. Russell Stuart J., Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach. 3rd ed. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall. 2010. 1132 p.
23. Schmitz A., Zeleznikow J. Intelligent Legal Tech to Empower Self-Represented Litigants // Columbia Science and Technology Law Review. 2021. Vol. 23. № 1. P. 142–190.
24. Zarsky T. Z. The trouble with algorithmic decisions: An analytic road map to examine efficiency and fairness in automated and opaque decision making // Science, Technology, & Human Values. 2016. 41(1). P. 118–132.
25. Zeleznikow J. The benefits and dangers of using machine learning to support making legal predictions // WIREs Data Mining and Knowledge Discovery. 2023. Vol.13. № 4. 21 p.

Danielyan Armen S. Artificial intelligence and the law of the future: risks and opportunities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 41–47.

The article is devoted to the study of the use of artificial intelligence in the legal field. The work examines the advantages and problems associated with the use of AI in legal processes, as well as the principles of its application.

The author highlights the advantages of using AI systems in law, and also analyzes the problems that arise when using them in legal activities, and makes proposals for solving them. It is summarized that solving problems associated with the use and acceptability of AI in legal activities requires active interaction between representatives of the legal community, IT specialists and the public. According to the author, to solve problems associated with the use and acceptability of artificial intelligence in legal activities, it is necessary to: guarantee the algorithmic transparency of AI systems; ensure the qualifications of specialists; take into account the social purpose of law; determine the legal status of AI systems and responsibility for their actions; establish conditions and restrictions for making legally significant decisions using Artificial Intelligence.

Keywords: artificial intelligence, law, legal activity, justice, digitalization, machine learning, digital technologies

Spisok literaturi

1. Al'bickaya I., Kosyakov A. Iskusstvennyj intellekt dlya yuristov // Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya. 2022. № 1. S. 79–84.
2. Andreev V.K., Laptev V. A., Chucha S. Yu. Iskusstvennyj intellekt v sisteme e'lektronnogo pravosudiya pri rassmotrenii korporativnyx sporov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2020. № 1. S. 19–34.
3. Baxteev D.V. Iskusstvennyj intellekt: e'tiko-pravovye osnovy. M., 2023. 176 s.
4. Deklaraciya Komiteta Ministrov Soveta Evropy «O riskax prinyatiya reshenij v oblasti social'nogo obespecheniya s ispol'zovaniem komp'yuternyx programm ili algoritmov iskusstvennogo intellekta» (Decl(17/03/2021) 2) (Prinyata 17.03.2021 na 1399-m zasedanii predstavitelej ministrov) // Byulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. Rossijskoe izdanie. 2021. № 5.
5. Kodeks e'tiki v sfere iskusstvennogo intellekta [E'lektronnyj resurs]. – URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (data obrashheniya: 24.01.2024)
6. Koncepciya razvitiya texnologij mashinochitaemogo prava – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf
7. Momotov V.V. Prostranstvo prava i vlast' texnologij v zerkale sudebnoj praktiki: sovremennyj vzglyad // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 2. S. 112–123.
8. Morxat P. M. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: diss. … d-ra yurid. nauk. M., 2018. 420 s.
9. Ovchinnikov A.I., Xakimov I.A. Pravoprimenenie, iskusstvennyj intellekt i kontekstual'noe znachenie principov prava // Yuridicheskaya texnika. 2020. № 14. S. 481–484.
10. Prioritetnye napravleniya pravovogo regulirovaniya cifrovoj transformacii v Rossijskoj Federacii. Vnedrenie v normotvorchestvo sistemy ocenki gumanitarnogo vozdejstviya (2022–2025 gody) : dokl. k XXIII Yasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya e'konomiki i obshhestva, M., 2022 g. / M. V. Yakushev (ruk. avt. kol.), M. S. Zhuravlyov, R. S. Ibragimov, A. V. Majorov; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola e'konomiki». M., 2022. 67 s.
11. S lica dannye ne brat'. Kak v mire pytayutsya uporyadochit' ispol'zovanie texnologij po raspoznavaniyu lic [E'lektronnyj resurs] – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5985054 (data obrashheniya: 24.01.2024)
12. Saxnova T.V. Ob iskusstvennom intellekte i ego estestvennyx predelax v civilisticheskom processe (posvyashhenie professoru Bonneru A.T.) // Vestnik grazhdanskogo processa. 2022. № 4. S. 225–239.
13. Sokolova A. A. Iskusstvennyj intellekt v yurisprudencii: riski vnedreniya // Yuridicheskaya texnika. 2019. №13. S. 350–356.
14. Unizhaev N.V. Preimushhestva ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta i nejrosetej v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii // E'konomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2023. T. 13. №2. C. 587–600.
15. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie, 2-e izd., obnovl. i dop. – Nizhnij Novgorod, 2022. 275 s.
16. Chernogor N.N. Iskusstvennyj intellekt i ego rol' v transformacii sovremennogo pravoporyadka // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 4. S. 5–15.
17. Artificial Intelligence Act 2021/0106(COD) [E'lektronnyj resurs] URL – https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?reference=2021/0106(COD)&l=en (data obrashheniya: 24.01.2024)
18. Artificial Intelligence Act: deal on comprehensive rules for trustworthy AI [E'lektronnyj resurs] – URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai (data obrashheniya: 24.01.2024)
19. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence // Computer Law & Security Review. 2015. 31 (3). P. 376–389.
20. Murray Michael D. Artificial Intelligence and the Practice of Law Part 1: Lawyers Must be Professional and Responsible Supervisors of AI (June 14, 2023) [E'lektronnyj resurs] – URL: https://ssrn.com/abstract=4478588 (data obrashheniya: 24.01.2024)
21. Rajkomar A., Dean J., Kohane I. Machine learning in medicine // The New England Journal of Medicine. 2019. Vol. 380. № 24. P. 1347–1358.
22. Russell Stuart J., Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach. 3rd ed. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall. 2010. 1132 p.
23. Schmitz A., Zeleznikow J. Intelligent Legal Tech to Empower Self-Represented Litigants // Columbia Science and Technology Law Review. 2021. Vol. 23. № 1. P. 142–190.
24. Zarsky T. Z. The trouble with algorithmic decisions: An analytic road map to examine efficiency and fairness in automated and opaque decision making // Science, Technology, & Human Values. 2016. 41(1). P. 118–132.
25. Zeleznikow J. The benefits and dangers of using machine learning to support making legal predictions // WIREs Data Mining and Knowledge Discovery. 2023. Vol.13. № 4. 21 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 48–52.

УДК 343.982.32:004

К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ И АУТЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ерохин Р. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируются цифровые правовые отношения, стремительно вошедшие в информационно-телекоммуникационную сферу посредством развития общественных отношений между субъектами коммуникации. Отмечается ряд преимуществ, которые внедрились в данную сферу через техническую инфраструктуру, обеспечивающую безопасное использование персональных данных при их вводе на каком-либо сайте. Автором акцентируется внимание на понятии аутентификация, которое существенно влияет на сам процесс идентификации личности при вхождении на сайт и использовании соответствующего пароля и логина для входа. Также рассматриваются преступные схемы, применяемые злоумышленниками для перехвата логина и пароля в целях реализации своих преступных умыслов, а также взлома аккаунтов при таргетированной атаке пользователей, и способы защиты от данных посягательств.

Ключевые слова: цифровизация, правовые отношения, IT-сфера, логин, пароль, аутентификация, взлом, защита, электронная подпись.

В современных условиях развития общественных правоотношений, всё большая их часть переходит в IT-сферу. Как отмечают Зоз В.А. и Лагуточкина А.С., «стремительное развитие и повседневное применение информационных технологий, преобразование информации в важнейший ресурс жизнедеятельности, обуславливает движение человечества к информационному обществу» [1]. Данное условие позволяет упростить коммуникативную функцию между субъектами отношений. Цифровые правоотношения обладают рядом особенностей и преимуществ перед обычными, уже устаревшими способами взаимоотношений. Одной из основных особенностей выделяется сложность определения, то есть идентификации пользователей. Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» термин «идентификация» определяется как проверка лица на принадлежность ему определенного идентификатора и установления правомерности владения им. Данная норма создана для решения проблемы определения субъектов цифровых отношений [2].

В своей статье, Лагуточкин А.В. и Мащенко А.Д. обращают внимание на то, что «на сегодняшний день особую актуальность приобретает проблема обнаружения и фиксации в интернет-пространстве стабильных и достоверных источников получения необходимой оперативно-розыскной информации, дальнейшего упорядочения и оптимизации полученной информации» [3]. При этом существует ряд преимуществ цифровых правовых отношений, который характеризуется возможностью их осуществления на большом расстоянии, а также через техническую инфраструктуру, выступающую посредником между субъектами. Такая инфраструктура представляет множество полезных функций, например, может обеспечивать безопасную сделку между продавцом и покупателем какого-либо товара. Весомым положительным отличием цифровых правоотношений является анонимность доступа пользователя и

невозможность идентифицировать субъект без его согласия. Данная особенность лежит в основе множества цифровых технологий, ярким примером которых является криптовалюта. Её использование проходит без возможности обратной конвертации, таким образом, возврат средств невозможен. Существует множество и иных способов обойти идентификацию на тех сайтах и в тех приложениях, где она необходима. Например, использование лицом VPN [4] сервисов позволяет избежать его разоблачения посредством изменения IP-адреса. Данный способ отличается высокой требовательностью к скорости сети, так как технология VPN базируется на перенаправлении сигнала через различные сервера в других странах, что делает подключение к необходимому сервису дольше из-за трудной системы связи. При этом право в данной отрасли основано на принципе формальной определенности, который требует возникновения прав и обязанностей у определенного лица.

Стоит отметить, что законодательство Российской Федерации активно адаптируется к возникающим изменениям в сфере общественных отношений. Для решения повсеместных проблем, возникающих в правовых отношениях в IT-сфере, законом устанавливается, что гражданин приобретает и осуществляет свои права и обязанности исключительно под свои именем, фамилией и отчеством, приобретение прав и обязанностей от имени других лиц недопустимо.

Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» так же устанавливается понятие «аутентификации». Под данным термином понимается проверка лица на принадлежность ему соответствующего идентификатора и установление законности и правомерности владения им, в результате чего лицо считается установленным. Как правило, такими идентификаторами выступают адрес почтового ящика, никнейм в форуме, профиль в социальной сети и пр. [5]. При входе на какой-либо сайт под своим именем, необходима авторизация, важным компонентом которой является аутентификация. Если аутентификация прошла успешно, система может определить лицо как идентифицированного носителя установленных прав и обязанностей. В любом случае, необходимо понимать, что даже в настолько продуманной системе существуют так называемые «дыры», так как необходимую для аутентификации информацию при должных усилиях можно скомпрометировать. Перехват логина и пароля – достаточно частое явление. Данная техника применяется злоумышленниками посредством различных, зачастую незаконных методов. Примером таких методов может являться создание и распространение вредоносных программ, целью которых является похищение необходимой злоумышленнику информации. Фишинг – наиболее распространенный метод хищения паролей и логинов с помощью создания поддельного известного веб-сайта с незначительно измененным доменным именем, незаметным для обычного пользователя. Введенные для входа данные сразу поступают в распоряжение правонарушителя. Аутентификация посредством биометрии так же не может гарантировать стопроцентную законность, так как принцип работы систем биометрической аутентификации основывается на извлечении биометрических черт регистрируемого пользователя и создания по ним шаблона. Шаблон заносится в специализированную базу данных, которая может быть не только похищена и модифицирована, но и уничтожена, что поможет злоумышленнику без труда войти в систему без биометрической аутентификации. Таким образом, на практике аутентификация не является абсолютно точным методом определения личности зарегистрированного под своим

именем лица. Некоторые научные деятели, например Волков В.Э. считают, что существует лишь оспоримая юридическая презумпция (предположение) о принадлежности цифровых прав и обязанностей определенному лицу. Он подразделяет факторы аутентификации человека на три типа:

- Многоразовые и одноразовые пароли – то, что знает человек, зарегистрированный под своим именем и фамилией;
- Аппаратные аутентификаторы – флеш-накопители, токены, магнитные ключ-карты;
- Биометрия – биологические и физиологические признаки, принадлежащие определенному человеку и используемые им в качестве идентификаторов [6].

Можно выделить и смежные типы, например использование электронной подписи, хранящейся на флеш-накопителе, которая для аутентификации требует подтверждения личности пользователя с помощью отправленного на его мобильный телефон SMS-кода, имени, фамилии и отчества, а так же пароля.

Парольный способ защиты достаточно популярен и удобен в использовании, но как и всем способам защиты, ему присущи некоторые слабости. Изначально все пароли можно классифицировать на три группы:

1. Сгенерированные программными и аппаратными средствами;
2. Придуманные самим пользователем;
3. Назначенные системным администратором информационной системы.

Каждая из данных групп отличается степенью устойчивости к попытке взлома. Если субъект пользуется собственными паролями, то возможность взлома его аккаунтов при таргетированной атаке достаточно велика, так как большинство современных пользователей при регистрации вводят один и тот же придуманный ими пароль. Зачастую такой пароль состоит из имени или фамилии, номера телефона пользователя, даты его рождения. Если злоумышленник знает вышеперечисленные данные конкретного лица, то ему не составит труда угадать пароль. Наиболее подверженным взлому паролем является последовательность латинских символов, совпадающей с английской раскладкой клавиатуры: QWERTY, возможно использование последовательно идущих цифр от одного до девяти. Согласно статистике сервиса NordPass [7] за 2022 г., пароль QWERTY используется более чем 309.679 пользователями сети Интернет. Так же в список самых распространённых входят такие пароли, как password, guest, 123123 и так далее. Стоит отметить, что все подобные пароли взламываются специальными программами, основанными на методе перебора, менее чем за секунду.

Остальные группы характеризуются более сложно угадываемыми паролями. Зачастую сгенерированные пароли состоят из букв латинского алфавита различного регистра, сгенерированной последовательности цифр и специальных символов. У таких паролей есть существенный минус – сложная запоминаемость и долгое введение вручную. Тем не менее, такие пароли теми же брутфорс-программами, основанными на методе перебора, взломать будет на много дольше. Сегодня системные администраторы используют сгенерированные системой пароли, чтобы не подвергать важную информацию опасности.

Обычно именно сгенерированными паролями пользуются при создании электронной подписи, которая так актуальна на сегодняшний день. Актуальность и

удобство использования электронной подписи не может обойти общественные отношения, поэтому государство предлагает внедрить данную технологию повсеместно. Согласно Федеральному закону «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» каждому гражданину возможно получить электронную подпись бесплатно [8]. Это осуществляется через электронный сайт предоставления государственных услуг gosuslugi.ru. Некоторые рекомендации со временем стали обязательными для исполнения. Например, на сегодняшний день индивидуальным предпринимателям практически невозможно обойтись без электронной подписи. На подтверждении личности с помощью данных технологий строится практически всё ведение бизнеса в России. Так же существует возможность использования электронной подписи для придания электронному документу юридической силы при страховании гражданской ответственности владельцев автомобилей. Однако присутствуют и существенные недостатки в использовании электронной подписи. Одним из них можно выделить тот факт, что после подписания ею электронного документа, нет гарантии того, что в него не будут внесены изменения. В связи с этим недостатком сфера её использования имеет ограничения. Электронная подпись может приравниваться поставленной лицом подписи собственноручно не во всех случаях, а только в тех, когда это предусмотрено соответствующим нормативным актом.

Таким образом, на сегодняшний день достаточно быстро происходит процесс внедрения автоматизированных систем в правовую сферу. Данное явление объясняется развитием информационно-телекоммуникационных технологий, которые становятся всё более привычны для повсеместного использования. Государственная власть принимает меры по легализации таких технологий в целях упрощения взаимодействия между государством и личностью. Переход от подчинения правоотношений юридическим фактам к определению правовых отношений с помощью записей имеет достаточно трудоёмкий процесс в плане законодательства, но законодательная власть применяет все средства для внесения новых видов технологий в нормативную базу.

Список литературы:

1. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Личность интернет-преступника и отдельные способы их выявления в глобальной информационной сети // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 306-312.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07 2006 № 149-ФЗ // Гарант.ру: сайт. URL: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 12.12.2023).
3. Лагуточкин А.В., Мащенко А.Д. Об использовании цифровых источников получения информации подразделениями органов внутренних дел,осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 176-182.
4. Что такое VPN-соединение и как им пользоваться. URL: https://netpeak.net/ru/blog/chto-takoye-vpn-soyedineniye-i-kak-im-pol-zovat-sya-story/ (дата обращения: 13.12.2023).
5. Зоз В.А., Чехун А.Ф. Идентификация личности преступника по виртуальным следам в сети Интернет // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: А.А. Сафронов [и др.]. Краснодар, 2021. С. 75-79.
6. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие / В.Э. Волков. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. С. 63.
7. NordPass – your digital life manager. URL: nordpass.com (дата обращения: 13.12.2023).

8. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ ФЗ // Гарант.ру: сайт. URL: https://base.garant.ru/12177515/ (дата обращения: 13.12.2023).

Erokhin R.A. To the question of indetification and authentification in the CONDITIONS OF digitalisation of legal relationships in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 48–52.

The article analyses the digital legal relations that have rapidly entered the information and telecommunication sphere through the development of social relations between the subjects of communication. A number of advantages that have been introduced into this sphere through the technical infrastructure that ensures the safe use of personal data when entering them on any website are noted. The author focuses on the concept of authentication, which significantly affects the very process of personal identification when entering a site and using the appropriate password and login for entry. The author also considers criminal schemes used by attackers to intercept login and password in order to realise their criminal intentions, as well as hacking of accounts in the case of targeted attack of users, and ways to protect against these encroachments.

Keywords: digitalisation, legal relations, IT-sphere, login, password, authentication, hacking, protection, electronic signature.

Spisok literatury:

1. Zoz V.A., Lagutochkina A.S. Lichnost' internet-prestupnika i otdel'nye sposoby ih vyyavleniya v global'noj informacionnoj seti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 2. S. 306-312.
2. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27.07 2006 № 149-FZ // Garant.ru: sajt. URL: https://base.garant.ru/12148555/ (data obrashcheniya: 12.12.2023).
3. Lagutochkin A.V., Mashchenko A.D. Ob ispol'zovanii cifrovyh istochnikov polucheniya informacii podrazdeleniyami organov vnutrennih del,osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 1. S. 176-182.
4. CHto takoe VPN-soedinenie i kak im pol'zovat'sya. URL: https://netpeak.net/ru/blog/chto-takoye-vpn-soyedineniye-i-kak-im-pol-zovat-sya-story/ (data obrashcheniya: 13.12.2023).
5. Zoz V.A., CHekhun A.F. Identifikaciya lichnosti prestupnika po virtual'nym sledam v seti Internet // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Redkollegiya: A.A. Safronov [i dr.]. Krasnodar, 2021. S. 75-79.
6. Cifrovoe pravo. Obshchaya chast': uchebnoe posobie / V.E. Volkov. – Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2022. S. 63.
7. NordPass – your digital life manager. URL: nordpass.com (data obrashcheniya: 13.12.2023).
8. Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug: Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ FZ // Garant.ru: sajt. URL: https://base.garant.ru/12177515/ (data obrashcheniya: 13.12.2023).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 53–63.

УДК 340

ДЕФЕКТЫ И ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ЕГО ДЕАКСИОЛОГИЗАЦИИ

Кордобовская К. Е.
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся формирования правового сознания граждан и отдельных социальных групп населения. Охарактеризованы предпосылки формирования правосознания, выявлены причины и факторы деаксиологизации правосознания. Описаны признаки и формы проявления деформаций правового сознания. Проанализированы причины деаксиологизации правосознания личности в современном обществе. Особое внимание обращено на противодействие возникновению дефектов и деформации правосознания сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, дефекты правосознания, деформация правосознания, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм.

Устойчивость государства во многом определяется законопослушностью его граждан. Уважение к закону, государственной власти в частности и правовая культура общества в целом выступают важным фактором, детерминирующим состояние правотворчества и правоприменения, а также особенности осуществления всех процессов социального регулирования в стране. Правовые традиции, сохраняющиеся правовой культурой, выступают сущностными детерминантами политических и правовых процессов, оказывают воздействие «на формирование патриотизма как амбивалентного и противоречивого по своей сути феномена» [1, с. 85], на и сохранение духовно-нравственных ценностей и, в итоге, на обеспечение устойчивого благоприятного развития национальной государственности.

Правовая культура – многоаспектное явление. Формирование правовой культуры у индивида и общества осуществляется не одномоментно. Если «субъект обладает правовыми знаниями, позитивно относится к правовым предписаниям, создавая мотивы для укрепления правовых ценностей, ориентаций, реализуемых в правовых поступках» [18, с. 110] можно вести речь о сформированности правовой культуры. Субъект с развитой правовой культурой обладает знаниями о государственно-правовых институтах и явлениях, способен получать актуальную информацию о состоянии национальной государственно-правовой системы, трактовать информацию о правовой действительности в контексте признанных в государстве духовно-нравственных ценностей [27; 28]. Различный уровень сформированности правовой культуры может стать основанием для неоднозначной трактовки полученной информации, неспособности самостоятельной адекватной оценки субъектом получаемой информации [7], выбора субъектом противоправной модели правового поведения [33, с. 119–122].

Следовательно, поиск эффективных средств формирования правовой культуры остается важной задачей современной науки и в XXI в. Особое значение имеет правовая культура лиц, профессионально занимающихся поддержанием правопорядка в стране, в том числе сотрудников полиции [29, с. 106–113]. В настоящее время все слои населения активно используют различные медиа-ресурсы для оценки деятельности сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим имеется необходи-

мость формирования общественного мнения в отношении права, правосудия, деятельности правоохранительных органов власти, представления моделей правового поведения [8]. Развитие системы морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел современной России, осуществление подготовки к практической профессиональной деятельности обучающихся в образовательных организациях МВД России также требуют переосмысления отдельных теоретических и практических проблем в сфере профессиональной подготовки сотрудников МВД России [17, с. 1952–1956]. В связи с сохранением преступности, появлением ее новых видов и характеристик, формированием новых социально-экономических и материально-технических условий общественной жизни, внедрением в профессиональную деятельность правоохранительных органов инновационных методов, МВД России нуждается в специалистах, обладающих развитой правовой культурой и должным уровнем правового сознания.

XXI век стал временем изменения, сложившихся в обществе ценностей. Этому в значительной степени способствовали трансформация государственно-правовой системы России, кардинальные изменения идеологической и духовной жизни, возможность плюрализма и в политической, и в культурной жизни, которые оказали существенное воздействие, прежде всего, на молодежь.

Характеризуя правосознание современной молодежи, исследователи принимают во внимание, что правосознание молодого поколения – это социокультурное образование со сложной внутренней структурой (включающее в себя три основных блока: когнитивно-познавательный, деятельностно-практический и эмоционально-ценностный), которые характеризуются наличием инструментов саморегуляции поведенческого компонента. В силу социально-возрастных и социально-психологических особенностей молодежи ее правовое сознание нестабильно и подвержено влиянию комплекса субъективных и объективных факторов, что, в свою очередь, отражается на ее правовом поведении. Неслучайно молодежь относят к социальной группе риска [32], учитывая то, что ее значительная часть обладает несформированным, нестабильным и/или деформированным правосознанием. «Новое поколение ставит личное благополучие выше интересов общества. Оно настроено на спасение себя, а не Родины» [5], – констатировал глава Всероссийского центра изучения общественного мнения В. Фёдоров по итогам исследования отношения молодежи к событиям, происходящим в стране в настоящее время, и действиям государственной власти по отношению к населению. Исследования показали, что респонденты в возрасте от 18 до 24 лет к действиям органов государственной власти относятся неоднозначно, прежде всего к действиям, касающимся проведения специальной военной операции [4]. При этом следует обратить внимание и на то, что по результатам исследований социологов после февраля 2022 г. очевидными стали сложности выстраивания своих жизненных планов на ближайшее будущее гражданами разных возрастов, которые повлекли за собой изменение оценок многих событий и явлений, а значит, и правосознания.

Современная юридическая наука рассматривает правосознание как одну из форм сознания человека и общества, наряду с политическим сознанием, моралью, искусством, религией, наукой и философией. Правосознание рассматривается как «формообразование психики, отражающей воспринимаемый людьми окружающий мир, права и регулирует поступки людей в нем» [20, с. 64].

В качестве структурных элементов правового сознания выделяют:

– субъект,

– предметную область (например, систему правовых координат);

– установки, стереотипы, мифы, которые служат инструментами познания права;

– эффекты социальной деятельности субъекта в сфере социально-правовых отношений [30, с. 15].

Для характеристики правосознания значимы: юридические знания, оценочные отношения к праву как целостному явлению, к правореализации, законодательству, правовым гарантиям, правовые установки и ценностные ориентации людей, регулирующие их поведение в юридически значимых ситуациях [10].

Проведенный сотрудниками Гуманитарного университета Екатеринбурга, социальный опрос выявил уровни правового сознания граждан, которые отражают степень отношения их к совершению правонарушений [11, с. 463]. Так, в ноябре 2016 г. в исследовании приняли участие 50 респондентов от 25 до 45 лет, проживавших в Екатеринбурге (17 респондентов-мужчин и 33 респондентов-женщин). В результате исследования были определены критерии уровней правосознания граждан в зависимости от принятия ими решения в пользу правомерного или противоправного поведения. Высокий уровень правосознания у граждан характеризовался наличием внутренней правовой убежденности в необходимости соблюдения правовых норм как регулятора общественных отношений; средний уровень правосознания граждан имел не регулярный характер соблюдения правовых норм и отсутствие стойкой убежденности в необходимости всегда следовать правовым нормам; низкий уровень правосознания отражал нейтральное или явно отрицательное отношение к праву и закону, пренебрежительное отношение к соблюдению правовых норм, частые случаи отказа от правомерного поведения и совершение правонарушений [11, с. 465]. Выявлено наличие и граждан с высоким уровнем правосознания, сознательно не допускающих совершение противоправных действий; граждан со средним уровнем правосознания, стремящихся соблюдать законодательство и придерживаются модели поведения законопослушного гражданина; граждан с низким уровнем правосознания, которые демонстрируют склонность к совершению правонарушений и преступлений.

Исследователи правовой культуры солидарны в признании того, что сердцевину правосознания составляют правовые ценности – знание правовых норм и принципов, способов и приемов их реализации; позитивное ответственное отношение личности к своим правам и обязанностям; ответственное осознанное отношение к действиям, имеющим конкретные правовые последствия; проявление личной активности и гражданской инициативы. Можно заметить, что в настоящее время в российском обществе имеет место быть: несоблюдение законов и правовых предписаний гражданами; несоблюдение государственными органами, ведомственными и должностными лицами установленных норм и правил; проявление отрицательного отношения к праву, обусловленного пробельностью законодательства; наличие преступлений и иных правонарушений; проявление дефектов и деформаций правосознания.

Разрушению правовых ценностей и формированию деаксилогического правосознания способствуют различные факторы: неразработанность государственной идеологии, использование зарубежных моделей государственного управления, не

соответствующих национальным традициям; сложная международная обстановка, в которой по отношению к России открыто используется агрессия со стороны других государств; способы противодействия правонарушениям и преступлениям на государственном уровне; стремительное распространение в сети Интернет информации негативного характера о фактах в различных областях жизни; попытки дискредитации отечественного государства со стороны зарубежных стран, находящие выражение в том числе и в потоке негативной информации, поступающей через все каналы средств массовой информации; случаи, когда государственная власть в лице отдельных органов и должностных лиц демонстрирует лишь формально-декларативное провозглашение целого ряда правовых ценностей, не обеспечивая их надлежащую защиту и спекулируя ими в собственных узкогрупповых интересах; пропаганда массовой потребительской культуры; кризис семьи, рост числа неблагополучных семей. Посредством этих детерминант формируется правовое сознание, которое имеет стойкие во времени, явные поведенческие проявления негативной правовой установки.

Деаксилогическое правовое сознание – вид правосознания, субъективное или групповое потребностное целеполагание которого в юридической сфере не соответствует общественной ценности, закрепленной в законе и являющейся универсальной предполагаемой потребностью общества.

Деаксиологичность правосознания следует изучать через динамику, как процесс и результат, а не как статистический элемент или уровень правосознания. Деаксиологизация предполагает принятие субъектом негативных правовых установок, преувеличение реальных регулятивных возможностей правовой формы. Процесс деаксиологизации затрагивает информационно-познавательный уровень правовой установки, создавая возможности для когнитивного диссонанса; затрагивает оценочный уровень установки. Для противодействия этому процессу необходимы получение новых знаний, формирование новых правовых установок, которым индивид находит место в своих представлениях о должном, ценном, правильном [21, с. 35]. Обесцениванием правовых ценностей в юридическом сознании индивида, «которое выражается либо в правовом инфантилизме – несформированности и пробельности правосознания, либо в правовом негативизме – активной противоправной тенденции личности» [15, с. 34], И. И. Карпец и А. Р. Ратинов считают «ближайшей причиной, порождающей преступление» [15, с. 34].

Исследователи констатируют, что в условиях декларации законности как режима современного государства [23; 24], изменений места права в системе социальных регуляторов в эпоху глобализации и цифровизации [25; 26] все большее распространение имеют проявления дефектов и деформаций правового сознания.

В современной науке не выработано единого подхода к определению понятий «дефект правового сознания» и «деформация правового сознания»: одни ученые отождествляют эти понятия [30, с. 40], другие – выделяют специфические характеристики дефектов и деформаций правового сознания, соответственно, различая понятия [16, с. 35].

А. И. Долгова полагает, что дефектность правосознания заключается в «несформированности или искаженности основных его структурных элементов – правовых взглядов, убеждений и установок, когда какие-либо из этих элементов в структуре правосознания отсутствуют или сформированы достаточно, но неправильно, други-

ми словами страдает их содержательная сторона: правовые взгляды, представления и убеждения противоречат действующему законодательству» [9, с. 26]. «Дефектность правосознания – это его дисфункция, то есть нарушение нормального функционирования правосознания на одном из уровней (подсознательном, оценочном и регулятивном). В результате возникает рассогласованность этих уровней, что влечет за собой негативные изменения в поведении субъекта» [12, с. 131], – сделали вывод А. Э., Жалинский, М. В. Костинский.

Дефекты правового сознания в современной науке рассматриваются:

– в широком смысле – как содержащиеся в массовом правовом сознании любые статистически значимые отклонения от идеи научно-теоретического правового сознания, изложенные в государственно-правовой доктрине, законодательстве и правовой науке;

– в узком смысле – как функциональные нарушения или дисфункции в структуре общественного, группового и индивидуального правового сознания, к которым относятся несформированность, неустойчивость или искаженность основных его структурных элементов [6, с. 67].

Искривления уже сформированного профессионального правосознания представляет деформация правосознания. Дефектность возникает в процессе формирования правосознания, а деформированность – в результате изменения или трансформации уже сформировавшегося правосознания. Деформация – это «перерождение правосознания человека, в котором человек ставит свое Я выше норм права и морали общества, руководствуясь при этом идеями прогресса» [19, с. 178]. Л. И. Петражицкий, не употребляя понятие «деформация», указывал, что в условиях «неразумного», «злокачественного» позитивного права возможно распространение права, основанного на несправедливости [31]. Проявлением деформации являются нарушение закона (закон игнорируется сознательно, лицо руководствуется алчными и корыстными побуждениями), совершение противоправных деяний, превышение должностных полномочий [33, с. 108].

К. И. Руденко полагает, что причинами деформации правосознания являются:

– объективные причины: масштабные социокультурные трансформации конца XX – начала XXI в., которые породили кризис основных социальных институтов; духовно-нравственный настрой населения, сформированный индустрией массовой культуры (культуры «наживы успеха», физической силы); дисфункция системы воспитания и социализации молодежи; стремительное развитие систем массовой коммуникации; проблемы, связанные с государственной молодежной политикой в аспекте формирования правосознания;

– субъективные причины: лабильность сознания; инфантилизм; эмоционально-чувственное восприятие окружающей действительности; некритическое, парадоксальное мышление; отсутствие жизненного опыта; неумение анализировать причины и последствия социальных действий; инновационная активность; жажда новизны.

Правосознание лиц, совершивших преступления и отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, например, по мнению Ш. Х. Хасанова, деформировано в силу превалирования в сознании осужденных корыстных мотивов, их стремления к выгоде и наживе, противопоставления своих личных, амбициозных интере-

сов интересам других людей, общества и государства, деградации личности, атрофии нравственных, правовых, эстетических и иных чувств [35, с. 13].

На возникновение дефектов и деформаций правосознания должностных лиц правоохранительных органов негативно воздействуют условия и обстоятельства юридической деятельности. В деятельности полиции Российской Федерации по недопущению и пресечению правонарушений в обществе и среди личного состава подразделения профессиональное правосознание играет очень важную роль. Важнейшим вопросом является определение социально-психологических факторов, оказывающих воздействие на состояние их правового сознания. П. П. Баранов такими факторами считает: отчуждение гражданина от государства; особенности национальной психологии; конфликтный характер подавляющего большинства «производственных» ситуаций, участником которых по долгу службы выступает сотрудник органов внутренних дел; конфликтный характер правоохранительной деятельности, жесткий способ проявления своего «я» в отношениях с другими субъектами общественных отношений; постоянные контакты с преступными и аморальными элементами, соприкосновение с теневыми сторонами жизни; ведомственный дух, неофициальные корпоративные настроения, возникающие в процессе значительного опыта правоохранительной работы; степень удовлетворенности работников органов внутренних дел; общественное мнение по вопросам укрепления законности, правопорядка, деятельности органов внутренних дел [2, с. 22].

Под воздействием детерминант, разрушающих традиционные ценности, проявляются деаксиологизированные виды правового сознания: правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм, демонстрирующие различное отношение к правовым ценностям и правовой действительности: отрицание, безразличие и преувеличение.

Правовой нигилизм представляет собой отрицающее отношение к праву, отсутствие веры в закон как социального регулятора. Правовой нигилизм – это отрицание ценности права, необходимости правовых средств в регулировании общественных отношений. Для правового нигилизма характерно: резко критически негативное отношение к правой догме и общепризнанным ценностям в области права; юридическая некомпетентность; подход к праву с точки зрения максималистских настроений, направленных в большей степени на отрицательное восприятие всего правого в контексте позитивного права; деструктивность и разрушительность; категоричность, бескомпромиссность; проявление – неисполнение и нарушение, установленных законодательством норм и правил [3, с. 91].

Формами проявления правого нигилизма Н. И. Матузов считает: по сфере применения: теоретическая, практическая; в зависимости от характера выражения: пассивная (уклонение от обязанностей, избегание исполнения законов), активная (явно враждебное отношение к правотворческой деятельности в целом); по уровню проявления: проявляющийся на обыденном уровне, проявляющийся в социальных и профессиональных группах, проявляющийся в официальных государственных структурах, законодательных, правоохранительных эшелонах власти [22].

Правовой идеализм представляет собой преувеличение роли права в общественной жизни, гипертрофированное понимание роли юридических средств в реализации социально-экономических, политических и иных задач.

Для того, чтобы определить формы проявления правового идеализма, Н. И. Матузов в качестве субъектов правовых отношений определяет: 1) государство, включающее в себя государственные органы и должностных лиц; 2) население [20]. При рассмотрении правового идеализма с точки зрения государства, то он проявляется в некорректном восприятии сотрудниками государственных учреждений пределов правового воздействия. А если исследовать правовой идеализм при помощи субъекта-гражданина, то можно заметить наивное восприятие гражданами действующего законодательства, которое способно решить все проблемы общества.

Правовой идеализм заключается в переоценке возможностей права, наделении свойствами, которые ему не присущи. Правовой идеализм дезориентирует личность в правовой действительности. В результате чего личность стремится к тому, чтобы все общественные отношения были четко регламентированы правом. Проявление – наивное восприятие гражданами законов, превышение закона и права в государстве, сосредоточение органов власти исключительно на позитивном праве.

Правовой инфантилизм выступает одной из форм искажения правового сознания, характеризующейся показателем недостаточной правовой социализации и определенной маргинальности сознания индивида и социальной группы [21, с. 67].

В. Р. Петров полагает, что правовой инфантилизм представляет собой «недостаточную сформированность и пробельность правовых взглядов, знаний, установок, представлений правового сознания, плохое знание права» [31, с. 11]. С. И. Захарцев обращает внимание на то, что «правовой инфантилизм представляет собой недостаточность у гражданина правовых знаний, что приводит к несформированности правовый убеждений» [14, с. 147]. Е. С. Зайцева считает, что правовой инфантилизм – это «отсутствие или недостаточная сформированность у субъектов права, правовых установок и представлений» [13, с. 98].

Основными признаками правового инфантилизма являются: пробельность правовых знаний; несформированность правовых взглядов; отсутствие правовых представлений; несформированность правовых установок и привычек правового поведения; затрудненность правовых ориентаций; степень воздействия (искажения) – очень слабая.

Правовой инфантилизм является предметом дискуссий ученых: одни считают, что исследуемый феномен относится к деформации правового сознания; другие – к нормальному состоянию человека; третьи – обращают внимание на то, что правовая деформация может наступить только лишь при определенном уровне правовых знаний у субъекта права, но если такой субъект не имеет правовой подготовки, то невозможно и привести к деформации правосознания, так как субъект не обладает знаниями в области права [3].

Правовой инфантилизм проявляется как у молодого поколения, так и у людей в зрелом возрасте, как у обычного гражданина без юридического образования, так и у людей, которые напрямую связаны с правоприменительной деятельностью.

Состояние правосознания влияет на правовое поведение субъекта. Предопределяя субъективную сторону юридически значимого поступка, деформации правосознания приводят к незнанию индивидом своих прав и свобод (правовой инфантилизм), к формированию четкой противоправной установки отрицания права как ценности (правовой нигилизм), к стремлению решать все проблемы только с помо-

щью права (правовой идеализм, фетишизм) или использовать право в корыстных собственных интересах (правовой релятивизм, эгоцентризм). Правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм являются формами проявления сознания с ценностями, не соответствующими правовым, непосредственно влияющими на правовое поведение субъекта, приводящими к дексиологическому правовому сознанию [22].

Противодействием деаксиологического правосознания могут стать: повышение общей правовой культуры; совершенствование законодательства; профилактика правонарушений и преступлений; упрочнение законности и служебной дисциплины среди должностных лиц, а также упрочнение и правопорядка в обществе; подготовка высококвалифицированных, обладающих компетенциями, юристов; проведение мероприятий, направленных на воспитание уважения права и закона среди сотрудников правоохранительных органов; формирование патриотического духа обучающихся в образовательных организациях системы МВД России, способных повысить уровень правосознания и предотвратить появление дефектного правосознания; улучшение воспитательного процесса и морально-психологического сопровождения развития личности будущего полицейского.

Таким образом, в современных условиях жизни существуют предпосылки формирования деаксиологического правового сознания, которые приводят к разрушению личности и, как следствие, всего правового государства. Правовое воспитание и правовое просвещение должны быть направлены на повышение уровня правовых знаний и формирование внутренней убежденности личности в первостепенной роли права как важнейшего социального регулятора.

Список литературы:

1. Андреева О. А., Василькова Е. А. Политико-правовые деформации идеи патриотизма в условиях утраты традиционных ориентиров в процессе формирования правосознания и правовой культуры // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 1(33). С. 85–89. – EDN ZHGCTI.
2. Баранов П. П., Русских В. В. Проблемы теории правосознания и правовой культуры. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России. 1999. 80 с.
3. Вербицкий Б. А. Правовой нигилизм и правовой идеализм как деструктивные элементы правовой культуры в современной России // Word science: problems and innovations: Сборник статей XLIII Международной научно-практической конференции: В 2 . Пенза, 30 мая 2020 года. Ч. 2. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 89–98. – EDN QTEJUL.
4. Всероссийский центр изучения общественного мнения: официальный сайт. – https://wciom.ru/ (дата обращения: 15.09.2023).
5. Говорит Москва. официальный сайт. – https://govoritmoskva.ru/news/356136/ (дата обращения: 25.09.2023).
6. Грошев А. В. Уголовный закон и правосознание: теоретические проблемы уголовно-правового регулирования). Екатеринбург: ЕВШ МВД России, 1994. 223 с.
7. Девиантное поведение: Социально-философское осмысление. Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2023. 108 с. – ISBN 978-5-93407-092-3. – EDN RPPLTG.
8. Демидова И. А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2(98). С. 26–35. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-2-26-35. – EDN YDSYCT.
9. Долгова А. И. Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей / Отв. ред. Г. М. Миньковский. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972 // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1. С. 130–137. – EDN UICBIF.
10. Ефремов А. В. Правосознание и правовая культура в Российской Федерации: проблемы становления и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 80–84. – EDN OIWYVP.
11. Еловских О. В. Правосознание // Молодой ученый. 2016. № 26(130). С. 463–465. – EDN XCIACJ.
12. Жалинский А. Э., Костинский М. В. Эффективность профилактики преступлений и криминогенная информация. Львов, 1980. 131 с.

13. Зайцева Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 98–100.
14. Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В. П. Сальникова. М.: Норма, 2014. 207 с.
15. Карпец И. И., Ратинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 47–54.
16. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–38.
17. Кордобовская К. Е. Правовая культура и правосознание как детерминанты деятельности полиции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): Материалы XIX международной научно-теоретической конференции: В 2 ч. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Ч. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 1952–1957. – EDN FOQVRY.
18. Кордобовская К. Е. «Правосознание»: подходы к определению понятия в юридической науке // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 декабря 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 109–113. – EDN BIASCQ.
19. Луговская Т. В. Психологические аспекты развития правосознания личности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 5-1. С. 176–181. – EDN RUPUDT.
20. Макаров С. В., Сальников В. П. Правосознание и правовая культура // Проблемы теории права и государства: Курс лекций / Под ред. В. П. Сальникова, СПб, 1999. 325 с.
21. Марченко Д. Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания. Самара: НТЦ, 2006. 113 с. – ISBN 5-98229-127-4. – EDN QXHOTF.
22. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 510 с.
23. Нижник Н. С. Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3(34). С. 226-230. – EDN PEWTLN.
24. Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С. Законность как основополагающее начало российского права. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 328 с
25. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015.
26. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / Под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 133–138.
27. Нижник Н. С. Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 219–225. – EDN CGYYIA.
28. Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 226–237. – EDN RVCGWM.
29. Нижник Н. С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. С. 106–114. – EDN HYZJOH.
30. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов / В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, А. П. Герасимов [и др.]. Москва: Издательская группа «Юрист», 1994. 360 с. – ISBN 5-7357-0042-1. – EDN VCSIEV.
31. Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России (Проблемы теории и практики): Дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. 222 с. – EDN NLTOHF.

32. Руденко К. И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в: Автореф. дис. … канд. соц. наук. Краснодар, 2015. 22 с. – EDN ZPQHLP.
33. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. 2022. № 4(82). С. 119–126. – EDN FAJNGM.
34. Сисакьян А. К. О деформации и дефектах правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 107–112. – DOI 10.14529/law200218. – EDN EZIIVJ.
35. Хасанов Ш. К. Правовое воспитание как средство преодоления деформации правосознания осужденных: общетеоретический аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Душанбе, 2009. 25 с. – EDN ZNWXQZ.

Kordobovskaya K.E. Defects and deformation of legal consciousness as manifestations of its deaxiologization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 53–63.

The article discusses issues related to the formation and importance of the legal consciousness of citizens and individual social groups of the population. The causes and factors of deaxiologization of the legal consciousness of the individual, as well as the prerequisites for its formation, are revealed. The signs and forms of manifestation of deformations of legal consciousness are characterized. Special attention is paid to countering defects and deformations of legal awareness among law enforcement officers.

Keywords: legal culture, legal awareness, defects of legal awareness, deformation of legal awareness, legal nihilism, legal idealism, legal infantilism.

Spisok literatury:

1. Andreeva O. A., Vasil'kova E. A. Politiko-pravovye deformacii idei patriotizma v usloviyah utraty tradicionnyh orientirov v processe formirovaniya pravosoznaniya i pravovoj kul'tury // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki. 2021. № 1(33). S. 85–89. – EDN ZHGCTI.
2. Baranov P. P., Russkih V. V. Problemy teorii pravosoznaniya i pravovoj kul'tury. Uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu: RYUI MVD Rossii. 1999. 80 s.
3. Verbickij B. A. Pravovoj nigilizm i pravovoj idealizm kak destruktivnye elementy pravovoj kul'tury v sovremennoj Rossii // Word science: problems and innovations: Sbornik statej XLIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: V 2 . Penza, 30 maya 2020 goda. CH. 2. Penza: «Nauka i Prosveshchenie» (IP Gulyaev G.YU.), 2020. S. 89–98. – EDN QTEJUL.
4. Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya: oficial'nyj sajt. – https://wciom.ru/ (data obrashcheniya: 15.09.2023).
5. Govorit Moskva. oficial'nyj sajt. – https://govoritmoskva.ru/news/356136/ (data obrashcheniya: 25.09.2023).
6. Groshev A. V. Ugolovnyj zakon i pravosoznanie: teoreticheskie problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya). Ekaterinburg: EVSH MVD Rossii, 1994. 223 s.
7. Deviantnoe povedenie: Social'no-filosofskoe osmyslenie. CHelyabinsk: CHelyabinskij institut razvitiya professional'nogo obrazovaniya, 2023. 108 s. – ISBN 978-5-93407-092-3. – EDN RPPLTG.
8. Demidova I. A. Sovremennoe obshchestvo kak sreda i determinanta razvitiya pravovoj kul'tury (opyt teoretiko-pravovogo analiza) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2(98). S. 26–35. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-2-26-35. – EDN YDSYCT.
9. Dolgova A. I. Pravosoznanie i ego defekty u nesovershennoletnih pravonarushitelej / Otv. red. G. M. Min'kovskij. M.: Vsesoyuznyj institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1972 // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2014. № 1. S. 130–137. – EDN UICBIF.
10. Efremov A. V. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura v Rossijskoj Federacii: problemy stanovleniya i puti resheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 6. S. 80–84. – EDN OIWYVP.
11. Elovskih O. V. Pravosoznanie // Molodoj uchenyj. 2016. № 26(130). S. 463–465. – EDN XCIACJ.
12. ZHalinskij A. E., Kostinskij M. V. Effektivnost' profilaktiki prestuplenij i kriminogennaya informaciya. L'vov, 1980. 131 s.
13. Zajceva E. S. Pravovoj infantilizm: problemnye voprosy // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2015. № 3(62). S. 98–100.
14. Zaharcev S. I. Nekotorye problemy teorii i filosofii prava / Pod red. V. P. Sal'nikova. M.: Norma, 2014. 207 s.
15. Karpec I. I., Ratinov A. R. Pravosoznanie i prichiny prestupnosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1968. № 12. S. 47–54.
16. Kovalev S. A. Deformaciya pravosoznaniya kak faktor protivopravnogo povedeniya lichnosti // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 13. S. 35–38.
17. Kordobovskaya K. E. Pravovaya kul'tura i pravosoznanie kak determinanty deyatel'nosti policii // Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya

SSSR): Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii: V 2 ch. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 goda. CH. 1. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022. S. 1952–1957. – EDN FOQVRY.
18. Kordobovskaya K. E. «Pravosoznanie»: podhody k opredeleniyu ponyatiya v yuridicheskoj nauke // Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij: Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17 dekabrya 2021 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022. S. 109–113. – EDN BIASCQ.
19. Lugovskaya T. V. Psihologicheskie aspekty razvitiya pravosoznaniya lichnosti // Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. 2009. № 5-1. S. 176–181. – EDN RUPUDT.
20. Makarov S. V., Sal'nikov V. P. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura // Problemy teorii prava i gosudarstva: Kurs lekcij / Pod red. V. P. Sal'nikova, SPb, 1999. 325 s.
21. Marchenko D. E. Pravovoj nigilizm, pravovoj idealizm i pravovoj infantilizm kak formy deaksiologicheskogo pravovogo soznaniya. Samara: NTC, 2006. 113 s. – ISBN 5-98229-127-4. – EDN QXHOTF.
22. Matuzov N. I. Aktual'nye problemy teorii prava. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2003. 510 s.
23. Nizhnik N. S. Socioyuridicheskij fenomen «zakonnost'» v usloviyah dialoga nauchnyh paradigm v sovremennoj yurisprudencii // Problemy prava. 2012. № 3(34). S. 226-230. – EDN PEWTLN.
24. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliev YA. L., Kvitchuk A. S. Zakonnost' kak osnovopolagayushchee nachalo rossijskogo prava. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. 328 s
25. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. R. 01015.
26. Nizhnik N. S., Aliev YA. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredelenie scenariev razvitiya gosudarstvenno-pravovyh yavlenij // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya / Pod obshch. red. A. I. Kaplunova. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. S. 133–138.
27. Nizhnik N. S. Kommemorativnye praktiki kak sredstvo sohraneniya duhovno-nravstvennyh cennostej // Istoriko-pravovoj i sociokul'turnyj opyt razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii i 50-letiyu nachala stroitel'stva Bajkalo-Amurskoj magistrali: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Irkutsk, 13–14 oktyabrya 2023 goda / Otv. red. S. I. SHishkin, P. A. Novikov. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 219–225. – EDN CGYYIA.
28. Nizhnik N. S., Nizhnik V. A. Sohranenie istoricheskoj pamyati kak atribut ukrepleniya duhovno-nravstvennyh cennostej // Istoriko-pravovoj i sociokul'turnyj opyt razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii i 50-letiyu nachala stroitel'stva Bajkalo-Amurskoj magistrali: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Irkutsk, 13–14 oktyabrya 2023 goda / Otv. red. S. I. SHishkin, P. A. Novikov. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 226–237. – EDN RVCGWM.
29. Nizhnik N. S. Pravovaya kul'tura kak determinanta effektivnosti osushchestvleniya policejskoj deyatel'nosti // Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve: Sbornik nauchnyh statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Mogilev, 19 maya 2023 goda. Mogilev: Uchrezhdenie obrazovaniya «Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus'», 2023. S. 106–114. – EDN HYZJOH.
30. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik dlya yuridicheskih vuzov / V. S. Afanas'ev, A. G. Bratko, A. P. Gerasimov [i dr.]. Moskva: Izdatel'skaya gruppa «YUrist», 1994. 360 s. – ISBN 5-7357-0042-1. – EDN VCSIEV.
31. Petrov V. R. Deformaciya pravosoznaniya grazhdan Rossii (Problemy teorii i praktiki): Dis. … kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2000. 222 s. – EDN NLTOHF.
32. Rudenko K. I. Sociologicheskoe issledovanie deformacij pravosoznaniya rossijskoj molodezhi v usloviyah sociokommunikativnyh transformacij nachala XXI v: Avtoref. dis. … kand. soc. nauk. Krasnodar, 2015. 22 s. – EDN ZPQHLP.
33. Sidorenko N. S., Nizhnik N. S. Determinanty deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih: znachenie pravovoj kul'tury pri vybore lichnost'yu modeli pravovogo povedeniya // Obshchestvo i pravo. 2022. № 4(82). S. 119–126. – EDN FAJNGM.
34. Sisak'yan A. K. O deformacii i defektah pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennih del // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. T. 20. № 2. S. 107–112. – DOI 10.14529/law200218. – EDN EZIIVJ.
35. Hasanov SH. K. Pravovoe vospitanie kak sredstvo preodoleniya deformacii pravosoznaniya osuzhdennyh: obshcheteoreticheskij aspekt: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Dushanbe, 2009. 25 s. – EDN ZNWXQZ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 64–75.

УДК 351.85

О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лапова Е. С.
Санкт-Петербургский университет МВД России

Статья посвящена анализу правовой культуры как социоюридического феномена. Акцент сделан на вопросах, касающихся структуры правовой культуры общества и личности. Представлен обзор основных подходов, сложившихся в современной юридической литературе, к выделению структурных элементов правовой культуры и субъектов формирования правовой культуры в современной России. Главное внимание уделено условиям и факторам формирования правовой культуры в современном обществе. Выделены базовые и определяющие условия формирования правовой культуры общества; ключевые факторы, влияющие на формирование и развитие правовой культуры современного общества. Осуществлена классификация многочисленных и разнообразных факторов, влияющих на формирование правовой культуры по разным критериям. Сделаны выводы о полистуктурности и динамичности феномена «правовая культура»; о необходимости определения модели совокупного влияния факторов, воздействующих на правовую культуру конкретным субъектом.

Ключевые слова: правовая культура; правовая культура общества; условия формирования правовой культуры, факторы формирования правовой культуры, правовое поведение.

Феномен «правовая культура» привлекает внимание исследователей различных специальностей, рассматривающих повышение уровня правовой культуры общества одним из важнейших факторов развития общества. Правовую культуру, как системное образование, рассматривают в контексте системно-методического, системно-структурного, системно-содержательного, системно-функционального, системно-генетического, системно-исторического, системно-информационного и иных подходов [1, с. 93–118].

Общепризнанного определения понятия «правовая культура» до настоящего времени не выработано. Правовая культура выступает как обусловленное социальными, духовными, политическими, экономическими и иными факторами качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в уровне его правового развития, в том числе в достигнутом уровне правосознания его членов, уровне развития правовой деятельности, правовых актов и других правовых явлений [2, с. 187].

Традиционно выделяют правовую культуру общества, группы и личности, различающиеся своими структурными составляющими. В. Н. Карташов и М. Г. Баумова выявили, что большинством ученых в структуру правовой культуры общества включаются: правовые тексты, правовые ценности, действующее законодательство, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов, правосознание, правовые отношения, юридическая действительность в особом ракурсе эталонов поведения [3, с. 33–34]. И. А. Иванников полагает, что в этот перечень должны быть включены также: право в целом; государственные правовые институты; и юридическую науку [4, с. 16–24].

Правовая культура общества является разновидностью общественной культуры, отражающей определённый уровень правосознания, законности, юридической практики и охватывающей все ценности, когда-либо созданные людьми, а правовая

культура личности, как компонент общественной правовой культуры, является отражением степени и характера прогрессивного развития человека, обеспечивающего его социализацию и, как результат, правомерную деятельность. Л. А. Петручак подчеркивает, что при характеристике правовой культуры общества особое внимание необходимо обращать на: состояние позитивного права и законодательства; состояние правосознания в обществе; состояние правовой (правотворческой и правоприменительной) деятельности; правомерное поведении граждан, характеризующееся степенью исполнения требований законности, состоянием правопорядка в обществе [5, с. 95].

Правовая культура личности, как составляющая общественной, предполагает позитивное правосознание личности в действии, выражающееся в трех состояниях: 1) правовых культурных ориентациях, 2) творческой деятельности по их реализации, 3) результатах реализации этих ориентаций, что позволяет в структуре правовой культуры личности выделять три группы элементов: правовые чувства, идейно-теоретические правовые представления, деятельность человека в правовой сфере [6, с. 5–11].

И. А. Демидова отмечает, что во множестве характеристик правовой культуры личности различные авторы избирают различные доминанты: одни делают акцент на правовой идеологии, как главного структурного элемента правого сознания личности; другие – в структуре правого сознания считают важными элементы, «содержащие в себе признаки как чувственно-эмоциональной, так и рациональной сфер правового сознания»; третьи – опираются на категории «правовой менталитет» [1, с. 101–102], «правовое мировоззрение», «правовое мышление», «правовая сфера духовного мира человека» [6, с. 5–11]. В. П. Сальников в структуру правовой культуры личности кроме идейно-теоретических правовых представлений и позитивных правовых чувств, включает в качестве важнейшего элемента и творческую деятельность индивида в правовой сфере [7, с. 503–530]. Е. В. Аграновская правовую культуру личности отождествляет с правовым сознанием и включает в ее структуру социально-психологический (правовую психологию, представляющая собой несистематизированные, эмоциональные реакции человека на правовые явления, их осознание и оценку) и идеологический (систематизированное, научно обоснованное осознание права человеком, представленное в категориях законности, равноправия, справедливости, свободы) и другие компоненты [8].

Правовая культура – динамичная сфера общественной жизни. Актуальной проблемой современной теоретической юриспруденции остается определение детерминант формирования правовой культуры [9, с. 136] и роли субъектов, формирующих правовую культуру российского общества, в число которых входят семья, образовательные организации, средства массовой информации, общественные и религиозные организации и базовый субъект – государство [4, с. 24–33].

На современные представления юристов о путях формирования правовой культуры значительное влияние оказывают работы философов и культурологов, характеризующие базовые концептуальные методологические основы исследований правовой культуры, а также исследования в области социологии, истории и политологии.

При характеристике механизма формирования правовой культуры в качестве основы рассматривают механизм формирования культуры в целом [10]. Теоретико-

правовой подход к анализу формирования правовой культуры акцентирует внимание на совокупности субъектов формирования правовой культуры в их совокупной формирующей деятельности [11]; политологический подход – на деятельности политических институтов [12]. Учет того, что одной из особенностей правовой культуры является то, что она формируется на территории конкретного государства обуславливает необходимость рассматривать механизм формирования (трансляции) правовой культуры как специфический процесс воспроизводства национальной социокультурной матрицы [13, с. 76]. В условиях глобализации на механизм формирования правовой культуры важное влияние оказывают межкультурные заимствования и правовая аккультурация [14, с. 49; 15; 16]. Важнейшими научными задачами, имеющими в современных условиях высокую практическую значимость, выступают проблемы сохранения исторической памяти и укрепления духовно-нравственных ценностей [17, 18], выявление механизмов выбора личностью модели правомерного поведения [19, 20], в условиях усиления глобализационных процессов, цифровизации общественных отношений, трансформации иерархии системы социальных регуляторов [21, 22], поиск новых форм воспитания уважения к праву и закону [23; 24], определение эффективных приемов формирования правовой культуры высокого уровня у государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов [25].

Процесс формирования правовой культуры общества выступает как целенаправленный комплексный процесс создания и развития всей совокупности элементов, составляющих правовую культуру общества, осуществляемый совокупностью субъектов, формирующих те или иные структурных компоненты общественной правовой культуры; а формирование правовой культуры личности – как целенаправленный, сложный, длительный, комплексный процесс, представляющий собой совокупность мер, принимаемых субъектами формирования правовой культуры по формированию одного или нескольких структурных компонентов правовой культуры личности (познавательного, ценностно-ориентационного, деятельностного), осуществляющийся посредством сложного комплекса социокультурных, воспитательных, образовательных, политических и прочих механизмов, дифференцированно включающихся в различных сочетаниях в зависимости от целей, стоящих перед государством и обществом на определенном историческом этапе. Процесс формирования правовой культуры личности выступает, прежде всего, как «интериоризация норм права и принципов нравственности» [7, с. 504].

Исследуя процесс формирования правовой культуры, необходимо выявить условия и факторы, оказывающие воздействие на него. Вследствие сложности, полистуктурности и динамичности феномена «правовая культура» в современной юридической науке отсутствуют модели совокупного влияния факторов, воздействующих на правовую культуру, при деятельности какого-либо из субъектов формирования правовой культуры; не проводится четкого разграничения понятий «условие» и «фактор»; отсутствует однозначная формулировка того, что же такое «фактор формирования правовой культуры».

Условие – обстоятельство, от которого что-либо зависит; обстановка, в которой что-либо происходит [26]. Наличие права и общей культуры, правовых и общесоциальных ценностей, социальных регуляторов поведения – базовые условия появления правовой культуры. Исходя из того, что правовая культура формируется на терри-

тории конкретного государства, «единое правовое поле государства» и «правовое пространство государства» (подразумевающие наличие в государстве правовой регуляции; подчинение всех субъектов права на данной территории, требованиям действующего законодательства данного государства, обеспечиваемое принудительной силой; и наличие единых моделей поведения людей, проживающих на территории государства) являются определяющими условиями формирования правовой культуры [27, с. 229]. Условиями формирования правовой культуры также являются, например: наличие правовых демократических взаимоотношений государства и общества; формирование правового государства; повышение качества и эффективности деятельности правовых институтов; совершенствование законодательства; формирование, расширение и накопление политико-правовых знаний; политико-правовая социализация личности; совершенствование правоприменительной деятельности [28, с. 84].

Возникновение условий как создание определенной обстановки для чего либо, является результатом воздействия определенных факторов. Фактор (от лат. factor – делающий, производящий) – причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные черты [29]. Изучение факторов, как причины формирования чего-либо, и механизма их воздействия, является необходимым при анализе субъекта формирования любого явления.

К ключевым факторам, которые влияют на развитие культуры в целом, относят социально-экономическое развитие общества, науки и технологий, состояние политических и правовые институты, религию и культурные традиции. Социально-экономическое развитие, считается доминирующим фактором, так как оно напрямую влияет на жизненный уровень, уровень образования и доступность культурных мероприятий. Правовая культура общества как часть общей культуры, безусловно, подвержена влиянию этих факторов, однако для ее формирования важны и иные факторы.

В научной литературе отмечается, что для формирования правовой культуры важны: социальные, экономические, аксиологические, культурные, исторические, информационно-технологические, воспитательно-образовательные, правовые, политические, институциальные, духовные факторы, факторы, влияющие на образование дефектов и деформаций правового сознания. Важнейшими группами факторов формирования правовой культуры рассматриваются: факторы, влияющие на состояние позитивного права и законодательства; состояние общественного правосознания; состояние правовой деятельности; использование гражданами модели правомерного поведения [5, с. 95].

Факторы, воздействующие на правовую культуру, могут оказывать влияние как на конкретные структурные составляющие, так и на несколько составляющих одновременно. Среди факторов формирования правовой культуры особое значение имеют детерминанты развития правосознания и воспитания правомерного поведения: социальные регуляторы, позволяющие эффективно осуществлять социализацию, а также правовой статус лиц, проживающих в государстве, правовое положение задержанных, подследственных, осужденных; государственная правовая образовательная политика; правовые воспитание и образование; правовое информирование и информированность; формирование правовых ценностей, в том числе, валидных в современных условиях; обеспечение условий активного восприятия и прочного

усвоения правовых ценностей; формирование высокой общей, правовой и этической культуры (особенно служащих и работников законодательной, правоохранительной и судебной сфер); надлежащая корректная и эффективная деятельность госорганов, осуществляемая с исключительным соблюдением требований закона и в соответствии с требованиями служебной этики [7, с. 503–530]; содействие правовому поведению, его стимулирование; грамотная и эффективная работа с населением (особенно с молодежью) всех подразделений МВД и других правоохранительных органов; формирование системы ценностных координат личности; адекватное восприятие правовых норм общества; готовность выполнять правовые нормы; нацеленность на повышение правовой грамотности; готовность отстаивать и защищать свои права и интересы; знание своих обязанностей; уважение законных прав и интересов других членов общества и государства [30, с. 10]; вовлеченность в политические процессы; обеспечение равенства граждан перед законом независимо от их положения; защита прав каждого человека, находящегося на территории государства, в том числе мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев; государственная правовая образовательная политика; патриотизм как ценностно-правовая ориентация личности.

Фактором формирования правовой культуры А. В. Петров считает состояние правовой (юридической) науки и юридического образования [31, с.169–171]. Состояние юридической науки определяют: наличие и развитие научных знаний о государстве и праве в виде единой системы; наличие учебных заведений, осуществляющих правовые воспитание и образование на профессиональной основе; создание условий для появления ученых в области права; совершенствование института ученых степеней в юридических науках; активизация и стимулирование научной деятельности.

Важным фактором формирования правовой культуры А. А. Жигулин считает развитие законодательства и состояние законности в государстве. Социальность культурных норм и нормативность культуры взаимосвязаны и взаимозависимы. Они обеспечивают организацию и координацию действий социума через институционализацию (формализацию и стандартизацию) поведения и отношений с помощью появления объективных, не зависящих от индивидов, правил поведения (необходимых для предвидения действий других людей и адекватного взаимодействия) и обеспечение их выполнения [32, с. 104–105]. Развитие законодательства и состояние законности в государстве детерминирует координацию действий социума, институционализацию поведения и регулирование поведения граждан, являясь при этом обусловленным признанием и поддержкой правовых норм населением; разработкой нормативных правовых актов в соответствии с общественной моралью, обычаями, традициями, принципами права; полное и регулярное издание законодательных актов; изучение правового опыта передовых правовых государств и адаптация его к реалиям своего государства; восполнение пробелов, разрешение коллизий. На состояние законности оказывают воздействие: обеспечение условий для правовой деятельности граждан, связанной с использованием достижений правовой мысли, юридической техники и практики, стимулирование такой деятельности; повышение политической активности граждан; наличие, организация и оптимизация работы государственных, правоохранительных органов, адвокатуры, правозащитных организаций, институтов по защите прав человека, института альтернативных способов уре-

гулирования споров, юридических клиник; стимулирование появления и эффективной деятельности молодежных парламентов и прочих молодежных органов, занимающихся управлением на различных уровнях.

В процессе формирования правовой культуры необходимо учитывать различное влияние факторов на разные возрастные группы [33, с. 204–210], а также группы, осуществляющую различную профессиональную деятельность. Особое значение имеет правовая культура государственных служащих, сотрудников правоохранительной и судебной сфер, профессиональных юристов, чертами которой должны являться: высокие правовые воспитанность и образованность; профессиональное правосознание; сформированная в соответствии с государственной правовая идеология. Фактором, осложняющим состояние правовой культуры сотрудников правоохранительных органов, является специфическое социальное окружение, с которым происходит взаимодействие в ходе профессиональной деятельности (как имеющее высокую правовую культуру, так и с низким уровнем правовой культуры и сильными деформациями правосознания) [34, с. 137–139].

Для формирования правовой культуры общества имеет большое значение профессиональная деятельность библиотек по созданию фондов правовой литературы, в том числе в цифровом виде; по проведению мероприятий, направленных на повышение правовой грамотности населения, а также работа уполномоченных по правам человека.

Важный фактор – взаимодействие со средствами массовой информации; широкое продвижение в СМИ и виртуальных средах правовых вопросов; формирование имиджа государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов; деятельность средств массовой информации по воспитанию уважения к праву, закону, государственной власти. Особое значение СМИ приобрели в условиях пандемии, борьба с которой требовала законопослушного поведения граждан. Средства массовой информации производили в сети Интернет социально значимый контент, который был призван помочь преодолеть негативные последствия периода самоизоляции, поддерживать социальный оптимизм, противодействовать фейковым новостям, снижать социальную напряженность и укреплять гражданскую идентичность в нестандартных ситуациях. СМИ стали важным фактором формирования правовой культуры в нестандартных и беспрецедентных по единовременному уровню социального напряжения и психологического дискомфорта людей по всему миру.

К геополитическим факторам формирования правовой культуры относятся: воздействие макроуровневых процессов на формирование правовой культуры (отдаленность центра политико-правовых преобразований от регионов, региональная специфика историко-культурных особенностей, неравенство социально-экономического развития, специфика региональных политико-правовых процессов); учет факторов макро-, мезо- и микроуровней, определяющих внутреннюю противоречивость формирования правовой культуры таких регионов, особенностей правового поведения; действие политических сил регионального уровня, направленных на переформатирование традиционно устоявшихся принципов функционирования «периферии» российского политико-правового пространства; унификация правовой культуры российского общества; изучение правовой культуры общества в режиме мониторинга, необходимое для корректировки ценностей и норм в области права в соответствии с быстро меняющейся мировой обстановкой; учет при мониторинге

различных аспектов правовой культуры региональных, национальных, культурных и правовых особенностей; конкретно-социологический анализ правовой культуры населения на устойчивых исторических локальных территориях [35]; изменение роли права в системе социальных регуляторов [21; 22; 1; 24; 19].

В XXI в. особое значение приобретают факторы, обусловленные созданием в современном мире глобального цифрового общества: наличие законов регулирования информационного и телекоммуникационного рынков; формирование новых нормативных требований к организации делового процесса; изменения в информационном законодательстве; обеспечение формирования информационной правовой культуры, обеспечивающей правовые и социальные гарантии гражданина в цифровой среде; контроль вмешательства государства в сетевые отношения, решение проблемы цензуры в Интернете; обеспечение правовой защиты цифровой интеллектуальной собственности; правовое решение вопросов ответственности за правонарушения, совершенные посредством цифровых сред; обеспечение информационной безопасности; предотвращение распространения информации, создающей угрозу для прав и законных интересов государства, физических и юридических лиц; защита цифровых инвестиций, регуляция сферы услуг, оказываемых посредством сети Интернет [36].

Очевидно, что формирование правовой культуры требует единой государственной концепции и политики по формированию и развитию правовой культуры. Шаги государства в этом направлении получили закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 28 апреля 2011 года № Пр-1168 «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [37], в котором нашли отражение основные факторы, формирующие правовую культуру российского общества: воспитание законопослушного поведения в семье; качественное воспитание и обучение; развитие основ правосознания; распространение и использование информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание, в том числе при помощи средств массовой информации; доступность и понятность оказываемых государством услуг населению; доступность правосудия, судебной защиты; безупречная и эффективная деятельность судов и тех органов, которые исполняют судебные решения; строгое соблюдение закона и профессиональной этики государственными служащими; понятность, доступность и эффективность законодательства; реализация принципов справедливости и равноправия; обеспечение соответствия норм права интересам различных социальных групп; систематический качественный контроль за состоянием законодательства в целях его оптимизации; контроль за правоприменением; эффективная и законная деятельность правоохранительных и иных органов по выявлению и пресечению нарушений закона; обеспечение неотвратимости справедливого и соразмерного наказания за нарушение закона; обеспечение правопорядка; доступность для населения квалифицированной юридической помощи; соблюдение юристами норм закона и профессиональной этики; деятельность лиц творческих профессий и их объединений (среди которых СМИ, организаторы информационного вещания, издательские организации, производителей рекламы и другие), направленная на создание и распространение информационных продуктов, продвигающих модель законопослушного поведения; ограничение распространения произведений, пропа-

гандирующих противоправное поведение, непочтительное отношение к государству и закону, правам человека и гражданина.

Безусловно, в современных реалиях этот перечень не является исчерпывающим, не отражает взаимосвязи «фактор – следствие влияния фактора» и требует учета, что совокупность определенных факторов может давать различные результаты в зависимости от составляющих факторов и от условий, в которых происходит формирование правовой культуры. При этом Указ Президента РФ «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» четко фиксирует направления деятельности государственных органов и общественных объединений, способствующих формированию в России правовой культуры общества и личности, позволяющей укрепление правового государства и устойчивое развитие Отечества, несмотря на угрозы его безопасности и иные вызовы современного мира.

Классификацию многочисленных и разнообразных факторов, влияющих на формирование правовой культуры, можно осуществить по разным критериям, выделив их виды:

– по степени распространенности: общие, влияющие на правовую культуру общества как полиструктурное образование в целом; специфические, влияющие либо на отдельные структурные уровни, либо на правовую культуру конкретной социальной группы;

– по отношению к объекту: внешние факторы (объективные), не зависящие от деятельности общества как социальной группы или личности, а сгенерированные исключительно субъектом формирования правовой культуры; внутренние факторы, сгенерированные обществом / личностью (субъективные) под влиянием факторов, созданных субъектом формирования правовой культуры (например, правовое самовоспитание и самообразование как внутренние факторы, сформированные под воздействием множества внешних факторов, созданных различными субъектами формирования правовой культуры);

– по продолжительности воздействия: постоянные, оказывающие влияние непрерывно: долговременные, оказывающие влияние в течение длительного промежутка времени; кратковременные;

– по характеру влияния на развитие правовой культуры: интенсивные, которые связаны непосредственно с оптимизацией правовой сферы, улучшением деятельности государства по поддержанию законности, правопорядка; экстенсивные, не связанные с вышеперечисленным напрямую, требующие от субъекта формирования правовой культуры создания дополнительных факторов;

– по возможности дать количественную оценку: измеримые и неизмеримые;

– по результативности формирования правовой культуры: положительные – формирующие правовую культуру и правовое сознание; отрицательные – дестабилизирующие правовую культуру общества и личности, влияющие на появление дефектов и деформаций правового сознания;

– по характеру воздействия на правовую культуру (по наличию / отсутствию цели): целенаправленные; стихийные, по возможности корректирования разделяющиеся на управляемые и неуправляемые;

– по сложности состава: простые (одноэлементные); сложные (комплексные);

– по способу влияния на правовую культуру: прямые; косвенные;

– по влиянию на структурные компоненты правовой культуры общества: влияющие на состояние позитивного права и законодательства; влияющие на состояние правосознания; влияющие на состояние правотворческой деятельности; влияющие на состояние правоприменительной деятельности; влияющие на формирование правомерного поведении граждан; влияющие на сохранение правовых ценностей; влияющие на поддержание законности и правопорядка; способствующие развитию юридической науки; направленные на улучшение деятельности государственных правовых институтов; влияющие на стимулирование правовой деятельности и правомерного поведения;

– по возможностям использования: реальные, оказывающие влияние в настоящее время; потенциальные, важные в ближайшем будущем, создание которых при соответствующей деятельности субъектов формирования правовой культуры потенциально возможно и необходимо.

Список литературы:

1. *Демидова И. А*. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев: ин-т МВД, 2021. 396 с.
2. *Нижник Н. С. Семенова О. В., Стоцкий А. П.* Теория государства и права: Учебное наглядное пособие / Под общ. ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. 264 с.
3. *Карташов В. Н., Баумова М. Г.* Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 2008. 200 с.
4. *Правовая* культура: Учебное пособие / Сост. Л. М. Балакирева, В. Ю. Гулакова, А. М. Дроздова [и др.]. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. 374 с.
5. *Петручак Л. А.* Правовая культура как детерминанта современного российского общества. Москва: Юриспруденция, 2012. 400 с.
6. *Баранов П. П., Русских В. В.* Проблемы теории правосознания и правовой культуры: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 1999. 80 с.
7. *Общая* теория государства и права. Академический курс: [в 3 томах] / Отв. ред. М. Н. Марченко. 3 т.: Государство, право, общество. Москва: Норма, 2007. 698 с.
8. *Аграновская Е. В.* Правовая культура и обеспечение прав личности. Москва: Наука, 1988. 142 с.
9. Лапова Е. С. К вопросу о формировании подходов к изучению феномена «правовая культура» в отечественной юридической науке // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы материалы всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербургского университета МВД России (17 дек. 2021 г.). Санкт-Петербург, 2022. С. 134–138.
10. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология. Санкт-Петербур: Эго, 2001. 287 с.
11. *Пахомов Е. И.* Социокультурные основания и механизмы формирования современной правовой культуры: Дис. … канд. филос. наук. Белгород, 2001. 149 с.
12. *Цветков А. В*. Политический механизм формирования правовой культуры современной России: Дис. … канд. полит. наук. Москва, 2007. – 175 с.
13. *Осипов М. Ю.* Правовая культура и механизм ее формирования // Журнал российского права. 2012. № 1(181). С. 75–81.
14. *Нижник Н. С.* Правовая аккультурация в контексте коэволюции политико-правовых систем современности // Международное и национальное право: теория, история, современность: Сборник научных статей / Сост. А. А. Дорская, Н. Ю. Иванова. Санкт-Петербург: Астерион, 2009. С. 48–51. – EDN HWDWBV.
15. *Нижник Н. С.* Взаимовлияние национальных правовых культур – атрибутивная характеристика постсовременности // Правовая система России: традиции и инновации: Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2013 г. / Под общ. ред. Н. С. Нижник: В 5 ч. Ч. III. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. С. 112–121.
16. *Нижник Н. С.* Правовая аккультурация как детерминанта коэволюции политико-правовых систем современности // Заманбап илим. 2013. № 1(1). С. 82–88. – EDN EFQWUV.
17. *Нижник Н. С.* Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–

14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 219–225. – EDN CGYYIA.
18. *Нижник Н. С., Нижник В. А.* Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / Отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 226–237. – EDN RVCGWM.
19. *Девиантное* поведение: Социально-философское осмысление. Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2023. 108 с. – EDN RPPLTG.
20. *Сидоренко Н. С., Нижник Н. С.* Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. 2022. № 4(82). С. 119–126. – EDN FAJNGM;
21. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015.
22. *Нижник Н. С., Алиев Я. Л.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / Под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 133–138.
23. *Нижник Н. С.* Социоюридический феномен «законность» в условиях диалога научных парадигм в современной юриспруденции // Проблемы права. 2012. № 3(34). С. 226-230. – EDN PEWTLN.
24. *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С.* Законность как основополагающее начало российского права. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 328 с
25. *Нижник Н. С.* Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности // Правовая культура в современном обществе: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Могилев, 19 мая 2023 года. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. С. 106–114. – EDN HYZJOH.
26. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2015. 1375 с.
27. *Хаванова Т. В.* Структурные элементы механизма формирования правовой культуры личности в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 228–231.
28. *Пастухов А. В.* Условия и факторы формирования политико-правовой культуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 83–88.
29. *Большой* энциклопедический словарь / Гл. ред.: А. М. Прохоров. Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. Галерея», 1993. 1628 с.
30. *Вязов А. Л.* О факторах формирования правовой культуры // Проблемы высшего образования. 2017. №2. С. 9–12.
31. *Петров А. В.* Правовая культура и ее структурные компоненты: проблемы генезиса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 167–173.
32. *Жигулин А. А.* Правовая культура личности как форма правосознания // Территория науки. 2012. № 3. С. 98–106.
33. *Петручак Л. А., Корнев А. В.* Современный российский социум и формирование правовой культуры молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 5(813). С. 203–217.
34. *Канунников Р. И., Савич И. И.* Факторы формирования правовой культуры у сотрудников органов внутренних дел // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 6. С. 136–140.
35. *Калиновский Г. А*. Факторы формирования правовой культуры учащейся молодежи средних городов Юга России: Дис. … канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 172 с.
36. *Лебедева Н. Н*. Правовая культура личности и Интернет: Теоретический аспект: Дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. 211 с.
37. Указ Президента Российской Федерации № Пр-1168 [утвержден Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года] «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» // Российская газета. 2011. 14 июля.

Lapova E. S. About the factors of formation of legal culture modern society // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 64–75.

The article is devoted to the analysis of legal culture as a socio-legal phenomenon. The emphasis is on issues related to the structure of the legal culture of society and the individual. An overview of the main approaches that have developed in modern legal literature to identifying the structural elements of legal culture and the subjects of the formation of legal culture in modern Russia is presented. The main attention is paid to the conditions and factors of the formation of legal culture in modern society. The basic and determining conditions for the formation of the legal culture of society are highlighted; key factors influencing the formation and development of the legal culture of modern society. A classification of numerous and varied factors influencing the formation of legal culture according to various criteria has been carried out. Conclusions are drawn about the polystructural and dynamic nature of the "legal culture" phenomenon; about the need to determine a model of the cumulative influence of factors affecting the legal culture of a specific subject.

Keywords: legal culture; legal culture of society; conditions for the formation of legal culture, factors for the formation of legal culture, legal behavior.

Spisok literatury:

1. Demidova I. A. Pravovaya kul'tura sovremennogo belorusskogo obshchestva: metodologiya issledovaniya, voprosy ponimaniya i sovershenstvovaniya. Mogilev: in-t MVD, 2021. 396 c.
2. Nizhnik N. S. Semenova O. V., Stockij A. P. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnoe naglyadnoe posobie / Pod obshch. red. N. S. Nizhnik. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2020. 264 s.
3. Kartashov V. N., Baumova M. G. Pravovaya kul'tura: ponyatie, struktura, funkcii. YAroslavl' : YAroslavskij gos. un-t, 2008. 200 s.
4. Pravovaya kul'tura: Uchebnoe posobie / Sost. L. M. Balakireva, V. YU. Gulakova, A. M. Drozdova [i dr.]. Stavropol': Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2015. 374 s.
5. Petruchak L. A. Pravovaya kul'tura kak determinanta sovremennogo rossijskogo obshchestva. Moskva: YUrisprudenciya, 2012. 400 s.
6. Baranov P. P., Russkih V. V. Problemy teorii pravosoznaniya i pravovoj kul'tury: Uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu: RYUI MVD Rossii, 1999. 80 s.
7. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: [v 3 tomah] / Otv. red. M. N. Marchenko. 3 t.: Gosudarstvo, pravo, obshchestvo. Moskva: Norma, 2007. 698 s.
8. Agranovskaya E. V. Pravovaya kul'tura i obespechenie prav lichnosti. Moskva: Nauka, 1988. 142 s.
9. Lapova E. S. K voprosu o formirovanii podhodov k izucheniyu fenomena «pravovaya kul'tura» v otechestvennoj yuridicheskoj nauke // Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij: Materialy materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii (17 dek. 2021 g.). Sankt-Peterburg, 2022. S. 134–138.
10. Ariarskij M. A. Prikladnaya kul'turologiya. Sankt-Peterbur: Ego, 2001. 287 s.
11. Pahomov E. I. Sociokul'turnye osnovaniya i mekhanizmy formirovaniya sovremennoj pravovoj kul'tury: Dis. … kand. filos. nauk. Belgorod, 2001. 149 s.
12. Cvetkov A. V. Politicheskij mekhanizm formirovaniya pravovoj kul'tury sovremennoj Rossii: Dis. … kand. polit. nauk. Moskva, 2007. – 175 s.
13. Osipov M. YU. Pravovaya kul'tura i mekhanizm ee formirovaniya // ZHurnal rossijskogo prava. 2012. № 1(181). S. 75–81.
14. Nizhnik N. S. Pravovaya akkul'turaciya v kontekste koevolyucii politiko-pravovyh sistem sovremennosti // Mezhdunarodnoe i nacional'noe pravo: teoriya, istoriya, sovremennost': Sbornik nauchnyh statej / Sost. A. A. Dorskaya, N. YU. Ivanova. Sankt-Peterburg: Asterion, 2009. S. 48–51. – EDN HWDWBV.
15. Nizhnik N. S. Vzaimovliyanie nacional'nyh pravovyh kul'tur – atributivnaya harakteristika postsovremennosti // Pravovaya sistema Rossii: tradicii i innovacii: Materialy X vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 25–27 aprelya 2013 g. / Pod obshch. red. N. S. Nizhnik: V 5 ch. CH. III. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2013. S. 112–121.
16. Nizhnik N. S. Pravovaya akkul'turaciya kak determinanta koevolyucii politiko-pravovyh sistem sovremennosti // Zamanbap ilim. 2013. № 1(1). S. 82–88. – EDN EFQWUV.
17. Nizhnik N. S. Kommemorativnye praktiki kak sredstvo sohraneniya duhovno-nravstvennyh cennostej // Istoriko-pravovoj i sociokul'turnyj opyt razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii i 50-letiyu nachala stroitel'stva Bajkalo-Amurskoj magistrali: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Irkutsk, 13–14 oktyabrya 2023 goda / Otv. red. S. I. SHishkin, P. A. Novikov. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 219–225. – EDN CGYYIA.
18. Nizhnik N. S., Nizhnik V. A. Sohranenie istoricheskoj pamyati kak atribut ukrepleniya duhovno-nravstvennyh cennostej // Istoriko-pravovoj i sociokul'turnyj opyt razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii i 50-letiyu nachala stroitel'stva Bajkalo-Amurskoj magistrali: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Irkutsk, 13–14 oktyabrya 2023 goda / Otv. red. S. I. SHishkin, P. A. Novikov. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 226–237. – EDN RVCGWM.

19. Deviantnoe povedenie: Social'no-filosofskoe osmyslenie. CHelyabinsk: CHelyabinskij institut razvitiya professional'nogo obrazovaniya, 2023. 108 s. – EDN RPPLTG.
20. Sidorenko N. S., Nizhnik N. S. Determinanty deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih: znachenie pravovoj kul'tury pri vybore lichnost'yu modeli pravovogo povedeniya // Obshchestvo i pravo. 2022. № 4(82). S. 119–126. – EDN FAJNGM;
21. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. R. 01015.
22. Nizhnik N. S., Aliev YA. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredelenie scenariev razvitiya gosudarstvenno-pravovyh yavlenij // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya / Pod obshch. red. A. I. Kaplunova. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. S. 133–138.
23. Nizhnik N. S. Socioyuridicheskij fenomen «zakonnost'» v usloviyah dialoga nauchnyh paradigm v sovremennoj yurisprudencii // Problemy prava. 2012. № 3(34). S. 226-230. – EDN PEWTLN.
24. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliev YA. L., Kvitchuk A. S. Zakonnost' kak osnovopolagayushchee nachalo rossijskogo prava. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. 328 s
25. Nizhnik N. S. Pravovaya kul'tura kak determinanta effektivnosti osushchestvleniya policejskoj deyatel'nosti // Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve: Sbornik nauchnyh statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Mogilev, 19 maya 2023 goda. Mogilev: Uchrezhdenie obrazovaniya «Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus'», 2023. S. 106–114. – EDN HYZJOH.
26. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 100000 slov, terminov i vyrazhenij: [novoe izdanie] / Pod obshch. red. L. I. Skvorcova. 28-e izd., pererab. Moskva: Mir i obrazovanie, 2015. 1375 s.
27. Havanova T. V. Strukturnye elementy mekhanizma formirovaniya pravovoj kul'tury lichnosti v sovremennom rossijskom obshchestve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 3. S. 228–231.
28. Pastuhov A. V. Usloviya i faktory formirovaniya politiko-pravovoj kul'tury sovremennogo rossijskogo obshchestva // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2011. № 4. S. 83–88.
29. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / Gl. red.: A. M. Prohorov. Moskva: Sovetskaya enciklopediya; Sankt-Peterburg: Fond «Leningr. Galereya», 1993. 1628 s.
30. Vyazov A. L. O faktorah formirovaniya pravovoj kul'tury // Problemy vysshego obrazovaniya. 2017. №2. S. 9–12.
31. Petrov A. V. Pravovaya kul'tura i ee strukturnye komponenty: problemy genezisa // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2017. № 3. S. 167–173.
32. ZHigulin A. A. Pravovaya kul'tura lichnosti kak forma pravosoznaniya // Territoriya nauki. 2012. № 3. S. 98–106.
33. Petruchak L. A., Kornev A. V. Sovremennyj rossijskij socium i formirovanie pravovoj kul'tury molodezhi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2018. № 5(813). S. 203–217.
34. Kanunnikov R. I., Savich I. I. Faktory formirovaniya pravovoj kul'tury u sotrudnikov organov vnutrennih del // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2022. № 6. S. 136–140.
35. Kalinovskij G. A. Faktory formirovaniya pravovoj kul'tury uchashchejsya molodezhi srednih gorodov YUga Rossii: Dis. … kand. soc. nauk. Rostov-na-Donu, 2001. 172 s.
36. Lebedeva N. N. Pravovaya kul'tura lichnosti i Internet: Teoreticheskij aspekt: Dis. … kand. yurid. nauk. Moskva, 2004. 211 s.
37. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № Pr-1168 [utverzhden Prezidentom Rossijskoj Federacii 28 aprelya 2011 goda] «Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan» // Rossijskaya gazeta. 2011. 14 iyulya.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 76–81.

УДК 343.9

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Морозова Н. В., Ховавко С. М.

В статье авторы рассматривают генезис института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве зарубежных стран и России. Раскрывается сущность, значение и предпосылки возникновения института досудебного соглашения о сотрудничестве. Проводится сравнительный анализ института досудебного соглашения о сотрудничестве в англо-саксонской и в романо-германской правовых системах. Перечислены основные исторические этапы формирования института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Обосновано, что в российском законодательстве основой для формирования института досудебного соглашения о сотрудничестве являлся институт деятельного раскаяния. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей законодательного закрепления новеллы российского уголовного судопроизводства – досудебного соглашения о сотрудничестве. Перечисляются преимущества института досудебного соглашения о сотрудничестве и делается вывод о значении последнего для укрепления и совершенствования уголовно-прецессуального права Российской Федерации.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, предварительное расследование, сделка, правосудие, обвиняемый, прокурор.

Закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) институт досудебного соглашения о сотрудничестве в настоящее время имеет достаточно широкое распространение в уголовном судопроизводстве и стабильную динамику использования.

Суть данного института сводится к своеобразному подтверждению деятельного раскаяния лица, совершившего преступление, что влечет за собой смягчение наказания содействующему расследованию лицу.

Интересным представляется тот факт, что в зарубежных странах существуют различные названия данного уголовно-процессуального института: «сделка с правосудием», «сделка с обвинением», «сделка о сотрудничестве со стороной обвинения», «сотрудничество со следствием», «сделка о признании вины», «апелляция раскаявшегося» и тому подобное. Однако, по сути, между собой вышеперечисленные понятия ничем не отличаются. Изначально «сделка с правосудием», как ее называют за рубежом, в современном ее понимании возникла в конце XIX в. в государствах англо-саксонской правовой системы (США, Великобритания и др.) и достаточно быстро получила самое широкое распространение в других странах мира.

Именно в тот период в США, по мнению Иванова А.А. и Корчаго Е.В., началась проблема с перегруженностью уголовной системы. Уровень преступности на тот момент был весьма высокий, набирала обороты организованная преступность, поэтому необходимо было всеми возможными способами облегчать работу следствия и прокуратуры [1]. Тогда и пришла такая мысль американским законодателям: «А зачем тратить время на тех преступников, кто признаёт свою вину?». На основании этого и начал формироваться правовой институт «сделка с правосудием».

Махов В. Н. и Пешков М. А. считают, что этот правовой институт применяется в США уже на протяжении 150 лет в качестве сокращённого способа рассмотрения уголовного дела по существу и установления неизвестных следствию определённых

обстоятельств совершённого преступления, в том числе сведений о неизвестных следствию соучастниках [2].

После появления «сделки с правосудием» резко снизился показатель наказаний в виде пожизненного заключения или смертной казни, ведь многие подозреваемые/обвиняемые стремились избежать таких суровых наказаний, за счет признания своей вины и содействия следствию в раскрытии совершенных преступлений. Именно поэтому они начали признавать свою вину и сотрудничать со следствием.

Несмотря на то, что «сотрудничество со следствием» зародилось приблизительно в 1890-х годах, Верховный суд США признал это на конституционном уровне только в 1970 г. Тем не менее в США «сделки с правосудием» подразделяют на два подвида: 1) о сотрудничестве со следствием; 2) о признании вины. В первом случае имеется ввиду, что преступник просто помогает в расследовании преступления и при вынесении приговора это учитывается. При этом помощь следствию может быть разная. Но это не значит, что он признает себя виновным. А во втором случае – без всякого сопротивления преступник признаёт, что он совершил данное противоправное деяние. Меняется предмет доказывания и дальнейшее расследование складывается немного по-другому сценарию.

По итогу сотрудничества, лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело, выносятся на его имя одно из следующих решений: 1) о смягчении обвинения и наказания; 2) о смягчении обвинения; 3) о смягчении наказания. В любом случае, подсудимый уже будет знать, что ожидать от суда, нежели чем от тех же присяжных заседателей.

Практически все соглашения о признании вины в США заключаются после предъявления обвинения. Тем не менее, никто не мешает подозреваемому вести диалог с прокурором насчёт сотрудничества до предъявления обвинения. Если лицо, которое подозревается в совершении преступления, заявит стороне обвинение своё желание о заключении в дальнейшем соглашения о сотрудничестве, то это однозначно будет удобней для всех. Особенно для прокурора, который успеет ознакомиться с личностью преступника и решить стоит ли заключать с ним соглашение или нет, идя на взаимные уступки.

Наблюдая за развитием института досудебного соглашения, Великобритания решила перенять данный опыт. В конце XX в. органы следствия Великобритании уже во всю начали практиковать «сотрудничество со следствием». Сделка о признании своей вины может быть заключена на любой стадии уголовного судопроизводства до того, как суд удалиться в совещательную комнату для вынесения приговора подсудимому [3]. Если провести сравнение уголовных законов США и Великобритании, то найти в них отличия, в области заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, не получится, поскольку характеристики данных институтов у них абсолютно одинаковые. Аналогичная ситуация возникнет и при сравнении законодательства иных стран англо-саксонской системы права.

Иная ситуация с правовым положением досудебного соглашения о сотрудничестве сложилась в странах романо-германской системы права. Так, во Франции заключать досудебное соглашение можно строго по определённым составам преступления, в частности это те составы, за которые предусмотрено менее 5 лет лишения свободы. К ним относится: угрозы причинения вреда здоровью, клевета, простой грабёж, незаконное владение некоторыми видами оружия [4]. За такие составы про-

курор может предложить лицу, за которым ведётся уголовное преследование, сделать признание и получить наказание сроком всего на 1 год. 1 год или 5 лет – разница ощутима. В Германии, в отличии от других государств, возможно заключение «сделки со следствием» даже за малозначительные деяния, тогда как во Франции, например, это возможно применить только за преступления небольшой или средней тяжести.

Разумеется, и Российское уголовное судопроизводство не осталось в стороне от возможности применения правового института, предусматривающего упрощенное разбирательство по уголовным делам, в какой-то степени переняв основные черты этого института у стран англо-американской системы. Становление и развитие российского досудебного соглашения о сотрудничестве берёт своё начало ещё в 10 веке. И хотя это и не в чистом виде досудебное соглашение, но определённые «зародыши» этого правового института, безусловно присутствуют в российском законодательстве. Так, согласно мнению Е. Л. Федосеевой, ещё в Русской Правде, изданной Ярославом Мудрым, имелись основания освобождения от наказания. Например, если человек совершил кражу имущества, но через какое-то время он вернул его хозяину, то преступник будет освобождён от наказания, если потерпевший не возражает [5]. Да, после этого уголовный процесс прекращался, но уже в то время правовые нормы давали возможность признать свою вину преступникам.

Когда в 1397 г. приняли Двинскую уставную грамоту, в российских законах появилось понятие «примирение сторон» [6]. Если происходили ссоры с драками между гражданами, то они могли помириться до обращения в суд. Таким образом, виновник мог бы избежать наказания. Да, в данном случае, не происходит сотрудничества с судом, но уже в то время виновное лицо могло облегчить своё положение с помощью освобождения от наказания.

Следующим ключевым этапом развития института соглашения о сотрудничестве является 1715 г. Именно в этот период был издан Артикул воинский, который гласил про соучастие в правонарушениях, предусмотренных в уголовных и гражданских законах. То есть, если к судебному разбирательству привлекалось несколько подсудимых или несколько гражданских ответчиков, то каждый из них будет отвечать только за свою долю деяния, а не за всех своих «товарищей». От части, это улучшает положение виновного [7]. Следовательно, тоже немного относится к досудебному соглашению о сотрудничестве.

Одной из самых значимых дат в развитии российского досудебного соглашения о сотрудничестве стало 20 ноября 1864 г. Именно в этот день был издан Устав уголовного судопроизводства, в котором отмечалось, что суд был обязан провести судебное следствие в случае признания обвиняемого виновным по требованию сторон. Иными словами, даже если подсудимый признавал свою вину в полном объёме, нужно было убедиться в правдивости его слов. Вдруг окажется, что он дал ложные показания, чтобы скрыть другого преступника.

Следующим ключевым нормативным актом российского уголовного судопроизводства, свидетельствующим об активном развитии правовой системы государства, стал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. В нём уже были закреплены принципы уголовного процесса, которые в дальнейшем были заимствованы современным УПК РФ. Это такие принципы, как состязательность сторон, гласность, публичность, язык судопроизводства [8].

Про досудебное соглашение о сотрудничестве в УПК РСФСР 1922 ничего не было сказано, но зато уже в редакции 1923 г. появилось понятие «упрощённая форма уголовного судопроизводства. Если подсудимый согласился с предъявленным ему обвинением и дает признательные показания в полном объёме, то судебное расследование прекращается и наступает прение сторон [9].

Анализ содержания УПК РСФСР 1960 г., показывает, что в этом документе можно найти нормы, которые затрагивают определённые договорённости между стороной защиты и стороной обвинения. В качестве примера можно привести ст. 6 «Прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки», в соответствии с которой уголовное дел подлежало прекращению, если совершенное лицом одеяние утратило общественно опасный характер, либо лицо, совершившее преступление, стало на путь исправления, а также ст. 7 «Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием» [10], которая предусматривала, что лицо, которое совершило преступление, стало на путь исправления, способствуя расследованию, обязуясь возместить ущерб и т.д.

Таким образом резюмируем, что деятельное раскаяние в совершённом преступлении – один из элементов досудебного соглашения. В 1996 г. с принятием новой редакции Уголовного кодекса РФ, в которой было прописано освобождение от уголовной ответственности по данному основанию, российское законодательство приблизилось к закреплению института «досудебного соглашения о сотрудничестве» на законном уровне.

После событий 1991 г., когда произошел распад СССР, в России начались серьёзные проблемы с ростом преступности. Преступность начала меняться количественно и качественно, поэтому нагрузка на следственные органы была колоссальная. Эта непростая ситуация требовала немедленного разрешения, результатом которого стало введение гл. 40 в Уголовно-процессуальный кодекс РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», а в последствии и дополнении действующего УПК РФ главой 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Теперь подозреваемый/обвиняемый на законных основаниях могут признать свою вину и получить некие «поблажки». В частности, это выражается в уменьшении размера или срока наказания. Собственно, почему бы не воспользоваться этим, если понимаешь, что наказание однозначно неизбежно? Также стоит отметить, что после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве упрощается работа следователя и прокурора. Если сравнивать с обычным досудебным производством по делу, то после заключения соглашения предмет доказывания изменяется и некоторые доказательства в суде не рассматриваются. Иными словами, все участники уголовного судопроизводства остаются удовлетворены таким развитием событий.

Подводя итог, отметим, что рассматриваемый правовой механизм, являющийся для сторон уголовного судопроизводства взаимосвязанным и взаимовыгодным, имеет длительную историю развития как за рубежом, так и в российской правовой системе.

Список литературы:

1. Иванов А. А. Правовое регулирование института сделок … С. 283; Корчаго Е. В. Институт сделки о признании вины: право и экономика // Мировой судья. 2019. № 12. С. 32.

2. Махов В. Н. Пешков М. А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): Учеб. пособие-М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. 28 с.
3. Дубровина Е. Г. Сделки о признании вины по законодательству Великобритании // Московский государственный институт международных отношений МИД России. 2016. № 4. С. 123.
4. Алешина А. Д., Асланян А. Л., Беляева К.В., Булатова В. В. Сделки о признании вины в уголовном процессе зарубежных стран // Юридический вестник молодых ученых. 2016. № 3. С. 42.
5. Федосеева Е. Л. История развития и предпосылки создания института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном законодательстве в период с X по середину XX веков // Общественная безопасность, законность и правопорядок в 3-м тысячелетии: Международная научно-практическая конференция. 2010. № 2. С. 98.
6. Чистякова О. И. Российской законодательство X – XX веков: в 9-ти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М. : Юридическая литература, 1984. 430 с.
7. Земзикова Е. Ю., Бадиков Д. А. Гарантии защиты в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // В сборнике: Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. Редколлегия: А. В. Булыжкин [и др.]. 2017. С. 70–73.
8. Новикова Е.А., Чаплыгина В.Н. Основные аспекты реформирования института предварительного расследования конца XIX века // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 104-110.
9. Голубовский, В. Ю. Развитие института досудебного соглашения о сотрудничестве / В. Ю. Голубовский, Н. Н. Гусева // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 146-150.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // КонсультанПлюс: справ. Правовая система. Версия Проф. М., 2021. Утратил силу.

Morozova N.V., Khovavko S.M. Historical aspect of development of the institute of pre-trial cooperation agreement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 76–81.

In the article, the authors consider the genesis of the institution of pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings of foreign countries and Russia. The essence, significance and prerequisites for the emergence of the institution of pre-trial cooperation agreement are revealed. A comparative analysis of the institution of pre-trial agreement on cooperation in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems is carried out. The main historical stages in the formation of the institution of pre-trial agreement on cooperation in Russian criminal procedure legislation are listed. It is substantiated that in Russian legislation the basis for the formation of the institution of a pre-trial agreement on cooperation was the institution of active repentance. Particular attention is paid to the consideration of the features of the legislative consolidation of the novelty of Russian criminal proceedings - the pre-trial cooperation agreement. The advantages of the institution of pre-trial cooperation agreement are listed and a conclusion is drawn about the importance of the latter for strengthening and improving the criminal procedural law of the Russian Federation.

Key words: pre-trial cooperation agreement, preliminary investigation, deal, justice, accused, prosecutor.

Spisok literatury:

1. Ivanov A. A. Pravovoe regulirovanie instituta sdelok … S. 283; Korchago E. V. Institut sdelki o priznanii viny: pravo i ekonomika // Mirovoj sud'ya. 2019. № 12. S. 32
2. Mahov V. N. Peshkov M. A. Ugolovnyj process SSHA (dosudebnye stadii): Ucheb. posobie-M.: ZAO «Biznes-shkola «Intel-Sintez», 1998. 28 s.
3. Dubrovina E. G. Sdelki o priznanii viny po zakonodatel'stvu Velikobritanii // Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij MID Rossii. 2016. № 4. S. 123.
4. Aleshina A. D., Aslanyan A. L., Belyaeva K.V., Bulatova V. V. Sdelki o priznanii viny v ugolovnom processe zarubezhnyh stran // YUridicheskij vestnik molodyh uchenyh. 2016. № 3. S. 42.
5. Fedoseeva E. L. Istoriya razvitiya i predposylki sozdaniya instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v otechestvennom zakonodatel'stve v period s H po seredinu HKH vekov // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v 3-m tysyacheletii: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 2010. № 2. S. 98.
6. CHistyakova O. I. Rossijskoj zakonodatel'stvo X – XX vekov: v 9-ti tomah. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. – M. : YUridicheskaya literatura, 1984. 430 s.
7. Zemzikova E.YU., Badikov D.A. Garantii zashchity v otnoshenii podozrevaemogo (obvinyaemogo), zaklyuchivshego dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // V sbornike: Obespechenie prav i zakonnyh interesov grazhdan v deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya. Sbornik statej Mezhvedomstvennogo kruglogo stola i Vserossijskogo kruglogo stola . Redkollegiya: A.V. Bulyzhkin [i dr.]. 2017. S. 70-73.

8. Novikova E.A., CHaplygina V.N. Osnovnye aspekty reformirovaniya instituta predvaritel'nogo rassledovaniya konca XIX veka // V sbornike: Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 104-110.
9. Golubovskij, V. YU. Razvitie instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve / V. YU. Golubovskij, N. N. Guseva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 11. S. 146-150.
10. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 29.12.2001, s izm. ot 26.11.2002) (s izm. i dop., vstupayushchimi v silu s 01.07.2002) // Konsul'tanPlyus: sprav. Pravovayasistema. VersiyaProf. M., 2021. Utratilsilu.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 82–91.

УДК 342

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОРТОВЫХ ТАМОЖЕННЫХ И КАРАНТИННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Осоченко А. А.

АНО ПОО «Финансово-экономический колледж»

В статье исследуются вопросы эволюции норм противопожарной безопасности в портовых таможенных и карантинных учреждения Российской империи в XVIII – XIX вв. Автором проанализированы как многочисленные частные нормативные акты, так и консолидированные – уставы таможенные, уставы карантинов. В ходе изучения проблемы выявлено, целенаправленная организационно-правовая работа по разработке и внедрению противопожарных норм в портовых таможенных учреждения Российской империи стала осуществляться лишь во второй половине XVIII в. Появление к конце XVIII в. особых пожарных подразделений при таможнях, в частности при таможне Санкт-Петербурга, свидетельствует не только о признании государством существующих проблем, но и желании комплексно разрешить их. Деятельность данного конкретного подразделения удалось проследить до второй половины XIX в., когда изменение организационно-правовых форм взаимодействия припортовых подразделений сместилось в сторону усиления полномочий руководства торговых портов, оставив за таможенными учреждениями лишь их непосредственные функции. Противопожарные меры в карантинных учреждениях, более активно развивавшиеся в Причерноморье, первоначально были организованы на весьма низком уровне (см. уставы 1800 г, 1818 г. и 1832 гг.). На основе Устава 1841 г. созданы карантинные порты и брандвахты, детализированы требования к противопожарной безопасности в самих карантинах.

Ключевые слова: противопожарная безопасность, таможенные и карантинные учреждения, нормативные акты, меры, уставы.

Одним из важнейших мест хранения и обработки товаров, прибывающих и убывающих в Российскую империю, являлись таможенные и карантинные учреждения. Сохранность и безопасность мест хранения таких товаров (склады, пакгаузы и т.п.), скорость и стоимость их хранения и обработки существенно влияли как на интенсивность морского судоходства, так и на стоимость соответствующих услуг.

Учитывая, что вплоть до конца XIX в. в Российской империи морские торговые порты были с государственной администрацией были единичным явлением (Санкт-Петербург, порты Прибалтики), то важность их деятельности сложно переоценить.

Монополия государства на складочное дело практически на территории всей империи, за исключением Финляндии – где самоуправляющиеся города в большинстве своем имели складочное право [1], налагала именно на государственные органы обязанности сохранения и сбережения товаров купцов во время нахождения их в руках таможенного и карантинного ведомств. Сохранение и сбережение свойств данных товаров требовало принятия множества различных мер – постройки и обслуживания различного рода помещений, их охрана, в том числе и пожарная.

Ориентированный на взаимодействие с большинством стран Европы порт Санкт-Петербурга длительное время занимал практически монопольное положение во внешней морской торговле, т.к. через него проходило большинство товаров и судов. Лишь к концу XIX в. на второе место по товарообороту вышел Одесский торговый порт, а за ним иные порты Причерноморья.

Так как торговые порты Прибалтики, в виду системы самоуправления городов, а также слабой экономической связи с великороссийскими торговыми путями не представляли интереса для российского законодателя. Торговый порт Архангельска, в свою очередь, по своему товарообороту был достаточно слаб [2], то основное внимание власти были адресовано порту столицы – Санкт-Петербургу.

В данном учреждении, которое строилось и развивалось одновременно с городом, являясь исключительно государственной собственностью и управляемой через государственных чиновников и создавались необходимые, в том числе и таможенные учреждения с складскими помещениями при них.

26 августа 1762 г. был опубликован указ «О зачете претерппнного купцами убытка от пожарного случая в пошлину, расположив уплату оной в 5 лет, с позволением оный зачет переводить другим». В данном акте речь идет о попытке частичного возмещения пострадавшим купцам от пожара, случившегося 29 июня 1761 г. на малой Невке (Санктпетербург) в пеньковых амбарах. 21 марта этого же (1762 г.) года сенат уже издавал указ о выплате всем пострадавшим купцам на 10 лет без процентов из сумм специального банка при Сенате, средства в размере 50% от сгоревшего имущества. Сенат (или банк) этого не сделали, поэтому пришлось купцам обращаться к императрице за помощью, о чем и был издан указ.

В результате Сенат, по воле императрицы велел: «всем означенным погоревшим купцам, коих действительно товары погорели, половину всей той суммы, на сколько у них погорело, по верной в Комерц-Коллегии выправке, с их товаров в пошлину при здешнем Санкт-Петербургском порте зачесть за 5 лет…» [3, с. 62-63].

Убытки государственной казны от данного события и организации как складского, так и противопожарного дела более чем очевидны. С учетом же фактического отсутствия развитой системы страхования в данный период в Российской империи, иного пути, нежели создания как отдельных пожарных подразделений, так и нормативной базы их деятельности у государственной власти практически не было.

В свою очередь в указе 1736 г. уже упоминается наличие при таможне Санкт-Петербурга пакгаузов [1, с. 782-783], что, по нашему мнению свидетельствует о постепенном переходе всех подобных помещений под управление таможенных учреждений.

5 апреля 1782 г. издано «Положение о городовых пенечных, льняных табачных, сальных и других товаров анбарах, в Столичном, Губернском и приморском городе Святого Петра». Данный акт предписывал «для поклажи привозимых к Санктпетербургскому порту и отпускаемых от онаго пеньки, льна, табаку, масла, сала и других товаров определяются городовые анбары» (п. 1) [5, с. 442-261]. Смотреть за амбарами должен был «анбарный Пристав» с соответствующим штатом (амбарный надзиратель, поручик, амбарные сержанты и т.п.) (п. 3). К противопожарным мерам, изложенным в данном указе следует отнести нормы п. 2, которым предписано данные строения размещать в безопасных местах «от огня, воды, сырости и кражи», но удобных для привоза товаров [5, с. 445].

Но главное, что указ предписывал «При городским анбарах иметь своего брандмейстера или огнегасительного мастера с одною или двумя большими заливными трубами и с потребным числом служителей для действия оным» (п. 8); вводился запрет на разведение огня вблизи данных амбаров, даже по берегам рек возле них и на пристани, а также на пристающих к ним плавсредствам, зажигать свечи и лампады,

курить табак и т.п. (п. 134); запрещалось раскладывать огонь для варения пищи и разогрева смолы и дегтя и т.п. (п. 135); запрещалось допускать в городовую амбарную кухню всех кроме шкиперов и матросов (п. 136); держать в этой кухне, кроме пищи, никакие иные вещи, особенного уголья, смолу и деготь (п. 137) и т.п. Особо устанавливались взыскания за нарушения данных правил (пп. 155-176).

В тоже время, каких-либо нормы, регламентирующие деятельность брандмейстера и его подчиненных в данном документе отсутствуют, как и нормы, регулирующие возможность компенсации потерпевшим убытки купцам (собственникам товаров и иного имущества) в результате возможных случаев пожаров.

Очевидно, что пожарные команды при складских помещениях, как и сами склады, в первую очередь, согласно действующим нормам, действовали под управлением таможенных учреждений, которые собственно и занимались вопросами складки, выдачи и, безусловно, проведением необходимых таможенных формальностей по отношению к ним. Таким образом сами такие команды, как и склады, стали сначала де-факто, а затем уже и де-юре считать таможенными.

Данный вывод подтверждает и указ от 6 сентября 1807 г. «Штат пожарной команды при С.Петербургской таможне», которым, по просьбе министра коммерции данный штат и был увеличен [6].

Очевидно с важностью службы таможенных пожарных, указом от 10 июня 1814 г. жалование пожарным служащим Санкт-Петербургской таможни было существенно повышено. Собственно, жалование было увеличено на 20 руб. в год, и отдельно на обмундирование по 50 руб. каждому [7, с. 840].

Важным источником в выявлении и изучении формирования пожарных команд и норм, регулирующих противопожарную безопасность в таможенных складских помещениях являются таможенные уставы Российской империи. Однако, в Таможенном уставе 1755 г. соответствующих норм мы не находим [8, с. 462-487].

В тоже время, «Таможенный устав по Европейской торговле от 14 декабря 1819 г.» сделал в данном вопросе существенный шаг вперед. Так, согласно данному документу, все таможни (сухопутные и торговые), разделялись на 4 класса. Только таможни 1-го класса имели право «иметь складку», т.е. с правом хранения в таких учреждениях в течении от шести до восьми месяцев. К таим относились таможни Санктперебургская, Архангельская, Рижская, Одесская, Феодосийская, Таганрогская, Московская, Виленская, Киевская, Бердичевская и в Царстве Польском [9, с. 418]. Некоторым таможням второго класса также было даровано право хранения товаров до 6 месяцев (Ревельская, Либавская, Ковенская, Гродненская, Могилевскуая на Днестре, Дубоссарская, Евпаторийская и т.д.) [10, с. 417-500].

Согласно таблице №II. «К N 28.030 «Штат Санкт-Петербургской и Рижской Таможен. (книга штатов)», «При карауле денежной казны и хранения от огня и покражи» состояла «инвалидная команда» в следующем составе: 1 унтер-офицер, 18 инвалидов, 4 сторожей. У пожарных труб несли свою службу один брандмейстер и 36 служителей.

В тоже время, поэтому же штату, Рижской таможне полагалось лишь 10 сторожей (без унтер-офицера и инвалидов), но эти сторожа были показаны в той же графе, что и инвалидная команда таможни С.-Петербурга [11, с. 167-168].

Таким образом, из 10 таможен первого класса (без учета таможен Царства Польского) в 1819 г., лишь в двух были предусмотрены должностные лица, непосредственно отвечающие за противопожарную безопасность, т.е. пожарные команды.

Можно предположить, что в ходе увеличения штатов таможенных учреждений в последующие годы [12, с. 357], количество пожарных служащих также возрастало, однако точных данных по этому вопросу не обнаружено.

В тоже время, уже указом от 3 декабря 1852 г. система комплектования пожарной команды, состоящей при С.-Петербургской таможне была изменена [13, с. 748]. Если до принятия данного нормативного акта эта команда комплектовалась нижними чинами, присылаемыми от военного ведомства (очевидно инвалидами). В последующем предписано комплектовать ее «нижними чинами пограничной стражи» [14].

Важным шагом в формальном закреплении статуса таможенных пожарных команд стало утверждение для них особой формы (как для офицерского, так и рядового состава) в 1855 г. [15, с. 15]. Это, кроме прочего, закрепило весьма важные для данного периода российской истории внешние признаки принадлежности к таможенным пожарным командам.

Однако, данное событие во много стало знаковым в истории пожарных таможенных команд, т.к. уже с началом периода реформ (после 1861 г.), на фоне развития торговли и торговых портов, противопожарные службы, вместе со своим персоналом, все более переходили в распоряжение портового руководства, имеющего значительно более как финансовых и технических ресурсов, так и понимания их наиболее рациональной организации.

Подтверждением данного тезиса, может служить принятие в 1866 г. нормы, регулирующей содержание в порту С.-Петербурга парового пожарного локомобился «принадлежащего морскому ведомству» [16, с. 890-891]. Безусловно, в данном случае имеется в виду именно военно-морское министерство Российской империи, однако сам факт перехода части полномочий внутри территории порта из таможенного ведомства в иные, свидетельствует о наметившихся существенных изменениях в данном вопросе.

Еще одним, кроме таможенных учреждений в торговых портах, важным государственным органом, с четко определенными функциями, в задачу которого также входило обеспечением поступающих на обработку привозных морскими путями товаров, являлось карантинное ведомство Российской империи [17, с. 216-224]. Учитывая, что его истории посвящено значительное количество публикаций, в том числе монографическое издание Б. В. Змерзлого и Е. О. Ворониной [18].

Создание карантинных учреждений в России решало сразу несколько задач: 1) введение комплексных мер по недопущению вместе с зараженными предметами, вещами и людьми с торговых судов различных эпидемиологических заболеваний; 2) предоставление защиты и комфортного пребывания и лечения как заболевших и признанных подозрительными в эпидемиологических болезнях; 3) предоставление необходимой помощи судам и их командам при нахождении в карантине и т.п.; 4) юридическое оформление возможных происшествий; 5) спасение значительного количества товара для моряков и торговцев путем установленных мер их обеззараживания.

Учитывая наличие в карантинных учреждениях значительного количества людей и товаров, закрытый характер самих учреждений, категорический запрет при различных происшествиях на внешнюю помощь, карантинные учреждения должны были иметь собственные правовые нормы и практические возможности по предотвращению пожаров как на своей территории, так и на находящихся временно в их ведении торговых судах.

Устав пограничных и портовых карантинов 1800 г. возлагал непосредственный контроль за порядком в учреждении на карантинных комиссаров, которые подчинялись карантинной конторе [19, с. 189-225]. Особых же мер для борьбы с пожарами не предписано. В тоже время, исходя из устройства карантинных учреждений, а именно – разделение на 3 квартала; отдельно находящаяся контора и очистительный пакгауз, которые отделялись друг от друга, особенно в портовых карантинах, высокими каменными изгородями; с запретом на свободное перемещение клиентов карантина и служащих, а также держание торговых судов в гавани или на рейде, само по себе являлось важной предохранительной мерой.

Устав о карантинах 1818 г. предписывал «137. …иметь пожарные орудия и воду в карантинном доме. Они расставляются так, чтобы в случае пожара каждое отделение могло самостоятельно загасить его… акт о случившемся утверждается «Судебным местом, коммерческие дела ведающим». Умышленные поджигатели, или лица, допустившие пожар по небрежности, подлежали передаче в суд [20, с. 500].

Если же случался пожар «на судне, под Карантинным присмотром состоящим, случится пожар, который может удобно быть угашен малым числом людей, то экипаж загоревшегося судна должен употребить все средства к угашению его… Коммерческий Суд, или другое Присутственное место, ведающее дела торговые, исчисляет сделанную в таком случае потерю, и определяет вознаграждение убытков тем, ком потерпят тут от продолжения сроков или от других обстоятельств» (п. 112) [20, с. 495].

Недостатками первых карантинных уставов (1800 и 1818 гг.) в деле борьбы с пожарами следует считать: 1) практически полное отсутствие правил поведения экипажей судов (хотя их деятельность регулировалась и иными нормами, однако законодатель мог предоставить в данном вопросе и дополнительные полномочия карантинам); 2) отсутствие упоминаний о возможности получения, в случае пожара, помощи из вне карантинного учреждения; 3) отсутствие требований к наличию соответствующих инструментов и материалов, или хотя бы их перечня; 4) правил поведения при пожаре для различных частей учреждения, и т.п.

Устав о карантинах 1832 г. оказался более продуманным со стороны законодателя в противопожарном плане, хотя и сохранил большинство указанных недостатков. Так, в нем предписывалось обязательное наличие в Карантинном доме пожарные орудия и воду, которые следовало расставлять так, «чтобы в случае пожара, он мог быть угашаем без замешательства, в какой бы части Карантинного дома ни случился» [21, с. 718].

В тех случаях, когда возгорание происходило во внутренней части Карантинного дома, и могло быть ликвидировано лишь «одними пассажирами, служащими, караульными или рабочими загоревшегося строения или отделения его, под наблюдением карантинного чиновника», то данный чиновник, чаще всего карантинный комиссар, должен был следить и не допускать, «чтобы при сем люди, помещенные в од-

ном строении или отделении, не смешивались и не сообщались с людьми других строений или отделений».

Однако, в случае, если пожар угрожал и другим строениям, тогда и из них пассажиры и служащие должны были стараться гасить огонь (п. 51). Акт о нанесенной подобными событиями убытке, по составлении его «надлежащим порядком, утверждается Судебным местом, коммерческие дела ведающим» [21, с. 726-727]. Чаще всего таким «судебным местом» для портовых карантинов были коммерческие суды, расположенные нередко в тех же городах, где и были учреждены карантины (Одесса, Таганрог, Феодосия и т.д.).

Важным новшеством устава 1832 г. считаем появлением в его отделении 2

«О содержании в Карантине судов и судовых людей и надзора за ними» норм, регулирующих деятельность капитана карантинного порта и подчиненных ему брандвахтных офицеров и команд, в том числе в вопросах противопожарной безопасности. Они, в частности, осуществляли надзорные функции (п. 141); должны были оказывать судам необходимую помощь в различных ситуациях (п. 142) [21, с. 740-741].

Кроме того, судам, находящимся в карантинном порту в любом случае, запрещалось «иметь прикосновения к другим судам» (п. 147), что предотвращало их скученность. Пунктом 151 предписывалось нахождение на каждом судне непрерывной вахты; также запрещалось всем находящимся на судне безоговорочно стрелять, а также «в интрюме и между палубами курить табак» [21, с. 742].

Кроме того, нормы устава (п. 165) предписывали содержать пристани, где выгружаются товары, содержать в чистоте – «Пристани… должны быть прилежно очищаемы от всякого сора рабочими людьми», что в качестве второстепенной меры следует отнести к противопожарным действиям.

Кроме того, «по всему Карантинному дому должна быть наблюдаема всевозможная чистота, а особенно во внутренней части: все площади и ходы в ней должны быть, сколь можно чаще, вычищаемы от всякого сору». Траву внутри карантина предписывалось скашивать, т.к. она, в сухом виде, могла способствовать распространению огня (п. 50).

Также устав предписывал «В карантинном доме должно иметь всегда в готовности пожарные орудия и воду, которые расставляются таким образом, чтобы в случае пожара, он мог быть угашаем без замешательства, в какой бы части Карантинного дома ни случился.

Если пожар последует во внутренней части Карантинного дома и удобно может быть угашен одними пассажирами, служителями, караульными или рабочими загоревшегося строения или отделения онаго, под наблюдением Карантинного Чиновника, то его обязанность есть предупреждает, чтобы при сем люди, помещенные в одном строении или отделении, не смешивались с другими людьми или отделений. Но если пожар угрожает и другим строениям, тогда из них люди должны стараться гасить огонь… Акт о нанесении таким случаем потерь, по учинении его надлежащим порядком, утверждается Судебным местом, коммерческие дела ведающим» (п. 51) [21, с. 726-727].

Более непосредственно вопросы борьбы с пожарами на судах в карантинной гавани регулировались п. 167, которым устанавливалось, что «Если на судне, состоящим под карантинным присмотром, случится пожар, который может быть удобно

угашен малым числом людей, то экипаж загоревшегося судна должен употреблять все средства к угашению его.

Если одного экипажа будет для сего недостаточно; то шкипер дает сигнал, по коему близко стоящие суда обязаны подать ему помощь».

4 июня 1841 г. вышел последний в истории Российской империи «Высочайше утвержденный Устав о Карантинах» [22, с. 443], который, однако, не содержал новых норм в отношении противопожарной безопасности. Следует также указать, что карантинные учреждения действовали в Одессе, Феодосии, Кефе, Таганроге, Севастополе, а также при портах Рижском, Перновском и Аренсбургском др. [23, с. 362].

В тоже время, учитывая, что данный документ действовал до начла XX вв. и фактически не дополнялся, такой подход нельзя признать верным. Причина такой оценки состоит в появлении и активном распространении пароходов, а в последствии и железных дорог, деятельность которых в торговых портах, а вместе с тем и с таможенными и карантинными учреждениями требовали совершенно иных организационно-правовых и технических подходов.

Подводя итог, можно указать, что в Российской империи развитие противопожарных мер в отношении обеспечения безопасности торговых судов и их товаров с середины XVIII до конца XIX вв. шло 2 способами: 1) Балтийский, 2) Черноморско-Азовский.

Балтийский регион характеризуется построением данной системы на базе торговых портов (Санкт-Петербург, Рига, финские порты) с портовой и таможенной администрацией, что позволяло концентрировать средства и усилия по предотвращению и борьбе с пожарами, т.к. руководство портов обладало необходимыми финансовыми, техническими, административными и организационными ресурсами.

В Черноморско-Азовском регионе (Одесса, Феодосия, Керчь, Севастополь, Мариуполь, Таганрог и т.п.) до конца XIX в. отсутствовали администрации торговых портов, однако были созданы карантинные учреждения, а вместе с ними и карантинные гавани, порты и т.п. Именно их руководство, базируясь на нормах карантинных уставов занималось вопросами расстановки судов в портах и на рейде, их взаимодействием в различных ситуациях, выполнением необходимых карантинных, таможенных и противопожарных правил и т.п. Таможенные органы в данном случае выполняли второстепенную роль. Существенным аргументом в руках администрации карантинных учреждений для поддержания необходимого правопорядка служили карантинная и таможенная стражи, брандвахты.

Развитие самих противопожарных мер в основном соответствует требованиям времени и обуславливается отсутствием общепринятых международных норм в данном вопросе; заимствованием и творческим развитием зарубежного опыта с творческим подходом к его совершенствованию и применению; учетом местных условий, практики применения; развития собственных организационно-правовых подходов.

Список литературы:

1. Под ред. Е. М. Жукова. Складочное право // Советская историческая энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. — 1973—1982. — М.: Советская энциклопедия. Под ред. Е. М. Жукова. 1973—1982.

2. Владимир Станулевич. Остров Пустошь: четыре столетия лоцманского искусства. – URL: - https://regnum.ru/news/society/2245402.html (дата обращения: 23.09.2021) – Текст : электронный

3. 26 августа 1762 г. «О зачете претерпнного купцами убытка от пожарного случая в пошлину, расположив уплату оной в 5 лет, с позволением оный зачет переводить другим» // ПСЗ, Собрание (1649-1925): Т. XVI (С 28 июня 1762 по 1764), №11657. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – С. 62–63.
4. 16 марта 1736 «О взимании с привозимых к Санктпетербургскому порту иностранных товаров пошлин бездоимочно, под опасением взыскания с Комерц-Коллегии, не только следующих пошлинных денег, но и причитающихся на оных процентов» // ПСЗ, Собрание (1649-1925): Т. IX (1733-1736), №6918. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – С. 782–783.
5. 5 апреля 1782 г. «Положение о городовых пенечных, льняных табачных, сальных и других товаров анбарах, в Столичном, Губернском и приморском городе Святого Петра» // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XXI (С 28 июня 1781 по 1783). – Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – С. 445–461.
6. 6 сентября 1807 г. Штат пожарной команды при С.Петербургской таможне // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XXIX (1806-1807), №22613. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 1277.
7. 10 июля 1814 г. О прибавке жалованья пожарным служителям Санкт-петербургской Таможни. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XXXII (1812-1814), №25619. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – С. 840.
8. 1 декабря 1755. Таможенный устав // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XIV (1754-1757), №10486. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 462–487.
9. 1 декабря 1755. Таможенный устав // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XIV (1754-1757), №10486. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 418.
10. Таможенный устав по Европейской торговле от 14 декабря 1819 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XXXVI, №28030. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 417-500.
11. Полное собрание законов Российской империи. Том XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отделение III и IV. – К N 28.030 «Штат Санкт-Петербургской и Рижской Таможен. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 167–168.
12. О прибавлении чинов в Санкт-Петербургскую и Кронштадтскую таможни: Именной указ от 5 июня 1842 г. // ПСЗ. Собр. 2.: Т. XXVIII, №27439. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 357.
13. 1852. Декабря 3. Комплектование пожарной команды, состоящей при С.-Петербургской таможне, нижними чинами пограничной стражи // ПСЗ. Собрание второе. Т. XXVII. Отделение первое. №26832. – Спб., В Типографии 2 Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. – 1853. – С. 748.
14. Латышева Е. В. Пограничная стража в составе таможенной службы Российской империи // Научный вестник Крыма. – URL: Пограничная стража в составе таможенной службы Российской империи (cyberleninka.ru) (дата обращения : 20.01.2024)
15. 1855. Декабря 9. Высочайше утвержденное описание обмундирования инвалидных и пожарных команд таможенного ведомства. (Форма обмундирования для офицеров и нижних чинов пожарных команд, состоящих при таможнях и таможенных заставах) // ПСЗ. Собрание второе. Т. XXX. 1856. – Санктпетербург. – В типографии 2 Отделения Собственной Е. И. Канцелярии. 29925 в. Дополнение к XXX-му тому Втор. Собр. Зак. – С. 15.
16. 11 июля 1866 г. «Положение о количестве месячного расхода материалов на действие, содержание в исправности и случайные исправления принадлежащего морскому ведомству, в С.-Петербургском порте, парового пожарного локомобиля, в 10 нарицательных сил, системы Гилля» // ПСЗ, Собрание втрое: Т. XLI (1866), Отделение первое. №43477. – СПб. В Типографии 2 Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. – 1868 г. С. 890–891.
17. Воронина Е. О. Создание и развитие государственной карантинной службы в Российской империи в начале XIX века // Записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Т. 25 (64). 2012. – №1. – С. 216–224.
18. Змерзлый Б. В., Воронина Е. О. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии). – Симферополь, 2014.
19. 7 июля 1800 г. «Устав пограничных и портовых карантинов» // ПСЗ, с 1649 г. Т. XXVI. 1800-1801, №19476. – Печатано в Типографии 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – С. 198–225.
20. 21 августа 1818 г. Устав о Карантинах // ПСЗ, с 1649 г. Т. XXXV. №27490. – 1830. – Печатано в Типографии 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – С. 500.

21. Октября 20. 1832 г. Высочайше утвержденный Устав о Карантинах // ПСЗ. Собрание второе. Том VII, №5690. – СПб., Печатано в Типографии 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1833. – С. 718.
22. 4 июня 1841 г. «Высочайше утвержденный Устав о Карантинах» // ПСЗ. Собрание второе, Т. XVI (1841). Отделение первое, №14614. – Санктпетербург. – В Типографии Собственной Е. И. В. Канцелярии– 1842. – С. 443.
23. 14 ноября 1802 г. «О соединении под одно управление Богоугодных заведений в городе Риге» // ПСЗ (Собрание первое): Т. XXVII (1802-1803), №20509. – Печатано в Типографии 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – С. 362.

Osochenko A. A. Regulation of fire safety issues in port customs and quarantine institutions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 82–91.

The article examines the evolution of fire safety standards in port customs and quarantine institutions of the Russian Empire in the 18th – 19th centuries. The author analyzed both numerous private regulations and consolidated ones - customs regulations, quarantine regulations. In the course of studying the problem, it was revealed that targeted organizational and legal work on the development and implementation of fire safety standards in port customs institutions of the Russian Empire began to be carried out only in the second half of the 18th century. Appearance towards the end of the 18th century. special fire departments at customs, in particular at the customs of St. Petersburg, indicates not only the recognition by the state of existing problems, but also the desire to comprehensively resolve them. The activities of this particular unit could be traced back to the second half of the 19th century, when changes in the organizational and legal forms of interaction between port departments shifted towards strengthening the powers of the management of commercial ports, leaving only their direct functions to customs institutions. Fire prevention measures in quarantine institutions, which developed more actively in the Black Sea region, were initially organized at a very low level (see statutes of 1800, 1818 and 1832). Based on the Charter of 1841, quarantine ports and fire guards were created, and fire safety requirements in the quarantines themselves were detailed.

Key words: fire safety, customs and quarantine institutions, regulations, measures, charters.

Spisok literatury:

1. Pod red. E. M. ZHukova. Skladochnoe pravo // Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. — M.: Sovetskaya enciklopediya. — 1973—1982. — M.: Sovetskaya enciklopediya. Pod red. E. M. ZHukova. 1973—1982.
2. Vladimir Stanulevich. Ostrov Pustosh': chetyre stoletiya locmanskogo iskusstva. – URL: - https://regnum.ru/news/society/2245402.html (data obrashcheniya: 23.09.2021) – Tekst : elektronnyj
3. 26 avgusta 1762 g. «O zachete preterppnnogo kupcami ubytka ot pozharnogo sluchaya v poshlinu, raspolozhiv uplatu onoj v 5 let, s pozvoleniem onyj zachet perevodit' drugim» // PSZ, Sobranie (1649-1925): T. XVI (S 28 iyunya 1762 po 1764), №11657. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – S. 62–63.
4. 16 marta 1736 «O vzimanii s privozimyh k Sanktpeterburgskomu portu inostrannyh tovarov poshlin bezdoimochno, pod opaseniem vzyskaniya s Komerc-Kollegii, ne tol'ko sleduyushchih poshlinnyh deneg, no i prichitayushchihsya na onyh procentov» // PSZ, Sobranie (1649-1925): T. IX (1733-1736), №6918. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. – S. 782–783.
5. 5 aprelya 1782 g. «Polozhenie o gorodovyh penechnyh, l'nyanyh tabachnyh, sal'nyh i drugih tovarov anbarah, v Stolichnom, Gubernskom i primorskom gorode Svyatogo Petra» // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. XHI (S 28 iyunya 1781 po 1783). – Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – S. 445–461.
6. 6 sentyabrya 1807 g. SHtat pozharnoj komandy pri S.Peterburgskoj tamozhne // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. XXIX (1806-1807), №22613. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 1277.
7. 10 iyulya 1814 g. O pribavke zhalovan'ya pozharnym sluzhitelyam Sankt-peterburgskoj Tamozhni. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. HKHKHII (1812-1814), №25619. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – S. 840.
8. 1 dekabrya 1755. Tamozhennyj ustav // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. HIV (1754-1757), №10486. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 462–487.
9. 1 dekabrya 1755. Tamozhennyj ustav // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. HIV (1754-1757), №10486. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 418.
10. Tamozhennyj ustav po Evropejskoj torgovle ot 14 dekabrya 1819 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. HKHKHVI, №28030. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 417-500.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Tom XLIV. CHast' vtoraya. Kniga shtatov. Otdelenie III i IV. – K N 28.030 «SHtat Sankt-Peterburgskoj i Rizhskoj Tamozhen. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 167–168.

12. O pribavlenii chinov v Sankt-Peterburgskuyu i Kronshtadtskuyu tamozhni: Imennoj ukaz ot 5 iyunya 1842 g. // PSZ. Sobr. 2.: T. HKHVIII, №27439. SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 357.
13. 1852. Dekabrya 3. Komplektovanie pozharnoj komandy, sostoyashchej pri S.-Peterburgskoj tamozhne, nizhnimi chinami pogranichnoj strazhi // PSZ. Sobranie vtoroe. T. XXVII. Otdelenie pervoe. №26832. – Spb., V Tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii. – 1853. – S. 748.
14. Latysheva E. V. Pogranichnaya strazha v sostave tamozhennoj sluzhby Rossijskoj imperii // Nauchnyj vestnik Kryma. – URL: Pogranichnaya strazha v sostave tamozhennoj sluzhby Rossijskoj imperii (cyberleninka.ru) (data obrashcheniya : 20.01.2024)
15. 1855. Dekabrya 9. Vysochajshe utverzhdennoe opisanie obmundirovaniya invalidnyh i pozharnyh komand tamozhennogo vedomstva. (Forma obmundirovaniya dlya oficerov i nizhnih chinov pozharnyh komand, sostoyashchih pri tamozhnyah i tamozhennyh zastavah) // PSZ. Sobranie vtoroe. T. HKHKH. 1856. – Sanktpeterburg. – V tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj E. I. Kancelyarii. 29925 v. Dopolnenie k HKHKH-mu tomu Vtor. Sobr. Zak. – S. 15.
16. 11 iyulya 1866 g. «Polozhenie o kolichestve mesyachnogo raskhoda materialov na dejstvie, soderzhanie v ispravnosti i sluchajnye ispravleniya prinadlezhashchego morskomu vedomstvu, v S.-Peterburgskom porte, parovogo pozharnogo lokomobilya, v 10 naricatel'nyh sil, sistemy Gillya» // PSZ, Sobranie vtroe: T. HLI (1866), Otdelenie pervoe. №43477. – SPb. V Tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii. – 1868 g. S. 890–891.
17. Voronina E. O. Sozdanie i razvitie gosudarstvennoj karantinnoj sluzhby v Rossijskoj imperii v nachale HIH veka // Zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «YUridicheskie nauki». – T. 25 (64). 2012. – №1. – C. 216–224.
18. Zmerzlyj B. V., Voronina E. O. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale HKH vv. (na materialah Tavricheskoj gubernii). – Simferopol', 2014.
19. 7 iyulya 1800 g. «Ustav pogranichnyh i portovyh karantinov» // PSZ, s 1649 g. T. HKHVI. 1800-1801, №19476. – Pechatano v Tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – S. 198–225.
20. 21 avgusta 1818 g. Ustav o Karantinah // PSZ, s 1649 g. T. HKHKHV. №27490. – 1830. – Pechatano v Tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – S. 500.
21. Oktyabrya 20. 1832 g. Vysochajshe utverzhdennyj Ustav o Karantinah // PSZ. Sobranie vtoroe. Tom VII, №5690. – SPb., Pechatano v Tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1833. – S. 718.
22. 4 iyunya 1841 g. «Vysochajshe utverzhdennyj Ustav o Karantinah» // PSZ. Sobranie vtoroe, T. XVI (1841). Otdelenie pervoe, №14614. – Sanktpeterburg. – V Tipografii Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii– 1842. – S. 443.
23. 14 noyabrya 1802 g. «O soedinenii pod odno upravlenie Bogougodnyh zavedenij v gorode Rige» // PSZ (Sobranie pervoe): T. HKHVII (1802-1803), №20509. – Pechatano v Tipografii 2 Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. – S. 362.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 92–99.

УДК 32.019.52

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ МЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВНЫХ СМЫСЛОВЫХ ВОЙН

Овчинский А. С., Журавленко Н. И.

Криминальное использование информационных технологий и информационные войны, в которые все глубже втягивается наша страна, требуют переосмысления угроз информационной безопасности. На этапе информатизации всех сфер жизнедеятельности эти угрозы связывались с необходимостью обеспечения информационной безопасности и защиты информации, что нашло отражение в первых американских стандартах, а затем перешло в наши правовые и организационные документы, что до сих пор дезориентирует многих отечественных специалистов. Сегодня в условиях неудержимой цифровой трансформации практически всех сторон жизни и деятельности возникает задача обеспечения безопасности, в первую очередь, социальных, да и многих других сфер жизни общества, которые объективно становятся информационными. Одновременно в силу развивающихся промышленной и технологической революций, провозглашения вступления человечества в фазу информационного общества, использования «больших данных» и развития систем искусственного интеллекта, расширяющегося применения роботов и достижений генной инженерии, внедрения распределенных реестров и цифровых валют, применения технологий виртуальной реальности и использования перспектив квантовых вычислений происходит трансформация представлений об информационной безопасности. В статье акцентируется внимание на угрозах социальным сферам, которые связаны с деструктивными воздействиями на сознание людей, сообществ, народов. Вводится понятие глубинной, пролонгированной информационной войны. Ее ментальные, когнитивные и смысловые направления раскрываются в системе координат реактивной, ресурсной и фоновой информации. Сама информация рассматривается как инструмент и основное оружие современной психо-демографической, психо-исторической и идеологической войны.

Ключевые слова: информационная безопасность, социальные сферы, ментальная война, когнитивная война, смысловая война, психо-демографическая война, психо-историческая война, идеологическая война, мировые идеологии, информационные координаты.

Криминальное использование технологий и война, в которую все глубже втягивается наша страна, требует переосмысления угроз информационной безопасности. На этапе автоматизации всех сфер жизнедеятельности эти угрозы связывались с необходимостью обеспечения информационной безопасности и защиты информации, что нашло отражение в первых американских стандартах, а затем перешло в наши правовые и организационные документы, что до сих пор дезориентирует многих специалистов. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации информационная безопасность определена как состояние защищенности личности общества и государства от угроз в информационной сфере. При этом среди основных угроз выделяются деструктивные воздействия на сознание людей, сообществ, народов.

Сегодня в условиях неудержимой цифровой трансформации практически всех сторон жизни и деятельности возникает задача обеспечения безопасности, в первую очередь, социальных, да и многих других сфер жизни общества, которые объективно становятся информационными. Одновременно в силу развивающихся промышленной и технологической революций, провозглашения информационного общества и вступления человечества в цифровой мир, использования больших данных и развития систем искусственного интеллекта, расширяющегося применения роботов и

достижений генной инженерии, внедрения распределенных реестров и цифровых валют, применения технологий виртуальной реальности и перспектив квантовых вычислений происходит трансформация представлений об информационной безопасности.

Вместе с новыми возможностями открывается и «ящик Пандоры» как криминального, так и военного применения информационных технологий. Это происходит на фоне информационных войн с нарастающей интенсивностью деструктивных действий, направленных на самые разнообразные сферы общественных отношений.

Можно выделить технологические аспекты информационных войн, борьбу в киберпространстве, угрозы системам управления критически важных объектов и т.д. Мы же сосредоточим внимание на том, что непосредственно создает угрозы существованию самой российской цивилизации. О реальности таких угроз свидетельствует наша история, в которой не раз возникали смутные времена, когда в результате гражданских конфликтов, предательства управляющих элит и, главное, мощных воздействий внешних сил страна оказывалась на пороге распада.

Так, в XII в. в княжеских междоусобицах погибло древнерусское государство. Его стольный град Киев был дважды захвачен, разрушен и сожжен враждующими коалициями еще за несколько десятилетий до монгольских нашествий [1]. При этом народы, населявшие западные земли, на долгие века были потеряны для России.

В начале XVII в. смута поразила Московское царство. Жизнь государства пытались переформатировать «приглашенные» и засевшие в Кремле польские правители. В последующие XVIII и XIX вв. страну не раз сотрясали дворцовые перевороты, убийства царей, вторжения армий европейских держав, которые сопровождались усиливающимся информационно-психологическим давлением западноевропейских приоритетов и откровенной русофобией.

Наконец, в начале XX в. можно сказать «изнутри» была разрушена Великая Российская империя, которая должна была бы быть в числе государств победителей и получить основные преференции по итогам Первой мировой войны. И уже в конце XX в. не стало Советского Союза, который ценой огромных жертв внес решающий вклад в победу над фашистской Германией и европейским нацизмом во Второй мировой войне. В результате «перестроечных акций», направленных на подстройку под внешнее управление, десятки миллионов людей, создававших могущество первого в мире социалистического государства, «однажды проснулись» в разных странах.

Сегодня наши противники не скрывают своих намерений провести так называемую «деколонизацию» народов Росси, а точнее – расчленить страну на отдельные анклавы, по сути вернув российскую цивилизацию в XII в. Также как советские граждане, которые 30 лет назад оказались в разных государствах, ныне живущие в России люди могут «однажды проснуться» кто в Московии, кто в Уралии, кто в Сибирии…

Можно встретить результаты огромного количества рассекреченных исследований, имеются тысячи открытых публикаций об информационных войнах и непосредственно о воздействиях на сознание людей. Но представления об информации как необходимом инструменте таких воздействий и основном оружии информационной войны остаются в глубокой тени.

Западные философы, социологи и разнообразные эксперты после многочисленных дискуссий пришли к весьма консолидированному мнению о том, что в условиях сингулярного увеличения генерируемых данных и всеобщей цифровизации «информация не нуждается в том, чтобы ее воспринимали, не нуждается в том, чтобы ее понимали, она не требует умственных усилий для своей интерпретации, ей не требуется иметь смысл, чтобы существовать» [2].

В такой позиции сфокусирована практически вся ложь современной западной цивилизации. Из этой лжи вырастают двойные стандарты в политике, праве, морали. В ней же таятся и корни ментальных, когнитивных и смысловых войн.

На самом деле информация в ее функциональном значении – это то, что позволяет адекватно реагировать на воздействия на всех уровнях организации живой природы (реактивная проекция информации). Она возникает в сознании человека как функция целевой интерпретации получаемых сообщений. Именно реактивная информация позволяет понимать смысл происходящих событий, оценивать прошлое, заглядывать в будущее.

Важно то, что информация может фиксироваться, накапливаться и передаваться как на естественных, так и на искусственных носителях (ресурсная проекция информации). В таком качестве информация (биологическая, генетическая) является необходимым ресурсом эволюции природы и основным (социальная, духовная) ресурсом развития цивилизации.

Наконец, информация – это и то, что непосредственно отражает окружающую реальность (фоновая проекция информации) [3]. Именно отражение (в философском осмыслении) представляет атрибутивное проявление информации, ставит ее в один ряд с материей и энергией. В то же время фоновая информация может оказывать воздействия, которые обходят защитные функции сознания.

Рассматривая информацию как инструмент воздействия, необходимо представлять, что информация является теми блоками, из которых в нашем сознании формируются модели мира. Она определяет наше отношение к реальности и обосновывает наши действия. Поэтому понимание информации и ее влияния на наше сознание является крайне важным в контексте информационных войн и борьбы за влияние на общественное мнение.

Теоретические основы информационных войн уже весьма детально разработаны нашими противниками. Данные теории прошли апробацию в многочисленных цветных революциях, государственных переворотах, обеспечении вооруженных вторжений, политических и экономических акциях, в культурных и образовательных интервенциях, в создании аттракторов социального хаоса в разных странах и регионах мира.

В информационном противоборстве, направленном на обеспечение безопасности социальных сфер, важно различать, с одной стороны, те информационно-психологические акции по дестабилизации общественных отношений, которые осуществляются «здесь и сейчас» и, с другой стороны, пролонгированные, многоэтапные операции глубинной информационной войны.

В первом случае мы противостоим всей мощи западных массмедиа и сетевых ресурсов в дезинформации, фейках, провокационных вбросах, дипфейках, инсценировках. Это требует адекватного реагирования, применения специальных сил и средств, опоры на фундаментальные знания, оперативных контрмер.

В то же время наибольшие угрозы безопасности личности, обществу и государству таятся в глубинной многоплановой информационной войне, в ходе которой осуществляются более скрытые, замаскированные воздействия на сознание народов, сообществ, представителей элиты и лиц, принимающих такие решения, от которых может зависеть, скажем, судьба страны. Нейтрализация таких глобальных угроз должна опираться на стройные системы позитивных представлений о смыслах жизни, на системный подход в формировании научного мировоззрения, в осмыслении исторических знаний, наконец, в построении ясной идеологии.

Для того, чтобы успешно анализировать большие объемы данных, включая факты, обстоятельства, гипотезы и теории с комплексами причинно-следственных связей, требуется такая координатная система, которая позволит учитывать и подробно исследовать наиболее важные аспекты и грани используемых понятий, исследуемых явлений и процессов. Учитывая, что все аспекты общественной жизни, отношений и деятельности людей в той или иной степени связаны с информационными взаимодействиями, мы можем предложить такую трехмерную систему координат, которая основана на основных формах проявления информации: реактивной, ресурсной и фоновой [4].

Так, в глубинной пролонгированной информационной войне, которая ведется годами, десятилетиями и даже веками, выделяются ментальные, когнитивные и смысловые компоненты воздействий на сознание людей.

Ментальная война – это о чем будет думать человек, каким будет его мировоззрение, главное, каким будет его отношение к своей стране, как к родной, которую любишь и защищаешь, или как к чужой, которую бросаешь в поисках «лучшей жизни» и предаешь (ресурсный – мировоззренческий вектор пролонгированной информационной войны).

Когнитивная война – это как будет думать человек, в какой парадигме будет формироваться его сознание, главное, какое он получит образование, освоит фундаментальные знания, научится мыслить или лишь овладеет теми или иными компетенциями, чтобы быть способным зарабатывать и потреблять (реактивный – образовательный вектор пролонгированной информационной войны).

Смысловая война – это чем должна наполняться жизнь человека: высокими идеалами, творчеством, любовью, духовными стремлениями или, скажем, потребительством, получением удовольствий, уходом в мир иллюзий, наркотиков, игр, виртуальной реальности (фоновый – идеологический вектор глубинной информационной войны).

Содержательные моменты глубинной информационной войны в информационных координатах можно раскрыть как психо-демографическую (ресурсный вектор деформирования сознания людей в многоэтапной информационной войне), психоисторическую (реактивный вектор формирования массового сознания в пролонгированной информационной войне) и идеологическую (фоновый вектор отражения прошлого, настоящего и будущего в глубинной информационной войне).

Так, в русле психо-демографической войны атаки на массовое сознание сегодня проявляются в популяризации гендерного многообразия, однополых браков, в воздействиях на детей, которых с раннего возраста заставляют сомневаться, кто они, мальчики или девочки.

Истоки психо-демографической войны можно увидеть в мальтузианстве (обосновании необходимости сокращения населения Земли), в социо-дарвинизме (теориях высокоразвитых и недоразвитых народов), в новомодных течениях о ненужности детей, в старых теориях об отмирании семьи, в волнах сексуальных революций. Психо-демографические войны раскрывались в расизме, в фашизме и, можно уже сказать, в сатанизме.

Концепции управления демографическими процессами на подконтрольных территориях давали результаты. Так, если в свое время Гитлер рассуждал о том, что в покоренной России необходимо оставить 50 млн рабов, то Маргарет Тэтчер – Премьер-министр Великобритании – в конце 90-х годов заявляла, что достаточно иметь 15 млн жителей для обслуживания нефте- и газопроводов, добывающей промышленности. И население России в 90-е годы сокращалось на 600–700 тыс. в год. Рождаемость была ниже, чем в годы Великой отечественной войны.

Психо-историческая война, как борьба за историю, в последние годы вышла на такой высокий уровень, что не историки, имеющие ученые степени, звания и регалии, а уже сам Президент нашей страны разъяснял своим коллегам из стран СНГ, да и всему миру, истоки и причины Второй мировой войны, истоки украинского национализма и многие другие вопросы истории, которые годами, десятилетиями, а ряде случаев и веками извращались западными деятелями в порывах русофобии.

Сражения психо-исторической войны – это бои в истории, с историей, за историю. Они происходят также «здесь и сейчас». К сожалению, пока не сложилось достаточно консолидированного подхода ко многим драматичным и объективно противоречивым событиям отечественной истории. Достаточно упомянуть музей Бориса Ельцина в уже скандально известном Ельцин-центре в Екатеринбурге.

В конце 2022 г. междисциплинарная экспертная группа провела анализ содержания и формы представления информации в Ельцин-центре, чтобы узнать, не соответствует ли содержание экспозиции определению антироссийской исторической пропаганды и искажения истории. Этот тщательный анализ охватывал структуру исторической экспозиции, ее ключевые разделы и общую характеристику истории России и ее основных этапов. Экспертная группа сделала следующие выводы: «Ельцин-центр осуществляет пропагандистскую деятельность, соотносящуюся с идеологическими установками либерализма, космополитизма, западного универсализма и глобализма, что вступает в противоречие с традиционными ценностями России как государства-цивилизации и актуальным государственным курсом, патриотизмом и суверенным развитием» [5].

Более того, в заключении комиссии сказано: «…материалы Ельцин-центра противоречат законодательству России, создают негативный образ восприятия России, несут деструктивные последствия для мировоззрения и психики молодежи, они формируют общие представления о государстве как негативном начале российской истории, подавляющем свободу человека, препятствующем общественному прогрессу».

Однако центр продолжает функционировать. Дети и подростки (школьники) в ходе многочисленных экскурсий знакомятся с отечественной историей через негативную призму. Таким образом психо-историческая война продолжается на самых разных уровнях общественного сознания: от общения на уровне президентов стран до бесед с экскурсоводами.

В информационных координатах психо-историческую войну и, в целом, построение истории можно представить, состоящими из совокупности трех основных компонентов.

Это, в первую очередь, дошедшие до нас факты, свидетельства, артефакты (ресурсный вектор исторических знаний и, одновременно, психо-исторической войны, когда исторические факты тенденциозно подбираются или фальсифицируются).

Построение истории не может избежать интерпретации событий прошлого (реактивный вектор построения истории, поскольку собственно информация возникает в сознании человека как функция интерпретации получаемых сообщений). В этом направлении для творчества фальсификаторов истории были открыты просторы во все века.

В то же время определяющими являются позиции и цели, которые преследуют те или иные авторы или команды в операциях психо-исторической войны, с одной стороны, или, с другой стороны, в противодействии социальной деструкции, формировании гражданского самосознания, защите исторической памяти (фоновый вектор, отражающий идеологию, которая закладывается в построение истории, и являющийся необходимым компонентом идеологической борьбы).

Борьба идеологий в течение многих десятилетий была основным вектором глубиной информационной войны.

В информационных координатах сама идеология раскрывается как система взглядов и идей, отражающих наше отношение к окружающей реальности (но это только фоновый «отражательный» вектор идеологии).

Идеология может оформляться в виде определенных руководящих документов, манифестов или доктрин (ресурсный «оформляющий» вектор идеологии).

И, наконец, главное, информационные координаты нам приоткрывают основное назначение идеологии. Она представляет собой некоторую глобальную матрицу, обосновывающую права на определенные действия и поступки людей, на их образ жизни и мыслей (реактивный «обосновывающий» вектор идеологии).

Мы осознаем угрозы деструктивных идеологий экстремизма и терроризма [6], угрозы криминальной идеологии, обосновывающей право на преступную деятельность, угрозы национализма, фашизма, сатанизма. Но чтобы бороться с враждебной идеологией, необходимо иметь свою базу, свои наработки, свои идеологические ресурсы. Мы часто блуждаем «в трех соснах» мировых идеологий: либеральной, консервативной, социалистической. Эти идеологии имеют глубокие исторические корни и накопили огромные потенциалы воздействия на сознание миллионов людей.

В то же время в информационных координатах *либеральную идеологию*, которая провозгласила приоритетом права человека, можем представить реактивным вектором мировых идеологий. Она успешно обосновывала право на обогащение и потребление в периоды становления и развития капитализма, но стала проявлять все большую деструктивность на его закате, оправдывая экспансию, агрессию в борьбе за глобальное доминирование и активно продвигая самые низкие человеческие пороки. Более того, современный нацизм нарастает именно на фоне деградирующего либерализма.

Консервативная идеология (ресурсный вектор) подкрепляет право на защиту устоявшихся ценностей. Известные русские мыслители подчеркивали, что умеренный, рациональный консерватизм – это не препятствие для прогресса и развития, но

скорее защита от регрессии, падения, деградации и хаоса [7]. Однако, опираясь только на защиту, трудно ожидать больших успехов в противостоянии социальному разрушению и в борьбе в информационной войне.

Социалистическая идеология представляет фоновый вектор. Среди ее важнейших приоритетов центральное место занимает справедливость в отношениях между людьми и народами. Социальный прогресс в прошлом веке ассоциировался с коммунистической идеологией, обосновывавшей право на бескомпромиссное противостояние капиталистической эксплуатации, колониализму и всему, что угнетает человечество, препятствуя движению вперед, к «светлому будущему».

Важно подчеркнуть, что если либерализм стремился к идеалу человека-потребителя, а консерватизм уважал человека-защитника, то идеология, принятая на государственном уровне в Советском Союзе, ставила целью воспитание человека-творца. Это было определено в программах коммунистической партии и нельзя отрицать, что творческий потенциал этой идеологии нашел отражение в достаточно эффективной системе образования, подготовке высококвалифицированных специалистов и достижениях советских ученых.

Наша идеология, идеология России как самобытной цивилизации, идеология борьбы за суверенитет, защиты традиционных ценностей, права распоряжаться своими ресурсами, строить справедливое общество, идеология гуманизма и человеколюбия складывается, выкристаллизовывается и набирает силу.

Обладая технологическим превосходством в средствах воздействия на массовое сознание, наши противники практически признали не только непобедимость, но и привлекательность той идеологии, которую Россия предлагает всему миру. В бессильной злобе они переводят информационную войну в террористическую, совершая покушения на философов и писателей, публицистов и журналистов, общественных и государственных деятелей, главное, создателей и носителей современной российской идеологии [8]. Одна из основных целей нарастающей диверсионно-террористической активности – посеять страх, недоверие, хаос в сознании людей. В этих условиях наша идеология, идеология Победы требует скорейшего достойного оформления.

В целом, мощная идеологическая база – это основа защиты социальных сфер от разрушительного воздействия, обеспечения информационной, общественной и национальной безопасности в условиях цифровой трансформации, вооруженных столкновений, ментально-когнитивных смысловых войн.

Список литературы:

1. Веллер М. Киев – Москва. Расхождение. – М. : АСТ, 2023.
2. Уэбстер Ф. Теория информационного общества / пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 2004.
3. Овчинский А.С., Журавленко Н.И. Антиформация как угроза безопасности мировому сообществу в условиях гибридной войны и цифровой трансформации информационно-коммуникационного пространства // Ученые записки Крымского федерального университета. Юридические науки. 2023. Т. 9(75) . № 1. – С. 49-56.
4. Овчинский А.С., Борзунов К.К., Чеботарева С.О. Информационные координаты. Управление. Противоборство. Безопасность. – М. : Горячая линия – Телеком, 2018.
5. Вардан Багдасарян «Ельцин-центр». Экспертная оценка деятельности в фокусе угроз национальной безопасности России / Изборский клуб. – URL: https://izborsk-club.ru/24093 (дата обращения: 03.05.2023).
6. Овчинский А.С. Деструктивные идеологии как угроза информационным сферам современного общества // Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции Противодействие экстремизму и терроризму в информационной сфере. – М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. 2022.

7. Выступление В.В. Путина на Форуме «Валдай». 2021. URL: https://youtu.be/mG5U4RtqcHs(дата обращения: 03.07.2022).
8. Заявление Изборского клуба / Изборский клуб – URL: https://izborsk-club.ru/24286 (дата обращения: 10.05.2023).

Ovchinskij A. S., Zhuravlenko N. I. Information as a weapon of mental-cognitive sense wars // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 92–99.

The criminal use of information technologies and information wars, into which our country is increasingly drawn, require a rethinking of the threats to information security. At the stage of informatization of all spheres of life, these threats were associated with the need to ensure information security and information protection, which was reflected in the first American standards, and then passed into our legal and organizational documents, which still disorients many domestic specialists. The article focuses on the threats to social spheres that are associated with destructive influences on the consciousness of people, communities, peoples. The concept of a deep, prolonged information war is introduced. Its mental, cognitive and semantic directions are revealed in the coordinate system of reactive, resource and background information. Information itself is seen as a tool and the main weapon of modern psycho-demographic, psycho-historical and ideological warfare.

Key words: information security, social spheres, mental war, cognitive war, semantic war, psycho-demographic war, psycho-historical war, ideological war, world ideologies, information coordinates.

Spisok literatury:

1.Veller M. Kiev – Moskva. Raskhozhdenie. – M. : AST, 2023.
2.Uebster F. Teoriya informacionnogo obshchestva / per. s anlg. – M. : Aspekt Press, 2004.
3.Ovchinskij A.S., ZHuravlenko N.I. Antiformaciya kak ugroza bezopasnosti mirovomu soobshchestvu v usloviyah gibridnoj vojny i cifrovoj transformacii in-formacionno-kommunikacionnogo prostranstva // Uchenye zapiski Krymskogo fede-ral'nogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9(75) . № 1. – S. 49-56.
4. Ovchinskij A.S., Borzunov K.K., CHebotareva S.O. Informacionnye koordinaty. Upravlenie. Protivoborstvo. Bezopasnost'. – M. : Goryachaya liniya – Telekom, 2018.
5. Vardan Bagdasaryan «El'cin-centr». Ekspertnaya ocenka deyatel'nosti v fokuse ugroz nacional'noj bezopasno-sti Rossii / Izborskij klub. – URL: https://izborsk-club.ru/24093 (data obrashcheniya: 03.05.2023).
6. Ovchinskij A.S. Destruktivnye ideologii kak ugroza informacionnym sferam sovremennogo obshchestva // Sbornik dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu v in-formacionnoj sfere. – M.: MosU MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya. 2022.
7. Vystuplenie V.V. Putina na Forume «Valdaj». 2021. URL: https://youtu.be/mG5U4RtqcHs(data obrashcheniya: 03.07.2022).
8. Zayavlenie Izborskogo kluba / Izborskij klub – URL: https://izborsk-club.ru/24286 (data obrashcheniya: 10.05.2023).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 100–107.

УДК 341.64

ДОКТРИНА КОНСЕНСУСА: ПОИСК ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СТАНДАРТА

Оганесян Т. Д.
Дипломатическая академия МИД России

Доктрина «европейского консенсуса» является ключевым инструментом Европейского суда по правам человека при толковании конвенционных норм и поиска общеевропейского стандарта. Суд определил, что Европейская конвенция по правам человека является «живым инструментом» и что при толковании Конвенции с течением времени Суд должен принимать во внимание меняющиеся взгляды в обществе. Европейский консенсус является элементом так называемой эволютивной интерпретации Конвенции. Тем не менее, детали его происхождения и сферы применения остаются спорными и время от времени дают повод для критики в адрес Суда за использование им концепции европейского консенсуса. Особое внимание уделяется терминологическим тонкостям применения различных дефиниций при формулировке консенсуса. Отмечается, что расплывчатость формулировок ЕСПЧ при выявлении консенсуса становится не только объектом критики, но и вызывает сложности при понимании «общеевропейского стандарта». В этой связи анализируются правовые позиции ЕСПЧ и доктринальные позиции ведущих ученых по данному вопросу. Анализ научных работ ряда исследователей позволили автору выявить некоторые критические замечания, связанные с применением Судом консенсуса. В заключительной части статьи отмечается, что с помощью данной доктрины ЕСПЧ сохраняет легитимность своих постановлений, однако все чаще прибегает к расширению понятия «консенсуса».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; защита прав человека; консенсус; эволютивное толкование.

Общеевропейские стандарты играют значительную роль в прецедентной практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) и влияют непосредственно на интерпретацию Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция). Это особенно очевидно, когда Суд ссылается на общие ценности и стандарты, проводя анализ практики и законодательства государств-членов Совета Европы. Доктрина европейского консенсуса служит для ЕСПЧ средством обоснования своих постановлений, в которых предлагается расширительное толкование конвенционных норм. С помощью доктрины консенсуса Суд стремиться создать среди государств-членов Совета Европы атмосферу единого понимания прав человека. Такой подход позволяет Суду показать, что он осведомлен о нынешних намерениях государств-членов и обеспечивает определенный уровень предсказуемости при эволютивном толковании Конвенции. Доктрина консенсуса направлена на поиск баланса между толкованием Конвенции как развивающегося, живого инструмента современного права прав человека и интересами государств-членов Совета Европы.

Применяя различные синонимы слова «консенсус», ЕСПЧ должен быть более последовательным в использовании этой терминологии, чтобы не вызвать в последующем определённую «*confusion*» в понимании сущности этой концепции. То обстоятельство, что ЕСПЧ играет с этими терминами свидетельствует о том, что сами судьи ЕСПЧ, возможно, еще не понимают в полной мере содержание понятия «консенсус» в практике ЕСПЧ. Например, в деле *X., Y. and Z. v. the United Kingdom* ряд судей ЕСПЧ высказывались о том, чтобы отказаться от использования понятия «консенсус». В частности, судьи Касадевалл, Зиемеле, Ковлер, Йочене, Шикута, Де

Гаэтано и Сицилианос отметили: «должны ли мы всегда придерживаться несколько ограничительного понятия консенсус, которое редко встречается в реальной жизни? Не было бы уместнее и проще говорить в терминах “тенденции”?» [1]. Существующий скепсис в словах судей про использование Судом понятия «консенсуса» может свидетельствовать о том, что и судьи ЕСПЧ понимают, что «консенсус» иногда не совсем точно отражает то, что хочет сказать Суд.

В деле *Grant v. United Kingdom* ЕСПЧ объяснил соответствующий стандарт как «состояние европейского и международного консенсуса» (the state of European and international consensus) [2]. А в деле *Evans v. United Kingdom* Суд охарактеризовал соответствующий стандарт как «международный консенсус» и «общую позицию государств-членов» [3]. В деле *Ploski v. Poland* Суд также охарактеризовал соответствующий стандарт как тенденцию, чем как «консенсус». Суд постановил, что отказ польских властей предоставить заключенному разрешение присутствовать на похоронах его родителей нарушил статью 8 Конвенцию, отметив «формирующийся консенсус относительно стандартов, которые должны быть достигнуты» [4].

ЕСПЧ необходимо каждый раз при применении консенсуса давать четкое объяснение того, когда развивающаяся европейская тенденция достигает уровня консенсуса. Однако нужно понимать, что «тенденция» и «консенсус» не идентичные понятия. Сионаид Дуглас-Скотт, профессор Лондонского университета Королевы Марии, отмечает, что понятие «тенденция» означает нечто «зарождающееся, зачаточное, еще не полностью сформированное», тогда как понятие «консенсус» подразумевает «нечто более четко определенное – кристаллизацию тенденций в нечто более существенное» [5, p. 172]. Несмотря на то, что эти термины отличаются друг от друга, Суд тем не менее склонен употреблять эти два понятия как идентичные, что является еще одним поводом для критики Суда. Наряду с термином «тенденция» Суд иногда использует в качестве синонима консенсуса и другие понятия: «общий европейский стандарт» (common European standard) [6], «общий стандарт» (common standard) [7], «международный консенсус» (international consensus) [8], «европейский консенсус» (European consensus) [9].

Как видим термин «консенсус» не только недостаточно четко определен в практике Суда (понятие «консенсус» в тексте Конвенции отсутствует), но иногда происходит его подмена. Примечательно, что началом применения консенсуса Судом служат постановления по вышеупомянутым делам Тайрера и Маркса. Парадоксально, но в деле *Tyrer v. the United* Суд при эволютивном толковании не согласился с общепринятыми стандартами: «На Суд не могут не повлиять события и общепринятые стандарты в государстве-члене Совета Европы» [10].

Расплывчатость формулировок ЕСПЧ при выявлении консенсуса также становилось объектом критики. В некоторых делах Суд констатирует консенсус без прямого включения соответствующих сравнительных данных в текст решения. В деле *Tyrer v. the United Kingdom* Суд, указав, что в Европе существует консенсус против судебных телесных наказаний, не представил никаких сравнительных данных в поддержку этого заявления. Можно предположить, что в деле Суд еще был неопытен при формировании доктрины консенсуса и только начинал его применение. Этим можно объяснить не включение сравнительных данных в поддержку выявленного консенсуса.

Если рассматривать консенсус как тенденцию, нежели буквальное согласие среди государств членов Совета Европы, то логичным выглядит определение консенсуса, предложенное Константином Дегтяревым: консенсус лучше всего интерпретировать как «презумпцию, благоприятствующую решению проблемы прав человека, которое принимается большинством Договаривающихся сторон» [11, p. 9]. Йенс Тайлен, научный сотрудник Университета Гельмута Шмидта (Гамбург), определяет европейский консенсус как «форму сравнительно-правовой аргументации, которая вертикально отсылает к позициям, занятым государствами - участниками ЕКПЧ, рассматриваемым через призму коллективности» [12, p. 20].

Если основывать консенсус на теории социального выбора, то «если все государства Европы имеют одинаковую склонность к принятию хороших законов, и если Европейская комиссия сможет проанализировать все их национальные законы, то наилучшие результаты в соответствии с теоремой присяжных будут достигнуты, если следовать большинству государств» [13, p. 29]. Данная идея не совсем отражает действительное применение Судом консенсуса, поскольку Суд не всегда поддерживает консенсус большинства государств-участников Конвенции. Нередко Суд строит свой консенсус, основываясь на позиции меньшинства.

Еще один тонкий вопрос касается того, как именно Суд может определить, что существует достаточный консенсус для обоснования эволютивного толкования. Очевидно, что при отсутствии консенсуса среди государств-участников Конвенции, Суд обращается к международных актам, тенденциям и вспомогательным источникам. Однако за время рассмотрения дела может пройти достаточное количество времени, в течение которого международные тенденции по определенным вопросам могут измениться. И в этом случае Суду предстоит решить: следует ли рассматривать дело на основе уровня консенсуса, который существовал на момент предполагаемого вмешательства или на момент рассмотрения дела. Исходя из прецедентной практики ЕСПЧ однозначного ответа нет и Суд непоследователен в этом вопросе.

Источники консенсуса. Источники мягкого права, решения и акты иных международных органов и организаций также могут быть использованы Судом при мотивировке применения эволютивного толкования. *В постановлении по делу Demir and Baykaya v. Turkey* Большая Палата ЕСПЧ отметила, что при установлении консенсуса Суд рассматривает как соответствующее внутреннее право и практику, так и элементы международного права, имеющие отношение к этому вопросу [14]. Янneke Джерардс отмечает, что обращение к решениям и актам международных договорных органов или конкретных международных организаций является преимуществом, поскольку они часто являются узкоспециализированными. В частности, международные договорные органы или конкретные международные организации или комитеты могут обладать опытом, которого не хватает Суду [15, p. 97].

При эволютивном толковании Суд придерживается подходов, принятых в международном праве. Об этом говорится в постановлении Большой Палаты Суда по делу «Баятян против Армении»: «…*определяя значение терминов и понятий, содержащихся в тексте Конвенции, Суд может и должен принимать во внимание, помимо Конвенции, основы международного права, а также толкование данных основ компетентными органами. Консенсус, вытекающий из специализированных международных правовых актов, может являться для Суда фактором, имеющим*

значение по делу, при толковании им положений Конвенции в конкретных делах» [16].

В постановлении по делу *Opuz v. Turkey* о бытовом насилии в отношении женщин Суд заявил, что «при рассмотрении определения и сферы охвата дискриминации в отношении женщин, в дополнение к более общему значению дискриминации, определенному в его прецедентном праве. ...Суд должен учитывать положения более специализированных правовых документов и решения международных юридических органов по вопросу о насилии в отношении женщин» [17]. Важно понимать, что такие вспомогательные документы и источники используются Судом в сочетании с другими источниками и в большинстве случаев для подтверждения или отрицания существующего консенсуса по определённому вопросу.

По мнению Ф. Тулкенс, при установлении наличия консенсуса Суд в последнее время менее систематически прибегает к сравнительным исследованиям национального права и чаще анализирует «указания», содержащиеся в различных документах (даже в документах мягкого права), будь то европейских или международных [18, p. 7]. Так, в деле *Demir and Baykara v. Turkey* Суд отметил, что «консенсус, вытекающий из специализированных международных документов, может представлять собой соответствующее соображение для Суда при толковании положений Конвенции в конкретных случаях» [14]. В этом случае Суд сослался на иные международные акты в качестве элементов или факторов «объективизации» эволютивного или консенсусного толкования [19, p. 38].

Помимо ссылок на универсальные международные документы ЕСПЧ при определении консенсуса ссылается и на документы региональных органов. Например, в деле *Dickson v. United Kingdom* [20] Суд сослался на Рекомендации Комитета министров по европейским тюремным правилам [21]; в деле *Marckx v. Belgium* [22] – на Европейская конвенция о правовом статусе детей, рожденных вне брака; в деле *Chapman v United Kingdom* [23] – на Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, принятой в Страсбурге 1 февраля 1995 года. В ряде дел ЕСПЧ также ссылался на некоторые законодательные (директивы) и политические (резолюции Европарламента) акты, изданные институтами ЕС.

В эволютивных постановлениях Суда можно также обнаружить ссылки на законодательство ЕС при поиске консенсуса. Яннеке Джерардс аргументирует это тем, что растет число областей, в которых существует вероятность совпадения стандартов прецедентной практики ЕСПЧ и законодательства ЕС, например, в отношении вопросов предоставлении убежища или защиты данных [15, p. 102]. Ссылаясь на региональные акты и документы интеграционных организаций, ЕСПЧ использует в качестве дополнительных средств, усиливающих именно тот консенсус, которым хочет подтвердить эволютивное толкование.

Внутренний консенсус (internal consensus**).** Константин Дегтярев отмечает, что, если Суд решит «превзойти» (trump) европейский консенсус внутренним консенсусом, это поставит под угрозу легитимность Суда [11, p. 36]. Тем не менее в делах *Tyrer v. the United Kingdom, Dudgeon v. the United Kingdom, A., B. and C. v. Ireland* внутренний консенсус находился в фокусе Суда. В деле *Tyrer v. the United Kingdom* Суд поставил под сомнение довод генерального прокурора острова Мэн о том, что телесные наказания не возмущают общественное мнение на острове и не считаются унижающими достоинство теми представителями населения острова Мэн. В деле

Dudgeon v. the United Kingdom британские власти заявили, что продолжающаяся криминализация мужского гомосексуалистов в Северная Ирландия являлось результатом консервативности ирландского общества в вопросе гетеросексуального поведения и декриминализация гомосексуальности нанесла бы серьезный ущерб моральной структуре североирландского общества [24].

Как отмечает Томас Кляйнляйн внутренний консенсус может быть преодолен европейским консенсусом, если первый будет основан на более сложной процедуре, которая способна обеспечить деликатный процесс балансирования [25, p. 879]. Например, как это было в деле *A., B. and C. v. Ireland*, в котором запрет на аборты был подтвержден результатами референдума. Примечательно, что в этом деле Суд избегал прямого выбора между внутренним консенсусом и европейским консенсусом. Внутренний консенсус в этом деле был использован Судом с целью отразить «глубокие моральные взгляды» (profound moral views) ирландского народа в контексте вопроса о запрете абортов. Суд согласился с государством-ответчиком в том, что в отношении абортов в Ирландии существует внутренний консенсус, подтвержденный результатами трех референдумов. В то же время Суд отметил, что существует европейский консенсус в пользу разрешения абортов на более широких основаниях, чем предусмотрено ирландским законодательством [26]. Далее Суд отметил: «Отсюда следует, что, даже если из упомянутых национальных законов следует, что большинство Договаривающихся сторон , возможно, в своем законодательстве разрешили эти конфликтующие права и интересы в пользу более широкого легального доступа к абортам, этот консенсус не может быть решающим фактором при рассмотрении Судом вопроса о том, является ли оспариваемый запрет на аборты в Ирландии для соображения здоровья и благополучия обеспечивали справедливый баланс между конфликтующими правами и интересами, несмотря на эволюционное толкование Конвенции» [26]. В этом случае выбирая между внутренним консенсусом и европейским консенсусом Суд склонился в пользу первого. Нельзя не согласиться с судьями Розакис, Тюлькенс, Фура, Хирвела, Малинверни и Поалелунги в том, что обращение Суд к внутреннему консенсусу представляется сомнительным и ставит под вопрос легитимность такого решения, поскольку лишь европейский консенсус повышает легитимность решений Суда в таких морально чувствительных вопросах.

С точки зрения международного права, посредством эволютивного толкования региональных договоров по правам человека, основанного на понятии консенсуса, можно объяснить сложные отношения, которые эти органы поддерживают с национальными судами. В качестве примера уместно рассмотреть постановление ЕСПЧ по делу «*Bayatyan v. Armenia*». В данном деле Палата не сочла противоречащим праву на свободу мысли, совести и религии (ст. 9 Конвенции) уголовные нормы Арменией, предусматривающие ответственность за отказ от службы в армии по религиозным убеждениям (заявитель принадлежал к Свидетелям Иеговы). И все это несмотря на то, что заявитель утверждал о существовании консенсуса в государствах-членах Совета Европы относительно декриминализации этого типа отказ от военной службы по соображениям совести. Палата придала указанному консенсусу второстепенное значение роль, признала ее недостаточно важной, не прибегнув тем самым к эволютивному методу толкования [16]. После передачи дела в Большую Палату ЕСПЧ признал Армению ответственной за нарушение ст. 9 Конвенции, про-

верив наличие «подавляющего количества» государств, которые признали право на отказ от военной службы по религиозным убеждениям и напомнила, что одним из обязательств, взятых на себя Арменией при вступлении в Совет Европы, было как раз введение мер, направленных на признание этого права. Можно отметить, что Палата придерживалась осторожного подхода к консенсусу и решила придерживаться в своем решении юридической тенденции, сложившейся до того времени, оставив Большой Палате ответственность за изменение прецедентной практики.

Другой вопрос заключается в том, что делать, если при общеевропейском консенсусе государство-ответчик возражает относительно эволютивного толкования. Обычно Суд лоббирует свое эволютивное толкование, даже если государство-ответчик несогласно с новым толкованием. Однако в исключительно порядке противоположный ответ на этот вопрос можно найти в постановлении по делу *F. v. Switzerland*, которое касалось трехлетнего запрета на повторный брак после развода в Швейцарии. В этом деле Суд сделал исключение для Швейцарии и позволил не соблюдать европейский консенсус, ссылаясь на «культурные и исторические традиции каждого общества»: «тот факт, что в конце постепенной эволюции страна оказывается в изолированном положении в отношении одного аспекта своего законодательства, не обязательно означает, что этот аспект нарушает Конвенцию, особенно в области брака, которая так тесно связана с культурными и историческими традициями каждое общество и его глубоко укоренившиеся представления о семейной ячейке» [27].

Критика консенсуса. Основная критика доктрины консенсуса заключается в том, что данная доктрина недостаточно четко сформирована Судом и методика ее использования не является последовательной.

Профессор юридического факультета Риджентского университета (США) Джеффри А. Браух, критикуя консенсусный подход ЕСПЧ и призывая отказаться от него, отмечает: «Нет никакой юридической определенности, потому что никто на самом деле не знает, что такое стандарт. Отсутствие предсказуемости непосредственно вытекает из этого. Ни заявитель, ни государство-член не могут знать, соответствуют ли их действия Конвенции, не зная точно, что такое "консенсус" или, когда он достигнут. Они не знают, должны ли они контролировать правовые и культурные изменения только в Европе или во всем мире. … ЕСПЧ трактует стандарт очень по-разному от случая к случаю. ... Аналогичной тенденции в отношении легальной рекламы нет. Будучи не в состоянии обеспечить определенность, предсказуемость и равенство, свобода усмотрения, основанная на этом глубоко ошибочном консенсусном стандарте, нарушает верховенство закона» [28, p. 290].

Другая часть критики касается того, что использование консесуса при эволютивном толкования предполагает консенсус среди большинства государств. Соответственно, шанс, что права меньшинств также будут развиваться и расширяться Судом с помощью эволютивного толкования невелик. Однако, такой взгляд немного поверхностный. Как уже было отмечено, консенсус среди договаривающихся государств является лишь одним из средств аргументации эволютивного толкования и одним из видов консенсуса. При желании расширить права меньшинств у Суда есть и другие средства, например, международный консенсус, экспертный консенсус, ссылка на международные тенденции или внутригосударственный консенсус. Главная особенность заключается не в виде использованного консенсуса, а в убедитель-

ности и обоснованности аргументации Суда. Можно утверждать, что права меньшинств также эффективно защищаются с помощью консенсуса при эволютивном толковании. Например, в деле *D.H. and others v. the Czech Republic* Суд отметил, что «среди договаривающихся государств Совета Европы формируется международный консенсус, признающий особые потребности меньшинств и обязательство защищать их безопасность, самобытность и образ жизни не только с целью защиты интересов самих меньшинств, но для сохранения культурного разнообразия, представляющего ценность для всего сообщества» [29]. Более того, в деле *Dudgeon v. the United Kingdom* Суд использовал консенсус для обоснования защиты прав гомосексуалистов по вопросу декриминализации гомосексуалистов по обоюдному согласию.

Выводы. Консенсус применяется Судом для поддержки своей аргументации Суда и легитимации своих выводов в тех делах, в которых Суд решает применить эволютивное толкование. Консенсус служит инструментом для разработки «единого стандарта» прав человека, расширения объема содержания определенных прав и свобод, особенно в так называемых деликатных в делах. Если Суд обнаруживает отсутствие общеевропейского консенсуса по какому-либо вопросу, то государству-ответчику предоставляется свобода усмотрения для регулирования рассматриваемого вопроса. И наоборот, при наличии консенсуса среди государств-членов Совета Европы по конкретному вопросу, свобода усмотрения государства ограничивается.

Посредством консенсуса ЕСПЧ также стремиться повысить легитимность своих постановлений путем приведения своего толкования Конвенции в соответствие с общими ценностями государств-членов Совета Европы. При этом поиск Судом общих ценностей и их содержания в рамках консенсусного подхода выходит за рамки простого сравнительного анализа практики и законодательств государств-членов. В частности, Суд не всегда полагается на анализ европейского консенсуса при отсутствии адекватного метода определения совместных ценностных обязательств, особенно если он желает утверждать, что такие общие ценности обладают необходимым моральным нормативным авторитетом, позволяющим влиять на интерпретацию Конвенции. Вопрос о том, должен ли Суд практически определить общие ценностные обязательства в том смысле, как это изложено в этой статье, и если да, то каким образом, является предметом дальнейших исследований.

Список литературы:

1. ECtHR. X. and others v. Austria, Application No 19010/07, Judgment of 19 February 2013, Dissenting opinion of judges Casadevall, Ziemele, Kovler, Jočienė, Šikuta, De Gaetano and Sicilianos, para. 15.
2. ECtHR. Grant v. the United Kingdom, Application No 32570/03, Judgment of 23 May 2006, para. 39.
3. ECtHR. Evans v. the United Kingdom, Application No 6339/05, Judgment of 10 April 2007, para. 427.
4. ECtHR. Płoski v. Poland, Application No 26761/95. Judgment of 12 November 2002, para. 27.
5. Douglas-Scott S., Pierre Menard B. Quixote and the Idea of a European Consensus, in: Building consensus on European consensus: judicial interpretation of Human Rights in Europe and beyond, (Panos Kapotas & Vassilis P. Tzevelekos eds.) – 2019. – P. 172.
6. ECtHR. *X, Y and Z v. UK* (GC), Application No 21830/93, Judgment of 22 April 1997, para. 44
7. ECtHR. *T. v. UK* (GC), Application No 24724/94, Judgment of 16 December 1999, para. 72
8. ECtHR. *Lee v. UK* (GC), Application No 25289/94, Judgment of 18 January 2001, para. 95
9. ECtHR. *Evans v. UK* (GC), Application No 6339/05, Judgment of 10 April 2007, para. 45
10. ECtHR. Tyrer v. the United Kingdom, Application No 5856/72, Judgment of 25 April 1978, para. 183.
11. Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge: Cambridge University Press. – 2015. – P. 9.

12. Theilen T. Jens. European Consensus between Strategy and Principle. The Uses of Vertically Comparative Legal Reasoning in Regional Human Rights Adjudication. Nomos Verlagsgesellschaft Mbh & Co. – 2021. – P. 20.
13. Dothan S. The Optimal Use of Comparative Law // Denver Journal International Law & Policy, Vol. 43. – 2014. – Pp. 21-44.
14. ECtHR. *Demir and Baykaya v. Turkey* (GC), Application No 34503/97, Judgment of 12 November 2008, para. 76-86
15. Gerards J. General Principles of the European Convention on Human Rights. Cambridge University Press. – 2019. – 274 p.
16. ECtHR. Bayatyan v. Armenia, Application No 23459/03, Judgment of 7 July 2011, para 102.
17. ECtHR. Opuz v. Turkey, Application No 23459/03, 33401/02, Judgment of 9 June 2009, paras. 184–185.
18. Tulkens F. Introduction // Dialogue Between Judges, European Court of Human Rights, Council of Europe. – 2011. – P. 6–10, 7. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2011_ENG.pdf
19. Tulkens F., Drooghenbroeck S. Van, Le soft law des droits de l'homme est-il vraiment si soft? Les développements de la pratique interprétative récente de la Cour européenne des droits de l'homme. Liber amicorum Michel Mahieu, Brussels, Larcier. – 2008. – p. 505.
20. ECtHR. Dickson v United Kingdom [GC], Application No 44362/04, Judgment of 4 December 2007, para 75.
21. Recommendation CM/Rec(2006)2 of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules, adopted by the Committee of Ministers on 11 January 2006 at the 952nd meeting of the Ministers' Deputies.
22. ECtHR. Marckx v. Belgium, Application No 6833/74, Judgment of 13 June 1979, paras 41 and 58.
23. ECtHR. Chapman v United Kingdom [GC], Application No 27238/95, Judgment of 18 January 2001, paras 93–94.
24. ECtHR. Dudgeon v. the United Kingdom, Application No 7525/76, Judgment of 22 October 1981, para. 46.
25. Kleinlein T. Consensus and Contestability: The Esther and the Combined Potential of European Consensus and Procedural Rationality Control // The European Journal of International Law. Vol. 28 no. 3. – 2017. – P. 879.
26. ECtHR. A., B. and C. v. Ireland, Application No 25579/05, Judgment of 16 December 2010, para. 237.
27. ECtHR. F. v. Switzerland, ECtHR, 18 December 1987, Application No 11329/85, para. 33.
28. Brauch A. Jeffrey. The Dangerous Search for an Elusive Consensus: What the Supreme Court Should Learn from the European Court of Human Rights // Howard Law Journal, Vol. 52(2). – 2009. – P. 290.
29. ECtHR. D.H. and others v. the Czech Republic, Application No 57325/00, Judgment of 13 November 2007, para. 181.

Oganesian T. D. The doctrine of consensus: the search for a common european standard // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 100–107.

The doctrine of "European consensus" is a key tool of the European Court of Human Rights in interpreting Convention norms and searching for a common European standard. The Court determined that the European Convention on Human Rights is a "living instrument" and that when interpreting the Convention over time, the Court must take into account changing views in society. The European consensus is an element of the so-called evolutionary interpretation of the Convention. However, the details of its origins and scope remain controversial and have occasionally given rise to criticism of the Court for its use of the European consensus concept. Particular attention is paid to the terminological subtleties of using various definitions when formulating consensus. It is noted that the vagueness of the ECHR's formulations when identifying consensus becomes not only an object of criticism, but also causes difficulties in understanding the "pan-European standard". In this regard, the legal positions of the ECHR and the doctrinal positions of leading scientists on this issue are analyzed. An analysis of the scientific works of a number of researchers allowed the author to identify some criticisms related to the Court's use of consensus. The final part of the article notes that with the help of this doctrine, the ECHR maintains the legitimacy of its decisions, but is increasingly resorting to expanding the concept of "consensus".

Key words: European court of human rights; European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms; protection of human rights; consensus; evolutive interpretation.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 108–115.

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ГРЕНЛАНДИИ

Хрущев Р. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Развитие современной системы правоохранительных органов Гренландии началось с 1951 г., в результате чего к традиционному институту муниципальных судебных приставов был добавлен институт местной полиции, а затем и служащих пенитенциарной системы. За счет развития последних двух институтов, которые имеют отличную от аналогичных институтов в Дании нормативно-правовую базу, институт муниципальных судебных приставов все более утрачивает свое значение. Этому способствует успешная политика активного привлечения местного населения во все виды государственной службы в Гренландии, развитие которой, в связи с эволюцией самоуправления региона и ростом его населения является важным политическим, культурным и экономическим фактором. Наличие самостоятельных систем подготовки полиции и муниципальных судебных приставов способствуют привлечению в их ряды местного населения, сохранению их самобытности, тесной связи с обществом.

Ключевые слова: Дания, Гренландия, полиция, закон, самоуправление, судебный пристав, организация.

Правоохранительная деятельность является одной из важнейших задач государственной власти. Однако в Гренландии, в силу ее специфики, осуществление данной задачи длительное время было практически невозможно.

Важнейшими препятствиями к тому были: 1) колониальный статус Гренландии, 2) малая численность населения, распыленного по огромной территории и его низкая правовая культура; 3) отсутствие целенаправленной государственной политики Дании в данном вопросе. При этом, до судебных реформ начала 1950-х годов, местная судебная власть также отвечала за расследование и уголовное преследование, исполнение приговоров по уголовным делам. В тоже время, функция поддержания правопорядка практически также не осуществлялась, а для выполнения полицейских задач назначалось несколько авторитетных лиц, в основном выполнявшим функции судебным приставов.

В некоторых колониях (Западная Гренландия) полицейские функции были настолько обширны, что было сочтено необходимым нанять специальных полицейских. К таким колониям относятся Паамиут, Маниицок, Сисимиут, Аасиаат, Кутдлиссат и Упернавик. Лишь в некоторых местах были изданы положения или инструкции о деятельности этих лиц, поэтому неясно, какими полномочиями они обладают. Однако основной задачей было поддержание порядка. В некоторых местах они также выполняли роль своеобразной полиции нравов, не подпуская женскую часть населения к экипажам судов и незнакомым людям. Они были экипированы в униформу, дубинку и фуражку [1, с. 1206].

До 1951 г. полицейская власть в Гренландии осуществлялась муниципальными советниками, а судебные приставы являлись высшим органом власти в соответствующих частях страны и находились под управлением губернатора [1, с. 1206].

Впервые в отношении Гренландии полномочия полиции и прокуратуры были закреплены на законодательном уровне Законом об отправлении правосудия от 14 июня 1951 г. (№ 271, гл. 1 D) [2, с. 8]. Датским полицейским помогали 5 гренланд-

ских субофицеров и муниципальные судебные исполнители, которые являлись местным полицейским органом. 16 ноября 1954 г. губернатор издал инструкцию о полиции Гренландии. В ней содержались правила управления полицией, разделения округов, штатного расписания округов, прокурора, исполнения приговоров и других задач полиции, включая обеспечение поисково-спасательных операций.

В разделе 7 гл. 7 Закона 1951 г. было установлено, что полиция должна обеспечивать исполнение судебных решений по уголовным делам (соответствует действующей гл. 7, § 25). В соответствии со ст. 20 Закона № 271 от 27 мая 1951 г. о Национальном совете Гренландии и муниципальных советах часть полиции. Вместе с муниципальными судебными исполнителями полиция стала оказывать значительно большее влияние на гренландское общество, поскольку полиция больше не была полиция теперь существовала не только в крупных городах, но и в небольших населенных пунктах [3; 4, с. 14].

После своего создания гренландская полиция была организована в рамках Министерства Гренландии. Одновременно с этим были созданы 5 полицейских округов в Западной Гренландии с центром в родах Какорток, Нуук, Сисиут, Асиат, Уусманнак, с входящими в них соседними муниципалитетами. Полицейские полномочия в Северной Гренландии (Туле) и Восточной Гренландии по-прежнему осуществлялись инспекторами в Туле, Тасиилак и Иллоккортоормиут соответственно.

Учитываю специфику региона, на полицию были возложены не только традиционные полицейские задачи, но и более широкий набор административных задач и исполнительных функций. Основными задачами полиции в соответствии с Законом об отправлении правосудия стали поддержание мира и порядка, расследование и преследование, а также исполнение приговоров по уголовным делам.

В 1952 г. создан офис начальника полиции, в состав которого также входили 1 служащий, прошедший юридическую подготовку, 1 помощник, заимствованный из датской полиции, 1 служащая-женщина и 1 гренландский служащий-стажер. 5 сержантов, каждый из которых имел свой участок, подчинялись непосредственно начальнику полиции [1, с. 1210].

На основании поправки к Закону об отправлении правосудия в Гренландии от 4 июля 1964 г. полиция была передана из ведения Министерства Гренландии в ведение Министерства юстиции, что более соответствовало принципу разделения властей и сложившийся в Дании система организации органов власти.

По закону об отправлении правосудия в Гренландии, вступившего в силу в 1965 г., Гренландия стала независимым полицейским округом наравне с 55 другими округами Датского королевства. Сегодня Гренландская полиция состоит из Управления главного констебля в Нууке и 17 подчиненных ему полицейских округов.

Повседневное управление округами осуществляют начальники участков.

В силу географической протяженности страны гренландские полицейские округа занимают независимое положение по сравнению с датскими участками. Служебные и административные функции полиции выполняются в соответствии с ежедневными командами начальника полиции [1, с. 1215]. Благодаря росту населения вообще и городов Гренландии в частности, к настоящему периоду существенно возросло количество муниципалитетов – 18. В каждом из них организован собственный полицейский округ, с центрами содержания под стражей, транспортными средствами и связи. К 2001 г. полиция Гренландии насчитывала 1 начальника полиции и 1 его

заместителя, по 2 полицейских асессора и помощника полицейских; 121 полицейский (в т.ч. 22 датских); 47 офицеров резерва; 59 муниципальных судебных исполнителей и их помощников; офисный персонал; экипажи полицейских катеров; курсанты полиции.

Согласно Гл. 3 «Полиция и прокуратура» закона об отправлении правосудия 2007 г., задачей полиции является поддержание безопасности, спокойствия и порядка, обеспечение соблюдения законов и правил, а также принятие необходимых мер для предотвращения преступлений, а также для расследования и судебного преследования таких случаев. Полиция также выполняет функции прокуроров (п. 1, § 61).

По согласованию с министром юстиции на полицию могут быть возложены и другие задачи (п. 2, § 61). Министр юстиции является высшим начальником полиции и осуществляет свои полномочия через местное руководство полиции (п. 1, § 62).

Начальник полиции назначает муниципальных судебных исполнителей и назначает офицеров запаса, которые помогают полиции в осуществлении местных полицейских полномочий. Министр юстиции может установить подробные правила в этом отношении (п. 2, § 62). Также министр юстиции может наделить полицейскими полномочиями других лиц (п. 3, § 62). При этом, Гренландия, независимо от своего автономного статуса, в плане организации полиции, является полицейским округом Дании, возглавляемый начальником полиции. Он или она должны проживать в Гренландии (п. 1, § 63). В случае отсутствия начальника полиции высшее руководство полицией в полицейском участке осуществляет заместитель начальника полиции, полицейский заседатель или полицейский (п. 2, § 63).

Для того, чтобы поступить на службу в полицию, заинтересованные лица должны иметь хороший авторитет в обществе и репутацию (п. 1, § 64).

Главный констебль, заместитель главного констебля, полицейские асессоры и полицейские офицеры для занятия своей должности должны сдать экзамен по юриспруденции (п. 2, § 64). Для трудоустройства на должность начальника полиции обычно требуется, чтобы соответствующее лицо занимало руководящую должность в полиции или прокуратуре не менее 3 лет. (п. 3, § 64) [5].

Подготовка кадров, до 1991 г., осуществлялась следующим образом: 1) испытательный срок (2-3 года); 2) обучение в полицейской академии Дании; 3) 2 года практической службы в одно из датских полицейских участков и лишь после этого возвращение в один из районов Гренландии.

Создание собственной системы подготовки полицейских кадров в Гренландии началось в 1973 г., когда в Нууке был открыт предварительный курс гренландского языка. Постепенно в Нуук переносились части базовой подготовки из полицейской школы Дании, а уже с 1991 г. гренландские полицейские проходят всю базовую подготовку в Нууке. Полицейский колледж в Нууке, занимается и координирует все преподавания в полицейской базовой подготовке в Гренландии. Обучение соответствует обучению, предлагаемому в полицейском колледже в Дании.

Кроме того, Полицейский колледж отвечает за координацию общего развития компетентности сотрудников полицейского округа. В этой связи Полицейский колледж разрабатывает материалы для кампаний по набору персонала и координирует набор персонала вместе с другими ресурсами полицейского округа [6].

До изменений, внесенных в 2016 г., программа подготовки полицейских занимала три года; 8 месяцев теории, 30 месяцев практической службы и, наконец, снова 8 месяцев теории. В сентябре 2016 г. программа обучения была изменена таким образом, что новая программа базовой подготовки в Гренландии равна новой двухлетней программе базовой подготовки полицейских в Дании.

Вступительные экзамены. Если вы соответствуете формальным требованиям, вас пригласят на вступительный экзамен, и здесь важна хорошая подготовка. Необходимо сдать следующие тесты: а) тест цветового зрения; б) физический тест (общий тест, тест на скорость, прыжок в длину, подъемы тела, жим лежа и бег на 2400 м.); письменный тест (датский язык); пройти индивидуальное собеседование.

Так как полицейский должен быть то с каждым кандидатом проводится индивидуальную беседу, чтобы оценить эмпатию, навыки межличностного общения, ваше психологическое равновесие и ситуационную осведомленность каждого кандидата.

Структура программы обучения полицейских, в общем виде выглядит так:

1 семестр. В течение 11 месяцев в школе, курсанты учатся всему, что им нужно знать и уметь «улице». В обучение входят как физические, так и теоретические предметы, такие как полицейское право, управление конфликтами и силовая подготовка;

2 семестр. Курсанты в течение 11 месяцев работают в качестве стажера в экстренных службах, где работаю в патруле, пишут отчеты и пробуют свои силы в предотвращении и расследовании преступлений;

3 семестр. Курсанты возвращаются в школу на 6 месяцев, где погружаются в расследование и узнают о защите и передаче доказательств, судебных экспертизах и многом другом [7].

Полицейский компонент представлен на 18 рабочих местах по всему полицейскому округу и возглавляется главным суперинтендантом полиции, который также входит в состав высшего руководства полицейского округа.

Полицейская система Гренландии организована как линейная организация с отделами, участками и участками. Четыре заместителя суперинтенданта полиции возглавляют департаменты полицейского компонента; Департамент по чрезвычайным ситуациям, Следственный департамент, районный отдел полиции и оперативный штаб, а также комиссары полиции возглавляют различные отделы департаментов.

Департамент реагирования на чрезвычайные ситуации является центральным подразделением реагирования на чрезвычайные ситуации полицейского округа, расположенным в Нууке, и несет общую ответственность за выполнение задач по реагированию на чрезвычайные ситуации и чрезвычайные ситуации во всем полицейском округе, включая оперативную ответственность за управление чрезвычайными кризисами.

Следственный департамент является центральным следственным подразделением полицейского округа, расположенным в Нууке (столице автономии), и несет общую ответственность за наиболее серьезные и опасные преступления на всей территории полицейского округа, а также является контактным пунктом и выполняет более специализированные задачи в районе расследования.

Департамент полицейского округа состоит из шести полицейских округов с географической зоной охвата по всему полицейскому округу и отвечает за местное реагирование на чрезвычайные ситуации и чрезвычайные задачи в тесном сотрудниче-

стве с Департаментом реагирования на чрезвычайные ситуации, а также за ориентированные на граждан и превентивные инициативы в тесном сотрудничестве с оперативным штабом. Это включает в себя общую область расследования и, в определенной степени, более тяжкие и опасные преступления в тесном сотрудничестве со Следственным департаментом.

Оперативный штаб — это штабная функция, расположенная в Нууке, которая занимается планированием, анализом и управлением задачами полицейского компонента, области профилактики и является общим контактным центром для внешнего сотрудничества полицейского компонента [8].

Общая численность служащих полиции Гренландии относительно невысока. Так, по данным 2017 г. в полиции Гренландии работало 329 всего сотрудников [4, с. 4].

Основой их деятельности является Гренландский закон об отправлении правосудия. В его параграфе § 61 установлено, что «Задачей полиции является поддержание безопасности, мира и порядка, обеспечение соблюдения законов и порядок, обеспечивать соблюдение законов и статутов и делать все необходимое для предотвращения правонарушений, а также для расследования и судебного преследования и расследовать такие преступления и привлекать к ответственности». На полицию также возложена задача выступать в качестве государственного обвинителя.

Таким образом, гренландский Закон об отправлении правосудия представляет собой общее развитие соответствующее разделу 108 бывшего датского Закона об отправлении правосудия. Ст. 61 Закона об отправлении правосудия в Гренландии описывает основные задачи полиции и именно на основании этого положения, вытекает деятельность полиции в Гренландии.

В развитие генеральной доверенности при применении силы гренландской полицией также применяются такие составы преступлений, как необходимость и самооборона. Согласно разделу 9 УК, его меры не могут быть применены к лицам, действовавшим в порядке самообороны в той мере, в какой эти действия были необходимы для сопротивления или предотвращения начавшегося, или неизбежного противоправного нападения, и не выходят за пределы того, что является оправданным с учетом опасности нападения, личности нападающего и важности законного имущества, подвергшегося нападению. Статья 9(3) УК Дании специально направлена против правоохранительных органов и их возможных безнаказанных действий.

Однако это касается только использования средств, необходимых для реализации судебного запрета, и сам по себе не может санкционировать выдачу запрета на основании конкретного риска нарушения спокойствия и порядка [4, с. 7].

В тоже время, полицейское законодательство Дании (закон 2004 г.) не распространяет свое действие на Гренландию, хотя безусловно, учитывается как во взаимодействии с гренландскими полицейскими органами, так и при разработке соответствующих нормативных актов [4, с. 7].

Как уже указывалось, существенная роль в соблюдении правопорядка в Гренландии отведена муниципальным судебным приставам. Сегодня они являются помощниками полиции в населенных пунктах, и именно они направляются при поступлении сообщения в Гренландский центр экстренной помощи. В силу географических особенностей Гренландии в штормовую погоду прибытие полиции может занять несколько дней, и муниципальный судебный исполнитель должен быть в состоянии выполнять задачи полиции. Муниципальные судебные приставы считаются

необходимыми отчасти из-за нехватки персонала, а отчасти из-за больших расстояний и большого количества мелких населенных пунктов.

Муниципальный судебный пристав назначается начальником полиции и может быть назначен для работы в нескольких городах или населенных пунктах. При необходимости в одном месте может быть назначено несколько муниципальных приставов. Важно указать, что для того, чтобы стать муниципальным судебным исполнителем, не требуется никаких вступительных требований, кроме отсутствия судимости. Нет и языковых ограничений, поэтому многие муниципальные судебные приставы говорят только на гренландском языке. Такой подход значительно облегчает подбор местных кадров, но создает сложности при их вынужденном общении не с гренландцами.

Статья 62 (2) гренландского Закона об отправлении правосудия гласит, что начальник полиции назначает муниципального судебного исполнителя с полномочиями местной полиции, после чего он обязан оказывать помощь полиции; них распространяются те же правила, что и на гренландскую полицию.

Поскольку муниципальный судебный исполнитель обладает полицейскими полномочиями, на него также распространяется данное положение. На практике это означает, что в случае совершения преступления он должен проводить первоначальное расследование [4, с. 16].

В связи с назначением на должность муниципальный судебный исполнитель получает руководство на датском и гренландском языках, в котором содержатся основные правила, касающиеся задач и обязанностей муниципального судебного исполнителя. Именно в нем изложены основные принципы работы муниципального судебного исполнителя.

В нем говорится, что муниципальный судебный исполнитель должен поддерживать мир и порядок и обеспечивать соблюдение законов и иных правовых норм. Муниципальный судебный пристав обязан в кратчайшие сроки и по собственной инициативе сообщать обо всех известных ему правонарушениях в городе или поселке, к которому он относится. В продолжение этой статьи говорится, что муниципальный судебный пристав может быть привлечен к выполнению административных задач, включая вручение уведомлений и постановлений о выселении, а также сбор штрафов. Кроме того, муниципальный судебный пристав должен выполнять несложные задания полицейского характера, включая задержание людей, проведение допросов, фотографирование, изъятие или обеспечение сохранности улик. Более сложными следственными действиями по прибытии на место происшествия занимаются уже подготовленные сотрудники полиции [9].

Следует также отметитьь, что руководство для судебного пристава – весьма динамичный документ, который, по необходимости, постоянно дополняется. Так, можно указать, что в последнее время были обновлены нормы, касающиеся явки в суд судебных приставов [10], а также руководство по рассмотрению дел в муниципальных судах [11].

Ранее муниципальный судебный пристав проходил обучение на месте, в своем районе, в соответствии с рамочным планом и с учетом конкретных потребностей и практических возможностей, который готовился Управлением главного судебного пристава. Однако оказалось, что районы не в состоянии организовать эти программы обучения. Во время посещения поселения Кангаамиут (бывш. Старый Суккер-

топпен) в 1997 г., два муниципальных судебных исполнителя, которые проработали три года [12], не проходили никакого обучения и не получали униформу. По результатам посещения поселка Управление начальника полиции провело переоценку программы обучения, и обучение было перенесено в полицейскую академию в Гренландии, которая планирует и оказывает помощь в реализации текущей программы обучения [4, с. 18].

Сегодня специальный курс для муниципальных судебных приставов объединяет муниципальных судебных приставов на региональном уровне. Первый курс для муниципальных приставов прошел в 2012 г. [13], а в ноябре 2016 г. также была проведена недельная программа обучения [14]. Это новая программа обучения как для вновь назначенных, так и для действующих муниципальных судебных приставов, цель которой – дать им новые знания и навыки, облегчающие их деятельность.

В ходе развития института судебных приставов, менялся и их внешний статус, постепенно у них появилась своя униформа, а вот иметь при себе перцовый баллончик, в отличии от полиции Гренландии, им не позволено [15].

К имеющимся проблемам института судебного пристава в Гренландии следует отнести: а) недостаток персонала, вызванный скорее требованием к кандидатам об отсутствии судимости [16]; б) низкий процент женщин, что негативно сказывается на работе представителей данного института в местах задержания; в) для многих из действующих судебных приставов это вторая работа, которая становится второстепенной, т.е. отходит на второй план в теплое время года, т.к. большинство из них это рыбаки и охотники; г) не вполне соответствующая требованиям система их подготовки [14].

Очевидно, что наличие этих проблем говорит о том, что 1) функции полиции и муниципальных судебных приставов недостаточно разделены; 2) наличие двух институтов, имеющих близкие полномочия приводит к смешению их обязанностей и полномочий; 3) выполнение муниципальными приставами обязанностей надзора в учреждениях для задержанных и осужденных может привести к конфликту интересов между ними и непосредственно служащими этих мест; 4) муниципальные исполнители, занимая низшую ступень в иерархии правоохранительных органов Гренландии, находясь штате и имея содержание являются вспомогательным органом, наличие которого, при реформировании полиции и пенитенциарной системы, с передачей им соответствующих частей средств бюджета муниципальных исполнителей, могли бы самостоятельно выполнять все необходимые функции по обеспечению правопорядка.

Таким образом, можно предположить, что развитие современной системы правоохранительных органов Гренландии началось с 1951 г., в результате чего к традиционному институту муниципальных судебных приставов был добавлен институт местной полиции, а затем и служащих пенитенциарной системы.

За счет развития последних двух институтов, которые имеют отличную от аналогичных институтов в Дании нормативно-правовую базу, институт муниципальных судебных приставов все более утрачивает свое значение. Этому способствует успешная политика активного привлечения местного населения во все виды государственной службы в Гренландии, развитие которой, в связи с эволюцией самоуправления региона и ростом его населения является важным политическим, культурным и экономическим фактором. Наличие самостоятельных систем подготовки

полиции и муниципальных судебных приставов способствуют не только привлечению в их ряды местного населения, но и сохранению их самобытности, тесной связи с гренландским обществом.

Список литературы:

1. BETÆNKNING OM DET GRØNLANDSKE RETSVÆSE. BIND 3 KRIMINALITTETEN OG KRIMINALFORSORGEN. - DEN GRØNLANDSKE RETSVÆSENSKOMMISSION Betænkning nr. 1442/2004. – Текст : электронный. – URL: Microsoft Word - Forside, indholdsoversigt og indholdsfortegnelse til bind â€¦ (elov.dk) (дата обращения : 12.02.2024)
2. Einar Lund Jensen, Sniff Andersen, Nexø Daniel Thorleifsen/ Historisk udredning om de 22 grønlandske børn, der blev sendt til Danmark i 1951 Afgivet den 15. november 2020. – Текст : электронный. – URL: Historisk udredning om de 22 grønlandske børn, der blev sendt til Danmark i 1951 – Afgivet den 15. november 2020 (stm.dk) (дата обращения : 12.02.2024)
3. Rigsdagstidende 1949/50: Lov nr. 271 af 27. maj 1950 om Grønlands landsråd og kommunalbestyrelse m.v.
4. POLITIHISTORISK FORENING PRÆSENTERER: Kommunefogeder som del af politiet i Grønland Af Stephanie Dahl-Jensen. – С. 14. – Текст : электронный. – URL: kommunefogeder-som-del-af-politiet-i-groenland.pdf (politihistoriskforening.dk) (дата обращения : 12.02.2024)
5. Forslag til Retsplejelov for Grønland. – Текст : электронный. – URL: Forslag til Retsplejelov for Grønland (retsinformation.dk)
6. Politiskolen. Politiskolen | Grønlands Politi (дата обращения : 12.02.2024)
7. Optagelseskrav og uddannelse. – Текст : электронный. – URL: Optagelseskrav og uddannelse | Politiskolen | Grønlands Politi (дата обращения : 12.02.2024)
8. Organisation. Grønlands politi. – Текст : электронный. – URL: Организация | Полиция Гренландии (politi.gl)
9. Grønlands Politi: Dagsbefaling nr. 20 af 1. september 2016 om kommunefogedens virke, side 13. (Andet)
10. Møde i fogedretten. – Текст : электронный. – URL: Mødet i fogedretten (domstol.dk) (дата обращения : 12.02.2024)
11. Vejledninger om sagsbehandling ved byretterne. - Danmarks Domstole - Vejledninger om sagsbehandling ved byretterne (дата обращения : 12.02.2024)
12. Den grønlandske retsvæsenskommission: Betænkning 1442 om det grønlandske retsvæsen. Side 1231. Bind 4, Politiet, opfølgning mv., 2004. (Andet) - Microsoft Word - Forside, indholdsoversigt, indholdsfortegnelse til bind 2.â€¦ (xn--betnkninger-c9a.dk)
13. Siegstad, Ludvig: Forventning om bedre løn til kommunefogederne. I: KNR, 18.02.2012, s. 1. Internetadresse: http://knr.gl/en/node/102513 Besøgt d. 10.12.2016 (Artikel)
14. Nathansen, Bibi: Uddannelse skal gøre livet lettere for kommunefogeder. I: KNR, 25.11.2016. Internetadresse: http://knr.gl/da/nyheder/uddannelse-skal-gøre-livet-letterekommunefogeder Besøgt d. 14.12.2016 (Artikel
15. Ukendt, Netredaktionen: Nyt våben: Chili i øjnene. I: Sermitsiaq, 29.04.2010, s. 1. Internetadresse: http://sermitsiaq.ag/nyt-vaaben-chili-oejnene Besøgt d. 30.11.2016 (Artikel)
16. Nielsen, Arnaq: Mangel på kommunefogeder i bygderne. I: KNR, 05.08.2015. Internetadresse: http://knr.gl/da/nyheder/mangel-på-kommunefogeder-i-bygderne Besøgt d. 01.12.2016

Khrushchev R. S. Formation and evolution of police activity in Greenland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 108–115.

The development of the modern law enforcement system in Greenland began in 1951, as a result of which the institution of local police and then penitentiary officials was added to the traditional institution of municipal bailiffs. Due to the development of the last two institutions, which have a different legal and regulatory framework from similar institutions in Denmark, the institution of municipal bailiffs is increasingly losing its importance. This is facilitated by the successful policy of actively involving the local population in all types of public service in Greenland, the development of which, in connection with the evolution of self-government in the region and the growth of its population, is an important political, cultural and economic factor. The presence of independent training systems for police and municipal bailiffs contributes not only to attracting the local population into their ranks, but also to preserving their identity and close connection with Greenlandic society.

Key words: Denmark, Greenland, police, law, self-government, bailiff, organization.

.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 116–125.

УДК: 343.2/.7

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Шигонин А. Б., Пасичниченко Г. В.

В статье рассматривается история развития российского уголовного законодательства в сфере противодействия преступности террористической направленности. Работа содержит в себе нормативные предписания исходя из исторического контекста их возникновения. Проводится анализ первоначальных положений в истории российского уголовного права послуживших основой для последующего развития антитеррористического законодательства. Дана характеристика нормам отечественного уголовного права содержащих первые существенные признаки террористических действий в современном понимании данного термина, исследована его дальнейшая трансформация в актуальные положения закона об уголовной ответственности за терроризм.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, история, общественная опасность, общественная безопасность, противодействие терроризму, уголовная ответственность, периодизация, уголовное законодательство, нормативный акт.

Изучение современного законодательства в сфере борьбы с терроризмом, разработка и принятие эффективных и действенных мер необходимых для противодействия террористическим действиям невозможны без изучения исторического аспекта развития законодательства в данной сфере.

Среди ученых исследователей постоянно идут прения относительно периода возникновения терроризма как феномена общественного. В целом сформировалось две определенные позиции касательно того, с какого момента следует исчислять момент возникновения рассматриваемого явления.

Представители первой точки зрения допускают рассматривать в качестве акта терроризма любое политическое убийство, поскольку его совершение влечет за собой определенные политические и социальные последствия, выгодные лицу, совершившему убийство, либо же иному бенефициару данного действия, оказывает влияние на государство и государственную деятельность [1, с. 18].

Исходя из вышеизложенного, следует, что истоки терроризма можно найти и в античности, во времена Древней Греции или же Рима. Если рассматривать с данной точки зрения, то следует согласиться с тем, что именно насильственная смерть князей Бориса и Глеба имеет сходства с существующими сегодня актами терроризма. Данное убийство было непосредственно совершено в целях захвата власти, что напрямую говорит о политическом мотиве данного преступления, что и позволяет его отнести к терроризму [2, с. 61].

Стоит отметить, что терроризм с указанной точки зрения несколько расходится с терроризмом в том смысле, которое ему придает действующее законодательство.

Так, указанные действия имеют узкую сферу применения, в частности, носят вспомогательный характер для достижения иной цели. Однако определенные признаки характерные терроризму в современном понимании, в частности, политическое убийство, вполне могут влечь дестабилизацию деятельность органов власти и повлиять на принимаемые ими решения, что соответствует элементам террористической деятельности, отраженной в статье 3 ФЗ от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму».

Иную точку зрения высказывали такие ученые как М. Ферро и Н. Неймарк. По их мнению, терроризм следует рассматривать как явление, возникшее в конце XX века. Смысл позиции состоит в том, что процветание высоких технологий в науке, доступность информации – всё это повлияло на существенные изменения в выборе способа для террористического злодеяния, которое имело более характерный элемент устрашения социума, что в свою очередь сформировало терроризм именно в том формате, который существует в настоящее время [1, с. 18].

Говоря о периодизации терроризма и, как следствие, законодательства о противодействии ему, следует отметить, что в целом она является идентичной у большинства авторов. Выделяют три этапа развития квалификации указанного деяния: царский, советский и постсоветский.

Исследуя различные классификации периодов, необходимо указать и иные точки зрения, которые добавляют еще один период путем деления «царского» на два: период Средневековья (до 1866г.) и период «революционных сообществ» (1866-1917гг.). Третий период, соответственно тот же «советский», как и у иных ученых-теоретиков, направленный на захват власти. Последний, четвертый, длится по настоящее время. Его именуют новым периодом развития борьбы с терроризмом, который вызван активной борьбой с террористами на Северном Кавказе, а также участием РФ в борьбе с иными террористическими ячейками, как на территории России, так и в международном сообществе [2, с. 63].

Рассматривая историю развития законодательства о борьбе с терроризмом, безусловно, следует начинать изучение с первого существенного законодательного акта в истории России, а именно Русской Правды.

В указанном акте, конечно, не предусматривалось такого состава преступления как терроризм в современном понимании, однако существовала возможность привлечь к ответственности за убийство «княжеского подъездного» (80 гривен), «княжеского тиуна» (80гривен), «старшего конюха» или «сельского старосты» (12 гривен), «княжеского рядовича», «смерда» или «холопа» (5 гривен), за «робакормилица» (12 гривен). Тягчайшим преступлением считался и поджог, хотя указанное деяние скорее следует рассматривать как преступление с целью причинения имущественного вреда [3].

Следующими существенным актами в истории России можно считать Псковскую и Новгородскую судную грамоту. В них продолжалось развитие положений Русской Правды в части совершения преступлений в отношении представителей власти, однако ничего общего с современным понятием терроризма в них все еще не имелось [4; 5].

Далее следует отметить Судебники 1497 г. и 1550 г. Судебник 1497 г. также содержал в себе положения об ответственности за преступления против государства, разграничивал категории виновных лиц, в частности за убийство господина, за поджигание укреплений или города и т.д. Особое внимание в указанном акте следует отметить такому преступлению как «лихое дело», под которым понималось любое деяние, которое посягало на установленный в стране порядок [6].

Судебник 1550 г. уже содержал в себе иной термин, который имел значение для развития содержание терроризма. Речь идет о понятии «хитрости», которое по своему смыслу является тождественным прямому умыслу в современном праве. Появление указанного элемента умысла оказало влияние на оценку сущности и содержа-

ния террористических актов, так как терроризм сам по себе предполагает наличие конкретной цели, а, следовательно, и прямого умысла, и не может совершаться случайно или по неосторожности [7].

В последующий период российского средневековья развитие каких-либо положений об уголовной ответственности за деяния, которые содержали бы в себе элементы терроризма в современном понимании, отсутствовало.

Связано это было с тем, что криминализация таких деяний в указанное время не была возможна, поскольку террор осуществлялся представителями власти, в частности царем и опричниками в отношении населения. В силу этого не могли быть уголовно наказуемыми деяния, совершаемые указанными лицами, не смотря на факт того, что указанные действия имели в себе черты характерные для терроризма.

В период Смуты также имели место методы управления, имеющие признаки террористического акта, однако они также не могли рассматриваться как уголовно наказуемые. В связи с этим в научной среде есть ученые, которые определяют указанный период времени как монархический (государственный) терроризм в России, и отмечают, что фактически это был первый опыт государственного терроризма в истории России.

В Соборном уложении 1649 г. получило развитие понятие «хитрость», которое видоизменилось в «умышление», которое представлялось в трех формах: умышление татей на убийства (п.13, 72 главы XXI); воровской умысел, т.е. совершение наиболее тяжких общеуголовных преступлений организованными преступными группами; государственные преступления и посягательства против государя [8].

С. С. Галахов и В. И. Козлов отмечали, что если рассматривать понятие «террористическая деятельность» во времена средневековья и состыковать его с современным периодом, то он входил в более широкое – «воровство», включающее в себя любое преступное действие, в том числе и государственные преступления [9, с. 89].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. также содержало в себе положения о преступлениях против государства, в частности содержались они в первых трех главах уложения. Рассматривая данный акт следует указать, что Уложение все также не содержало в себе норм о террористических преступлениях, имелись лишь составы преступлений содержащие в себе лишь отдельные признаки характерные для терроризма в современном понимании [10].

Рассматривая обозначенную тему, следует сказать, что в научном сообществе нет единства относительновремени возникновения этого явления в качестве вида преступного поведения, сформировавшегося до законодательной регламентации. Большое влияние на это оказали первое неудачное покушение на российского императора Александра II совершенное 4 апреля 1866 г. и покушение на генерала Трепова, совершенное 24 января 1878 г. [1, с. 19].

Необходимо обратить внимание, что вышеуказанные покушения вовсе не были единичными случаями. В конце 19 в. обстановка в стране характеризовалась наличием революционного настроения, что послужило предпосылкой для появления в 1903 г. Уголовного уложения, в котором появились новые понятия: «взрыв», «взрывчатое вещество», «снаряд». Если преступления совершались указанным способом, то предусматривалась суровая ответственность. В то же время понятие террористической деятельности в Уложении по-прежнему не раскрывалось. Однако,

сравнивая данные положения с текущим законодательством, следует отметить, что Уложение 1903 года фактически является первым в истории России нормативным актом, который содержит в себе закрепленное под угрозой уголовного наказания деяние, которое максимально близко соответствует современному существу терроризма, особенно в аспекте объективной стороны состава преступления [1, с. 20].

Существует ряд мнений относительно квалификации посягательства на императора, императрицы или наследника престола, за которые предусматривалась ответственность указанным Уложением.

Одни ученые считают, что политические убийства правительственных лиц периода Российской Империи нельзя относить к террористическому акту, поскольку данные действия относительно современного УК РФ скорее соотносятся со ст. 277 УК РФ [11]. Другие же ученые считают, что такие деяния содержат в себе признаки современного террористического акта.

Как отмечалось ранее, политическое убийство действительно содержит в себе определенные элементы характерные террористическому акту, в частности убийство должностного лица либо же императора может повлечь устрашение населения, более того такие действия однозначно будут влиять на принятие органами власти того или иного политического решения.

Резюмируя все вышеуказанное можно отметить, что в целом период до 1917 года не содержал в себе четкого определения понятия терроризма, а также не предусматривал уголовной ответственности за преступления террористической направленности в современном понимании. В указанный период происходило формирование данных понятий, происходило становление террористического акта как отдельного уголовно наказуемого деяния, формировались его элементы.

Становление нового социалистического государства, которое сопровождалось гражданской войной и борьбой за власть также затронуло и сферу террора. Данная деятельность, как отмечают некоторые авторы, имела специфические элементы, которые не позволяют ее отнести к терроризму в современном понимании данного явления. Указанные действия рассматриваются скорее в качестве способа борьбы за власть между различными идеологическими группами.

Ученые отмечают, что террор того времени не ставил перед собой цель запугать определенные слои населения, что является существенным признаком для террористического акта в современном понимании.

При этом в советском законодательстве появляется ряд нормативных актов, содержащих в себе прямо либо косвенно положения о террористической деятельности. Среди таких актов можно выделить Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» и Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти».

При анализе указанных актов, необходимо указать, что Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» все же содержит в себе ключевой признак террористической деятельности – устрашение населения. В частности, указанное постановление содержит следующие формулировки: «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардей-

ским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [12].

Указанные действия в виде концентрационных лагерей, расстрелов, публикации имен, расстрелянных вполне могли использоваться для устрашения социальных групп сочувствующих либо содействующих белому движению, а также их участникам, в целях отказа от участия в борьбе против советской власти, а, следовательно, и для принятия определенных решений органами власти противоборствующей стороны в целях подчинения для сохранения жизни.

Впервые на законодательном уровне упоминание о террористическом акте имело место в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Преступления террористической направленности указываются в статьях соответствующей главы о государственных преступлениях. В данном случае ст.64 УК РСФСР (1922г.) предусматривала ответственность за участие в террористических актах (имели контрреволюционные цели), а именно, высшую меру наказания и конфискацию, даже если участник (хотя бы один), не принадлежал к такой организации [13].

За совершение террористического акта предусматривалась суровая мера наказания, предусмотренная ч.1 и ч.2 ст. 58 УК РСФСР. За совершение указанного преступления назначалась высшая мера наказания с конфискациейимущества. Кроме этого, за действия, связанные с укрывательством таких преступлений и пособничеством этим преступлениям, также предусматривалась уголовная ответственность [14, с. 86].

Помимо преступлений, которые именовались террористическими, будет вполне обоснованно обратить внимание и на другие уголовно-наказуемые деяния, которые не являясь таковыми, тем не менее, имели признаки характерные для террористического акта, например, это ст. 65 УК РСФСР, а именно «Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений» [13].

Подводя итог анализу указанного акта, следует сделать вывод, что был совершен существенный шаг в развитии законодательства о терроризме, впервые было введено понятие «террористический акт», установлена ответственность за его совершение, сформированы составы преступлений с указанным термином, также впервые было введена ответственность за содействие либо укрывательство в совершении указанного преступления.

Следующим актом, регламентировавшим уголовную ответственность за совершение террористического акта, являлся Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Указанный нормативный акт при этом не вносил каких-либо существенных изменений в части самой формулировки нормы об уголовной ответственности за терроризм, равно как и не менял санкцию за его совершение. Цели преступления и перечень лиц не изменились, высшая мера наказания и конфискация остались, смягчение ответственности, при наличии оснований, не исключалось [15].

Подводя итог анализу довоенного уголовного законодательства, следует отметить, что обязательным признаком для квалификации деяния как терроризма являлось наличие у преступника политических мотивов. Среди способов осуществления рассматриваемого преступления законодательство выделяло либо умышленное по-

литическое убийство, либо повреждение особо значимого государственного имущества. При этом как отмечается в литературе, недостаточная регламентированность указанных составов нередко негативно влияла на качество правоприменительной практики.

Значительный шаг в сфере борьбы с преступлениями террористической направленности был сделан в Уголовном кодекса РСФСР 1960 г. Указанный акт содержал в себе ст. 66 именуемую как «Террористический акт». Под данным преступлением понималось «убийство государственного или общественного деятеля либо представителя власти, совершенное по политическим мотивам», а также «тяжкое телесное повреждение, причиненное по тем же мотивам государственному или общественному деятелю либо представителю власти». Как видно из указанных положений законодатель все еще связывал террористическую деятельность непосредственно с политическими мотивами, а также продолжал настаивать на позиции, что террористические акты могут совершаться лишь в отношении государственных либо общественных деятелей [16].

Однако рассматривая указанную статью, следует отметить снижение санкций за совершение указанных преступлений. Если ранее санкции за терроризм по общему правилу предусматривали конфискацию и расстрел, то теперь санкция предусматривала основной вид наказания в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет в случае привлечения лица по части 1 указанной статьи, либо же от 8 до 15 лет в случае привлечения по части 2 комментируемой статьи, а также конфискацию имущества.

В науке также выделяют еще одно новшество, теперь глава именуется «Государственные преступления», а не «Контр-революционные преступления», поскольку к таковым можно было отнести «всякое действие», т.е. отошли от оценочных и абстрактных понятий. В качестве новеллы выделяют и наличие разделения на различные составы в зависимости от последствий террористического акта, что позволило определить различные виды ответственности.

При этом стоит отметить, что указанные положения касаются крайней редакции уголовно кодекса, в ранних редакциях среди санкций предусматривалась также ссылка от двух до пяти лет, а за совершение преступления по ч.1 ст. 66 могла еще применяться также смертная казнь. Помимо этого, в первоначальной редакции законодатель не до конца отошел от идеологизированности, однако применил более конкретную формулировку применительно к целям совершения теракта «подрыв или ослабление Советской власти» [17].

Исходя из этого, мы можем увидеть существенный прогресс в части изменения и преобразования законодательства в части уголовной ответственности за терроризм. Виден как последующий отход от применения идеологических терминов и понятий, так и более демократический и гуманный подход в отношении применения санкций за указанные деяния.

Довольно яркой новеллой отечественного уголовного права в сфере борьбы с терроризмом стала ст. 67 УК РСФСР «Террористический акт против представителя иностранного государства». Указанная статья по своему смыслу и устанавливаемым санкциям по своей сути являлась тождественной статье 66, за исключением того, что в данном случае для квалификации по данной статье необходимо было совершить убийство представителя иностранного государства либо нанести ему тяжкое

телесное повреждение, но с определенной целью (провокация войны или международных осложнений). Изучив нормы рассматриваемой главы, можно утверждать, что нормотворец периода советской власти (60-90 гг. XXв.) ставит на одну ступень любое из совершенных действий. Указанная идея прослеживается и далее в рассматриваемом уголовном кодексе, так, например, в ст. 73 УК РСФСР указывается, что «в силу международной солидарности трудящихся особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся, – наказываются соответственно по статьям 64–72…» [1, с. 24].

То есть, как мы видим, равнозначную защиту от терроризма имели как интересы советского государства, так и иностранного.

Правоприменители советского периода считали, что рассматриваемые ранее составы могут быть квалифицированы также по совокупности преступлений, дополнительно допускалась квалификация террористического акта с диверсией (ст. 68), организационной деятельностью, направленной к совершению особо опасных государственных преступлений, а также с участием в антисоветской организации (ст. 72),

Как уже отмечалось, ранние редакции уголовного закона в определенной мере отличаются от последующих редакций, в частности были изменены санкции уголовных норм, убраны идеологические и политические термины, такие как «в силу международной солидарности трудящихся» и «подрыв и ослабление Советской власти», ряд статей утратили силу, как например ст. 73 УК РСФСР регламентирующая «Особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся». Конкретизируя изменения в рассматриваемом нормативном акте, необходимо указать и об отмене уголовной ответственности за совершение диверсии (в 1994 г.).

Безусловно, все эти изменения были вызваны политическими и социально-экономическими видоизменениями в государстве, распадом Советского союза, демократизацией, гуманизацией законодательства, обращению государства и законодателя к зарубежному опыту в сфере уголовного судопроизводства.

Вместе с тем изменения коснулись не только упразднения или видоизменения ранее действующих положений закона, но принесли нововведения в уголовное законодательство. В частности, были внесены в уголовный кодекс следующие составы преступлений: «применение биологического оружия» (статья 67.1), «разработка, производство, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка биологического оружия» (статья 67.2). Указанные составы хотя и не относятся напрямую к террористической деятельности, однако опосредованно затрагиваю возможную форму ее осуществления, что, безусловно, оказало влияние на дальнейшее развитие уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Однако наиболее существенным и важным новшеством стали введенные статьи 213.3 «Терроризм» и 213.4 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма».

Новая норма позволила говорить не только про опасные политические деяния, но и действия, которые создают «опасность гибели людей, … имущественного ущерба, …иных тяжких последствий». Именно с 1994 г. в уголовном законе появился «терроризм», который и сохранил своё внутреннее содержание и сейчас.

Исходя из положений ст. 213.3 под терроризмом понимается деяние «совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие

решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий» [15].

При этом также стоит отметить, что комментируемая статья содержала в себе примечание, позволявшее лицу, в случае если оно своевременным предупреждением органов власти или иным образом способствовало предотвращению акта терроризма, получить освобождение от уголовной ответственности. Указанное положение также является довольно существенным и прогрессивным нововведением по сравнению с иными ранее действовавшими положениями.

Кроме того, не смотря на свою существенную общественную опасность, санкции ч. 1 ст. 213.3 предусматривали ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет. Как справедливо отмечено в литературе, даже за такой состав как «мужеложство» предусматривалась более суровая санкция.

Можно сделать вывод, что на тот момент законодательство в сфере борьбы с терроризмом хотя и активно реформировалось, однако реального понимания опасности и существенной значимости терроризма на тот момент у законодателя еще не было. Связывается это в первую очередь с отсутствием существенно резонансных дел в указанный период времени связанных с терроризмом. В дальнейшем, с ростом совершаемых террористических преступлений уголовной направленности санкция существенно будет видоизменяться в сторону ужесточения.

Новым этапом развития законодательства в борьбе с терроризмом можно считать момент принятия действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. В нём, как и ранее предусмотрены нормы, предусматривающие уголовную ответственность за данные противоправные деяния террористического характера.

Значительное влияние на развитие указанных положений оказали события, происходившие в 90-е годы на Северном Кавказе, а также на иной территории Российской Федерации. Произошли многие резонансные и известные преступления в форме терактов – Теракт на Дубровке («Норд-Ост»), террористический акт в Беслане и многие другие. Произошедшие события в очередной раз доказали существенную опасность и важность борьбы с терроризмом в том числе путем ужесточения уголовной ответственности. В частности, в данный момент часть 1 статьи 205 УК РФ устанавливающая ответственность за совершение террористического акта предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет [11], что существенно больше, чем в УК РСФСР 1960 г.

Был принят также Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ устанавливающий «основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом» [18].

В настоящее время законодательство в сфере борьбы с терроризмом все также продолжает развиваться, вносятся новые положения об уголовной ответственности за те или иные деяния, что, безусловно, является важной и неотъемлемой частью национальной и общественной безопасности России. Поскольку терроризм, будучи в первоначальной своей форме методом борьбы с правящими лицами, смог видоиз-

мениться до формы, в которой он оказывает воздействие непосредственно на все общество.

Меняются способы, методы совершения террористических актов, ввиду чего совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере должно совершаться превентивно и быть готовы воздействовать на новые вызовы.

Список литературы:

1. Капитонова, Е. А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период / Е.А Капитонова.– Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки - 2016. - №4 (40) – С. 17-28.
2. Асхабов, М. А. Развитие уголовного законодательства России в сфере терроризма / М. А. Асхабов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2019. - № 45 (283). - С. 61-64.
3. Русская Правда - URL: http://museumreforms.ru/node/13621 (дата обращения: 24.09.2023) - Текст: электронный.
4. Псковская судная грамота. 1397-1467 гг. - URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13623 (дата обращения: 24.09.2023).- Текст: электронный.
5. Новгородская Судная грамота. 1440-1471 гг. - URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13624 (дата обращения: 24.09.2023)- Текст: электронный.
6. Судебник 1497 года - URL: http://museumreforms.ru/node/13625 (дата обращения: 24.09.2023) - Текст: электронный.
7. Судебник 1550 года - URL: https://his95.narod.ru/1550.htm (дата обращения: 24.09.2023) - Текст: электронный.
8. Соборное Уложение 1649 г. - URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13632 (дата обращения: 24.09.2023) - Текст: электронный.
9. Галахов, С. С, Козлов В. И. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера / С. С. Галахов, В. И. Козлов - Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. - №3. – 2008. – С.85-95.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. - URL: http://museumreforms.ru/node/13654 (дата обращения: 24.09.2023)- Текст: электронный.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» (утратил силу) // [Электронный ресурс] – СПС «КонсультантПлюс».
13. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 года (утратил силу) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901757375 (дата обращения: 24.09.2023) - Текст: электронный.
14. Самиулина, Я. В. Исторические этапы становления понятия «терроризм» по национальному законодательству России / Я. В. Самиулина. – Текст: непосредственный // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 1(42). – С. 84-88.
15. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. (утратил силу) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - http://museumreforms.ru/node/13973 (дата обращения: 24.09.2023) - Текст: электронный.
16. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утратил силу) // [Электронный ресурс] – СПС «КонсультантПлюс».
17. Уголовный Кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (исходная редакция) (утратил силу) // [Электронный ресурс] – Портал правовой информации: право.ру.
18. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

Shigonin A.B., Pasichnichenko G. V. The history of the development of legislation in the field of combating terrorism // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 116–125.

The article examines the history of the development of Russian criminal legislation in the field of combating terrorism-related crime. The work contains normative prescriptions based on the historical context of their origin. The analysis of the initial provisions in the history of Russian criminal law, which served as the basis for the subsequent development of anti-terrorist legislation, is carried out. The article characterizes the norms of domestic criminal law containing the first significant signs of terrorist acts in the modern understanding of the term, and examines its further transformation into the current provisions of the law on criminal liability for terrorism.

Keywords: terrorism, terrorist act, history, public danger, public safety, counteraction to terrorism, criminal liability, periodization, criminal legislation, regulatory act.

Spisok literatury:
1. Kapitonova, E. A. Istoriya razvitiya pravovogo regulirovaniya otvetstvennosti za terrorizm v Rossii v dorevolyucionnyj i sovetskij period / E.A Kapitonova.– Tekst: neposredstvennyj // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki - 2016. - №4 (40) – S. 17-28.
2. Askhabov, M. A. Razvitie ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii v sfere terrorizma / M. A. Askhabov. — Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj.- 2019. - № 45 (283). - S. 61-64.
3. Russkaya Pravda - URL: http://museumreforms.ru/node/13621 (data obrashcheniya: 24.09.2023) - Tekst: elektronnyj.
4. Pskovskaya sudnaya gramota. 1397-1467 gg. - URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13623 (data obrashcheniya: 24.09.2023).- Tekst: elektronnyj.
5. Novgorodskaya Sudnaya gramota. 1440-1471 gg. - URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13624 (data obrashcheniya: 24.09.2023)- Tekst: elektronnyj.
6. Sudebnik 1497 goda - URL: http://museumreforms.ru/node/13625 (data obrashcheniya: 24.09.2023) - Tekst: elektronnyj.
7. Sudebnik 1550 goda - URL: https://his95.narod.ru/1550.htm (data obrashcheniya: 24.09.2023) - Tekst: elektronnyj.
8. Sobornoe Ulozhenie 1649 g. - URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13632 (data obrashcheniya: 24.09.2023) - Tekst: elektronnyj.
9. Galahov, S. S, Kozlov V. I. Kriminal'nye vzryvy. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti po bor'be s prestupleniyami terroristicheskogo haraktera / S. S. Galahov, V. I. Kozlov - Tekst: neposredstvennyj // Nauchnyj portal MVD Rossii. - №3. – 2008. – S.85-95.10. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'n-yh 1845 g. - URL: http://museumreforms.ru/node/13654 (data obrashcheniya: 24.09.2023)- Tekst: elektronnyj.
11. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (poslednyaya redakciya) // Sobranie za-konodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954.
12. Postanovlenie SNK RSFSR ot 05.09.1918 «O krasnom terrore» (utratil silu) // [Elektronnyj resurs] – SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Ugolovnyj kodeks RSFSR ot 1 iyunya 1922 goda (utratil silu) // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://docs.cntd.ru/document/901757375 (data obrashcheniya: 24.09.2023) - Tekst: elektronnyj.
14. Samiulina, YA. V. Istoricheskie etapy stanovleniya ponyatiya «terrorizm» po nacional'nomu za-konodatel'stvu Rossii / YA. V. Samiulina. – Tekst: neposredstvennyj // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. – № 1(42). – S. 84-88.
15. Ugolovnyj kodeks RSFSR v redakcii 1926 g. (utratil silu) // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: - http://museumreforms.ru/node/13973 (data obrashcheniya: 24.09.2023) - Tekst: elektronnyj.
16. Ugolovnyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 30.07.1996) (utratil silu) // [Elektronnyj resurs] – SPS «Konsul'tantPlyus».
17. Ugolovnyj Kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (iskhodnaya redakciya) (utratil silu) // [El-ektronnyj resurs] – Portal pravovoj informacii: pravo.ru.
18. Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» (poslednyaya redakciya) //Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 11. St. 1146.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 126–137.

УДК 342

ДИСПОЗИТИВНЫЕ НОРМЫ В РАМКАХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Шурыгина Ю. В.
Уральский институт ГПС МЧС России, Россия, г. Екатеринбург

Статья посвящена рассмотрению диспозитивных норм как особой формы регулирования правоотношений, являющейся важным условием создания правового порядка, защиты, охраны и гарантий прав и свобод. Целью исследования является обоснование необходимости применения одного из способов правового регулирования – правового режима, устанавливающегося законодательством и обеспечивающийся государством, имеющий целью регламентировать конкретные области общественных отношений, представляющий собой особый порядок правового регулирования. Методологической основой исследования являются научные методы, такие как, например, диалектический метод познания, который позволяет проанализировать рассматриваемое явление в развитии, взаимосвязи, а также общенаучные и частнонаучные методы. Проанализированы основные признаки правовых режимов, а также изучены подходы в толковании понятия «правовой режим». Диспозитивный характер правоотношений является, скорее, исключением (в настоящее время следует отметить наличие правовых режимов, основанных не только на запретах, но и содержащих определенные преференции субъектам правоотношений – предоставление дополнительных прав, государственных гарантий, освобождение от некоторых обязанностей).

Ключевые слова: диспозитивные нормы, форма регулирования правоотношений, административно-правовые средства, правовой режим, преференции субъектам правоотношений.

Право, являясь одним из особых государственных регуляторов общественных отношений, придает им (отношениям) правовую форму. Правовое регулирование является важным условием создания правового порядка, защиты, охраны и гарантий прав и свобод [1]. Одним из способов правового регулирования является правовой режим. В современном научном правовом сообществе существует множество подходов к толкованию понятия «правовой режим». Среди активных участников дискуссий, чье мнение является важным и заслуживающим внимания, являются: С.С. Алексеев, Б.Б. Бидова, В.Б. Исаков, А.В. Малько, Н.И. Матузов, О.С. Родионов, Э.Л. Сидоренко и др.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания, позволяющий провести глубокий и всесторонний анализ рассматриваемого явления в динамике его развития, взаимосвязи, а также общенаучные и частнонаучные методы. Базовые признаки правовых режимов, на наш взгляд, исчерпывающим образом сформулировали А.В. Малько и Н.И. Матузов, по мнению которых правовые режимы: «устанавливаются законодательством и обеспечиваются государством <…> имея своей конечной целью регламентирование конкретных областей общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права; <…> являются формой особого порядка правового регулирования, состоящего из совокупности юридических средств и характеризуются определенным их сочетанием; <…> сознают конкретную степень благоприятности / неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов и их объединений»[2].

При этом важно учитывать, что в нормативно-правовых актах РФ, а также субъектов РФ содержатся административно-правовые средства, применяемые для спе-

циального регулирования, обеспечения безопасности и защиты общественных отношений, ограничения и пресечения негативных воздействий на личность, обеспечение прав и свобод человека, а также прав хозяйствующих субъектов [3].

Благодаря современному развитию юриспруденции во главу угла выводится комплексная правовая методология толкования, применяемая к конкретному субъекту права (его правоспособности и дееспособности), к конкретному объекту права (его правовому режиму), к конкретным обстоятельствам осуществления права, в том числе обстоятельств времени и места (окружающей географической, экономической, политической, культурной среды) и т.д. Такая комплексность основана на использовании широкого арсенала средств и способов механизма внутриотраслевого правового регулирования соответствующих общественных отношений. Кроме того, в рамках общей системы права следует совместно использовать способы и средства механизма правового регулирования общественных отношений в целом.

В последние десятилетия международные организации разработали и приняли значительное количество международных документов рекомендательного характера в различных формах и нормативных документах, составляющих основу мягкого права. Эти документы активно используются в международно-правовом регулировании отношений и инкорпорированы в национальные законодательства государств. Среди таких документов следует выделить стандарты как отдельный вид нормативно-правовых документов рекомендательного характера. Применение стандартов как элемента международно-правового регулирования отношений указывает устойчивую тенденцию в работе международных организаций в направлении создания общих условий имплементации как международных соглашений универсального характера, так и отдельных решений международных организаций. Автор подчеркивает, что основной причиной появления таких актов является регулирование организационно-технических вопросов в соответствии с особенностями деятельности международных организаций. При этом такие технические стандарты сами по себе становятся универсальным правовым механизмом обеспечения выполнения межгосударственных обязательств [4].

Трактование понятия «стандарт», которое нам предоставляет Юридическая энциклопедия, определяет стандарт как разновидность документа, устанавливающего для общего и многократного применения правила поведения, общие принципы или характеристики, относящиеся к деятельности или результатам такой деятельности, с целью достижения оптимальной степени упорядоченности в определенной области [5]. На национальном уровне понятие стандарта рассматривается как элемент системы правового регулирования сферы публичных отношений.

Разработка международных стандартов – прерогатива международных организаций. Правотворческую деятельность международных организаций по стандартизации условно мы можем разделить на две базовые составляющие: создание стандартов технического характера, направленных на упорядочение и унификацию деятельности в рамках отдельных сфер отношений; внедрение стандартов поведения, устанавливающих условия или требования к реализации международно-правовых документов и норм-принципов международного права.

В некоторых случаях стандарты сочетают эти признаки, такие как стандарты в сфере международно-правового регулирования защиты окружающей среды, снятие торговых барьеров во внешнеэкономической деятельности, стандарты в сфере меж-

дународных перевозок и т.д. Соблюдение стандартов, принимаемых в рамках уставной деятельности Международной организации гражданской авиации, Всемирной организации здравоохранения, Международной морской организации определяется конвенционным механизмом их принятия и применения. При этом стандарты представляют собой компоненты такого международно-правового механизма. В любом случае государства соблюдают международные стандарты на основании целесообразности их использования, соответствия их государственным интересам и международным обязательствам. Международные стандарты присутствуют во многих областях правового регулирования [6].

По нашему мнению, следует различать следующие виды стандартов в базовых сферах международно-правового регулирования отношений:

- организационно-технические стандарты, применяемые как регламенты выполнения требований и обеспечения технических характеристик объекта отношений;

- правовые стандарты, определяющие юридические подходы к урегулированию отношений между субъектами права или формированию правового режима.

По мнению М.Е. Глазковой [7] следует различать определенные уровни генезиса правовых стандартов и непосредственно уровни стандартов. Стандарты могут формироваться как внутри государства (национальные стандарты), так и на уровне межгосударственного общения – региональном или универсальном (международные стандарты). При этом существуют разные векторы движения правовых стандартов. Так, некоторые стандарты на уровне национальной правовой системы становятся международными, и наоборот.

А.В. Малько [8] указывает на то, что значительное количество международных стандартов по уровню своей юридической силы диспозитивно, что означает право государств при урегулировании отношений изменять их на основе международного соглашения, отменять или вводить новый стандарт.

Наиболее исследуемые формы международно-правовых стандартов можно наблюдать в сфере защиты прав человека. Такие стандарты воспринимаются международным сообществом как общепризнанные международно-правовые нормы, определяющие статус человека и гражданина и содержащие перечень основополагающих прав и свобод индивидуума, устанавливают обязанность государств соблюдать эти права и свободы и регламентируют возможности их ограничения. Основными международно-правовыми документами, устанавливающими общечеловеческие стандарты прав и свобод и имеющими широкий спектр применения, являются: Общая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейский социальный стандарт 1961 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Заключительный акт Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе 1975г., итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе 1989 г., Заключительный акт Копенгагенское совещание по человеческому измерению СБСЕ 1990 г.

ООН проводит деятельность по установлению международных стандартов в области защиты прав и свобод человека на постоянной основе. Характерным примером деятельности ООН во введении международных стандартов в национальное правовое пространство можно считать Резолюцию ГА ООН №41/120 «Установле-

ние международных стандартов в сфере прав человека» от 04.12.1966 г. Этой резолюцией были приняты руководящие принципы, которые рекомендуется учитывать при разработке документов вопросы защиты прав человека и стандартизированные подходы, отвечающие нормам международного права этой сферы отношений. Среди требований к национальным нормативным документам отмечается, что документы должны отражать человеческие ценности, быть реалистичными, предусматривать четкий механизм реализации, а также опираться на социально-политическую поддержку в государстве [6].

Международные стандарты нельзя рассматривать вне международной правовой системы, поскольку они обладают характерными признаками международных норм, которые сближают их с правовыми нормами и определяют их действенность.

1. Стандарты содержат не просто правила поведения, а критерии, предъявляемые к объектам правового регулирования, и имеющие решающее значение для обеспечения механизма международно-правового регулирования отношений.

2. Международные стандарты являются элементом системного подхода к правовому регулированию и это позволяет проводить постепенную унификацию и общую стандартизацию на межгосударственном уровне, что важно для организационно-технического направления межгосударственного сотрудничества.

3. Применение государствами стандарта имеет ряд существенных преимуществ, к которым можно отнести следующие:

- принятие международных стандартов в национальное законодательство означает заинтересованность государства, применять стандарты в качестве элементов международно-правовых механизмов урегулирования отношений;

- стандарты обеспечивают равенство субъектов отношений и унифицированные подходы к правовому регулированию, и такая универсальность стандартов повышает эффективность международного сотрудничества. В частности, за счет такого подхода на взаимовыгодной основе устанавливают условия развития эффективной кооперации в экономические сфере международных отношений.

Следует отметить, что объективным явлением современного международного права является мягкое право, развитие которого обусловлено динамикой международных отношений, сложностью и многофакторностью правотворческой деятельности международных организаций, и усилением роли международных организаций в урегулировании международных отношений. Мягкое право имеет условную юридическую силу, которую нужно доказывать в каждом конкретном случае их применения, при этом нормы мягкого следует рассматривать как часть комплексного механизма обеспечения реализации норм международного права.

Международные стандарты– это действенный элемент международно-правового регулирования многих сфер международных отношений. Международные стандарты защиты прав человека благодаря усилиям ООН внедряются в международную правовую систему и национальные юридические системы, образующие общую правовую платформу защиты прав человека. Преимущества применения международных стандартов указывают на широкую перспективу их применения как элемент механизма международно-правового регулирования. Международный стандарт, принятый в национальное законодательство, качество нормативно-правового документа способствует развитию нормативно-правого регулирования международного сотрудничества во многих сферах международных отношений.

Обще разрешительное юридическое регулирование как инструмент реализации социальной свободы и активности личности, по существу отвечает явлению диспозитивность права. Соответственно исследование соотношения «общеразрешения» и «диспозитивности», как предполагается, позволит сформировать надлежащую методологическую основу для характеристики указанного типа правового (юридического) регулирования.

Как известно, термин «диспозитивность» имеет латинское происхождение (от позднелатинского dispositivus – «тот, что распоряжается») и буквально означает «распоряжаюсь». В юридической доктрине под диспозитивностью понимают возможность субъектов самостоятельно упорядочивать (регулировать) свои отношения, действовать на собственное усмотрение: вступать в правоотношение или нет, признавать их содержание, осуществлять свои права или воздерживаться от него, исходя из нескольких предложенных законом или договором вариантов поведения выбирать оптимальный ввиду собственных интересов; исключительное право личности-носителя субъективного права, проявляющееся в свободном распоряжении своими правами; особое свойство субъективного права [10].

Юридическая природа диспозитивности раскрывается (воплощается) в соответствующем правовом методе, который, по мнению современных ученых, предполагает упорядочение поведения субъектов права путем установления трех типов юридических правил: 1) правил, устанавливающих границы разрешенного поведения субъектов; 2) субсидиарных правил, то есть применяемых только в случае, если субъекты права не установили для упорядочения отношений друг с другом правила (не удосужились, не захотели или забыли их установить); 3) правил, закрепляющих принципы правового регулирования определенной сферы общественных отношений, таких как: принципы справедливости, добросовестности, разумности, которые должны учитывать субъекты гражданских правоотношений и которым она должна соответствовать их поведению.

Особенностью такого метода считают, среди прочего, определенный порядок (характер оснований) установление юридических прав и обязанностей, степень (меру) определенности предоставленных прав, формирование правоотношений, в частности по принципу: «разрешено все, что прямо не запрещено нормами права». При этом отмечается, что «диспозитивность» касается как сферы частных, так и сферы публичных отношений, но ее объем будет зависимым: в частных отношениях присутствует «элемент творчества», «собственного усмотрения» в определении субъектами их взаимных прав и обязанностей, в публичных – обычно будет иметь место свобода выбора вариантов поведения, всегда предусмотренного предписаниями положительного права. Приведенное формирует методологическую основу для признания обще разрешительного юридического регулирования особым проявлением диспозитивности, поскольку содержание такого регулирования составляет признание правомерного поведения, даже вообще не предусмотренной правом.

Дополнительные аргументы приведенной позиции можно найти, анализируя юридический инструментарий опосредованные «диспозитивности» – соответствующие принципы и нормы права Так, например, уже упомянутый принцип добросовестности, входит в комплекс нормативно-правовых предписаний, которыми обеспечивается обще разрешительное юридическое регулирование, в частности его основная идеологическая составляющая – свободное развитие личности, свобода и

собственное усмотрение в осуществлении прав, если при этом не нарушаются права и свободы других людей. То же самое можно отметить и по принципам свободы договора, свободы предпринимательской деятельности, не запрещенной законом (ст. 3 ГК РФ). Подобные рассуждения, как кажется, можно выразить и по поводу диспозитивных норм права.

Обычно такие нормы выделяют с учетом метода правового регулирования, обеспечивающего целостность диспозитивной конструкции. Их еще называют «запасным вариантом», «резервным» правилом поведения в случае, если субъекты права не воспользовались предоставленной им возможностью установить другой порядок правового регулирования и формулируются они с использованием оговорок типа «при отсутствии другого соглашения», «если другое не установлено договором».

Отмечают также и сложность такой нормы, в которой органически совмещаются два самостоятельных правила: первое – предоставление лицам полномочий действовать в конкретных условиях по своему усмотрению, второе – это предписание на случай, если стороны не договорились о другом. При этом традиционно принималось во внимание сама договорная регулировка. Но стоит заметить, что многие нормативные предписания вмещают так называемые общие разрешения, которые тоже обуславливают определенную свободу действий, усмотрение отдельного лица при осуществлении им своего субъективного права.

Приведенные нормы-предписания «запускают» в ход механизм именно обще разрешительного юридического регулирования, поскольку государством санкционируется разнообразие средств осуществления субъективных прав, а также – не формализованных законом интересов, что, в свою очередь, составляет основу поведения, прямо не предусмотренного правом. При этом такие нормы полностью соответствуют разрешительной (диспозитивной) модели построения правового материала, основная задача которой – предоставить лицу возможность самому, собственной волей определять свое поведение, освободив пространство для действий человека по своему усмотрению.

Таким образом, определяется понимание обще разрешенного юридического регулирования, как проявления диспозитивных возможностей права, позволяющего использовать соответствующий методологический ресурс для исследования такого регулирования, в частности относительно сферы его применения, юридических средств и технико-юридических приемов воплощения.

В зависимости от методов правового регулирования в теории права нормы делятся на императивные и диспозитивные. Оба вида правовых норм содержат обязательные для выполнения правила поведения участников отношений. При этом участники отношений при наличии императивного регулирования не имеют альтернативных вариантов поведения. И, напротив, диспозитивный метод регулирования свидетельствует о предоставленной сторонам возможности выбора вариантов поведения.

Императивность норм права воплощает в себе категорические требования (запреты или положительные обязательства) к поведению участников правовых отношений. В частности, такие проявления категоричности, как правило, наблюдаются в нормах-принципах, нормах-дефинициях, а также в нормах, устанавливающих юридические обязанности как результат установления юридических (правовых) ограничений в широком понимании. Императивная норма категорична, поскольку она не

допускает отступления от правила поведения, предусматриваемого ею. Однако это не означает, что при закреплении в императивной норме, субъективное право участников отношений должно быть обязательно реализовано, поскольку в противном случае это уже было бы не право, а юридическая обязанность. Императивная норма наделяет субъект отношений субъективным правом, сформулированным в безальтернативной форме, но решение по реализации такого права отдано на свободу выбора субъекта [11].

Диспозитивная норма является юридически установленной мерой возможного правомерного поведения субъектов права, предусмотренной для того случая, когда стороны могут вариативно использовать свои права и свободы, а также когда законодатель устанавливает в нормах права определенные предписания, касающиеся конкретных жизненных случаев [12].

Из указанного следует, что проявления диспозитивности могут быть выражены в двух вариантах поведения сторон: во-первых, самостоятельно принимать решение о применении или неприменении нормы права, а во-вторых, выбирать одну из моделей поведения, предусмотренную в норме законодателем. В первом варианте сформулирована возможность само регуляции отношений, второй вариант отражает вариативность поведения процессуальных субъектов в рамках правила установленного законодателем.

Среди диспозитивных норм обращает на себя внимание диспозитивная норма-предписание, которая обобщенно определяется учеными как предусмотренное государством правило поведения, сформулированное таким образом, что может быть изменено по соглашению сторон правоотношения, а в неизменном виде применяется к его участникам только в том случае, если они не выбрали себе другой вариант поведения. Согласно такому научному представлению о диспозитивности, последняя основана на нормах права правовой свободой субъектов отношений в выборе вариантов поведения. Другими словами, это возможность субъектов отношений в установленных пределах, правомерно, приобретать субъективные права и юридические обязанности, формировать структуру субъективных прав, осуществлять по своему усмотрению эти права, а также придерживаясь определенного законодателем процессуального порядка осуществлять защиту нарушенных прав.

Субъективные права, выраженные в право наделяющих полномочиях, реализуются с учетом общих правил судопроизводства, с соблюдением процессуальных требований добросовестности и диспозитивности. Детализация процессуальных действий производится при установлении порядка их осуществления, что обеспечивает своевременность, четкость и однозначность выражения воли участников хозяйственных процессуальных отношений. Это позволяет избежать или минимизировать вероятность совершения ошибок и одновременно утверждает неизменность и без отзывность волеизъявления сторон при совершении процессуальных действий.

Рассмотрим связь диспозитивных начал в материальном и процессуальном праве. Общепринятые основы теории процессуального права устанавливают, что процессуальное право – это право публичное, а это означает, что, устанавливая публичный правопорядок законодатель фиксирует его в императивных нормах, и волей участников его изменить нереально, а таким образом нереально и применить договорные базы регулирования. Критикуя такой подход, ученые отмечают, что данный подход является остатками советского наследия, а диспозитивные нормы могут

быть установлены как в частном, так и в публичном праве. Из этого следует, что наличие в процессе подавляющего количества императивных норм само по себе не означает запрета на применение договорных средств регулирования хозяйственных процессуальных отношений.

Диспозитивность в материальном и процессуальном праве применяется в разных объемах, что отражается в возможностях участников материальных и процессуальных отношений. Достаточно очевидно то, что участники отношений не могут так же свободно действовать в процессуальных и материальных отношениях. Это обстоятельство свидетельствует о том, что связь между процессуальной и материальной диспозитивностью не является непосредственной, линейной. Анализ норм процессуального хозяйственного права показывает своеобразие норм хозяйственного процессуального права. Данное своеобразие состоит в том, что процессуальное право не определяет и не закрепляет напрямую принцип свободы действия участников. Но это не значит, что такая свобода у сторон процесса отсутствует. В хозяйственном судопроизводстве диспозитивность проявляется в том, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе сторон – непосредственных участников спорных материальных отношений, которые могут с помощью суда распоряжаться как процессуальными, так и спорными материальными правами [13].

В отличие от материального права, в котором нет необходимости специально закреплять право наделяющие предписания, вопрос о диспозитивности процессуальной нормы решается иным образом. В процессуальной диспозитивной норме, в частности, в диспозиции о праве сторон на включение конкретных положений в договоренность, законодатель, придерживаясь публичного правопорядка или по другим причинам, параллельно закладывает императивные положения. В частности, в тех случаях, когда стороны не могут самостоятельно определить содержание своих прав и обязанностей, законодатель предоставляет свои стандарты поведения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что диспозитивность является основой для внедрения в хозяйственном процессе договорных начал. Установлено, что при этом происходит взаимодействие диспозитивных норм материального и процессуального права. Это указывает на необходимость учета такой особенности при применении договорного регулирования хозяйственных процессуальных отношений.

Осуществляя свое субъективное право стороны, выполняют одностороннее или двустороннее предписание диспозитивной процессуальной нормы. Диспозитивность норм процессуального права дает сторонам процессуальных отношений возможность определять направление развития хозяйственного процесса на определенных и согласованных условиях. Выбранный вариант поведения осуществляется на основе выбора сторон, но с обязательным исполнением положений императивных процессуальных норм. Применяя договорные основы для регулирования процессуальных отношений, стороны активно, под руководством суда, защищают свои материальные права. Таким образом, диспозитивные возможности договорного регулирования хозяйственных отношений связаны с императивными нормами процессуального хозяйственного законодательства.

Правовым режимам свойственен в большей степени императивный характер; диспозитивный характер правоотношений является, скорее, исключением [4]. Одна-

ко в настоящее время следует отметить наличие правовых режимов, основанных не только на запретах, но и содержащих определенные преференции субъектам правоотношений – предоставление дополнительных прав, государственных гарантий, освобождение от некоторых обязанностей. На практике такие административно-правовые режимы, как правило, имеют место в сфере инновационной деятельности [15]. Их реализация имеет место и осуществляется в целях поддержки и стимулирования экономической деятельности предприятий, когда дополнительные преференции являются, большей частью, своеобразным стимулом деятельности. Как пример практического проявления и применения норм, содержащих преференции и льготы в рамках правовых режимов, которыми вправе воспользоваться субъекты таких правовых режимов, считаем, является формирование на территории Российской Федерации территорий опережающего социально-экономического развития.

30 марта 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ), которым осуществляется определение правового режима территорий опережающего социально-экономического развития в РФ, меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях. Так, с*огласно п. 3 ст. 2 Федерального закона № 473-ФЗ,* территорией опережающего социально-экономического развития является «территория субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения» (*п. 3 ст. 2 Федеральный закон* № 473-ФЗ).

Формирование территории опережающего социально-экономического развития осуществляется на период в 70 лет по решению Правительства РФ на основании предложения/постановления уполномоченного федерального органа, предусматривающего:

- объем минимальных капитальных вложений резидентов территории опережающего социально-экономического развития в осуществление конкретно определенных и утвержденных видов экономической деятельности;
- перечень четко обозначенных видов экономической деятельности, при осуществлении которых подтверждается действие особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности;
- утверждается положение о применении/неприменении на данной территории таможенной процедуры свободной таможенной зоны в соответствии с правом Евразийского экономического союза и требованиями законодательства РФ (*ст. 2 Федеральный закон* № 473-ФЗ).

После фактического принятия соответствующих постановлений Правительством РФ уполномоченный федеральный орган, высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ и исполнительно-распорядительный орган муниципального образования или исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований, на территориях которых образовывается территория опережаю-

щего социально-экономического развития [16]. В Соглашении о создании территории опережающего социально-экономического развития определяются нормы, определяющие преференции для хозяйствующих субъектов – резидентов территории опережающего социально-экономического развития, в т.ч. условия относительно предоставления налоговых льгот по уплате налогов на имущество организаций, земельного налога, с указанием сроков предоставления данных льгот

Таким образом, субъектами правового режима территории опережающего социально-экономического развития являются хозяйствующие субъекты, расположенные и осуществляющие хозяйственную деятельность на соответствующей территории, и которые вправе воспользоваться теми льготами и преференциями, для них установленными в рамках соответствующего правового режима. При этом хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, не только обязаны соблюдать правила, действующие на соответствующей территории, но и вправе пользоваться правами, в т.ч. дополнительными правами, льготами и преференциями, которые могут быть установлены в рамках правового режима. Особая роль закреплена за такими субъектами правового режима, как органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов, а также органы местного самоуправления. Их задача – не только неукоснительно самим соблюдать правила правового режима, но и осуществлять контроль за соблюдением таких правил остальными участниками правового режима.

Территории опережающего социально-экономического развития образовываются на территориях, где существует фактический риск существенного ухудшения социально-экономического положения [15], в том числе и на территориях со стабильной социально-экономической ситуацией на основании критериев, которые определяются Правительством РФ. Образование подобных территорий опережающего социально-экономического развития должно быть объективным с позиции целесообразности и с учетом действующих льготных режимов на указанных территориях. Так, в рамках Федерального закона № 473-ФЗ на территории Свердловской области с 2016 по 2020 год на основании соответствующих постановлений Правительства Российской Федерации созданы следующие территории опережающего развития:

- Территория опережающего социально-экономического развития «Краснотурьинск» (Постановление Правительства РФ от 16.09.2016 № 942 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Краснотурьинск”»);
- Территория опережающего социально-экономического развития «Лесной» (Постановление Правительства РФ от 12.02.2019 № 131 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Лесной”»);
- Территория опережающего социально-экономического развития «Новоуральск» (Постановление Правительства РФ от 12.02.2019 № 130 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Новоуральск”»);
- Территория опережающего социально-экономического развития «Верхняя Тура» (Постановление Правительства РФ от 21.11.2020 № 1894 «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Верхняя Тура”»)

Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития Свердловской области содержит свыше 20 хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории вышеуказанных территорий – «Краснотурьинск», «Лесной», «Новоуральск», «Верхняя тура».

В процессе исследования определена сущность правового режима, которая состоит в том, чтобы с помощью особого сочетания разрешений, запретов и положительных обязательств создать особый порядок правового регулирования – необходимые условия для беспрепятственной реализации субъектами своих прав и законных интересов, ограничение противоправной деятельности; достижение других социально-полезных целей. В свою очередь, содержание правового режима составляют правовые средства разного уровня, включая правовые принципы, формирующие и определяющие данный порядок, который позволяет в итоге получить необходимый (желаемый) результат при решении конкретных юридических ситуаций.

Получено комплексное представление о том, какое существует множество подходов в толковании понятия «правовой режим», рассмотрены «правовые режимы», а также указали, что правовым режимам свойственно в большей степени.

Обозначено, что, начиная с 2015 г., сформировался правовой механизм регулирования создания территорий опережающего социально-экономического развития на территории Российской Федерации путем применения не только императивных норм, носящих запретительный характер, но, в определяющей степени, посредством практической реализации норм разрешительного характера, норм, определяющих дополнительные права и льготы субъектов правового режима.

Список литературы:

1. Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9 (57). С. 19-26.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16-29.
3. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права: учеб. для студентов вузов /
Изд-во «Юридическая литература». 1987. С. 245-267.
4. Лелюх В.Ф. Влияние международно-правовых стандартов обращения с осужденными на их ресоциализацию // Уголовная юстиция. 2020. №15. С.77-80.
5.Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н, Топорнин. – М.: Юристъ, 2001. – 1272 с.
6. Матвеев. Д.Ю. Европейские правовые стандарты в правовой системе Российской Федерации: Конституционно-правовой анализ: дисс... канд. юридич. наук. М.:. 2003. 167 с.
7. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: дисс... канд. юридич. наук. М.: 2010. 245 с.
8. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. Стандарты оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации //Государство и право. 2019. №10. С. 49–57.
9. Сафиханлы А.М. Роль национальных правозащитных учреждений в продвижении и реализации руководящих принципов ООН в сфере бизнеса и прав человека //Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. №2. – С. 64–71.
10. Залхаева Д.Ш. Базовые модели регулирования договорных отношений в гражданском законодательстве //Синергия Наук. 2020. №5. – С. 115–121.
11. Дудина А.Н. Императивные нормы права: теоретико-правовое исследование: дисс... канд. юридич. наук. Иркутск, 2018. 240 с.
12.Ушницкий Р.Р. Императивность и диспозитивность норм в методологии цивилистики // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени МК Аммосова. Серия «История. Политология. Право». – 2019. №1. – С. 39–47.
13 Уксусова Е.Е. Принцип диспозитивности: теоретико-практические аспекты взаимодействия материального и гражданского процессуального права //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. №12. – С. – 106–119.
14.Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М.: ВЮЗИ, 1987. 78 с.
15.Бидова Б. Б. Теоретические основы диспозитивного режима уголовно-правового регулирования // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). – С. 710–712.
16.Родионов О. С. Правовые режимы как важнейший элемент юридической политики // Правоведение. 1997. – № 4 (219). – С. 157–158.

Shurygina Yu.V. Dispositive norms within the framework of the legal regime as a special form of regulation of legal relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 126–137.

The article is devoted to the consideration of dispositive norms as a special form of regulation of legal relations, which is an important condition for the creation of legal order, protection, protection and guarantees of rights and freedoms. The purpose of the study is to substantiate the need to apply one of the ways of legal regulation - legal regime, established by legislation and provided by the state, aimed at regulating specific areas of social relations, representing a special order of legal regulation. The methodological basis of the study is scientific methods, such as, for example, the dialectical method of cognition, which allows to analyze the phenomenon under consideration in development, interrelationship, as well as general scientific and private scientific methods. Analyzed the main features of legal regimes, as well as studied many approaches in the interpretation of the concept of "legal regime". The dispositive nature of legal relations is rather an exception (at present, it should be noted that there are legal regimes based not only on prohibitions, but also containing certain preferences to the subjects of legal relations - granting additional rights, state guarantees, exemption from certain obligations).

Key words: dispositive norms, form of regulation of legal relations, administrative-legal means, legal regime, preferences to subjects of legal relations.

Spisok literatury:

1. Mal'ko A. V., Rodionov O. S. Pravovye rezhimy v rossijskom zakonodatel'stve // ZHurnal rossijskogo prava. 2001. № 9 (57). S. 19-26
2. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // Pravovedenie. 1996. № 1 (212). S. 16-29.
3. Isakov V. B. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya i pravovye rezhimy // Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. dlya studentov vuzov /
Izd-vo «YUridicheskaya literatura». 1987. S. 245-267.
4. Lelyuh V.F. Vliyanie mezhdunarodno-pravovyh standartov obrashcheniya s osuzhdennymi na ih resocializaciyu // Ugolovnaya yusticiya. 2020. №15. S.77-80.
5.YUridicheskaya enciklopediya / Otv. red. B.N, Topornin. – M.: YUrist", 2001. – 1272 s.
6. Matveev. D.YU. Evropejskie pravovye standarty v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: Konstitucionno-pravovoj analiz: diss... kand. yuridich. nauk. M.:. 2003. 167 s.
7. Glazkova M.E. Primenenie evropejskih standartov otpravleniya pravosudiya v rossijskom arbitrazhnom processe: diss... kand. yuridich. nauk. M.: 2010. 245 s.
8. Mal'ko A.V., Afanas'ev S.F., Ermakov A.N. Standarty okazaniya kvalificirovannoj yuridicheskoj pomoshchi v Rossijskoj Federacii //Gosudarstvo i pravo. 2019. №10. S. 49-57.
9. Safihanly A.M. Rol' nacional'nyh pravozashchitnyh uchrezhdenij v prodvizhenii i realizacii rukovodyashchih principov OON v sfere biznesa i prav cheloveka //Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er». 2021. №2. S. 64-71.
10. Zalhaeva D.SH. Bazovye modeli regulirovaniya dogovornyh otnoshenij v grazhdanskom zakonodatel'stve //Sinergiya Nauk. 2020. №5. S. 115-121.
11. Dudina A.N. Imperativnye normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie: diss... kand. yuridich. nauk. Irkutsk, 2018. 240 s.
12.Ushnickij R.R. Imperativnost' i dispozitivnost' norm v metodologii civilistiki // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni MK Ammosova. Seriya «Istoriya. Politologiya. Pravo». – 2019. №1. S. 39-47.
13 Uksusova E.E. Princip dispozitivnosti: teoretiko-prakticheskie aspekty vzaimodejstviya material'nogo i grazhdanskogo processual'nogo prava //Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2021. №12. – S. – 106-119.
14.Bonner A.T. Princip dispozitivnosti sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. M.: VYUZI, 1987. 78 s.
15.Bidova B. B. Teoreticheskie osnovy dispozitivnogo rezhima ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Molodoj uchenyj. 2015. № 24 (104). – S. 710–712.
16.Rodionov O. S. Pravovye rezhimy kak vazhnejshij element yuridicheskoj politiki // Pravovedenie. 1997. – № 4 (219). – S. 157–158.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 138-144.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.56

О ПОНИМАНИИ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье исследуются проблемы понимания основ конституционного процесса в Российской Федерации. Исследование построено на концепции народовластия, рассматриваемой с позиций развития конституционно оформленной идеи самоуправления народа России. Стадии процесса движения данной идеи выступают видами конституционного процесса, составляющими в своем единстве исторический цикл развития народа России. Поэтому выделяется учредительный процесс, избирательный процесс, правотворческий процесс, процессуальная деятельность Конституционного Суда РФ, процесс внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции РФ. Основополагающим критерием отграничения видов конституционного процесса от иных процессов выступает деятельность, осуществляемая субъектами конституционного права при реализации ими своего конституционно-правового статуса в конституционно-процессуальных отношениях.

Ключевые слова: конституционный процесс, основы конституционного процесса, виды конституционного процесса.

Исследование комплекса проблем, связанных с пониманием конституционного процесса в Российской Федерации, является приоритетным в современной науке конституционного права. Это обусловлено исторической динамикой развития российского государства и общества на концептуальных конституционных началах, а также необходимостью познания институтов народовластия и их практической реализацией при осуществлении конституционного строительства в Российской Федерации. Именно фундаментальные основы конституционного права обусловили наличие различных научных подходов в понимании конституционного процесса [3; 4, с. 42-48; 5; 6].

Прежде всего следует указать социолого-правовое направление, отождествляющее понятия «процесс» и «развитие», характеризующее конституционный процесс в качестве основных этапов конституционного развития страны [3, с. 9].

В контексте данной концепции дается широкая и узкая трактовка конституционного процесса. С позиций широкой трактовки конституционный процесс понимается как история конституционализма (конституционных реформ, смены конституций) в той или иной стране. В узкой трактовке конституционный процесс рассматривается как совокупность этапов жизненного цикла отдельно взятой конституции в их естественной последовательности, как историю отдельной конституции [4, с. 44].

Выделяется направление, связанное с необходимостью охватить понятием «конституционный процесс» всю деятельность высших органов государственной власти, протекающую в формах, установленных нормами конституционного права. Сюда же относится урегулированная процессуальными нормами конституционного права деятельность конституционных судов и квазисудебных органов конституционного контроля [5, с. 253].

Предлагается широкая трактовка понятия «конституционный процесс» с позиций охвата им всех конституционно-процессуальных отношений. При этом выделяются процессуальные формы избирательного процесса, законодательного процесса, референдного процесса, конституционного судебного процесса [6, с. 301, 308].

Как представляется, интеграция предложенных подходов может быть предпринята на основе их рассмотрения в качестве попытки осмысления форм движения и развития идеи народовластия, где виды конституционного процесса выступают закономерными формами воплощения и выражения данной идеи, этапами (стадиями) ее конкретизации. Соответственно цель статьи – показать основы конституционного процесса в РФ как последовательные этапы реализации идеи власти народа России.

Важно отметить, что исследование конституционного процесса, осуществляемого субъектами конституционного права, предполагает предварительное рассмотрение конституционных основ, закрепляющих фундаментальные положения, впоследствии развиваемые в конкретных разновидностях конституционного процесса. Понимание этих базовых конструкций способствует уяснению всей логики возникновения и развития конституционного процесса (во всех его проявлениях) с позиций концепции народовластия, где Конституция РФ [1] выступает документом (формой) провозглашения и закрепления учредительной власти (воли) народа России.

Исходя из этого, необходимо указать на Конституцию РФ как на социолого-идеологический правовой акт, закрепляющий нормативную модель развития (процесса осуществления) народовластия в России.

В комментарии к Конституции РФ (под редакцией Председателя Конституционного Суда РФ Зорькина В.Д.) подчеркивается, что Конституция может рассматриваться как юридическая форма фиксации познанных обществом объективных закономерностей социально-исторического развития, которые в силу их конституционного закрепления трансформируются в поведение граждан и становятся нормой деятельности государства, в результате чего она выступает юридической основой и способом обеспечения естественно-исторической эволюции общества и оформляющего его государства [2, с. 36].

Из этого следует, что изложенное понимание конституции наделяет ее характеристиками нормативной формы фиксации установленных социологических законов развития народа России, оформленного в виде государственно-организованного общества. Эти «объективные закономерности» основываются на категории «объективные социальные законы» и выступают результатом их действия и взаимодействия, определяя конкретную направленность развития. И если «закон» выражает конкретную связь между явлениями и процессами, то «закономерность» указывает на общий характер процесса, который подчинен определенной последовательности [7, с. 64].

С учетом сказанного, конституционный процесс в РФ в наиболее общем виде может быть рассмотрен как нормативная правовая форма осуществления подобных закономерностей. Поэтому преобразование в Конституции РФ объективных социальных законов развития государственно-организованного народа России (формализованных в виде нормативных конструкций) в комплексный, циклический процесс придало ему последовательность, системность и целенаправленность.

В Преамбуле Конституции РФ народ России характеризуется в качестве субъекта социально-исторического процесса, наследующего традиции предков (ранее жив-

ших поколений), существующего в настоящем времени (ныне живущее поколение), способного воспроизводить себя в будущих поколениях. Данный программно-прогностический подход наделяет народ России характеристиками источника и субъекта учредительной власти (конституционного учредительного процесса), наделенного способностью учреждать в форме конституции функционально-целевую модель собственного движения в будущее состояние, реализовывать целевые ориентиры, выступая социальным субъектом публичной власти и конституционно-правовым субъектом в статусе «избирательного корпуса», осуществлять контроль за соответствием итогов реализации конституционных положений сформулированным в конституции программно-целевым установкам.

Следовательно, именно Конституция РФ служит формой учреждения системы самоуправления народа России, правотворческим актом и итогом процесса его волеизъявления в статусе социально-исторической общности (в социологическом выражении) и в статусе субъекта учредительной власти (конституционного учредительного процесса) в правовом смысле.

Поэтому понимание народа России в подобных смысловых аспектах несет в себе комплексное социолого-правовое наполнение его понятия, более широкое, чем существующее в науке государствоведения и конституционного права рассмотрение народа в качестве «всех граждан государства» и «избирательного корпуса» - субъекта публичной власти. В этом контексте в приведенном выше комментарии к Конституции РФ при раскрытии смысла конституционной формулировки «Мы, многонациональный народ Российской Федерации …», подчеркивается, что народ есть исторически сложившаяся общность. Народ представляет собой в социальном отношении органическое явление, духовное целое. Воля народа, понимаемая в данном смысле, составляет основу 1000-летней государственной бытийности России как высшей формы его социального сознания [2, с. 39].

Из этого следует, что закрепленная в Конституции РФ учредительная воля народа России в статусе социально-исторического субъекта (субъекта учредительной власти – конституционного учредительного процесса) является высшим иерархическим уровнем проявления его волеизъявления, обладающая приоритетом относительно воли народа России в статусе «избирательного корпуса» - субъекта публичной власти (гл. 1 Конституции РФ) при осуществлении предусмотренных Конституцией РФ форм народовластия.

Поэтому закрепленный в Преамбуле Конституции РФ статус народа России как субъекта конституционного учредительного процесса («…принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»), указывает на характеристику процесса разработки, обсуждения, принятия, ввода в действие Конституции РФ в качестве процесса конституционного правотворчества – учредительного процесса. И учрежденная в Преамбуле конституционная (нормативная) модель, имеющая как исторический характер, так и нацеленность в будущее, находит свое содержательное воплощение в разделах 1 и 2 Конституции РФ.

Далее необходимо указать, что конституционно закрепленные тип и форма российского государства содержат в себе развитие основ конституционного процесса: учредительного (на уровне субъектов РФ), избирательного, правотворческого, процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ, процесса внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции РФ и актов конституционного зна-

чения субъектов РФ, понимаемого как процесс реализации воли народа России (в рамках деятельности субъектов конституционного права), конечная цель которого состоит в переводе народа России в качественно новое, прогрессивное состояние. Основополагающим критерием отграничения видов конституционного процесса от иных процессов выступает деятельность, осуществляемая субъектами конституционного права при реализации ими своего конституционно-правового статуса в конституционно-процессуальных отношениях.

Согласно п. 1 ст. 1 Конституции РФ, Российская Федерация есть демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления.

Следовательно тип Российского государства – демократическое, правовое государство выступает в виде нормативных требований, предопределяющих содержательно-смысловые и ценностные характеристики государства (в совокупности образующие нормативную модель), позволяющих конкретизировать и сформулировать исходящий из этой нормативной модели перечень задач (нормативно установленных мероприятий, требующих своего осуществления, выступающих в виде нормативной концепции реализации данного типа государства).

Все это обуславливает выбор требуемой для решения данных задач формы государства: республиканской формы правления, федеративной формы государственного устройства, демократического государственного режима.

Главными признаками (нормативными требованиями) современной демократической, республиканской формы правления в России являются выборность и сменяемость главы государства народом, участие самого народа непосредственно или в установленных в соответствии с его волей опосредованных формах осуществления государственной власти [2, с. 58]. Источником публичной (государственной и муниципальной) власти и первичным субъектом конституционного процесса (учредительного (в субъектах РФ), избирательного, правотворческого, процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ, процесса внесения поправок и пересмотра Конституции РФ и актов конституционного значения субъектов РФ, выступает народ России в статусе «избирательного корпуса» и территориальные коллективы субъектов РФ в статусе «избирательных корпусов».

Народ России посредством избирательного процесса делегирует право на власть органам государства и муниципальным органам, которые становятся после этого «органами государственной власти» и «органами муниципальной власти», то есть субъектами конституционного процесса. С учетом изложенного публичная власть в лице ее первичного субъекта – народа России (в статусе «избирательного корпуса»), посредством избирательного процесса последовательно воплощается в государственную и муниципальную волю представительных и иных органов государственной и муниципальной власти – субъектов конституционного процесса.

Федеральное Собрание РФ обладает двойственной природой (ст. 94 Конституции РФ). С одной стороны, это представительный орган, который представляет интересы «избирательного корпуса» России, а также «избирательных корпусов» субъектов РФ (в лице их представительных учреждений), и формируется «избирательным корпусом» России и «избирательными корпусами» субъектов РФ (в лице их представительных учреждений). В этой части парламент государства выступает воплощением волеизъявления «избирательного корпуса» России и «избирательных корпусов» субъектов РФ (в лице их представительных учреждений). Т.е. правотворче-

ская воля «избирательного корпуса» России и «избирательных корпусов» субъектов РФ (в лице их представительных учреждений) посредством избирательного процесса трансформируется в представительные начала Федерального Собрания РФ.

С другой стороны, Федеральное Собрание РФ – это орган законодательной власти, главное функционально-целевое назначение которого – издавать законы РФ посредством осуществления законодательного процесса. Суть парламентского законодательного процесса состоит в том, что в его параметрах происходит перевод (воплощение) волеизъявления «избирательного корпуса» России и «избирательных корпусов» субъектов РФ (в лице их представительных учреждений) в законы РФ.

Правовое государство устанавливает, прежде всего, идеологические основы конституционного процесса. В основе системы норм права, исходящей от правового государства, содержится идеологическая система, объединенная общим названием – «теория естественного права», а более конкретно – «концепция естественных прав человека».

С этой точки зрения все субъекты конституционного процесса ограничены в своей деятельности параметрами данной концепции и в широком понимании правотворческая воля народа России и территориальных коллективов субъектов РФ, воплощаемая в законах РФ (и далее во всей системе нормативных правовых актов), в рамках прежде всего законодательного (правотворческого) процесса корректируется с учетом положений «концепции естественных прав человека». То есть в параметрах правотворческого процесса «сущее» – воля народа России и территориальных коллективов субъектов РФ сопоставляется с «идеальным» – «концепцией естественных прав человека», в результате чего формируется правотворческое решение – «должное», выступающее своего рода компромиссом в условиях социологических реалий.

Если правовое государство (помимо рассмотренных идеологических основ правотворческого процесса) устанавливает необходимость разделения субъектов конституционного процесса «по горизонтали» (принцип разделения государственной власти), то федеративное государство предполагает необходимость разделения субъектов конституционного процесса «по вертикали».

Федеративное государство определяется как сложное государство, состоящее из ряда субъектов, образованных по территориальному или (и) национальному принципу и объединившихся для решения своих задач. Устойчивый федерализм выполняет две взаимосвязанные главные функции: с одной стороны, он децентрализирует государственную власть, посредством ее разделения «по вертикали» и тем самым формирует полицентризм, а с другой стороны, он интегрирует объединившиеся в федерацию территориальные сообщества, тем самым формируется единое государственно-правовое объединение [2, с. 53, 54].

Рассматривая субъектов конституционного процесса и осуществляемые ими конституционные процессы под которыми, в данном случае, понимается перевод властных полномочий и волеизъявления народа России и территориальных коллективов субъектов РФ в систему нормативных правовых актов, с позиций иерархической системы, следует констатировать, что данные процессы выполняют интегративные (федеральный уровень субъектов конституционного процесса) функции и функции дифференциации (региональный и местный уровни субъектов конституционного процесса).

В рамках парламентского процесса (рассматриваемого теперь с позиций федеративного устройства) происходит уникальный правотворческий процесс. Он состоит в том, что воля народа России – «избирательного корпуса», воплощенная в законах изданных Государственной Думой ФС РФ, оценивается в рамках правотворческого процесса в Совете Федерации ФС РФ, на предмет соответствия интересам субъектов федерации и федеративного государства в целом. Это и есть интегративный правотворческий процессуальный механизм, позволяющий корректировать волеизъявление «избирательного корпуса» России и «избирательных корпусов» территориальных коллективов субъектов РФ.

Особое место в структуре конституционного процесса занимает процессуальная деятельность Конституционного Суда РФ. Если рассматривать конституционный процесс как процессуальную форму последовательного осуществления конкретизации идеи народовластия, то логически завершающим этапом (стадией) этого процесса должна выступить деятельность по толкованию Конституции РФ, контролю за соответствием нормативно-правовых актов Конституции РФ, юрисдикционная деятельность по разрешению споров по конституционным вопросам. Эти направления процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ завершают процесс воплощения и реализации (конкретизации) идеи народовластия, составляющей в своем единстве исторический цикл развития народа России.

Однако логически замыкает данный цикл процесс внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции РФ и актов конституционного значения субъектов РФ. Следующий подобный цикл будет связан с необходимостью учреждения новой конституционной формы в рамках будущего конституционного процесса, также основанного на идее власти народа России.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – 3 – е изд. Пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2013. – 1040 с.
3. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2007. – 319 с.
4. Ильичев И.Е. О конституционном процессе //Журнал российского права. – 2017. - №2(242). – с.42 – 48.
5. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2000. – 720 с.
6. Проблемы современной конституционалистики: учеб. пособ. / М.Ф. Орзих, А.Р. Крусян [и др.]; под ред. М.Ф. Орзиха - К.:Юринком Интер, 2012. – 368 с.
7. Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики / Н.В. Сильченко / под ред. С.Ф. Сокола. – Минск: Наука и техника, 1995. – 496 с.

Anokhin A.N. Understanding the foundations of the constitutional process in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 138-144.

The article investigates the obstacles to comprehending the fundamentals of the Russian Federation's constitutional process. The study is based on the concept of people's power, considered from the perspective of the development of the constitutionally formed idea of self-government of the people of Russia The stages of the process of the movement of this idea function as types of constitutional process, and in their unity they form the historical cycle of the development of the Russian people. Thus, a distinction is made between the constituent process, the electoral process, the legislative process, the procedural activity of the Constitutional Court of the Russian Federation, the process of constitutional amendments and revision of the Constitution of the Russian Federation. The basic criterion for the differentiation of the types of constitutional processes from

other processes is the activity performed by the subjects of constitutional law in realizing their constitutional-legal status in constitutional-procedural relations.

Keywords: constitutional process, basics of the constitutional process, types of the constitutional process.

Spisok literatury:

1.Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Teoriya sovremennoi konstitutsii. M.: Norma, 2007. – 319 s.
2.Ilichev I.E. O konstitutsionnom protsesse //Zhurnal rossiiskogo prava. – 2017. – №2(242). – S. 42 – 48.
3.Barikhin A.B. Bolshoi yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar. M.: Knizhnii mir, 2000. – 720 s.
4.Problemi sovremennoi konstitutsionalistiki : ucheb. posob. / M.F. Orzikh, A.R. Krusyan [i dr.]; pod red. M.F. Orzikha – K.:Yurinkom Inter, 2012. – 368 s.
5.Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: [prinyata vsenarodnim golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. - Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi KonsultantPlyus. – Tekst: elektronnii.
6.Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii / pod red. V.D. Zorkina. – 3 – ye izd. Peresmotr. – M.: Norma: INFRA – M, 2013. – 1040 s.
7. Silchenko N.V. Zakon: Problemi etimologii, sotsiologii i logiki / N.V. Silchenko / pod red. S.F. Sokola. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1995. – 496 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 145-152.

УДК 34.342

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ, СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кандохов В. Х.

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Статья посвящена исследованию юридической характеристики, специфики института конституционного нормоконтроля в Российской Федерации, места среди других правовых конституционно-правовых явлений. Рассматриваются задачи и цели института конституционного нормоконтроля в Российской Федерации. Аргументируется соотношение понятий контроль, нормоконтроль, конституционный контроль, конституционный нормоконтроль посредством анализа различных точек зрения, представленных в юридической науке. Показан исторический аспект теоретического и методологического становления института конституционного нормоконтроля в юриспруденции. Произведен анализ сущности и содержания конституционного контроля и конституционного нормоконтроля, семантический анализ понятия «нормоконтроль» в конституционно-правовом аспекте. Показаны предпосылки становления конституционного нормоконтроля в Российской Федерации, отмечаются факторы, повлиявшие на развитие различных форм конституционного нормоконтроля в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Делается вывод, что несмотря на то, что Основной закон не закрепляет термин «нормоконтроль», используемые в его тексте словосочетания «разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации», «проверка конституционности» синонимичны значению термина «конституционный нормоконтроль». Сформулированы и иные авторские выводы и обобщения в комплексе формирующие общие представления о правовой природе, сущности и содержании института конституционного нормоконтроля в Российской Федерации.

Ключевые слова: контроль, нормоконтроль, конституционный контроль, конституционный нормоконтроль, социальный контроль, государственный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, абстрактный конституционный нормоконтроль, предварительный конституционный нормоконтроль, последующий конституционный нормоконтроль.

В соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации [1] высшим судебным органом конституционного контроля в РФ выступает Конституционный Суд РФ. Конституционный Суд РФ в системе разделения властей выступает гарантом Конституции РФ, субъектом осуществления контроля за соблюдением Конституции и федеральных законов, защитником закрепленных в Основном законе базовых конституционных ценностей. Судебный конституционный контроль предполагает возможность проверки на соответствие Основному закону, как вступивших в силу нормативных правовых актов, так и их проектов, то есть прошедших необходимые процедуры по движению законопроекта по всем стадиям законодательного процесса, но еще не прошедших стадию подписания и обнародования. Речь идет о так называемых формах предварительного и последующего судебного конституционного нормоконтроля.

Раскрывая правовую природу и сущность конституционного нормоконтроля проанализируем имеющиеся в юриспруденции различные научные воззрения по вопросам как теоретическим, так и методологическим. Понятие нормоконтроля не имеет законодательного закрепления, однако данный термин применяется в юридической науке и практике. Понятие «конституционный нормоконтроль» производно от понятия «нормоконтроль». В свою очередь термин «нормоконтроль» использует-

ся в различных значениях, в связи с чем одноименное понятие имеет свои базовые сущностные черты, проявляющиеся в нем в связи с наложением на основные параметры нормоконтроля специфики той или, ной сферы отрасли права. Сочетание в понятии «нормоконтроль» двух терминов «норма» и «контроль» позволяет нам сделать вывод о том, что его содержание подразумевает некую деятельность по выяснению соответствия чего-либо установленным правилам в норме, образце.

Контроль как форма деятельности имманентно присуща любым коллективным управляемым сообществам, необходима для удостоверения соответствия осуществляемой деятельности правилам, формам и стандартам, установленным в той или иной сфере. Интересно при этом отметить, что в различные периоды развития государства и общества, в различных отраслях и сферах деятельности человека понятие «контроль» имеет различные сущностные черты и содержание. Так, например, в советский период государственного строительства понятие «контроль» применялось, в том числе, и в политической сфере деятельности, означая одну из форм классовой борьбы [2, с. 4-8].

В философии контроль рассматривается предельно широко, в рамках феномена «социальный контроль», который обеспечивает такую организацию общественной жизни, при которой все члены общества осуществляют такое поведение, которое соответствует взаимным ожиданиям членов общества исходя из установленных обычай, ценностей, моральных норм и др. [3, с. 639].

Социальный контроль теснейшим образом связан с функционированием государства и его институтов, воплощается в системе общественных отношений по поводу сферы управления в виде государственного контроля. Государственный контроль в данном ключе представляет собой специфические юридические механизмы контроля власти за деятельности его аппарата. В различных отраслях права у государственного контроля свои нормативные правовые основы, цели, задачи, субъекты контроля, имеются и другие различия.

В целом, в юриспруденции контроль связывается с деятельностью органов государственной власти, граждан, участвующих в управлении делами государства [4, с. 17], в первом случае речь идет о государственном контроле, во втором – об общественном. Целями контроля в конституционном праве указываются обеспечение конституционного правопорядка, охрана граждан от злоупотребления властью, в сфере управления – противодействие коррупции и др. [5, с. 10-12].

В сфере управления административисты также рассматривают контроль как метод проверки каких-либо процессов и явлений, постоянное наблюдение за ними. Как функция управления контроль обозначает и составную часть процесса управления [6, с. 27], и способ обеспечения законности при его осуществлении.

В рассуждениях о сущности и правовой природе конституционного нормоконтроля невозможно обойти исторический контекст данного вопроса. Исследуя этапы становления конституционного нормоконтроля сквозь призму его фиксации в механизме государства, так сказать в его современном виде, следует признать, что зарождение данного института следует отмерять с момента его возникновения на американском континенте, а затем развития на рубеже XIX–XX веков в ряде иностранных государств [7, с. 10-11].

Вместе с тем, если рассматривать истоки конституционного нормоконтроля, и учитывать, что в государственном управлении нормоконтроль выступает частью

социального контроля, исследовать его функциональное предназначение, сделать акцент на цели и задачи, то следует признать, что и на более ранних этапах развития общества и государства, в различных правовых системах, складывались определенные формы контрольной деятельности за публичной правовой сферой, имеющие, безусловно, свои специфические черты, как, например, народные трибунаты в Древнем Риме (с 493 г. до н.э. по 43 г. до н.э.), Совет десяти в Венецианской республике (XIV-XVII в.в.), Тайный совет при британском монархе (XVII в.). Деятельность последнего, к примеру, была связана с признанием недействительности статутов, изданных легислатурами колоний, противоречащих общему праву и колониальным хартиям [8, с. 214].

Однако классическое теоретическое обоснование судебный конституционный нормоконтроль получил в трудах ученого XVIII века Ж.-Ж. Руссо, в его знаменитом трактате «Об общественном договоре» 1762 года. Еще задолго до образования в 1920 году в Австрии первого конституционного суда в Европе, он сформулировал необходимость обособления судебных органов от единого механизма государственной власти в целях их беспристрастного и независимого разрешения конфликтов в публично-правовой сфере жизни общества.

Далее, американские государственные строители, реализуя на практике идеи Ж.-Ж.- Руссо и Ш.Л. Монтескье, освободившись от колониальной зависимости Великобритании, приняв Конституцию США в 1787 году, таким образом выстроили судебную власть, что наделили ее функцией защиты прав человека посредством судебного конституционного контроля, придали ему роль гаранта разделения властей. Хотя первоначально, функция судебной власти состояла в защите прав и свобод, и лишь затем ее содержание пополнилось полномочиями толкования законов, а также проверки законов на соответствие положениям конституции, но законодательно это было не закреплено, точно так же, как и в Великобритании, положения права которой были положены в основу законодательства США. Успешный американский опыт соединения судебной власти и функции нормоконтроля был перенят рядом демократических правовых государств [9, с. 52-53].

В настоящее время наделение судебных органов полномочиями по нормоконтролю выступает одним из маркеров правового государства. В рамках конституционного судопроизводства возможность судебного оспаривания нормативных правовых актов, нарушающих права и свободы граждан входят в содержание на доступ к правосудию и справедливое разбирательство дела в суде и составляет предмет абстрактного нормоконтроля [10, с. 74-79]. Различают и предварительный конституционный контроль, в рамках которого проверке на соответствие конституции подлежат различные нормативные правовые акты, не вступившие в силу [11, с. 37]. По сравнению с последующим конституционным контролем у предварительного имеется ярко выраженный охранительный аспект, он профилактирует конституционные нарушения до их наступления, поскольку тот или иной акт не вызывает негативных последствий, они лишь прогнозируются и корректируются до вступления акта в силу, что позволяет, в свою очередь, избежать отмены, пересмотра тех или иных решений принимаемых на его основе.

Конституционное судопроизводство выступает по мнению отдельных авторов элементом результативности конституционного процесса, в узком смысле это результат эффективности конституционно-правовых норм [12, с. 123-125].

Очевидно, что семантически объектом нормоконтроля в праве, то есть объектом проверки выступает норма права, часть или целый нормативный правовой акт. Как отмечалось, проверке подлежит не только нормативная часть правового акта, но и его реквизиты, правомочие субъекта на его издание [13, с. 25].

Данный вопрос является спорным в рамках правового поля. Так, И.М. Евлоев, разбираясь в данном вопросе, указывал, что отдельные авторы, рассматривая такую разновидность нормоконтроля, как судебный, считают, что объектом нормоконтроля выступает норма права, а другие, опираясь на решения высших судов Российской Федерации, что нормативные правовые акты и их части [13, с. 25]. Другие и вовсе предлагают различать узкое и широкое понимание нормоконтроля, в содержание последнего предлагают включать контроль за актами как нормативными, так и не нормативными [14, с. 13-14]. Безусловно, в ходе нормоконтроля комплексно исследуется нормативный правовой акт, а не только правило как источник права заключенное в нем. Однако представляется, что исследование ненормативного правового акта на предмет его соответствия вышестоящему акту, по сути, выхолащивает саму суть понятия нормоконтроля.

Наиболее полное определение нормоконтроля в сфере права, представляется, вывел В.А. Упоров, как им справедливо отмечалось, это деятельность, заключающаяся в установлении, поддержании и восстановлению конституционности и законности, выражающаяся в проверке соответствия того или иного акта нормативному акту большой юридической силы, а также в случае, если в ходе этой деятельности будет выявлено нарушение, то их пресечение с привлечением виновных к ответственности [15, с. 221]. Понятие конституционного контроля шире по содержанию, включает в себя конституционный нормоконтроль.

Контроль в государственном управлении как часть социального контроля выступает многоаспектным понятием, это и деятельность, и функция, и часть процесса управления, способ обеспечения законности при осуществлении управления. Требование законности сформулировано в Конституции РФ в ч. 2 ст. 15, выступает императивом, в соответствии с которым все субъекты права обязаны соблюдать Основной закон государства и систему законов принятых в соответствии с ним, не противоречащих ему. Конституционный контроль предполагает, что осуществляется проверочная деятельность уполномоченного субъекта в связи с выполнением органом публичной власти своих полномочий в рамках конституционно-правовых отношений. Так, субъектом конституционного контроля может быть Государственная Дума Федерального Собрания РФ в ходе контрольных полномочий по отношению к Правительству РФ, к Уполномоченному по правам человека в РФ, Президент РФ по отношению к Правительству РФ, высшее должностное лицо субъекта (руководитель высшего исполнительного органа) по отношению к законодательному органу субъекта, Конституционный Суд РФ по вопросу отстранения главы государства от должности и др.

В этой связи следует различать субъектов конституционного контроля и субъектов конституционного нормоконтроля. С учетом того, что процедура проверки в ходе нормоконтроля подразумевает рассмотрение нормы права в нормативном правовом акте на предмет соответствия положениям Конституции РФ, данная процедура жестко регламентирована и является предметом ведения специализированного органа конституционного контроля – Конституционного Суда РФ. В соответствии с

положениями Основного закона и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [16] Конституционный Суд РФ по статусу является высшим судебным органом конституционного контроля. Именно данные полномочия обособляют данный орган в судебной системе [17, с. 118].

Однако более широкое исследование данного вопроса позволяет сделать вывод, что не всякий судебный контроль выступает проверочной деятельностью, контролем в отношении нормативных правовых актов. В рамках действия частного права в той или иной сфере судебный нормоконтроль приобретает свою специфику. Так, например, в сфере тарифного регулирования нормоконтроль представляет проверку, посредством прямого нормоконтроля, законности положений нормативных правовых актов, в которых устанавливаются тарифы (цены, нормативы потребления), либо, посредством косвенного нормоконтроля – проверку законности подлежащих применению нормативных тарифных предписаний [18, с. 12]. То есть нормоконтроль здесь представляет собой судебную проверку инструментов законодательного регулирования отдельной отрасли права. В то время как задачей конституционного нормоконтроля, является выявление несоответствия конституции содержания отдельных нормативных правовых актов как одного из способа обеспечения верховенства Основного закона в правовой системе страны [19, с. 166].

В России становление судебного конституционного нормоконтроля традиционно связывается с образованием Конституционного Суда РСФСР в 1991 г. Вместе с тем, как отмечали исследователи, элементы конституционно-контрольной деятельности присутствовали во всех Конституциях РСФСР и СССР, хотя и не относились к деятельности судебной ветви власти [20, с. 137]. Лишь в 1988 г. с образованием Комитета конституционного надзора СССР, впоследствии преобразованного в Конституционный Суд РСФСР, было положено начало становлению специализированного органа конституционного контроля и последующего конституционного нормоконтроля. Возможности осуществления предварительного судебного конституционного нормоконтроля предусмотрено не было и в первоначальном тексте редакции Конституции Российской Федерации 1993 г.

Изменения, внесенные в Основной закон страны в 2020 г. расширили практику института конституционного нормоконтроля, дополнив его предварительной формой нормоконтроля. Это объясняется тем, что в ходе конституционной реформы запущенные процессы совершенствования публичной власти актуализировали необходимость обновления способов взаимодействия между различными органами власти. Политические реалии потребовали иные подходы к организации взаимодействия между главой государства и специализированным органом судебного конституционного контроля в рамках законодательных процедур, а так же реализации функций Президента в качестве Гаранта прав и свобод граждан, их защиты от нарушения вследствие принятых законов субъектов Российской Федерации. В итоге, смысл конституционного нормоконтроля определяется содержанием: 3) положений ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, согласно которым, как и в прежней редакции, Конституционный Суд Российской Федерации наделен правом разрешать дела о соответствии Основному закону федеральных, региональных нормативных правовых актов, договоров в рамках реализации федеративных отношений, а так же не вступивших в силу международных договоров РФ; 2) положений п. а) ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ, где закреплены полномочия Конституционного Суда РФ по про-

ведению процедур предварительного конституционного нормоконтроля в отношении проектов, то есть до их подписания главой государства, законов о поправке к Конституции РФ, федеральных законов и федеральных конституционных законов; 3) положений п. в) ч. 5.1 ст. 125, где закреплены полномочия на проведение предварительного конституционного нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом РФ в отношении законов субъекта РФ до их обнародования главой субъекта РФ. В тексте ст. 125 Основного закона термин нормоконтроль не используется, однако применяется словосочетания «разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации», «проверка конституционности», что синонимично значению термина «конституционный нормоконтроль».

Научная общественность неоднозначно оценивает нововведения, касающиеся предварительного конституционного контроля. Так, отдельные авторы отмечают, что возможность Президента РФ оспорить конституционность принятых парламентом законов посредством обращения в орган конституционного контроля означает возможность фактически блокировать федеральные законы [21, с. 43]. Другие считают, что потенциал применения предварительного конституционного контроля неоправданно сужен и возможность обращаться с запросом на его проведение необходимо распространить и на иных субъектов, по аналогии с п. 2 ст. 125 Конституции [22, с. 14]. По данному вопросу представляется необходимо иметь в виду, что запрос на применение конституционного предварительного нормоконтроля достаточно высок, поскольку, как справедливо указывают отдельные исследователи, возникновение правовых лакун в правовом регулировании предопределено современными условиями, бурно развивающимися в современном обществе отношениями, и такая правовая система будет стабильной, в которой будет предусмотрена возможность различными юридико-правовыми способами, в том числе посредством предварительного конституционного нормоконтроля, еще до начала реализации правовой нормы, выявить и нейтрализовать проблему [23, с. 191].

Изучение правовой природы, сущности и содержания конституционного нормоконтроля в РФ позволило сделать вывод о том, что их уяснение в полном объеме возможно лишь в комплексном подходе к данному правовому явлению: 1) необходимо рассматривать конституционный нормоконтроль в деятельности высшего специализированного органа его осуществляющего как разновидность социального контроля, государственного контроля и конституционного контроля; 2) конституционный нормоконтроль – это и полномочие, и процедура, реализуемая в различных формах; 3) конституционный нормоконтроль заключается в деятельности по проверке на предмет соответствия Основному закону нормативных правовых актов различного уровня; 4) конституционный нормоконтроль с одной стороны – это и гарантия разделения властей, их независимости, снижения рисков злоупотребления властей законодательной и правоприменительной, обеспечения законности, соблюдения Конституции, и с другой – специфическая форма взаимодействия публичных органов власти по вопросам обеспечения эффективности действия тех или иных правовых норм, влияющих на становление качественного, достойного уровня жизни страны, граждан, на достижение общественного блага.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 01.12.2023).
2. Масловская М.В. О понятии «контроль»: некоторые размышления в конституционно-правовом контексте/ М.В. Масловская // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 1. – С. 4–8.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.,1983. – 840 с.
4. Туровдев В.И. Народный контроль в социалистическом обществе/ В.И. Туровдев. –М.: Политиздат, 1974. – 255 с.
5. Джагарян А.А. Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации/ А.А. Джагарян: автореф. …канд.юрид.наук. – М., 2006. – 31 с.
6. Измоденов А.К. Основы государственного контроля, надзора и аудита: учебное пособие/ А.К. Измоденов А.В. Курдюмов. – Екатеринбург, 2018. – 109 с.
7. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита конституции/ Ж.И. Овсепян. – Ростов-на-Дону, Литера-Д, 1992. – 317 с.
8. Кряжков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации/ В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. – М.: БЕК, 1998. – 462 с.
9. Гоглева К.Ю. Судебный конституционный контроль как гарантия разделения властей в Российской Федерации/ К.Ю. Гоглева: Дисс. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 235 с.
10. Михайлова К.А. Проблемы определения предмета нормоконтроля в контексте сравнительно-правового исследования/ К.А. Михайлова // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 2 (38). – С. 74-79.
11. Брежнев О.В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики/ О.В. Брежнев//Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 10 (119). – С. 36-43.
12. Годованик Е.В. Теоретико-методологические аспекты определения эффективности конституционно-правовых норм/ Е.В. Годованик// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 123-135.
13. Евлоев И.М. О предмете и объекте судебного нормоконтроля / И.М. Евлоев// Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 1. – С. 25-28.
14. Ярошенко Н. И. Нормоконтроль: конституционно-правовые основы и роль в механизме реализации конституционно-правовой ответственности: монография / Н.И. Ярошенко. – Пермь, 2010. – 184 с.
15. Упоров В.А. О понятии нормоконтроля в праве / В.А. Упоров // Устойчивое развитие России: вызовы, риски и стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета Т. 2. – Екатеринбург, 2016. – С. 218-222.
16. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 01.12.2023).
17. Ярошевская А.М. Судебное правотворчество в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации/ А.М Ярошевская// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. – С. 117–122.
18. Усольцева, З. А. Судебный нормоконтроль в сфере тарифного регулирования: дисс. … канд. юрид. наук / З.А. Усольцева. – М., 2022. – 276 с.
19. Чекрыга М.А. Теория и практика реализации полномочий органов государственной власти в Российской Федерации в сфере осуществления конституционного контроля: дисс. … канд. юрид. наук / М.А.Чекрыга. – Челябинск, 2014. – 188 с.
20. Чернобель Г.Г. Институциональные предпосылки и концептуальные истоки конституционного правосудия в России / Г.Г. Чернобель// Журнал российского права. – 2007. – № 8. – С 136-139.
21. Новеллы конституционного законодательства России: учебное пособие/ В.А. Лысенко, А.А. Ерыгин, Д.В. Меняйло и др. – Белгород, 2022. – 96 с.
22. Мохов А.Ю. Нормоконтроль, осуществляемый Конституционным Судом Российской Федерации: новеллы правового регулирования / А.Ю. Мохов// Актуальные проблемы современности: Наука и Общество. – 2021. – № 2 (31). – С. 14-18.
23. Петров Э.Ю. Конституционный нормоконтроль в современном Российском законодательстве: проблемы и пути решения/ Э.Ю. Петров// Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 187–191.

Kandokhov V.H. On the legal nature, essence and content of constitutional norm control in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 145-152.

The article is devoted to the study of the legal characteristics, the specifics of the institution of constitutional norm control in the Russian Federation, the place among other legal constitutional and legal phenomena. The tasks and objectives of the institute of constitutional norm control in the Russian Federation are considered. The correlation of the concepts of control, norm control, constitutional control, constitutional norm con-

trol is argued through the analysis of scientific views on their subject. The historical aspect of the theoretical and methodological formation of the institution of constitutional norm control in jurisprudence is shown. The analysis of the essence and content of constitutional control and constitutional norm control, semantic analysis of the concept of "norm control" in the constitutional and legal aspect is carried out. The prerequisites for the formation of constitutional norm control in the Russian Federation are shown, the factors that influenced the development of various forms of constitutional norm control in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation are noted

Key words: control, normative control, constitutional control, constitutional normative control, social control, state control, the Constitutional Court of the Russian Federation, abstract constitutional normative control, preliminary constitutional normative control, subsequent constitutional normative control.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: https://base.garant.ru/ (data obrashcheniya: 01.12.2023).
2. Maslovskaya M.V. O ponyatii «kontrol'»: nekotorye razmyshleniya v konstitucionno-pravovom kontekste/ M.V. Maslovskaya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2016. – № 1. – S. 4-8.
3. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – M.,1983. – 840 s.
4. Turovdev V.I. Narodnyj kontrol' v socialisticheskom obshchestve/ V.I. Turovdev. –M.: Politizdat, 1974. – 255 s.
5. Dzhagaryan A.A. Konstitucionno-pravovye osnovy gosudarstvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii/ A.A. Dzhagaryan: avtoref. …kand.yurid.nauk. – M., 2006. – 31 s.
6. Izmodenov A.K. Osnovy gosudarstvennogo kontrolya, nadzora i audita: uchebnoe posobie/ A.K. Izmodenov A.V. Kurdyumov. – Ekaterinburg, 2018. – 109 s.
7. Ovsepyan ZH.I. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v zarubezhnyh stranah. Pravovaya zashchita konstitucii/ ZH.I. Ovsepyan. – Rostov-na-Donu, Litera-D, 1992. – 317 s.
8. Kryazhkov V.A. Konstitucionnaya yusticiya v Rossijskoj Federacii/ V.A. Kryazhkov, L.V. Lazarev. – M.: BEK, 1998. – 462 s.
9. Gogleva K.YU. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' kak garantiya razdeleniya vlastej v Rossijskoj Federacii/ K.YU. Gogleva: Diss. … kand. yurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2023. – 235 s.
10. Mihajlova K.A. Problemy opredeleniya predmeta normokontrolya v kontekste sravnitel'no-pravovogo issledovaniya/ K.A. Mihajlova // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2011. – № 2 (38). – S. 74-79.
11. Brezhnev O.V. Predvaritel'nyj konstitucionnyj kontrol' i ego realizaciya v Rossii: problemy teorii i praktiki/ O.V. Brezhnev//Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – T. 15. – № 10 (119). – S. 36-43.
12. Godovanik E.V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty opredeleniya effektivnosti konstitucionno-pravovyh norm/ E.V. Godovanik// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75). № 1. – S. 123-135.
13. Evloev I.M. O predmete i ob"ekte sudebnogo normokontrolya / I.M. Evloev// Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2017. – № 1. – S. 25-28.
14. YAroshenko N. I. Normokontrol': konstitucionno-pravovye osnovy i rol' v mekhanizme realizacii konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti: monografiya /
N.I. YAroshenko. – Perm', 2010. – 184 s.
15. Uporov V.A. O ponyatii normokontrolya v prave / V.A. Uporov // Ustojchivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski i strategii: materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: k 25-letiyu Gumanitarnogo universiteta T. 2. – Ekaterinburg, 2016. – S. 218-222.
16. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ (red. ot 01.07.2021) «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: https://base.garant.ru/ (data obrashcheniya: 01.12.2023).
17. YAroshevskaya A.M. Sudebnoe pravotvorchestvo v deyatel'nosti Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii/ A.M YAroshevskaya// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 3. CH. 1. – S. 117-122.
18. Usol'ceva, Z. A. Sudebnyj normokontrol' v sfere tarifnogo regulirovaniya: diss. … kand. yurid. nauk / Z.A. Usol'ceva. – M., 2022. – 276 s.
19. CHekryga M.A. Teoriya i praktika realizacii polnomochij organov gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii v sfere osushchestvleniya konstitucionnogo kontrolya: diss. … kand. yurid. nauk / M.A.CHekryga. – CHelyabinsk, 2014. – 188 s.
20. CHernobel' G.G. Institucional'nye predposylki i konceptual'nye istoki konstitucionnogo pravosudiya v Rossii / G.G. CHernobel'// ZHurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 8. – S 136-139.
21. Novelly konstitucionnogo zakonodatel'stva Rossii: uchebnoe posobie/ V.A. Lysenko, A.A. Erygin, D.V. Menyajlo i dr. – Belgorod, 2022. – 96 s.
22. Mohov A.YU. Normokontrol', osushchestvlyaemyj Konstitucionnym Sudom Rossijskoj Federacii: novelly pravovogo regulirovaniya / A.YU. Mohov// Aktual'nye problemy sovremennosti: Nauka i Obshchestvo. – 2021. – № 2 (31). – S. 14-18.
23. Petrov E.YU. Konstitucionnyj normokontrol' v sovremennom Rossijskom zakonodatel'stve: problemy i puti resheniya/ E.YU. Petrov// Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 2. – S. 187–191.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 153–159.

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИММИГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Климова Д. В.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Актуальность подготовки и написания настоящей статьи обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования в сфере государственного управления иммиграционными процессами ввиду роста миграционных потоков и их непосредственного влияния на национальную безопасность Российской Федерации. В статье автором проведен анализ нормативных правовых актов, регулирующих вопросы миграции, проведен количественный и качественный анализ миграционных потоков (за 2022 и 2023 гг.), рассмотрены современное состояние и проблемы государственно-правового управления в указанной сфере. Автор отмечает, что действенным инструментом государственного управления в сфере миграции является государственный контроль, который является самостоятельным видом контрольно-надзорной деятельности МВД РФ, и включает в себя два основных вида: федеральный государственный контроль (надзор) за пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации и федеральный государственный контроль (надзор) за трудовой деятельностью иностранных работников. В указанном аспекте отдельно рассмотрены проблемные вопросы осуществления внеплановых проверок. Итогом стали сформулированные предложения по изменению действующего законодательства с целью решения вопросов исчисления сроков временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации и повышения эффективности контроля за соблюдением ими миграционного законодательства.

Ключевые слова: государственное управление, миграция, миграционные процессы, иммиграция, иностранные граждане, лица без гражданства, миграционный контроль, правовое регулирование, свобода передвижения, срок временного пребывания.

В современных геополитических условиях иммиграционные процессы в Российскую Федерацию существенно влияют на текущее состояние и перспективы развития государства и общества в экономической, культурной, политической, социальной и других сферах. Именно поэтому они являются актуальным объектом государственного управления. Правовая природа иммиграции заключается в реализации права человека на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства [1, ст. 27]. Именно Конституция Российской Федерации закрепила основы миграционной политики, предусмотрев при этом возможность установления необходимых ограничений, которые носят временный характер и вводятся в условиях введения чрезвычайного или военного положения.

Иммиграция характеризуется комплексностью, и включают в себя: непосредственное территориальное перемещение путем пересечения мигрантом государственной границы, определение им места пребывания (жительства), постановку на миграционный учет и в дальнейшем получение нового правового статуса.

Под государственно-правовым управлением иммиграционных процессов понимаем результативный и целенаправленный процесс правового воздействия со стороны государства на общественные отношения в сфере миграции, определяющие реализацию государственной миграционной политики. Основными составляющими указанного правового воздействия считаем целесообразным рассматривать миграционный учет, а также контроль и надзор за пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации и за их трудовой деятельностью.

Интересным в этом вопросе видится позиция И. В. Потапенковой, которая отмечает, что контроль и надзор по своей сути скорее направлены на обеспечение законности в этой сфере, поэтому они не являются способом государственного регулирования управления миграционных потоков. Об этом, по мнению автора, свидетельствует факт их осуществления правоохранительными органами. Они являются стадией государственного управленческого процесса, при этом контроль направлен на упорядочение общественных отношений, а надзор – на проверку их соответствия закону [14, с. 180]. Отчасти с указанным мнением можно согласиться, при этом отрицать регулятивного воздействия при осуществлении контроля (надзора) мы не можем. По нашему мнению, государственное управление осуществляется с помощью различных мер и инструментов, в том числе путем осуществления контроля и надзора.

Ключевая цель государственно-правового управления отражена в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, и направлена на развитие государства в различных сферах, обеспечение национальной безопасности, улучшение уровня жизни граждан, поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия [5].

Для создания миграционной обстановки, которая будет способствовать достижению указанной цели, применяется определенный набор инструментов. Основная нагрузка по реализации государственно управления в сфере миграции ложиться на государственные органы исполнительной власти, среди которых необходимо выделить Правительство Российской Федерации, МВД Российской Федерации и органы государственного управления субъектов Российской Федерации.

Убеждены, что действенным инструментом государственного управления в любой сфере является государственный контроль (надзор), направленный на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований [3, ст. 1].

Говоря о государственном управлении в сфере иммиграции, контроль (надзор) является самостоятельным видом контрольно-надзорной деятельности МВД РФ [6], и включает в себя контроль (надзор) за пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации и за их трудовой деятельностью [4].

С этой целью осуществляются внеплановые документарные или выездные проверки [7, п. 5]. Плановые проверки в рамках госконтроля в сфере миграции не проводятся. При этом отдельные авторы (В.С. Пацевич, Н.В. Полякова, Н.С. Запорожский и др.) справедливо отмечают, что в области проверочных мероприятий существуют нерешенные вопросы [13, с. 117]. Так, они указывают на обязательство согласования проведения внеплановых выездных проверок подразделениями МВД по вопросам миграции с органами прокуратуры (в случае получения информации о нарушениях миграционного законодательства со стороны работодателей). В какой-то мере действительно указанное согласование может препятствовать оперативному реагированию на возможные нарушения.

В целом, анализируя статистические данные за 2023 г., в Российской Федерации подразделениями по вопросам миграции было проведено более 250 тысяч мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации (в частности, внеплановых документарных проверок – 7107 и внеплановых выездных проверок – 276 483) [16]. Большую долю правонарушений составили нарушения иностранными гражданами или лицами без гражданства правил въезда в

Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в РФ и нарушения правил пребывания в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства. Также увеличилось количество направленных представлений о неразрешении въезда иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации (в частности в 2023 г. – 173 371 представлений, а в 2022 г. – 141 350 соответственно, а это более чем на 20%).

Анализ принятых решений позволяет выделить самые распространенные случаи нарушения миграционных правил [2, ст. 26-27], а именно: сообщение заведомо ложных сведений о себе или о цели своего пребывания в Российской Федерации; неоднократное привлечение к административной ответственности в течение 3 лет; нарушение установленного порядка выезда из Российской Федерации в установленных законом случаях.

Участившиеся случаи сообщения заведомо ложных сведений о себе или о цели своего пребывания в Российской Федерации (102 143 представления о не разрешении въезда в Российскую Федерацию было именно по данному факту, что на 52% больше чем в 2022 г.) позволяет констатировать о необходимости систематического и комплексного подхода к решению вопросов, связанных с увеличением случаев предоставлениями мигрантами при въезде ложных сведений. Считаем необходимым в данном вопросе повышение эффективности системы миграционного контроля путем внедрения и использования современных технологий и методов для идентификации личности (в частности биометрической идентификации); ужесточение ответственности за предоставление ложных сведений о себе при въезде.

В вопросе совершенствования правового регулирования государственного управления в сфере миграции, по нашему мнению, стоит уделить особое внимание взаимодействию органов государственной власти с иными субъектами, заинтересованными в управлении процессами иммиграции. Так, по справедливому мнению К.В. Трифоновой, вопросам взаимодействия субъектов миграционной политики практически не уделяется никакого внимания ни в законодательстве, ни в научной литературе. Кроме того, отсутствует и само понимание термина, который характеризует взаимодействие в данной сфере [15, с. 59]. Решением данной проблемы, по мнению автора, видится принятие Миграционного кодекса Российской Федерации. Считаем, что указанную проблему необходимо решать, в том числе, усовершенствуя непосредственно сам механизм такого взаимодействия. При этом особое внимание необходимо уделить институтам гражданского общества.

Рассмотреть механизм взаимодействия органов государственной власти с иными заинтересованными субъектами в сфере государственного управления процессами иммиграции можно на примере Республики Крым, как стратегически важного и уникального субъекта Российской Федерации.

В частности, в механизме государственного управления основная нагрузка ложиться на Главное управление по вопросам миграции МВД по Республике Крым и его территориальные подразделения. Немаловажную роль играет Государственный комитет по делам межнациональных отношений Республики Крым (далее-Госкомнац), проводящий государственную политику и осуществляющий функции в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Республики Крым [10, с. 77]. Приоритетным направлением деятельности Госкомнаца

является реализация государственной политики в сфере социально-культурной адаптации мигрантов.

Госкомнац ведет системную работу по оказанию иностранным гражданам и лицам без гражданства консультативной, информационной поддержки в оформлении соответствующих документов, а также вовлечению их в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве его полноправного и постоянного члена [9]. Непосредственное содействие правовой, социальной, культурной, образовательной и психологической адаптации мигрантов оказывает образованный четыре года назад в структуре Госкомнаца Сектор по вопросам социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, деятельность которого направлена на [17]. Так, систематически проводится информационно-разъяснительная работа среди мигрантов, издаются тематические буклеты, социальные ролики, функционирует официальный сайт Госкомнаца, где размещается вся необходимая мигрантам информация [17].

Осуществляется взаимодействие со всеми заинтересованными министерствами и ведомствами, органами местного самоуправления, лидерами национально-культурных автономий и диаспор, религиозных и общественных организаций. Так, создана и функционирует постоянно действующая группа, состоящая из представителей МВД по Республике Крым, администраций муниципальных образований, представителей национально-культурных автономий и религиозных объединений, которая занимается мониторингом миграционной ситуации в регионе.

Управление по вопросам миграции МВД по Республике Крым систематически проводит совместные мероприятия с иными органами государственной власти, например с Управлением Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю и Пограничным Управлением ФСБ Российской Федерации по Республике Крым, с целью стабилизации миграционной обстановки на территории Республики Крым, профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами, реализацией контроля за соблюдением миграционного законодательства в целом [11, с. 141]. Нельзя не отметить и роль институтов гражданского общества в механизме государственного управления, которая актуализируется в современных условиях потребностями самого общества и интересами государства для обеспечения национальной безопасности.

В данном аспекте наиболее важными направлениями взаимодействия видится следующее: обеспечение интеграции мигрантов в российское общество, сотрудничество между органами государственной власти и общественных объединений (в частности национально-культурными автономиями). Так, в Республике Крым, 42 общественных объединения (из которых 14 региональных национально-культурных автономий и 28 иных общественных объединений), призванных обеспечить сближение различных наций и взаимодействие культур. Их роль в адаптации и интеграции мигрантов очень высокая, поскольку это люди непосредственно той же национальности, в связи с чем у мигрантов уровень доверия к ним гораздо выше, многие представители уже являются гражданами Российской Федерации и адаптированы к социальной среде. Считаем, что национально-культурные автономии должны совместно с органами власти участвовать в реализации программ всех уровней, а также в профилактике и разрешении межнациональных конфликтов, а

также будут выполнять функции, направленные на интеграцию мигрантов в российское общество [12, с. 210].

Еще одним проблемным и нерешенным вопросом остается порядок расчета сроков временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ. В частности, срок временного пребывания в РФ установлен Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», и не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, за исключением случаев, предусмотренных законом, а также в случае, если такой срок не продлен. [4, п. 1 ст. 5]. Анализ действующего законодательство показал, что конкретная дата расчета данных периодов не определена, кроме того отсутствует единое применение методики расчета. Указанные законодательные пробелы вызывают определённые трудности правоприменения, и снижают эффективность контроля за соблюдением миграционного законодательства в целом. Считаем, что необходимо внести соответствующие изменения в ст. 5 указанного Федерального закона, добавив период, с которого необходимо вести расчет. В частности нами видится целесообразным рассчитывать 90 из 180 суток с 1 января по 31 декабря текущего года.

Также полагаем, что необходимо разместить калькулятор сроков пребывания на официальном сайте МВД России, что позволит мигрантам самостоятельно осуществлять расчет разрешенного срока своего пребывания на территории Российской Федерации (до въезда), и соответственно не попасть в нелегальное положение по прибытию в нашу страну. Указанные меры, по нашему мнению, будут способствовать совершенствованию миграционного контроля со стороны органов государственной власти, исключат существующие противоречия и ошибки правоприменения в указанной сфере. Тем самым государственное управление в сфере иммиграции будет реализовываться более эффективно.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/10103000/?
2. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/10135803/
3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/74449814/
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/184755/
5. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622// ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/72092260/
6. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // ИПО «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71572244/
7. Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции: Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162// ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ivo.garant.ru/#/document/70259302/
8. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции: При-

каз МВД России от 28 июня 2022 г.№ 468// ИПО «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/405454775/
9. Положение о Государственном комитете по делам межнациональных отношений Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 27.06.2014 г. № 159 https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/2
10.Климова Д.В. Реалии и перспективы реализации государственной национальной политики на территории Республики Крым / Климова Д.В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 2. - С. 77-86.
11.Климова Д. В. Механизм реализации государственной миграционной политики (на примере Республики Крым) / Д. В. Климова // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 22 апреля 2022 года / Редколлегия: Л.В. Карнаушенко, А.А. Швец, Е.А. Пушкарев [и др.]. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2022. - С. 140-143.
12.Климова Д. В. Социально-культурная адаптация мигрантов в Российской Федерации (на примере Республики Крым) / Д. В. Климова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2022. – № 22-2. - С. 210-212.
13.Пацевич В. С. О некоторых проблемах осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции / В. С. Пацевич // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4(220). - С. 116-118.
14.Потапенкова И. В. К вопросу об определении правовой сущности понятия контрольно-надзорной деятельности полиции в сфере миграции / И. В. Потапенкова, Е. Н. Ярмонова // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. - С. 180-184.
15.Трифонова К. В. Конституционно-правовые основы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в сфере мигации и пути совершенствования их межведомственного сотрудничества / К. В. Трифонова // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 10 декабря 2021 года / Под редакцией Е.В. Евсиковой, И.В. Хмиль. Том I. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. - С. 58-66.
16.Сервис обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России [Электронный ресурс].- Режим доступа: http: it/mvd.ru.
17.Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов: официальный сайт Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым// [Электронный ресурс]. – URL: https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/487

Klimova D. V. Legal regulation of public administration in the field of immigration at the present stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 153-159.

The relevance of the preparation and writing of this article is due to the need to improve legal regulation in the field of public administration of immigration processes due to the growth of migration flows and their direct impact on the national security of the Russian Federation. In the article, the author analyzes the normative legal acts regulating migration issues, conducts a quantitative and qualitative analysis of migration flows (for 2022 and 2023), examines the current state and problems of public legal management in this area. The author notes that an effective tool of state management in the field of migration is state control, which is an independent type of control and supervisory activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and includes two main types: federal state control (supervision) over the stay and residence of foreign citizens in the Russian Federation and federal state control (supervision and problems of state-legal management in this area are considered.

The author notes that an effective tool of state management in the field of migration is state control, which is an independent type of control and supervisory activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and includes two main types: federal state control (supervision) over the stay and residence of foreign citizens in the Russian Federation and federal state control (supervision) over the labor activity of foreign citizens employees. In this aspect, the problematic issues of the implementation of unscheduled inspections are considered separately.

The result was formulated proposals to amend the current legislation in order to solve the issues of calculating the terms of temporary stay of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation and increase the effectiveness of monitoring their compliance with migration legislation.

Keywords: public administration, migration, migration processes, immigration, foreign citizens, stateless persons, migration control, legal regulation, freedom of movement, period of temporary stay.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 g. (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://base.garant.ru/10103000/?
2. O poryadke vy`ezda iz Rossijskoj Federacii i v``ezda v Rossijskuyu Federaciyu: Federal`ny`j zakon ot 15.08.1996 g. № 114-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://base.garant.ru/10135803/
3. O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal`nom kontrole v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://base.garant.ru/74449814/
4. O pravovom polozhenii inostranny`x grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 25.07.2002 g. № 115-FZ (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://base.garant.ru/184755/
5. O Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 - 2025 gody`: Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktyabrya 2018 g. № 622// IPP «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://base.garant.ru/72092260/
6. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennix del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial`nom organe Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii po sub``ektu Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 21 dekabrya 2016 g. № 699 // IPO «Garant» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://base.garant.ru/71572244/
7. Ob utverzhdenii Polozheniya ob osushhestvlenii federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migracii: Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 13 noyabrya 2012 g. № 1162// IPO «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://ivo.garant.ru/#/document/70259302/
8. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii po osushhestvleniyu federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migracii: Prikaz MVD Rossii ot 28 iyunya 2022 g.№ 468// IPO «Garant» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: http://ivo.garant.ru/#/document/405454775/
9. Polozhenie o Gosudarstvennom komitete po delam mezhnacional`ny`x otnoshenij Respubliki Kry`m: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry`m ot 27.06.2014 g. № 159 https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/2
10.Klimova D.V. Realii i perspektivy` realizacii gosudarstvennoj nacional`noj politiki na territorii Respubliki Kry`m / Klimova D.V. // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 2. - S. 77-86.
11.Klimova D. V. Mexanizm realizacii gosudarstvennoj migracionnoj politiki (na primere Respubliki Kry`m) / D. V. Klimova // Pravo i gosudarstvo: problemy` metodologii, teorii i istorii : Materialy` XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 22 aprelya 2022 goda / Redkollegiya: L.V. Karnaushenko, A.A. Shvecz, E.A. Pushkarev [i dr.]. – Krasnodar: Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego professional`nogo obrazovaniya "Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii", 2022. - S. 140-143.
12.Klimova D. V. Social`no-kul`turnaya adaptaciya migrantov v Rossijskoj Federacii (na primere Respubliki Kry`m) / D. V. Klimova // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. – 2022. – № 22-2. - S. 210-212.
13.Pacevich V. S. O nekotory`x problemax osushhestvleniya federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migracii / V. S. Pacevich // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 4(220). - S. 116-118.
14.Potapenkova I. V. K voprosu ob opredelenii pravovoj sushhnosti ponyatiya kontrol`no-nadzornoj deyatel`nosti policii v sfere migracii / I. V. Potapenkova, E. N. Yarmonova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 4. - S. 180-184.
15.Trifonova K. V. Konstitucionno-pravovy`e osnovy` vzaimodejstviya federal`ny`x organov ispolnitel`noj vlasti v sfere migacii i puti sovershenstvovaniya ix mezhvedomstvennogo sotrudnichestva / K. V. Trifonova // Oxrana i zashhita prav i zakonny`x interesov v sovremennom prave: Sbornik statej po rezul`tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x tomax, Simferopol`, 10 dekabrya 2021 goda / Pod redakciej E.V. Evsikovoj, I.V. Xmil`. Tom I. – Simferopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2022. - S. 58-66.
16.Servis obespecheniya deyatel`nosti podrazdelenij po voprosam migracii MVD Rossii [E`lektronny`j resurs].- Rezhim dostupa: http: it/mvd.ru.
17.Social`no-kul`turnaya adaptaciya i integraciya migrantov: oficial`ny`j sajt Gosudarstvennogo komiteta po delam mezhnacional`ny`x otnoshenij Respubliki Kry`m// [E`lektronny`j resurs]. – URL: https://gkmn.rk.gov.ru/ru/structure/487

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 160-168.

УДК 342.1

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О ТЕРРИТОРИЯХ С ОСОБЕННОСТЯМИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Мокроусова К. А.
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В рамках данной статьи авторское внимание уделено анализу на основе доктринальных, правовых и эмпирических источников концептуальным вопросам отечественных территорий с особенностями организации местного самоуправления. Актуальность данной тематики обусловлена конституционно-правовыми аргументами прикладного и научного характера в пользу систематизации отраслевых юридических знаний о территориях с особенностями организации местного самоуправления в Российской Федерации. В правовом ключе рамочный Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит открытый каталог заявленных территорий, который постоянно пополнятся (с 2007 г. по 2022 г. включение восьми статей в Главу 11). Несмотря на достаточность правовых норм, в юридической науке отсутствуют специальные исследования, посвященные выработке универсальных подходов к территориям с особенностями организации местного самоуправления в Российской Федерации. С учетом этого в качестве результата осуществленного исследования представлены авторские трактовки территории с особенностями организации местного самоуправления и соответствующей им публично-правовой концепции.

Ключевые слова: территория, территориальное устройство, административно-территориальная единица, муниципальное образование, концепция.

Территория, выступая неотъемлемым атрибутом государства и материальной основой жизни населения, в России представлена в вариациях федерального, регионального и муниципального уровней [1, с. 3]. Для раскрытия правового содержания территорий с особенностями организации местного самоуправления, обратимся к дефинитивному аспекту ключевых понятий, сопоставимых с данной тематикой.

Итак, в числе ключевых – сам термин «территория государства», определяемый, как «пространство самоопределения народа, в пределах которого государство реализует свои суверенитет и юрисдикцию» [2, с. 26]; «пространство осуществления государственной власти» [3, с. 66]; «материальная базу, без которой государство не может существовать» [4, с. 96]. В самом широком смысле «территория государства является основой и пределом осуществления публичной власти и жизнедеятельности общества» [5, с. 25-29]. Мы разделяем позицию о том, что «организация территории Российской Федерации охватывает все стороны политического, административного, экономического и географического деления государства. Это сложный государственно-правовой механизм, который прежде всего связан с функционированием государственного управления и местного самоуправления как двух уровней публичной власти» [6, с. 62-66].

Территориальное устройство государства характеризуется через различные, содержательно-смежные термины «государственное (территориальное) устройство» [7, с. 54-59], «государственное устройство» [8, с. 20], «государственно-территориальное устройство» [9, с. 38-41], «территориальное устройство государства» [5, с. 25-29] и др. На наш взгляд, современные конституционные установления, а также федеративный характер российского государства, одной из основ кото-

рого выступает местное самоуправление, опосредуют в терминологическом аспекте использование категории «территориальная организация публичной власти», поскольку в ней «просматриваются две основные составляющие – власть и территория» [10, с. 21-24].

Уточним, что в 2020 г. в числе вступивших в юридическую силу конституционных новелл, было установление о единстве публичной власти (ч. 3 ст. 132) [11]. Ранее формулировка публичной власти отсутствовала в тексте Конституции, хотя и неоднократно упоминалась в решениях Конституционного Суда Российской Федерации в качестве «государственной власти с ее двумя уровнями – федеральным и региональным, и муниципальной властью», в рамках которой «местное самоуправление есть наиболее приближенный к населению территориальный уровень публичной власти» [12].

Современное конституционное соотношение самостоятельности местного самоуправления (ст. 12) и единства публичной власти (ч. 3 ст. 132) ранее также неоднократно было объектом официального комментария Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, указывалось, что «конституционная природа местного самоуправления как публичной власти, наиболее приближенной к населению и ориентированной в том числе на выполнение задач социального государства, связанных с непосредственным обеспечением жизнедеятельности муниципальных образований, обусловливает необходимость учета особенностей данной публичной власти; это предопределяет необходимость достижения баланса таких конституционно защищаемых ценностей, как самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий, с одной стороны, и гарантированность гражданам соответствующих социальных прав, включая права, приобретенные на основании закона, независимо от того, на территории какого муниципального образования они проживают, – с другой» [13].

Обобщая приведенные конституционные и прикладные позиции, в юридической литературе справедливо резюмировано, что «местное самоуправление, муниципальная власть – часть единой системы публичной власти, но часть самостоятельная и автономная в пределах своих полномочий, установленных законом» [14, с. 51-57].

Возвращаясь к категории территориальной организации публичной власти, также с учетом конституционных и прикладных аргументов, полагаем целесообразным применительно к данному исследованию использовать ее интерпретацию как одного «из важнейших компонентов устройства государства и конституционной модели построения власти в нем, обусловливающей территориальное деление, а также организацию, функционирование и взаимодействие органов публичной власти на различных территориях и уровнях данного государства» [10, с. 21-24].

Как раннее нами было отмечено, уровень муниципальной власти коррелируется с собственной территориальной организацией.

Современная доктрина местного самоуправления констатирует принципиальное значение территории в жизни социума, когда «...местные сообщества складываются в рамках территориальных единиц. Несмотря на продолжающуюся специализацию общественной жизни, территория продолжает выполнять свою интеграционную, формирующую роль» [15, с. 56-57].

Согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

(далее – Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ) о территории муниципальных образований «местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, муниципальных и городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения» [16]. Таким образом, законодатель ограничился перечислением разных типов муниципальных образований без общего определения. Вместе с тем, как верно отмечается в юридической литературе, «понятие муниципального образования относится к числу неоднозначных… отождествляемых с территорией» [17, с. 24-28]. На наш взгляд, подход тождества является ошибочным, а понятия муниципального образования и его территории соотносятся между собой, как общее и частное.

В данном случае муниципальное образование представляется «юридическим лицом публичного права, обладающим правосубъектностью и, следовательно, определенным юридическим статусом. Муниципальное образование – это территориальное объединение граждан, созданное в целях осуществления местного самоуправления. Существенными элементами статуса муниципального образования являются территория, население, властные полномочия и публично значимые функции, а также наличие выборных органов местного самоуправления, публичной собственности, муниципальных налогов и сборов, местного бюджета, муниципальной символики и ряда иных аналогичных компонентов» [17, с. 24-28].

Указанный подход является традиционным в современном муниципальном праве и подтверждается мнением ряда известных ученых [18, с. 95; 19, с. 106; 20, с. 301-302; 21, с. 366; 22, с. 24-31]. Отметим, что «посредством определения территории муниципального образования происходит обособление территориального коллектива с закреплением пространственных пределов осуществления им муниципальной власти. В то же время территориальное устройство выступает способом организации не только муниципальной, но и государственной власти» [23]. Поэтому появляется еще один дефинитивный аспект, требующий авторского внимания – это сопоставление территории муниципальных образований с административно-территориальными единицами [24, с. 20].

Глобально, мы солидаризируемся с позицией о «независимости существования территориального устройства государственной власти Российской Федерации и территориального устройства муниципальной власти друг от друга. В то же время вопрос о соотношении территориального устройства государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципально-территориального устройства является дискуссионным» [23].

В генезисном аспекте уточним, что до принятия Конституции России 1993 г. территориальная организация местного самоуправления напрямую привязывалась к административно-территориальному делению.

Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» разделил территориальное устройство местного самоуправления и административно-территориальное устройство [25].

Законодательная норма неоднократно поддерживалась Конституционным Судом Российской Федерации [26]. Позднее Конституционным Судом РФ было указано на то, что «территориальное устройство местного самоуправления жестко не связано с

административно-территориальным делением, перечень территорий муниципальных образований является открытым и эти территории устанавливаются в соответствии с законами субъектов Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиций» [27]. Следовательно, границы административно-территориальных единиц могут не совпадать с границами муниципальных образований.

Еще одним критерием противопоставления административно-территориальной и муниципально-территориальной организации является толкование конституционных положений о самостоятельности местного самоуправления (ст. 12); об учете мнения населения соответствующей территории при изменении ее границ, в пределах которых осуществляется местное самоуправление (ч. 2 ст. 131); об исключительном ведении субъектов Российской Федерации по вопросам административно-территориального устройства (ст. 73).

Относительно доктринальной стороны вопроса, в теории муниципально-правовой науки неоднократно предпринимались попытки содержательного отграничения административно-территориальных единиц от территорий муниципальных образования. В частности, в качестве критерия разграничения указывалось на предназначение этих территорий [23; 28, с. 136].

Необходимо заметить, что в правовой науке отсутствует единство мнений по поводу первичности административно-территориального или муниципального территориального устройства. К примеру, И.П. Пономарева указывала, что «муниципальные территории являются первичным уровнем в системе территориальной организации всего государства и составляют его фундамент» [6, с. 62-66].

Противоположное мнение у В.А. Черкасова считающего, что «административно-территориальное устройство субъекта Российской Федерации первично по отношению к территориальной организации местного самоуправления, поскольку именно в соответствии с административным устройством территории субъекта Российской Федерации организуется деятельность не только органов государственной власти субъекта, но и федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления» [29, с. 86].

В качестве версии, комбинирующей две представленные, приведем позицию Д.Б. Сергеева: «наиболее рациональной будет такая территориальная организация субъекта РФ, при которой муниципальное образование является основой и административно-территориальной, и муниципально-территориальной его организации» [30, с. 55-61].

Подводя промежуточные итоги, акцентируем необходимость разграничения понятий административно-территориальной единицы и территории муниципального образования для исключения подмены и смешения процедур в их рамках [31, с. 30-43].

Для достижения цели исследования еще раз отметим целесообразность использования категории территориальной организации публичной власти, интегрирующей все разновидности территорий и власти в государстве.

По поводу терминологического ряда, исключающего многообразие формулировок применительно к одному и тому правовому явлению, считаем аргументированной дефиницию муниципальной территории, предложенную А.Н. Нифановым. Это «традиционно сложившееся, народовластно детерминированное, юридически

структурированное исходное пространство, в рамках которого законодательно установленными субъектами решаются вопросы местного значения» [1, с. 3].

Как правило, критериями, определяющими тип муниципального образования, являются: демографический; географо-физический; экономический; организационный [32, с. 1206-1210]. Однако в современном Российском государстве сохраняется тенденция образования и развития территорий с особым правовым статусом. Такие территории «создают специфические особенности управления в системе территориального устройства государства, что в свою очередь, играет определённую роль в реализации публичной власти в стране» [33, с. 125-132].

Заметим, что практика правового регулирования особенностей осуществления муниципальной власти на определенных территориях была легализована в Гл. 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, поэтому неслучайно конституционные поправки о заявленных особенностях были размещены в Гл. 8 «Местное самоуправление». В частности, «особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом» (ч. 3 ст. 131). Таким образом, конституционно-правовые нормы, внесли определенность в терминологию заявленного правового феномена – «особенности осуществления публичной власти на территориях» и «особенности организации местного самоуправления».

Однако до настоящего времени дефинитивный аспект заявленных территорий не раскрыт в рамках публично-правовой науки. Решая данную научную задачу, полагаем, в основу может быть положено определение целеобусловленных территорий, предложенных А.Н. Нифановым («территории представляют собой выражение пространственно-зафиксированного конституционно-правового способа обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия публичных органов, направленного на решение укрупненных, специализированных и конкретизированных задач в интересах государства, общества и личности» [1, с. 15]).

Полагаем, что предназначение всех, перечисленных в Гл. 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ разновидностей территорий с особенностями организации местного самоуправления, направлено именно на решение укрупненных, специализированных и конкретизированных задач в интересах государства, общества и личности.

Кроме того, соответствующая правовая позиция применительно к местному самоуправлению сформулирована и неоднократно воспроизведена Конституционным Судом РФ [34, 35].

Таким образом, с учетом всех приведенных доктринальных и прикладных аспектов, считаем возможным предложить авторское определение территорий с особенностями организации местного самоуправления. Это конституционно-опосредованное, законодательно-формализованное пространство соответствующих муниципальных территорий со спецификой организации и реализации публичной власти, опосредующей специальные правовые статусы и правовые режимы в целях решения укрупненных, специализированных и конкретизированных задач в интересах государства, общества и личности. На наш взгляд, заявленная разновидность территорий не только решает практические вопросы, связанные с организацией публичной власти в интересах личности, общества и государства. Но

также, представляется может стать концептуальной частью одной из разрабатываемых в юридической науке теорий.

Далее, чтобы определиться с формой систематизации знаний о территориях с особенностями организации местного самоуправления, обратимся к дефинированию таких форм.

Итак, самой «мелкой» единицей в цепочке «концепт – концепция – теория», является концепт. Концепт в праве Ю.А. Гаврилина определяет, как «многомерную смысловую конструкцию, интегрирующую в себе идею определенного юридического явления, его ценность и логико-понятийное выражение, а также включающая в свой горизонт прагматические, эмоционально-оценочные, коммуникативные и иные компоненты смысла… Концепты составляют идейно-мировоззренческую основу права, конституирующую, развивающую и верифицирующую правовое регулирование общественных отношений» [36, с. 69].

Наиболее «крупной» формой обобщения в указанной цепи выступает теория (греч., от – рассматриваю, исследую), которая словарно определяется «в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории» [37].

Обратим внимание на интерпретацию концепции (от лат. conceptio – понимание, система). В словарях – это «замысел, теоретическое построение; то или иное понимание чего-нибудь» [38]; «определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет или явление, руководящая идея для их систематического освещения» [37].

В энциклопедической литературе «концепция – термин философского дискурса, который выражает или акт схватывания, понимания и постижения смыслов в ходе речевого обсуждения и конфликта интерпретаций, или их результат, представленный в многообразии концептов, не отлагающихся в однозначных и общезначимых формах понятий» [36, с. 66].

Опираясь на представленные словарно-энциклопедические интерпретации, считаем целесообразным предложить формирование публично-правовой концепции территорий с особенностями организации местного самоуправления. Представляется, это дополняющие конституционно-правовую теорию территории систематизированные научные положения, структурно включающие в себя теоретико-методологические, дефинитивные, регулятивные, сравнительно-правовые и видовые аспекты, упорядочивающие знания о территориях с особенностями организации местного самоуправления.

Список литературы:

1. Нифанов А.Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. Белгород, 2020. 49 с.
2. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. 477 с.
3. Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. 2004. 405 с.
4. Марченко М.Н. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 1. 2016. 576 с.
5. Данько А.А. Территориальное устройство Российского государства как конституционно-правовая категория // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 25-29.
6. Пономарева И.П. Муниципальные территории – основа государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 62-66.

7. Лексин И.В. К вопросу о форме государственного (территориального) устройства // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11. С. 54-59.
8. Авакьян С.А. Конституционное право России: в 2 т. М., 2014. Т. 2. 911 с.
9. Семеновский И.Д. О некоторых особенностях государственно-территориального устройства современных федеративных государств // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 38-41.
10. Некрасов С.И. Территориальная организация публичной власти: понятие и сущностная характеристика // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 21-24.
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 г. № 29-П // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4411.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2011 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.
14. Бабичев И.В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 51-57.
15. Выдрин И.В. Местное самоуправление в Российской Федерации: от идеи к практике (конституционно-правовой аспект): Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 276 с..
16. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6181.
17. Астафичев П.А. Территориальные основы местного самоуправления как объект правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 4. С. 24-28.
18. Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2007. 591 с.
19. Кокотов А.Н., Саломаткин А.С. Муниципальное право России. М., 2005. 383 с.
20. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право РФ. М., 2006. 669 с.
21. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления. М., 2008. 399.
22. Шугрина Е.С. Выявление признаков муниципального образования как гарантия определения территориальных пределов права на осуществление местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 7. С. 24-31.
23. Баженова О.И. Муниципальное образование как субъект права. М.: Изд-во Московского университета, 2010. 256 с.
24. Евдокимов В.Б., Старцев Я.Ю. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. М., 2001. 250 с.
25. Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 г. № 1-П // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.1997 г. № 15-П // СЗ РФ. 1997. № 45. Ст. 5241.
28. Пешин Н.Л. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Юрайт, 2011. 452 с.
29. Черкасов В.А. Территориальная организация местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 195.
30. Сергеев Д.Б. Соотношение административно-территориального и муниципально-территориального устройства субъекта Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2015. № 1 (100). С. 55-61.
31. Шугрина Е.С. Соотношение понятий «муниципальное образование», «административно-территориальная единица», «населенный пункт» // Городское управление. 2013. № 1. С. 30-43.
32. Винник Н.В. Проблемы территориальной организации местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 1206-1210.
33. Годовникова А.М., Михайлов Р.Б. Правовое положение территорий с особым правовым статусом // Территория науки. 2013. № 6. С. 125-132.
34. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 г. № 32-П // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.
35. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 г. № 30-П // СЗ РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.
36. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики. М.: Буки Веди, 2022. 754 с.
37. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия / гл. ред. Л.Ф Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения 23.11.2023 г.)
38. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935-1940) (электронная версия) // https://kartaslov.ru/ (дата обращения 12.11.2023 г.).

Mokrousova K. A. Conceptualization of the provisions on territories with the peculiarities of the organization of local self-government // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 160–168.

Within the framework of this article, the author's attention is paid to the analysis on the basis of doctrinal, legal and empirical sources of conceptual issues of domestic territories with the peculiarities of the organization of local self-government. The relevance of this topic is due to the constitutional and legal arguments of an applied and scientific nature in favor of systematization of sectoral legal knowledge about territories with peculiarities of the organization of local self-government in the Russian Federation. In a legal sense, the framework Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" contains an open catalog of declared territories, which is constantly being updated (from 2007 to 2022, the inclusion of eight articles in Chapter 11). Despite the sufficiency of legal norms, there are no special studies devoted to the development of universal approaches to territories with the peculiarities of the organization of local self-government in the Russian Federation. With this in mind, as a result of the research carried out, the author's interpretations of the territory with the peculiarities of the organization of local self-government and the corresponding public legal concept are presented.

Keywords: territory, territorial structure, administrative-territorial unit, municipality, concept.

Spisok literatury:

1. Nifanov A.N. Territoriya Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovaya teoriya: Avtoref. dis. … dokt. yurid. nauk. Belgorod, 2020. 49 s.
2. Baburin S.N. Territoriya gosudarstva: pravovye i geopoliticheskie problemy. M., 1997. 477 s.
3. Kutafin O.E. Neprikosnovennost' v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii. 2004. 405 s.
4. Marchenko M.N. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: v 3 t. T. 1. 2016. 576 s.
5. Dan'ko A.A. Territorial'noe ustrojstvo Rossijskogo gosudarstva kak konstitucionno-pravovaya kategoriya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 7. S. 25-29.
6. Ponomareva I.P. Municipal'nye territorii – osnova gosudarstva // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2011. № 12. S. 62-66.
7. Leksin I.V. K voprosu o forme gosudarstvennogo (territorial'nogo) ustrojstva // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 11. S. 54-59.
8. Avak'yan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: v 2 t. M., 2014. T. 2. 911 s.
9. Semenovskij I.D. O nekotoryh osobennostyah gosudarstvenno-territorial'nogo ustrojstva sovremennyh federativnyh gosudarstv // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 2. S. 38-41.
10. Nekrasov S.I. Territorial'naya organizaciya publichnoj vlasti: ponyatie i sushchnostnaya harakteristika // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 1. S. 21-24.
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993, 25 dekabrya; 2020, 4 iyulya.
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18.07.2019 g. № 29-P // SZ RF. 2019. № 30. St. 4411.
13. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18.05.2011 g. № 9-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2011. № 4.
14. Babichev I.V. Konstitucionnye novelly dlya mestnogo samoupravleniya: nekotoryj analiz // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 2. S. 51-57.
15. Vydrin I.V. Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii: ot idei k praktike (konstitucionno-pravovoj aspekt): Dis. ... dokt. yurid. nauk. Ekaterinburg, 1998. 276 s..
16. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 g. № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (red. ot 04.08.2023 g.) // SZ RF. 2003. № 40. St. 3822; 2023. № 32 (CHast' I). St. 6181.
17. Astafichev P.A. Territorial'nye osnovy mestnogo samoupravleniya kak ob"ekt pravovogo regulirovaniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 4. S. 24-28.
18. Byalkina T.M. Kompetenciya mestnogo samoupravleniya: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: Dis. ... dokt. yurid. nauk. Saratov, 2007. 591 s.
19. Kokotov A.N., Salomatkin A.S. Municipal'noe pravo Rossii. M., 2005. 383 s.
20. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Municipal'noe pravo RF. M., 2006. 669 s.
21. CHirkin V.E. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. M., 2008. 399.
22. SHugrina E.S. Vyyavlenie priznakov municipal'nogo obrazovaniya kak garantiya opredeleniya territorial'nyh predelov prava na osushchestvlenie mestnogo samoupravleniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 7. S. 24-31.
23. Bazhenova O.I. Municipal'noe obrazovanie kak sub"ekt prava. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2010. 256 s.
24. Evdokimov V.B., Starcev YA.YU. Mestnye organy vlasti zarubezhnyh stran: pravovye aspekty. M., 2001. 250 s.

25. Federal'nyj zakon ot 28.08.1995 g. № 154-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (utratil silu) // SZ RF. 1995. № 35. St. 3506.
26. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.01.1997 g. № 1-P // SZ RF. 1997. № 5. St. 708.
27. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 03.11.1997 g. № 15-P // SZ RF. 1997. № 45. St. 5241.
28. Peshin N.L. Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii. M.: YUrajt, 2011. 452 s.
29. CHerkasov V.A. Territorial'naya organizaciya mestnogo samoupravleniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006. 195.
30. Sergeev D.B. Sootnoshenie administrativno-territorial'nogo i municipal'no-territorial'nogo ustrojstva sub"ekta Rossijskoj Federacii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 1 (100). S. 55-61.
31. SHugrina E.S. Sootnoshenie ponyatij «municipal'noe obrazovanie», «administrativno-territorial'naya edinica», «naselennyj punkt» // Gorodskoe upravlenie. 2013. № 1. S. 30-43.
32. Vinnik N.V. Problemy territorial'noj organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2014. № 11. S. 1206-1210.
33. Godovnikova A.M., Mihajlov R.B. Pravovoe polozhenie territorij s osobym pravovym statusom // Territoriya nauki. 2013. № 6. S. 125-132.
34. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.12.2012 g. № 32-P // SZ RF. 2012. № 53 (ch. 2). St. 8062.
35. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 01.12.2015 g. № 30-P // SZ RF. 2015. № 50. St. 7226.
36. Ponkin I.V., Lapteva A.I. Metodologiya nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki. M.: Buki Vedi, 2022. 754 s.
37. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaya enciklopediya / gl. red. L.F Il'ichyov, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalyov, V.G. Panov. 1983. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (data obrashcheniya 23.11.2023 g.)
38. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka pod redakciej D.N. Ushakova (1935-1940) (elektronnaya versiya) // https://kartaslov.ru/ (data obrashcheniya 12.11.2023 g.).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 169-183.

УДК. 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕДУРНЫЕ ОСНОВЫ ПООЩРИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Пестов Р. А., Новочкова К. А., Кузнецова К. А.

В статье анализируется один из видов правонаделительного процесса – поощрительное производство. Рассмотрены правовые и организационные основы поощрительного производства в Российской Федерации, Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан, на этой основе выделена структура наградных систем. Проанализирован генезис наградного производства, в том числе советского периода, являющийся общей фундаментальной основой. На базе комплекса теоретических, нормативных и организационных аспектов административно-правонаделительной деятельности, представлены предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере наградного производства. Целью работы является комплексное изучение закономерностей создания, развития и функционирования системы правового стимулирования как целостного правового явления. Объектом научной статьи выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации управленческих функций, базирующиеся на методах поощрительного характера. Предметом исследования выступают теоретические и организационно-правовые аспекты осуществления производства по делам о поощрении. Научная новизна исследования обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с функционированием института поощрения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, а также изменениями, произошедшими в законодательстве, регламентирующем поощрительное производство.

Ключевые слова: административно-процедурные основы, правовой стимул, поощрительное производство, поощрительные институты, государственная награда, заслуга, поощрение.

В условиях геополитической нестабильности для большинства государств, в том числе и Российской Федерации, актуализируются вопросы, связанные с интенсификацией правового регулирования. От действенности юридических механизмов зависит эффективность проводимых реформ в различных сферах. В этом ключе роль убеждения в качестве элемента механизма правосознания будет только возрастать. Частью такого механизма является поощрение, которое посредством «мягкого» воздействия влияет на поведенческие паттерны индивидов.

Награда как форма морального одобрения является неоднородной по своей структуре, а наградная система является предметом изучения различных наук. Так, генезис наградного дела исследуется фалеристикой [1], социокультурную и идеологическую природу наград подвергает научному анализу социология [2], наградные правоотношения становятся предметом изучения юридических наук.

Для полной характеристики института поощрений представляется необходимым провести сравнительно-правовой анализ регламентации наградного производства на различных этапах развития ряда зарубежных стран, с которыми нас объединяет историческая и региональная близость.

Наградная система неразрывно связана с развитием государственности, так как награда, как и наказание, служит элементом политики, морали и права. Эти два элемента выступают в тесной взаимосвязи. В 1914 году Питиримом Сорокиным был выделен «закон колебания кар и наград» [3], согласно которому ни один социальный вопрос не может быть рассмотрен без соотношения со всей массой явлений в социальной динамике. Также, согласно его взглядам, чем культурнее общество, тем более мягкие наказания и менее интенсивна наградная система.

Наградные системы настоящего времени выражают первостепенные общественные ценностные ориентиры, которые находятся в непосредственном взаимодействии с общекультурными ценностными ориентирами, тем самым стабилизируя политическую систему государства.

Наградные системы стран европейского континента имеют общие корни, так как их возникновение основано на античных наградных знаках, затем духовно-рыцарских и светских орденов, сам термин «орден» происходит от латинского «ordo» – порядок, шеренга, началом его применения стали действия, происходившие с десятого века и связанные с противостоянием церковной власти и феодалов путем укрупнения монастырей, и создания на их основе монашеских объединений (орденов). Наиболее известными из которых были Доминиканский и Иезуитский ордена, а одним из первых считается орден Святого Иоанна Иерусалимского, для их последователей предписывалось ношение определенной формы и цвета одежды, что само по себе уже являлось отличительным знаком, для Руси аналогом ордена являлась опричнина, созданная Иваном IV в 1565 г. [4, с. 6].

Интересным является факт употребления трансформации дефиниций того периода в современных наградных производствах, так во время крестовых походов монашеские ордена имели жесткую иерархию и подчинение, так как осуществляли военные действия, это закреплялось посредством устава (статута), а должность главы ордена носила название Гроссмейстера (Великого магистра), рядовые члены именовались кавалерами.

В период правления Петра I введен первый отечественный орден – Святого апостола Андрея Первозванного (1698 г.), который вручался за чрезвычайные заслуги, его ношение предполагалось на ленте голубого цвета или цепи (в торжественных случаях), гроссмейстером ордена являлся Российский государь. Был установлен лимит награждения равный 24 кавалерами.

С точки зрения административных процедур впервые единые правила награждения были установлены Установлением от 5 апреля 1797 г. «О Российских Императорских орденах» [5], согласно которому все кавалерские чины и ордена «да будет почитаемо яко единое тело», то есть, объединены в систему, а администрирование осуществлялось со стороны специального органа – орденской канцелярией, гроссмейстером которой был император, от лица, которого проводились награждения. Устанавливались минимально допустимые сроки для повторного награждения - не менее трех лет.

Ходатайствовать о награждении государственной наградой перед орденской канцелярией должно было непосредственное начальство. При рассмотрении ходатайства проводился анализ соответствия степени ордена с классным чином [6]. Одной из привилегий для награжденных орденами являлось получение права «потомственного дворянства», что являлось стимулом для лиц недворянского происхождения перейти в более привилегированное сословие [7], аналогичная ситуация была и по отношению сословию – «почетные граждане». Наградная система отражала принадлежность к определенному классу и применялась в большинстве случаев к служивому сословию, так как литература, наука или искусство считались частными делами, и награждение в этой сфере могло быть только за заслуги, полезные для государства.

События, связанные с отречением Николая II от престола, а затем свержением временного правительства в октябре 1917 г., привели к созданию нового государственного строя и упразднению сложившейся наградной системы [8], так в 1918 г. был принят «Декрет о знаках отличия» [9], установивший статут ордена «Красного Знамени», который являлся на протяжении двух лет единственным орденом и согласно статуту, допускал повторное награждение за новый подвиг (но не более 4-х раз).

Наиболее активным периодом развития наградной системы СССР были 30-е годы XX в., в этот период были введены в наградную систему орден «Ленина» (1930 г.) и орден «Красной Звезды», с установлением последнего было прекращено награждение боевыми орденами союзных республик.

В 1934 г. в наградной системе была введена высшая степень отличия – звание «Герой Советского Союза» [10]. Для награжденных этим званием был установлен знак отличия – медаль «Золотая звезда». Согласно статуту, награждение производилось за «выдающийся героический подвиг во славу нашей Родины». Постановление ЦИК и СНК СССР от 1936 г. «Общее положение об орденах СССР» [11] стало первым документом, систематизировавшим административные процедуры, связанные с награждением, правами и обязанностями награжденных и рядом иных вопросов.

С вхождением Узбекской ССР (1924 г.), Таджикской ССР (1929 г.), Казахской ССР (1936 г.) в состав СССР административно-процедурные основы стали едины-ми, так как учреждение орденов и медалей СССР, а также установление почетных званий согласно п. з ст. 49 Конституции СССР от 1936 г. относилось к компетенции Президиума Верховного Совета СССР.

В послевоенные годы большинство награждений было связано не конкретными полезными действиями, а выслугой лет [12], что не соответствовало целям государственного поощрения и снижало значимость орденов и медалей, таким образом, возникла объективная потребность в изменении административных процедур наградной системы, что выразилось в принятии 1958 году Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке награждения орденами и медалями СССР», в котором утверждались новые специальные медали за 10, 15 и 20 лет службы – «За безупречную службу».

В последующие годы продолжилось учреждение орденов и медалей в честь юбилеев различных событий, так в 1967 г. в ознаменование 50-летия советской милиции Президиум ВС СССР учредил юбилейную медаль «50 лет советской милиции». В 1979 г. приказом МВД СССР была учреждена медаль «За безупречную службу», в Положении о которой, была указано, что сотрудники ОВД безупречно прослужившие награждаются к 7 ноября за 10 лет выслуги III степенью, 15 лет – II степенью, 20 лет – I степенью, одним из цензов для награждения согласно п.3 Положения необходимо было «положительно характеризоваться и успешно выполнять служебные обязанности, а также достойно вести себя в быту. Помимо орденов и медалей в наградную систему СССР входило присвоение почетных званий, присуждение Государственных и Ленинских премий СССР, награждение Почетным революционным оружием, а для трудовых коллективов – Почетными знаменами.

Между тем события, связанные с распадом СССР, последующие социальные конфликты [14] заставили бывшие республики переосмыслить социально-исторический опыт самопределения, что можно проследить на примере поощри-

тельного производства, так как при создании государственности необходим ряд обязательных условий, среди которых создание собственной системы наград.

Поощрение как правовое явление является межотраслевым, так как регулируется нормами административного, конституционного, трудового и других отраслей права. В административном праве существуют две основные точки зрения по вопросу содержания понятия «поощрение».

В рамках первой точки зрения (широкого подхода) поощрение представляет систему правовых стимулов, то есть «разновидность целенаправленных внешних воздействий на организм, человека или группу людей, побуждающих к совершению определённого действия по применению позитивных и негативных стимулов» [15, с. 26], вторая точка зрения (узкий подход) рассматривает поощрение в качестве самостоятельного вида правового стимула [16, с. 189].

Под правовым стимулом понимается «публичная возможность лица удовлетворить потребности и интересы путем реализации своего субъективного права, а также публичная возможность получить поощрение как закономерное следствие правомерного поведения, превышающего обычно предъявляемые требования».

Вместе с тем не все правовые стимулы содержат в себе меры поощрения. Так, в уголовном законодательстве депенализация (освобождение от уголовной ответственности и (или) от наказания или его отбывания) по своей сути является восстановлением прав до обычного правового положения, которое не связано с совершением социально полезного поступка.

В административном законодательстве также имеются примеры отсутствия в правовом стимуле мер поощрения, так смягчение наказания в виде уплаты половины суммы административного штрафа не позднее двадцати дней с момента вынесения постановления по статьям, указанным в п.1.3. ч.1 ст. 32.2 КоАП РФ не несет положительной оценки, так как лицу была применена мера ответственности за совершение административного правонарушения. Е.Ф. Трофимов совершенно справедливо отмечает, что мера поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного дисциплинарного взыскания, предусмотренная в системе государственной службы не делает его поощрением по существу [17, с. 12].

Процессуальной формой реализации стимулирования является производство о поощрениях, которое содержит юридические гарантии осуществления определенного стимула. Впервые научное обоснование о необходимости включения производства по делам о поощрениях в структуру административного процесса была выдвинута В.Д. Сорокиным, подтверждение верности выводов заключено во множестве нормативных актов, состоящих из материальных и процессуальных норм.

Материальными нормами определяются описание правомерного поведения, вид, величина поощрения, группа субъектов, в отношении которых может быть применено поощрение, соответствие прав и компетенция должных лиц, уполномоченных применять меры поощрения. Процессуальные нормы определяют организационно-процедурный характер, с их помощью регулируется порядок поощрительного производства.

При дальнейшем мы считаем возможным придерживаться мнения А.П. Алехина, который отождествлял поощрение с наградами как общее и частное, отмечая ряд юридических особенностей для наград (не являются единовременными, выражены в соответствующих статуту знаках, медалях, орденах и т.п., предусмотрена процедура

лишения) [18, с. 242].

Особенностью производства по делам о дисциплинарных поощрениях является связь с отраслевым законодательством в рамках регулирования трудовых отношений, так ст. 191 ТК РФ перечисляет виды поощрения работника (благодарность, премия, ценный подарок, почетная грамота, представление к званию лучшего по профессии), ст. 61 ТК РТ, ст. 299 ТК РУ, не раскрывают перечень видов и процедур поощрения, указывая на право работодателя применять дифференциальные виды поощрения за успехи в работе, а ст. 295 ТК РК указывает на необходимость обеспечения трудовой дисциплины путем использования методов стимулирования и поощрения за добросовестный труд. Общим знаменателем для законодательства всех анализируемых стран является то, что дисциплинарные поощрения являются способом укрепления дисциплины, также отличительной особенностью ТК РУ является положение о том, что премии предусмотренные системой оплаты труда, к видам поощрения не относятся. Особенность награды от иных поощрений заключается в том, что: во-первых, награда является частью поощрительного производства; во-вторых, не имеет прямой зависимости от служебной деятельности; в-третьих, применяется за публичные заслуги особого рода; в-четвертых, имеет ограничения по частоте применения. Для производства по делам о поощрениях (наградах) в РФ характерна множественность нормативных правовых актов, регулирующих данный вид производства, которая зависит от классификации видов и типов (форм) поощрительного производства.

К видам поощрительного производства в РФ относятся: производство по делам о дисциплинарных поощрениях; производство по делам о поощрениях (наградах), установленных федеральными органами государственной власти или органами государственной власти субъектов Российской Федерации; производство по делам о награждении государственными наградами РФ (наградное производство).

Особое значение имеют государственные награды (далее – госнаграды) – высшие формы поощрения за заслуги (как военные, так и гражданские) перед государством или за благотворительную деятельность. Указ Президента РФ № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» [19], к видам государственных наград в РФ относятся высшие звания РФ, ордена РФ, знаки отличия РФ, медали РФ и почетные звания РФ. Удостоены государственных наград могут быть не только граждане Российской Федерации, но и иностранные граждане, также лица без гражданства. Для иностранных граждан, постоянно проживающих на территории РФ, не предусмотрено специальной процедуры награждения.

Удостоены государственных наград могут быть и организации, так, за значительные достижения в подготовке квалифицированных кадров – образовательные организации высшего образования (их филиалы) МВД России, также за высокие достижения в области охраны здоровья, за большой вклад в развитие здравоохранения – медицинские организации системы МВД России (их филиалы), за исключением санаторно-курортных организаций.

Для орденов и медалей могут быть предусмотрены степени, награждение в этом случае производится последовательно от низшей к высшей степени, в случае отсутствия степени повторное награждение одной и той же государственной наградой РФ не допускается, за исключением ордена Мужества, медалей «За отвагу», «За отвагу

на пожаре», «За спасение погибавших» за совершение подвига, проявленные мужество, смелость и отвагу, при этом юбилейные ордена, медали и иные награды не являются государственными наградами Российской Федерации. Очередное награждение государственной наградой за новые заслуги может быть осуществлено не ранее чем через 5 лет, за исключением награждения за совершение подвига, проявленные мужество, смелость и отвагу.

По общему правилу награждение посмертно не производится, за исключением совершения подвига, проявленные мужество, смелость и отвагу.

Ходатайство о награждении государственной наградой возбуждается по месту основной работы государственными органами, коллективами организаций, органами местного самоуправления, а при отсутствии таковой – по месту его общественной деятельности. При индивидуальной трудовой (общественной) деятельности ходатайство подается от органа муниципального образования.

На стадии рассмотрения на основании ходатайства формируются документы о награждении, которые последовательно проходят рассмотрение и одобрение главой муниципального образования, высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, полномочным представителем Президента Российской Федерации в федеральном округе, в случае положительного результата документы направляются в соответствии с компетенцией (Президенту Российской Федерации или федеральный орган исполнительной власти), при этом руководители федеральных органов исполнительной власти могут изменять вид, степень государственной награды или принять решение о нецелесообразности награждения.

Ходатайство о награждении подразделений МВД России возбуждается заместителями Министра МВД России в отношении организаций МВД России, начальником ДТ МВД России (по согласованию с курирующим деятельность заместителем Министра МВД России) в отношении медицинских организации, а начальником ГУРЛС МВД России в отношении образовательных организаций МВД России, для представления не предусмотрена отдельная форма, однако должны быть указаны заслуги организации и вид награды. ГУРЛС МВД России рассматривает документы, готовит представления о награждении (не более 30 дней, а по решению начальника ГУРЛС МВД России срок может быть продлен еще на 30 дней) и вносит представление на согласование Министру МВД России. При отрицательном решении Министра МВД России документы о награждении в течение 15 дней возвращаются инициатору возбуждения дела о награждении.

До внесения представления о награждении Президенту Российской Федерации наградные документы рассматриваются комиссией по государственным наградам, при решении комиссии о нецелесообразности награждения, повторное представление подается не ранее чем через 1 год.

Для награждения председателей Конституционного, Верховного судов Российской Федерации, председателей Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации, руководителей федеральных органов исполнительной власти определена процедура, согласно которой представление о награждении подается от имени соответствующего заместителя, а Полномочным представителем Президента Российской Федерации в федеральном округе в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Процедура внесения представлений о награждении государственными наградами Президенту Российской Федерации должна быть проведена в течение трех месяцев со дня окончания согласования наградного листа (срок рассмотрения наградных документов согласующими инстанциями не должен превышать 30 дней).

К представлению должны прилагаться: 1) наградной лист по одной из 3-х форм в зависимости от места службы, работы или деятельности лица, представленного к награде; 2) протокол собрания коллектива, который инициировал возбуждение наградного производства; 3) паспорт (военный билет); 4) иные документы, в зависимости от сферы и должности лица.

На стадии исполнения производится вручение государственной награды Президентом РФи или от его имени лицами, ходатайствующими о награждении, а также эта почетная обязанность может быть поручена иным лицам. Вручение должно быть проведено в торжественной обстановке не позднее 3 месяцев со дня вступления Указа Президента РФ в силу. В случае смерти награжденных лиц или награжденных посмертно награды с подтверждающими документами вручаются на хранение близким родственникам или членам семьи. Награждение подразделений МВД России производится в соответствии с ритуалом вручения государственной награды.

Порядок награждения ведомственными наградами установлен приказом МВД России от 28 июля 2020 г. № 525 «О некоторых вопросах поощрения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», к ним относятся медали МВД России и нагрудные знаки МВД России.

Фундаментальные изменения государственного строя, связанные с распадом СССР и обретением независимости в 1991 г., стали основой для формирования наградной системы стран Содружества Независимых Государств, так как при создании государственности необходим ряд обязательных условий, среди которых создание собственной системы наград.

Становление государственности в Республики Казахстан (далее – РК) было связано с необходимостью реализации правовых идей, указанных в Основном законе РК. Закон Республики Казахстан от 12 декабря 1995 года № 2676 «О государственных наградах Республики Казахстан» [20] предусматривает, что награждение государственными наградами производится главой страны в знак признания их заслуг перед государством, а также за плодотворную государственную, общественную, творческую деятельность, трудовые и ратные подвиги.

Наградная система РК состоит из знаков высшей степени отличия (орденов, званий), а также других орденов, медалей, почетных званий, почетных грамот. Высшими наградами являются: орден «Алтын Кыран» («Золотой Орел») Звание «Халық Қаһарманы» (Народный герой) присваивается за выдающиеся заслуги перед РК, ратные подвиги во имя ее свободы и независимости. Вместе со званием награжденному вручается знак особого отличия - Золотая звезда и орден «Отан». Звание «Қазақстанның Еңбек Ері» (Герой труда) присваивается за выдающиеся достижения в экономическом, социально-гуманитарном развитии РК. Аналогично предыдущему званию вручается знак особого отличия.

Необходимо отметить, что в наградной системе РК предусмотрена возможность награждения подвеской, которая приравнена по статусу к ордену и применяется по отношению к многодетным матерям. Так, «Алтын алка» («Золотая подвеска») награждаются матери 7 детей, а «Күміс алка» («Серебряная подвеска») награждают-

ся матери 6 детей. Почетными грамотами награждаются граждане и творческие коллективы за различные достижения в общественной и государственной деятельности. Порядок наградного производства определен Распоряжением Президента РК от 8 ноября 1999 г. № 90 [21], согласно которому вид государственного поощрения устанавливается, исходя из степени (характера) заслуг представленного к поощрению.

Так, соискатели ордена «Алтын Кыран» («Золотой Орел») определяются только главой государства, для остальных видов госнаград представления вправе вносить соответствующие органы законодательной, исполнительной власти, а также организации в соответствии со статутами наград. В случае выдвижения кандидата от коллектива организации делается соответствующая запись в наградном листе, а указанный документ направляется вышестоящий исполнительный орган власти, в задачи которого входит анализ материалов на предмет соответствия поступка виду награды и подготовка представления. В случаях неверного оформления или подачи менее чем за 30 дней на рассмотрение Комиссии по госнаградам при Президенте РК наградные документы к рассмотрению не принимаются.

Комиссия по госнаградам является консультативно-совещательным органом (Президент РК определяет состав таких органов), структура которого состоит из председателя, заместителя, секретаря и 6-8 членов комиссии. Состав формируется из числа представителей государственных органов, организаций РК, деятелей культуры для предварительного рассмотрения и подготовки предложений по наградным вопросам, содействия проведению в жизнь наградного законодательства.

Временные рамки созыва Комиссии не регламентированы, а заседания проводятся по мере необходимости, решения принимаются большинством голосов или методом опроса. Обеспечение деятельности проводится Канцелярией главы государства, а решения (рекомендации) Комиссии, направленные в органы (организации), подлежат обязательному рассмотрению. Результаты рассмотрения ходатайств сообщаются в устной форме инициатору награждения.

Жалобы на решения комиссии самим органом не рассматриваются, иного порядка обжалования действий не предусмотрено.

Наградные документы заполняются в Администрации главы государства и являются бессрочными. При изменении данных (например, ФИО) в документы о награждении не вносятся исправления и не заменяются. В случае обнаружения различий при написании ФИО награжденного составляется акт уточнения.

Указы главы государства о награждении госнаградами публикуются в сборнике «Собрание актов Президента РК и Правительства РК», в республиканской и местной печати, передаются по телевидению и радио, а вручение осуществляется не позднее 60 дней со дня вступления нормативного акта в силу в торжественной обстановке (в Резиденции главы государства, местах расположения исполнительных органов власти, воинских подразделениях и на собраниях коллективов). Если награжденный по объективным причинам (болезнь, инвалидность) не смог прибыть на награждение, то вручение может быть осуществлено по месту его пребывания (дома, в лечебной организации).

Госнаграды вручаются Президентом РК. От его имени могут вручать государственный секретарь РК или акимы областей, городов Астаны и Алматы, министры, послы РК, а также другие лица, уполномоченные на это Президентом РК.

Об осуществлённом вручении составляется протокол вручения, в случае смерти награжденного лица или посмертном награждении документы передаются семье. Повторное награждение возможно лишь теми видами наград, которые имеют степени. Также установлен временной ценз 5 лет для представления к очередной государственной награде (за исключением геройских поступков и наград для многодетных матерей).

Лишение наград производится по решению Президента РК, а в случае совершения преступления суд направляет в адрес главы государства представление о лишении награды. Восстановление в правах на награды может осуществляться посредством ходатайства органов, в полномочиях которых имеется право представления к награждению. В исключительных случаях могут быть выданы дубликаты наград. Для осуществления этой процедуры награжденный подает заявление в местный орган власти, который в случае положительного решения передает документы в областной исполнительный орган для рассмотрения и внесения в Комиссию по государственным наградам РК.

Также наградная система РК представлена ведомственными наградами [22], в зависимости от органа это могут быть медали и нагрудные знаки. Для сотрудников ОВД РК Указом Президента РК в качестве повышения престижа службы предусмотрены следующие медали: «Ветеран органов внутренних дел», «За безупречную службу» (I-III степени), «За вклад в обеспечение правопорядка», «За вклад в развитие международного сотрудничества», «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы», к нагрудным знакам относятся: «Почетный работник органов внутренних дел», «Отличник органов внутренних дел», «Отличник системы уголовно-исполнительной системы».

Административная процедура награждения (лишения) ведомственными наградами начинается с инициирования руководителем представления, которое вместе с иными документами (для награждения – наградной лист, для лишения – копия приказа или приговора суда) направляют в кадровую службу центрального государственного органа.

Инициирование награждения происходит в связи с празднованием государственных, профессиональных и иных праздников, юбилеев или по достижении выслуги лет. В экстраординарных случаях возможно награждение за иные заслуги. Основаниями для лишения являются: во-первых, совершение поступка, компрометирующего орган, или грубое нарушение служебного долга; во-вторых, наличие приговора судебного органа. После рассмотрения документов кадровой службой, в обязанности последней входит подготовка документов и направление их в Комиссию по ведомственным наградам, которая в срок не более 1 месяца обязана принять один из трех вариантов решения: удовлетворить представление, вернуть для дооформления материалов или отклонить представление.

Необходимо отметить, что в отличие от Комиссии по государственным наградам, Комиссии по ведомственным наградам создаются в каждом центральном государственном органе путем издания нормативного акта (приказа) первого руководителя.

В случае принятия решения об удовлетворении представления руководителем центрального органа не позднее 10 суток издается нормативный акт (приказ) о награждении (лишении).

При лишении ведомственной награды последняя должна быть возвращена в государственный орган не позднее месяца со дня вступления нормативного акта в силу. Вручение награды должно проходить в торжественной обстановке, вместе с наградой вручается удостоверение к ней, при этом повторное награждение одной и той же наградой не допускается, за исключением случаев, когда награда имеет степени.

В соответствии с законом Республики Таджикистан (далее – РТ) «О государственных наградах Республики Таджикистан» госнаградами могут награждаться граждане, иностранные граждане, лица без гражданства в знак признания заслуг в экономике, науке, культуре, литературе, искусстве, защите Отечества, за трудовые и ратные подвиги, плодотворную государственную, общественную и творческую деятельность на благо общества.

Наградная система РТ состоит из 5 элементов: звания, ордена, медали, почетные звания и почетные грамоты которые утверждаются Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ, также по его же решению могут быть выпущены юбилейные медали, которые, не являются госнаградами. Высшей госнаградой является звание «Ќањрамони Тољикистон» («Герой Таджикистана»). Лицам, удостоенным этого звания, вручается знак особого отличия – золотая звезда «Ќањрамони Тољикистон».

Почетные звания установлены в целях поощрения граждан за высокое профессиональное мастерство и многолетний добросовестный труд. К ним относятся Почетные звания «Нависанда (шоир)-и халќии Тољикистон», «Њунарпешаи халќии Тољикистон», «Њофизи халќии Тољикистон», «Рассоми халќии Тољикистон», «Арбоби илм ва техникаи Тољикистон», «Арбоби њунари Тољикистон», «Њунарпешаи шоистаи Тољикистон», «Корманди шоистаи Тољикистон», «Донори ифтихории Тољикистон».

Лицам, удостоенным почетных званий РТ, вручается удостоверение и нагрудный знак, который носится на ленте на правой стороне груди. В РТ действует Комиссия по государственным наградам при главе государства, в юрисдикцию которой входит подготовка предложений к награждению и предварительное рассмотрение кандидатур на соответствие личности и степени заслуг награде.

Награждение одноименными наградами не допускается (за исключением госнаград, имеющих соответствующие степени, при этом степень определяется, исходя из общественно-политического и гражданского статуса награждаемого).

Последующее награждение госнаградами производится не ранее чем через 5 лет с момента предыдущего награждения, за исключением особых случаев, связанных с совершением подвига, проявлением мужества и отваги в экстремальных ситуациях. Награждение госнаградами может быть произведено и посмертно.

Также наградная система РТ представлена ведомственными наградами. В зависимости от органа это могут быть медали и нагрудные знаки, для сотрудников милиции законом РТ предусмотрены следующие ведомственные медали и нагрудные знаки: медаль «Барои хизмати шоён» I-III степени (за образцовую, безупречную, плодотворную и продолжительную службу); медаль «Собикадори макомоти корхои дохили» (за стаж службы более 25 лет); нагрудный знак «Корманди фахрии ВКД (за высокие служебные и профессиональные показатели).

Одним из эффективных механизмов государственного управления является реализация метода поощрения. Так, законом Республики Узбекистан (далее – РУ) определены правоотношения в сфере наградного производства. Согласно этому за-

кону госнаграды являются высшей формой поощрения, при этом могут быть награждены как граждане страны, так и иностранные граждане (лица без гражданства), а также административно-территориальные единицы, органы государственного управления и организации независимо от формы собственности.

В наградную систему РУ входят следующие виды госнаград: звание «Ўзбекистон Қаҳрамони»; почетные звания РУ; ордена РУ; медали РУ; почетная грамота РУ.

Высшей степенью обладает звание «Ўзбекистон Қаҳрамони» («Герой Узбекистана»). Он присваивается за заслуги перед государством и народом, связанные с совершением геройского подвига. Звание было утверждено в 1994 г. и может присваиваться только единожды. Вместе со званием вручается высший знак отличия – медаль «Олтин Юлдуз» и удостоверение.

В РУ действует Комиссия по государственным наградам и геральдике при главе государства, в юрисдикцию которой входит подготовка предложений к награждению и предварительное рассмотрение кандидатур на соответствие личности и степени заслуг награде. Заседания Комиссии происходит не реже 1 раза в квартал, решения принимаются большинством голосов, оформление решение проводится в форме протокола.

Стадия возбуждения награждения инициируется представлением, которое вносится главе государства различными органами власти или организаций. Также Президентом РУ может быть самостоятельно инициировано наградное производство. При представлении к госнаградам иностранных граждан и лиц без гражданства обязательно согласование с МИД РУ. Представление к очередной госнаграде, как правило, производится не ранее чем через три года. Закон РУ допускает в исключительных случаях представление ранее этого срока, при этом не раскрывая их. Также представление к госнаграде РУ допускается посмертно.

Звание «Ўзбекистон Қаҳрамони» и почетные звания присваиваются один раз. Нормативные акты (указы) главы государства о награждении публикуются в СМИ. Кроме того, наградная система РУ представлена ведомственными наградами. Для сотрудников ОВД РУ Положением о порядке прохождения службы в ОВД [24] предусмотрены ведомственные нагрудные знаки «Аъло хизматлари учун» («За отличную службу»), «Ички ишлар органларида бенуқсон хизматлари учун» («За безупречную службу в органах внутренних дел») I-III степени.

Основанием для применения мер поощрения в отношении сотрудников ОВД РУ являются: высокая служебная дисциплина и безупречная непрерывная служба; существенный вклад в совершенствование системы органов внутренних дел; проявленное мужество и отвага при исполнении служебного долга; достойный вклад в воспитание молодого поколения в духе преданности Родине.

Отметим, что наградная система представленных на рассмотрение государств закреплена посредством законов, а статуты и положения о наградах представлены в самом законе (РТ) или утверждены главой государства (РК) или законодательным органом страны (РУ) в отличие от РФ, где такой закон отсутствует, а основополагающим документом является Указ Президента РФ № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации». Необходимость принятия федерального закона связана с принципами (базовыми положениями), на основе которых субъект управления может обоснованно использовать меры поощрения в отношении объектов управления.

До настоящего времени принципы поощрительного производства не представлены в рассматриваемом законодательстве иностранных государств, как и на уровне федерального законодательства РФ, и если проблема федеративных отношений для других государств не является актуальной в связи с конституционным закреплением унитарного характера государств, то для РФ игнорирования стремления некоторых субъектов может привести к негативным последствиям. Вместе с тем в нормативных правовых актах органов государственной власти РФ и изданных ими методических рекомендациях [25], касающихся наградного производства, выделяются принципы от низших к высшим, последовательности, содействия, способствовавшего успешному выполнению возложенных задач на орган государственной власти.

Изучение массива законодательства субъектов РФ о наградах, почетных званиях и поощрениях показывает, что только в 25 субъектах РФ принципам наградного производства посвящены отдельные статьи. Их анализ позволяет выделить: гласность (публичность) и открытость; единство требований и равенство условий при определении поощрительной нормы; поощрение граждан исключительно за личные заслуги и достижения.

Необходимо отметить, что законами г. Москвы, Орловской и Томской областей также предусмотрен принцип разграничения полномочий органов власти на основе разделения и паритета законодательной и исполнительной властей, а законом Забайкальского края выделены такие принципы, как: обязательное установление статуса, иерархия наград; обязательное установление количественных ограничений на определенные виды награждений путем установления общего предельного годового числа награжденных; недопущение повторного награждения граждан некоторыми видами наград; преемственность наградных систем. В Рязанской области в отношении организаций и коллективов выделен принцип поощрения исключительно за коллективные заслуги и достижения, а в Томской области – организаций исключительно за гуманитарную, благотворительную и спонсорскую деятельность.

Таким образом, можно констатировать необходимость принятия федерального закона, в котором на основе системного единства будут закреплены принципы, задачи, стадии производства, система государственных наград, такая правовая оформленность позволит гармонизировать федеративные отношения и укрепить демократическую модель государства.

Список литературы:

1.Данилов А.Ю. Российская фалеристика: учеб. Пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2002. –123 с.
2.Гусева Н.А. Роль государственных наград в определении социального статуса в современном российском обществе: дис. канд. социол. наук: 22.00.04. – Спб, 2012. – 220 с.
3.Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Спб. 1914. URL:https://bio.na5bal.ru/doc/6373/index.html?page=3 (дата обращения 28.02.2023).
4.Бруз В.В. Европейский опыт в истории высших наград России, как важного направления социальной политики государства: монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2016.
5. Высочайше утвержденное Установление от 05.04.1797 г. «О Российских Императорских орденах» // ЭПС «Система ГАРАНТ».
6.Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных от 1722 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm (дата обращения: 16.11.2023).
7. Федосеев Р.В. Порядок приобретения потомственного дворянства по законодательству XVIII – XIX веков // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. №2 (9). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-priobreteniya-potomstvennogo-dvoryanstva-po-zakonodatelstvu-xviii-xix-vekov (дата обращения: 16.11.2023).

8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.11.1917 «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства, № 9, 12.11.1917.
9. Декрет о знаках отличия» принят ВЦИК 16.09.1918 // Утратил силу в связи с изданием Постановления Президиума ЦИК СССР от 01.08.1924.
10. Постановление ЦИК СССР от 16.04.1934 «Об установлении высшей степени отличия - звания Героя Советского Союза» (вместе с «Положением о звании Героя Советского Союза») // СЗ СССР, 1934, № 21, ст. 168.
11. Постановление ЦИК СССР № 56, СНК СССР № 812 от 07.05.1936 «Об утверждении «Общего положения об орденах Союза ССР» в новой редакции» // Постановление ЦИК СССР № 56, СНК СССР № 812 от 07.05.1936 «Об утверждении «Общего положения об орденах Союза ССР» в новой редакции» // СЗ СССР, 1936, № 24, ст. 220а.
12. Постановление Президиума ВС СССР от 16.09.1944 «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года «О награждении орденами и медалями генералов, офицеров и сержантского состава сверхсрочной службы за выслугу лет в Красной Армии» // Утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС СССР от 14.09.1957.
13. Указ Президиума ВС СССР от 11.02.1958 «О порядке награждения орденами и медалями СССР» // Ведомости ВС СССР, 1958, № 4, ст. 87.
14. Каспаров, А. Р. Социальный конфликт в современном российском обществе: теоретические и эмпирические аспекты / А. Р. Каспаров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 14-21.
15. Юдин К.А. Правовое стимулирование служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: теоретико-прикладной аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017.
16. Мирошник С.В. Закон и мотивация труда. М.: ИКЦ "МарТ"; Ростов н/Д: ИЦ "МарТ", 2003.
17. Трофимов Е.В. Наградное право: учебное пособие. Спб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017.
18. Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России. – М.: Издательство «Зерцало», 2018.
19. Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13.09.2010, № 37, ст. 4643.
20. Закон Республики Казахстан от 12 декабря 1995 года № 2676 «О государственных наградах Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.11.2020 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007642 (дата обращения: 04.11.2023).
21. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 8 ноября 1999 года № 90 Об утверждении Инструкции о порядке представления к награждению государственными наградами Республики Казахстан и их вручения, Образцов документов к государственным наградам Республики Казахстан и Описания знаков государственных наград Республики Казахстан // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1015501&show_di=1 (дата обращения: 12.11.2023).
22. Указ Президента Республики Казахстан от 30 сентября 2011 года № 155 «О вопросах государственных символов и геральдики ведомственных и иных, приравненных к ним, наград некоторых государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных Президенту Республики Казахстан, Конституционного Совета Республики Казахстан, правоохранительных органов, судов, Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000155 (дата обращения: 12.11.2023).
23. Закон Республики Узбекистан от 22.12.1995 г. № 176-I «О государственных наградах» // «Народное слово» газетаси от 28.12.1995 № 249 (1259).
24. Постановление Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2017 года № ПП-3413 // https://iiv.uz/ru/pages/xizmatni-otash-tartibi (дата обращения: 21.11.2023).
25. Письмо Администрации Президента РФ от 04.04.2012 № АК-3560 «О направлении Методических рекомендаций о порядке оформления и представления документов о награждении государственными наградами Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/

Pestov R. A., Novochkova K. A., Kuznetsova K. A. Administrative-procedural foundations of incentive proceedings in foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 169–183.

The article analyzes one of the types of title process – incentive proceedings. The legal and organizational foundations of incentive proceedings in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Tajikistan, and the Republic of Uzbekistan are considered, and on this basis the structure of award systems is highlighted. The genesis of award production, including the Soviet period, which is a common fundamental basis, is analyzed. Based on a complex of theoretical, normative and organizational aspects of administrative and enforcement activities, proposals for improving the legislation of the Russian Federation in the field of award production are presented. The purpose of the work is a comprehensive study of the patterns of creation,

development and functioning of the system of legal incentives as an integral legal phenomenon. The object of the scientific article is social relations that develop in the process of implementing managerial functions, based on incentive methods. The subject of the study is the theoretical, organizational and legal aspects of the implementation of proceedings in cases of incentives. The scientific novelty of the study is due to the theoretical and practical significance of issues related to the functioning of the institution of incentives for employees of internal affairs bodies of the Russian Federation, as well as changes that have occurred in the legislation regulating incentive proceedings.

Key words: administrative and procedural foundations, legal incentive, incentive proceedings, incentive institutions, state reward, merit, encouragement.

Spisok literatury:

1. Danilov A.YU. Rossijskaya faleristika: ucheb. Posobie. YAroslavl': YArosl. gos. un-t., 2002. –123 s.
2. Guseva N.A. Rol' gosudarstvennyh nagrad v opredelenii social'nogo statusa v sovremennom rossijskom obshchestve: dis. kand. sociol. nauk: 22.00.04. – Spb, 2012. – 220 s.
3. Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: Sociologicheskij etyud ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali. Spb. 1914. URL:https://bio.na5bal.ru/doc/6373/index.html?page=3 (data obrashcheniya 28.02.2023).
4. Bruz V.V. Evropejskij opyt v istorii vysshih nagrad Rossii, kak vazhnogo napravleniya social'noj politiki gosudarstva: monografiya. – M.: IIU MGOU, 2016.
5. Vysochajshe utverzhdennoe Ustanovlenie ot 05.04.1797 g. «O Rossijskih Imperatorskih ordenah» // EPS «Sistema GARANT».
6. Tabeli o rangah vsekh chinov voinskih, statskih i pridvornyh ot 1722 g. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm (data obrashcheniya: 16.11.2023).
7. Fedoseev R.V. Poryadok priobreteniya potomstvennogo dvoryanstva po zakonodatel'stvu XVIII – XIX vekov // Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya. 2020. №2 (9). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-priobreteniya-potomstvennogo-dvoryanstva-po-zakonodatelstvu-xviii-xix-vekov (data obrashcheniya: 16.11.2023).
8. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 10.11.1917 «Ob unichtozhenii soslovij i grazhdanskih chinov» // Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva, № 9, 12.11.1917.
9. Dekret o znakah otlichiya» prinyat VCIK 16.09.1918 // Utratil silu v svyazi s izdaniem Postanovleniya Prezidiuma CIK SSSR ot 01.08.1924.
10. Postanovlenie CIK SSSR ot 16.04.1934 «Ob ustanovlenii vysshej stepeni otlichiya - zvaniya Geroya Sovetskogo Soyuza» (vmeste s «Polozheniem o zvanii Geroya Sovetskogo Soyuza») // SZ SSSR, 1934, № 21, st. 168.
11. Postanovlenie CIK SSSR № 56, SNK SSSR № 812 ot 07.05.1936 «Ob utverzhdenii «Obshchego polozheniya ob ordenah Soyuza SSR» v novoj redakcii» // Postanovlenie CIK SSSR № 56, SNK SSSR № 812 ot 07.05.1936 «Ob utverzhdenii «Obshchego polozheniya ob ordenah Soyuza SSR» v novoj redakcii» // SZ SSSR, 1936, № 24, st. 220a.
12. Postanovlenie Prezidiuma VS SSSR ot 16.09.1944 «O dopolnenii Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1944 goda «O nagrazhdenii ordenami i medalyami generalov, oficerov i serzhantskogo sostava sverhsrochnoj sluzhby za vyslugu let v Krasnoj Armii» // Utratil silu v svyazi s izdaniem Ukaza Prezidiuma VS SSSR ot 14.09.1957.
13. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 11.02.1958 «O poryadke nagrazhdeniya ordenami i medalyami SSSR» // Vedomosti VS SSSR, 1958, № 4, st. 87.
14. Kasparov, A. R. Social'nyj konflikt v sovremennom rossijskom obshchestve: teoreticheskie i empiricheskie aspekty / A. R. Kasparov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya. – 2022. – T. 8 (74), № 3. – S. 14-21.
15. YUdin K.A. Pravovoe stimulirovanie sluzhebnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: teoretiko-prikladnoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2017.
16. Miroshnik S.V. Zakon i motivaciya truda. M.: IKC "MarT"; Rostov n/D: IC "MarT", 2003.
17. Trofimov E.V. Nagradnoe pravo: uchebnoe posobie. Spb.: Sankt-Peterburgskij institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2017.
18. Alekhin A.P., Karmolickij A.A. Administrativnoe pravo Rossii. – M.: Izdatel'stvo «Zercalo», 2018.
19. Ukaz Prezidenta RF ot 07.09.2010 № 1099 «O merah po sovershenstvovaniyu gosudarstvennoj nagradnoj sistemy Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 13.09.2010, № 37, st. 4643.
20. Zakon Respubliki Kazahstan ot 12 dekabrya 1995 goda № 2676 «O gosudarstvennyh nagradah Respubliki Kazahstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 09.11.2020 g.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007642 (data obrashcheniya: 04.11.2023).
21. Rasporyazhenie Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 8 noyabrya 1999 goda № 90 Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke predstavleniya k nagrazhdeniyu gosudarstvennymi nagradami Respubliki Kazahstan i ih vrucheniya, Obrazcov dokumentov k gosudarstvennym nagradam Respubliki Kazahstan i Opisaniya znakov gosudarstvennyh nagrad Respubliki Kazahstan // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1015501&show_di=1 (data obrashcheniya: 12.11.2023).

22. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30 sentyabrya 2011 goda № 155 «O voprosah gosudarstvennyh simvolov i geral'diki vedomstvennyh i inyh, priravnennyh k nim, nagrad nekotoryh gosudarstvennyh organov, neposredstvenno podchinennyh i podotchetnyh Prezidentu Respubliki Kazahstan, Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan, pravoohranitel'nyh organov, sudov, Vooruzhennyh Sil, drugih vojsk i voinskih formirovanij» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000155 (data obrashcheniya: 12.11.2023).
23. Zakon Respubliki Uzbekistan ot 22.12.1995 g. № 176-I «O gosudarstvennyh nagradah» // «Narodnoe slovo» gazetasi ot 28.12.1995 № 249 (1259).
24. Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 29 noyabrya 2017 goda № PP-3413 // https://iiv.uz/ru/pages/xizmatni-otash-tartibi (data obrashcheniya: 21.11.2023).
25. Pis'mo Administracii Prezidenta RF ot 04.04.2012 № AK-3560 «O napravlenii Metodicheskih rekomendacij o poryadke oformleniya i predstavleniya dokumentov o nagrazhdenii gosudarstvennymi nagradami Rossijskoj Federacii» // URL: http://www.consultant.ru/

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 184–193.

УДК 349

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ИЗЛИШНЯЯ НАГРУЗКА

Силин С. В.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье рассматривается необходимость разработки специального правового регулирования сквозь призму устройства автоматизированных транспортных средств. Ставится вопрос о целесообразности введения новых норм, регулирующих автоматизированные транспортные средства по отношению к действующему регулированию отношений с использованием транспортных средств. С этой целью в работе исследуется модули автоматизированных транспортных средтсв, выявляются конструктивнеы особенности в работе модулей автоматизированных средств вождения. На основе конструктивных особенностей сформулированы четыре ситуации, демонстрирующие недостаточность существующего правового регулирования.

Ключевые слова: автоматизированное транспортное средство, автоматизированная система вождения, модули автоматизированной системы вождения, нейронные сети, датчики, бортовой компьютер.

Для повышения безопасности дорожного движения в автомобилях стали применяться такие технологии, как антиблокировочная система (ABS), система курсовой устойчивости, система помощи движению по полосе, адаптивный круиз-контроль, системы обнаружения дорожных препятствий, системы распознавания дорожных знаков, система обнаружения пешеходов, спутниковая система навигации и другие.

С течением времени указанные технологии развивались, становились сложнее, совершеннее и их комплексное использование привело к созданию автоматизированных транспортных средств (далее – АТС). Таким образом, АТС – это продукт развития и объединения в одном автомобиле всех вышеупомянутых технологий.

В связи с этим возникает вопрос о необходимости разработки для автоматизированных транспортных средств специальных норм права? Такой вопрос в свое время ставил Френк Х. Истербрук в отношении киберпространства. Учёный выдвинул предположение, что «лучший способ узнать закон, применимый к специализированным видам деятельности – это изучить общие правила» [7].

Предполагается, что нам нужно ответить на вопрос о возможности применения к автоматизированным транспортным средствам действующего законодательства, регулирующего отношения с использованием транспортных средств, ответ на который покажет, насколько существующие нормы права способны урегулировать отношения с использованием АТС, что в итоге подтвердит или опровергнет необходимость принятия специальных норм права. Однако, прежде чем ответить на поставленный вопрос, не обойтись без рассмотрения конструктивных особенностей автоматизированных транспортных средств.

Автоматизированные транспортные средства, равно как и любой автомобиль состоит из мотора, трансмиссии, ходовой части, кузова и т. д. Вместе с тем, для АТС присуще наличие автоматизированной системы вождения (программного и техни-

ческого обеспечения), необходимой для управления транспортным средством без участия человека.

Программное обеспечение автоматизированной системы вождения (далее – АСВ) включает следующие модули: локализация, восприятие (обнаружение, сегментация, отслеживание), прогнозирование и маршрутизация, принятие решений и управление, а также операционная система.

Локализация подразумевает под собой «точное определение местоположения объекта в режиме реального времени» [1, с. 32]. Точное определения местоположения АТС происходит с начала движения и до его окончания. Локализация является низшим модулем в системе АСВ и влияет на работу модулей маршрутизации и принятия решений. При управлении транспортным средством для определения своего местоположения и построения дальнейшего маршрута человек использует в первую очередь зрение, а также системы помощи водителю: глобальную навигационную спутниковую систему (GNSS), например ГЛОНАСС или GPS. Автоматизированные транспортные средства могут использовать глобальную навигационную спутниковую систему, колёсную одометрию, лидар и HD-карты, а также визуальную одометрию. Перечисленные технологии призваны дать возможность АТС «видеть» окружающий мир. ГЛОНАСС или GPS работают по принципу, где приёмники улавливают кодированные сигналы, излучаемые спутниками, обрабатывают их и на основе полученных данных определяют своё местоположение и скорость в режиме реального времени [1, с. 32].

«Основываясь на нашем опыте, – пишет коллектив авторов под руководством В. С. Яценкова – мы можем утверждать, что большинство существующих на рынке систем GNSS с функцией поддержки нескольких спутниковых группировок обеспечивает точность определения местоположения с погрешностью 2 м. Для водителей-людей такой результат приемлем, а для беспилотного автомобиля – нет, так как транспортному средству необходимо четко знать, где проходит дорога, и видеть ее границы. Чтобы оставаться на определенной полосе, автомобилю необходимо знать, где он находится. Таким образом, требуется локализация хотя бы с дециметровой точностью» [1, с. 35].

При том, что это не единственная причина возникновения погрешностей. Существуют и другие, среди которых погрешность спутниковых часов, ошибка эфемерид, ионосферная задержка, тропосферная задержка, многолучевость. Все они обеспечивают погрешность в диапазоне от 0,3 м до 2,5 м [1, с. 32]. В то время как устранение погрешности путём построения наземных станций приёма сигнала со спутника и передача его АТС считается достаточно дорогостоящим.

Принцип работы колёсной одометрии заключается в оценке текущего местоположения путём оценки предыдущего местоположения с использованием информации о направлении и скорости движения посредством данных, поступающих с колёсных энкодеров [1, с. 55 – 56]. В ряде случаев, эта может быть единственным источником информации, например, в туннеле, когда глобальные навигационные спутниковые системы не работают.

Колёсная одометрия основана на предположении, что «обороты колеса могут быть переведены в линейное перемещение относительно поверхности. Это предположение, однако, не всегда достоверно. Одним из примеров, когда оно не является достоверным, является проскальзывание колеса: если одно колесо проскальзывает,

скажем, по разлитому маслу, то данные соответствующего энкодера о вращении не будут соответствовать линейному смещению колеса» [1, с. 58].

Локализация АТС с помощью лидара и 3D карты происходит за счёт построения текущей 3D карты с помощью лидара и сравнение её с ранее созданной 3D картой. Такой способ позволяет не только точно определить местоположение, но и знать, что будет на пути следования АТС. Подход был использован, как средство локализации. в компании Google.

Недостатком такого подхода является дорогостоящий процесс создания HD-карт. Карты должны довольно часто обновляться, например, раз в неделю, чтобы отражать текущую окружающую среду. Такие карты не способны к быстрому изменению окружающей среды и появлению на дороге случайных объектов, например, сугробов. К тому же «3D-лидары довольно дорогие, стоимость одного устройства может достигать 100 000 дол» [1, с. 50].

Наконец, визуальная одометрия (ВО) – «это метод оценки движения транспортного средства с помощью анализа входных данных с одной или нескольких камер» [1, с. 51]. Данный подход к осуществлению локализации не способен обеспечить низкого процента погрешности. К тому же «использование алгоритмов визуальной одометрии дополнительно нагружает бортовой компьютер» [1, с. 51-54].

Важным выводом из работы технологий применяемых при локализации АТС является наличие погрешности, возможность накопления погрешности. Погрешность можно снизить путём объединения разных технологий, однако исключить на текущий момент невозможно.

Наличие погрешности и невозможность её исключения играет важное значение. АТС необходимо с большой точностью определять своё местоположение. Ошибка в определении местоположения может привести, например, к остановке в неположенном месте, что спровоцирует аварию.

Модуль восприятия отвечает за способность АТС воспринимать объекты окружающей среды в режиме реального времени. Для выполнения этой задачи используются камеры, радары, лидары и специальные компьютерные алгоритмы – алгоритмы компьютерного зрения, являющиеся подобластью искусственного интеллекта [1, с. 69].

Процесс работы модуля восприятия можно разделить на три этапа, которые включают в себя обнаружение, идентификацию и отслеживание. Результат работы предыдущего этапа влияет на работу последующего. На этапе обнаружения входящее изображение разделяется на множество объектов: автомобили, пешеходы, велосипедисты, статичные объекты на дороге (деревья, фонарные столбы и т.д.), сигналы светофора и т.д. Затем, каждый из объектов идентифицируется, что влияет на необходимость его дальнейшего отслеживания.

В последующем в действие вступают алгоритмы отслеживания, которые «позволяют оценивать состояние объектов, например их местоположение, скорость и ускорение с течением времени» [1, с. 79]. Отслеживание осуществляется для поддержания безопасности движения, к примеру, с целью сохранения необходимого расстояния от других транспортных средств.

Процесс работы модуля восприятия должен удовлетворять двум критериям. С одной стороны, скорости, а с другой, точности восприятия объектов [2, с. 42].

Скорость восприятия, в свою очередь, должна удовлетворять скорости движения АТС и сложности окружающей обстановки. Иными словами, чем выше скорость АТС, тем больше кадров появляется в секунду. В этой связи, усложнение окружающей обстановки, приводит к необходимости идентификации и отслеживанию большего количества объектов.

На сегодняшний день для работы модуля восприятия используются нейронные сети [1, с. 85-101]. Нейронные сети – это класс алгоритмов, состоящих из одного или нескольких весовых коэффициентов, на которые можно умножить входные данные и получить прогноз [4, с. 43]. «Прогноз, или предсказание – это то, что возвращает нейронная сеть после получения входных данных. Прогноз выражается в процентах. Поэтому прогноз может оказаться ошибочным». [4, с. 44]. Указанное означает, что АТС с вероятностью в 90% может идентифицировать цвет светофора, полученный с камеры, как зеленый, начать движение, совершив при этом ошибку.

Нейронные сети – это алгоритмы, которые выполняют определенную функцию, такие как «обнаружение и идентификация строгого перечня образов. Соответственно, нейронная сеть не сможет обнаружить образ, не заложенный в её алгоритм» [5, с. 38-84]. Например, нейронная сеть обучена отличать изображения дорожных знаков «главная дорога» и «уступи дорогу», но если загрузить изображение знака «пешеходный переход», сетью ранее не воспринятый, то нейронная сеть выдаст прогноз, что представленное изображение является знаком дорожного движения «главная дорога» или «уступи дорогу», являющееся по своей сути ошибкой.

В качестве проверки и оценки работы нейронных сетей можно создать рабочую нейросеть на сайте Teachable Machine [14]. Обучить её на наборе данных, отслеживать, какова доля правильного определения изображения, и в последующем оценивать способность нейронных сетей распознавать объект, к распознаванию которого она не обучена.

Для восприятия объектов применяются R-CNN, Fast R-CNN, R-FCN, YOLO, Single-Shot Detector (SSD) и многие другие нейронные сети. Исходя из представленных результатов работы некоторых нейросетей [13] можно предположить, что сейчас вероятность правильного распознавания объектов для целей АТС составляет около 80-90%. Исходя из этого можно сделать вывод, что при работе модуля восприятия существует вероятность невозможности обнаружения нового объекта окружающего мира и объективная возможность ошибки при идентификации объекта. Это имеет значение, как для работы самого модуля восприятия, поскольку результат работы предыдущего этапа влияет на работу последующего, так и для работы АТС в целом. Модуль восприятия также является низшим модулем в системе АСВ и влияет на работу модулей прогнозирования, маршрутизации и принятия решений.

Следующим модулем является модуль прогнозирования движения, который еще просто называют модуль прогнозирования. «Входные данные этого модуля представляют собой информацию о воспринимаемых объектах вместе с их «объективными» атрибутами, такими как положение, скорость и класс (например, транспортное средство, велосипедист или пешеход). Затем модуль прогнозирования вычисляет траектории каждого объекта и передает эту информацию модулю принятия поведенческих решений» [1, с. 104].

Результатом работы модуля прогнозирования является прогнозируемая траектория. Прогнозируемая траектория содержит временной и пространственный показатель, означающий, что АТС высчитывает в какой временной точке будет находиться объект. В этой связи важно обнаружить и идентифицировать объекты на этапе восприятия. Корректность работы модуля прогнозирования напрямую зависит от эффективности работы модуля восприятия. Велосипедисты более склонны к изменению скорости движения, что делает прогнозируемую траекторию их движения более изменчивой, по сравнению с прогнозируемой траекторией тех же пешеходов.

Как поясняет авторы пособия под редакцией В.С. Яценкова, «модуль маршрутизации отвечает за маршрутизацию на уровне полос движения, основанную на сегментации полос на HD-картах. Данный модуль указывает беспилотному автомобилю путь до пункта назначения в виде последовательности полос на HD-карте. Выходные данные этого модуля отправляются в последующие модули планирования и управления» [1, с. 102]. Получается, что эффективность работы модуля маршрутизации напрямую зависит от детальности HD-карт.

При построении алгоритмов работы данных модулей также могут применяться различные технологии. Например, для построения работы модуля маршрутизации могут использоваться нейросети или взвешенный ориентированный граф [1, с. 102 – 117]. Для построения маршрута при взвешенном ориентированном графе начальная и конечная точка связываются друг с другом и создают цепочку действий, где каждое действие имеет свой вес [6, с. 5-13]. АТС будет двигаться по маршруту с наименьшим весом.

В таком случае необходимо обратить особое внимание на такие существенные различия в построении маршрута при помощи взвешенного ориентированного графа и нейросетей, основные характеристики работы которых описаны выше. При построении работы по принципу взвешенного ориентированного графа АТС может не сдвинуться с места, если веса маршрутов одинаковые.

Выходные данные, полученные при работе модулей прогнозирования и маршрутизации, используются в модуле принятия поведенческих решений. «На основе полученных входных данных модуль принятия поведенческих решений генерирует команды, которые определяют дальнейшее управление транспортным средством» [1, с. 105]. Модуль принятия поведенческих решений не может влиять на работу низших модулей, поэтому принятое решение напрямую зависит от эффективности работы низших модулей.

Последним модулем является модуль управления, основная задача которого, «состоит в том, чтобы с учетом точек запланированной траектории вычислять фактические электрические сигналы для приведения в действие тормозов, рулевого колеса и газа. Основным требованием к таким вычислениям является соответствие фактической траектории транспортного средства и запланированной траектории. При этом система должна принимать во внимание физические модели транспортного средства и дороги» [1, с. 107].

Для работы и обмена данными между модулями используется операционная система и бортовой компьютер. Основные задачи операционной системы – это стабильная и безопасная работа АТС, при том, что первое из указанного, достигается путём эффективного распределения вычислительных ресурсов бортового компьютера между модулями, а также обеспечения быстрого обмена информацией между

модулями, в то время как второе путём защиты информации, передаваемой между модулями от стороннего вмешательства и возможности сохранения работоспособности при отказе в работе операционной системы или модулей.

Главным критерием для работы бортового компьютера является высокая вычислительная мощность. Стоимость бортового компьютера может достигать 20-30 тыс. долл. [1, с. 29].

Как было указано выше, автоматическая система вождения состоит из аппаратной и технической части, поэтому обратиться стоит и к техническому устройству автоматизированных транспортных средств. В литературе отмечается, что принцип работы автоматизированных транспортных средств заключается в постоянном сканировании окружающей среды [3, с. 5]. Для этого АТС может быть оснащён видеокамерами, радарами, лидаром инфракрасным датчиком [2, с. 30-31], и датчиком положения в пространстве [3, с. 5].

Радар, лидар и инфракрасный датчик применяются для измерения скорости, определения расстояния до объекта окружающей среды и, как следствие, его положения относительно АТС. Каждый из датчиков может участвовать в работе нескольких модулей, например, лидар может участвовать в работе модулей локализации, восприятия и прогнозирования.

При работе радара датчик посылает радиоволну, волна отражается и датчик принимает волну обратно. В зависимости от времени возвращения волны рассчитывается расстояние до объекта. Работа радара не связана с погодными условиями. При этом основным недостатком радаров является то, что волна может отразиться только от достаточно больших объектов. Поэтому вблизи используют ультразвуковые датчики [2, с. 33-34]. Стоимость оснащения АТС радарами может доходить до 1 тыс. долл. [1, с. 225].

В основе работы лидара лежит необходимость направления луча датчика [2, с. 33]. Скорость движения света выше скорости движения волны, поэтому лидар способен чаще обновлять информацию об окружающей среде. В тоже время, основными недостатками лидара является необходимость направления луча в объект с высокими отражающими свойствами, к примеру, в номерной знак автомобиля [2, с. 33]. Более того, «они не могут обеспечить точные измерения при неблагоприятных подобных условиях, таких как сильный дождь или туман» [1, с. 224]. И кроме того, как уже отмечалось ранее, лидары достаточно дорогостоящие.

Необходимо обратить внимание, что радар и лидар обладают погрешностью в измерении [2, с. 32]. Как было выявлено ранее, имеется погрешность и при работе модуля локализации. Стоит заострить внимание и на расстоянии действия датчиков. Лидар способен работать на расстоянии до 150 метров, радар на расстоянии от 2 до 150 метров [1, с. 224-225], инфракрасный датчик до 3 метров, иначе датчик будет постоянно улавливать помехи [2, с. 34].

В работе камер также есть два существенных недостатка. «Во-первых, они подвержены воздействию погодных условий, а во-вторых, большое количество камер предполагает высокие вычислительные затраты» [1, с. 224]. Высокие вычислительные затраты непозволительная роскошь на современном этапе развития АТС.

На основании всех изложенных конструктивных особенностей автоматизированных транспортных средств можно сделать выводы, имеющие ключевое значение

для принятия специальных норм права, регулирующих отношения с использованием АТС.

1. В работе автоматической системы вождения применяется программное обеспечение. Изменение программного обеспечения может происходить дистанционно, например, при обновлении. Так, компания Tesla выпустила обновление и добавила в программное обеспечение новые нейронные сети [Большое бета-обновление …].
2. Технологии, применяемые при функционировании модулей автоматизированных транспортных средств, имеют погрешности в связи с чем не могут обеспечить безопасное функционирование автоматизированных транспортных средств.
3. Датчики, применяемые при функционировании модулей автоматизированных транспортных средств, имеют ограничения по дальности эксплуатации, погодным условиям и объектам обнаружения. Безусловно, некоторые датчики могут осуществлять функции других датчиков в случае поломки, но такое не всегда возможно и влечёт дополнительные затраты на оборудование АТС.
4. Некоторые из технологий, используемых в АТС, являются слишком дорогостоящими. В качестве примера, в автоматизированных транспортных средствах от компании Tesla не применяется лидар [2, с. 130 – 134]. При этом компания Tesla предпринимала попытку отказаться от использования радаров в своих АТС [10] , но в дальнейшем отказалась от этого [11] . Объективные причины невозможности стандартного функционирования датчиков в определенных погодных условиях и невозможность получить информацию об окружающей среде от других датчиков – прямая угроза безопасному функционированию АТС.
5. Модули, в основе которых лежит работа нейронных сетей, могут допустить ошибку и получить результат, неверно отражающий окружающую среду, что потенциально может критически повлиять на работу вышерасположенных модулей и приведет к невозможности безопасного функционирование АТС.

Приведенные выше выводы актуальны для всех уровней автоматизации. Однако, чем выше уровень автоматизации, тем меньше погрешность и выше точность работы технологий АТС. Рассматривая вопрос конструктивных особенностей АТС, нельзя не упомянуть Стэнфордский отчёт. В Стэнфордском отчёте 2016 г. рассматривается ситуация полуавтономных автомобилей (3 уровень автоматизации), в которых водитель может взять управление в чрезвычайной ситуации. Было сделано предположение, что развитие полуавтономных автомобилей приведёт к снижению внимания со стороны водителя за дорожным движением. Однако, в отчёте сказано, что такого не произойдёт т.к. до 2020 г. алгоритмы будут развиваться и достигнут 4 или 5 уровня автоматизации [8, с. 20]. В Стэнфордском отчёте 2021 г. проводится анализ положений предыдущего отчёта. По поводу относительно быстрого развития АТС был сделан вывод о слишком оптимистичном прогнозе. Люди до сих пор берут управление в чрезвычайных ситуациях, при поворотах налево в пробках. Неблагоприятна погода, например, дождь и сбои в работе датчиков и ПО также препятствует работе АСВ, и водитель вынужден брать управление на себя [9, с.80].

Положения этих отчётов имеют крайне важное значение. Анализ прогноза 2016 г. показывает, что научному сообществу стоит решать проблемы, которые создают текущие технологии. Быстрого развития АТС и, как следствие, решения правовых проблем при помощи совершенствования технологии в ближайшем будущем не

предвидится, поэтому важно изучать текущий уровень развития и возможности технологий АТС.

Возвращаясь к ключевому вопросу, поставленному нами вначале, о возможности применения к отношениям с использованием автоматизированных транспортных средств общих положений законодательства, с учётом тех выводов о конструктивных особенностях АТС, можно привести ряд ситуаций, при которых применение существующих общих положений законодательства невозможно.

Первое, по аналогии с транспортными средствами к автоматизированным транспортным средствам должны быть применены нормы о деликтной ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности. Однако их применение порождает ряд сложней, описанных на ситуативных примерах.

Ситуация № 1. Предположим, что в результате обновления программного обеспечения автоматической системы вождения поведение АТС стало менее безопасным, например, за счёт увеличения погрешности при работе модуля локализации, восприятия или увеличения числа ошибок при работе нейросетей в модуле восприятия и маршрутизации. Должен ли владелец АТС нести ответственность за вред, причинённый действиями АТС? Если да, то возникает другой вопрос, а имеет ли он права регрессного требования к производителю?

Ситуация № 2. Предположим, что АТС работает в обычном режиме и в результате этого причиняется вред, например, по причине того, что модуль восприятия слишком поздно обнаружил объект окружающего мира и не успел затормозить. На первый план выходят те же самые вопросы. Второе, ответственность за вред, причинённый автоматизированным транспортным средством, может быть застрахована по аналогии со страхованием гражданской ответственности владельца транспортного средства.

Ситуация № 3. Фабула схожа с ситуацией № 1. Будет ли страховое возмещение, если в результате обновления программного обеспечения поведение АТС стало менее безопасным? Если да, будут ли страховые компании иметь право регрессного требования и если ответ положительный, то к кому?

Ситуация № 4. Предположим АТС не оборудовано всеми возможными датчиками, в связи с этим объективно появляются ограничения на эксплуатацию в определенных погодных условиях (туман, дождь, снегопад), в зависимости от недостатков датчиков, которые перечислены ранее. В результате такого использования АТС причинен вред. Вновь возникают вышеуказанные вопросы.

Представленные ситуации могут быть разрешены в рамках существующих конструкций, однако, становится понятно, что в силу особой специфики, требуются специальные нормы для их разрешения.

Необходимость специальных норм, на наш взгляд, обусловлено качественным отличием автоматизированных транспортных средств от транспортных средств. Степень контроля человека за использованием транспортного средства ограничена и заключается лишь в возможности взять управление на себя.

Таким образом, нами были рассмотрены конструктивные особенности работы программного и технического обеспечения автоматизированных транспортных средств, на основе которых сделаны выводы, имеющие ключевое значение для принятия специальных норм права, регулирующих отношения с использованием АТС. Данные выводы заключаются в возможность обновления программного обеспече-

ния АТС, в наличие погрешности в работе датчиков и как следствие модулей АТС, в ограничении по дальности работы и погодным условиям датчиков, в существенно высокой цене отдельных датчиков, в возможности допустить ошибку при работе в модулях восприятия и маршрутизации в силу использования нейронных сетей.

На основе представленных выводов сформулированы две ситуации подчёркивающие невозможность применения существующих положений об ответственности за вред причинённый источником повышенной опасности и две ситуации показывающие невозможности применения действующих положений о страховании ответственности за вред, причинённый транспортным средством.

Список литературы:

1.Шаошань Лю, Лиюнь Ли, Цзе Тан, Шуаш Ву, Жан-Люк Годье. Разработка беспилотных транспортных средств / науч. ред. В. С. Яценков; пер. с анг. П. М. Бомбаковой. – М.: ДМК Пресс, 2022. – 246 с.
2.Пегин П. А., Капский Д.В., Касьяник В.В., Шуть В.Н. Современные тенденции развития бортовых интеллектуальных транспортных систем: монография; СПбГАСУ. – СПб., 2019. – 198 с.
3.Пиликина Е. А., Белоус К.В., Архарова М.В. Применение и сравнение автопилотов, применяемых на различных технических средствах // StudNet. – 2020. – Т. 3, № 10. – С. 79.
4.Траск Эндрю. Грокаем глубокое обучение. — СПб.: Питер, 2019. — 352 с.
5.Шолле Франсуа. Глубокое обучение на R. — СПб.: Питер, 2018. — 400 с.
6.Алексеев В.Е., Таланов В.А Графы. Модели вычислений. Структуры данных: учебник; Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004. – 294 с.
7.Frank H. Easterbrook. Cyberspace and the Law of the Horse // University of Chicago Legal Forum, 1996. P. 207 – 216.
8.Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015-2016 Study Panel / Peter Stone, Rodney Brooks, Erik Brynjolfsson [et al.]; Stanford University. Stanford, CA, 2016. URL: http://ai100.stanford.edu/2016-report (Accessed: 26.01.2024).
9.Gathering Strength, Gathering Storms: The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence (AI100) 2021 Study Panel Report / Michael L. Littman, Ifeoma Ajunwa, Guy Berger [et al.]; Stanford University. Stanford, CA, 2021. URL: http://ai100.stanford.edu/2021-report (Accessed: 26.01.2024).
10. Tesla отказалась от радара для автопилота. URL.: https://nplus1.ru/news/2021/05/26/tesla-camera-only (дата обращения: 16.12.2023).
11. Tesla возвращает радар. URL.: https://autoboom.co.il/ru/magazine/tesla-returns-the-radar (дата обращения: 27.11.2023).
12. Большое бета-обновление автопилота Tesla стало доступно пользователям: объединение баз для города и шоссе. URL.: https://www.ixbt.com/news/2023/03/20/bolshoe-obnovlenie-avtopilota-tesla-stalo-dostupno-polzovateljam.html (дата обращения: 12.12.2023).
13. Распознавание образов с помощью искусственного интеллекта. URL: https://habr.com/ru/post/709432/ (дата обращения: 04.12.2023).
14. Teachable Machine [Электронный ресурс] / URL: https://teachablemachine.withgoogle.com/ (дата обращения: 02.11.2023).

Silin S.V. Special legal regulation of automated vehicles: a necessity or an excessive burden // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 184–193.

The article considers the need to develop a special legal regulation through the prism of the device of automated vehicles. It raises the question of the expediency of introducing new norms regulating automated vehicles in relation to the current regulation of relations with the use of vehicles. With this purpose in the work the modules of the automated vehicles are investigated, the constructive features in the work of the modules of the automated driving means are revealed. On the basis of constructive peculiarities four situations demonstrating insufficiency of the existing legal regulation are formulated.

Keywords: automated vehicle, automated driving system, automated driving system modules, neural networks, sensors, on-board computer.

Spisok literatury:

1.Shaoshan` Lyu, Liyun` Li, Czze Tan, Shuash Vu, Zhan-Lyuk God`e. Razrabotka bespilotny`x trans-portny`x sredstv / nauch. red. V. S. Yacenkov; per. s ang. P. M. Bombakovoj. – M.: DMK Press, 2022. – 246 s.
2.Pegin P. A., Kapskij D.V., Kas`yanik V.V., Shut` V.N. Sovremenny`e tendencii razvitiya bortovy`x intellektual`ny`x transportny`x sistem: monografiya; SPbGASU. – SPb., 2019. – 198 s.
3.Pilikina E. A., Belous K.V., Arxarova M.V. Primenenie i sravnenie avtopilotov, primenyaemy`x na razlichny`x texnicheskix sredstvax // StudNet. – 2020. – T. 3, № 10. – S. 79.

4.Trask E`ndryu. Grokaem glubokoe obuchenie. — SPb.: Piter, 2019. — 352 s.
5.Sholle Fransua. Glubokoe obuchenie na R. — SPb.: Piter, 2018. — 400 s.
6.Alekseev V.E., Talanov V.A Grafy`. Modeli vy`chislenij. Struktury` danny`x: uchebnik; Nizhnij Novgorod: Izdatel`stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2004. – 294 s.
7.Frank H. Easterbrook. Cyberspace and the Law of the Horse // University of Chicago Legal Forum, 1996. P. 207 – 216.
8.Artificial Intelligence and Life in 2030. One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015-2016 Study Panel / Peter Stone, Rodney Brooks, Erik Brynjolfsson [et al.]; Stanford University. Stanford, CA, 2016. URL: http://ai100.stanford.edu/2016-report (Accessed: 26.01.2024).
9.Gathering Strength, Gathering Storms: The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence (AI100) 2021 Study Panel Report / Michael L. Littman, Ifeoma Ajunwa, Guy Berger [et al.]; Stanford University. Stanford, CA, 2021. URL: http://ai100.stanford.edu/2021-report (Accessed: 26.01.2024).
10. Tesla otkazalas` ot radara dlya avtopilota. URL.: https://nplus1.ru/news/2021/05/26/tesla-camera-only (data obrashheniya: 16.12.2023).
11. Tesla vozvrashhaet radar. URL.: https://autoboom.co.il/ru/magazine/tesla-returns-the-radar (data obrashheniya: 27.11.2023).
12. Bol`shoe beta-obnovlenie avtopilota Tesla stalo dostupno pol`zovatelyam: ob``edinenie baz dlya goroda i shosse. URL.: https://www.ixbt.com/news/2023/03/20/bolshoe-obnovlenie-avtopilota-tesla-stalo-dostupno-polzovateljam.html (data obrashheniya: 12.12.2023).
13. Raspoznavanie obrazov s pomoshh`yu iskusstvennogo intellekta. URL: https://habr.com/ru/post/709432/ (data obrashheniya: 04.12.2023).
14. Teachable Machine [Электронный ресурс] / URL: https://teachablemachine.withgoogle.com/ (дата обращения: 02.11.2023).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 194–200.

УДК 342.72/.73

ПРАВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Шкилева Н. Л.

Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова

Применение системного подхода позволило выявить специфические черты, которые присущи правам детей, оставшихся без попечения. Исследованы доктринальные классификации прав детей, установлено, что они преимущественно адаптированы к классификации прав человека. Обосновано, что права детей, оставшихся без попечения, характеризуются такими особенностями, как опосредованностью, в частности распространением в сфере, в которой указанная категория детей реализуется как социальная группа, наполнением большинства прав социальным содержанием, что указывает на их особое положение в системе прав человека, и необходимость создания особых условий для их реализации и защиты. Выделены группы прав, направленные на обеспечение таких детей семейным воспитанием, надлежащий жизненный уровень и содержание, полноценное развитие личности, защиту ребенка.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения, права детей, гарантии прав, система прав человека.

В главе 2 Конституции РФ закреплены конституционные права и свободы – наиболее важные права и свободы человека и гражданина, получившие высшую юридическую защиту. Конституционное законодательство не содержит специальных положений, посвященных правам детей, оставшихся без попечения, гарантируя равенство прав и свобод человека и гражданина (ст. 9 Конституции РФ) [1]. По общему правилу права детей принято рассматривать в контексте основных прав человека, учитывая зависимость объема таких прав их от возраста. Указанное не способствует формированию эффективного механизма обеспечения реализации и защиты прав детей.

Для обеспечения в государстве правовой защиты и признания прав детей, в том числе оставшихся без родительского попечения, самостоятельности их правового статуса Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ закреплено положение согласно которому «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России», а в отношении детей, оставшихся без попечения, обеспечивается приоритет семейного воспитания [2]. В развитие новых конституционных положений законодательно закрепляются дополнительные гарантии прав детей, оставшихся без попечения, тем самым расширяя их возможности. Установленные конституционные ориентиры требуют определения места прав детей, оставшихся без попечения, в системе конституционных прав человека, учитывая их сущностные и видовые особенности, что имеет важное значение для формирования эффективного механизма обеспечения их реализации и защиты.

Необходимо отметить, что проблемы прав детей, оставшихся без попечения, в последнее время привлекают все большее внимание ученых. Традиционными являются вопросы научных интерпретаций понятия и построения классификаций таких прав. Это обусловлено тем, что сам перечень прав детей на сегодня не является однозначно установленным ни в содержании Основного закона

государства, ни в трудах отечественных ученых. Как следствие, сущность исследуемого понятия толкуется авторами в зависимости от того, каким образом они классифицируют права детей и какие критерии лежат в основе такой классификации.

В целом, не обращаясь непосредственно к полемике формулирования понятия прав детей, необходимо отметить существующую в доктрине проблему исследования сущности прав детей. Исследуя вопросы конституционных основ правового положения несовершеннолетних, Н. Е. Борисова предлагает выделять две группы прав. Первую группу составляют личные права несовершеннолетних, к которым относятся: право на жизнь и здоровье; свободу; охрану чести и достоинства личности; частной жизни; тайну переписки; свободу передвижения; свободу совести и вероисповедания; мысли, слова, информации и другие. Вторая группа охватывает социально-экономические права несовершеннолетних: право на образование, на охрану здоровья, на жилище, на социальное обеспечение [3, с. 33-36]. По мнению Л. С. Казаковой, права несовершеннолетних следует классифицировать: на личные, социально-экономические, культурные, политические, а также имущественные, неимущественные, международные и внутригосударственные [4, с. 12]. Абрамов В. И. рассматривает права ребенка, используя сложившиеся в отечественной юридической науке основания для классификации: по конституционному закреплению – абсолютные и относительные; по сферам деятельности личности – гражданские (личные), политические, социальные и экономические, культурные; по времени возникновения – права 1, 2 и 3 поколения [5, с. 24].

Наряду с этим категория «права детей» некоторыми учеными конкретизируется, поскольку они имеют четко выраженные особенности и ограничения их осуществления [6, с. 6]. В качестве критерия классификации прав детей выделяют возраст ребенка, в зависимости от которого разграничивают общие права ребенка, младенца, малолетнего, подростка, несовершеннолетнего [7, с. 25].

В то же время, проведенный анализ доктринальных классификаций прав детей дает основание утверждать, что преимущественно они адаптированы к классификации прав человека. Дети, оставшиеся без попечения, с правовой точки зрения являются самостоятельными субъектами права, соответственно, на них распространяется комплекс прав человека и гражданина. Однако определение правового статуса таких детей в связи с правовым статусом личности, содержанием основных прав и свобод человека, является нецелесообразным, поскольку это не способствует оптимизации механизма реализации и защиты их прав. Указанные лица имеют более широкие возможности удовлетворения интересов, которые проявляются в предоставлении им дополнительных, особых прав (преимуществ).

Прежде всего, государство закрепляет право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, а также берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (п. 4 ст. 67.1 Конституции РФ) [1]. Для осуществления данного права ребенком, утратившим родительское попечение, семейным законодательством установлены различные формы семейного устройства (усыновление (удочерение) детей, передаче ребенка (детей) на воспитание в семью, в том числе по договору об осуществлении опеки или попечительства, договору о приемной семье, договору о патронатной семье (ст. 123, п. 6 ст. 145 СК РФ) [8].

Также необходимо обратить внимание на существование такой формы временного устройства детей в семейную среду, как ресурсная приемная семья. Особенностью таких семей является то, что опекун (попечитель) или приемная семья принимают ребенка (детей) временно на воспитание в свою семью на период разрешения кризисной ситуации в кровной семье либо поиска постоянной приемной семьи. При этом принимается любой ребенок, а не по выбору потенциальных замещающих родителей, как это происходит при традиционном семейном устройстве. Такая форма временного устройства детей применяется преимущественно в зарубежных странах. В Российской Федерации данный институт используется в ряде субъектов РФ, в частности, в Московской области.

Право ребенка жить и воспитываться в семье является системообразующим правом и позволяет выделить следующие права детей, оставшихся без попечения, которые находят свое развитие в положениях семейного законодательства: право на общение с родителями и родственниками (п. 2 ст. 54, 55 СК РФ); право выражать свое мнение по вопросам устройства в семью (п. 1 ст. 132, п. 4 ст. 145 СК РФ). При этом мнение ребенка может быть учтено при выборе кандидатуры опекуна (попечителя), согласие ребенка подразумевает позитивный ответ на решение об усыновлении, назначении опекуна.

Особое место среди прав детей, оставшихся без попечения, занимает право на имущество. Согласно ст. 35 Конституции РФ каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им [1]. Относительно прав детей на имущество необходимо отметить, что СК РФ в ст. 60 использует термин «имущественные права», при этом законодателем не приводится легальное определение данного права, а из содержания указанной нормы можно сделать вывод, что под имущественными правами ребенка понимается комплекс прав, включающий права, обеспечивающие надлежащий жизненный уровень и содержание, права на имущество, в том числе право собственности и право распоряжения собственностью. В случае передачи детей под опеку (попечительство) или под надзор в организации для детей-сирот, они имеют право: на получение алиментов, пенсий, пособий и других социальных выплат; право на содержание; право на получение жилого помещения (п. 1 ст. 148, п. 1 ст. 155.3 СК РФ). Ребенок может признаваться собственником имущества, включая денежные средства (алименты), недвижимость (жилое помещение), в том числе, которое было приобретено до утраты родительского попечения. Законодательством предусмотрено право на сохранение за детьми права пользования жилым помещением. При этом права на получение содержания, а также на получение жилого помещения нецелесообразно рассматривать как права на имущество.

Статья 40 Конституции РФ закрепляет право на жилище. Потребность в жилье является одной из главных, без удовлетворения которой невозможно нормальное существование и функционирование общества. Соответственно правом на жилище наделяются все граждане, в том числе и такая категория лиц, как дети, оставшиеся без попечения. Государство обеспечивает предоставление жилого помещения бесплатно социально незащищенным категориям населения, к которым относятся дети, оставшиеся без попечения. Им предоставляется жилое помещение на основании договора найма специализированного жилого помещений в случае если они не имели благоустроенного жилья или вселение в ранее имеющееся жилое

помещение невозможно (ч. 4 п. 1 ст. 148, ч. 3 п. 2 ст. 155.3 СК РФ). Принципиальным моментом является обязанность государственных органов после окончания срока договора найма специализированного жилого помещения заключить договор социального найма в отношении этого же помещения. Также необходимо отметить, что дети, оставшиеся без попечения, наделяются правом приобретения жилых помещения, предоставленных им по договору социального найма в собственность.

Дети, оставшиеся без попечения, имеют право на тот уровень жизни, который необходим им для нормального физического, психического и нравственного развития. Действующим законодательством предусмотрены различные виды социального обеспечения таких детей, включая периодические выплаты социально-алиментного характера (ст. 39 Конституции РФ, ст. 155.3 СК РФ).

В соответствии со ст. 43 Конституции РФ каждый имеет право на образование. Детям, оставшимся без попечения, обеспечиваются максимальные возможности реализации права на образование в части его доступности и бесплатности. Так, в результате реформирования системы организаций для детей-сирот, их функционала получило закрепление требование, устанавливающее, что дети, находящиеся в организациях для детей-сирот, получают образование в близлежащих дошкольных образовательных организациях и образовательных организациях [9]. Получение образования в самих организациях для детей-сирот допускается в исключительных случаях для обучающихся определенных категорий (с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов). Помимо этого детям, оставшимся без попечения, предоставляются гарантии приема в общеобразовательные организации, в том числе преимущественное право приема в общеобразовательные организации, установлен запрет отчисления детей, оставшихся без попечения, без согласия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и органа опеки и попечительства [10].

Конституция РФ закрепляет право на труд, которое включает возможности выбирать род деятельности и профессию (ст. 37). Несмотря на то, что указанное право является общим для всех лиц, для детей, нуждающихся в повышенной социальной защите, реализация данного права имеет свои особенности. Государство содействует профессиональной и трудовой подготовке таких детей, их трудоустройству, обеспечивает комплекс мер по поддержке неработающих детей, а также детей, увольняемых из организаций.

В Российской Федерации каждому гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ). Государство создает условия для оказания высокотехнологичной медицинской помощи, проведения диспансеризации, оздоровления, регулярных медицинских осмотров детей, оставшихся без попечения, и направляет их на лечение за пределы территории РФ.

Государство гарантирует каждому лицу оказание квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). Юридическая помощь включена в перечень социальных услуг и оказывается детям, оставшимся без попечения, бесплатно. Кроме того, необходимо учитывать, что Российская Федерация не только признает права и свободы человека высшей ценностью, но и гарантирует их государственную и судебную защиту (ст. 45, 46 Конституции РФ) [9]. Каждому лицу предоставлено право защиты своих прав всеми способами, не

запрещенными законом (п. 2 ст. 45 Конституции РФ) [1]. Традиционно выделяют две формы защиты прав – юрисдикционную и неюрисдикционную. Деление на юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты зависит от субъектов, которые наделены определенными полномочиями на осуществление защиты прав. К юрисдикционной форме защиты относят деятельность суда, органов опеки и попечительства, прокурора и т.д. К неюрисдикционной – относят действия лиц по защите прав, которые совершаются ими самостоятельно. Некоторые авторы защиту прав детей разделяют на три вида: судебную защиту, юрисдикционную защиту, самозащиту [11].

Основное место среди органов юрисдикционной защиты занимают суды. Преимущество судебной защиты прав ребенка ни раз подчеркивалось исследователями. Семейное законодательство также исходит из возможности судебной защиты прав членов семьи (п. 1 ст. 1 СК РФ). Право на обращение в суд за защитой прав и законных интересов ребенка осуществляется посредством родителей (лиц, их заменяющих), органов опеки и попечительства, прокурора и иных органов и организаций, которым законом предоставлено право обращаться в суд в интересах ребенка (п. 1 ст. 56, ст. 70 СК РФ) [8]. Дети, оставшиеся без попечения, имею право обратиться самостоятельно в орган опеки и попечительства в случае злоупотреблений со стороны опекуна (попечителя), а если несовершеннолетнему исполнилось 14 лет, то обратиться в суд (п. 2 ст. 56, п. 1 ст. 148 СК РФ) [8]. Ребенок, который был усыновлен, имеет право требовать отмены усыновления в судебном порядке по основаниям, установленным законом, по достижению им возраста 14 лет (ст. 142 СК РФ). По своей сути предоставление указанных прав рассматривается учеными как предоставление ребенку права на самозащиту от неправомерных действий указанных лиц [11]. Нормы семейного законодательства не содержат определения такой формы защиты, как самозащита, и не регулируют ее использование в сфере семейных отношений. Несмотря на это, возможность самозащиты ребенка предоставлено его родителям (лицам, их заменяющим), которые могут совершать определенные действия, направленные на его защиту.

Подводя итоги изложенному, права детей, оставшихся без попечения, целесообразно рассматривать как закрепленные в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах возможности, направленные на обеспечение таких детей семейным воспитанием, их социальное, духовное и физическое развитие, а именно: 1) права, обеспечивающие проживание ребенка в семье и семейное воспитание (право жить и воспитываться в семье; право на общение с родителями и родственниками; право выражать свое мнение по вопросам устройства в семью); 2) права ребенка на имущество и права, обеспечивающие надлежащий жизненный уровень и содержание (право на имущество; право на жилище; право на социальное обеспечение; право на содержание); 3) права, обеспечивающие полноценное развитие личности (право на образование; право на труд; право на охрану здоровья и медицинскую помощь); 5) права, обеспечивающие защиту ребенка (право на оказание бесплатной юридической помощи; право на защиту). Органичность единства таких прав обуславливается нацеленностью на улучшение положения детей, оставшихся без попечения, удовлетворение их интересов в наиболее благоприятном режиме.

В целом анализ прав детей, оставшихся без попечения, свидетельствует о распространении на них принципа равенства, заложенного Основным Законом, в силу их неотчуждаемости и принадлежности от рождения, а также гарантированности их соблюдения и защиты, что характерно для конституционных прав и свобод человека. В то же время права детей, оставшихся без попечения, характеризуются такими особенностями, как опосредованностью, в частности распространением в сфере, в которой указанная категория детей реализуется как социальная группа, наполнением большинства прав социальным содержанием, что указывает на их особое положение в системе прав и свобод человека, и необходимость создания особых условий для их реализации и защиты.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [Электронный ресурс]: [с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. No 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ]. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Борисова Н.Е. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации (проблемы теории и практики): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. – 48 с.
4. Казакова Л.С. Конституционные права несовершеннолетних и особенности их реализации в деятельности органов местного самоуправления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. – 23 с.
5. Абрамов В.И. Права ребенка России (теоретический аспект) / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 2005. – 312 с.
6. Михалева Г.Г. Способы обеспечения и защиты прав несовершеннолетних: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2019. – 23 с.
7. Бутько О.В. Классификация и гарантии прав ребенка в Российской Федерации // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Материалы международной научно-практической конференции 23-26 мая 2002 г. Краснодар, 2002. – С. 24-27.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
9. О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей: постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 22. Ст. 2887.
10. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
11. Игнатьева С.В. Самозащита как самостоятельный способ защиты гражданских прав несовершеннолетних // Актуальные проблемы частного и публичного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации Игнатьевой Светланы Викторовны). Санкт-Петербург, 6 апреля 2018 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД Росии. 2018. С. 42-48.

Shkileva N.L. The rights of children left without care: the concept and place in the system of constitutional human rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 194-200.

The application of a systematic approach made it possible to identify specific features that are inherent in the rights of children left without care. The doctrinal classifications of children's rights have been studied, and it has been established that they are mainly adapted to the classification of human rights. It is substantiated that the rights of children left without care are characterized by such features as mediation, in particular, dissemination in the sphere in which this category of children is realized as a social group, filling most of the rights with social content, which indicates their special position in the human rights system, and the need to create special conditions for their implementation and protection. Groups of rights aimed at providing such children

with family education, an adequate standard of living and maintenance, full-fledged personal development, and child protection are highlighted.

Keywords: children left without care, children's rights, guarantees of rights, human rights system.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dek. 1993 g. [Elektronnyj resurs]: [s uchetom popravok, vnesennyh zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30 dek. 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dek. 2008 g. No 7-FKZ, ot 5 fevr. 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ, ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ]. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/
2. O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti: Zakon RF o popravke k Konstitucii RF ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 11. St. 1416.
3. Borisova N.E. Konstitucionnye osnovy pravovogo polozheniya nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii (problemy teorii i praktiki): avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2004. – 48 s.
4. Kazakova L.S. Konstitucionnye prava nesovershennoletnih i osobennosti ih realizacii v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2012. – 23 s.
5. Abramov V.I. Prava rebenka Rossii (teoreticheskij aspekt) / pod red. N.I. Matuzova. Saratov, 2005. – 312 s.
6. Mihaleva G.G. Sposoby obespecheniya i zashchity prav nesovershennoletnih: konstitucionno-pravovoj aspekt: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Belgorod, 2019. – 23 s.
7. But'ko O.V. Klassifikaciya i garantii prav rebenka v Rossijskoj Federacii // Problemy zashchity prav i zakonnyh interesov grazhdan i organizacij. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 23-26 maya 2002 g. Krasnodar, 2002. – S. 24-27.
8. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dek. 1995 g. № 223-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 1. St. 16.
9. O deyatel'nosti organizacij dlya detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej, i ob ustrojstve v nih detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 maya 2014 g. № 481 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 22. St. 2887.
10. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29 dek. 2012 g. № 273-F3 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 53 (chast' I). St. 7598.
11. Ignat'eva S.V. Samozashchita kak samostoyatel'nyj sposob zashchity grazhdanskih prav nesovershennoletnih // Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava. Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (k yubileyu doktora yuridicheskih nauk, professora, zasluzhennogo rabotnika Vysshej shkoly Rossijskoj Federacii Ignat'evoj Svetlany Viktorovny). Sankt-Peterburg, 6 aprelya 2018 g. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rosii. 2018. S. 42-48.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 201–215.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 349

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И(ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕОВЕКА[1]

Брюхина Е. Р., Прокопьева Р. И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тема защиты прав человека при проведении процедуры трансплантации приобретает актуальность в связи с возрастающей частотой применения данной медицинской помощи, которая обнажила всевозможные проблемы в нормативном регулировании. В настоящей статье рассматривается механизм защиты прав человека в области трансплантологии органов и тканей человека. В ней анализируется действующее правовое регулирование сферы трансплантации, положенное в основание механизма защиты прав человека. Особо акцентируется внимание на проблемных аспектах при реализации механизма защиты прав субъектов трансплантации – донора и реципиента, рассматривая его через соответствующие средства защиты. Предлагаются пути разрешения выявленных проблем в каждом из элементов механизма с целью достижения максимальной эффективности его работы. Для достижения поставленной цели авторами проводиться анализ международно-правовых подходов в сфере регулирования трансплантационной деятельности, судебной практики, правоприменения и доктрины, а также национальных попыток реформирования законодательства. Формируются выводы об эффективности работы механизма защиты прав субъектов трансплантации, о его качестве на праворегуляционном, правореализационном и правоприменительных уровнях.

Ключевые слова: механизм, защита прав, трансплантация, субъекты трансплантации, донор, реципиент, жизнь и здоровье, биоэтические принципы, универсальный уровень защиты, специальный уровень защиты.

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» – декларируется в Конституции Российской Федерации. Активное развитие научно-технического прогресса в области биотехнологий, как никогда актуализировало важность закрепленной конституционной нормы, бросило очередной вызов устоявшейся правовой системе, в основе которой лежат общепризнанные права человека и принципы права. На первый план в эпоху развития соматических, репродуктивных прав, технологий клонирования, трансплантации, генной инженерии и множества других современных биотехнологий уже выходит не просто необходимость закрепления той или иной нормы, но и ее морализация и социализация. В связи с чем, происходит «усиление этической и социальной составляющих парадигм прав человека и принципов права, что подтверждается правовой практикой и интенсивным развитием прав нового поколения» [35], при том, что обусловлено возникновение новых прав человека их тесной связью с организмом человека, защитой жизни и здоровья последнего.

По этой причине, согласно классификации прав человека, гарантирующих охрану человеческой сущности в единстве с этическим сегментом, выделенной И.А.

[1] Данная статья подготовленаа в рамках проекта Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ-Пермь и ТюмГУ на тему «Актуальные аспекты исследования прав человека в контексте биоэтики».

Умновой-Конюховой, И.А. Алешковой «защита прав человека при трансплантации относится к группе прав, направленных на защиту человеческого организма, то есть тела человека, как такового» [33]. В доктрине данную категорию прав еще называют биоправами, поскольку именно данной категории прав присуще этико-социальное наполнение и непосредственная связь с принципами и требованиями биоэтики [36; 32; 37]. По сути, именно эти два признака существенно отличают биоправа от других видов прав человека и позволяют выделить их в отдельную категорию, имеющих ключевое значение в регулировании сфер, стоящих на стыке медицины и права, в том числе при проведении процедуры трансплантации органов и тканей человека.

Трансплантационная деятельность является высокорисковой медицинской процедурой, в рамках которой зачастую невозможно с очевидной достоверностью определить исход операции, в связи с чем могут возникнуть сомнения о возможности реализации ее ключевой цели – спасение жизни и восстановление здоровья без нанесения ущерба какой-либо из сторон. Так, поскольку невозможно полностью исключить риск, его необходимо максимально минимизировать, прежде всего за счет качественного и в полной мере проработанного механизма защиты прав лиц, участвующих в программе трансплантации и которые непосредственно находятся в зоне риска, в частности это донор и реципиент.

Существуют различные подходы к пониманию в целом термина «защита прав» и в частности «механизма защиты прав человека». Как пишет А.Я. Петров: «отсутствие единого законодательного подхода к категории «защита прав, свобод и законных интересов», несомненно, свидетельствует о ее многомерности» [25].

Например, Н.С. Малеин под защитой права понимает «меры, предусмотренные в законе в тех случаях, когда право уже нарушено» [19, с. 18-19]. Поддерживает указанную позицию В.М. Капицын, указывая, что «защита прав означает действия по восстановлению нарушенных прав, обеспечиванию компенсации физического, морального, материального, профессионального вреда» [23, с.140]. Схожую позицию можно встретить в работах Н.В. Витрука, В.И. Новоселова, Н.И. Матузова и др.

А.С. Мордовец, напротив, придерживается позиции, что «меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднительно, но права и свободы еще не нарушены. Если же права и свободы уже нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать» [21, с. 88].

В.Н. Бутылин в широком понимании защиту прав определяет, как «сложную универсальную систему государственно-правовых институтов, средств, действий, предназначенных для пресечения нарушений прав человека, их восстановления или соразмерной компенсации, обеспечивающих условия свободного развития индивида и общества» [16, с.81].

В свою очередь, под механизмом защиты прав человека как правило понимается некая система упорядоченных элементов с целью эффективной защиты прав и свобод человека. Так, Т.М. Резер, Е.В. Кузнецова, М.А. Лихачев дают следующее определение механизма реализации и защиты прав человека и гражданина: «система методов и инструментов осуществления того или иного права, организованных функционально и хронологически» [29, с.9]. Более полное определение дает А.В. Стремоухов, определяя, что механизм защиты прав «представляет собой взятую в единстве систему взаимодействующих правовых средств, с помощью которых государ-

ство осуществляет юридическое воздействие на правоотношения с целью признания, соблюдения и реализации прав человека» [31, с. 161].

М.В. Маргхейм определяет механизм защиты прав, как «упорядоченную систему упорядоченных элементов правового механизма, функционирование которого направлено на защиту нарушенных прав и свобод, на достижение в Российской Федерации состояния их устойчивой защищенности» [20, с.23]. В первую очередь, он имеет охранительную функцию, «представляя собой совокупность юридических средств, взаимодействие которых приводит к достижению определенного правового результата в виде предупреждения нарушения права и восстановления нарушенного права» [30] – указывает Н.А. Рябинин.

В.М. Капицын понятие механизма охраны и защиты прав человека, в его понимании это гуманитарный правозащитный механизм, определяет прежде всего «через систему гарантий прав человека, который интегрирует в себе право в объективном смысле (законодательство, систему законности и правопорядка) и субъективные права граждан, чтобы превращать обязанности и действия лиц, органов власти, общественных организаций в систему гарантий прав человека» [23, с. 139-140].

Таким образом, механизм защиты прав человека ставит своей целью формирование стойкого состояния защищенности, предоставляя человеку чувствовать себя в безопасности, за счет имеющихся в его распоряжении средств защиты прав и свобод. При проведении процедуры трансплантации органов и тканей наличие у человека такого сформированного механизма имеет решающее значение, как и для любой другой медицинской процедуры, связанной с риском жизни и здоровья ее участников, поскольку касается «жизненно важного права» каждого человека – права на жизнь и здоровье. По справедливому утверждению Н.В. Путило «создание таких механизмов, условий осуществления в сфере трансплантации обусловлено, во-первых, минимизацией рисков возникновений ситуаций, где права лиц, участвующих в трансплантации были бы попраны и наличествовала бы реальная угроза жизни и здоровья таких лиц и во-вторых, защитой уже нарушенного права, способствованию их восстановлению» [27].

Механизм защиты прав человека при проведении процедуры трансплантации органов и(или) тканей человека можно представить в следующем виде. Механизм защиты включает в себя общий, универсальный уровень защиты, а также специальный, присущий непосредственно сфере трансплантации. Общий уровень защиты включает в себя праворегуляционные, правореализационные и правоприменительные средства защиты. Праворегуляционные средства, в свою очередь, подразделяются на правоустанавливающие нормы, запрещающие нормы и нормы, направленные на соблюдение прав. Специальный уровень защиты включает в себя биоэтику, биоэтические принципы как инструмент, обеспечивающий нормы права необходимой этико-моральной составляющей.

Праворегуляционные средства защиты – это прежде всего превентивные меры, направленные на обеспечивание и защиту прав лиц, участвующих в трансплантации, еще до момента нарушения прав. Их главная задача в том, чтобы не допустить нарушение в принципе, выступая тем самым определенной гарантией соблюдения прав. В числе субъектов, обеспечивающих праворегуляционные средства защиты выступает Федеральное Собрание, в компетенцию которого входит принятие нормативно-правовых актов обязательного действия. Правореализационные средства

защиты позволяют воплотить на практике нормы, закрепленные в законодательстве относительно доноров и реципиентов. Они непосредственно направлены на исполнение предписаний норм закона, выраженные в постановлениях Правительства РФ и приказах Министерства здравоохранения РФ и отчасти в приказах иных министерств и ведомств, касающихся вопросов регулирования трансплантационной деятельности. В свою очередь, правоприменительные средства защиты вступают в действие в момент нарушения, то есть, когда субъекты сталкиваются с теми или иными сложностями при реализации процедуры трансплантации. Защиту на уровне применения осуществляют специальные органы, в компетенцию которых входит защита и восстановление нарушенных прав – суды, прокуратура, уполномоченный по правам человека/ребенка, и иные органы с соответствующей компетенцией.

Данный механизм направлен на предотвращение, насколько это возможно, трансплантационных рисков. Однако, поскольку частота обращения к средствам правоприменения остается довольно высокой, это говорит о необходимости дальнейшего совершенствования механизма защиты прав, поскольку главная задача законодательства о трансплантации спасать жизнь и восстанавливать здоровье, что в большинстве случаев уже невозможно сделать с помощью правоприменительных средств защиты. По этой причине особую роль в механизме играют превентивные меры, не допускающие нарушение как таковое.

Так, одной из предупредительных мер в механизме защиты выступают правоустанавливающие нормы. Как средство защиты прав субъектов трансплантации они включают в себя общие нормы, охватывающие своим действием неограниченный круг лиц и специальные нормы, ограничивающие свое действие исключительно субъектами трансплантационной деятельности.

Прежде всего нормы общего действия устанавливающие право на защиту жизни и здоровья содержатся в Конституции РФ, среди которых право на жизнь (ст. 20), право быть не подвергнутым пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию, кроме того, без добровольного согласия не быть подвергнутым медицинским, научным и иным опытам (ст.21), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23), право на возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свобода органами государственной власти и МСУ (ст. 24), право на гарантированное социальное обеспечение (ст. 39), право на охрану здоровья и медицинскую помощь в том числе за счет средств соответствующих бюджетов (ст. 41) [1].

Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323) содержит, кроме того, право на оказание медицинской помощи (ст.4, 19), право на доступную и качественную медицинскую помощь (ст.10), право на охрану здоровья (ст. 18), право на оказание медицинского вмешательства только при наличии информированного добровольного согласия и права на отказ (ст. 20), право на выбор врача и медицинской организации (ст. 21) и др [5].

Специальные нормы устанавливающие права лиц, участвующих в трансплантации, закреплены в Законе РФ «О трансплантации органов и(или) органов и тканей» от 22.12.1992 N 4180-1 (далее – Закон о трансплантации) и ст. 47 Федерального закона № 323. Однако, если у донора ключевые права определены в одной норме (ст.

12 Закона о трансплантации), то для реципиентов такой нормы не предусмотрено, что для последних негативно сказывается на их правовом статусе.

Так, в Федеральном законе № 323 для лиц, перенесших трансплантацию органов и (или)тканей (актуальные реципиенты) предусмотрено право на обеспечение лекарственными препаратами и получение соответствующего послеоперационного лечения (п.21 ст. 14, п.7 ст. 44, п. 9.2 ст. 83). В то время как в Законе о трансплантации подобное право отсутствует, равно как и в целом статус актуального реципиента. Соответственно субъекты вынуждены обращаться к иным средствам защиты своих прав: правореализационным [6; 7; 8] и правоприменительным [39 с. 56, 40, 42, 43], с возложением на них функции восполнения недостатоков правоустанавливающих норм, что делает уязвимым механизм защиты в части реализации вышеуказанного права.

Вследствие этого авторы видят необходимость включения в Закон о трансплантации нормы о правах потенциального и актуального реципиента, «у последнего среди прочего выделив право на постоянную диспансеризацию, получение медикаментозного лечения, лекарственных средств в том числе за счет бюджета» [38], в основу которой заложить ст. 33 Проекта ФЗ «О донорстве органов и их трансплантации».

Обращает на себя внимание и другой спорный вопрос при реализации механизма защиты прав, касающиймя проработки момента относительно прав родственников на выражении своей воли на трансплантацию органов и тканей. Эта проблема стоит на повестке дня уже достаточно давно и касается установленной в Российской Федерации презумпции согласия на посмертное изъятие органов. Презумпция подразумевает возможность изъятия органов/тканей у посмертных доноров, не имея сведений ни о мнении самого донора, ни его родственников на подобную трансплантацию и не спрашивая согласия последних на проведение операции.

Еще в 2003 году была подана первая жалоба в Конституционный суд РФ, оспаривающая установленную презумпцию согласия на посмертное изъятие органов и(или) тканей, который отказывая в принятии жалобы, подчёркивал о наличии у родственников права выразить свое несогласие на трансплантацию, чего они ни в одном из случаев не сделали. Но особо акцентировалось внимание суда на необходимость законодательного урегулирования вопроса согласия в части проработки процедурных моментов выражения согласия/несогласия на трансплантацию. В одном из своих более поздних Определений Конституционный суд РФ положительно отозвался о внесенном Министерством здравоохранения РФ законопроекте «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации» от 2013 г., как «меры направленной на достижение большей прозрачности всего процесса донорства органов человека и их трансплантации» [41]. Он посчитал необходимым ввести федеральный регистр четырех типов, предусмотреть более детализированную процедуру выражения волеизъявления, среди которых реализация близкими родственниками права заявить о несогласии на изъятие.

Однако, как ни данный законопроект Министерства здравоохранения РФ не был принят, так и в целом вопрос с процедурой реализацией выражения несогласия, как самим донором, так и его родственниками не разрешен на законодательном уровне по настоящий момент. И Конституционный суд РФ при этом никоим образом вопрос не разрешает, утверждая, что это прерогатива законодателя. Складывается за-

мкнутый круг, затрудняющий устранение пробела в законодательстве, что приводит к полной остановке механизма защиты прав на всех уровнях.

Остро назрел вопрос о необходимости проработки механизма предоставления согласия/несогласия на трансплантацию органов и(или) тканей человека, в рамках механизма защиты прав доноров и его родственников, в случае посмертного донорства, а также реципиента, как реализацию права на свободу выбора. Особое внимание надлежит акцентировать на детальной проработке процедурных моментов. К примеру, для начала установить письменный формат предоставления волеизъявления лица на изъятие органов и(или) тканей либо несогласием с их обязательным последующим занесением в базу данных. Соответственно, на следующем этапе потребуется разработка четырех типов регистров - баз данных, по количеству субъектов, имеющих возможность выразить волю на трансплантационные действия с их организмом, в числе которых согласия/несогласия реципиентов, доноров на прижизненное изъятие, доноров на посмертное изъятие, родственников посмертных доноров. Как следствие станет вопрос защиты данных, содержащихся в этих регистрах и не использования данных в противоправных целях против лиц, их предоставивших. Также потребуется защита и бумажным архивам, где в том числе подлежит разрешению вопрос срока хранения. Отсюда проистекает необходимость в выработке регламента по предоставлению доступа к регистрам, возложению дополнительной ответственности на лиц, допущенных к ним за разглашение, использование в личных целях, из корыстных побуждений и т.д. Все это, естественно, нуждается в сопровождении соответствующими изменениями в законодательстве и прежде всего в Законе о трансплантации.

Как мы видим, исходя из вышеизложенного, вопрос выражения согласия на трансплантацию органов и (или) тканей широкоформатный и потребует консолидации усилий не только юридического сообщества, но и специалистов из иных областей, обеспечивших реализацию установленных норм. Только благодаря постепенному, поэтапному разрешению вопроса становится возможным реализовать установку Конституционного суда и установить баланс между соблюдением прав и спасением жизни человека.

Следующим превентивным средством защиты прав субъектов трансплантационной деятельности являются запрещающие нормы. Их основная задача лежит в области недопущения совершения противоправных действий при проведении процедуры трансплантации, что отчасти входит в миссию и правоустанавливающих норм, тем самым запрещающие нормы дополняют и развивают их.

С точки зрения защиты прав донора в процедуре трансплантации действует, во-первых, запрет на принудительное изъятие органов и(или) тканей у прижизненного донора (абз.3 ст.3 Закона о трансплантации, п.4, п. 13 ст. 47 Федерального закона № 323). Закрепление данной нормы является прямым следствием реализации принципа добровольности и биоэтического принципа «делай добро», запрещая любые формы принуждения к получению органов и тканей человека вне зависимости от цели их получения.

Во-вторых, запрет на изъятие органов у несовершеннолетних лиц, который отдельно выделяется законодателем. Исключение возможно при соблюдении следующих условий: констатирована смерть несовершеннолетнего и получено согласие хотя бы одного родителя (абз.3 ст.8 Закона о трансплантации, п.3 ст. 47 Федераль-

ного закона № 323). Полный запрет на изъятие органов прижизненно и частично ограниченное посмертно у несовершеннолетних обусловлено наивысшей степенью риска при проведении подобной процедуры и максимальной неподготовленности детского организма к таким серьезным изменениям, что соответствует основополагающим принципам трансплантационной деятельности и биоэтическим принципам.

В-третьих, запрет на совершение сделок купли-продажи с донорскими органами.

Безусловно, запрет на куплю-продажу донорских органов играет значительную роль в защите прав, не допуская превращения человека в «объект товарооборота», однако одно дело запрещать сделки купли-продажи непосредственно с органами человека и совсем иное возмещать расходы, понесенные донором при проведении процедуры трансплантации.

Международная практика идет по пути активного внедрения такого возмещения расходов донорам с целью повышения количества доноров, а также возможности скорейшего восстановления здоровья после операции. В качестве руководящего принципа № 5 ВОЗ сформулировало правило «о возможности компенсации разумных и поддающихся контролю расходов, понесенных донором» [2]. Подобную практику, например, можно встретить в законодательстве Новой Зеландии [15], Израиля [17], США [11].

В действующем российском законодательстве право на возмещение расходов после операции по трансплантации закреплено только в отношении доноров костного мозга и(или) гемопоэтических стволовых клеток, при том, что ограничивается все исключительно правом на бесплатный проезд к месту изъятия (абз. 6 ст.12 Закона о трансплантации), что вызывает ряд вопросов, как дискриминационного характера по отношению к другим донорам, так и весьма ограниченного списка, возмещаемых расходов, которые не покрывают ни материальные, ни моральные затраты донора.

В этой связи предлагается внести изменения в ст. 12 Закона о трансплантации, дополнив пятым абзацем следующего содержания: «право…на возмещение расходов разумных, обоснованных и поддающихся контролю, понесенных донором, включая потерю дохода и(или) оплату издержек, связанных с уходом, обработкой, сохранением и передачей клеток, тканей, органов человека для трансплантации».

Для защиты прав реципиента также распространяет свое действие запрет на купли-продажу донорских органов. И для этой категории субъектов трансплантации он играет значение в том плане, что обеспечивает эффективную работу «листов ожидания» и справедливого распределения донорских органов между реципиентами, исключая любые формы дискриминации. Дополнительно действует запрет на использование органов от доноров, страдающих рядом заболеваний.

В тоже время недостаток механизма, не позволяющий в полной мере осуществить защиту прав субъектов трансплантации, проявляется в отсутствии поименованного списка абсолютных заболеваний, исключающих донорство.

Общая норма о запрете донорства лицу, страдающему болезнью, представляющей опасность для жизни и здоровья реципиента [3], содержится в статье 3 Закона о трансплантации. Донорство органов и (или) тканей исключается также при наличии «вируса иммунодефицита, вирусов гепатитов (за исключением перенесенного гепатита А в анамнезе), сифилиса» [9], «ВИЧ-инфекция» [4]. Правоурегуляционные и правореализационные нормы иных заболеваний, исключающих донорство органов и тканей не предусматривают. Мы полагаем, что данного нормативного регулиро-

вания крайне недостаточно, чтобы действительно обеспечить защиту реципиента от возможного пагубного воздействия на его здоровье. Нужна более комплексная проверка донора на соответствие считаться таковым для целей трансплантации.

Так, например, при донорстве крови и ее компонентов Министерством здравоохранения РФ сформулированы постоянные и временные противопоказания для сдачи донорской крови и(или) ее компонентов [10] во исполнение нормативных положений пп.1 п.2 ст. 9 Федерального закона от 20.07.2012 г. N 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов». На данном примере прослеживается качество работы механизма зашиты прав на всех его уровнях, где последующий уровень развивает положения предыдущего, а не устраняет пробелы последнего.

Для всесторонней и полной защиты реципиента от нанесения вреда его здоровью, считаем необходимым формирование перечня абсолютных заболеваний, исключающих донорство органов и(или) тканей, оставляя при этом данный перечень открытым, а вопрос о возможном причинении вреда реципиенту наличием-какого либо заболевания донора должен решаться врачом в каждом конкретном случае индивидуально.

Для этого Закон о трансплантации дополнить новой нормой о полномочиях федеральных органов исполнительной власти в сфере обращения органов и(или) тканей человека, среди которых полномочие об утверждении перечня медицинских противопоказаний для донорства органов и(или) тканей. С последующей разработкой соответствующего Приказа Министерства здравоохранения РФ.

Таким образом, запрещающие нормы хоть и немногочисленная группа прав, но играющая не меньшую роль в механизме защиты прав человека при трансплантации, поскольку ограничивают любые незаконные действия, связанные с изъятием органов и тканей и их дальнейшем использованием, не давая обесценить права и свободы в трансплантационной деятельности и окончательно подорвать доверие к данной высокорисковой медицинской процедуре.

Обращают на себя внимание нормы, обеспечивающие соблюдение прав и законных интересов при пересадке органов и(или) тканей человека, как праворегулирующее средство в механизме защиты прав субъектов трансплантации, к которым относятся нормы-гарантии. Гарантирующие нормы ставят своей целью максимально обезопасить процедуру трансплантации за счет закрепленных в законе заверений, предоставить субъектам трансплантации обеспечение нормативных предписаний и социальных явлений в них заложенных.

Так, ФЗ № 323 и Закон о трансплантации определяют гарантии, предоставляемые донору среди которых выделяются следующие. Согласно п. 4 ст. 47 и ст. 12 указанных законов требуется обязательное получение согласия лица на изъятие органа и(или) ткани человека, составленное в письменной форме и обладающее признаками информированности и добровольности. В силу абзаца 2 ст. 12 и ст. 13 Закона о трансплантации гарантируется оказание высококвалифицированной медицинской помощи при комплексном медицинском обследовании, лечении и реабилитации. Также в соответствии со ст. 5 Закона о трансплантации и п. 2 ст. 47 ФЗ № 323 презюмируется обязательное получение медицинского заключения о возможности трансплантации, выдаваемой исключительно консилиумом врачей. Родственникам посмертного донора ст. 10 Закона о трансплантации предоставляет гарантию, что «изъятие органа и (или) ткани будет произведено только при получении разрешения

главного врача медицинской организации и судебно-медицинского эксперта при уведомлении прокурора, если требуется судебно-медицинская экспертиза» [3].

Полагаем для реципиента ключевая гарантия заключается в ст. 6 Закона о трансплантации и в пп. 5-10 ст. 47 ФЗ № 323, закрепляющие получение согласия на проведение процедуры трансплантации, за исключением, когда «промедление в проведении соответствующей операции угрожает жизни реципиента, а получить такое согласие невозможно» [3], то в этом случае допускается проведение трансплантации без согласия реципиента или его законного представителя. Также при проведении процедуры трансплантации реципиенту не может быть причинен больший вред здоровью, чем существовавший до трансплантации при соблюдении условий изъятия, предусмотренные ст. 11 Закона о трансплантации.

Вместе с тем в ряде иностранных юрисдикций в механизм защиты прав субъектов трансплантационной деятельности включается дополнительное средство защиты – координатор в сфере трансплантации, орган, который осуществляет контроль и надзор за соблюдением прав всех субъектов трансплантации, а также следит за качеством предоставляемых услуг, в определенных случаях дает разрешение на донорство и выполняет иные функции, возложенные на него национальным законодательством. Успешная практика работы координационных центров зафиксирована в Испании [14], Молдове [13], Австрии [12] и во многих других странах.

В Российской Федерации на данный момент такого средства защиты прав лиц, участвующих в процедуре трансплантации на законодательном уровне не предусмотрено. Однако на практике была попытка на региональном уровне ввести в действие подобный орган, в рамках реорганизации службы органного донорства в Санкт-Петербурге. Комитетом по здравоохранению Санкт-Петербурга было издано распоряжение № 672-р от 11.08.2018 г. «О совершенствовании организации органного донорства в Санкт-Петербурге», в рамках которого при определении «основных этапов трансплантационной координации в стационаре и конкретизации роли на этих этапах трансплантационного координатора. В соответствии с распоряжением руководитель ГУЗ выделяет в штатном расписании ГУЗ должность врача, на которого приказом возлагают функции трансплантационного координатора данного ГУЗ с установлением дополнительной надбавки к его должностному окладу» [22, с. 136]. И хотя попытка так и не увенчалась успехом, Комитетом был сделан серьезный шаг в развитии и модернизации сферы трансплантации, понимая, что координатор по трансплантации в данной сфере необходим, поскольку может выступить независимым посредником во множественных взаимодействиях врачей между собой и между врачами и пациентами.

Таким образом, считаем возможным рассмотреть перспективу создания органа по контролю и надзору в сфере трансплантации, который возьмет на себя функции по организации процесса донорства, поиску потенциальных доноров, по контролю за соблюдением прав субъектов трансплантационной деятельности, функции по работе с населением, донесением о социальной значимости донорства в массы, для достижения наибольшего доверия к данному виду медицинской помощи и иные полномочия, делегируемые ему законодательством.

При разработке нормативных положений о должности координатора учесть выработанные Комитетом по здравоохранению Санкт-Петербурга этапы трансплanта-

ционной координации и положения ст. 12 Проекта Министерства здравоохранения РФ Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации».

Механизм защиты прав человека при трансплантации, как указывалось выше, включает в себя не только общий, но и специальный уровень защиты, имеющий своей составной частью биоэтику и биоэтические принципы. Связано это со спецификой трансплантационной деятельности, как деятельности с высоким риском нанесения вреда жизни и здоровью. Более того, трансплантация является одним из видов соматических прав, то есть правом на распоряжение собственным телом. «Данное положение рассматривается как право индивида распоряжаться собственным телом, а также тканями и (или) органам, то есть осознанно идти на трансплантацию и становится донором, иметь право на получение компенсации в случае донорства, изменять фундаментальные возможности организма, расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами и пр.» [34, с. 14] – поясняют А.В. Фомина и Т.В. Говердовская.

Выступая средством защиты прав доноров и реципиентов в трансплантации, становится возможным разрешение вопросов коммерциализации сферы донорства, справедливого распределения донорских органов, установления запрета на детскую трансплантацию и другие при безусловном приоритете интересов человека.

Под влиянием этических принципов в законодательстве также появились нормы об «информированном согласии, уважении моральной автономии личности, конфиденциальности, справедливого распределения донорских органов в условиях дефицита» [24, с. 200]. Не менее важным для донора и реципиента является обозначение стандарта поведения врача, для которого первостепенная задача – беспокойство о состоянии здоровья пациента, поэтому врач должен быть объективным и служить прежде всего интересам пациента, вследствие чего операции по пересадке органов могут проводиться исключительно государственными учреждениями, специализированными на проведение подобных операций. По этой причине, как правильно указывают Н.В. Прокопенко, Р.Р. Жаров, «существует настоятельная необходимость вернуться к Клятве Гиппократа, как к концепции «не навредить», так и к концепции доверия: хирурги должны быть сильными в своих знаниях, как о технических возможностях, так и возможностях лечения и о пределах процедуры» [26, с. 250].

Все вышеуказанное иллюстрирует, что биоэтические принципы оказывают существенное влияние на становление механизма защиты прав субъектов, участвующих в процедуре пересадки органов и(или) тканей человека. Л.Б. Ляуш совершенно верно пишет, что «законодательные инициативы в области трансплантологии, разработанные с учетом биоэтики направлены на минимизацию этических проблем и достижение ее эффективной результативности и социальной адаптации» [18].

Таким образом, стоит в очередной раз подчеркнуть важность защиты прав человека при проведении процедуры трансплантации, как одной из высокорисковых медицинских процедур. Сформированный механизм защиты не в полной мере выполняет свое предназначение, оставляя множество вопросов неразрешенными. Во многом связано это с сильно устаревшей законодательной базой в области трансплантации, совершенно не соответствующей нынешним реалиям. «Дефекты нормативного правового регулирования создают условия для поведенческих девиаций, в то время как отсутствие правовой неопределенности ключевых элементов трансплантацион-

ной деятельности, однозначность используемых понятий, применяемых инструментов предупреждают неправомерное поведение, влекущее нарушение прав» [27] – обращает внимание Н.В. Путило.

В свою очередь, биоэтика – это тот особенный пласт отношений, обеспечивающий механизм защиты прав человека нравственной составляющей и во многом способствующая его развитию, призванная «найти решение проблем, стоящих перед человеком и обществом в контексте развития инхэнсмента – совершенствования человеческого организма» [28, с. 30]. Однако, чтобы реализовать главную задачу трансплантационной деятельности – спасение жизни и восстановление здоровья, необходимо сбалансировать этические принципы с качественным нормативным регулированием

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [Электронный ресурс]: [с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. No 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // СПС Консультант Плюс
2. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г.). Резолюция WHA63.22. URL: http://old.transpl.ru/files/npa/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения: 02.07.2023).
3. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ № 4180-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 62.
4. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): Федеральный закон № 38-ФЗ: [принят Государственной Думой 24 февраля 1995 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 14. Ст.1212.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323: [принят Государственной Думой 1 ноября 2011 г.; одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. О порядке назначения и выписывания лекарственных препаратов, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 110 [зарегистрирован в Минюсте. 2007. № 9364] // «Российская газета». 2007. № 100.
7. Об утверждении стандарта медицинской помощи больным с трансплантированными органами и (или) тканями : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 702 // Журнал «Здравоохранение». 2008. № 2.
8. Об утверждении Стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года и плана ее реализации : Приказ Министерства здравоохранения РФ. 2013. № 66 // Журнал «Здравоохранение». 2013. № 4.
9. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при заболеваниях (состояниях), для лечения которых применяется трансплантация (пересадка) костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток и внесении изменения в Порядок оказания медицинской помощи по профилю "хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)", утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 октября 2012 г. N 567н : Приказ Министерства здравоохранения РФ № 875н [Зарегистрирован в Минюсте РФ. 2019. № 53256] // Официальный интернет-портале правовой информации.
10. Об утверждении порядка прохождения донорами медицинского обследования и перечня медицинских противопоказаний (временных и постоянных) для сдачи крови и (или) ее компонентов и сроков отвода, которому подлежит лицо при наличии временных медицинских показаний, от донорства крови и (или) ее компонентов : Приказ Министерства здравоохранения РФ № 1166н [Зарегистрирован в Минюсте. 2020. № 61104] // Официальном интернет-портале правовой информации
11. S.2048 - National Organ Transplant Act [Sen. Hatch, Orrin G. [R-UT] (Introduced 11/03/1983). S.Rept 98-382; H.Rept 98-1127]. URL: https://www.congress.gov/bill/98th-congress/senate-bill/2048 (дата обращения: 04.07.2023).
12. Organ transplantation in Austria / W. Blaicher [et al.] // Ann. Transplant. - 1996. - Vol. 1, N 3. - P. 41-44.
13. Закон Республики Молдова от 6 марта 2008 г. N 42-XVI «О трансплантации органов, тканей и клеток человека». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=22702 (дата обращения: 05.07.2023).

14. Real Decreto 1723/2012, de 28 de diciembre, por el que se regulan las actividades de obtención, utilización clínica y coordinación territorial de los órganos humanos destinados al trasplante y se establecen requisitos de calidad y seguridad. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/rd1723-2012.html (дата обращения: 05.07.2023).
15. Compensation for Live Organ Donors Act. 2016. № 96 [Version as at 1 July 2022]. URL: https://legislation.govt.nz/act/public/2016/0096/latest/whole.html (дата обращения: 04.07.2023).
16. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. - 2001. - № 12. - С. 80-91.
17. Виноградов В.Л. Опыт Израиля в организации программы органного донорства. Интервью с трансплант-координатором Кириллом Грозовским Университетский госпиталь Хадасса (Иерусалим, Израиль) // Трансплантология. 2015. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-izrailya-v-organizatsii-programmy-organnogo-donorstva-intervyu-s-transplant-koordinatorom-kirillom-grozovskim-universitetskiy (дата обращения: 04.07.2023).
18. Ляуш Л. Б. Медицинские и биоэтические вопросы организации трансплантологической помощи в России //Вестник Чувашского университета. – 2014. – №. 2. – С. 291-300.
19. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. Отв. ред. А. И. Масляев. - Москва : Наука, 1985. - 165 с.
20. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01, 12.00.02 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. - Москва, 2005. - 52 с.
21. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Под ред. Н. И. Матузова; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Сарат. высш. шк. - Саратов : СВШ МВД РФ. - 1996. – 285 с.
22. Николаев Г. В. Организационные аспекты органного донорства в Санкт-Петербурге / Г.В. Николаев, М.Л. Гордеев, М.А. Карпенко, Д.А. Гранов, В.Н. Солнцев, В.И. Дейнега, М.Л. Ремизов //Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2015. – Т. 17. – №. 2. – С. 134-138.
23. Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты : Учебное пособие. – М.: ИКФ «ЭКМОС». - 2003. – 288 с.
24. Коваленко Е.А. Биоэтические и этико-правовые аспекты проблемы трансплантации / Е. А. Коваленко, Э. Р. Аракелян, С. С. Мауланбердинова, Э. Р. Аракелян // Тезисы докладов XXXXI научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного Федерального округа. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. - Т.2. - 2014. – С. 199-201.
25. Петров А.Я. Защита прав человека и гражданина: теоретический аспект // Журнал «Законодательство». – 2022. - № 4. // СПС Гарант
26. Прокопенко Н. В., Жаров Р.Р. Риски трансплантации в проблемном поле биоэтики //Международный студенческий научный вестник. – 2017. – №. 4-2. – С. 250-252.
27. Путило Н. В. Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Путило. М.: Проспект. - 2019. // СПС Консультант Плюс
28. Рабочие тетради по биоэтике [Текст] / Московский гуманитарный ун-т, Ин-т гуманитарных исслед., Центр биоэтики ; под. ред Б. Г. Юдина. - Москва : Изд-во Московского гуманитарного ун-та. 2007. - 21 см. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов "улучшения" человека / под. ред. член-корреспондента РАН Б. Г. Юдина. - 2016. - 163 с.
29. Резер Т. М. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учеб. пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев / [под общ. ред. Т. М. Резер] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. - 2019. – 110 с.
30. Рябинин Н.А. Особенности механизма защиты субъективных гражданских прав // Современное право. - 2018. - № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
31. Стремоухов А.В. Правовая защита человека: теоретические проблемы : монография // Серия «Безопасность человека и общества» - СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России. - 2003. - 415 с.
32. Трансформации прав человека в современном мире : монография / отв. ред. А. Н. Савенков. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 256 с. - ISBN 978-5-91768-933-3. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1929162 (дата обращения: 08.07.2023). – Режим доступа: по подписке.
33. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Журнал «Актуальные проблемы российского права». – 2022. - № 10. // СПС Гарант
34. Фомина А. В., Говердовская Т.В. Биоэтические проблемы и соматические права человека в области трансплантологии //Научный лидер. – 2021. – №. 10. – С. 13-15.
35. Ashcroft R.E. Could Human Rights Supersede Bioethics? // Human Rights Law Review. - 2010. - Vol. 10(4). - P. 639-660.

36. Nordberg A. Cutting edges and weaving threads in the gene editing Revolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns / Nordberg A, Minssen T, Holm S., Horst M., Mortensen K. and Moler B.L. // Journal of Law and the Biosciences. - 2018. - Vol. 5(1). - P. 35-83.
37. Toomey J. Constitutionalizing nature's law: dignity and the regulation of biotechnology in Switzerland // Journal of Law and the Biosciences. - 2020. - Vol. 7. Iss. 1. - P. 1-33.
38. Проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» (подготовлен Минздравом России 23.12.2019) // СПС Гарант
39. Миков П. В. Уполномоченный по правам человека в Пермском крае. О деятельности Уполномоченного по правам человека в Пермском крае в 2021 году. Ежегодный доклад. – Пермь, 2022. – 268 с.
40. По требованию прокуратуры ребенок-инвалид, перенесший трансплантацию почки, обеспечен жизненно важными лекарственными препаратами. 2019. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_59/mass-media/news?item=22259648 (дата обращения: 03.07.2023).
41. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС Гарант
42. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Тверского областного суда от 23 декабря 2014 г. № 33–4701 // СПС Судакт
43. Решение Октябрьского районного суда г. Иваново от 17 июля 2015 г. № 2-1316/2015 // СПС Судакт

Brukhina E.R., Prokopieva R.I. Human rights framework for the transplantation of human organs and(or) tissues// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 201–215.

The topic of human rights protection during transplantation procedure becomes relevant due to the increasing frequency of this medical care, which has exposed all kinds of problems in the normative regulation. The present article considers the mechanism of human rights protection in the field of transplantology of human organs and tissues. It analyses the current legal regulation of the transplantation sphere, which is the basis of the mechanism of human rights protection. Particular attention is paid to the problematic aspects in the implementation of the mechanism of protection of the rights of transplantation subjects - donor and recipient, considering it through the appropriate means of protection. Ways of solving the identified problems in each of the elements of the mechanism in order to achieve maximum efficiency of its work are proposed. To achieve this goal the authors analyse international legal approaches in the sphere of transplantation activity regulation, judicial practice, law enforcement and doctrine, as well as national attempts to reform the legislation. The conclusions about the effectiveness of the mechanism of protection of the rights of transplantation subjects, about its quality at the legal-regulatory, enforcement and law enforcement levels are formed.

Keywords: mechanism, protection of rights, transplantation, transplant subjects, donor, recipient, life and health, bioethical principles, universal level of protection, special level of protection.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. [E`lek-tronny`j resurs]: [s uchetom popravok, vnesenny`x zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30 dek. 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dek. 2008 g. No 7-FKZ, ot 5 fevr. 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ, ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ] // SPS Konsul`tant Plyus
2. Rukovodyashhie principy` VOZ po transplantacii chelovecheskix kletok, tkanej i organov (Utver-zhdeny` na Shest`desyat tret`ej sessii Vsemirnoj assamblei zdravooxraneniya v mae 2010 g.). Re-zolyuciya WHA63.22. URL: http://old.transpl.ru/files/npa/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (data obrashheniya: 02.07.2023).
3. O transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka: Zakon RF № 4180-I // Vedomosti S``ezda narodny`x deputatov Rossijskoj Federacii i Verxovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. 1993. № 2. St. 62.
4. O preduprezhdenii rasprostraneniya v Rossijskoj Federacii zabolevaniya, vy`zy`vaemogo viru-som immunodeficita cheloveka (VICh-infekcii): Federal`ny`j zakon № 38-FZ: [prinyat Gosu-darstvennoj Dumoj 24 fevralya 1995 g.] // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 14. St.1212.
5. Ob osnovax oxrany` zdorov`ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon № 323: [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 1 noyabrya 2011 g.; odobren Sovetom Federacii 9 noyabrya 2011 g.] // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 48. St. 6724.
6. O poryadke naznacheniya i vy`pisy`vaniya lekarstvenny`x preparatov, izdelij medicinskogo nazna-cheniya i specializirovanny`x produktov lechebnogo pitaniya: Prikaz Ministerstva zdravooxra-neniya i social`nogo razvitiya RF № 110 [zaregistrirovan v Minyuste. 2007. № 9364] // «Ros-sijskaya gazeta». 2007. № 100.
7. Ob utverzhdenii standarta medicinskoj pomoshhi bol`ny`m s transplantirovanny`mi organami i (ili) tkanyami : Prikaz Ministerstva zdravooxraneniya i social`nogo razvitiya RF № 702 // Zhurnal «Zdravoox-ranenie». 2008. № 2.

8. Ob utverzhdenii Strategii lekarstvennogo obespecheniya naseleniya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda i plana ee realizacii : Prikaz Ministerstva zdravooxraneniya RF. 2013. № 66 // Zhurnal «Zdravooxranenie». 2013. № 4.
9. Ob utverzhdenii Poryadka okazaniya medicinskoj pomoshhi pri zabolevaniyax (sostoyaniyax), dlya lecheniya kotory`x primenyaetsya transplantaciya (peresadka) kostnogo mozga i gemopoe`ticheskix stvolovy`x kletok i vnesenii izmeneniya v Poryadok okazaniya medicinskoj pomoshhi po profilyu "xirurgiya (transplantaciya organov i (ili) tkanej cheloveka)", utverzhdenny`j prikazom Mini-sterstva zdravooxraneniya Rossijskoj Federacii ot 31 oktyabrya 2012 g. N 567n : Prikaz Mini-sterstva zdravooxraneniya RF № 875n [Zaregistrirovan v Minyuste RF. 2019. № 53256] // Ofi-cial`ny`j internet-portale pravovoj informacii.
10. Ob utverzhdenii poryadka proxozhdeniya donorami medicinskogo obsledovaniya i perechnya medicinskix protivopokazanij (vremenny`x i postoyanny`x) dlya sdachi krovi i (ili) ee komponentov i srokov otvoda, kotoromu podlezhit liczo pri nalichii vremenny`x medicinskix pokazanij, ot donorstva krovi i (ili) ee komponentov : Prikaz Ministerstva zdravooxraneniya RF № 1166n [Zaregistrirovan v Minyuste. 2020. № 61104] // Oficial`nom internet-portale pravovoj informacii
11. S.2048 - National Organ Transplant Act [Sen. Hatch, Orrin G. [R-UT] (Introduced 11/03/1983). S.Rept 98-382; H.Rept 98-1127]. URL: https://www.congress.gov/bill/98th-congress/senate-bill/2048 (дата обращения: 04.07.2023).
12. Organ transplantation in Austria / W. Blaicher [et al.] // Ann. Transplant. - 1996. - Vol. 1, N 3. - P. 41-44.
13. Закон Республики Молдова от 6 марта 2008 г. N 42-XVI «О трансплантации органов, тканей и клеток человека». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=22702 (дата обращения: 05.07.2023).
14. Real Decreto 1723/2012, de 28 de diciembre, por el que se regulan las actividades de obtención, utilización clínica y coordinación territorial de los órganos humanos destinados al trasplante y se establecen requisitos de calidad y seguridad. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/rd1723-2012.html (дата обращения: 05.07.2023).
15. Compensation for Live Organ Donors Act. 2016. № 96 [Version as at 1 July 2022]. URL: https://legislation.govt.nz/act/public/2016/0096/latest/whole.html (дата обращения: 04.07.2023).
16. Buty`lin V.N. Institut gosudarstvenno-pravovoj oxrany` konstitucionny`x prav i svobod // Zhurnal rossijskogo prava. - 2001. - № 12. - S. 80-91.
17. Vinogradov V.L. Opy`t Izrailya v organizacii programmy` organnogo donorstva. Interv`yu s transplant-koordinatorom Kirillom Grozovskim Universitetskij gospital` Xadassa (Ieru-salim, Izrail`) // Transplantologiya. 2015. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-izrailya-v-organizatsii-programmy-organnogo-donorstva-intervyu-s-transplant-koordinatorom-kirillom-grozovskim-universitetskiy (data obrashheniya: 04.07.2023).
18. Lyaush L. B. Medicinskie i bioe`ticheskie voprosy` organizacii transplantologicheskoj pomoshhi v Rossii //Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2014. – №. 2. – S. 291-300.
19. Malein N.S. Oxrana prav lichnosti sovetskim zakonodatel`stvom. Otv. red. A. I. Maslyaev. - Moskva : Nauka, 1985. - 165 s.
20. Marxgejm M.V. Konstitucionnaya sistema zashhity` prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Ros-sijskoj Federacii : avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskix nauk : 12.00.01, 12.00.02 / Ros. akad. gos. sluzhby` pri Prezidente RF. - Moskva, 2005. - 52 s.
21. Mordovecz A.S. Social`no-yuridicheskij mexanizm obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina. Pod red. N. I. Matuzova; M-vo vnutren. del Ros. Federacii, Sarat. vy`ssh. shk. - Saratov : SVSh MVD RF. - 1996. – 285 s.
22. Nikolaev G. V. Organizacionny`e aspekty` organnogo donorstva v Sankt-Peterburge / G.V. Niko-laev, M.L. Gordeev, M.A. Karpenko, D.A. Granov, V.N. Solncev, V.I. Dejnega, M.L. Remizov //Vestnik transplantologii i iskusstvenny`x organov. – 2015. – T. 17. – №. 2. – S. 134-138.
23. Kapicyn V.M. Prava cheloveka i mexanizmy` ix zashhity` : Uchebnoe posobie. – M.: IKF «E`KMOS». - 2003. – 288 s.
24. Kovalenko E.A. Bioe`ticheskie i e`tiko-pravovy`e aspekty` problemy` transplantacii / E. A. Kova-lenko, E`. R. Arakelyan, S. S. Maulanberdinova, E`. R. Arakelyan // Tezisy` dokladov XXXXI nauch-noj konferencii studentov i molody`x ucheny`x vuzov Yuzhnogo Federal`nogo okruga. – Krasno-dar: Kubanskij gosudarstvenny`j universitet fizicheskoj kul`tury`, sporta i turizma. - T.2. - 2014. – S. 199-201.
25. Petrov A.Ya. Zashhita prav cheloveka i grazhdanina: teoreticheskij aspekt // Zhurnal «Zakonoda-tel`stvo». – 2022. - № 4. // SPS Garant
26. Prokopenko N. V., Zharov R.R. Riski transplantacii v problemnom pole bioe`tiki //Mezhdunarodny`j studencheskij nauchny`j vestnik. – 2017. – №. 4-2. – S. 250-252.
27. Putilo N. V. Pravovoe regulirovanie transplantacii v Rossijskoj Federacii : nauchno-prakticheskoe posobie / otv. red. N. V. Putilo. M.: Prospekt. - 2019. // SPS Konsul`tant Plyus
28. Rabochie tetradi po bioe`tike [Tekst] / Moskovskij gumanitarny`j un-t, In-t gumanitarny`x issled., Centr bioe`tiki ; pod. red B. G. Yudina. - Moskva : Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta. 2007. - 21 sm. Gumanitarny`j analiz biotexnologicheskix proektov "uluchsheniya" cheloveka / pod. red. chlen-korrespondenta RAN B. G. Yudina. - 2016. - 163 s.

29. Rezer T. M. Mexanizmy` realizacii i zashhity` prav cheloveka i grazhdanina : ucheb. posobie / T. M. Rezer, E. V. Kuzneczova, M. A. Lixachev / [pod obshh. red. T. M. Rezer] ; M-vo nauki i vy`ssh. obrazovaniya Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta. - 2019. – 110 s.
30. Ryabinin N.A. Osobennosti mexanizma zashhity` sub``ektivny`x grazhdanskix prav // Sovremennoe pravo. - 2018. - № 3 // SPS «Konsul`tantPlyus».
31. Stremouxov A.V. Pravovaya zashhita cheloveka: teoreticheskie problemy` : monografiya // Seriya «Bezopasnost` cheloveka i obshhestva» - SPb. : S.-Peterb. un-t MVD Rossii. - 2003. - 415 s.
32. Transformacii prav cheloveka v sovremennom mire : monografiya / otv. red. A. N. Savenkov. — Moskva : Norma : INFRA-M, 2023. — 256 s. - ISBN 978-5-91768-933-3. - Tekst : e`lektronny`j. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1929162 (data obrashheniya: 08.07.2023). – Rezhim dostu-pa: po podpiske.
33. Umnova-Konyuxova I.A., Aleshkova I.A. Vliyanie nauchno-texnicheskogo progressa v biotexnolo-giyax na prava cheloveka i principy` prava // Zhurnal «Aktual`ny`e problemy` rossijskogo pra-va». – 2022. - № 10. // SPS Garant
34. Fomina A. V., Goverdovskaya T.V. Bioe`ticheskie problemy` i somaticheskie prava cheloveka v oblasti transplantologii //Nauchny`j lider. – 2021. – №. 10. – S. 13-15.
35. Ashcroft R.E. Could Human Rights Supersede Bioethics? // Human Rights Law Review. - 2010. - Vol. 10(4). - P. 639-660.
36. Nordberg A. Cutting edges and weaving threads in the gene editing Revolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns / Nordberg A, Minssen T, Holm S., Horst M., Mortensen K. and Moler B.L. // Journal of Law and the Biosciences. - 2018. - Vol. 5(1). - P. 35-83.
37. Toomey J. Constitutionalizing nature's law: dignity and the regulation of biotechnology in Switzerland // Journal of Law and the Biosciences. - 2020. - Vol. 7. Iss. 1. - P. 1-33.
38. Proekt Federal`nogo zakona «O donorstve organov cheloveka i ix transplantacii» (podgotov-len Minzdravom Rossii 23.12.2019) // SPS Garant
39. Mikov P. V. Upolnomochenny`j po pravam cheloveka v Permskom krae. O deyatel`nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Permskom krae v 2021 godu. Ezhegodny`j doklad. – Perm`, 2022. – 268 s.
40. Po trebovaniyu prokuratury` rebenok-invalid, perenesshij transplantaciyu pochki, obespechen zhiznenno vazhny`mi lekarstvenny`mi preparatami. 2019. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_59/mass-media/news?item=22259648 (data obrashheniya: 03.07.2023).
41. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2016 g. № 224-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdan Biryukovoj Tat`yany` Mixajlovny`, Sablinoj Eleny` Vladimi-rovny` i Sablinoj Ne`lli Stepanovny` na narushenie ix konstitucionny`x prav stat`ej 8 Zakona Rossijskoj Federacii «O transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka» // SPS Garant
42. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Tverskogo oblastnogo suda ot 23 dekabrya 2014 g. № 33–4701 // SPS Sudakt
Reshenie Oktyabr`skogo rajonnogo suda g. Ivanovo ot 17 iyulya 2015 g. № 2-1316/2015 // SPS Sudakt

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 216–222.

УДК 343.238.1

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Зарубин А. В.

Принято считать, что право собственности делится на единоличное и общее, а общее – на долевое и совместное. Такое деление противоречит логике, поскольку понятие «общей собственности» не охватывается понятием «собственности». Существующая модель общей совместной собственности, как разновидности права собственности, обладает и другими недостатками, поэтому в науке всё чаще раздаются призывы о поиске альтернативных моделей. Первые вариант: на смену должен прийти режим отложенной общности, который распространен в странах Европы. Второй вариант: на смену общей совместной собственности, как особого права, должна прийти собственность семьи (супружеского сообщества), как особого гражданско-правового образования. Первый вариант отклоняется в силу того, что он не имеет ни существенных отличий, ни явных преимуществ по сравнению с существующей моделью. Второй вариант, напротив, признаётся перспективным. Для обоснования того, что совместная собственность - собственность семьи (супружеского сообщества) разрешается ряд последовательных задач, касающихся природы семьи; её квалификации, как гражданско-правового сообщества, а также её правоспособности. В заключении делает вывод, что на смену общей совместной собственности должна прийти собственность супружеского сообщества.

Ключевые слова: собственность; право собственности; деление права собственности; право общей собственности; право совместной собственности; режим отложенной общности; гражданско-правовое сообщество; супружеское сообщество; правоспособность супружеского сообщества; семья; интерес семьи; воля семьи.

Считается, что право собственности делится на единоличное и общее. Единоличное право собственности характеризуется тем, что нераздельно принадлежит одному лицу; общее право собственности – одновременно нескольким лицам. В свою очередь, право общей собственности подразделяется на долевое и совместное. Долевое право собственности, как уже видно из его названия, принадлежит нескольким лицам по заранее известным частям (долям). Совместное право собственности на доли не распадается.

Описанная выше теория настолько укоренилась в науке, что многие перестали замечать её явное несовершенство, в том числе отсутствие логики в делении права собственности сперва на единоличное и общее, а затем общего – на долевое и совместное. В чём порочность главенствующей теории и какой должна стать так называемая общая совместная собственность, попытаемся сейчас разобраться.

Начнём с того, что деление – логическая операция, цель которой – раскрыть объем понятия посредством формирования отдельных групп его составляющих. Деление, как логическая операция, подчинено определенным правилам, поэтому деление такого понятия, как право собственности, тоже должно быть им подчинено. Для того, чтобы начать деление, необходимо сперва дать общее понятие права собственности, а затем, опираясь на правила деления, формировать отдельные группы, охватываемые общим понятием.

Общее понятие права собственности в законодательстве отсутствует, однако наука достаточного точно определяет его, как неограниченное и исключительное господство лица над вещью [1, с. 285]. Теперь, пытаясь разделить право собствен-

ности на единоличное и общее, можно увидеть, что под это определение подпадает только единоличное право собственности. Общее право собственности нельзя считать неограниченным и исключительным, поскольку оно ограничено необходимостью считаться с волей других участников, и осуществляется по согласованной воле всех участников (истинной – как в долевой собственности, и презюмируемой – как в совместной). Следовательно, деление права собственности на единоличное и общее, нарушает основное правило деления, согласно которому все образованные в результате деления группы, должны охватываться общим понятием.

Пытаясь далее разделить общее право собственности на долевое и совместное, мы тоже сталкиваемся с непреодолимыми препятствиями.

Во-первых, коль скоро мы начали делить право собственности в зависимости от количества управомоченных лиц (на единоличное и общее), то и дальнейшее деление (на долевое и совместное) должно производиться поэтому же критерию. В нашем же случае – делении общего права на долевое и совместное избран другой критерий – наличие/отсутствие доли. Кроме того, цивилисты не так уж солидарны во вменении об отсутствии долей в совместной собственности супругов. Известно, как минимум четыре подхода, описанных У.Б. Филатовой: 1) долей нет вовсе; 2) доли есть, но их размер не известен до наступления определенного события; 3) доли есть, их размер известен, а потому нет отличий между совместной и долевой собственностью; 4) доли имеются и заранее известны, но они не подлежать отчуждению в связи с невозможностью замены состава участников [2, с. 4–8]. Следовательно, деление общего права на долевое и совместное по критерию наличие/отсутствие доли сомнительно.

Во-вторых, все образованные при делении группы не должны пересекаться друг с другом. Применительно к делению общей собственности это означает, что не должно существовать объектов, которые одновременно находятся в долевой и совместной собственности. Тем не менее, такие случае известны. Например, доля в праве общей долевой собственности может принадлежать супругам на праве общей совместной собственности. Следовательно, и здесь мы сталкиваемся с нарушением логических законов деления.

Итак, выделение права совместной собственности, как разновидности права общей собственности, нарушает законы логики о подчинении образованных членов общему понятию, о едином основании деления понятия, а также об исключительности образованных членов деления.

Можно возразить нашему выводу, ссылаясь на то, что, дескать, законы логики может быть где-то и нарушены, но деление права собственности на единоличное и общее, и далее – на долевое и совместное, обоснованно с точки зрения закона и не вызывает сомнений в правоприменительной практике. Так это или нет, попытаемся разобраться далее, взяв за пример, опять-таки, совместную собственность супругов.

Специфика совместной собственности супругов в общем виде описана в главе 16 ГК РФ и главе 7 СК РФ. Формат статьи не позволяет подробно изложить их все, поэтому ограничимся общим замечанием: они в основном касаются регулирования взаимных отношений супругов, как совместных собственников, и вопросов их взаимодействия для осуществления совместного права, но не затрагивают существа совместного права собственности, его содержания. То есть, при полном согласии супругов право собственности на общие вещи возникает, прекращается, осуществ-

ляется и защищается точно также, как и единоличное право собственности. Нюансы появляются только там, где супругам необходимо сформировать общую волю, или там, где они расходятся друг с другом в вопросах возникновения и прекращения права собственности, в определении взаимных правомочий по использованию и распоряжению общим имуществом, а также там, где супруги прибегают к защите от действий друг друга и так далее.

Всё сказанное нами выше относительно отсутствия логики деления права собственности на единоличное и общее, а также отсутствие специфики права общей совместной собственности супругов в случаях совпадения воли и интересов соучастников, приводит нас к выводу, что совместная собственность супругов не порождает особой формы господства над вещью и не создаёт отдельного вида права собственности. Положения закона, регулирующие отношения общей совместной собственности супругов, на самом деле формируют не особое право, а особую форму взаимодействия для осуществления обычного права собственности. Кроме того, в литературе и судебной практике неоднократно отмечалось, что так называемая совместная собственность не совсем подходит под определение права собственности, как господства лица над вещью, поскольку она охватывает не только вещи, но и доходы (ст. 35 СК РФ), а также долги (ч. 3 ст. 39 СК РФ).

Таким образом, не только законы формальной логики, но и содержание норм права даёт нам основание сомневаться, как в возможности деления права на виды, так и в том, что совместная собственность – особое господство над вещью.

Зачастую выход из патовых ситуаций ищут в науке, особенно в компаративистских исследованиях. Есть такие и в исследуемой области. Особенно популярна идея заменить режим совместной собственности – режимом отложенной общности, получившим распространение во многих странах Европы, пусть и с довольно существенными различиями. Наиболее обстоятельные работы, посвященные режиму отложенной общности, вышли из-под пера А.В. Слепаковой [3, с. 233-256] и А.В. Егорова [4, с. 233-295]. В общих чертах они описывают режим отложенной общности так: супруги объединяют имущество и совместно пользуются им, оставаясь собственниками того, что имели до брака и того, что приобрели в браке; если брак расторгается, то определяется объем имущество на начало и конец супружеских отношений, а разница (прирост) делится между мужем и женой. А.В. Егоров видит преимущество режима отложенной общности в том, что он: 1) наиболее оптимально сочетает режимы единоличной и общей собственности; 2) отвечает требованиям социальной справедливости, ибо прирост делится поровну; и чем больше доходы одного супруга, тем больше получает второй при разделе; 3) предоставляет возможность свободно распоряжаться имуществом, без оглядки на то, есть ли согласие второго супруга; 4) на случай развода устанавливает между супругами обязательственные отношения, что отвечает требованиям кредиторов; 5) исключает в случае развода необходимость конвертации совместной собственности – в долевую для её последующего раздела [5, с. 232–295].

Не отрицая ценность института отложенной общности, а также необходимость его изучения и, возможно, перенесения отдельных правил в отечественное законодательство, заметим, что российское право ничуть не хуже германского. Наш закон тоже предусматривает возможность сочетания режимов долевой и совместной собственности (абз. 2 ч. 1 ст. 33 СК РФ). Режим совместной собственности отвечает

принципам социальной справедливости, поскольку предполагает возможность отступления от принципа равенства долей, если на то были уважительные причины (ч. 2 ст. 39 СК РФ); устанавливает презумпцию согласия второго супруга на совершение сделок с общим имуществом, упрощая задачу контрагентов по выяснению воли отчуждателя, и одновременно ограничивает возможности супруга по оспариванию сделок, совершенных без его согласия (ч. 2 ст. 35 СК РФ), защищая тем самым добросовестных приобретателей. Наш закон не устанавливает исключительно обязательственные отношения между супругами на случай развода, которые, вероятно, более выгодны для кредиторов, но в то же время содержит довольно действенные механизмы удовлетворения их интересов (ст. 45, 46 СК РФ). Что касается конвертации совместной собственности в долевую, то она, строго говоря, не проводится. Если здесь имеется в виду определение доли в совместном имуществе, то нечто подобное происходит и в режиме отложенной общности. Единственное положительное качество режима отложенной общности мы видим в том, что его не рассматривают как особый вид права собственности. Считается, что имущество продолжает находиться в единоличной собственности каждого из супругов.

Поскольку режим отложенной общности не лучше режима совместной собственности и уж точно не идеален, то оснований для его внедрения в российское право не имеется. Следуют обратить внимание на иные концепции, которые бы раскрывали природу общей собственности – вообще и совместной собственности – в частности, с иной точки зрения, нежели особого вида права собственности. Выбор здесь небольшой. Единственная концепция, которая не считает право общей собственности – особым видом права собственности – концепция коллектива. Её суть сводится к тому, что совместное приобретение неделимой вещи порождает не особое разделенное право, а особый коллектив (гражданско-правовое сообщество), который приобретает вполне ординарное право собственности на вещь.

Если переложить теорию коллектива на отношения совместной собственности, то выходит, что совместная собственность – это не особый вид права собственности, а единоличная собственность гражданско-правового сообщества, именуемого семьёй. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, нам необходимо обосновать как минимум три обстоятельств: 1) коллективы могут являться участниками частноправовых отношений; 2) семья, как сообщество совместных собственников, – разновидность гражданско-правового коллектива; 3) семья, как сообщество совместных собственников, способно быть субъектом права собственности.

Что касается коллектива, как участника частноправовых отношений, то это вовсе не удивительно. Людям свойственно объединяться в группы в силу соседства или иной территориальной близости, наличия общих дел, схожих воззрений, экономической выгоды и так далее. Один из типов частноправовых объединений именуется «гражданско-правовое сообщество» (ст. 181.1 ГК РФ). К его основным признакам мы отнесли бы устойчивость, определимость круга участников, наличие внутренних связей, общую цель участников (членов).

Определение семьи удалось найти в Федеральном законе от 24 октября 1997 г. №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в РФ», в ст. 1 которого указано, что семья - лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство [5]. В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 г. №14 «О некоторых вопросах … применения ЖК РФ» указано, что

семейные отношения характеризуются наличием общего интереса и общего хозяйства. ГК РФ тоже рассматривает семью, как некое сообщество, предполагающее членство (ст. 292), и имеющее свои имущественный (ст. 30) и неимущественный (ст. 150) интересы [6]. Интерес семьи упоминается и в СК РФ (п. 2 ст. 39 СК), а также судебной практике (пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства … о расторжении брака») [7].

Обобщив изложенное, можем прийти к заключению, что семья отвечает всем признакам гражданско-правового сообщества. Она устойчива, круг её участников определим, членов семьи связывает довольно специфические внутренние отношения. К примеру, только между супругами могут складываться отношения по перераспределению долей, компенсации вследствие неправомерного распоряжения общим имуществом и т.д. В семье существует и взаимный («внутренний») контроль. В частности, супруг, чья воля не была учтены при отчуждении имущества, вправе требовать признание сделки недействительной (ст. 35 СК РФ). Наконец, у членов семьи есть общая цель, которая достигается с помощью принятия совместных управленческих решений. А если добавить, что семья обладает имуществом и собственным имущественным интересом, то уйдут всякие сомнения в том, что семья – не только «социальный институт» и «ячейка общества», но еще и гражданско-правовое сообщество.

Вывод о том, что семья – некое признаваемое законом частно-правовое сообщество, не является удивительным. Все правовые системы на всех исторических этапах развития рассматривали семью, как союз. Однако не каждый союз порождает правосубъектное образование. Например, союз простых товарищей, объединенных соответствующим договором (ст. 1041 ГК РФ), не создают новый субъект права. Впрочем, этот подход характерен только для отечественного права. Некоторые правовые системы, например, германская, считают, что гражданско-правовые сообщества частично-правоспособны. Вот что пишет на этот счёт У.Б. Филатова: «Общностям собственников в зависимости от их разновидности (общность собственников помещений в многоквартирном доме, общность собственников неделимой вещи, общность супругов и т.д.) тоже придаётся статус юридического или квазиюридического лица с частичной правоспособностью» [2, с. 172]. Таким образом, идея о наделении семьи, как гражданско-правового сообщества, правоспособностью не противоречит догме частного права.

Кроме того, здесь стоит упомянуть Б. Виндшейда и его понимание права, как «установленную юридическим порядком дозволенность воли» [8, с. 82]. Если развить мысль Б. Виндшейда, то выходит, что правосубъектность – способность образования формировать волю и придание ей законодательством юридического значения. Другими словами, право можно приписать тому, чья воля и чье господство признается законом, даже если закон отрицает его в качестве субъекта.

Имеет ли семья волю и придаёт ли ей законодатель правовое значение? В ч. 3 ст. 1 СК РФ указано, что семейные отношения строятся на принципах равенстве прав супругов и разрешению внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. В силу ч. 1 ст. 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. Аналогичное правило закреплено в ст. 253 ГК РФ. Использование законодателем термина «согласие» озна-

чает, что супруги должны сформировать общую волю, которая, вполне возможно, отличается от их подлинной воли, и является результатом компромисса. То есть, можно утверждать не только о существовании воли семьи, как результата компромисса между супругами, но и том, что законодатель придаёт ей правовое значение. Следовательно, семью можно считать субъектом права. А с учетом того, что семья обладает имуществом, то и субъектом права собственности.

Вывод о том, что семья – субъект права уже высказывался в науке. Об этом писал В.В. Кулаков [9, с. 16–20], Ю.Ф Беспалов [10, с. 6–8], Ю.А. Королев [11, с. 61–66], В.И. Иванов и Ю.С. Харитонова [12, с. 27–33], а также другие. В целом мы согласно с этим, но с одним уточнением: право собственности обладает не семья, а сообщество супругов.

Итак, совместной собственности супругов, как разновидности права общей собственности и особого вида господства над вещью, не существует. Тем более, что так называемая «совместная собственность» объединяет не только вещи, а все пассивы и активы сообщества (собственно вещи, имущественные права, денежные обязательства и проч.). Наиболее реалистичная модель совместного обладания имуществом такова: субъектом прав и обязанностей должно признаваться супружеское сообщество, а не отдельные участники, которые лишь выполняют функцию волеизъявления. Несёт ли новая модель практическую выгоду в том смысле, что она способна устранить наиболее часто возникающие споры и противоречия в судебной практике – тема отдельного исследования.

Список литературы:

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 4-е изд. – Казань, 1902. – С. 226; Мейер Д.И. Русское гражданское право. 3-е изд. - Санкт-Петербург, 1864. – С. 285.
2. Филатова У. Б. Проблема разграничения видов общей собственности // Нотариус. – 2011. – №4.
3. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. – М.: Статут, 2005. – С. 233–256.
4. А.В. Егоров. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. - Москва: Статут, 2020. – С. 232–295.
5. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями). – URL: Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 10.01.2024)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации". – URL: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации" | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 10.01.2024)
7. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года №15 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака. – URL: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака" (spinform.ru) (дата обращения: 10.01.2024)
8. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. т. 1. Общая часть. / соч. проф. Гейдельбергского ун-та Виндшейда ; пер. с нем. под ред. и спредисл. С. В. Пахмана орд. проф. С.-Петербургского ун-та. - Санкт-Петербург, 1874. – С. 82.
9. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 16–20.
10. Беспалов Ю. Ф. Семейный интерес и интерес членов семьи, обладающих особым социально-правовым статусом: общее и различное, назначение и ценность для семьи // Семейное и жилищное право. – 2020. – №4. – С. 6–8.
11. Королев Ю.А. Семья как субъект права // Журнал российского права. – 2000. – № 10. – С. 61–66.
12. Иванов В.И., Харитонова Ю.С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. – 2012. – №3. – С. 27 – 33.

A.V. Zarubin. Alternative models common joint property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 216–222.

It is generally accepted that ownership is divided into sole and common, and common into shared and joint. This division is contrary to logic, since the concept of "common property" is not covered by the concept of "property". The existing model of common joint ownership, as a type of property right, also has other disadvantages, so in science there are increasingly calls for the search for alternative models. The first option: the regime of deferred community, which is common in European countries, should come to replace it. The second option: common joint property, as a special right, should be replaced by the property of the family (matrimonial community), as a special civil legal entity. The first option is rejected due to the fact that it has neither significant differences nor obvious advantages compared to the existing model. The second option, on the contrary, is considered promising. To justify the fact that joint property is the property of the family (matrimonial community), a number of sequential problems relating to the nature of the family are resolved; its qualifications as a civil legal community, as well as its legal capacity. In conclusion, he concludes that common joint property should be replaced by the property of the matrimonial community.

Key words: property; ownership; division of ownership; common property right; right of joint ownership; deferred generality mode; civil law community; matrimonial community; legal capacity of the conjugal community; family; family interest; the will of the family.

Spisok literatury:

1.SHershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. 4-e izd. – Kazan', 1902. – S. 226; Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. 3-e izd. - Sankt-Peterburg, 1864. – S. 285.
2.Filatova U. B. Problema razgranicheniya vidov obshchej sobstvennosti // Notarius. – 2011. – №4.
3.Slepakova A.V. Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov. – M.: Statut, 2005. – S. 233–256.
4.A.V. Egorov. Sovmestnaya sobstvennost' suprugov: na pereput'e // Grazhdanskoe pravo social'nogo gosudarstva: sbornik statej, posvyashchennyj 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930 - 2020) / A.G. Arhipova, A.V. Asoskov, V.V. Bezbah i dr.; otv. red. V.V. Vitryanskij, E.A. Suhanov. - Moskva: Statut, 2020. – S. 232–295.
5.Federal'nyj zakon ot 24 oktyabrya 1997 g. N 134-FZ "O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami). – URL: Federal'nyj zakon ot 24.10.1997 N 134-FZ "O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) | GARANT (garant.ru)
6.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 2 iyulya 2009 g. N 14 "O nekotoryh voprosah, voznikshih v sudebnoj praktike pri primenenii ZHilishchnogo kodeksa Rossijskoj Federacii". – URL: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 02.07.2009 N 14 "O nekotoryh voprosah, voznikshih v sudebnoj praktike pri primenenii ZHilishchnogo kodeksa Rossijskoj Federacii" | GARANT (garant.ru)
7.Postanovlenie plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 5 noyabrya 1998 goda №15 O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del o rastorzhenii braka. – URL: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii "O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del o rastorzhenii braka" (spinform.ru)
8.Vindshejd B. Uchebnik pandektnogo prava. t. 1. Obshchaya chast'. / soch. prof. Gejdel'bergskogo un-ta Vindshejda ; per. s nem. pod red. i spredisl. S. V. Pahmana ord. prof. S.-Peterburgskogo un-ta. - Sankt-Peterburg, 1874. – S. 82.
9.Kulakov V. V. Principy semejnogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2017. – № 5. – S. 16–20.
10. Bespalov YU. F. Semejnyj interes i interes chlenov sem'i, obladayushchih osobym social'no-pravovym statusom: obshchee i razlichnoe, naznachenie i cennost' dlya sem'i // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. – 2020. – №4. – S. 6–8.
11. Korolev YU.A. Sem'ya kak sub"ekt prava // ZHurnal rossijskogo prava. – 2000. – № 10. – S. 61–66.
12. Ivanov V.I., Haritonova YU.S. O sub"ektah prava po zakonodatel'stvu Rossii // Grazhdanskoe pravo. – 2012. – №3. – S. 27 – 33.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 223–229.

УДК 343.73

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ НАЛОГОВОГО КОМПЛАЕНСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кравченко Н. А.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются проблемы правовой интерпретации налогового комплаенса и механизмы его внедрения в систему налогового администрирования в условиях цифровизации. Определено, что комплаенс-риски – это риски, возникающие при несоблюдении законодательных норм, и связанные с определением комплекса мер по оценке негативных последствий несвоевременного, неполного, не соответствующего выполнения требований регуляторов различных уровней. Проанализирована правомерность применения ФНС принципов оценки экономической целесообразности операций между налогоплательщиками и контрагентами, оценки налоговых рисков, проверки «недобросовестных контрагентов. Проведен анализ особенностей налогового законодательства в части применения риск-ориентированного подхода, как неотъемлемого этапа внедрения налогового комплаенса. Выделены проблемы и перспективы совершенствования налогового контроля в цифровую эпоху. Сделан вывод о необходимости реализации нормотворческих инициатив в части узаконивания процедуры налогового комплаенса как формы внутреннего контроля за соблюдением налогоплательщиками налогового законодательства и определения направлений государственного регулирования налоговых правоотношений по примеру внедрения системы антимонопольного комплаенса, утверждённого Федерльным законом «О защите конкуренции».

Ключевые слова: налоговый комплаенс, риск-ориентированный подход, налоговый контроль, налоговое администрирование, управление рисками, цифровизация.

Динамичность и непредсказуемость внешней среды, сложность структуры операционных, финансовых, инвестиционных процессов, необходимость действовать в рамках режима санкций и растущие риски кибер-мошенничества способствуют внедрению риск-ориентированного подхода и применению мер налогового комплаенса в налоговых правоотношениях.

Понятие риск-ориентированного подхода в системе налоговых проверок следует рассматривать как обеспечение принципа проведения налоговых проверок в отношении тех налогоплательщиков, риск нарушения налогового законодательства которых является потенциально высоким. Такой подход уменьшает вероятность применения со стороны контролирующих органов процедур налогового контроля к налогоплательщикам, которые добросовестно платят налоги, и снижает на них административное давление. Однако здесь важно, чтобы налогоплательщик точно понимал, какие именно критерии будет использовать ФНС при включении его в план налоговых проверок. Перечень критериев перечислен «Концепции системы планирования выездных налоговых проверок», утвержденной приказом ФНС от 30 мая 2007 г. N ММ-3-06/333@ [1]. В основу положен принцип оценки экономической целесообразности операций между налогоплательщиками и контрагентами, оценки налоговых рисков, проверки «недобросовестных контрагентов». Весомый фактор повышения результативности налоговых проверок – это наличие эффективной системы отбора налогоплательщиков.

Если проанализировать эволюцию риск-ориентированного подхода, то можно выделить несколько этапов его становления и внедрения в деятельность ФНС. До

2013 г. налоговые органы основывали свою работу на концепции планирования выездных проверок и проведении предпроверочного анализа. Следующим этапом был период внедрения концепции риск-нарушений в отношении операций по возмещению НДС и других налогов из бюджета. С 2015 г. используется риск-профиль налогоплательщика, включающий оценку операций налогоплательщиков с точки зрения 78 критериев [1]. Следующие новации коснулись риск-анализа контрагентов и бизнес-окружения, построенного принципу восстановления всей цепочки бизнес-партнеров с целью выявления схем сокрытия прибыли. И последняя тенденция – это оценка склонности к риску, подразумевающая выборку налогоплательщиков по критериям осуществления высокорисковых операций.

Именно цифровые технологии позволяют ФНС аккумулировать метаданные, полученные через систему онлайн касс, реестры, система автоматического обмена информацией о финансовых счетах, в том числе с использованием технологии блокчейн, и автоматически анализировать их с целью выявления рисковых операций. Налоговый риск в данном контексте – это вероятность потери бюджетных поступлений вследствие нарушения налогового и валютного законодательства. Знание, понимание и единообразное толкование регуляторами финансовой системы тех критериев, по которым налогоплательщики могут быть отнесены к рисковым и может обеспечить внедрение система налогового комплаенса.

Compliance (пер. с англ. «соблюдение») с одной стороны может означать систематические действия ответственных субъектов по обеспечению соблюдения законодательства, определенных норм, требований, правил в конкретной области, а с другой стороны – процесс управления, включающий комплекс мер по урегулированию различных рисковых ситуаций. Международная ассоциация комплаенса (International Compliance Association) определяет понятие «комплаенс» как способность действовать в соответствии с законом, сводом правил и норм или установленных требований и внутренних процедур [2]. Комплаенс – это обязанность субъекта обеспечивать соблюдение норм законодательства, правил и иных требований путем разработки и соблюдения определенных внутренних стратегий и процедур.

Термин «комплаенс», который чаще всего используется в области бизнес-администрирования и права, зародился в финансовой системе США в 1970-х и имел первоначально отношение к корпоративной этике и антикоррупционному поведению. Речь идет о дополнительном жестком регулировании со стороны государства бизнес-субъектов, не только и не столько путем законотворческой деятельности, а скорее путем установления правил и норм корпоративного поведения и этики, ведения финансовой отчетности, противодействия коррупции. Иными словами, комплаенс подразумевает меры государственного воздействия на незаконные действия со стороны хозяйствующих субъектов.

Концепция «комплаенса» в финансовом секторе, официально появилась в 2005 г. после опубликования Базельским комитетом по банковскому надзору при Банке международных расчётов (англ. Basel Committee on Banking Supervision of the Bank for International Settlements) документа «Комплаенс и функция комплаенса в банках» [3], в котором были закреплены основные принципы комплаенса и «Хартии Банка международных расчетов», где были впервые обозначены критерии соблюдения банковского компленса: такая организация управления банком, при которой и банковское учреждение, и его сотрудники соблюдают установленные законы, пра-

вила и стандарты, включая этические нормы, а также предотвращение отмывания денежных средств и финансирования терроризма, соблюдение налогового законодательства и прочее. Если банк через своих клиентов участвует в сделках, не соответствующих нормам комплаенса, то это расценивается как содействие нарушению законодательства [4].

Несмотря на тот факт, что комплаенс-контроль берет начало в банковском секторе, сейчас процедуры комплаенса широко применяются и в других сферах. Например, антимонопольный комплаенс в России предполагает использование совершенно конкретных индикаторов внутреннего контроля за соблюдением антимонопольного законодательства с использованием стимулов для субъектов, которые внедряют и активно используют комплаенс [5]. При этом применение комплаенса не освобождает субъект от ответственности за нарушение законодательства, а лишь помогает оценить и предупредить риски совершения правонарушений.

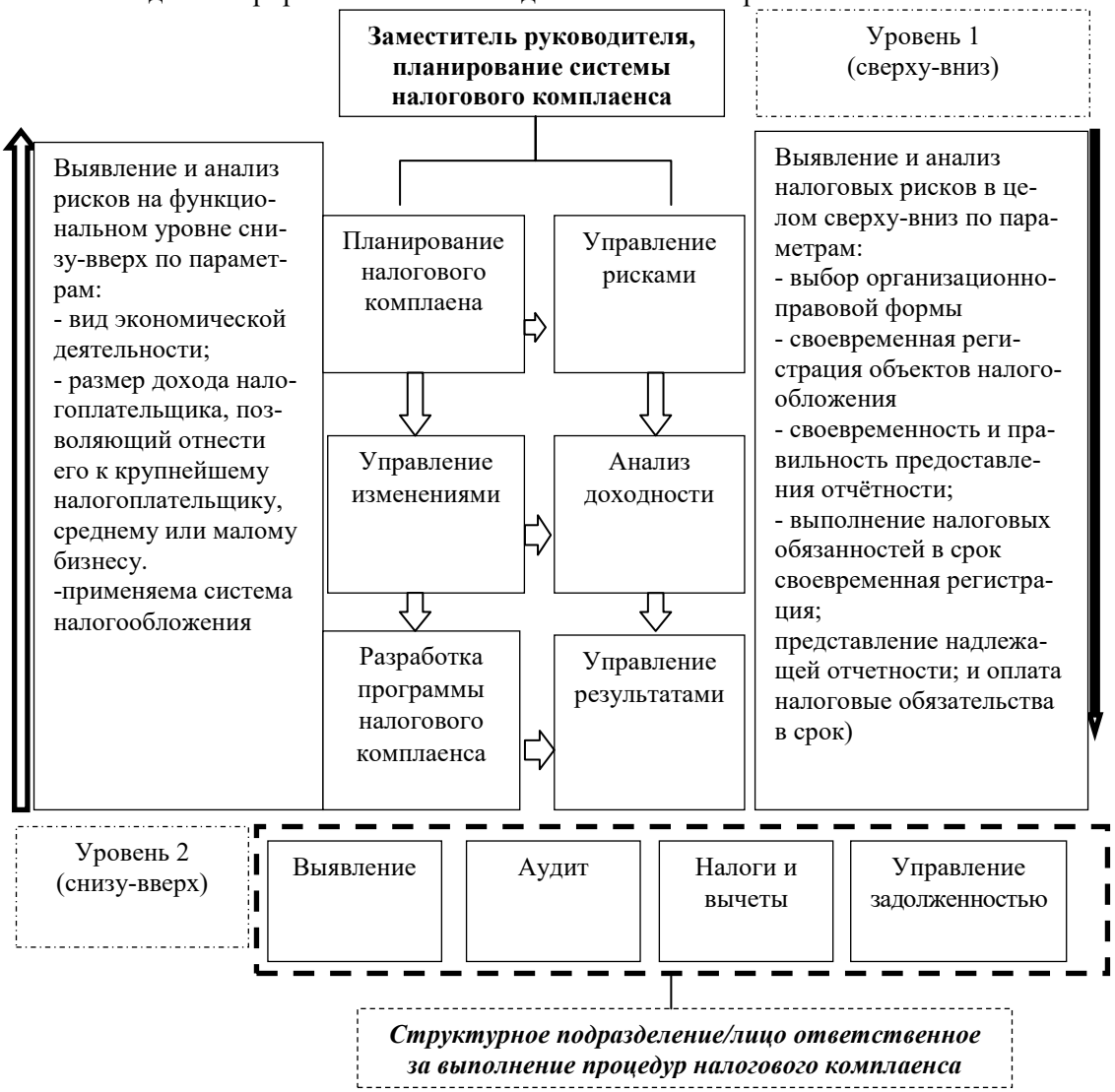
По примеру антимонопольного комплаенса внедрение налогового комплаенса может включать следующие этапы:

1. Утверждение Положения о налоговом комплаенсе.
2. Определение ответственного подразделения/должностного лица.
3. Выявление нарушений налогового законодательства за 3 финансовых года подряд (аудит).
4. Анализ правовых актов, проектов правовых актов.
5. Мониторинг практики применения налогового законодательства, подтверждающей добросовестность налогоплательщика.
6. Составление матрицы рисков нарушения налогового комплаенса.
7. Ранжирование потенциально рисковых операций.
8. Нивелирование рисков путем внедерения системы предупреждения фактов нарушения налогового законодательства.

Система налогового комплаенс-конроля должна включать анализ рисков наступления налоговой ответственности (оценка налоговых обязательств, налоговой базы по конкретным налогам и сборам, правомерность примнения налоговых льгот и вычетов и др.); анализ контрагентов, от которых зависит правильность и полнота исполнения налоговых обязанностей; анализ внутренней и внешней среды налогоплательщика на предмет наличия факторов риска нарушения налогового комплаенса (рис.1) [6].

Комплаенс-контроль следует рассматривать как эффективную альтернативу дальнейшему усложнению и увеличению числа нормативных и ненормативных актов в системе контроля и надзора за деятельностью подконтрольных субъектов. А налоговый комплаенс – как набор мотивов и стимулов для налогоплательщиков, поощряющих их в соблюдении требований законодательства о налогах и сборах [7]. Например, путем внесения в договоры налоговых оговорок в части ответственности контрагентов и третьих лиц в случае выявления незаконной налоговой оптимизации, вступления в процедуру налогового мониторинга, подписание соглашения о ценообразовании. Но налоговый мониторинг и соглашение о ценообразовании, как российский аналог налогового комплаенса доступен не всем налогоплательщикам, а концепция комплаенса может быть эффективно реализована в условиях ее повсеместного внедрения. Похожая модель комплаенса существует в Великобритании, где к субъектам крупного бизнеса применяются максимально прозрачные и понят-

ные для налогоплательщиков критерии, в соответствии которыми организация может стать объектом налоговой проверки, изложенные в специальном программном документе «Внутреннее руководство по управлению рисками налогового комплаенса» [8]. Такая система внутреннего комплаенс-контроля позволяет создать практику «ориентации на лучшего», когда крупнейшие налогоплательщики, успешно применяющие систему комплаенс-контроля, утверждённую государством в соответствующем программном документе, показывают положительный пример применения налогового администрирования по всем видам налогов и сборов.



В Российской Федерации на императивном уровне применение мер налогового комплаенса не предусмотрено. Соответственно, каждый субъект может определить на диспозитивном уровне необходимость применения комплаенс-мер в зависимости от сферы деятельности и с учетом существующих разъяснений ФНС и Минфина, а значит нести все потенциальные налоговые риски и последствия их проявления. Ес-

ли предположить, что применение комплаенса будет закреплено законодательно, то все равно это будет иметь обобщенный характер, поскольку детализированное закрепление мер налогового комплаенса в Налоговом кодеке по отношению ко всем субъектам вряд ли возможно, а главное не должно дублировать уже установленные налоговым законодательством меры налогового контроля и принуждения. Поэтому сейчас налоговый комплаенс реализуется именно в рамках комплекса мер по внутренней политике налогоплательщика [9].

Таким образом, комплаенс входит в систему управления рисками. Налоговые риски-это риски, возникающие в условиях неопределенности в налоговой политике предприятия, при применении схем уклонения от уплаты налогов и нарушении норм налогового законодательства. Обычно для налогоплательщиков налоговый риск означает риск роста налоговой нагрузки вследствие переквалификации сделки, признания ее недействительной или фиктивной, применения расчётных методов определения налоговой обязанности, неправильное исчислении суммы налога к уплате и прочее [10]. Именно здесь налоговый комплаенс, как система контроля и управления рисками налогоплательщика в сфере налогового законодательства, распоряжений контролирующих организаций, внутренних документов, помогает найти баланс частных и публичных интересов без повышения налоговой нагрузки на бизнес.

Комплаенс-риски – это риски, возникающие при несоблюдении законодательных норм, и связанные с определением комплекса мер по оценке негативных последствий несвоевременного, неполного, не соответствующего выполнения требований регуляторов различных уровней. Понимая риск, как наступление факта объективной реальности, следует отметить, что этот факт должен быть связан с определенным действием или событием, что, соответственно, находит отражение в теории юридической науки и подпадает под понятие юридический факт, юридический состав или сложный юридический состав. Но, вместе с тем, классификация юридических фактов по отношению к комплаенс-рискам должна учитывать степень и возможность повлиять на рисковое событие, т.е. дифференцировать риски на внутренние и внешние. К таким внешним факторам риска относятся форс-мажор (в широком смысле его правового толкования), а также изменения в законодательстве, которые могут непосредственно затрагивать возникновение комплаенс-рисков. Внутренние риски проявляются в применяемой учетной политике налогоплательщика, наличии или отсутствии практики анализа контрагентов, применении налоговых оговорок при составлении договоров и прочее. Такая дифференциация рисков служит своего рода источником изменения комплаенс-политики налогоплательщика.

Таким образом, налоговый комплаенс следует рассматривать как систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям налогового законодательства, внедрение которой позволит налогоплательщикам избегать потенциально-рисковых операций, а государству в лице ФНС – обеспечить баланс публичных и частных интересов через внедернеие прозрачной налоговой политики, основанной на взаимодействии и сотрудничестве.

Список литературы:

1. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок (ред. от 10.05.2012): приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ306/333@ № ММВ72/297@. – Документы и комментарии – 13.06.2007. – № 12.

2. Lucie Andreisová. Building and Maintaining an Effective Compliance Program // International Journal of Organizational Leadership 5(2016). P. 24-39.
3. Compliance and the compliance function in banks: Basel Committee on Banking Supervision. 2005. Текст: электронный. – URL: https://www.bis.org/publ/bcbs113.pdf.
4. BIS Compliance Charter. Bank for International Settlements. Revised on 17 March 2018. – URL: https://www.bis.org/about/compliancecharter.pdf . (дата обращения: 11.12.2023).
5. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Российская газета от 27 июля 2006 г. – № 162.
6. Chooi, Annette. Improving Tax Compliance: Establishing a Risk Management Framework. – URL: https://dx.doi.org/10.22617/BRF200038 (дата обращения: 12.12.2023).
7. Овчарова Е.В. Налоговый комплаенс в Российской Федерации, Соединенном Королевстве Великобритании и Соединенных Штатах Америки: принуждение и стимулирование правомерного поведения налогоплательщиков / Е.В. Овчарова, К.А. Тасалов, Д.М. Осина. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2019. – 80 с.
8. Tax Compliance Risk Management. HMRC internal manual. HM Revenue and Customs. – URL: https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/tax-compliance-risk-management/tcrm2200 (дата обращения: 12.12.2023).
9. Тасалов К.А. Правовые проблемы российской концепции риск-ориентированного подхода в налоговой сфере // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – (4). – С. 55-61.
10. Финансовое право: учебное пособие для студентов, которые обучаются по специальностям 40.03.01 - Юриспруденция, 40.02.03 - Право и судебное администрирование / Е.В. Евсикова, С.А. Коловайло, Н.А. Кравченко [и др.]. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – 84 с.

Kravchenko N.A. Legal problems of implementation of tax compliance system in the conditions of digitalisation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 223–229.

The article considers the problems of legal interpretation of tax compliance and mechanisms of its implementation in the system of tax administration in the conditions of digitalisation. It is defined that compliance risks are the risks arising from non-compliance with legislative norms and associated with the definition of a set of measures to assess the negative consequences of untimely, incomplete, inappropriate fulfilment of the requirements of regulators of various levels. The article analyses the legality of application by the Federal Tax Service of the principles of assessing the economic feasibility of transactions between taxpayers and counterparties, assessing tax risks, and checking "dishonest counterparties". The article analyses the peculiarities of tax legislation with regard to the application of risk-oriented approach as an integral stage of tax compliance implementation. The problems and prospects of improving tax control in the digital era are highlighted. It is concluded that it is necessary to implement normative initiatives in terms of legalising the procedure of tax compliance as a form of internal control over taxpayers' compliance with tax legislation and determining the directions of state regulation of tax legal relations by the example of implementation of the antimonopoly compliance system approved by the Federal Law "On Protection of Competition".

Keywords: tax compliance, risk-oriented approach, tax control, tax administration, risk management, digitalisation.

Spisok literatury:

1. Ob utverzhdenii Koncepcii sistemy planirovaniya vyezdnyh nalogovyh proverok (red. ot 10.05.2012): prikaz FNS Rossii ot 30.05.2007 № MM306/333@ № MMV72/297@. – Dokumenty i kommentarii – 13.06.2007. – № 12.
2. Lucie Andreisová. Building and Maintaining an Effective Compliance Program // International Journal of Organizational Leadership 5(2016). P. 24-39.
3. Compliance and the compliance function in banks: Basel Committee on Banking Supervision. 2005. Tekst: elektronnyj. – URL: https://www.bis.org/publ/bcbs113.pdf.
4. BIS Compliance Charter. Bank for International Settlements. Revised on 17 March 2018. – URL: https://www.bis.org/about/compliancecharter.pdf . (data obrashcheniya: 11.12.2023).
5. O zashchite konkurencii: Federal'nyj zakon ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ // Rossijskaya gazeta ot 27 iyulya 2006 g. – № 162.

6. Chooi, Annette. Improving Tax Compliance: Establishing a Risk Management Framework. – URL: https://dx.doi.org/10.22617/BRF200038 (data obrashcheniya: 12.12.2023).
7. Ovcharova E.V. Nalogovyj komplaens v Rossijskoj Federacii, Soedinennom Korolevstve Velikobritanii i Soedinennyh SHtatah Ameriki: prinuzhdenie i stimulirovanie pravomernogo povedeniya nalogoplatel'shchikov / E.V. Ovcharova, K.A. Tasalov, D.M. Osina. Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, YUridicheskij fakul'tet. – M.: IKD «Zercalo-M», 2019. – 80 s.
8. Tax Compliance Risk Management. HMRC internal manual. HM Revenue and Customs. – URL: https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/tax-compliance-risk-management/tcrm2200 (data obrashcheniya: 12.12.2023).
9. Tasalov K.A. Pravovye problemy rossijskoj koncepcii risk-orientirovannogo podhoda v nalogovoj sfere // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – (4). – S. 55-61.
10. Finansovoe pravo: uchebnoe posobie dlya studentov, kotorye obuchayutsya po special'nostyam 40.03.01 - YUrisprudenciya, 40.02.03 - Pravo i sudebnoe administrirovanie / E.V. Evsikova, S.A. Kolovajlo, N.A. Kravchenko [i dr.]. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2023. – 84 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 230–238.

УДК 347.157.1

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мухамедова Э. Э., Полгар М. А.

ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье проведен анализ правового регулирования защиты прав несовершеннолетних. Рассмотрены основные источники правового регулирования прав и свобод несовершеннолетних. Обосновывается, что в гражданском законодательстве применяется собирательный способ изложения конструкции нематериального блага, в результате чего оно объединяет и благо, и право. Аргументируется, что универсальные признаки личных неимущественных прав могут применяться к определению личных неимущественных прав несовершеннолетних лиц в их совокупности и при тесном системном взаимодействии друг с другом. Сделан вывод о том, что представляется необходимым дополнить действующее законодательство положениями, устанавливающими детальный порядок самостоятельной реализации несовершеннолетним своих права на защиту в любой предусмотренной законом форме, с учетом особенностей правового статуса ребенка, особенностей его психо-физиологического развития, а также специфики личных неимущественных прав.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ребенок, нематериальные блага, личные неимущественные права, охрана прав, защита прав, защита прав несовершеннолетних.

Конституцией Российской Федерации в ст. 38 предусматривается, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1]. Согласно положениям ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ: «Государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности» [2].

Данные положения также закреплены и в международном законодательстве. Так, ООН во Всеобщей декларации прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и помощь [3]. В Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) предусмотрено, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания [4]. В Декларации прав ребенка указывается, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной защите и охране, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения [5].

Положения международного законодательства нашли свое дальнейшее развитие и в нормах семейного законодательства. Так, ребенок имеет права на воспитание своими родителями, образование его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. Ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Актуальность вопроса защиты и охраны прав несовершеннолетних обуславливается и тем, что объем, содержание и порядок реализации дееспособности несовершеннолетних весьма сужен, по сравнению с совершеннолетними субъектами. Как следствие, можно констатировать, что в современной действительности возникает ряд проблем, связанных с обеспечением

прав ребенка, прежде всего – личных неимущественных, требующих дальнейшего теоретического и практического осмысления.

Представляется, что прежде всего необходимо определиться с единством понятийного аппарата и определить термин «несовершеннолетний» в контексте законодательства РФ и доктринальных положений. Связано это с тем, что сам термин «несовершеннолетний» является собирательным и универсальным, состоящим из ряда понятийных категорий. Так, ГК РФ различает несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), и – несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Семейное законодательство закрепляет, что ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) (ст. 54 СК РФ) [6]. В ст. 1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» понятие «ребенок» определяется как лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия) [2].

Л.Н. Дягтерева указывает на тот факт, что данный термин является собирательным в силу того, что несовершеннолетним может быть, как гражданин РФ, так и апатрид (бипатрид) [7, с. 6]. Весьма затруднительно не согласиться с данной точкой зрения, однако, на наш взгляд, она не представляется исчерпывающей, поскольку она не описывает существенных признаков анализируемой категории лиц.

Представляется более разветвленной точкой зрения Э.Ю. Мельниковой, которая указывает, что несовершеннолетним можно считать лицо, которое не достигло установленного законом возраста для достижения полной дееспособности. Именно в момент достижения данного возраста лицо управомачивается на реализацию в полном объеме провозглашенных человеку и гражданину субъективных прав и юридических обязанностей [8, с. 36]. Такая трактовка данного термина соответствует нашему пониманию несовершеннолетнего. Стоит сакцентировать внимание на том факте, что законодательство РФ устанавливает границу данного возраста – 18 лет по общему правилу. Следовательно, согласно положениям международного и отечественного законодательства, под понятиями «ребенок», «малолетний», «несовершеннолетний» понимается лицо, не достигшее 18.

Переходя к характеристике личных неимущественных прав несовершеннолетних, представляется необходимым охарактеризовать данную конструкцию с теоретико-правовой точки зрения. Поскольку в силу общепризнанного подхода личные неимущественные права принадлежат человеку и осуществляются в силу его рождения, а некоторые из них - реализовываются в силу наступления определенного законом возраста, представляется, что характеризовать данные права необходимо без привязки к возрастной характеристике субъекта.

Так, Л.О. Красавчикова отмечает, что объектом личных неимущественных отношений являются такие нематериальные блага, которые не имеют и не могут иметь экономических характеристик, а сами по себе представляют особую ценность для субъекта этих прав. Исходя из этого, признаками нематериального блага являются: нетоварность, принадлежность личности как таковой и неразрывная с ней связь [9, с. 23-25].

Рассматривая данный вопрос, нужно обратить внимание, что гражданское законодательство не предусматривает личных неимущественных прав граждан и не

закрепляет их каталог. В ст.150 ГК РФ [10] приводится лишь неисчерпывающий перечень нематериальных благ гражданина. В цивилистической науке отсутствует единство мнений касательно соотношения конструкций личного неимущественного права и нематериального блага. Наиболее емким образом соотношение категорий «субъективное право» и «благо» было охарактеризовано Г.Ф. Шершеневичем, который утверждал, что «субъективное право есть средство для обеспечения пользования благами, но последнее также мало принадлежит к понятию прав, как сад к садовой ограде» [11, с. 613].

Современным основанием для подобной дискуссии является ст. 150 ГК РФ [10]. Легальное наименование нормы позволяет определить все объекты, перечисленные в данной норме, как нематериальные блага. Так, в п.1 данной нормы предусматриваются такие блага как жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага [10]. Перечень таких нематериальных благ является неисчерпывающим. При этом, в данной статье законодателем, помимо собственно нематериальных благ, упоминаются и личные неимущественные права.

Современная цивилистическая доктрина, в свою очередь, не находит единогласной синхронности с законодателем в части толкования ст. 150 ГК РФ. Например, М.Н. Малеина находит некорректным объединение категории право и благо в одну конструкцию. Автор считает, что, не смотря на внешнюю схожесть анализируемых понятий, они имеют концептуальные содержательные отличия. В результате этого автором предлагается исключить из ст. 150 ГК РФ категории личного неимущественного права [12, с. 14].

Однако существуют и сторонники законодательного отождествления права и блага в ст. 150 ГК РФ. Так, например, Т.А. Фадеева отмечает, что законодатель применяет собирательный способ изложения конструкции нематериального блага, в результате чего оно объединяет и благо, и право. Законодатель прибегает к уровневой дифференциации благ. Первым уровнем являются блага, которые имеют неразрывную связь с носителем и существуют вне зависимости от их законодательного закрепления. К таковым относятся жизнь, здоровье, личная неприкосновенность и т.д. Особенностью второго уровня благ является тот факт, что они становятся субъективными гражданскими правами в процессе определения их как объекта правового регулирования, в результате чего возникают конкретные субъективные права, которые являются видом нематериального блага. Среди таковых - право на имя, авторское право и т.д. [13, с. 379–380]. По нашему мнению, именно данный теоретический подход является наиболее корректным, поскольку он всеобъемлющим образом подходит и к определению, и к классификации благ, что позволяет сформировать единство правопонимания анализируемой конструкции и недопущение правоприменительных коллизий.

Стоит отметить, что цивилистическая доктрина на современном этапе своего развития не содержит исчерпывающего перечня критериев, позволяющих отнести те или иные блага или права к неимущественным. В подтверждение данной точки зрения представляется необходимым проанализировать работу А.С. Лолаевой,

которая к подобным критериям относит следующие: принадлежность человеку с рождения и неотъемлемость от его личности; неотчуждаемость в пользу третьих лиц, нахождение под законодательной защитой, отсутствие имущественного содержания, индивидуализация субъекта данного права [14, с. 15]. В свою очередь, Т.В. Дробышевская дополняет данный перечень критериев, концептуально важных для определения права как неимущественного, еще и неограниченностью срока их действия, и невозможностью измерения объема права [15, с. 215]. Малеина М.Н., развивая подобную позицию, особое внимание уделяет абсолютному характеру неимущественных прав [12, с. 124].

По нашему мнению, все данные признаки в совокупности, а не часть из них, могут применяться к определению отличительных признаков личных неимущественных прав несовершеннолетних лиц при тесном системном взаимодействии друг с другом. ГК РФ, в свою очередь, закрепляет лишь перечень нематериальных благ независимо от возраста их носителя, среди которых жизнь и здоровье, достоинство и личная неприкосновенность, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.д. [10].

Необходимо обратить внимание, что в доктрине существуют и иные подходы к рассмотрению личных неимущественных прав ребенка в тесной их связи с возрастными характеристиками субъекта. Среди доктринального разнообразия подходов к классификации неимущественных прав ребенка наиболее детализированной является классификация, предложенная Ю.Ф. Беспаловым. Классификационным основанием в рамках данного подхода являются юридическая природа и отраслевая специфика реализации личных неимущественных прав несовершеннолетнего. В данной классификации выделяются такие права: индивидуализирующие ребенка, например, право на фамилию, имя и отчество; обеспечивающие благополучие ребенка, например, право на проживание и воспитание в семье; определяющие ребенка как полноценного самостоятельного субъекта семейных правоотношений, например, право на защиту [16, с. 116].

Последующий анализ специального законодательства в данной сфере свидетельствует о том, что в СК РФ нормы, предусматривающие личные неимущественные права ребенка, подразделяет данные права ребенка на определенные виды: право жить и воспитываться в семье (данное право включает в себя следующие права: знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, право на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства); право на беспрепятственное общение с родителями и другими родственниками; право выражения собственного мнения; право на фамилию, имя, отчество, в том числе и на их смену; право ребенка на защиту [6].

Дальнейшее изучение судебной практики по защите личных неимущественных прав несовершеннолетних, позволило выделить некоторые категории дел - судебных решений, в отношении которых сформировалась определенная единообразная правоприменительная практика. Среди них:

1. Реализация права на присвоение (смену) имени несовершеннолетнего. Закрепленное СК РФ право ребенка на имя реализуется сразу после его рождения в момент регистрации. По общему правилу, фамилия и имя ребенку присваивается по соглашению родителей, отчество – по имени отца. Интересной представляется

позиция, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2017 года №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», в соответствии с которой решение суда об установлении отцовства — это основание для государственной регистрации установления отцовства [17]. Именно акт об установлении отцовства, в соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ является основанием для внесения изменений в запись акта о рождении ребенка [18].

2. Реализация права на общение с обоими родителями. Примером судебного решения, направленного на эффективную реализацию указанного права, может послужить решение Центрального районного суда г. Тулы по делу №2-1722/2020//. В данном решении суд, ссылаясь на ст. ст. 55, 61, 63, 66 СК РФ, установил порядок общения ребенка с родителями при их разводе [19]. Принимая во внимание психо-эмоциональное состояние несовершеннолетнего ребенка, а так же характеристику отца с места работы, суд установил порядок общения ребенка с отцом не менее одного часа в неделю, учитывая ряд обстоятельств, в том числе, интересы несовершеннолетнего. Данное судебное решение дает основания вести речь о том, что при судебном способе защиты неимущественного права несовершеннолетнего, суд должен принимать во внимание психо-эмоциональное состояние ребенка, его возраст и мнение.

3. Реализация права на жизнь и воспитание в семье. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. №10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» судом указывается на тот факт, что дела, направленные на защиту данного неимущественного права должны назначаться к разбирательству в судебном заседании только после того, как органы опеки и попечительства предоставят соответствующие акты обследования условий жизни несовершеннолетнего [20]. Однако судебная практика не всегда солидарна с данным разъяснением и вступает с ним в некоторый диссонанс, что, безусловно, негативно сказывается на защите неимущественного права несовершеннолетнего.

Далее представляется целесообразным остановиться именно на реализации (осуществлении) права на защиту личных неимущественных прав несовершеннолетнего. Проведенный выше анализ норм ст. 56 СК РФ дает основания сделать вывод о том, что на законодательном уровне на сегодняшний день созданы определенные предпосылки защиты несовершеннолетним своих прав в судебном порядке. Так, согласно вышеназванной нормы защита прав и законных интересов ребенка, по общему правилу, осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных СК РФ, органом опеки и попечительства, прокурором и судом. При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд [6].

Вместе с тем, при наличии законодательно обеспеченной возможности защиты несовершеннолетними лицами своих парав, – отсутствует детально закрепленный

законодательный механизм их защиты. В связи с чем, представляется целесообразным разработка и закрепление процессуально-определенного алгоритма защиты личных неимущественных прав несовершеннолетними лицами самостоятельно. Согласно которому, при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (либо одним из них) своих обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, малолетний либо несовершеннолетний гражданин будет иметь реальную возможность самостоятельной защиты своих личных неимущественных прав. Такая возможность должна распространяться не только на защиту фундаментальных естественных прав, которыми опосредуются нематериальные блага, предусмотренные гражданским законодательством, но и на защиту иных имущественных прав.

Согласно п 2. ст. 2 ГК РФ неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ [10]. Представляется, что положения данной нормы предусматривают возможность применения к защите прав и свобод человека, а также к защите нематериальных благ различных форм гражданско-правовой защиты субъективных гражданских прав (как юрисдикционных, так и – неюрисдикционных). Такой подход законодательного закрепления защиты прав и свобод граждан свидетельствует о создании усиленного режима их правовой охраны. В связи с чем актуализируется необходимость создания надлежащего механизма реализации несовершеннолетними лицами своих прав, связанных с обращением в суд за их защитой, а также возможностей, связанных с самозащитой своих прав, либо связанных со специальными способами защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав.

В научной литературе, как правило, отмечается, что при разрешении в суде подобных споров судья должен руководствоваться не только буквой закона, но и духом разрешаемого спора, ведь есть необходимость в учете прямых интересов ребенка. Однако, в силу высокого уровня оценочности понятия «прямой интерес ребенка», обобщенности конструкции защиты нематериальных благ, в рамках правоприменительной практики возникает ряд проблемных вопросов. Прежде всего, это вопрос об определении интереса ребенка. Данная дефиниция отсутствует как в законодательном поле, так и в судебной практике. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. №10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [20] только указывает на необходимость и важность учета интересов малолетних и несовершеннолетних физических лиц при осуществлении защиты их прав, однако не содержит определения либо толкования данной категории.

Следует также обратить внимание, что специфическим средством судебной защиты неимущественных прав несовершеннолетних является учет их мнения при разрешении дела, которое затрагивает их собственные интересы. Обязательным является учет мнения несовершеннолетнего ребенка, достигшего 10 лет. Например, в порядке ст. 59 СК РФ, при принятии решения о смене имени и (или) фамилии. Так же невозможна реализация права на жизнь и воспитание ребенка в семье без учета его мнения при достижении десятилетнего возраста в случае принятия решения об усыновлении или передачи ребенка в приемную семью, в порядке ст. ст. 132 и 154 Семейного кодекса РФ соответственно [6]. Однако из данного правила есть

исключение. В том случае, если мнение ребенка противоречит его собственным интересам, суд может не принять его во внимание.

Последующий анализ доктринальных положений, дает возможность определить содержание категории «прямой интерес ребенка». Право на обеспечение прямого интереса ребенка является комплексным правом. Его реализация подразумевает возможность вмешательства государства для качественного правоприменительного процесса. Связано это с тем, что в силу недостаточно сформированного психо-эмоционального восприятия мира интерес ребенка отождествляется с интересом родителя, который имеет большую степень влияния на восприятие ребенком окружающей действительности. В связи с этим представляется необходимым использовать спихо-эмоциональные экспертизы при возникновении спорных ситуаций для оценки уровня психо-физиологического развития несовершеннолетнего, его возможности и готовности самостоятельно определить собственный интерес. В то же время, право на обеспечение прямого интереса ребенка подразумевает и наличие негативного права в собственной конструкции. Например, в процессе реализации экономических прав ребенка, субъективное право на определение прямого интереса ребенка трансформируется в свободу от вмешательства государства в принятие несовершеннолетним субъектом решения. Следовательно, комплексный характер права на определение прямого интереса ребенка одновременно сочетает в себе материальные (учет интереса ребенка при принятии любого решения в сего участием) и процессуальные (прямой интерес ребенка как процессуальное правило) начала.

Таким образом, учитывая указанные особенности правового статуса ребенка, особенности его психо-физиологического развития, а также специфику личных неимущественных прав, представляется необходимым дополнить действующее законодательство положениями, закрепляющими детальную законодательную регламентацию защиты малолетними либо несовершеннолетними своих личных неимущественных и иных имущественных прав в любой предусмотренной законом форме гражданско-правовой защиты. Также рекомендовать судам высших инстанций в целях обеспечения наиболее полной защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, а также правильного и единообразного применения судами норм ГК РФ и СК РФ, регулирующих указанные правоотношения, дать разъяснения по определению содержания и понятия «интерес ребенка».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
2. Об основных гарантиях прав ребенка в РФ: Федеральный закон №124-ФЗ от 24 июля 1998 года. // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2023. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/(дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.

5. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года // Организация объединенных наций: [сайт]. – 2024. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
7. Дягтерева, Л.Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография. / Л.Н. Дягтерева. - Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. - 78 с. – Текст: непосредственный.
8. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие. - 2-е изд., испр., доп. / Э.Б. Мельникова. – М, 2001. - 272 с. – Текст: непосредственный.
9. Красавчикова, Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: специальность 12.00.03: «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Красавчикова Лариса Октябриевна. - Екатеринбург, 1994. - 43 с. – Текст: непосредственный.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
11. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич - М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с. – Текст: непосредственный.
12. Маленина, М.Н. Личные неимущественные права граждан. / М.Н. Маленина. – М.: Пресс, 2016. 452 с. – Текст: непосредственный.
13. Сергеев, А.П. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. - М.: Велби, 2013. - 1008 с. – Текст: непосредственный.
14. Лолаева, А.С. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / А.С. Лолаева, Ф.З. Джикаева. – Текст: непосредственный // Аграрное и земельное право. - 2020. - № 9. - С. 14-18.
15. Дробышевская, Т.В. Личные неимущественные права граждан. / Т.В. Дробышевская. – М.: Юрайт, 2016. - 345 с. - Текст: непосредственный.
16. Суханов, Е.А. Гражданское право: учебник. / под ред. Е.А. Суханова. - М.: «WoltersKluwer», 2018. – 496 с. – Текст: непосредственный.
17. О применении судами законодательство при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 №16 // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
18. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон №143-ФЗ от 15.11.1997 года // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2023. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
19. Решение Центрального районного суда г. Тулы по делу №2-1722/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – 2023. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/QR0gANm1iV5R/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.
20. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 // Гарант: [сайт]. – 2024. – URL: https://base.garant.ru/12111896/ (дата обращения 17.11.2023) – Текст: электронный.

Muhamedova E.E., Polgar M.A. The problems of protection of personal non-property rights of minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 230–238.

The article deals with the legal regulation of the protection of the rights of minors. The main sources of legal regulation of the rights and freedoms of minors are considered. It is substantiated that in civil legislation a collective method of presenting the structure of an intangible good is used, as a result of which it combines both good and law. It is argued that universal characteristics of personal non-property rights can be applied to the determination of personal non-property rights of minors in their totality and in close systemic interaction with each other. It is concluded that it seems necessary to supplement the current legislation with provisions establishing a detailed procedure for minors to independently exercise their rights to protection in any form of protection provided for by law, taking into account the specifics of the child's legal status, the characteristics of his psycho-physiological development, as well as the specifics of personal non-property rights.

Key words: minor, child, intangible benefits, personal non-property rights, protection of rights, protection of rights, protection of the rights of minors.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) // KonsultantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
2. Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v RF: Federal'nyy zakon №124-FZ ot 24 iyulya 1998 goda. // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
3. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noy Assambleyey OON 10.12.1948) // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
4. Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noy Assambleyey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/(data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
5. Deklaratsiya prav rebenka. Prinyata rezolyutsiyey 1386 (KHIV) General'noy Assamblei OON ot 20 noyabrya 1959 goda // Organizatsiya ob"yedinennykh natsiy: [sayt]. – 2024. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
6. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
7. Dyagtereva, L.N. Teoretiko-pravovyye osnovy zashchity konstitutsionnykh prav i svobod nesovershennoletnikh v Rossii: monografiya. / L.N. Dyagtereva. - Tambov: OOO «Konsaltingovaya kompaniya Yukom», 2017. - 78 s. – Tekst: neposredstvennyy.
8. Mel'nikova, E.B. Yuvenal'naya yustitsiya: Problemy ugolovnogo prava, ugolovnogo protsessa i kriminologii: Ucheb. posobiye. - 2-ye izd., ispr., dop. / E.B. Mel'nikova. – M, 2001. – 272 s. – Tekst: neposredstvennyy.
9. Krasavchikova, L.O. Ponyatiye i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii: spetsial'nost' 12.00.03: «Grazhdanskoye pravo; predprinimatel'skoye pravo; semeynoye pravo; mezhdunarodnoye chastnoye pravo» avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / Krasavchikova Larisa Oktyabriyevna. - Yekaterinburg, 1994. – 43 c. – Tekst: neposredstvennyy.
10. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
11. Shershenevich, G.F. Obshchaya teoriya prava / G.F. Shershenevich - M.: Izd. Br. Bashmakovykh, 1911. – 698 c. – Tekst: neposredstvennyy.
12. Malenina, M.N. Lichnyye neimushchestvennyye prava grazhdan. / M.N. Malenina. – M.: Press, 2016. 452 s. – Tekst: neposredstvennyy.
13. Sergeyev, A.P. Grazhdanskoye pravo: uchebnik. T. 1 / pod red. A.P. Sergeyeva. – M.: Velbi, 2013. – 1008 s. – Tekst: neposredstvennyy.
14. Lolayeva, A.S. Ponyatiye i priznaki ob"yektov intellektual'noy sobstvennosti / A.S. Lolayeva, F.Z. Dzhikayeva. – Tekst: neposredstvennyy // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2020. – № 9. – S. 14–18.
15. Drobyshevskaya, T.V. Lichnyye neimushchestvennyye prava grazhdan. / T.V. Drobyshevskaya. – M.: Yurayt, 2016. – 345 s. – Tekst: neposredstvennyy.
16. Sukhanov, Ye.A. Grazhdanskoye pravo: uchebnik. / pod red. Ye.A. Sukhanova. – M.: «WoltersKluwer», 2018. – 496 s. – Tekst: neposredstvennyy.
17. O primenenii sudami zakonodatel'stvo pri rassmotrenii del, svyazannykh s ustanovleniyem proiskhozhdeniya detey: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16.05.2017 №16 // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
18. Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya: Federal'nyy zakon №143-FZ ot 15.11.1997 goda // Konsul'tantPlyus: [sayt]. – 2024. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
19. Resheniye Tsentral'nogo rayonnogo suda g. Tuly po delu №2-1722/2020 // Sudebnyye i normativnyye akty RF: [sayt]. – 2023. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/QR0gANm1iV5R/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy.
20. O primenenii sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannykh s vospitaniyem detey: postanovleniye: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 maya 1998 g. № 10 // Garant: [sayt]. – 2024. – URL: https://base.garant.ru/12111896/ (data obrashcheniya 17.11.2023) – Tekst: elektronnyy

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 239–246.

УДК 349.23

СИСТЕМА ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СТОРОН ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Русских Т. В.
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Свобода труда, провозглашенная в качестве одного из конституционных принципов, на практике в большей мере является правовой фикцией. Как правило, человек действительно свободен в труде только в момент осознанного выбора формы осуществления трудовой деятельности (заключения гражданско-правового или трудового договора, регистрации в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя, поступления на государственную службу и т. д.). В научной статье предпринята попытка доказать, что применительно к сфере трудового права наиболее соответствует действительности принцип свободы сторон трудового договора, ограниченной в определенных пределах. Автором сделан вывод, что в условиях современной реальности одним из критериев конституционности ограничения свободы сторон трудового договора должна выступать система традиционных российских духовно-нравственных ценностей, впервые на нормативном уровне закреплённая Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Именно опора на традиционные российские духовно-нравственные ценности при обеспечении баланса интересов сторон трудового договора соответствует, по мнению автора, отраженной в стратегии национальной безопасности тенденции.

Ключевые слова: свобода труда, работник, работодатель, трудовой договор, свобода сторон трудового договора, интерес, баланс интересов, национальная безопасность, традиционные ценности, справедливость.

Свобода как некое «идеологическое клише» рассматривается в современном социуме в качестве неотъемлемого спутника демократии, очевидного явления, обязательно присущего обществу и не требующего объяснений. Насколько действительно реальна свобода в целом и свобода в отдельных сферах жизнедеятельности, в частности, в сфере труда? Можно ли говорить о реальной свободе человека, которому взамен оформления трудовых отношений надлежащим образом как единственный вариант возможного трудоустройства предлагают заключение гражданско-правового договора оказания услуг в устной форме? В случае увольнения по сокращению штата теперь уже бывший работник свободен от определённого работодателя, но та ли это свобода, которая нужна ему в данный момент?

Закрепленная в нормативных правовых актах посредством предоставления субъектам прав и возможностей действовать по собственному усмотрению, по своей сути свобода является правовой фикцией. Человек не свободен, так как в реальности его поступки продиктованы прежним опытом, социокультурными факторами, состоянием здоровья и жизненными установками. Он зависим от внешних и внутренних составляющих: семейных обстоятельств, психологических потребностей, физиологических желаний, необходимости удовлетворить стремления своей личности и т.п. Человеком зачастую движет страх, боязнь того, что он не сможет с чем-то справиться, не оправдает ожидания других людей, будет порицаем, что в совокупности оказывает влияние на внешние проявления – действия, например, по поиску

работы. Страх может парализовать волю и диктовать правила игры, в результате чего человек отказывается от борьбы и конкуренции за трудоустройство на желаемую должность, соглашается с заключением трудового договора на заведомо невыгодных условиях из опасений остаться без работы. Действительная свобода вне зависимости от сферы, применительно к которой о свободе идет речь, возможна только внутри самого себя. Когда человек перестает всего бояться, начинает бороться со своими страхами, слабостями, доходит до состояния, при котором он может сделать осознанный выбор – тогда справедливо говорить о том, что он внутренне свободен. «Мы бываем свободны, когда мы живем, когда наша личность полностью участвует в творчестве нашей жизни», – писал С.А. Левицкий [10, с. 136].

Свобода труда провозглашена в основополагающих нормативных правовых актах как международного уровня, так и уровня Российской Федерации. Но применительно к трудовому праву она в большей мере также является правовой фикцией. На наш взгляд, человек действительно свободен в труде, когда он выбирает форму этого труда и, определившись с выбором, регистрируется в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя, поступает на военную или гражданскую службу, заключает гражданско-правовой договор оказания услуг или выполнения работ, либо вступает в трудовые отношения. Только при том условии, что человек делает этот выбор осознанно, руководствуясь внутренней духовной свободой, можно говорить, что он реализовал свободу труда. Далее, уже вступив в трудовые отношения, человек становится зависим от работодателя и многое в своем выборе осуществляет не через призму самостоятельного решения, а повинуясь правилам внутреннего трудового распорядка, желанию оправдать надежды работодателя, страхом потерять работу или не получить премию. Он соглашается на введение дополнительных обязанностей в должностную инструкцию, добровольно-принудительно принимает одностороннее изменение должностной инструкции и вменение дополнительных трудовых обязанностей, терпит безосновательное снижение заработной платы, так как переживает, что конфликт с работодателем может в целом привести к потере работы и, как следствие – дохода, необходимого для выживания.

В статье 2 Трудового кодекса РФ базовым принципом правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений провозглашена свобода труда [2]. Фактически же с момента вступления соискателя в процесс заключения трудового договора, свобода труда конкретного индивида начинает ограничиваться как работодателем, так и законом, диктующими определенные «правила игры». В частности, работодатель вправе устанавливать требования к деловым качествам потенциального работника, обусловленные характером работы, предъявлять к претенденту на замещение вакантной должности иные требования, обусловленные выполняемой работой или предусмотренные действующим законодательством. При этом указанные требования могут быть не только напрямую, но и опосредованно связанны с профессионально-квалификационными характеристиками той или иной работы, касаться состояния здоровья и личностных качеств соискателя [6]. Сама их связь с будущей трудовой функцией зачастую сомнительна, но критерий, позволяющий отграничить допустимые требования от дискриминационных в большинстве случаев отсутствует. Действительно, в нормативных правовых актах устанавливаются запреты и ограничения, касающиеся заключения трудового договора на выполнение отдельных трудовых функций с определенными

категориями лиц. В частности, трудовое законодательство запрещает применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (ст. 265 ТК РФ). Вместе с тем, правовое регулирование не может охватывать все сферы трудовой деятельности и зачастую требования, предъявляемые для трудоустройства на ту или иную должность, устанавливаются непосредственно работодателем безотносительно к фактически требуемой к выполнению работе. Работник не может быть свободен и далее, в процессе существования трудового отношения, поскольку в первую очередь он зависим от возложенных на него обязанностей и необходимости соблюдать дисциплину труда. Более того, некоторые категории работников даже за пределами рабочего времени обязаны исполнять определенные должностные обязанности (в частности, работники, выполняющие воспитательные функции, – следовать нормам профессиональной этики, чтобы не быть уволенными за совершение аморального поступка, несовместимого с продолжением трудовой деятельности в замещаемой должности).

Работодатель в свою очередь, будучи стороной трудового отношения, является потребителем наемного труда и априори не может выступать в качестве субъекта, на которого распространяет сферу действия принцип свободы труда. Можно ли его в целом исключить из сферы действия принципа свободы применительно к трудовым отношениям? Для работодателя, н наш взгляд, более применим принципа свободы экономической деятельности, закрепленный в ст. 8 Конституции РФ [1]. Тем не менее, справедливым будет отметить, что не все работодатели являются субъектами экономической деятельности. Так, например, работодатели-физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, могут нанимать работников только для личного и бытового обслуживания. Отраслевой же принцип, по нашему мнению, должен носить универсальный характер и быть применимым ко всем работодателям. При этом работодатель, так же, как и работник, не может быть абсолютно свободен в трудовом отношении. Он зависим от необходимости соблюдения налогового, административного, уголовного права. Например, под угрозой быть привлеченным к юридической ответственности за нарушение трудового законодательства, работодатель-образовательная организация не вправе принять на работу любого обратившегося гражданина и т.д.

Полагаем что на работодателя, как и работника, должен распространять свое действие принцип свободы, но интерпретировать его следует не как принцип свободы труда, а иным образом. Считаем наиболее логичным и соответствующим действительности для современного трудового права не провозглашение свободы труда (которая по факту в трудовом праве отсутствует), а закрепление по аналогии с гражданским правом принципа свободы договора. В процессе всех этапов существования трудового договора фактически имеют место и свобода работника, и свобода работодателя. Соответственно, представляется целесообразным в качестве принципа трудового права обозначить принцип свободы сторон трудового договора, что неоднократно отмечалось нами ранее [12]. При этом абсолютная аналогия гражданского и трудового права невозможна. Еще в начале XX века о наличии в трудовом праве «публично-правовых и частноправовых средств воздействия, свойственных публичному и частному праву» писал Л.С. Таль [14, с. 1-2].

Следует констатировать, что государственное вмешательство в сферу свободы – неотъемлемый спутник трудовых отношений. Соответственно, применительно к трудовому праву необходимо признать факт ограничения свободы сторон трудового договора. Как нами уже было отмечено ранее, частно-публичный характер трудового права предопределяет необходимость закрепления на уровне закона факта ограничения свободы сторон трудового договора [12, с. 173]. Провозглашение принципа свободы сторон трудового договора и определение пределов ограничения названной свободы будет в наибольшей степени соответствовать современным реалиям. Вместе с тем это ограничение должно быть конституционным, обеспечивающим баланс публичных и частных интересов. Р. Иеринг доказывал, что «цель права заключается в уравновешивании интересов в обществе, в нахождении компромисса между ними» [9, с. 533]. При этом, как обоснованно отмечает А.Ф. Пьянкова, «согласование интересов – непростая задача: законодателю постоянно приходится делать выбор между равным образом обоснованными и законными интересами» [11, с. 30]. Какой из них должен быть приоритетным при решении, в частности, вопроса конституционности ограничения свободы работника, либо работодателя применительно к конкретной ситуации?

А.Ф. Пьянкова полагает, что «основополагающим критерием установления баланса интересов не только в частном, но и в публичном праве должен стать принцип приоритета прав человека, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [11, с. 31]. Действительно, Конституция Российской Федерации закрепляет базовые принципы, выступающие основой развития нашего государства. Тем не менее, среди них обозначены не только соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, но и иные ценности: уважение человека труда, преемственность в развитии Российского государства, признание исторически сложившегося государственного единства, экономическая, политическая и социальная солидарность и т.д. Полагаем, что в условиях современной реальности баланс публичных и частных интересов должен выступать критерием конституционности ограничения свободы сторон трудового договора во взаимосвязи с системой традиционных российских ценностей, которые в конце 2022 года впервые в истории России были переведены в правовую плоскость. В п. 5 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» дано определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [4]. К традиционным ценностям, согласно Указу, относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Вполне

обоснованно можно согласиться с авторами, считающими, что всё перечисленное – «*общечеловеческие ценности в их национальном, конкретно-цивилизационном выражении»* [13]. В целом следует согласиться с мнением председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина о том, что «конституционализация общероссийских нравственных ценностей» началась с внесения изменений в Конституцию РФ, одобренных в результате общероссийского голосования 1 июля 2020 года и «придавших новый импульс конституционно-правовому развитию России» [8].

В качестве одного из доказательства того, что система традиционных российских ценностей может выступать одним из критериев конституционности ограничения свободы сторон трудового договора можно привести следующее. Защита прав, свобод и законных интересов российских граждан является одним из национальных интересов нашего государства, чем в числе прочего и была обусловлена современная внешняя политика России, на нужды которой необходимо консолидировать силы. В связи с этим в 2022 году в законодательстве появились нормы, регулирующие правовой статус работников оборонно-промышленного комплекса. Согласно изменениям, внесённым в ст. 252 Трудового кодекса РФ, Правительству РФ делегированы полномочия устанавливать особенности правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах при введении в сфере экономики мер специального характера [5]. Одновременно введена новая статья 26.1 в Федеральный закон «Об обороне», где определено, что «в случае принятия Правительством Российской Федерации решений о введении специальных мер в сфере экономики, юридические лица независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности не вправе отказываться от заключения государственных контрактов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами Российской Федерации контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации» [3].

Следствие приведенного выше правового регулирования – сокращение объема трудовых прав и ограничение свободы при осуществлении трудовой деятельности работниками оборонно-промышленных предприятий в сравнении с работниками других организаций. В частности, Постановлением Правительства РФ от 01.08.2022 № 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах» работников, выполняющих работы, связанные с выполнением государственных контрактов, разрешено привлекать к сверхурочной работе без их согласия в течение года при условии, что продолжительность её в течение дня не должна превышать 4 часов [5]. В отличие от общего правила установлено, что доведение графика сменности до сведения работников допускается не менее чем за 3 дня до введения в действие. Продолжительность еженедельного непрерывного отдыха сокращена до 24 часов, тогда как по общему правилу, установленному в Трудовом Кодексе РФ, она составляет 42 часа и т.д. Как мы видим, при ограничении трудовых прав и свобод работников оборонно-промышленного комплекса критерием ограничения выступили интересы не отдельного работника и работодателя, а национальные интересы граждан Российской Федерации и государства, выполняющего важную конституционную задачу обороны. При этом ограничения были установлены не федеральным законом, как это прописано в ст. 55 Конституции РФ, а подзакон-

ным актом. Критерием дифференциации правового регулирования труда выступили не характер и условия работы, а специальные меры в сфере экономики, принятые Правительством РФ.

Среди обозначенных в приведенном ранее Указе Президента РФ ценностей названы созидательный труд, приоритет духовного над материальным, патриотизм, гражданственность и служение Отечеству. Выполняя определенную трудовую функцию в любой сфере деятельности, а особенно – в сфере оборонно-промышленного комплекса – каждый человек должен осознавать свою причастность к будущему страны, ощущать потребность внести вклад в развитие государства и общего блага. Соответственно, ограничение свободы работника в сфере труда должно восприниматься не как нарушение законных прав, а как необходимость, присущая не только трудовому праву на современном историческом этапе, но и трудовому праву в целом. Аналогично ограничение свободы работодателя должно восприниматься последним как необходимость, обусловленная стремлением государства обеспечить баланс национальных интересов и частных интересов работника и работодателя.

В свою очередь осознание человеком важности своего труда должно поддерживаться социально-экономической политикой государства, возводящей любой труд в ранг социально-престижного. Нельзя забывать о том, что для большинства граждан нашей страны трудовая деятельность является источником дохода, средств к существованию, необходима для выживания. Более того, наряду с перечисленными выше, в качестве одной из традиционных ценностей Указом Президента РФ обозначена справедливость. Справедливость как ценность, на наш взгляд, не должна быть фикцией. Если обратиться к современной российской действительности, вызывает интерес позиция философа А.Г. Дугина: «В нашем обществе, давайте скажем честно, почти нет, а может, вообще нет справедливости. И вдруг она объявляется традиционной ценностью. Это как затронуть самую главную на протяжении веков струну нашего народа. Если не будет справедливости, то пусть вообще ничего не будет, подчас считает русский человек. Справедливость – это струна нашей идентичности, нашего чаяния. Мы хотим не уравниловки, мы хотим справедливости. Чтобы талантливый получал по заслугам… Несправедливость – это плохо не только по отношению к нам, когда мы становимся её жертвами. Русский человек переживает, когда творится несправедливость по отношению совсем к другому, далёкому, неизвестному ему человеку» [7]. С этими словами нельзя не согласиться. Если ограничение свободы работника либо работодателя в трудовых отношениях, закрепленное на государственном уровне будет с точки зрения общества несправедливым, заведомо направленным на извлечение выгоды исключительно работодателем либо работником, баланс интересов не будет достижим и вызовет резонанс. Справедливость норм, устанавливающих как права и свободы, так и ограничения прав и свобод – ключевой аспект надлежащего правового регулирования безотносительно к сфере деятельности, о которой идет речь.

Таким образом, баланс публичных и частных интересов выступает необходимым условием конституционности ограничения свободы работника и работодателя в трудовом праве, а в современных реалиях – одним из механизмов по обеспечению стабильности общества. Система традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основа российского социума, позволяющая защищать и укреплять

суверенитет России, обеспечивать единство, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала в свою очередь должна выступать основополагающим критерием законности установления данного баланса.

Список литературы:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.12.2023 г.)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) // http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.12.2023 г.)
3. Федеральный закон от 31.05.1996 №61-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об обороне» // http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.12.2023 г.)
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.12.2023 г.)
5. Постановление Правительства РФ от 01.08.2022 № 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах» (вместе с «Особенностями правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях оборонно-промышленного комплекса, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах» // Собрание законодательства РФ, 08.08.2022, № 32, ст. 5839
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 72, 08.04.2004
7. Азбука традиционных ценностей. Серия VIII. «Справедливость». [Электронный ресурс] // https://www.geopolitika.ru/article/azbuka-tradicionnyh-cennostey-seriya-viii-spravedlivost/ (дата обращения 01.12.2023 г.)
8. Зорькин В.Д. Под знаком обновленной Конституции РФ. 12 декабря 0023 г. // http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96 (дата обращения 12.12.2023 г.)
9. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. – 592 с.
10. Левицкий С.А., Трагедия свободы, 1984. – 350 с.
11. Пьянкова А.Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография // А.Ф. Пьянкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 244 с.
12. Свобода сторон трудового договора при его заключении, изменении, расторжении и пределы её ограничения : спец. 12.00.05 - Трудовое право; право социального обеспечения : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Т. В. Русских, ГОУВПО "Удмуртский государственный университет" ; науч. рук. В. С. Колеватова. - Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. – 203 с.
13. Смысл понятия «традиционные ценности» [Электронный ресурс] // https://babylon.ru/motivational-models-socio-economic-formations/chast-2-smysl-ponyatiya-tradiczionnye-czennosti/ (дата обращения 01.12.2023 г.)
14. Таль Л.С. Очерки промышленного права, 1916 г. – 539 с.

T. V. Russkikh. The system of traditional russian spiritual and moral values as one of the criteria for the constitutionality of restricting the freedom of the parties to an employment contract // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 239–246.

Freedom of work, proclaimed as one of the constitutional principles, is more of a legal fiction in practice. As a rule, a person is really free to work only at the moment of conscious choice of the form of employment (conclusion of a civil law or employment contract, registration as a self-employed or individual entrepreneur, admission to public service, etc.). The scientific article attempts to prove that, in relation to the field of labor law, the principle of freedom of the parties to an employment contract, limited within certain limits, most corresponds to reality. The author concludes that in the conditions of modern reality, one of the criteria for the constitutionality of restricting the freedom of the parties to an employment contract should be the system of traditional Russian values, which for the first time at the regulatory level is fixed by Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated 11/19/2022 «On Approval of the Foundations of state Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values». It is the reliance on traditional Russian spiritual and moral values while ensuring a balance of interests between the parties to an employment contract that, in the author's opinion, corresponds to the trend reflected in the national security strategy.

Keywords: freedom of work, employee, employer, employment contract, freedom of the parties to the employment contract, interest, balance of interests, national security, traditional values, justice.

Spisok literatury:

1. Konstituciya RF (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya 01.12.2023 g.)
2. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 №197-FZ (red. ot 19.12.2022, s izm. ot 11.04.2023) // http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya 01.12.2023 g.)
3. Federal'nyj zakon ot 31.05.1996 №61-FZ (red. ot 28.04.2023) «Ob oborone» // http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya 01.12.2023 g.)
4. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» // http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya 01.12.2023 g.)
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.08.2022 № 1365 «Ob osobennostyah pravovogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij v otdel'nyh organizaciyah, ih strukturnyh podrazdeleniyah i na otdel'nyh proizvodstvennyh ob"ektah» (vmeste s «Osobennostyami pravovogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij v otdel'nyh organizaciyah oboronno-promyshlennogo kompleksa, ih strukturnyh podrazdeleniyah i na otdel'nyh proizvodstvennyh ob"ektah» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 08.08.2022, № 32, st. 5839
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 № 2 (red. ot 24.11.2015) «O primenenii sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta, № 72, 08.04.2004
7. Azbuka tradicionnyh cennostej. Seriya VIII. «Spravedlivost'». [Elektronnyj resurs] // https://www.geopolitika.ru/article/azbuka-tradicionnyh-cennostey-seriya-viii-spravedlivost/ (data obrashcheniya 01.12.2023 g.)
8. Zor'kin V.D. Pod znakom obnovlennoj Konstitucii RF. 12 dekabrya 0023 g. // http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96 (data obrashcheniya 12.12.2023 g.)
9. Zor'kin V.D. Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii. M., 2011. – 592 s.
10. Levickij S.A., Tragediya svobody, 1984. – 350 s.
11. P'yankova A.F. Obespechenie balansa interesov v grazhdansko-pravovyh dogovorah: monografiya // A.F. P'yankova; Perm. gos. nac. issled. un-t. – Perm', 2014. – 244 s.
12. Svoboda storon trudovogo dogovora pri ego zaklyuchenii, izmenenii, rastorzhenii i predely eyo ogranicheniya : spec. 12.00.05 - Trudovoe pravo; pravo social'nogo obespecheniya : dis. na soisk. uchen. step. kand. yurid. nauk / T. V. Russkih, GOUVPO "Udmurtskij gosudarstvennyj universitet" ; nauch. ruk. V. S. Kolevatova. - Izhevsk : Udmurt. un-t, 2011. – 203 s.
13. Smysl ponyatiya «tradicionnye cennosti» [Elektronnyj resurs] // https://babylon.ru/motivational-models-socio-economic-formations/chast-2-smysl-ponyatiya-tradiczionnye-czennosti/ (data obrashcheniya 01.12.2023 g.)
14. Tal' L.S. Ocherki promyshlennogo prava, 1916 g. – 539 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 247–253.

УДК: 347.441.12

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ КОНТРАКТОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Шигонина Л. А., Волкова И. Ю.

В статье анализируются особенности регулирования и определения существенных условий контрактов для государственных или муниципальных нужд. Изучаются нормативно-правовые акты, регламентирующие данный вопрос и точки зрения, сформулированные учеными-цивилистами. На основе анализа правоприменительной практики арбитражных судов рассмотрены существующие подходы судебных органов при определении существенных условий контрактов. По итогам проведенного исследования сформулированы выводы относительно источников, содержащих существенные условия контрактов: наиболее рациональным представляется определять существенные условия контракта исходя из положений ГК РФ, Закона о контрактной системе и извещения, заявки или закупочной документации.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, государственный контракт, существенные условия, извещение о проведении закупки.

Система гражданско-правовых договоров в Российской Федерации характеризуется широкой вариативностью. По отношению к каждому из договоров законом закрепляются условия, согласование которых является обязательным для того, чтоб он считался заключенным. В юридической доктрине и практике такие условия принято называть существенными. Правильное определение существенных условий влияет не только для установления момента заключения договора, но и для применения соответствующих юридических норм к сложившимся правоотношениям.

Особой разновидностью гражданско-правовых договоров является контракт для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее – контракт), заключаемый между публично-правовым субъектом и физическим или юридическим лицом, осуществляющим хозяйственную деятельность. В отличие от договоров между частноправовыми субъектами, контракты заключаются для выполнения задач и функций государства и удовлетворения публичных потребностей. Кроме того, контракт от иных договоров отличает то обстоятельство, что офертой на его заключение является извещение о проведении конкурентной процедуры. При заключении и исполнении государственных контрактов необходимо соблюдать нормы антимонопольного законодательства и обеспечивать условия для поддержания надлежащего состояния конкуренции. По этой причине в проекте государственного контракта, размещаемого при опубликовании закупочной документации, должны содержаться все условия, влияющие на круг потенциальных участников.

Отличия контракта от договоров, заключенных между частноправовыми субъектами обуславливают специфику определения его существенных условий. Изменение существенных условий контракта не допускается [1] и влечет административную ответственность [2]. Поэтому вопрос определения существенных условий в контракте, помимо вопроса о его заключёнии, влияет и на наличие или отсутствие оснований для привлечения к ответственности.

Заключение контрактов является неотъемлемой частью функционирования государства и, как следствие, гражданского оборота. Изучение данного вопроса имеет большое теоретическое и практическое значение.

Проблема определения существенных условий контрактов была предметом изучения в юридической науке, однако однозначного ответа на вопрос, что является существенными условиями контракта, остается дискуссионным. Значимость данного вопроса для надлежащего исполнения публичных функций путем заключения контрактов, а также влияние корректности определения существенных условий на применение иных юридических норм обуславливают актуальность настоящего исследования.

Контракт по правовой природе представляет собой гражданско-правовой договор, поэтому правоотношениям, сложившимся из его заключения, применимы положения п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно указанной норме существенными условиями являются условия о предмете, условия, которые названы в правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [3].

В Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) указаны условия, которые обязательно должны быть в тексте контракта. Прежде всего, отметим, что контракт должен заключаться на условиях, предусмотренных извещением о проведении закупки, документацией о закупке, заявкой участника закупки [1].

Кроме того, Законом о контрактной системе устанавливается, что такой контракт должен содержать условие о цене, которая является твердой (ч.2 ст.34); об ответственности заказчика и поставщика (ч.4 ст.34); о порядке и сроках оплаты товара, работы или услуги (п.1 ч.13 ст.34); об уменьшении суммы, подлежащей уплате заказчиком юридическому лицу или физическому лицу на размер обязательных платежей в бюджеты бюджетной системы, связанных с оплатой контракта (п.2 ч.13 ст.34). В контракт, помимо этого, могут быть включены условия о возможности одностороннего отказа от исполнения контракта и об удержании суммы неисполненных поставщиком требований об уплате неустоек, предъявленных заказчиком (ч.14 ст. 34).

С учетом проведенного исследования, целесообразно отметить, что в юридической науке существуют разные подходы к определению и классификации существенных условий контракта.

Так, Е. В. Бабылкина, проведя детальное исследование правовой природы контрактной системы, отметила о наличии единой межотраслевой природы, сложности устройства контрактных отношений, которые можно решить путем классификации по отраслевым признакам [4, с.157, 159]

Е. А. Цатурян, говоря о существенных условиях контракта, отталкивается от существенных условий любого гражданско-правового договора как «договора-правоотношения», где недостаточно лишь позиций, которые отражены в самом договоре. Кроме того, указанный автор различает «существенные» и «обязательные» условия контракта [5, с.129, 130, 131].

Таким образом, мысль сводится к наличию объективных и субъективных существенных условий контракта.

К. В. Косарев и Ю. А. Борзенко, рассматривая вопросы о содержании контракта, уже достаточно давно указали на «несогласованность» между «существенными» и «обязательными» условия, пришли к выводу, что нормотворец в Законе № 44-ФЗ считает их тождественными [6, с.140, 141].

Конкретизируя объективные условия, исследователи делят их на три группы: (1) с учетом норм ГК РФ (для конкретного вида); (2) с учетом Закона N 44-ФЗ (для каждого вида); (3) с учетом иных нормативных правовых актов РФ (для каждого вида). В качестве же субъективных существенных условий расценивают условия, указанные в извещении о закупке [5, с.131-132].

Для формирования наиболее корректной позиции относительно того, каким образом необходимо определять существенные условия контрактов, проанализируем материалы правоприменительной практики и позиции судебных органов, сформулированные относительно существенных условий контрактов.

Прежде всего, анализируя существенные условия контракта, судам необходимо учитывать нормы ГК РФ, регулирующие соответствующий вид договора, так как объектом контракта могут быть любые товары, работы или услуги, не запрещенные законодательством.

Применительно к контрактам на выполнение подрядных работ Р. Б. Куличев отмечал, что существенные условия содержатся не только в ГК РФ (отражают специфику подрядных работ), но и в Законе о контрактной системе (отражают специфику государственного контракта как договора) [7, с.10]. Данная точка зрения представляется рациональной, так как выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд регулируется и нормами ГК РФ, и Законом о контрактной системе, что обуславливает закрепление существенных условий в обоих актах.

В качестве подтверждения рассмотрим спор о взыскании задолженности за выполненные работы по контракту. Так, в процессе реализации контракта истец вышел за рамки проектно-сметной документации, и выполнил работы, не включенные в смету. По мнению истца, ответчик обязан был принять работы, несмотря на наличие расхождений между сметой и фактически выполненными работами. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав, что существенными условиями контракта на выполнение подрядных работ являются условия, позволяющие определить конкретный вид работы, срок ее выполнения и цену работы. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд признал отклонение от сметной документации изменением существенных условий договора подряда в одностороннем порядке [8].

Таким образом, для контракта на выполнение подрядных работ существенными условиями в силу указания на то в ГК РФ [9] являются предмет (п.1 ст.702 ГК РФ) и срок (п.1 ст.708 ГК РФ), а также цена, согласно положениям закона о контрактной системе. Применительно к контрактам с иными объектами существенные условия необходимо определять исходя из положений ГК РФ, регулирующих соответствующий вид договора, и Закона о контрактной системе.

Стоит отметить, что помимо существенных условий, указанных в ГК РФ, судебные органы обращают внимание на положения Закона о контрактной системе. Так, условия, не являющиеся существенными для договоров, заключаемых вне кон-

трактной системы, являются существенными для контракта. Примером этого является условие об авансе. Частноправовые субъекты могут заключить любой договор, не предусмотрев условие об авансе, установив его позже путем заключения дополнительного соглашения. Однако в контракте условие о выплате аванса должно быть указано изначально. Если же оно не было предусмотрено в проектной документации, дальнейшее его установление будет незаконным. В подтверждение сказанного рассмотрим несколько судебных дел.

К примеру, Арбитражный суд Красноярского края [10], рассмотрел заявление о признании незаконным постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности за изменение условия контракта в части установления аванса, не предусмотренного в закупочной документации, где заявитель утверждал, что условие об авансе определяет лишь форму взаиморасчетов между сторонами и не является существенным условием контракта, поэтому его действия нельзя расценивать как изменение существенных условий контракта.

Суд не согласился с доводами заявителя, указав, что к числу существенных условий относятся такие условия договора, которые формируют существо правоотношений сторон и потому являются необходимыми и достаточными для заключения договора, а также условия, создающие возможность исполнения обязательства для достижения правовой цели договора. Более того, существенные условия должны быть согласованы сторонами и непосредственно выражены в тексте договора, а потому для определения того или иного условия договора в качестве существенного необходимо исходить из существа регулирования договора определенного вида. Таким образом, существенными для контракта являются обязательные для опубликования условия, они влияют на потенциальный круг участников и состояние конкуренции, а также на формирование существа договорного обязательства. Суд апелляционной инстанции оставил решение в силе [11].

Однако заявитель не согласился с доводами и обратился с кассационной жалобой. Верховный Суд Российской Федерации [12] отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения, согласившись с позицией Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа [13]: к договорным обязательствам, возникшим из контракта, должны применяться нормы закона о контрактной системе, которые являются специальными по отношению к нормам ГК РФ и предусматривают условие о порядке работ как существенное.

В другом деле по иску прокуратуры о признании недействительным дополнительного соглашения к государственному контракту, устанавливающее условие о выплате аванса, ранее контрактом не предусмотренное, суд, изучив текст соглашения, признал внесение условия об авансе изменением существенного условия контракта, поскольку условие о порядке и сроках работ является существенным условием контракта по смыслу положений ГК РФ и закона о контрактной системе, удовлетворил исковые требования [14]. Проанализированные судебные акты свидетельствуют о том, что условие об авансе является существенным для публичных контрактов, в отличие от договоров, заключаемых между частными субъектами.

Так, закон о контрактной системе устанавливает в качестве существенного условия порядок расчета между сторонами, что включает в себя, в том числе, и условие об авансе. Это устанавливается исходя из того, что при наличии условия об авансе изначально круг участников закупки будет значительно шире, чем при его отсут-

ствии. Поэтому закрепление условия об авансе после определения поставщика ограничивает конкуренцию. В этом вопросе условие об авансе касается не только антимонопольного, но и гражданско-правового регулирования.

Изучая цепочку законодательных актов, необходимо указать, что существенные условия контракта, помимо законов должны содержаться и в извещении о проведении закупки. Данный вывод следует из указания на то, что контракт заключается на условиях, указанных в извещении. В спорах из нарушений условий контракта суды учитывают положения извещения для определения существенных условий. Несмотря на доводы сторон о соблюдении иных условий, судебные органы признают нарушение существенных условий, сформулированных в извещении, незаконным.

Сказанное становится яснее и подтверждается при рассмотрении следующего дела, где образовательное учреждение высшего образования просит взыскать штраф за ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных государственным контрактом.

Исходя из материалов дела, в техническом задании стороны согласовали, что ответчик обязуется поставить фотокамеру в комплекте с дополнительным оборудованием со страной происхождения товара Япония. При этом ответчик поставил товар, произведенный в Китае. Поставщик против заявленных требований возражал, мотивировав это тем, что технические характеристики товара полностью соответствует условиям спецификации. Кроме того, ответчик указал, что основное производство изготовителя оборудования расположено в Японии, однако помимо заводов в Японии производитель имеет свои производства в Китае, а представители компании заранее не сообщают, с какого из заводов будет произведена поставка оборудования.

Суд, удовлетворяя исковые требования, обратил внимание на то, что условие о стране происхождения товара было предусмотрено извещением, а потому является существенным. Соответственно, поставка товара с иной страной происхождения, отличной от указанной в контракте, без согласия заказчика, направлена на одностороннее изменение поставщиком условия о его предмете, что запрещено законодательством [15, 16].

Рассмотренные судебные акты подтверждают, что помимо ГК РФ и Закона о контрактной системе существенные условия контракта могут содержаться в извещении о проведении закупки. Таким образом, в заключенном контракте могут быть существенные условия, не предусмотренные ни ГК РФ, ни законодательством о контрактной системе.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что для государственного контракта, как гражданско-правового договора, важным является определение круга существенных условий. Если для договоров, заключаемых между частноправовыми субъектами, это имеет значение лишь для определения факта заключения договора, то в контексте заключения публичного контракта: для состояния конкуренции, определения круга потенциальных участников и для корректного применения норм закона и положений контракта, регулирующих ответственность за изменение и нарушение существенных условий контракта.

Конкретизируя всё изложенное, можно отметить, что поскольку контракт является гражданско-правовым договором, заключаемым для удовлетворения государственных или муниципальных нужд, его объектом могут быть любые товары, рабо-

ты или услуги, исходя из чего, для определения существенных условий необходимо руководствоваться положениями ГК РФ, регулирующими тот или иной вид договора.

Кроме того, существенные условия контракта вне зависимости от разновидности гражданско-правового договора устанавливаются в Законе о контрактной системе. Наличие или отсутствие того или иного условия может существенно повлиять на субъектный состав участников конкурентной процедуры. По этой причине такие условия закрепляются как существенные для поддержания высокого уровень конкуренции и обеспечения максимально широкого круга участников.

В отличие от иных договоров, существенные условия контракта содержатся не только в ГК РФ и иных законах, но и в извещении о проведении закупки, которое представляет собой оферту. На основании этого, условия, которые не установлены в качестве существенных, могут являться таковыми в силу их закрепления в извещении. Таким образом, наиболее рациональным представляется определять существенные условия контракта исходя из положений ГК РФ, Закона о контрактной системе и извещения, заявки или закупочной документации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (посл. ред.) // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013. N 14. Ст. 1652.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 5 декабря 1994 года, №32, Ст. 178-179.
4. Бабылкина, Е. В. Частно-публичные аспекты контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: к дискуссии о правовой природе / Е. В. Бабылкина. – Текст: непосредственный //Алтайский юридический вестник. – 2020. – №. 4. – С. 155-161.
5. Цатурян, Е. А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография / Е. А. Цатурян. — Москва: Статут, 2020. - 224 с. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1153123 (дата обращения: 09.01.2024). – Режим доступа: по подписке.
6. Косарев, К. В., Борзенко Ю. А. К вопросу о содержании контракта / К. В. Косарев, Ю. А. Борзенко - Текст: электронный // Вестник Кузбасского института. - 2014. - №1 (18). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-kontrakta (дата обращения: 09.01.2024).
7. Куличев, Р. Б. Правовое регулирование подрядных работ для государственных нужд / Р. Б. Куличев. – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2016. - 192 с. - Текст: непосредственный.
8. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2023 по делу № А19-5540/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/37Zygb (дата обращения: 30.12.2023).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 12.09.2023) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.
10. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 09.02.2021 по делу № А33-37134/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/37Zymg (дата обращения: 05.01.2024).
11. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 26.03.2021 по делу № А33-37134/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/37ZyXf (дата обращения: 30.05.2023).
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2021 № 302-ЭС21-12194 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/37ZxNM (дата обращения: 09.01.2024).
13. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.05.2021 по делу № А33-37134/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/3482FB (дата обращения: 09.01.2024).
14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.05.2022 по делу № А64-8789/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/37ZyMh (дата обращения: 12.12.2023).

15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2021 № 304-ЭС21-10280 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: clck.ru/37Zy4B (дата обращения: 13.01.2024).
16. Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/a06f34cf-23c8-42ae-8660-4e6dc0c82025 (дата обращения: 13.01.2024).

Shigonina L. A., Volkova I. Yu. Problems of determining the essential terms of contracts for state or municipal needs // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 247–253.

The article analyzes the specifics of regulation and definition of essential terms of contracts for state or municipal needs. The normative legal acts regulating this issue and the points of view formulated by civil scientists are being studied. Based on the analysis of the law enforcement practice of arbitration courts, the existing approaches of judicial authorities in determining the essential terms of contracts are considered. Based on the results of the study, conclusions were drawn regarding sources containing essential terms of contracts: it seems most rational to determine the essential terms of the contract based on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Law on the Contract System and notices, applications or procurement documentation.

Keywords: civil law contract, government contract, essential conditions, notice of purchase.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 N 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» (posl. red.) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 08.04.2013. N 14. St. 1652.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 25.12.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.01.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, N 1 (ch. 1), st. 1.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 24.07.2023) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 5 dekabrya 1994 goda, №32, St. 178-179.
4. Babylkina, E. V. Chastno-publichnye aspekty kontraktnoj sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: k diskussii o pravovoj prirode / E. V. Babylkina. – Tekst: neposredstvennyj //Altajskij yuridicheskij vestnik. – 2020. – №. 4. – S. 155-161.
5. Caturyan, E. A. Gosudarstvennyj kontrakt v grazhdanskom prave Rossii: problemy teorii i praktiki: monografiya / E. A. Caturyan. — Moskva: Statut, 2020. - 224 s. - Tekst: elektronnyj. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1153123 (data obrashcheniya: 09.01.2024). – Rezhim dostupa: po podpiske.
6. Kosarev, K. V., Borzenko Yu. A. K voprosu o soderzhanii kontrakta / K. V. Kosarev, Yu. A. Borzenko - Tekst: elektronnyj // Vestnik Kuzbasskogo instituta. - 2014. - №1 (18). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-kontrakta (data obrashcheniya: 09.01.2024).
7. Kulichev, R. B. Pravovoe regulirovanie podryadnyh rabot dlya gosudarstvennyh nuzhd / R. B. Kulichev. – Moskva: Yuridicheskij Dom «Yusticinform», 2016. - 192 s. - Tekst: neposredstvennyj.
8. Postanovlenie Chetvertogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 13.01.2023 po delu № A19-5540/2022 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/37Zygb (data obrashcheniya: 30.12.2023).
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 12.09.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.01.1996, N 5, st. 410.
10. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnoyarskogo kraya ot 09.02.2021 po delu № A33-37134/2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/37Zymg (data obrashcheniya: 05.01.2024).
11. Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 26.03.2021 po delu № A33-37134/2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/37ZyXf (data obrashcheniya: 30.05.2023).
12 Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.08.2021 № 302-ES21-12194 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/37ZxNM (data obrashcheniya: 09.01.2024).
13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 27.05.2021 po delu № A33-37134/2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/3482FB (data obrashcheniya: 09.01.2024).
14. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 26.05.2022 po delu № A64-8789/2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/37ZyMh (data obrashcheniya: 12.12.2023).
15. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.06.2021 № 304-ES21-10280 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: clck.ru/37Zy4B (data obrashcheniya: 13.01.2024).
16. Elektronnoe pravosudie. Kartoteka arbitrazhnyh del. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/a06f34cf-23c8-42ae-8660-4e6dc0c82025 (data obrashcheniya: 13.01.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 254-259.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341.4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Абисова К. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Каждое государство превыше всего ставит собственные национальные интересы над интересами международного сообщества, ввиду указанного большая часть этих интересов обеспечивается за пределами государства. Растет роль внешней политики в их реализации. Происходит осознание того, что национальные интересы могут быть обеспечены лишь путем межгосударственного сотрудничества. Совершенно логично заключить, что успех одного государства в противодействии терроризму невозможен без взаимодействия с другими государствами при наличии эффективных национальных механизмов борьбы с преступностью. Поскольку терроризм представляет серьезную опасность для всего международного сообщества, следовательно, только сотрудничество государств способно принести серьезные успехи в противодействии данной угрозе в XXI в. И только посредством применения общепризнанных принципов и норм международного права в совокупности с деятельностью международных организаций, сотрудничеством государств и применением национальных законодательных положений можно эффективно противостоять терроризму. Исследование направлено на анализ актуальных и перспективных форм и методов международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму на институциональном уровне.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, международное сообщество, ООН, СНГ, ШОС, сотрудничество, региональные соглашения.

ООН. Эффективность международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму достигается не только вследствие выполнения государствами международно-правовых обязательств, содержащихся в международных документах, но и благодаря координирующей деятельности международных организаций, основной целью деятельности которых является борьба с терроризмом. Ключевая и ведущая роль в борьбе с терроризмом отведена Организации Объединенных Наций, которой был подготовлен целый пакет антитеррористических конвенций и протоколов. Но учредители ООН пошли дальше в решении проблемы борьбы с терроризмом и учредили специальный международный орган – Совет Безопасности ООН, обладающий серьезными полномочиями в принятии решительных действий в борьбе с преступностью и, что самое важное, обязывающий государства закреплять в национальном законодательстве соответствующие механизмы противодействия преступности и сотрудничества с другими государствами.

Совет Безопасности ООН – ключевой международный орган, играющий важную роль в международном сотрудничестве государств в борьбе с терроризмом. Благодаря усилиям Совета Безопасности ООН, как мы уже отмечали ранее, были приняты соответствующие резолюции, в которых осуждались акты терроризма на территории различных государств, терроризм был признан преступлением, представляющим серьезную опасность для международного мира, угрожающим безопасному существованию государств, а также закреплялись всеобще обязывающие механизмы сотрудничества государств в борьбе с терроризмом.

Совет Безопасности ООН учредил специальный орган – Контртеррористический комитет, созданный для контроля за выполнением резолюций Совета Безопасности ООН и помощи государствам в борьбе с терроризмом, сотрудничества и координации деятельности как между организациями ООН, так и между региональными организациями. Во исполнение Резолюции 1267(1999) [1] от 15 октября 1999 г. в целях надзора за осуществлением санкционных мер в отношении физических лиц, организаций, воздушных судов, находящихся в собственности или арендующихся движением «Талибан», Совет Безопасности ООН учредил Комитет по санкциям, которым приняты санкции в отношении организаций, связанных с деятельностью таких террористических организаций, как «Талибан», «Аль-Каида», ИГИЛ (ДАИШ) и «Ан-Нусра» [2, с. 91; 3, с. 180-189; 4, с. 93]. Принятые Комитетом санкционные меры сводились к следующему: замораживание финансовых и экономических активов лиц или организаций, которые фигурируют в санкционном списке; запрет на поездки, т. е. запрет въезда на территорию государства лиц, включенных в санкционный список, а также транзитного проезда через территорию государства; эмбарго на поставки оружия.

Сотрудничество государств в сфере противодействия терроризму эффективно осуществляется не только посредством выполнения международных обязательств, закрепленных в международных конвенциях и резолюциях международных организаций, не менее эффективно оно происходит и в рамках деятельности региональных организаций. При этом деятельность региональных организаций, принимающих соответствующие правовые документы по вопросам борьбы с терроризмом, не подменяет, а наоборот, дополняет существующую международную систему борьбы с терроризмом.

СНГ. Существование террористической угрозы для стран – участниц СНГ не является мифическим по причине не только внутригосударственных политических разногласий, но и в связи с тем, что Российская Федерация по своему географическому расположению близка к районам с «очагами нестабильности». В данном случае речь идет не только о ситуации на афгано-таджикской границе или ситуации вокруг Нагорного Карабаха, но и о геополитических интересах на территории Сирии, где наше государство осуществляет в рамках норм международного права военную помощь в борьбе с деятельностью террористических организаций. Террористическая угроза как раз и заключается в том, что боевики-террористы, прошедшие специальную подготовку на территории отдельных государств, в условиях высокой мобильности могут проникать на территорию нашего государства, а также территории государств – участников региональных соглашений для осуществления террористической деятельности. Такая ситуация только повышает необходимость планомерного сотрудничества государств в рамках региональных организаций для осуществления противодействия терроризму во всех формах его проявления.

Одной из таких организаций выступает Содружество Независимых государств (далее – СНГ). В рамках СНГ принята обширная нормативная база, направленная на сотрудничество государств-участников в борьбе с терроризмом [1].

[1]См.: Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью 1998 г.; Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.; Соглашение об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью 2009 г.; Договор государств – участников

Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г. заложил правовую основу в борьбе с терроризмом на территории государств – участников СНГ. Именно в рамках данного договора решением Совета глав государств СНГ от 11 октября 2019 г. была принята Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы [5], определившая своей основной целью совершенствование сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и насильственными формами экстремизма и предусмотревшая комплекс мер для ее достижения.

Сложившаяся в 90-е гг. на территории бывших советских республик ситуация террористической угрозы потребовала от государств – участников СНГ принятия серьезных организационных мер, в частности создания специализированного органа, который бы осуществлял координацию деятельности органов безопасности, спецслужб и правоохранительных органов в борьбе с терроризмом и насильственным проявлением экстремизма. Так, решением Совета глав государств СНГ 21 июня 2000 г. был создан Антитеррористический центр государств – участников СНГ. В соответствии с Положением об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ [6] он имеет своей целью обеспечение взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и насильственными проявлениями экстремизма.

Резолюцией Совета Безопасности ООН 1373(2001) продиктована необходимость сотрудничества государств в борьбе с терроризмом в рамках двусторонних и многосторонних соглашений. Учитывая положения данной резолюции, Антитеррористический центр государств – участников СНГ осуществляет сотрудничество с большинством международных организаций по вопросам борьбы с терроризмом. В рамках такого сотрудничества между представителями Антитеррористического центра государств – участников СНГ и представителями таких организаций осуществляются рабочие контакты по вопросам, касающимся деятельности данных организаций, а также участие в совместных мероприятиях по выработке единых подходов в борьбе с терроризмом.

Решением Совета глав государств СНГ от 7 октября 2002 г. [7] было открыто Отделение Антитеррористического центра государств – участников СНГ по Азиатскому региону. Отделение по Азиатскому региону является структурным подразделением Антитеррористического центра, обеспечивающим на региональном уровне координацию взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ Центрально-Азиатского региона в борьбе с терроризмом и насильственным проявлением экстремизма.

ШОС. Сотрудничество государств в сфере противодействия терроризму осуществляется в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), которой были подготовлены Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г. [8], Конвенция ШОС против терроризма 2009 г. [9]. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, се-

---

СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма 2007 г.; Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом 2000 г. и др.

паратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г. стала первым правовым документом в рамках данной организации, заложив правовую основу антитеррористического сотрудничества государств-участников. Помимо нормативных определений терроризма, экстремизма и сепаратизма, закрепленных в Конвенции, государства – участники ШОС, выполняя международные обязательства по борьбе с терроризмом, выработали практические шаги по антитеррористическому сотрудничеству. В рамках ШОС была принята обширная нормативно-правовая база по сотрудничеству в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, взрывчатых веществ, а также заключен ряд соглашений о порядке проведения антитеррористических мероприятий. Важным шагом в деятельности ШОС стало учреждение её Региональной антитеррористической структуры. Региональная антитеррористическая структура ШОС осуществляет взаимодействие с компетентными органами государств участников ШОС, сотрудничество с Антитеррористическим центом СНГ, Международной организацией уголовной полиции, иными международными организациями [10, с. 264–265].

Рассматривая вопрос о сотрудничестве государств в борьбе с терроризмом в рамах деятельности региональных международных организаций, важно отметить высокую значимость такого сотрудничества. Государства – участники региональных организаций тесно связаны между собой, это проявляется в близости и схожести национальных правовых систем, религиозных, культурных, национальных традиций, а также дает возможность более оперативного реагирования на существующие террористические угрозы.

Полагаем, что Российская Федерация, как участница международных и региональных конвенций и протоколов в борьбе с терроризмом, должна взять на себя роль того государства, которое будет способствовать развитию и совершенствованию сотрудничества государств – участников СНГ, ШОС в борьбе с терроризмом во всех формах его проявления. С учетом данного обстоятельства и анализа нормативных правовых документов СНГ и ШОС, направленных на борьбу с терроризмом и насильственными формами экстремизма, можно заключить: во-первых, в рамках СНГ и ШОС принята обширная нормативно-правовая база, регулирующая сотрудничество государств-участников в борьбе с терроризмом и насильственными формами экстремизма; во-вторых, большинство государств – участников СНГ и ШОС ратифицировали международно-правовые документы ООН, направленные на борьбу с терроризмом, финансированием терроризма и предикатными преступлениями, хотя некоторыми государствами не приняты необходимые правовые меры в национальном законодательстве; в-третьих, учрежденные в рамках СНГ и ШОС органы, выполняя международно-правовые обязательства по борьбе с терроризмом, принятые в рамках ООН, осуществляют планомерную совместную работу по борьбе с данным трансграничным преступлением, угрожающим безопасности государств, а также осуществляют сотрудничество с международными правительственными организациями по борьбе с терроризмом и финансированием терроризма; в-четвертых, несмотря на имеющийся положительный опыт государств – участников СНГ и ШОС в борьбе с терроризмом и насильственными формами экстремизма, в связи с существующими между отдельными государствами политическими разногласиями создаются проблемы в скоординированности работы компетентных органов государств-участников в борьбе с терроризмом и экстремизмом,

что требует от государств взвешенной и планомерной совместной работы по унификации правовой базы, проведению совместных антитеррористических мероприятий, жесткому пограничному контролю, принятию совместных мер по противодействию кибертерроризму, биотерроризму, эффективному взаимодействию с международными организациями по противодействию финансированию терроризма и применению санкций в отношении террористов на основании решения Комитета ООН по санкциям.

Несмотря на изменяющуюся политическую обстановку в мире, напрямую затрагивающую проблемы борьбы с терроризмом, выхода или отказа государств от участия в региональных и международных антитеррористических конвенциях, ключевая роль сотрудничества государств в борьбе с терроризмом сохраняется за ООН и ее вспомогательными органами, принимающими общеобязательные для исполнения государствами-участниками антитеррористические документы.

Список литературы:

1. Резолюция Совета Безопасности ООН 1267(1999): принята на 4051-м заседании 15 окт. 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/300/46/PDF/N9930046.pdf?OpenElement (дата обращения: 08.12.2023).
2. Ахмедов Э.Ю. Международно-правовые основы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом при содействии вспомогательных органов совета безопасности ООН и региональных организаций СНГ и ШОС: дис. …канд. юрид наук. Казань, 2017.
3. Grey S.R. The Ideological Evolution & Geopolitical Transformation of Islamist Militant Terrorism in the Middle East & Southeast Asia : diss. / S.R. Grey. – Univ. of Waikato, 2012. – 209 p.
4. Altenbern M. Prospects for Resolving Conflicts Involving Religious Terrorists: Afghanistan, the Taliban, and Strategic Jihad : diss. / M. Altenbern. – George Mason Univ., 2012. – 130 p.
5. Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы: принята решением Совета глав государств СНГ 11 окт. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cisatc.org/1291/1334 (дата обращения: 08.12.2023).
6. Положение об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ (с изм. и доп. от 26.09.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cisatc.org/132/166/189 (дата обращения: 08.12.2023).
7. О создании Отделения Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств по Центрально-Азиатскому региону [Электронный ресурс]: решение Совета глав государств СНГ от 7 окт. 2002 г. URL: https://www.cisatc.org/132/166/195 (дата обращения: 08.12.2023).
8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г. // Собр. законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.
9. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: ратифицирована Федер. законом от 2 окт. 2010 г. № 253-ФЗ // Бюл. международных договоров. 2012. № 10.
10. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Международное сотрудничество в сфере противодействия преступности на современном этапе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, № 2(10). С. 260–268.

Abisova K.S. International ways of counterterrorism:approach of institutionalism // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 254-259.

Each state priorities its own national interests among all the interests of the international community thus leading to the fact that most of these interests are ensured outside the state. Consequently, the role of foreign policy in their implementation is growing. The realisation is formed that national interests can be maintained only through global cooperation. Therefore, a logical conclusion is drawn that success of one state in terms of counterterrorism measures is not possible without any cooperation with other states provided that there are well-implemented action plans on crime prevention in them. Since terrorism poses a serious threat to the entire international community, therefore, only the cooperation of states can bring serious success in countering this threat in the 21st century. Only through the application of universally recognised principles and norms of international law in conjunction with the activities of international organisations, cooperation of states and the application of national legislative provisions terrorism can be effectively countered. This research paper is aimed at analysing current and prospective forms and methods of international cooperation in terms of counterterrorism with regard to institutionalism.

Keywords: terrorism, terrorist activity, international community, UNO, CIS, SCO, cooperation, regional agreements.

Spisok literatury:

1. Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON 1267(1999): prinyata na 4051-m zasedanii 15 okt. 1999 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/300/46/PDF/N9930046.pdf?OpenElement (data obrashcheniya: 08.12.2023).
2. Ahmedov E.YU. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva gosudarstv v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom pri sodejstvii vspomogatel'nyh organov soveta bezopasnosti OON i regional'nyh organizacij SNG i SHOS: dis. …kand. yurid nauk. Kazan', 2017.
3. Grey S.R. The Ideological Evolution & Geopolitical Transformation of Islamist Militant Terrorism in the Middle East & Southeast Asia : diss. / S.R. Grey. – Univ. of Waikato, 2012. – 209 p.
4. Altenbern M. Prospects for Resolving Conflicts Involving Religious Terrorists: Afghanistan, the Taliban, and Strategic Jihad : diss. / M. Altenbern. – George Mason Univ., 2012. – 130 p.
5. Programma sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG v bor'be s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma na 2020–2022 gody: prinyata resheniem Soveta glav gosudarstv SNG 11 okt. 2019 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.cisatc.org/1291/1334 (data obrashcheniya: 08.12.2023).
6. Polozhenie ob Antiterroristicheskom centre gosudarstv – uchastnikov SNG (s izm. i dop. ot 26.09.2018) [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.cisatc.org/132/166/189 (data obrashcheniya: 08.12.2023).
7. O sozdanii Otdeleniya Antiterroristicheskogo centra gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv po Central'no-Aziatskomu regionu [Elektronnyj resurs]: reshenie Soveta glav gosudarstv SNG ot 7 okt. 2002 g. URL: https://www.cisatc.org/132/166/195 (data obrashcheniya: 08.12.2023).
8. Shanhajskaya konvenciya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom ot 14 iyunya 2001 g. // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2003. № 41. St. 3947.
9. Konvenciya Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva protiv terrorizma: ratificirovana Feder. zakonom ot 2 okt. 2010 g. № 253-FZ // Byul. mezhdunarodnyh dogovorov. 2012. № 10.
Shalagin A.E., Grebenkin M.YU. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere protivodejstviya prestupnosti na sovremennom etape // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 5, № 2(10). S. 260–268.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 260–265.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Бадиков Д. А. Елисеева К. А.

В статье раскрывается вопрос об отдельных способах совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также механизм их воздействия на потерпевшего. Важно отметить, что что на современном этапе развития современного российского гражданского общества, качественного совершенствования науки и техники в рамках бурного роста электронных технологий, используемых в различных областях нашей жизни, появляются и негативные процессы и элементы, которые фактически вредят жизнедеятельности граждан нашей страны. В целях раскрытия и расследования рассматриваемого вида преступлений целесообразно использовать соответствующий набор специальных знаний, которым может обладать как само лицо, производящее производство по уголовному делу, так и соответствующего рода специалист.

Ключевые слова: электронные средства платежа, скимминг, фишинг, кардинг, вишинг.

Простота осуществления денежных обменов, более безопасный и быстрый доступ к денежным ресурсам среди различных других компонентов значительно продвинули систему онлайн-платежей по сравнению с системой, основанной на наличной валюте, однако в ней возникает множество проблем. Транзакции становятся все более значимыми для экономики в целом, их оперативный перевод осуществляется с минимальными затратами, что позволяет мошенникам постоянно совершенствовать способы осуществления преступной деятельности. Как указывается в юридической литературе на современном этапе отмечается рост количества мошенничеств в рассматриваемой сфере [1].

С развитием технологий, преступники улучшают и методы совершения хищения, модернизируют технику, применяемую для скимминга, шиминга, фишшинга. Для более точного понимания механизма совершения подобного рода мошенничеств необходимо подробнее рассмотреть данные способы [2].

Классический фишинг предполагает отправку электронных писем большому количеству людей со ссылками на веб-страницу, выдающую себя за банк. Затем веб-страница запрашивает учетные данные для входа в систему или данные кредитной карты. Доступ к банковским онлайн-счетам приводит к хищению средств, а кредитные карты монетизируются.

SMS-фишинг предполагает отправку потерпевшим текстового сообщения, выдающего себя за финансовое учреждение. Сообщение может содержать ссылку на классическую фишинговую страницу или содержать номер телефона. В любом случае обращаются к жертве, и конечным результатом становится мошенничество.

Множество видов фишинга широко распространено в социальных сетях, в которых преступники используют платформы для поиска потенциальных жертв. Данный процесс может включать в себя создание имен учетных записей, похожих на имена финансового учреждения, выдачу себя за руководителей банка или отправку сообщений под видом иных сотрудников финансовых учреждений. Затем с жертвами связываются и посредством социальной инженерии совершается мошенничество.

Во всех этих вариантах фишинга используются технические методы для установления контакта с жертвами. В данном случае важно понимать цепочку мошеннических атак от первоначального контакта до окончания перевода средств. На каждом этапе атаки собираются цифровые доказательства, и проводятся расследования для определения лиц, причастных к этому [3].

Существуют также некоторые преступления, связанные с финансовыми технологиями, которые не всегда совершаются через Интернет, но все же имеют технологический аспект. Автоматические кассовые аппараты (банкоматы) часто используются для хищения магнитных карт. Этот процесс выражается в скимминге, который относится к электронному устройству, размещенному над гнездом для вставки карты, считывающем магнитную полосу. Отдельная (неофициальная) камера установлена с видом на клавиатуру для перехвата PIN-кода. PIN-код и информация о карте собираются преступниками (физически или с помощью беспроводного удаленного доступа), а затем используются для мошенничества. Само электронное устройство, размещаемое внутри гнезда для вставки карты, позволяющее перехватывать данные карты, и помещающенное между чипом карты и считывателем чипов, называется шимминг. Кроме того, в банкоматах установлен обычный компьютер, контролирующий выдачу наличных. Некоторые атаки включают в себя компрометацию этого компьютера (через USB или другими способами), что приводит к «джекпоттингу», в результате которого автомат выдает большие суммы наличных.

Более продвинутая атака включает в себя компрометацию центральных систем управления, которые осуществляют контроль над сетями банкоматов или терминалов платежных карт. Когда преступники получают доступ к этим центральным системам, они получают возможность распределять наличные деньги и похищать финансовую информацию в более крупных размерах.

В этих примерах происходят манипуляции с оборудованием, либо системы скомпрометированы, что приводит к хищению наличных денег или информации. В данном случае необходим анализ аппаратного обеспечения и скомпрометированного банкомата или терминала платежных карт, чтобы определить, как был получен доступ к системам и информации и как атака была монетизирована [4].

Для достижения этих целей также используются вредоносные программы для онлайн-банкинга, или банковские трояны, осуществляющие заражение компьютеров, приводящее к несанкционированному доступу к банковским счетам для совершения мошеннических действий. Компьютер становится частью преступной сети зараженных технических средств, называемых ботнетом. Когда какой-либо пользователь пытается получить доступ к своему порталу онлайн-банкинга, вредоносная программа становится активной, манипулируя сеансом для подготовки мошеннических платежей. Как только банковский счет будет успешно очищен, вредоносная программа предотвратит дальнейшие входы в систему или будет манипулировать пользовательским интерфейсом, чтобы избежать обнаружения.

Вредоносное ПО для мобильного банкинга включает в себя заражение мобильных телефонов с целью перехвата процессов в существующих платежных приложениях. Наиболее распространенным методом является атака наложением, при которой перехватываются в том числе и нажатия пальцами.

При использовании мобильного банковского приложения вредоносная программа берет под контроль взаимодействие между пользователем и приложениями для

совершения мошеннических платежных операций. Перехват аутентификации на основе SMS также распространен среди мобильных вредоносных программ. В обоих этих случаях фишинг обычно используются для доставки вредоносного ПО пользователю и заражения устройства.

Вишинг или голосовой фишинг (VoIP) предполагает, что преступники связываются с гражданами по телефону и выдают себя за сотрудников банка. Правдоподобие повышается в сочетании с определенными интонациями и акцентами, а также другими тактиками социальной инженерии (процесс манипулирования людьми с целью заставить их действовать определенным образом или выдать конфиденциальную информацию). Функция VoIP позволяет скрывать вызовы или выдавать себя за них. Подмена идентификатора вызывающего абонента часто используется мошенниками для сокрытия своей реальной личности и затрудняет блокировку спам-звонков или принятие юридических мер против мошенников.

Для этого, как отмечалось следствием, мужчина приобрел на одном из интернет-сайтов специальную программу, используемую для обеспечения цифрового голосового общения удаленных абонентов в целях передачи голоса IP-сетью посредством подменного абонентского номера. Телефония, которая раньше была закрытой системой, за последние несколько десятилетий претерпела фундаментальные изменения. Внедрение новых коммуникационных технологий и интеграция телефонии с Интернетом еще больше усложнили ее. Несмотря на это, проблемы безопасности в данной сфере недостаточно хорошо изучены и должным образом не решены. Исполнителями голосового мошенничества могут быть любые участники телефонной системы, такие как операторы, сторонние поставщики услуг, клиенты, сотрудники и любые другие лица, имеющие мотивацию для совершения мошенничества [5].

Большинство атак могут быть выполнены удаленно, и они не требуют серьезного оборудования или высокого уровня технических знаний. Сама телекоммуникационная индустрия включает в себя операторов, регулирующие органы и пользователей. Операторы и поставщики услуг обычно делятся информацией, связанной с мошенничеством, со своими партнерами и различными отраслевыми ассоциациями. Однако подобные данные часто ограничены и имеют закрытый доступ.

Большинство мобильных сетей поддерживают современные протоколы 3G и 4G /LTE, в которых ведутся соединения. Каждое поколение мобильной связи использует ту или иную форму шифрования (по беспроводному каналу) и специальное оборудование для обработки связи и идентификации клиента. Телефоны используют SIM-карту (модуль идентификации абонента), которая принадлежит определенному пользователю сети. SIM-карта содержит криптографический ключ, который присваивается оператором и связан с индивидуальным номером абонента.

В свою очередь, передача голоса по IP (VoIP), которая используется для совершения мошенничеств, появилась как альтернатива традиционной. В настоящее время телефонные сети состоят из различных шлюзов. Однако имеются сервисы, которые работают поверх каналов передачи данных и, как правило, находятся вне контроля операторов. Такие голосовые сервисы (например, Skype, Viber, WhatsApp) привлекают все больше пользователей и рассматриваются операторами как угроза. Прежде всего, это связано с тем, что их трудно идентифицировать, обнаружить и предотвратить [6].

Коммутаторы в главных офисах операторов управляют установлением вызова путем создания канал от телефона вызывающего абонента к телефону вызываемого абонента. Они позволяют осуществлять цифровую передачу данных по беспроводным линиям связи. Манипулирование маршрутизацией вызовов возможно, поскольку операторы имеют полный контроль над вызовами, которые проходят через их сети (либо законно, либо из-за перехвата).

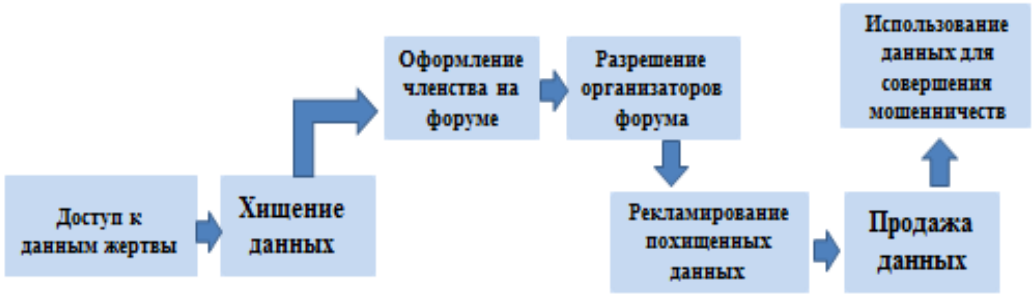
Лицо, совершающее мошеннические действия и выступающее в качестве оператора, может переадресовывать вызов или незаконно отправлять его по сети. В данном случае идентификатор вызывающего абонента (номер телефона мошенника, совершающего звонок) может быть изменен, чтобы подделать источник вызова. Различные онлайн-сервисы и мобильные приложения обеспечивают подмену идентификатора вызывающего абонента через соединения шлюза поставщика услуг.

Подобная ситуация отражена в решении суда Малодербетовского районного суда Республики Калмыкия по делу № 2-36/2020. Согласно информации, отраженной в источнике, у гражданина О. возник преступный умысел на совершение мошеннических действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Для его осуществления им была приобретена специальная программа, передающая голосовые данные при звонке посредством IP-сети с подменой индивидуального абонентского номера. После этого он совершил звонок гражданину Н., представляясь сотрудником ПАО «Сбербанк России», отправил ему сообщение на номер телефона, привязанный к дебетовой карте, с кодом подтверждения входа в личный кабинет банка. Гражданин Н., предполагая, что звонок поступает действительно от сотрудника банка, сообщил код из смс-сообщения. В свою очередь, гражданин О. путем обмана получил доступ к личному кабинету клиента и перечислил с расчетного счета гражданина Н. денежные средства в размере 15 587 руб. на свой счет и распорядился ими по своему усмотрению [7].

Преступники умело используют всю доступную информацию и технологии, разбираются в психологии людей, вынуждая жертву раскрывать необходимую информацию для доступа к его персональным личным данным, либо совершать нужные преступнику действия. К сожалению, следует отметить, что широкому распространению дистанционных видов мошенничеств с использованием электронных средств платежа способствует использование банковскими организациями неэффективных средств аутентификации клиентов, что позволяет злоумышленникам использовать карты, оформленные на других лиц [8]. Подобным образом законодатель, учитывая общественную опасность хищения электронных средств платежей, сделал самостоятельными составами преступлений элементы способа подготовки к хищению [9].

Одним из таких способов является отдельная отрасль мошенничества-«кардинг». В нормативных правовых актах Российской Федерации данное понятие отсутствует. Его сущность заключается в получении материальной выгоды посредством незаконного получения данных держателей карт с помощью банковских инструментов электронных расчетов [10]. Основным способом аккумулирования данной информации являются кардинг-форумы – это места встреч (настройки конвергенции), где происходит обмен учебными пособиями, программным обеспечением и украденной информацией, а также её продажа. Целями кардинг-форумов являются информирование, помощь, обучение и создание возможности предлагать похищенную информацию или ресурсы, предназначенные в основном для совершения различного рода

преступлений. Примерная схема действий участников кардинг-форумов представлена на Рисунке 1. Схема действий участников кардинг-форумов



Его использование начинается с получения доступа к личной информации жертв, для чего необходимо членство на форуме. На данном этапе лицо подготавливает технические средства, устройства и программное обеспечение для обмена данными, затем собирает максимальный объем информации из форума путем покупки незаконно продающихся баз данных. После этих операций происходит непосредственная связь с держателями счетов в различных формах (звонки, сообщения, гиперссылки для перевода денежных средств) [11].

Как справедливо отмечается в специализированной литературе, в зависимости от способа получения информации об электронном денежном счете держателя-собственника кардинговые преступления можно разделить на удаленные бесконтактные удаленные контактные, когда кардер лично пересекается либо с собственником денежных средств, либо с банковскими средствами платежа.

Одной из методик выявления лиц, совершающих кардинговые преступления, может быть, постоянный мониторинг рынков сбыта подобных предметов на Интернет-сервисах, размещающих объявления граждан о различных товарах. Также необходимо усилить контроль со стороны банков за подозрительными транзакциями на счетах, на которые кардеры перечисляют денежные средства, для последующего их обналичивания. Вторым классическим способом вывода денежных средств со счета держателя-собственника на условный счет лица, совершившего мошеннические действия для получения денежных средств, является их вывод со счета держателя-собственника на различные счета кардера с предварительным усложнением цепочки транзакций по счетам с целью скрыть следы совершенного преступления [12].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что рассмотренные способы совершения действий по обману граждан на основе установления с ними доверительных отношений преступники, как правило, объединяют с иными способами получения интересующей их информации о финансовых возможностях граждан и с последующим заражением их электронных устройств, компьютеров и т.д. соответствующими программами-вирусами, котрые позволяют считывать и копировать информацию, интерессующую преступников, а именно комбинации симвовлов, составляющие пароли и иные сведения, необходимые для для получения доступа и управления финансовыми потоками гражданина.

Список литературы:

1. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. Алгоритм действий следователя при расследовании мошенничества с использованием электронных средств платежа // Закон и порядок. 2023. № 4. С. 153-155.
2. Соловьева Е.А. Преступления, совершаемые в платежных системах: монография / Е.А. Соловьева; под ред. Н.А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ. 2021. С. 115-118.
3. Петрякова Л.А. Проблемы квалификации мошенничества в банковской сфере // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3 (90). С. 80-84.
4. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. 984 с.
5. Саблина Т.И., Никитенко И.В. Мошенничество с использованием платежных карт: вопросы теории, законодательства и практики его применения // Молодой ученый. 2019. № 48 (182). С. 275-279.
6. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. №. 5.
7. Решение № 2-36/2020 2-36/2020 (2-930/2019;)~М-935/2019 2-930/2019 М-935/2019 от 21 февраля 2020 г. по делу № 2-36/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tOcpqYekicZJ/.
8. Анненкова Е.А. Преступления в сфере электронных средств платежей как объект криминалистического исследования // Экономическая безопасность и качество. 2020. № 2(39). С. 45-48.
9. Волков А.С., Мозговая Д.А. Криминалистическая классификация в методике расследования подлога документов // Российский следователь. 2018. № 4. С. 8-15.
10. Бадзгарадзе Г.Д. Современные способы совершения преступлений с использованием электронных средств платежа, кардинг // Право. Общество. Государство. 2020. № 4. С. 107-110.
11. Малянова К.П. Актуальные проблемы в деятельности правоохранительных органов при выявлении и раскрытии преступлений с использованием электронных средств платежа // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2(97). С. 148-151.
12. Бадзгарадзе Г.Д. Современные способы совершения преступлений с использованием электронных средств платежа, кардинг // Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Том 10. Редколлегия: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург, 2020. С. 105-109.

Badikov D.A., Eliseeva K.A. To the question of some ways of committing fraud using electronic means of payment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 260–265.

The article reveals the issue of individual methods of committing fraud using electronic means of payment, as well as the mechanism of their impact on the victim. It is important to note that at the present stage of the development of modern Russian civil society, the qualitative improvement of science and technology within the framework of the rapid growth of electronic technologies used in various areas of our life, there are also negative processes and elements that actually harm the life of citizens of our country. In order to disclose and investigate the type of crimes under consideration, it is advisable to use an appropriate set of special knowledge, which may be possessed by both the person conducting the proceedings in a criminal case and the appropriate kind of specialist.

Keywords: electronic means of payment, skimming, phishing, carding, phishing..

Spisok literatury:

1. Badikov D.A., Eliseeva K.A. Algoritm dejstvij sledovatelya pri rassledovanii moshennichestva s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // Zakon i poryadok. 2023. № 4. S. 153-155.
2. Solov'eva E.A. Prestupleniya, sovershaemye v platezhnyh sistemah: monografiya / E.A. Solov'eva; pod red. N.A. Lopashenko. Moskva: YUrlitinform. 2021. S. 115-118.
3. Petryakova L.A. Problemy kvalifikacii moshennichestva v bankovskoj sfere // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 3 (90). S. 80-84.
4. Klepickij I.A. Novoe ekonomicheskoe ugolovnoe pravo: monografiya. M.: Prospekt, 2021. 984 c.
5. Sablina T.I., Nikitenko I.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem platezhnyh kart: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya // Molodoj uchenyj. 2019. № 48 (182). S. 275-279.
6. YAni P.S. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // Zakonnost. 2019. №. 5. S. 25.
7. Reshenie № 2-36/2020 2-36/2020 (2-930/2019;)~M-935/2019 2-930/2019 M-935/2019 ot 21 fevralya 2020 g. po delu № 2-36/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tOcpqYekicZJ/.
8. Annenkova E.A. Prestupleniya v sfere elektronnyh sredstv platezhej kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo. 2020. № 2(39). S. 45-48.
9. Volkov A.S., Mozgovaya D.A. Kriminalisticheskaya klassifikaciya v metodike rassledovaniya podloga dokumentov // Rossijskij sledovatel'. 2018. № 4. S. 8-15.
10. Badzgaradze G.D. Sovremennye sposoby sovershheniya prestuplenij s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha, karding // Pravo. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. № 4. S. 107-110.
11. Malyanova K.P. Aktual'nye problemy v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov pri vyyavlenii i raskrytii prestuplenij s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // YUrist"-Pravoved". 2021. № 2(97). S. 148-151.
12. Badzgaradze G.D. Sovremennye sposoby sovershheniya prestuplenij s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha, karding // Sbornik nauchnyh trudov studentov i aspirantov. Tom 10. Redkollegiya: D.V. Rybin (pred.), E.V. Trofimov (otv. red.) [i dr.]. Sankt-Peterburg, 2020. S. 105-109.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 266–272.

УДК 343.811

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бубнова Ю. Г., Каляшин А. В.

В статье рассмотрен исторический опыт формирования института обучения и профессиональной подготовки среди лиц, осужденных к лишению свободы, особая роль в котором была отведена тюремным священнослужителем, с целью духовного воспитания и смирения арестантов и выявлены причины мало эффективности образовательного процесса в период начала реформирования пенитенциарной системы. На современном этапе преобразований уголовно-исполнительной системы вопросы регулирующее принципы и порядок предоставления общего образования и прохождения профессионального обучения по месту отбытия наказания находят свое отражение не только в международных правовых актах, но и в российском законодательстве об образовании, а также в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность исправительных учреждений. На основе проведенного анкетирования среди осужденных исправительного учреждения, выявлены современные проблемы, возникающие в данном направлении деятельности уголовно-исполнительной системы. Особое внимание уделено перспективам развития в местах лишения свободы сети дистанционного образования с использованием новейших информационных технологий обучения. Посредством использования комплексного, системного подхода сформулированы предложения по решению выявленных проблемы, предложены перспективы развития. Авторами обосновывается вывод о том, что рассматриваемые институты занимают важное место в механизме воспитательного воздействия на осужденных.

Ключевые слова: система образования, пенитенциарные учреждения, профессиональная подготовка, осужденные к лишению свободы; исправительные учреждения, получение специальности, ресоциализация.

Развитие системы образования в пенитенциарных учреждениях, имеет богатое историческое наследие. Начиная с периода тюремного реформирования 1879 г., образовательная работа с заключенными должна была быть нацелена на процесс исправления и духовного оздоровления. Главная роль в решение этой задачи отводилась церкви, и обучали осужденных священнослужители, трудившиеся в церквях при тюрьмах. Именно по этой причине ставилась задача в обучении чтению церковных книг, которые бы служили средством раскаянья в совершенных преступлениях. Основа библиотечного фонта исправительных учреждений состояла в основном из литературы православного содержания, а учебники и учебные пособия составляли чуть более 10 % от общего числа имеющейся литературы [8, с. 405]. К сожалению, учитывая процент малограмотности населения, изучение литературы нельзя признать эффективным методом образовательного процесса того времени. Работа, проводимая тюремным священнослужителем, была направлена на формирование духовного воспитания и смирения арестантов. Она включала в себя проповеди, божественные литургии, индивидуальные беседы с арестантами. Однако, среди осужденных не все были православными, так например, в процессе перевода Илецкой каторжной тюрьмы в исправительное учреждение, в Главное тюремное управление министру внутренних дел были предоставлены сведения о принадлежности к вероисповеданию арестантов исправительного отделения согласно которым: православные были 68,2%, католики 11,4%, 11,4 % мусульмане, 5,2 % лютеране, 1,4 % раскольники, 1,4 % молокане, 1% иудеи, таким образом, около 32% от общего числа

осужденных не были христианами [10, с. 48]. Также необходимо допустить и тот факт, что часть арестантов были атеистами и не придерживались веры.

Такое положение во многом либо ограничивало, либо было малоэффективным при проведении различных мероприятий духовно-нравственной направленности и образовательного процесса. Более эффективным способом перевоспитания арестантов считалось привлечение их к выполнению трудовых обязанностей.

Одним из основоположников становления профессионального образования в исправительных учреждениях можно назвать В.А. Соллогуба, который в 1865 г. возглавил Московский смирительно-рабочий дом, не имея при этом никакого опыта практической работы с арестантами. Он числился чиновником при Министерстве внутренних дел и занимал общественную должность директора Московского попечительного комитета о тюрьмах [12]. В целях компенсации государственных расходов на содержание в тюрьме, необходимо было приобщить осужденного к трудовой деятельности. Нововведением, которое было предложено Соллогубом – это градация трудовых функций с учетом тяжести труда и возможной выплаты части заработанных денег. Для этого были выделены следующие виды труда: карательные, требующие тяжелых физических затрат и не предусматривающие получения вознаграждения; дисциплинарные, предусматривающие выполнение механических функций в закрытом помещении с возможностью получения до 30% от получаемого заработка и соответственно поощрительный труд с возможностью получения 60% заработанных денег. Заработанные таким образом средства накапливались и выдавались по окончанию отбывания срока наказания. Возможность изменения вида труда зависела от степени исправления осужденного. Выполнение «поощрительных» трудовых функций, являлось важным мотивационным фактором, поскольку давало возможность не только перехода на облегченный труд и зарабатывания финансовых средств, но и предусматривало возможность получения профессии [13, с. 4].

Таким образом, исторически сложившаяся необходимость получения образования и навыков новой профессии остаются актуальными и на сегодняшний день. Получение образования осужденными к лишению свободы является одним из средств их исправления. Миссией Федеральной службы исполнения наказаний является не только реализация государственной уголовно-исполнительной политики, но и ее преобразование в реабилитационную систему, способствующую физическому и духовному оздоровлению осужденных, приобретению профессии и получению образования, возвращению обществу законопослушных и дееспособных граждан. В концепции развития уголовно–исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. указано на необходимость улучшения условий трудовой деятельности и совершенствование системы профессионального обучения и среднего профессионального образования осужденных к лишению свободы, которое будет способствовать увеличению количества привлеченных к труду осужденных [7].

Право на получение образования для лиц, отбывающих наказание, закреплено в ряде международных правовых актов, таких как Всеобщая декларация прав человека (ч. 1 ст. 26), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 2 Протокола № 1), Хартия Европейского Союза об основных правах (ст. 14). Согласно п. 2 ч. 4 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (правил Нельсона Манделы), принятых резолю-

цией Генеральной ассамблеи ООН 70/175 17.12.2015, администрация исправительных учреждений обязана предоставить возможности для получения образования и профессиональной подготовки. Так же необходимо отметить, что работа, которой обеспечивается осужденный во время отбывания наказания, должна по возможности быть направлена на повышение имеющейся квалификации, позволяющей в дальнейшем, после освобождения, заняться честным трудом [1].

Рекомендации международного сообщества нашли отражение в пп. 1 и 2 ст. 43 Конституции Российской Федерации, где гарантировано гражданам России право на образование, а также общедоступность и бесплатность основного общего и среднего профессионального образования [2]. Практическое осуществление права на образование в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Особенности правового положения образовательных организаций, созданных в уголовно–исполнительной системе, устанавливаются Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473–1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [3], ст. 9, 112, 129, 141 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [5], Приказом Минюста России «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний», [4] Приказ Минюста России и Минобрнауки России «Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» [6].

Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает необходимость обеспечения обязательного получения осужденными, не достигшими возраста 30 лет, основного общего образования, а осужденным, желающим продолжить обучение в целях получения среднего (полного) общего образования, а администрация исправительного учреждения и соответствующие органы местного самоуправления должны создать соответствующие условия. Для осужденных лиц, которые имеют инвалидность 1-й или 2-й группы, а также лиц пенсионного возраста, общее и среднее, а также профессиональное образование или обучение не обязательно. Но в то же время если данная категория лиц изъявит желание, обучатся, то при отсутствии серьёзных медицинских противопоказаний, данное обучение для них возможно.

Реализации высшего образования в исправительных учреждениях направлено не только на освоение профессиональных знаний, умений и навыков, но и на комплексную позитивную реконструкцию личности осужденного, формирование новой системы ценностей, идеалов и стандартов, отличную от тюремной субкультуры, стимулирующих личность стать полноценным гражданином государства и членом общества. Согласно статистическим данным на начало 2023 г. в учреждениях уголовно–исполнительной системы содержалось 433006 чел. При исправительных учреждениях имеется 285 общеобразовательных организаций и 442 учебно-консультационных пункта, 254 профессиональных образовательных учреждения ФСИН России и 179 их филиалов [16], в которых проходят обучение, как несовершеннолетние, так и совершеннолетние осужденные. Обеспеченность исправительных учреждений школами и учебно-консультационными пунктами составляет 93,4%.

В целях изучения проблем, связанных с образовательной деятельностью, мы обратились к практическому опыту одного из исправительных учреждений Тверской области. Исправительная колония строгого режима для мужчин, ранее не отбывавших лишение свободы рассчитана на 1535 [15] человек. При поступлении в учреждение, осужденный предоставляет все необходимые сведенья о себе, в том числе и данные об образовании и опыте работы. Зачастую осужденные имеют только среднее образование, среднее не оконченное, и только едины, имеют высшее образование. В 2021 г., 60% прибывших осужденных имели среднее неоконченное образование, 35% имели среднее образование, 5% имелось высшее образование. В 2022 г. 70% осужденных имели среднее неоконченное образование, 27% имели среднее образование, 3% имелось высшее образование. В 2023 г. среднее неоконченное образование имели 73% осужденных, 26% имели среднее образование, 1% прибывших имели высшее образование. Данные показатели говорят о том, что, число осужденных имеющих высшее образование сокращается и значительно увеличивается количество осужденных с неоконченным средним образованием.

О том чтобы выяснить, как сами осужденные относятся к возможности получения образования, новых профессиональных навыков, организации образовательного процесса, мы использовали результаты проведенного анкетирования, в котором приняли участие 120 человек.

В ходе проведения опроса удалось выяснить, что 81 % респондентов получают образование, при чем, 43 % удовлетворены качеством и организацией образовательного процесса, 56 % не удовлетворены, 1 % удовлетворены частично. В профессионально-техническом училище обучаются более 78% осужденных, получая следующие специальности: швея, мастер швейного оборудования, газоэлектросварщик, сварщик, стропальщик, столяр, электрик, оператор газовой котельной.

На вопрос, какова мотивация для продолжения образования были получены ответы: 82 (69%) ответили получение профессии; 5 (4%) льготы; 11 (9%) возможность условно досрочного освобождения; 17 (14%) саморазвитие; 5 (4%) «просто так», интересно. Таким образом, именно желание получить знания для овладения новой профессией являются главной причиной получения образования, что позволяет предположить о его желании перевоспитываться и меняться в положительном направлении. Учитывая тот факт, что более половины опрашиваемых были не удовлетворены процессом получения образования, мы попытались выяснить причины и сформулировать предложения по совершенствованию образовательного процесса.

38 % респондентов указали на увеличение количества кабинетов, число преподавателей и часов, отводимых на изучение предметов; 39 % – совершенствование материально-технического оснащения, создание компьютерных классов в целях получения возможности дистанционного обучения; 15% высказались за необходимость внесения изменений в правила внутреннего распорядка с целью увеличения времени для самоподготовки; 8% опрашиваемых конкретных пожеланий не высказали.

Отдельного внимания заслуживают вопросы дистанционного обучения с целью получения высшего образования. Данным проблемам были посвящены исследования различных авторов [11, с. 26, 9], однако, учитывая специфику получения осуждёнными образования с применением дистанционных образовательных технологий необходимо урегулировать ведомственными нормативными правовыми актами. Для реализации дистанционного обучение необходимо наличие компьютеров, микрофо-

нов, наушников, веб-камер, т.е. существенного технического оснащения, при этом данное техническое оборудование требует определенного уровень знаний от пользователей. Следовательно, возникает необходимость в организации дополнительных курсов компьютерной грамотности для осужденных. Еще одна проблема которая возникает в процессе получения высшего образования – это его недоступность для заключенных в виду отсутствия финансовой возможности, т.к. высшее образование можно получить исключительно на платной основе, поскольку обучение осуществляется в заочной форме. Таким образом, необходимо создавать возможности для реализации права, которое временно недоступно данной категории граждан, причем особенно важен этот вопрос для лиц, которые прервали свое обучение в вузе из-за судимости.

Рассматривая обучение осужденных необходимо так же затронуть и труд осужденных. Выполнение трудовых функций осужденными относится к воспитательному воздействию, а также выполняет экономическую функцию. Стоит отметить, что работа на производстве лиц, отбывающих наказание, положительно воздействует на их здоровье, способствует развитию положительных качеств в человеке, а также развивает физическое здоровье, но достижение данного результата может быть достигнуто только при правильной организации данного процесса и вовлеченности всех отделов и служб учреждения.

Работа на производстве, ограждает лиц, содержащихся в учреждении, от негативна и иных деструктивных мыслей, связанных с отбыванием наказания. Отметим экономическую составляющую процесса труда в исправительных учреждениях, которая состоит в получении прибыли от производства находящегося на территории учреждения. Данная функция в настоящее время возложена на руководящий состав учреждения. К получению прибыли, так же стоит отнести такие причины, как частичное погашение коммунальных услуг, исковых заявлений установленных лицу в соответствии с приговором суда [14, с. 12].

Основным аспектом воспитательного процесса по средствам труда является изготовление продукции, которая пользуется спросом за пределами мест лишения свободы и соответственно осужденный получает дополнительные навыки, которые помогут ему более эффективно существовать в социуме после освобождения из мест лишения свободы. В ФКУ ИК–1 трудоустройство осужденных в абсолютном выражении составляет 60%, самым крупным производством на территории учреждения является – швейное. Однако возможность получения профессиональных навыков чаще всего обусловлены теми производствами, которые имеются на территории исправительного учреждения и уровнем образования осужденных, которые в дальнейшем не всегда могут быть востребованы на рынке труда в том или ином регионе после освобождения.

Таким образом, исторически сложившаяся практика духовно-нравственного исправления и обучения осужденных продолжает оставаться актуальной и на современном этапе преобразования пенитенциарной системы. Современные формы и методы обучения требуют совершенствования нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы реализации прав на образование осужденными к лишению свободы, учитывая личностно-психологические характеристики необходимо применять персональные формы работы с осужденными, расширять спектр индивидуальных программ обучения профессиям, востребованным на рынке труда, совер-

шенствовать дистанционные технологии обучения в исправительных учреждениях. Доступность качественного образования способствует ресоциализации осужденных, повышению уровня безопасности, выполнению миссии по возвращению обществу законопослушных и дееспособных граждан.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (правила Нельсона Манделы) : приняты 17.12.2015 резолюцией 70/175 Генеральной ассамблеи ООН. URL: http://www.unodc.org /documents/justice-and-prison-reform/Nelson_ Mandela_Rules-R-ebook.pdf
2. Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован в Собрании законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398
3. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27 Ст. 3477
4. «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» Приказ Минюста России от 21.06.2005 № 91 (ред. от 21.07.2016) // https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-ot-21062005-n-91-ob-utverzhdenii/
5. «Об организации получения осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования в вечерней (сменной) общеобразовательной школе воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы» Приказ Минюста РФ от 21.11.2005 № 223 // «Российская газета», № 278, 09.12.2005
6. «Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» Приказ Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 06.12.2016 (ред. от 20.12.2018) // http://www.pravo.gov.ru
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 17.05.2021, № 20, ст. 3397.
8. Зубков А.И. Уголовно–исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX начала XX века. Москва: Норма, 2014. С. 405.
9. Исакова Т.И. О проблемах получения осужденными к лишению свободы общего образования дистанционно // Вестник науки №6 (63) том 3. С. 1355 - 1357. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/9165
10. Любичанковский С. В., М. В. Осипов Формирование системы воспитательно-исправительных мероприятий в тюрьмах оренбургской губернии после реформы 1879 года (последняя четверть XIX – начало XX вв.) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: научно-публицистический альманах / под общ. ред. Ю.А. Реента. – Рязань : Академия ФСИН России, 2012. – Вып. 6. – 247 с.
11. Ощепкова О. В., Юров Д.А. Основные проблемы получения образования осужденными в местах лишения свободы // Юридическая наука и практика. – 2017. – С. 26–27.
12. Подготовительные работы по составлению проекта Положения об исправительных тюрьмах // Правительственный вестник. 1870. № 37. С. 1
13. Соллогуб В.А. «Об организации в России тюремного труда» // Северная почта. 1866. № 140. С. 4.
14. Тарасова М. И., Смирнов И.С., Федорова Е. М. Проблемы организации профессионального образования осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 12.
15. ФКУ Исправительная колония №1 УФСИН России по Тверской области. – Текст : электронный. – URL: http://fkurf.ru/centralnyj_fo/tverskaya_oblast/fku_ik-1.html
16. Статистика. Инспекция. – Текст : электронный. – URL: – https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/

Bubnova Y. G., Kalyashin A. V. Issues of realization of the right to education of persons sentenced to imprisonment: history and modernity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 266–272.

The article examines the historical experience of the formation of the institute of education and vocational training among persons sentenced to imprisonment, in which a special role was assigned by a prison clergyman, with the aim of spiritual education and humility of prisoners, and identifies the reasons for the lack of

effectiveness of the educational process during the beginning of the reform of the penitentiary system. At the present stage of transformations of the penal enforcement system, issues regulating the principles and procedure for providing general education and vocational training at the place of serving a sentence are reflected not only in international legal acts, but also in Russian legislation on education, as well as in departmental regulatory legal acts regulating the activities of correctional institutions. On the basis of the survey conducted among the convicts of the correctional institution, modern problems arising in this area of activity of the penal system are identified. Special attention is paid to the prospects for the development of a distance education network in places of detention using the latest information technologies of education. Through the use of an integrated, systematic approach, proposals are formulated to solve the identified problems, and development prospects are proposed. The authors substantiate the conclusion that the institutions in question occupy an important place in the mechanism of educational influence on convicts.
Keywords: education system, penitentiary institutions, vocational training, prisoners sentenced to imprisonment; correctional institutions, obtaining a specialty, resocialization.

Spisok literatury:

1. Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (pravila Nel'sona Mandely) : prinyaty 17.12.2015 rezolyuciej 70/175 General'noj assamblei OON. URL: http://www.unodc.org /documents/justice-and-prison-reform/Nelson_ Mandela_Rules-R-ebook.pdf
2. Konstitucii Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Oficial'nyj tekst Konstitucii RF s vnesennymi popravkami ot 21.07.2014 opublikovan v Sobranii zakonodatel'stva RF, 04.08.2014, № 31, st. 4398
3. «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» [Zakon Rossijskoj Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1] // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2013. № 27 St. 3477
4. «Ob utverzhdenii Instrukcii ob organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v vospitatel'nyh koloniyah Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij» Prikaz Minyusta Rossii ot 21.06.2005 № 91 (red. ot 21.07.2016) // https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-ot-21062005-n-91-ob-utverzhdenii/
5. «Ob organizacii polucheniya osuzhdennymi osnovnogo obshchego i srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya v vechernej (smennoj) obshcheobrazovatel'noj shkole vospitatel'noj kolonii ugolovno-ispolnitel'noj sistemy» Prikaz Minyusta RF ot 21.11.2005 № 223 // «Rossijskaya gazeta», № 278, 09.12.2005
6. «Ob utverzhdenii Poryadka organizacii polucheniya nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego i srednego obshchego obrazovaniya licami, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody» Prikaz Minyusta Rossii № 274, Minobrnauki Rossii № 1525 ot 06.12.2016 (red. ot 20.12.2018) // http://www.pravo.gov.ru
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r (red. ot 27.05.2023) «O Koncepcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 17.05.2021, № 20, st. 3397.
8. Zubkov A.I. Ugolovno–ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika konca XIX nachala XX veka. Moskva: Norma, 2014. S. 405.
9. Isakova T.I. O problemah polucheniya osuzhdennymi k lisheniyu svobody obshchego obrazovaniya distancionno // Vestnik nauki №6 (63) tom 3. S. 1355 - 1357. 2023 g. ISSN 2712-8849 // Elektronnyj resurs: https://www.vestnik-nauki.rf/article/9165
10. Lyubichankovskij S.V., M.V. Osipov Formirovanie sistemy vospitatel'no-ispravitel'nyh meropriyatij v tyur'mah orenburgskoj gubernii posle reformy 1879 goda (poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX vv.) // Gumanitarno-penitenciarnyj vestnik: nauchno-publicisticheskij al'manah / pod obshch. red. YU.A. Reenta.– Ryazan' : Akademiya FSIN Rossii, 2012. – Vyp. 6. – 247 s.
11. Oshchepkova O.V., YUrov D.A. Osnovnye problemy polucheniya obrazovaniya osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody // YUridicheskaya nauka i praktika. 2017. S. 26-27.
12. Podgotovitel'nye raboty po sostavleniyu proekta Polozheniya ob ispravitel'nyh tyur'mah // Pravitel'stvennyj vestnik. 1870. № 37. S. 1
13. Sollogub V.A. «Ob organizacii v Rossii tyuremnogo truda» // Severnaya pochta. 1866. № 140. S. 4.
14. Tarasova M. I., Smirnov I.S., Fedorova E. M. Problemy organizacii professional'nogo obrazovaniya osuzhdennyh, soderzhashchihsya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2017. № 3 (41). S. 12.
15. FKU Ispravitel'naya koloniya №1 UFSIN Rossii po Tverskoj oblasti. – Tekst : elektronnyj. – URL: http://fkurf.ru/centralnyj_fo/tverskaya_oblast/fku_ik-1.html
16. Statistika. Inspekciya. – Tekst : elektronnyj. – URL: – https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 273-283.

УДК 343.98

ДИСТАНЦИОННЫЙ ОСМОТР ОБШИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ МЕСТНОСТИ: ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Горбенко Т. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена раскрытию особенностей и определению алгоритма действий при дистанционном проведении осмотра обширных территорий, являющихся местом происшествия.

В частности, обоснована целесообразность и необходимость использования современных научно-технических средств при проведении рассматриваемого следственного действия. Отмечено, что залогом эффективного проведения осмотра места происшествия является правильность выбора технических средств, умелое их использование и грамотное руководство действиями лиц, вовлекаемых в процесс его производства. Обращено внимание на острую потребность подробной и всесторонней фиксации вещной обстановки места происшествия. Обосновано, что при изучении места происшествия не менее значимым является определение точных координат места происшествия, наличия постоянных ориентиров, характера и рельефа местности. Отмечено, что результативность осмотра обширных территорий, являющихся местом происшествия, во многом зависит от постановки целей и задач, распределения полномочий, наличия и возможностей технических средств, правильности эксплуатации применяемых технических средств, согласованности действий лиц, вовлекаемых в процесс производства следственного действия.

Ключевые слова: следственное действие, осмотр места происшествия, обширные территории, технико-криминалистические особенности, научно-технические средства.

Тактика проведения следственного действия и выбор современных научно-технических средств, необходимых для решения его задач обусловлены характером местности и совокупности, находящихся на ней объектов. Ввиду возрастающей тенденции промышленных, транспортных аварий, военных и боевых действий особого внимания заслуживает технико-криминалистический аспект проведения осмотра места происшествия, зоной которого выступают обширные территории (лес, степь, тундра, пустыня, особо охраняемые территории и др.). Существенные сложности такого рода следственного действия возникают вследствие больших размеров территории, подлежащей осмотру, зачастую труднодоступности места происшествия и значительного числа пострадавших и погибших, обширных разрушений на земле и т.д. [1, с. 2].

На территории Российской Федерации имеют место быть факты совершения преступлений на открытых участках местности, охватываемых значительным количеством глав особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [2, с. 139]. Осмотр места происшествия является, пожалуй, единственным средством получения первоначальной информации посредством выполнения поисковых и познавательных операций [2, с. 139; 3, с. 150].

К особенностям получения первоначальной информации о месте происшествия в рамках его осмотра можно причислить некоторые сложности в установлении и фиксации его местоположения, т.е. точного географического положения, а также правильного ориентирования на местности с целью возможности в дальнейшем вернуться к нему для проведения каких-либо дополнительных следственных действий [2, с. 140]. С учетом изложенного, полнота и качество проведения следственных

действий сказывается на полноте, всесторонности и объективности расследования по уголовному делу.

С развитием цифровых технологий появилась возможность проведения следственных действий, в частности, осмотра места происшествия, где технико-криминалистическое исследование материально-следовой обстановки проводится в дистанционном формате. Использование последних достижений науки и техники целесообразно ввиду следующих факторов: труднодоступность места происшествия; опасность нахождения человека на участке местности (например, наличествует реальная угроза жизни и здоровью его участников (по фактам террористических актов, захвата заложников, взрывов, радиоактивного заражения, токсического загрязнения окружающей обстановки и пр.); нарушение человеком вещной обстановки места преступления, уничтожение следов преступлений, материальных объектов и иных вещественных доказательств; искажение восприятия и отражения результатов следственного действия и др. [4, с. 46].

В условиях наличия указанных факторов, использование современных цифровых технологий является определяющим, позволяя получить криминалистически значимые сведения для конкретного уголовного дела и определить целесообразность дальнейших следственных действий, обеспечив при этом дополнительные гарантии безопасности участников уголовного судопроизводства, разумность сроков расследования, объективность уголовного судопроизводства.

В практической следственной деятельности дистанционный технико-криминалистический осмотр места происшествия практически не используется по ряду причин, а если и используется, то лишь ограниченно. Во втором случае всеобъемлющая и объективная фиксация следственного действия затруднена, поскольку фиксируется лишь фрагмент следственного действия (как правило, тот, на котором использовалось какое-либо техническое средство).

Более надежным представляется проведение следственного действия с использованием комплекса технических средств, которые могут быть адаптированы к условиям вещной обстановки и с помощью которых возможно получить целостную картину места восприятия в режиме реального времени. Кроме того, данные технологии могут служить целям планирования проведения и контроля качества осуществления технико-криминалистического обеспечения следственных действий. Также это помогает контролю правильности его проведения и своевременной корректировки.

В этих целей предлагается раскрыть организационные и тактические особенности каждого этапа осмотра места происшествия, зоной которого являются обширные территории, проводимого посредством технических средств, обеспечивающих полноту, качество и эффективность следственного действия, а также видео-контакт места предварительного расследования уголовного дела с местом непосредственного проведения следственного действия.

Подготовительный этап. Для обеспечения максимальной готовности к дистанционному проведению осмотра места происшествия целесообразно изучить местность и использовать топографическую (крупномасштабную) или обзорно-топографическую (среднемасштабную) карту местности для детального изучения рельефа, отметки на ней отправных точек и определения (очертания) границ предполагаемого места происшествия [4, с. 47]. Границы предполагаемого места проис-

шествия необходимо отмечать точками (оптимальное количество точек – 4) так, чтобы в последующем они образовывали простейшие геометрические фигуры (круг, овал, квадрат, прямоугольник). Обозначение предполагаемого места происшествия при помощи геометрических фигур будет служить целям рациональности выбора методов его осмотра и эффективности решения задач его проведения. Поскольку указанные геометрические фигуры имеют относительную парную схожесть, то тактика проведения осмотра места происшествия также будет схожа. В частности, порядок дистанционного технико-криминалистического осмотра места происшествия, границы которого образуют круг и квадрат будет аналогичен дистанционному технико-криминалистическому исследованию места происшествия, границы которого образуют овал и прямоугольник соответственно. По этой причине, в данной работе для наглядности проводимых операций будут использованы геометрические фигуры – круг и квадрат – для схематичного представления порядка дистанционного проведения осмотра места происшествия.

Определив границы места происшествия, необходимо определить место для установки широкоугольной фото-, видеокамеры на штативе (например, Canon EOS R6, поскольку позволяет осуществлять прямую трансляцию контента при использовании приложения EOS Webcam Utility Beta), обеспечивающей захват всей площади места происшествия для фиксации вещной обстановки места происшествия и действий, совершаемых на нем. После чего необходимо включить на камере режим видео; отрегулировать настройки экспозиции; при помощи USB-кабеля подключить камеру к компьютеру (ноутбуку, планшету); закрыть все другие приложения на камере; выбрать приложение для видеоконференций и выбрать в качестве камеры EOS Webcam Utility Beta [4, с. 48].

Рис. 1. Типовое расположение широкоугольной фото-, видеокамеры на месте происшествия.

Рис. 2. Примерный вид обстановки места происшествия через объектив широкоугольной фото-, видеокамеры.

Убедившись в том, что широкоугольная камера настроена правильно, осуществляется видеофиксация места происшествия и ведется трансляция на соответствующий компьютер (ноутбук, планшет или смартфон) целесообразно провести трехмерное сканирование места происшествия в целях фиксации, исследования и криминалистической реконструкции места происшествия посредством наземного лазерного сканера LEICA BLK360 (либо установкой его на штативе) [5, с. 5]. Прибор позволяет построить 3-D модель обстановки места происшествия, с высокой точностью и скоростью определить геометрические параметры объекта сканирования, измерить расстояние до объекта сканирования, горизонтальный и вертикальный

угол, определить координаты каждой отсканированной точки, которые позволяют проводить точные пространственные измерения [6, с. 189]. Прибор целесообразно подключать к компьютеру (ноутбуку, планшету) с использованием прямого подключения по локальной сети.

Рис. 3. Использование наземного лазерного сканера LEICA BLK360 при обнаружении останков человека.

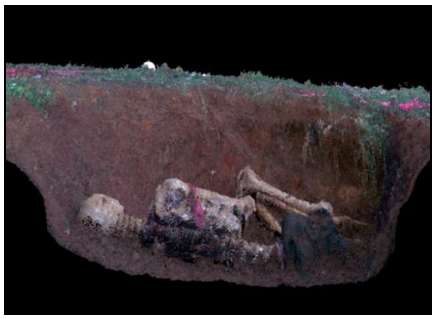


Рис. 4. Трехмерное изображение, полученное посредством использования наземного лазерного сканера LEICA BLK360 при обнаружении останков человека.

Ниже схематично представлено примерное расположение приборов и приспособлений, необходимых для дистанционного технико-криминалистического осмотра места происшествия при использовании мультикоптера (дрона), оснащенного специальной фото- и видеоаппаратурой:

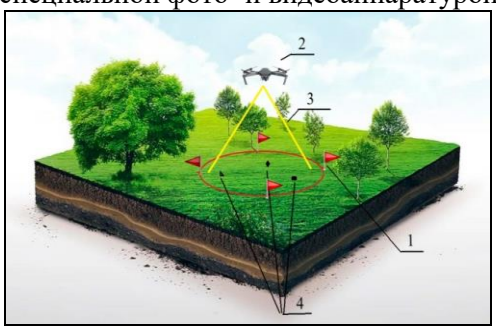


Рис. 5. Примерная схема расположения приборов и приспособлений в границах места происшествия, образующих круг (овал), где:

1 – флаг; 2 – мультикоптер (дрон), снабженный фото-, видеоаппаратурой и тепловизором (при необходимости); 3 – спектр обзора мультикоптера (дрона); 4 – искомые предметы.

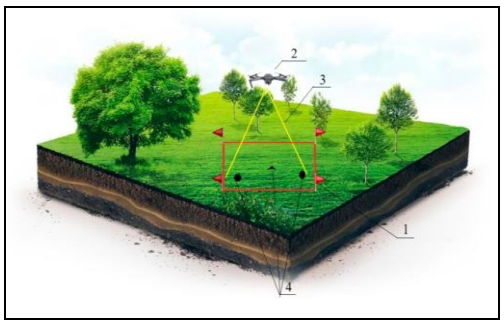


Рис. 6. Примерная схема расположения приборов и приспособлений в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник), где:

1 – флаг; 2 – мультикоптер (дрон), снабженный фото-, видеоаппаратурой и тепловизором (при необходимости); 3 – спектр обзора мультикоптера (дрона); 4 – искомые предметы.

Рабочий этап. По прибытии на местность необходимо выполнить ряд последовательных действий:

1) установить треногу-штатив, установить на него фото-, видеоаппаратуру таким образом, чтобы была обеспечена полная фиксация хода и результатов дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия;

2) установить наземный лазерный сканер (на землю либо на штативе) для получения трехмерного изображения обстановки места происшествия;

3) озвучить на камеру дату и время начала следственного действия, место, какое следственное действие проводится и его цель, представить участников и озвучить используемые технические средства. При этом, на камеру должно озвучиваться каждое последующее действие;

4) установить объемные яркие маяки для очертания границ места происшествия согласно ранее составляемой схеме, нанесенной на карте с тем, чтобы они хорошо визуализировались с высоты для максимально точного направления движения мультикоптера (дрона);

5) установить специальный подвес со станцией (гиростабилизированная платформа) для компенсации колебаний и вибрации при запуске мультикоптера (дрона) таким образом, чтобы была обеспечена полная фиксация хода и результатов дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия;

6) при помощи специального прибора – анемометра с крыльчаткой – необходимо определить наличие ветра, его направление и скорость;

7) изучив данные, полученные при использовании анемометра с крыльчаткой, следует определить центральную точку в границах предполагаемого места происшествия – точку нахождения мультикоптера (дрона);

8) выполнить необходимые действия по приведению мультикоптера (дрона) в рабочее состояние в соответствии с целевой задачей его использования.

Подготовив все необходимое, следует убедиться в исправности приборов и точной трансляции полученного изображения на компьютер (смартфон или планшет). Затем важно определить сотрудника, ответственного за управление мультикоптером (дроном) по ранее согласованному маршруту.

9) установив мультикоптер (дрон) в нужном месте и убедившись в его исправности, следует провести стадию общего (статического) дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия, для чего избрать наиболее рациональный метод дистанционного исследования места происшествия, отталкиваясь от границ места происшествия, а также фигуры, образуемой ими [4, с. 49].

Если границы места происшествия образуют собой круг или овал, то для дистанционного исследования места происшествия следует прибегать к использованию метода круговой или линейной панорамы, если квадрат, то целесообразно использование метода встречной съемки (осмотр с двух прямо противоположных сторон) и крестообразной съемки (*Этап 1*).

Поскольку мультикоптер (дрон) фиксируют обстановку места происшествия с высоты, то важным является и осмотр по вертикальному ракурсу (сверху вниз), что позволит детально зафиксировать местоположение предметов и их расположение относительно друг друга, а также дополнить схему места происшествия и протокол его проведения наглядными фото- и видеоматериалами (*Этап 2*). Более того, данный способ будет играть существенную роль в точности определения искомых предметов, поскольку:

– позволит исключить из поля зрения камни, прогретые солнцем и определенные тепловизором как предмет, излучающий тепло;

– отыскать металлические предметы и конструкции, прогретые солнцем и излучающие тепло (например, ножи, пистолеты, обломки самолетов, автомобилей, железнодорожного транспорта, составные части взрывных устройств и пр.);

– отыскать предметы, находящиеся под некоторым слоем опавших листьев (как известно листья не пропускают воздух и тем самым «блокируют» излучение тепла от предметов на большие расстояния) и пр.

Рассмотрим каждый вариант в отдельности:

а) *границы дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия образуют круг (овал) и избран метод круговой панорамы дистанционного исследования места происшествия*. В такой ситуации:

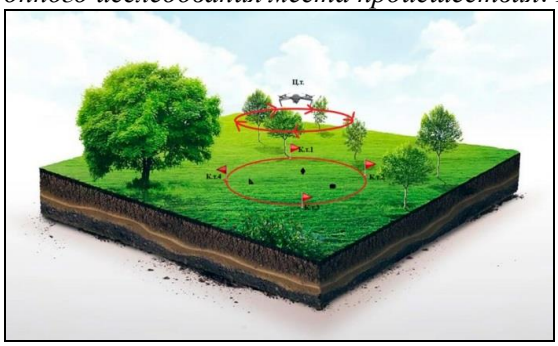


Рис. 7. *Этап 1* – Направление движения мультикоптера (дрона) по маршруту круговой панорамы, в границах места происшествия, образующих круг (овал), где:
Ц.т. – центральная точка; **К.т.1** – крайняя точка1; **К.т.2** – крайняя точка2; **К.т.3** – крайняя точка 3;
К.т.4 – крайняя точка 4.

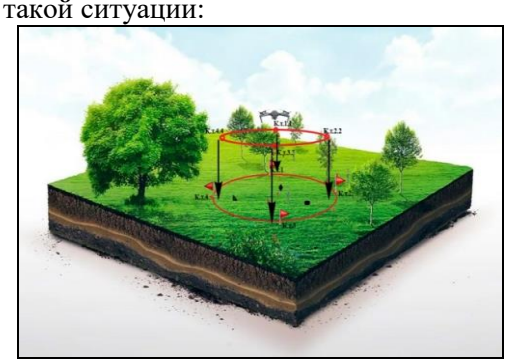


Рис. 8. *Этап 2* – Направление движения мультикоптера (дрона) по вертикальному ракурсу (сверху вниз), по маршрутам: «крайняя точка 1.1–крайняя точка 1»; «крайняя точка 2.2–крайняя точка 2»; «крайняя точка 3.3–крайняя точка 3»; «крайняя точка 4.4–крайняя точка 42, в границах места происшествия, образующих круг (овал), где: **К.т.1.1** – крайняя точка 1.1; **К.т.2.2** – крайняя точка 2.2; **К.т.3.3** – крайняя точка 3.3; **К.т.4.4** – крайняя точка 4.4 **К.т.1** – крайняя точка1; **К.т.2** – крайняя точка 2; **К.т.3** – крайняя точка 3; **К.т.4** – крайняя точка 4.

б) *границы дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия образуют квадрат (прямоугольник) и избран метод линейной панорамы дистанционного исследования места происшествия*. В такой ситуации:

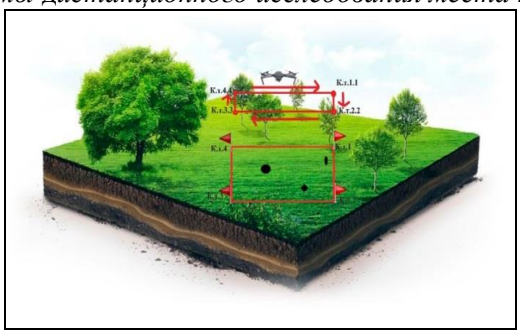


Рис. 9. *Этап 1* – Направление движения мультикоптера (дрона) по маршруту линейной панорамы, в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник), где:

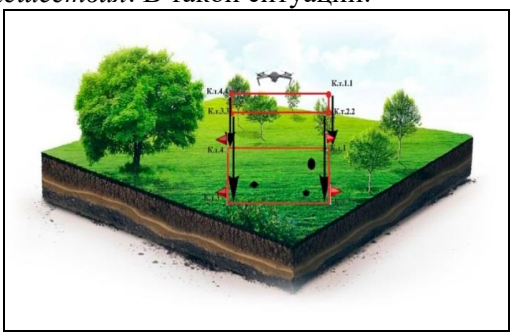


Рис. 10. *Этап 2* – Направление движения мультикоптера (дрона) по вертикальному ракурсу (сверху вниз), по маршрутам: «крайняя точка 1.1–крайняя точка 1»; «крайняя точ-

К.т.1.1 – крайняя точка 1.1; **К.т.2.2** – крайняя точка 2.2; **К.т.3.3** – крайняя точка 3.3; **К.т.4.4** – крайняя точка 4.4 **К.т.1** – крайняя точка 1; **К.т.2** – крайняя точка 2; **К.т.3** – крайняя точка 3; **К.т.4** – крайняя точка 4.

ка 2.2–крайняя точка 2»; «крайняя точка 3.3–крайняя точка 3»; «крайняя точка 4.4–крайняя точка 4», в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник), где: **К.т.1.1** – крайняя точка 1.1; **К.т.2.2** – крайняя точка 2.2; **К.т.3.3** – крайняя точка 3.3; **К.т.4.4** – крайняя точка 4.4 **К.т.1** – крайняя точка 1; **К.т.2** – крайняя точка 2; **К.т.3** – крайняя точка 3; **К.т.4** – крайняя точка 4.

в) *границы дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия образуют квадрат (прямоугольник) и избран метод встречной съемки дистанционного исследования места происшествия*. В такой ситуации (для первого этапа целесообразно использовать два мультикоптера):

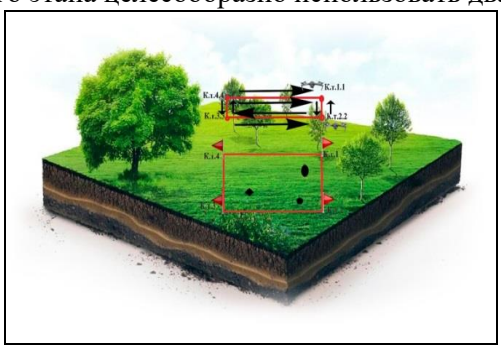


Рис. 11. *Этап 1* – Направление движения мультикоптера (дрона) в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник), по маршрутам встречной съемки для мультикоптера 1: «контрольная точка 1.1–контрольная точка 2.2»; «контрольная точка 2.2–контрольная точка 3.3»; «контрольная точка 3.3–контрольная точка 4.4»; «контрольная точка 4.4–контрольная точка 1.1», для мультикоптера 2: «контрольная точка 2.2–контрольная точка 1.1»; «контрольная точка 3.3–контрольная точка 2.2»; «контрольная точка 4.4–контрольная точка 3.3»; «контрольная точка 1.1–контрольная точка 4.4». Движение мультикоптеров, при этом, выполняется одновременно с заранее заложенным расстоянием движения относительно друг друга.

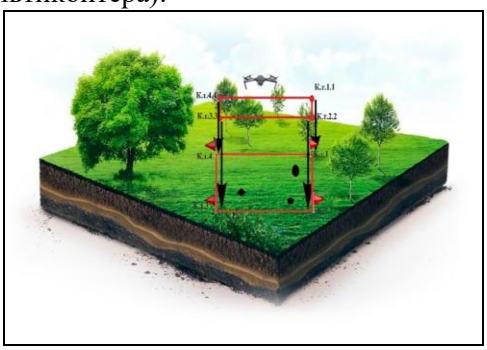


Рис. 12. *Этап 2* – Направление движения мультикоптера (дрона) по вертикальному ракурсу (сверху вниз), по маршрутам: «крайняя точка 1.1–крайняя точка 1»; «крайняя точка 2.2–крайняя точка 2»; «крайняя точка 3.3–крайняя точка 3»; «крайняя точка 4.4–крайняя точка 4», в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник), где: **К.т.1.1** – крайняя точка1.1; **К.т.2.2** – крайняя точка 2.2; **К.т.3.3** – крайняя точка 3.3; **К.т.4.4** – крайняя точка 4.4 **К.т.1** – крайняя точка 1; **К.т.2** – крайняя точка 2; **К.т.3** – крайняя точка 3; **К.т.4** – крайняя точка 4.

г) *границы дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия образуют квадрат (прямоугольник) и избран метод крестообразной съемки дистанционного исследования места происшествия*. В такой ситуации:

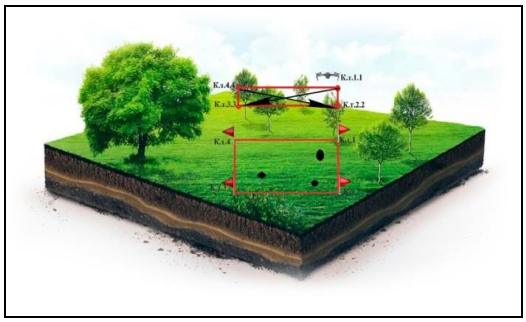


Рис. 13. *Этап 1* – Направление движения мультикоптера (дрона) в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник) по маршрутам крестообразной съемки: «контрольная точка 1.1-контрольная точка 3.3»; «контрольная точка 2.2–контрольная точка 4.4»

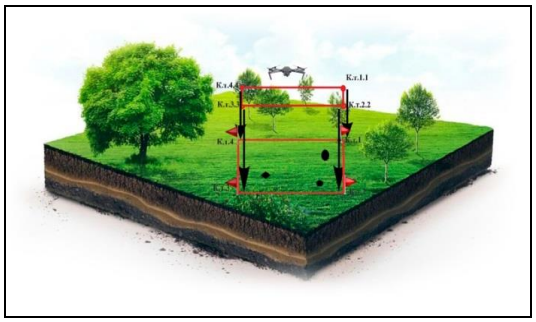


Рис. 14. *Этап 2* – Направление движения мультикоптера (дрона) по вертикальному ракурсу (сверху вниз), по маршрутам: «крайняя точка 1.1–крайняя точка 1»; «крайняя точка 2.2–крайняя точка 2»; «крайняя точка 3.3–крайняя точка 3»; «крайняя точка 4.4–крайняя точка 4», в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник), где: **К.т.1.1** – крайняя точка 1.1; **К.т.2.2** – крайняя точка 2.2; **К.т.3.3** – крайняя точка 3.3; **К.т.4.4** – крайняя точка 4.4 **К.т.1** – крайняя точка 1; **К.т.2** – крайняя точка 2; **К.т.3** – крайняя точка 3; **К.т.4** – крайняя точка 4.

8) в случае если на месте происшествия находятся взрывные устройства либо их части, то дополнительно следует прибегать к использованию роботизированной системы разведки и разминирования (мобильных роботизированных взрывотехнических комплексов), представляющие собой дистанционно управляемые аппараты, выполненные в виде шасси с системой телеуправления и манипулятором, на котором в зависимости от поставленной задачи может в различных комбинациях устанавливаться следующее оборудование: разрушители взрывоопасных предметов различного типа и мощности; средства поиска взрывоопасного предмета; захват, кошка с фалом. При этом тип ходой части необходимо выбирать с учетом характера местности, на котором будет использоваться такая техника (гусеничная ходовая часть предназначена для работы на труднопроходимой местности (мягкий грунт, луговина, лестницы зданий, трапы самолетов и пр.), колесная ходовая часть – для работы на ровной и твердой поверхностях (улица, дорога) [7].

При наличии вводной о возможном нахождении взрывных устройств и их частей в границах дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия, исходя из обеспечения условий безопасности и, одновременно, преследуя цели результативности проводимого следственного действия видится целесообразным использовать роботизированные системы разведки и разминирования (мобильные роботизированные взрывотехнические комплексы), оснащенные фото- и видеоаппаратурой в первую очередь, после чего прибегать к использованию иных, необходимых для дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия, технико-криминалистических средств с целью предотвращения факторов детонирования взрывных устройств и отдельных их частей, вызванное подключением и включением технических средств. При этом будет обеспечена

полная трансляция действий робототехники и фиксация вещной обстановки места происшествия, поскольку практически все роботизированные системы разведки и разминирования (мобильные роботизированные взрывотехнические комплексы) оснащены телевизионными камерами.

Ниже приведены схемы типового расположения робототехнического комплекса «Богомол-3С» в границах дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия. Выбор названного робототехнического комплекса предопределен его характеристиками, наиболее полно отвечающими целям и задачам дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия, на территории которого находится взрывное устройство либо его части: наличие стереотелевизионной камеры на схвате манипулятора, что существенно упрощает работу оператора при взятии и манипулировании комплексом; вывод информации с телекамер подвижного аппарата не только на видеомонитор пульта управления, но и на стереоочки, что позволяет оператору работать при сильной внешней засветке и обеспечивает вывод стереоизображения при работе с манипулятором и др. [8, с. 111] В такой ситуации:

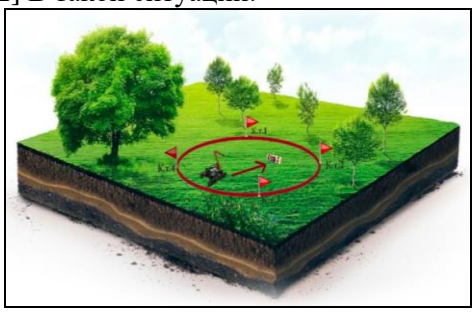


Рис. 15. Типовое расположение робототехнического комплекса «Богомол 3-С» в границах места происшествия, образующих круг (овал).

Примечание: маршрут следования робототехнического комплекса «Богомол 3-с» должен быть максимально коротким и предполагающим минимальное количество действий и манипуляций.

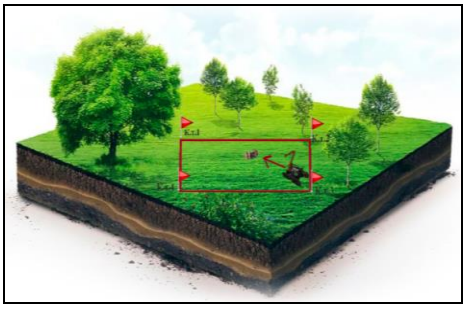


Рис. 16. Типовое расположение робототехнического комплекса «Богомол 3-С» в границах места происшествия, образующих квадрат (прямоугольник).

Примечание: маршрут следования робототехнического комплекса «Богомол 3-с» должен быть максимально коротким и предполагающим минимальное количество действий и манипуляций.

9) после дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия указанными способами, определения мест нахождения предметов и фиксации полученных результатов необходимо провести стадию детального (динамического) дистанционного технико-криминалистического исследования места происшествия. Для чего, два сотрудника или специально подготовленные лица (*один сотрудник выполняет активные действия по сбору, ранее определенных, предметов, а другой сотрудник – выполняет статическую функцию, обеспечивая фиксацию всех действий иного сотрудника с целью придания им достоверности и объективности*) крепят к своей одежде технологию дополненной реальности в виде специальных нательных камер. Один из сотрудников (тот, кто будет выполнять активные действия) крепит на пояс необходимое количество контейнеров с порядковой нумерацией для помещения искомых предметов. После чего, сотрудники вы-

двигаются в границы места происшествия и двигаются к предметам в последовательном порядке с помощью голосовых подсказок и ориентиров старшего сотрудника, наблюдающего за обстановкой, фиксируемой мультикоптером (дроном) и передающей изображение на монитор (планшет). При этом сотрудник, выполняющий статическую функцию, обеспечивает бесперебойную фиксацию действий иного сотрудника, не допуская закрытия обзора камеры (поскольку тот при поднятии предмета с земли склонен неумышленно закрыть обзор камеры и исказить изображение).

10) после проведения всех действий и мероприятий, направленных на поиск и обнаружение искомых предметов, все предметы, помещенные в контейнеры, раскладываются по порядковым номерам и фотографируются. После чего вскрываются по порядку, фотографируются и осматриваются. Указанные действия сопровождаются комментариями следователя или дознавателя.

Заключительный этап. Все обнаруженные и изъятые предметы надлежащим образом упаковываются. Заполняется протокол следственного действия. Записи с камеры, установленной на мультикоптере (дроне) и камер, закрепленных на одежде сотрудников, копируются на внешний накопитель и прилагаются к протоколу осмотра места происшествия. Затем на камеру озвучиваются дата и время окончания следственного действия, достигнуты ли цели следственного действия, дополнения и замечания его участников. После чего, выключается фото- и видеоаппаратура, осуществляется демонтаж устройств и приспособлений, обеспечивающих дистанционное технико-криминалистическое исследование места происшествия.

Подводя итог изложенному, представляется, что приведенный комплекс технических средств служит целям осмотра места происшествия. Использование рассмотренных технических средств позволило бы значительно сократить материальные затраты, понесенные в связи с откомандированием сотрудников для получения показаний участника, сократить количество уголовных дел, приостановленных в связи с невозможностью участия отдельных участников расследования и провести следственное действие, обеспечив полноту его фиксации.

Список литературы:

1. Бастрыкин А.И. Особенности расследования авиационных происшествий // Расследование транспортных преступлений: проблемы и пути их решения: сб. материалов российско-казахстанского научно-практического семинара. – Москва, 2015. – С. 2–8.

2. Назырова Н.А. Об особенностях осмотра места происшествия на открытых участках местности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: журнал. – Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. – № 4 (8). – С. 139–142.

3. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики: учеб. пособ. — Волгоград: ВСШ М-ва внутр. дел России, 1993. – 200 с.

4. Горбенко Т.В. Дистанционное решение задач по проведению следственных действий: на примере осмотра места происшествия // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь, 2022. – С. 46–52.

5. Корчагин А.А. Технико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки сообщения об убийстве. – г. Санкт-Петербург. – С. 1-9. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/13357-Текст%20статьи-51277-1-10-20230712.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

6. Ромашенко О.Л. Применение технологии 3D-сканирования при осмотре места происшествия // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2022». – Москва, 2022. – С. 189-193.

7. Роботизированные системы разведки и разминирования. – 2015. – URL: https://studopedia.ru/9_84204_robotizirovannie-sistemi-razvedki-i-razminirovaniya.html (дата обращения: 04.08.2023).
8. Архипов В.А., Войнов И.В., Морозов Б.А. Робототехнический комплекс «Богомол 3С». Технические характеристики и опыт эксперимента // Вопросы оборонной техники: журнал. – Урал, 2016. – № 1–2 (91-92). – С. 109–113.

Gorbenko T.V. Kravchenko N.A. Distant inspection of vast areas: technical and forensic features // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 273–283.

The article is devoted to the disclosure of the features and definition of the algorithm of actions for remote inspection of vast territories that are the scene of an accident.

In particular, the expediency and necessity of using modern scientific and technical means in carrying out the investigative action under consideration are substantiated. It is noted that the key to an effective inspection of the scene is the correct choice of technical means, their skillful use and competent guidance of the actions of persons involved in the process of its production. Attention is drawn to the urgent need for detailed and comprehensive recording of the material situation of the scene.

It is proved that when studying the scene of an accident, it is no less important to determine the exact coordinates of the scene, the presence of permanent landmarks, the nature and terrain.

It is noted that the effectiveness of the inspection of the vast territories that are the scene of the incident largely depends on the setting of goals and objectives, the distribution of powers, the availability and capabilities of technical means, the correct operation of the technical means used, the coordination of actions of persons involved in the process of investigative action.

Keywords: investigative action, inspection of the scene, vast territories, technical and forensic features, scientific and technical means.

Spisok literatury:

1. Bastrykin A.I. Osobennosti rassledovaniya aviacionnyh proisshestvij // Rassledovanie transportnyh prestuplenij: problemy i puti ih resheniya: sb. materialov rossijsko-kazahstanskogo nauchno-prakticheskogo seminara. – Moskva, 2015. – S. 2-8.
2. Nazyrova N.A. Ob osobennostyah osmotra mesta proisshestviya na otkrytyh uchastkah mestnosti // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: zhurnal. – Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2018. – № 4 (8). – S. 139-142.
3. Belkin R.S. Ocherki kriminalisticheskoj taktiki: ucheb. posob. — Volgograd: VSSH M-va vnutr. del Rossii, 1993. – 200 s.
4. Gorbenko T.V. Distancionnoe reshenie zadach po provedeniyu sledstvennyh dejstvij: na primere osmotra mesta proisshestviya // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: sb. materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Simferopol', 2022. – S. 46–52.
5. Korchagin A.A. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie predvaritel'noj proverki soobshcheniya ob ubijstve. – g. Sankt-Peterburg. – S. 1-9. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/13357-Tekst%20stat'i-51277-1-10-20230712.pdf (data obrashcheniya: 29.11.2023).
6. Romashenko O.L. Primenenie tekhnologii 3D-skanirovaniya pri osmotre mesta proisshestviya // Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: sb. materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, provodimoj v ramkah delovoj programmy Mezhdunarodnoj vystavki sredstv obespecheniya bezopasnosti gosudarstva «Interpolitekh-2022». – Moskva, 2022. – S. 189-193.
7. Robotizirovannye sistemy razvedki i razminirovaniya. – 2015. – URL: https://studopedia.ru/9_84204_robotizirovannie-sistemi-razvedki-i-razminirovaniya.html (data obrashcheniya: 04.08.2023).
8. Arhipov V.A., Vojnov I.V., Morozov B.A. Robototekhnicheskij kompleks «Bogomol 3S». Tekhnicheskie harakteristiki i opyt eksperimenta // Voprosy oboronnoj tekhniki: zhurnal. – Ural, 2016. – № 1-2 (91-92). – S. 109–113.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 284–290.

УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Иванов С. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Представлены отдельные статистические данные о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных данной категорией лиц. Дана характеристика данного вида преступности, а также рассмотрена личность несовершеннолетнего, совершившего преступление. Определены основные детерминанты преступности лиц, не достигших совершеннолетия, среди которых отсутствие семейного благополучия; подстрекательство со стороны взрослых; и влияние средств массовой информации на несовершеннолетнего; низкий уровень организация общественной работы, а также профилактической работы с данной категорией лиц; несформированность морально-нравственных установок; низкий уровень организации досуга у несовершеннолетних лиц; и асоциальное поведение родителей. Изучены вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних, среди которых общая (ранняя), индивидуальная (непосредственная) и специальная (поздняя) профилактика. Определено, что эффективность профилактической работы зависит от сотрудника, занимающегося данной деятельностью, от методов воздействия на несовершеннолетнего и способности войти в контакт с данной категорией лиц.

Ключевые слова: преступление, предупреждение, раскрытие, несовершеннолетний, уголовный розыск.

В связи с быстрым развитием и модернизацией способов совершения преступлений, а также изменением характера совершения общественно-опасных деяний, наблюдается активный рост вовлечения лиц, не достигших 18 лет, в организованную преступность. Данный процесс приводит к криминализации молодежной среды, а, следовательно, порождает устойчивый характер указанного явления и нарушает социальное равновесие. В современном российском обществе происходит обострение социальных процессов, которые затрагивают все сферы деятельности разных категорий лиц. К числу наиболее уязвимых категорий необходимо отнести детей и несовершеннолетних.

За последние несколько лет, согласно статистике МВД России, наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений [1, с. 203], совершенных несовершеннолетними или с их участием. Так, в 2021 году несовершеннолетними или при их соучастии было совершено 31865 преступлений, из них тяжких и особо тяжких – 9055 [2, с. 56]. В 2022 г. общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, снизилось до 30469 (-4,4 %), при этом количество тяжких и особо тяжких преступлений среди них выросло и составило 9295 преступлений (+2,7 %) [3, с. 56].

Несовершеннолетними, согласно ст. 87 УК РФ, являются лица, которые ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет [4]. Несовершеннолетние преступники имеют ряд отличительных черт, заключающихся в комплексе причин, в том числе связанных с их возрастными особенностями, мотивацией, формированием преступного умысла. Необходимо также в каждом случае

индивидуально рассматривать личностные качества несовершеннолетнего, его социальный статус и положение в семье.

В связи с увеличением роста преступности среди несовершеннолетних следует обратить внимание на то, что совершение противоправных действий в раннем возрасте в дальнейшем приведет к становлению личности преступника. Преступная деформация в детстве труднее поддается исправлению, что также может стать причиной совершения рецидивов.

Вопросы, касающиеся предупреждения и раскрытия преступлений, совершенных несовершеннолетними, становились объектом исследования многих ученых: А.И. Долгова, В.Н. Бурлакова, Г.И. Богуша, Н.Ф. Кузнецовова, В.Д. Малкова и др. Однако и сегодня остаются вопросы, требующие поиска научных и практических решений. К сожалению, криминализация несовершеннолетних и молодежи в перспективе приведет к повышению уровня криминализации государства в целом. К предпосылкам данного процесса необходимо относить: повышение уровня групповой преступности среди несовершеннолетних и молодежи; усиление организованности преступлений среди данной группы лиц; распространение среди несовершеннолетних и молодежи преступлений, ранее характерных для более взрослых категорий граждан; неоправданная жестокость и агрессия при совершении преступлений со стороны несовершеннолетних и молодежи.

Рассматривая отдельные аспекты предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними, отметим, что оперативно-розыскная характеристика указанных преступлений включает такие элементы, как: уголовно-правовая, криминалистическая и криминологическая характеристика.

Несовершеннолетние в большей степени склонны совершать преступления корыстно-насильственного характера, а также посягающие на жизнь и здоровье другого лица, их собственность [5, с. 149], честь и достоинство личности.

Рассматривая характеристику данного вида преступности необходимо начать с рассмотрения личности самого несовершеннолетнего. Результат дальнейшей работы по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых данным субъектом, во многом зависит от того, насколько всесторонне и полно изучена личность несовершеннолетнего. При этом, что совершение некоторых видов преступлений связано именно с возрастом, определенным уровнем интеллекта и иными показателями, которые формируются до возраста совершеннолетия.

По мнению российских психологов, несовершеннолетние обладают рядом следующих особенностей:

– незрелость нервной системы (может проявляться в несдержанных и импульсивных поступках как во время совершения преступления, так и после; вспышками раздражительности во время ведения беседы; быстрой сменой настроения);

– повышенная эмоциональная возбудимость (выражается в мгновенном принятии решений, переходе к действию без учета последствий);

– грубость и жестокость по отношению к окружающим (является последствием воспитания и условий проживания; значительно влияет отношение окружающих несовершеннолетнего людей);

– лживость и упрямство (данная категория лиц склонна к преуменьшению или же преувеличению своих действий, сокрытию информации и отстаиванию своей

позиции, что является ответом на вероятность получения наказания и давления со стороны взрослых);

– проявления чувства взросления (выражается в попытке несовершеннолетнего любыми способами доказать свою зрелость, что приводит к совершению аморальных и противоправных действий; также может быть связано с тем, что взрослые зачастую предъявляют несоразмерные требования к подростку, которые он в силу своего возраста не может осознать в полной мере и исполнить).

Согласно мнению А.Р. Сарычева для подростков не свойственно планирование и подготовка к преступлениям. Зачастую они совершаются ситуационно и спонтанно [6, с. 90–94]. Для преступления выбираются простые объекты, где не возникает сложность в проникновении или же сокрытии себя. Также довольно распространены проникновения и кражи с использованием способа открытого доступа, где не требуются специальные навыки и познания.

Данная категория лиц чаще всего совершает преступления в составе группы. При этом группы могут состоять как полностью из несовершеннолетних лиц, так и совместно со взрослыми, что уже будет рассматриваться как вовлечение. Стремление объединиться в группу связано с недружелюбным отношением окружающих, желанием найти единомышленников и понимание.

Основываясь на статистике, более 75 % преступлений, совершаемых среди данной категории лиц, носят групповой характер. Это связано с тем, что взрослые преступники вовлекают рассматриваемых лиц в совершение преступлений, основываясь на их неопытности и подверженности влиянию со стороны.

Также одной из проблем молодежной преступности является повторность. Рецидив совершения преступлений показывает, что у данной категории лиц формируется стойкое преступное поведение. В будущем данный процесс приведет к значительным проблемам и невозможности профилактического воздействия в силу устойчивости противоправных установок.

А.Н. Дидык говорит о том, что преступность среди несовершеннолетних обусловлена влиянием на данную категорию лиц отрицательных факторов внешней среды [7, с. 68–69]. К тому же существует ряд других показателей, которые могут повлиять на указанную категорию: возраст, психологические и физиологические показатели, неокончательно сформированная система ценностей, ближайшее окружение, эмоциональное состояние гражданина, неспособность объективно оценивать свои действия. Сегодня существует большое количество детерминант преступности лиц, не достигших совершеннолетия, среди которых и отсутствие семейного благополучия; и подстрекательство со стороны взрослых; и влияние средств массовой информации на несовершеннолетнего; и низкий уровень организация общественной работы, а также профилактической работы с данной категорией лиц; и несформированность морально-нравственных установок; и низкий уровень организации досуга у несовершеннолетних лиц; и асоциальное поведение родителей.

Рассматривая вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних, следует выделить виды профилактики, которые может осуществлять оперуполномоченный: общая (ранняя); индивидуальная (непосредственная); специальная (поздняя).

Российский правовед О.В. Павлова, которая занимается вопросами несовершеннолетней преступности, относит к задачам общей профилактики предупреждение и коррекцию поведения подростка, а также выявление отклонений и социальной неприспособленности несовершеннолетнего [8, с. 32–34]. Данные факты являются последствием неблагоприятной обстановки в семье или ближайшем круге общения, воспитания и иных факторов влияния.

Индивидуальная профилактика связана с непосредственным изучением личности подростка. Необходимо рассматривать каждое лицо, не достигшее возраста 18 лет и склонного к совершению антиобщественных деяний, отдельно, изучать условия жизни, взаимоотношения с окружающими, наличие зависимостей и отклонений от общих норм поведения. На поздней стадии профилактики следует принимать меры по пресечению уже совершающихся преступлений. Важно зафиксировать момент, когда у несовершеннолетнего уже сформировался умысел на совершение преступления, и он преступил к его непосредственной реализации.

Одним из способов влияния на формирующегося подростка является проведение профилактических бесед. Они также могут проводиться с родителями или законными опекунами и представителями несовершеннолетних, которые негативно воздействуют на еще несформированное сознание ребенка.

Кроме проведения профилактических бесед подразделения уголовного розыска могут: осуществлять работу по выявлению лиц, которые способны вовлекать несовершеннолетних в совершение противоправных действий; рассматривать заявления о правонарушениях, совершенных несовершеннолетними; информировать органы опеки и иные заинтересованные учреждения о безнадзорности и антиобщественных действиях несовершеннолетних; уведомлять родителей или законных представителей о доставлении несовершеннолетних в подразделение и иные.

Также необходимо осуществлять работу по контролю за определенной категорией несовершеннолетних, которые могут быть склонны к первичному или повторному совершению преступлений: 1) лицами, злоупотребляющими наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами; 2) с лицами, совершившими противоправное деяние, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность, а также назначение административного взыскания; 3) освобожденных от уголовной ответственности путем вынесения акта об амнистии или же в случае изменившейся обстановки, а также в других случаях, предусмотренных УК РФ.

Основная задача на начальном этапе знакомства с несовершеннолетним, которая стоит перед сотрудником – расположить подростка к себе, чтобы наладить контакт и разъяснить причины совершения им противоправного деяния. Чаще всего субъекты профилактики прибегают к использованию методов убеждения, поощрения, а также наказания, которые могут использоваться в совокупности.

Метод убеждения – универсальный метод воспитательного воздействия, в связи с его спецификой управления социальными группами. Данный метод позволяет воздействовать на сознание несовершеннолетнего, способствуя осуществлению воспитания личности. В основе убеждения лежит цель побудить ребенка к соблюдению правовых норм, закрепленных государством.

Одним из основных методов влияния на несовершеннолетних является метод поощрения, который стимулирует должное поведение личности. При проведении профилактической беседы, поощряемый ребенок испытывает чувство удовлетворения, уверенности в своих силах, а также желание сохранить эти ощущения. Главной целью метода поощрения является выработка у подростка устойчивого желания вести себя определенным образом, чтобы чувствовать себя удовлетворенным и уверенным. С помощью данного метода сотрудники способны воспитать в несовершеннолетнем устойчивое правомерное поведение.

Очевидно, что эффективность профилактической работы зависит от сотрудника, занимающегося данной деятельностью, от методов воздействия на несовершеннолетнего и способности войти в контакт с данной категорией лиц.

Рассматривая несовершеннолетнего как субъект совершения преступления, необходимо понимать, что по вопросам профилактики подразделения уголовного розыска в большей степени осуществляют работу совместно с подразделениями по делам несовершеннолетних. Данное взаимодействие основано на взаимопомощи и основывается на том, что подразделения по делам несовершеннолетних открыто работают с несовершеннолетними, в то время как уголовный розыск способен, применяя собственные ресурсы (средства, силы и методы), помочь в поиске информации. Можно выделить такие направления этой деятельности: «проведение совместных работ, направленных на улучшение информирования сотрудников; анализ и разработка полученных оперативных сведений; разработка эффективных стратегий противодействия для уменьшения количества правонарушений среди несовершеннолетних; совместное участие в проведении совместных специальных профилактических операциях; содействие в устранении факторов и явлений, способствующих развитию негативного поведения среди несовершеннолетних» [9, с. 458].

Таким образом, профилактическая деятельность – это целенаправленный процесс воспитательной деятельности, осуществляемый субъектами профилактики, направленный на установление у несовершеннолетнего правонарушителя повседневного поведения, соответствующего нормам российского законодательства, а также моральным ценностям общества.

Очевидно то, что до момента установления личности преступника, сотрудник не может быть уверен, что данное противоправное деяние совершил именно подросток. Таким образом, необходимо выделить несколько направлений работы оперативных сотрудников, направленных на выявление и раскрытие преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами: работа в рамках дел оперативного учета, если у оперуполномоченного есть основания полагать, что субъектом преступления является несовершеннолетний; раскрытие данного вида преступлений с заведением дел оперативного учета в отношении несовершеннолетнего (группы несовершеннолетних), а также их последующая реализация; раскрытие преступлений, совершаемых взрослыми с вовлечением несовершеннолетних лиц; поиск, получение и реализация информации по факту совершения несовершеннолетними антиобщественных противоправных деяний. Данные направления работы являются основой работы оперуполномоченного в отношении несовершеннолетних. Также следует отметить наличие очевидных преступлений,

совершаемых подростками. В таком случае задача оперативного сотрудника содействовать в расследовании, раскрытии уголовного дела.

Анализируя статистику, необходимо говорить, что 80 % преступлений такого характера являются выявленными и очевидными, в то время как 20 % остаются незаявленными, а, следовательно, составляют показатель латентности. Именно по данным 20 % необходимо осуществлять оперативную работу. Также целесообразно учитывать информацию, которая передается подразделениям по делам несовершеннолетних без возбуждения уголовного дела для проведения дальнейшей работы и принятия решений. В таких случаях зачастую отсутствует проверка материалов, а в дальнейшем возникают вопросы с нарушением установленного законом порядка заведения и расследования уголовных дел.

В целях эффективного раскрытия преступлений, совершенных несовершеннолетним лицом, следует выяснить и оценить следующие элементы: вид и обстоятельства совершения преступного деяния; действовал несовершеннолетний единолично, в составе группы, либо был вовлечен в преступную деятельность взрослым лицом; преступные связи и круг общения подростка; характеристику личности преступника; степень влияния родственников и ближайшего окружения.

Рассматривая раскрытие преступлений, совершенных несовершеннолетними, можно выделить несколько этапов: 1) раскрытие на первичном этапе; 2) раскрытие на последующем этапе; 3) раскрытие преступлений «прошлых лет».

Разбирая работу оперуполномоченного в разрезе борьбы с преступностью несовершеннолетних, необходимо понимать, что сотрудник обязан организовывать свою деятельность с учетом получения первичной оперативной информации о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также о взрослых, которые могут являться подстрекателями или организаторами такого вида преступлений. Также следует проводить оперативно-розыскные мероприятия по материалам оперативной разработки в целях раскрытия невыявленных преступлений подростков, получать информацию о возможной их причастности.

Преступность несовершеннолетних необходимо рассматривать как динамичное явление. На современном этапе, в век компьютерных технологий и доступности разнообразной информации, необходимо осуществлять мониторинг в отношении постоянно изменяющихся способов преступлений. Креативность современной молодежи приводит к многообразию способов совершения преступных деяний, что, в свою очередь, должно порождать постоянное изменение и совершенствование тактических методов, организационных основ оперативно-розыскной деятельности. Для решения этих вопросов необходимо заниматься научной разработкой новых рациональных методов и форм воздействия на несовершеннолетних, которые будут в дальнейшем апробироваться практическими сотрудниками.

В заключение отметим, что раскрытие преступлений несовершеннолетних является важной задачей для общества в целом и органов внутренних дел в частности. Необходимо улучшать стандарты осуществления работы с несовершеннолетними и совершенствовать эффективность предотвращения преступлений данной категорией лиц. Только взаимодействие общественности и органов власти может дать положительный результат в этой области.

Таким образом, предупреждение и раскрытие преступлений, совершаемых несовершеннолетними, являются неотъемлемыми направлениями работы подразделений

уголовного розыска. Оперативная работа в данной области непосредственно включает в себя получение информации о таких лицах, дальнейшую работу с ними и принятие мер по недопущению в дальнейшем противоправных действий.

Список литературы:
1. Юшина Ю.В. Характеристика преступности несовершеннолетних на территории Республики Крым / Ю.В. Юшина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 203–211.
2. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М., 2022. 67 с.
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года. М., 2023. 67 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: послед. ред. // Гарант: сайт. URL: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 08.12.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
5. Иванова А.В. Отдельные вопросы расследования квартирных краж /А.В. Иванова // Обеспечение общественной безопасности и противодействия преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. научно-практич. конф. Краснодар, 2023. С. 148–154.
6. Сарычева А.Р. Вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних / А.Р. Сарычева // Наука через призму времени. 2017. № 7 (7). С. 90–94.
7. Дидык А.Н. Причины и условия преступности несовершеннолетних / А.Н. Дидык // Вопросы науки и образования. 2018. № 2 (14). С. 68–69.
8. Павлова О.В. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних / О.В. Павлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-2. С. 32–34.
9. Зоз В.А., Телешенко К.С. Деятельность органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму / В.А. Зоз, К.С. Телешенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 457–460.

Ivanov S.I. Some aspects of prevention and detection of offences committed by juveniles // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 284–290.

The article deals with issues related to the prevention and detection of crimes committed by minors. Some statistical data on grave and especially grave crimes committed by this category of persons are presented. The characteristic of this type of crime is given, as well as the personality of the minor who committed the crime is considered. The main determinants of juvenile delinquency have been identified, including the lack of family welfare; incitement by adults; the influence of the mass media on minors; the low level of social work and preventive work with this category of persons; unformed moral and ethical attitudes; the low level of leisure activities among minors; and the antisocial behaviour of parents. The issues of prevention of juvenile delinquency have been studied, among which are general (early), individual (immediate) and special (late) prevention. It is determined that the effectiveness of preventive work depends on the employee engaged in this activity, the methods of influence on the minor and the ability to get in contact with this category of persons.

Keywords: crime, prevention, detection, juvenile, criminal investigation.

Spisok literatury:
1. Yushina Yu.V. Xarakteristika prestupnosti nesovershennoletnix na territorii Respubliki Kry`m / Yu.V. Yushina // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 1. S. 203–211.
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2021 goda. M., 2022. 67 s.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar` – dekabr` 2022 goda. M., 2023. 67 s.
4. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ: posled. red. // Garant: sajt. URL: https://base.garant.ru/10108000/ (data obrashheniya: 08.12.2023). Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol`zovatelej.
5. Ivanova A.V. Otdel`ny`e voprosy` rassledovaniya kvartirny`x krazh /A.V. Ivanova // Obespechenie obshhestvennoj bezopasnosti i protivodejstviya prestupnosti: zadachi, problemy` i perspektivy`: materialy` Vseros. nauchno-praktich. konf. Krasnodar, 2023. S. 148–154.
6. Sary`cheva A.R. Voprosy` profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnix / A.R. Sary`cheva // Nauka cherez prizmu vremeni. 2017. № 7 (7). S. 90–94.
7. Didy`k A.N. Prichiny` i usloviya prestupnosti nesovershennoletnix / A.N. Didy`k // Voprosy` nauki i obrazovaniya. 2018. № 2 (14). S. 68–69.
8. Pavlova O.V. Rannyaya profilaktika prestupnosti nesovershennoletnix / O.V. Pavlova // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2017. № 2-2. S. 32–34.
9. Zoz V.A., Teleshenko K.S. Deyatel`nost` organov vnutrennix del po protivodejstviyu molodezhnomu e`kstremizmu / V.A. Zoz, K.S. Teleshenko // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 3. S. 457–460.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 291–295.

УДК 343.231

ДИСТАНЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ХИЩЕНИЯ: РАЗНОВИДНОСТИ И ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Колычева А. Н., Зоз В. А.

За последние десять лет дистанционные способы хищения, сопряжённые с использованием электронных технологий, получили значительное распространение в системе преступлений. В статье рассматриваются основные способы дистанционных хищений, что позволяет ориентироваться в тенденциях совершения преступлений. Отражены сущность и особенности таких способов. В частности, отражены уязвимости при использовании мобильных приложений, банковских приложений, действий пользователей при поступлении сообщений или SMS, а также при использовании пластиковых банковских карт. Обозначены отдельные аспекты противодействия дистанционным способам хищения. Отражены проблемы, которые не позволяют противостоять преступлениям указанного вида в полной мере. Указаны случаи привлечения специалистов при расследовании хищений, совершенных дистанционным способом. Вместе с тем акцентировано внимание на том, что цифровой мир и развитие сетевого пространства происходит ежедневно, становясь интересным для злоумышленников в реализации преступного умысла, направленного на развитие новых способов хищений.

Ключевые слова: специальные познания, преступление, экспертиза, личность, собственность, расследование, специалист, эксперт.

Динамика развития информационных технологий на системной основе учитывает постоянное развитие сетевого пространства, что приводит к расширению предлагаемых человеку возможностей для работы, общения и в целом жизни. Расширение диапазона предлагаемых технологических возможностей привлекает значительную часть населения развитых и развивающихся стран в сферу информационных технологий. В настоящее время люди по всему миру активно пользуются разнообразными платёжными системами коммерческих банков, различных агрегаторов, предлагающих множественные услуги эквайринга, а также возможности дистанционно управлять движением денежных средств, находящихся на банковских счетах и электронных кошельках, посредством мобильных технологий. Указанные возможности не остались в стороне интересов преступного мира. В результате чего широко распространяются постоянно обновляемые способы хищений, основывающихся на современных возможностях техники и связи, становясь постоянным вызовом для правоохранительных органов в борьбе с новыми видами и формами совершения преступлений.

Преступные схемы хищений у физических и юридических лиц, с использованием дистанционных способов, постоянно усовершенствуются [1].

Существует, несколько схем, которыми могут воспользоваться мошенники.

1. Мобильные операторы постоянно предлагают всевозможные опции и услуги. Клиентам предлагается такая услуга, как сохранение собственного номера и лишь смена мобильного оператора. Однако многие не хотят заниматься долгой процедурой и просто покупают новую сим-карту с новым номером телефона. Эта, казалось бы, безобидная операция, может привести к серьезным последствиям. Ведь особенность услуги «мобильный банк» заключается в том, что он привязывается к определенному номеру. Довольно обычное явление, когда люди меняют сим-карту или вовсе имеют по две три сим-карты и происходит привязка двух номеров к одному мобильному банку. При этом владелец пользуется одной сим-картой намного чаще,

чем другой и когда карта долгое время не активна, номер может быть передан совершенно другому лицу, путем продажи. Новому владельцу начинают приходить уведомления о действиях, связанных с покупками или иными операциями, сделанных прошлым владельцем. В таких случаях, мошенники не упускают шанс, снимают или переводят денежные средства, получают доступ к личным данным и могут проводить различные манипуляции, направленные на хищения. Мошенники тщательно следят за такой забывчивостью клиентов разных сотовых операторов, мониторя базы вторичной перепродажи старых сотовых номеров. В таких случаях следует соотносить риски, связанные со сменой абонентского номера или возможности перехода номера к другому абоненту, а также уведомлять банк при отключении услуг привязанного абонентского номера.

Рассмотрим пример, произошедший в Алтайском крае. Гражданин А., в целях подключения Интернета через модем, приобрёл новую сим-карту у своего знакомого. Сим-карта была активирована через мобильный телефон. Далее он перенёс сим-карту в модем, после чего Интернет был настроен и доступ в информационно-телекоммуникационную сеть был установлен. На данный номер начали приходить сообщения о поступлении денежных средств на карту «МИР», однако данная карта не принадлежала гражданину А. Обвиняемый А., сообразив, что к его новому номеру, привязана чья-то карта, не принадлежащая ни ему, ни его знакомому решил воспользоваться данной информацией. Так как на карту были зачислены денежные средства, то у гражданина А. появилась возможность перевода их на свою карту и дальнейшие манипуляции. Для реализации своих корыстных побуждений, он оплатил свои услуги на конкретную сумму, отправив команду на номер 900, тем самым совершил хищение денежных средств со счёта, не принадлежащего ему [2].

В результате расследования данного преступления следователь квалифицировал данное деяние по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

2. Продвинутые и изобретательные дистанционные мошенники только в редких случаях дают себя обнаружить. Если рассматривать один из частых случаев, такой как оставление телефона без присмотра, мошенники работают очень быстро и практично. Их целью не является хищение самого телефона, для них намного важнее та информация, которая находится непосредственно в нём. Они могут и вовсе сами отдать телефон лицу, которому он принадлежит, но до этого момента совершают некоторые манипуляции, например, установка вирусных программ. Впоследствии это ведет к списанию денежных средств и получения доступа к личной информации пользователя.

3. Ещё одним способом кражи денежных средств являются приложения. Каждый из нас загружает обычные приложения, например, игры, полезные приложения, вроде подсчета шагов или измерение пульса и другое. Но мошенники создают собственные приложения-шпионы. Визуально узнать эти приложения невозможно, поскольку злоумышленники имеют замечательные навыки редактирования и создания яркой обложки, которая привлекает немало клиентов. Однако при использовании такого приложения, пользователя может насторожить большое количество запросов на пользование личными данными, например, запрос на доступ к просмотру изображений, использование и отправку SMS, доступ в Интернет. Данные запросы должны заставить задуматься о том, стоит ли скачивать подобное приложение или программу, если её вторжение в личные данные так велико.

4. Следующим минусом, который тоже связан с банковскими приложениями является вирус-троян, который пользователи устанавливают вместе с приложением.

Данная схема рассчитана на интернет – пользователей, полностью уверенных в источниках, с которых они скачивают информацию и приложения. Но это не является проблемой для мошенников. В 2017 году жертвами мошенников стали пользователи даже сервиса «Яндекс.Директ». С помощью него размещались рекламы вредоносных сайтов, связанных с банковскими операциями. Суть этой схемы состоит в перехвате всей важной информацией, связанной с переводом средств и сменой пароля клиента. В этом процессе – клиент становится частью вируса, поскольку считываются данные о его контактах и высылаются ссылки на такое же приложение. При этом невозможно проследить за тем, что программа постоянно рассылает другим пользователям данное приложение. При этом мошенники также распространяют это через SMS-рассылку, рекламные баннеры или по электронной почте.

5. В нашем мире достаточно часто случаются мошенничества через сообщения или SMS. Владельцу на его номер поступает информация о том, что его карта заблокирована или с неё списаны денежные средства и необходимо предотвратить попытку взлома, при этом необходимо перейти по ссылке или позвонить по предложенному номеру. В случае перехода по ссылке или осуществления звонка, мошенники могут представиться «сотрудниками банка» или вовсе «сотрудниками полиции», после чего втираются в доверие и узнают личную информацию, связанную с банковскими картами и разговор с клиентом прекращается, чтобы не вызвать лишних подозрений. Другой разновидностью завладения личных данных жертвы становятся открытые источники информации, размещенные на различных ресурсах Сети [3], которые на системной основе мониторят злоумышленники [4].

6. В наше время бесконтактная оплата становится незаменимой. Люди привыкают к тому, что покупка товаров банковскими картами и телефоном, без ввода пинкода и прикладывания карты экономит время, а также проще в осуществлении. Цифровое общество ежегодно развивается, следовательно, мошенники осваивают новые системы получения компьютерной информации. В их арсенале появляются переносные терминалы, в которых заранее настроен определенный лимит списание средств. Если терминал приложить к сумке или чему-то подобному, где лежит банковская карта, то без подтверждения будет списана заранее определенная сумма, то есть бесконтактная оплата.

7. Атаки мошенников могут распространяться не только на пластиковые карты, но и на сами банкоматы. Около пяти лет назад активно использовалась методика загрузки вируса на банкомат, это заключалось в принудительной выдаче купюр, активации происходила путем ввода специального кода.

Однако последние две схемы из указанных выше, за последние годы теряют свою актуальность, поскольку противодействие, оказываемое сотрудниками правоохранительных органов, приносит свои положительные. Такая положительная динамика связывается с привлечением узких специалистов.

При совершении такого рода преступлений нельзя точно сказать, сколько компьютерного оборудования было применено. В настоящее время разработано большое количество научных методических рекомендаций, однако до сих пор они не охватывают весь массив современной техники. Исходя из этого у следователя, специалиста, оперативного сотрудника возникают проблемы в сборе доказательств [5].

При расследовании преступлений с самого начала особую роль играют привлекаемые специалисты. Беседа, консультация, консультативно-справочная деятельность, совместное планирование, обмен информацией, совместный анализ полученных результатов, подготовка к следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям и т.д.

Консультации могут быть необходимы в случаях [6]:

- при установлении особенностей работы мобильного банкинга;
- подготовки следственного действия – допрос, а именно составления грамотных вопросов и материалов, которые будут использованы;
- процесса функционирования мобильного банкинга;
- в случаях изъятия технических средств, их упаковка и хранение, а также комплектации техники и носителей информации;
- помощь при назначении экспертизы, составления вопросов, входящих в постановление следователя, определения объектов, которые будут направлены в ЭКЦ;
- организационно-техническое содействие, такое как помощь в расшифровке кодов, подготовка необходимых средств, используемых в следственных действиях.

Стоить также отметить, что в соответствии с УПК РФ закреплено, обязательно участие специалиста при производстве такого следственного действия как выемка, а именно связная с электронными носителями информации и компьютерной техникой. Также по ходатайству лиц, законно владеющих изымаемыми объектами, о копировании информации, специалист лично должен одобрить данные действия, так как он является ответственным лицом за сохранение полученной информации. Специалист имеет право корректировать следователя, если используется неверная терминология и заменять в соответствии с установленными нормами. Особое внимание следует уделять назначению и производству экспертиз.

Вопросы противодействия рассмотренным преступным схемам стоят перед правоохранителями очень остро. Острота проблематики по данному вопросу заключается в разнообразных факторах, связанных с правовыми пробелами, отсутствием универсальных организационно-тактических рекомендаций, низкой подготовленностью субъектов расследования. Последний связан отсутствием качественной профессиональной подготовки кадров [7], способных своевременно и профессионально реагировать на новые вызовы преступного мира.

Таким образом, систематизация преступных схем, анализ следственной и судебной практики, а также разработанные на их основе актуальные криминалистические рекомендации, на основе которых будет осуществляться обучение правоохранителей, смогут способствовать улучшению ситуации с расследованием преступлений в сфере информационных технологий.

Список литературы:

1. Бадиков Д.А., Гришечкина Д.А. Пробелы правового регулирования информационно-телекоммуникационных преступлений в деятельности правоохранительных органов // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности: сборник статей. Орел, 2022. С. 6-9.
2. Приговор Кытмановского районного суда Алтайского края от 10 декабря 2018 г. № 1-75/2018. URL: sudact.ru (lata обращения: 01.11.2023).
3. Даниленко Ю.А. Криминалистическое распознавание в тактике производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 294-298.

4. Матросова Л.Д., Кислицин И.А. Инструменты для поиска оперативно-значимой информации по открытым источникам // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 65-72.
5. Чаплыгина В.Н., Красова А.А. Проблемные аспекты механизма реализации системы оценки следственной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2(83). С. 101-107.
6. Новгородская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019.
7. Морозова Н.В. Некоторые особенности расследования компьютерных преступлений // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. Орел, 2022. С. 240-245.

Kolycheva A.N., Zoz V.A. Remote methods of theft: varieties and individual aspects of counteraction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 291–295.

Over the past ten years, remote theft methods involving the use of electronic technologies have become widespread in the crime system. The article discusses the main methods of remote theft, which allows you to navigate the trends of crime. The essence and features of such methods are reflected. In particular, vulnerabilities are reflected when using mobile applications, banking applications, user actions when receiving messages or SMS, as well as when using plastic bank cards. Certain aspects of countering remote methods of theft are outlined. The problems that do not allow us to fully confront crimes of this type are reflected. The cases of involvement of specialists in the investigation of theft committed remotely are indicated. At the same time, attention is focused on the fact that the digital world and the development of the network space occur daily, becoming interesting for intruders in the implementation of criminal intent aimed at the development of new methods of theft.

Keywords: special knowledge, crime, expertise, personality, property, investigation, specialist, expert.

Spisok literatury:

1. Morozova N.V. Nekotorye osobennosti rassledovaniya komp'yuternyh prestuplenij // Sovremennoe ugolovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu prinyatiya UPK RSFSR 1922 g., 20-letiyu dejstviya UPK RF. Orel, 2022. S. 240-245.
2. Badikov D.A., Grishechkina D.A. Probely pravovogo regulirovaniya informacionno-telekommunikacionnyh prestuplenij v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov // Aktual'nye problemy ugolovno-processual'nogo prava, kriminalistiki i operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik statej. Orel, 2022. S. 6-9.
3. Prigovor Kytmanovskogo rajonnogo suda Altajskogo kraya ot 10 dekabrya 2018 g. № 1-75/2018. URL: sudact.ru (lata obrashcheniya: 01.11.2023).
4. Danilenko YU.A. Kriminalisticheskoe raspoznavanie v taktike proizvodstva sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75). № 2. S. 294-298.
5. Matrosova L.D., Kislicin I.A. Instrumenty dlya poiska operativno-znachimoj informacii po otkrytym istochnikam // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2022. № 4(93).S. 65-72.
6. CHaplygina V.N., Krasova A.A. Problemnye aspekty mekhanizma realizacii sistemy ocenki sledstvennoj deyatel'nosti // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2020. № 2(83).S. 101-107.
7. Novgorodskaya V.B. Novye tekhnologii (blokchejn / iskusstvennyj intellekt) na sluzhbe prava: nauchno-metodicheskoe posobie / pod red. L. A. Novoselovoj. M.: Prospekt, 2019.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 296–302.

УДК 355.53:351.741

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ

Кондрашов А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируются проблемы применение физической силы, с которыми сотрудники полиции сталкиваются при выполнении оперативно-служебных задач, в частности в процессе охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Особое внимание уделяется рассмотрению профессиональной подготовки сотрудников ОВД к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, а также психологическим аспектам применения физической силы сотрудниками полиции. На основе анализа проблем применения физической силы, с которыми сталкиваются сотрудники полиции при исполнении своих служебных обязанностей предлагаются меры по предупреждению неправомерного и необоснованного применения физическое силы последними.

Ключевые слова: физическая сила, оперативно-служебная деятельность, профессиональная подготовка сотрудников ОВД, тактика действий, тактические приемы.

Правоохранительная функция государства реализуется в деятельности многих органов государственной власти, их должностных лиц, но именно Министерство внутренних дел Российской Федерации играет определяющую роль в противодействии преступности, поддержании общественной безопасности и порядка. Сотрудники полиции круглосуточно обеспечивают правопорядок на общегосударственном, региональном и местном уровнях, реагируя на значительное количество сообщений об уголовных преступлениях и административных правонарушениях, осуществляя иные необходимые мероприятия и находясь в полной готовности.

Так, в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности сотрудники полиции, действуя в пределах компетенции, реализуют различные мероприятия, которые направлены на своевременное обнаружение, предотвращение и прекращение административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний, выявление и устранение причин и условий, которые способствуют их совершению, восстановлению правовых отношений, кроме того, реализуют меры по привлечению к уголовной и административной ответственности виновных лиц. В связи с этим, сотрудниками полиции, в случае необходимости, могут быть применены действия принудительного характера, а именно: физическое воздействие, специальные средства и огнестрельное оружие [8, с. 305-308].

Законное, необходимое и эффективное применение сотрудниками полиции соответствующих мер, имеющих принудительный характер, обеспечивают не только охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение публичной безопасности и общественного порядка, а также и повышения доверия среди гражданского населения к деятельности полиции в целом. Так как необоснованное и чрезмерное применение физического воздействия со стороны сотрудника полиции может в последствии причинить непоправимый вред правонарушителю, а также спровоцировать население на организацию массовых протестов и беспорядков.

При применении принудительных мер необходимо четко соблюдать справедливый баланс между общественными интересами, интересами отдельно взятого чело-

века и интересами государства. Сотрудники полиции должны неукоснительно соблюдать положения Конституции Российской Федерации [1], Федеральных законов, ведомственных нормативных документов, регулирующих их деятельность. Применение указанных мер следует осуществлять при условии минимизации любого ущерба, адекватной оценке сложившейся оперативной обстановке, наличию возможных угроз и рисков, а также анализа вероятных негативных последствий реализации таких мер.

Следует отметить, что положения Федерального закона «О полиции» [2], а именно ст. 20 предусматривает право сотрудников полиции применять меры физического воздействия в определенных обстоятельствах и в установленном порядке. При этом, применение указанных мер становится возможным для осуществления охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью, обеспечения общественной безопасности и общественного порядка.

Правомерным применением физической силы считается применение указанных мер, исключительно в случаях, когда реализация иных необходимых мер не способствует обеспечению правоохранительных функций, возложенных на сотрудника полиции. Вместе с тем, следует заметить, что «применение к правонарушителю различных мер физического воздействия может быть сопряжено как с психологическим влиянием на него, так и без такового» [3, с. 53-56]. Обратим внимание, что выбор соответствующего способа физического воздействия, а также его интенсивность определяется самостоятельно сотрудником полиции, посредством анализа сложившейся ситуации, с учетом оперативной обстановки.

Анализ данных нормативных положений показал, что сотрудник полиции обладает правом предъявления законных требований, которые являются обязательными для выполнения всеми физическими лицами. Следовательно, полагаем, что законные требования сотрудника полиции, которые были выдвинуты в процессе осуществления им своих служебных обязанностей, являются обязательными для исполнения, несмотря на то, согласно ли с этим лицо, к которому предъявлены указанные требования. В последующем, такое физическое лицо наделено правом обжалования действий со стороны сотрудника, при этом, и последний не освобождается от привлечения его к уголовной ответственности, в случае превышения им должностных полномочий или осуществления иных действий, нарушающих права лица, в отношении которого применялась мера принудительного характера [5, с. 32].

Стоит отметить, что сотрудники полиции, в ходе выполнения оперативно-служебных задач, как правило сталкиваются с игнорированием законных требований, провокациями со стороны правонарушителей, видеофиксацией действий сотрудника, находящего при исполнении служебных обязанностей. При этом преследуется цель повлиять на действия сотрудника полиции или дискредитировать его, путем выборочной фиксации процесса пресечения правонарушения или преступления. Как показывает практика, противодействие, оказываемое правонарушителями, может выражаться как в молчаливом невыполнении законных требований лица, обеспечивающего охрану общественного порядка, так и в открытом сопротивлении, оказываемом сотруднику, в том числе с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В результате открытого сопротивления со стороны правонарушителей ежегодно гибнут десятки сотрудников органов

внутренних дел, сотни получают вред здоровью различной степени тяжести. Это можно объяснить рядом причин:

1) недостаточные знания нормативно-правой базы, а в частности

ФЗ «О полиции», регулирующего порядок и основания применения физической силы сотрудником полиции;

2) нерешительность в применении физической силы к правонарушителю;

3) отсутствие навыков применения физической силы в экстремальных ситуациях при задержании правонарушителя, оказании им открытого сопротивления;

4) низкий уровень развития физических способностей, а также навыка единоборства;

5) низкая устойчивость к действиям в сложных и психологически-напряженных ситуациях;

6) психологическая неготовность к неожиданным действиям со стороны задерживаемого лица;

7) пренебрежение мерами личной безопасности в ходе выполнения оперативно-служебных задач.

В указанной связи хотелось бы выделить проблемы применения физической силы сотрудниками полиции при выполнении оперативно-служебных задач.

Во-первых, это недостаточное знание сотрудниками полиции законодательства, регулирующего их служебную деятельность, в том числе порядок и основания применения физической силы в ходе выполнения задач по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка. Как уже отмечалось ранее, ФЗ «О полиции» регламентирован порядок, условия и обстоятельства применения вышеуказанной меры принудительного характера, исходя из чего указанный закон предоставляет право на защиту жизни и здоровья сотрудника. Однако на сегодняшний день правоприменительная практика сталкивается с тем, что сотрудники полиции необоснованно применяют физическую силу в отношении задерживаемых лиц или лиц, совершающих административные правонарушения и преступления, что в свою очередь влечет негативные последствия и способствует ограничению прав и свобод последних. В результате возникновения определенной ошибки, обусловленной незнанием порядка применения физической силы, нередко происходят случаи, связанные с гибелью или причинением вреда как сотруднику полиции, так и гражданину, в отношении которого применялась указанная мера принудительного характера.

Во-вторых, это недостаточная профессиональная подготовка сотрудника полиции для выполнения задач по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. На сегодняшний день для того, чтобы сотрудники органов внутренних дел оперативно и на высоком профессиональном уровне выполняли задачи по противодействию преступности, выявлению, пресечению и раскрытию правонарушений, выявлению лиц, склонных к совершению противоправных деяний, они должны обладать специальными знаниями, умениями и навыками в области правовых оснований и тактики применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Как показывает практика, сотрудники полиции, находясь при исполнении служебных обязанностей, не всегда могут тактически грамотно принять решение о применении физической силы, зачастую недостаточно знают основания и порядок применения физической силы, специальных средств

и огнестрельного оружия, некоторые сотрудники не решаются вовремя применять меру принудительного характера для пресечения активного сопротивления со стороны правонарушителя, что в свою очередь приводит к негативным последствиям и подрывает авторитет органов внутренних дел [4, с. 198-201]. В связи с чем в рамках профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел большое внимание должно уделяться приобретению сотрудниками знаний, навыков и практических умений:

1) по тактике несения службы в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности;

2) по особенностям тактики задержания лиц, совершивших административные правонарушения, лиц, подозреваемых в совершении уголовно-наказуемых деяний;

3) по тактическим приемам задержания лиц, оказывающих активное сопротивление сотруднику полиции, в том числе с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия.;

4) по действиям в экстремальных ситуациях, требующих незамедлительного принятия мер принудительного характера в отношении лиц, нарушающих общественный порядок, совершающих уголовно-наказуемое деяние;

5) по тактике применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что для того, чтобы сотрудники органов внутренних дел эффективно выполняли задачи оперативно-служебного характера, не боялись принимать решения о применении физической силы в отношении правонарушителя, могли тактически грамотно оценить сложившуюся ситуацию, они должны быть физически, организационно и тактически подготовлены к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В-третьих, одной из проблем применения физической силы сотрудником полиции, является его непосредственное бездействие, возникающее в силу страха понести ответственность за неправомерное применение указанной меры принудительного характера, а также в силу незнания своих прав и обязанностей, которые законодательно регламентированы ФЗ «О полиции».

Это, в свою очередь, объясняется нерешительностью действий сотрудника, даже в тех случаях, когда имеются законные основания на применения физической силы, предусмотренные ст. 20

ФЗ «О полиции». При этом, залогом эффективной профилактики неправомерного применения физической силы со стороны сотрудников полиции, является проведение большего количества занятий по физической и огневой подготовке, особенно в территориальных органах внутренних дел.

Так как теоретическим и практическим аспектам применения физической силы в практических подразделениям МВД России уделяется меньше внимания, нежели в образовательных организациях системы МВД России, это может приводить к тому, что сотрудник полиции вообще не готов к применению физической силы, в виду отсутствия у него необходимого уровня владения боевыми приемами борьбы [4, с. 198-201]. В связи с чем данный вопрос остаётся весьма важным и требует незамедлительного разрешения.

В-четвертых, необходимо обратить внимание, также и на психологическую сторону применения физической силы со стороны сотрудника полиции при исполнении задач оперативно-служебного характера. Готовность оперативно и адекватно реализовать определенное действие предполагает быструю мобилизацию человеком всех систем психофизического содержания, благодаря которым осуществляется выполнение соответствующих действий на более эффективном уровне. Заметим, что здесь важную роль играет высокий уровень прохождения сотрудником полиции специальной физической подготовки, реализация своих действий в адекватной и динамической последовательности, сопоставление и активизация необходимых психологических условий для осуществления соответствующих действий [7, с. 114-120], однако, ключевым может выступать только один фактор в момент выполнения конкретных действий. Отметим, что сотрудник полиции, действуя в непредвиденной обстановке может утратить самообладание, поддаться страху и тревоге. В связи с этим, определим эмоционально-волевую стойкость полицейского как функциональную надежность его психики, что в свою очередь:

1) способствует снижению усталости, снимает проявление невнимательности;

2) улучшает мобилизованность психики в условиях нервного напряжения, при этом, обеспечивая выдержку и самообладание;

3) способствует правильному восприятию сотрудником полиции сложившейся ситуации;

4) не вызывает у сотрудника полиции чувство страха и тревоги;

5) позволяет сотруднику полиции выбрать правильный тактический прием воздействия на правонарушителя.

Заметим, что высокое нервное напряжение, возникающее в ходе выполнение оперативно-служебных задач может проявлять двойственную природу, а именно:

1) негативно влиять на мобилизацию психики и возможностей в сложных ситуациях;

2) выступать причиной неуверенности и совершения ошибочных действий [6, с. 11-16].

Исходя из этого, формирование психологической готовности к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, должно осуществляться согласно таким условиям, как: приобретение профессионального мастерства, преодоление объективных и субъективных трудностей в принятии решения применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, усовершенствование психических, познавательных и волевых процессов сотрудника полиции. Однако, отдельное внимание стоит уделять и психологическим аспектам применения физической силы. Как правило молодые сотрудники или сотрудники полиции женского пола, могут испытывать ряд трудностей психологического плана, вызванных их личностными и индивидуальными особенностями, уровнем развития их коммуникативной компетентности и коммуникативной грамотности, что в свою очередь затрудняет принятие решения о применении меры принудительного характера в отношении правонарушителя или лица, подозреваемого в совершении преступления. Отдельно стоит выделить детерминанты психологических трудностей сотрудников полиции в применении физической силы:

1) невысокий уровень саморегуляции и волевых процессов;

2) неконтролируемое и сильное чувство паники и беспокойства;

3) оцепенение, вызванное ответной реакцией организма на действия правонарушителя;

4) слабовыраженные панические атаки;

5) неумение правильно установить контакт с правонарушителем;

6) неумение оказать на правонарушителя психологическое воздействие;

7) слабо выраженные когнитивные симптомы (нарушение концентрации внимания, дереализация);

8) воображаемая или преувеличенная опасность;

Исходя из этого, считаем целесообразным в процессе профессиональной подготовки сотрудников ОВД, особое внимание уделять повышению их психологической устойчивости к стресс-факторам, развитию у них психологической готовности к применению физической силы в любых экстремальных условиях, формированию умения владеть собой в напряженных ситуациях и контролировать свои действия, формированию волевой активности и навыков волевых действий в процессе контакта с правонарушителем.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы отметить, что сотрудникам органов внутренних дел, как правило приходится действовать в экстремальных ситуациях, что в свою очередь требует внедрения в учебный процесс специальной подготовки, которая будет усложняться характером действий. Указанная специальная подготовка должна носить комплексный и целенаправленный характер. В данном случае немаловажным является «метод моделирования ситуации». Указанный метод предполагает приближение вводных задач к жизненной обстановке, с которой может столкнуться сотрудник полиции в своей практической деятельности. В процессе моделирования экстремальной ситуации необходимо обучить сотрудника полиции действовать в непривычной для себя обстановке, правильно оценивать возможное сопротивление со стороны правонарушителя, уметь правильно оценить вербальные и невербальные сигналы, по которым возможно предугадать возможность нападения или оказания активного сопротивления со стороны правонарушителя.

Список литературы:

11. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (в действующей редакции) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://base.garant.ru/10103000/.

12. О полиции [Электронный ресурс]/: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3. URL: www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 26.07.2023).

13. Кузнецов С.В. К вопросу о порядке применения физической силы, специальных средств сотрудниками полиции / С.В. Кузнецов, С.В. Адаховская // Российский следователь. – 2020. – 7. – С. 53-56.

14. Литвин Д. В. Личностная составляющая профессиональной готовности сотрудника к действиям, направленным на реализацию силовых полицейских функций // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 26-27 сентября 2019 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2019. – С. 198-201.

15. Нелюбин Р. В. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач: учебно-практическое пособие / Р. В. Нелюбин, А.С. Журавлев. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. – 144 с.

16. Старостин В.Г. Основные изъяны правового механизма применения физической силы сотрудниками полиции / В.Г. Старостин, Ф.Ф. Халилуллин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 12 (126). – С. 11-16.

17. Струганов С.М. Актуальные проблемы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудником полиции в ходе решения оперативно-служебных задач / С.М. Струганов, Т.Э. Литвинцева, Д.А. Гаврилов // Наука – 2020. – 2021. – 5 (50). – С. 114-120.
18. Хилюк С.О. Обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях риска / С.О. Хилюк, Е.О. Иванов, Д.А. Пичугин // Акмеология профессионального образования: материалы 15-й Всероссийской научно-практической конференции, 13–14 марта 2019 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2019. – С. 305-308..

Kondrashov A. V. Problems of application of physical force by police cooperatives in operative-service tasks // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 296–302.

The article analyzes the problems of the use of physical force that police officers face when performing operational and official tasks, in particular in the process of protecting public order and ensuring public safety. Particular attention is paid to the consideration of the professional training of police officers to act in conditions associated with the use of physical force, as well as the psychological aspects of the use of physical force by police officers. Based on the analysis of the problems of the use of physical force faced by police officers in the performance of their official duties, measures are proposed to prevent the unlawful and unjustified use of physical force by the latter.

Key words: physical strength, operational and service activities, professional training of police officers, tactics of actions, tactical techniques.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossiĭskoĭ Federacii, prinyata na vsenarodnom golosovanii 12.12.1993 g. (v deĭstvuyushcheĭ redakcii) // SPS «Garant» [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://base.garant.ru/10103000/.
2. O policii [Elektronnyj resurs]/: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3. URL: www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_110165/ (data obrashcheniya: 26.07.2023).
3. Kuznecov S.V. K voprosu o poryadke primeneniya fizicheskoj sily, special'nyh sredstv sotrudnikami policii / S.V. Kuznecov, S.V. Adahovskaya // Rossijskij sledovatel'. – 2020. – 7. – S. 53-56.
4. Litvin D. V. Lichnostnaya sostavlyayushchaya professional'noĭ gotovnosti sotrudnika k deĭstviyam, napravlennym na realizaciyu silovyh policeĭskih funkciĭ // Sovershenstvovanie professional'noĭ i fizicheskoĭ podgotovki kursantov, slushateleĭ obrazovatel'nyh organizaciĭ i sotrudnikov silovyh vedomstv: materialy Vserossiĭskoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferencii (Irkutsk, 26-27 sentyabrya 2019 g.). Irkutsk : Vostochno-Sibirskiĭ institut MVD Rossii. – 2019. – S. 198-201.
5. Nelyubin R.V. Lichnaya bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennih del pri vypolnenii operativno-sluzhebnyh zadach: uchebno-prakticheskoe posobie / R. V. Nelyubin, A.S. ZHuravlev. Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2017. – 144 s.
6. Starostin V.G. Osnovnye iz"yany pravovogo mekhanizma primeneniya fizicheskoj sily sotrudnikami policii / V.G. Starostin, F.F. Halilullin // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2022. – № 12 (126). – S. 11-16.
7. Struganov S.M. Aktual'nye problemy primeneniya fizicheskoj sily, special'nyh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikom policii v hode resheniya operativno-sluzhebnyh zadach / S.M. Struganov, T.E. Litvinceva, D.A. Gavrilov // Nauka – 2020. – 2021. – 5 (50). – S. 114-120.
8. Hilyuk S.O. Obespechenie lichnoj bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennih del v situaciyah riska / S.O. Hilyuk, E.O. Ivanov, D.A. Pichugin // Akmeologiya professional'nogo obrazovaniya: materialy 15-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 13–14 marta 2019 g., Ekaterinburg. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo RGPPU, 2019. – S. 305-308.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 303–308.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПОЛИЦИИ В ОТНОШЕНИИ РАЗЫСКИВАЕМЫХ ЛИЦ

Лагуточкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье исследованы особенности использования цифровой среды оперативными подразделениями полиции в отношении разыскиваемых лиц, обуславливается и характеризуются ресурсы производства оперативно-розыскных мероприятий в условиях использования телекоммуникационного пространства сети Интернет. Автор отмечает несомненную важность указанного направления деятельности, которое помогает наиболее точно установить все имеющиеся в цифровой среде данные о азыскиваемом лице и его местонахождении, акцентирует внимание на отдельных направлениях поиска на примере использования социальных сетей. Отмечает важность осуществлять оперативными подразделениями органов внутренних дел, используя оперативно-розыскные мероприятия, в отношении розыскиваемых лиц, в различных ресурсах социальных сетей в условиях использования телекоммуникационного пространства сети Интернет. Это позволяет осуществлять розыск в наиболее короткие сроки и современными эффективными средствами. Особое внимание в статье уделяется проблемным аспектам использования аппаратно-программных средств поиска, а также проанализированы необходимые направления, оказывающие влияние на эффективность применения.

Ключевые слова: интернет, оперативно-розыскные мероприятия, розыск, розыскная работа, социальные сети, проблемы, цифровая среда.

Современность предопределяет обязательное использование телекоммуникационных технологий, связанных с сетью Интернет, которые уже стали важным направлением в жизни человека. Практически все финансовые потоки граждан устремлены в цифровом пространстве для удовлетворения потребностей (финансовой дисциплины граждан и организаций), в направлениях обеспечения медицинских услуг (цифровые медицинские карты, контроль за заболеваниями COVID), в условиях государственного регулирования, в том числе, справочной информацией (о порядке оказания госуслуг), имеют широкое распространение цифровой коммуникации человека, (связанной с социальными сайтами и т.д.). Все это обуславливает необходимость использования всех цифровых ресурсов в обнаружении и поимке лиц: находящихся в розыске, которые в силу физического состояния не могут сообщить о себе сведений, а также установления местонахождения лиц без вести пропавших. Розыскная работа является одним из основных направлений оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Она направлена на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод личности, безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Понятие «розыск» существует уже множество лет и точного определения данного термина по сей день не существует. Причиной этому послужило то, что функции, смысл и принципы данного понятия менялись либо расширялись в оперативно-розыскной деятельности.

Розыскная работа – это урегулированная нормативно-правовыми актами деятельность правоохранительных органов, по поиску и обнаружению разыскиваемых

лиц и применению к ним соответствующих мер, предусмотренные действующими законами [1].

С целью повышения эффективности розыскной работы, в подразделении уголовного розыска существует отдельная линия, занимающаяся розыском лиц, скрывших от органов дознания следствия суда, розыском без вести пропавших лиц и установлением личности неопознанных трупов.

Основными функциями подразделений уполномоченных на осуществление розыскной работы связаны с проведением: оперативно-поисковые мероприятий; оперативно-технические мероприятий; оперативно-сигналитических мероприятий, с использованием криминалистических учетов, информационных массивов и т. д.; общерозыскных мероприятий, с использованием возможностей средств информации.

В России некоторое время количество пропавших без вести лиц достигало критических отметок. Поэтому оперативным подразделениям пришлось уделить особое внимание розыску данной категории лиц для решения поставленных задач в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Существует две основных причины исчезновения людей: причина, которая не связана с совершением преступления; в результате совершения преступления в отношении разыскиваемого лица [2].

В системе органов внутренних дел данную категорию граждан разыскивает подразделения уголовного розыска. В рамках поиска лиц, пропавших без вести, входит множество эффективных мер, которые зависят от следующих условий:

1. Наиболее быстрое реагирование дежурных частей ОВД о фактах исчезновенияграждан.

2. Организация осуществления первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

3. Осуществление взаимодействия с другими подразделениями ОВД на разных уровнях и сочетанием оперативно-розыскных средств и методов.

4. Использование различных средств массовой информации и телекоммуникаций.

5. Общественности и народных дружинников и др.

Розыск психически больных лиц или лиц, которые по состоянию здоровья или возрасту не могут сообщить о себе сведения

категории граждан является наиболее неоднозначной и вызывает проблемы у сотрудников оперативного аппарата. Причиной этому может служить нестабильное психическое состояние данной категории граждан. Поскольку данными лицами в основном присутствует неустойчивая мотивация и совершение каких-либо действий, наиболее вероятные места появления этих людей предугадать достаточно сложно.

В комплексе системы розыска психических больных лиц можно выделять ряд способ, однако существуют среди них и основные (первоначальные), которые осуществляются незамедлительно:

1. Проведение беседы с родственниками, близкими друзьями данных лиц.

2. Общение с врачами учреждения, где данное лицо проходило лечение.

3. Подача заявление в СМИ с обязательным указанием на то, что разыскиваемый гражданин психически болен, а также указание его физиологических особенностей (амнезия, приступы эпилепсии).

4. Отправление запросов в другие лечебные учреждения и морги.

5. Розыск погибших (умерших) граждан по неопознанным трупам [3].

Как отмечает в своем исследовании А.Р. Шроль, что «на данный момент продолжают активно внедряться в деятельность ОВД такие новации, как: проект безопасный город, система распознания и идентификации личности, даже ставится вопрос о внедрении роботов, которые в себе будут нести целый комплекс вспомогательных задач, таких как: система распознания лиц; система распознания речи; сканирование отпечатков пальцев; сканирование и проверка подлинности документов и т. д.» [4].

Кроме этого, посредством информатизации общества появилась активная мода на оплату с использованием цифровых средств. Наиболее популярными на данный момент являются электронные кошельки, такие как: wallet, яндекс.деньги, qiwi wallet и другие. Также Интернет-банкинг за последние годы приобрел большую популярность. Так с помощью приложения можно отслеживать движение своих денежных средств, осуществлять перевод в любой банк (в некоторых случаях без комиссии) не обращаясь при этом в банк.

Если вспоминать появление QPS-навигаторов несколько лет назад, то стоит отметить, что они страдали сильной погрешностью и недостоверностью информации. Однако на данный момент имея специальное приложение в телефоне можно с легкостью добраться в нужное место даже в офлайн-режиме.

Face ID также приобрел большой прогресс, теперь чтобы разблокировать свой гаджет взломщикам станет достаточно проблематично, так как Face ID приобрел возможность отличать настоящее лицо владельца от фотографии. Так же данная система стала распространятся и в банкинге, так при переводе или снятии денежных средств со своего счета во многих банках также начала использоваться данная система. Теперь чтобы получить разрешение на обезличивание денежных средств требуется не только ПИН-код карты и секретное слово, но также для осуществления данной операции потребуется идентификация лица владельца счета.

Большую роль в развитии информационных технологий общества сыграла система распознания лиц. Так, например, с помощью IP адреса владельца телефона можно с легкостью определить, где находится разыскиваемое лицо. Сейчас на многих электронных носителях установлена геолокация, которую можно обмануть только с помощью использования зашифрованного подключения VPN, однако, как правило, каждая система имеет вероятность на сбой, и при длительном наблюдении за устройством, которое использует VPN, можно рано или поздно обнаружить сбой зашифрованного подключения и обнаружить фактическое местоположение лица.

Стоит отметить, что такой резкий подъем в развитии информационного общества был запланирован ранее нашим государством в указе о «Национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В рамках данных национальных целей, одним из направления деятельности и прогрессирования Российской Федерации является «Цифровая трансформация»

Цифровая трансформация подразумевает собой, прежде всего достижение «цифровой зрелости» в отраслях экономики, в социальных сферах и др. Также в рамках

цифровой трансформации социально значимые услуги необходимо сделать доступными в электронном виде. Например, подача заявления на регистрацию брака, запись к врачу и т. д., данное удобство будет заключаться не только в повышении информатизации общества, но и сыграет на руку в условиях пандемии, которые существуют по сей день.

В целом, «информатизация начала активно развиваться и внедряться в каждую сферу общества, что позволяет значительно переформатировать возможности осуществления деятельности в ОВД, в частности при осуществлении розыскной работы лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. И в первую очередь необходимо рассматривать аспект поиска лиц через платформы социальных сетей» [4].

Если вспоминать ранее времена зарождения социальных сетей, то стоит отметить, что их существовало не так много (Например, в 2007 году существовало всего три социальные сети: Вконтакте, одноклассники и Мой мир). В январе 2023 года в Российской Федерации насчитывалось более 100 млн пользователей социальных сетей [1]. И если ранее мессенджеры и социальные сети использовались исключительно для общения, то на данный момент они являются вспомогательными, а в некотором случае ведения предпринимательской деятельности многих граждан, также социальные сети выступают активным источником СМИ, с помощью социальных сетей можно заниматься дистанционным обучением, о котором было сказано ранее. Активная и эффективная реклама в социальных сетях дала возможность заключить контракт со многими фирмами для рекламы их продукции.

Для наиболее эффективной организации розыскной работы оперативными подразделениями ОВД необходимо владеть информацией, которая повышает шанс наиболее быстрого розыска лица. Это информация должна быть прежде всего о личности разыскиваемого лица, также о его состоянии здоровья, его родственниках, необходимо также знать особые приметы личности, связи разыскиваемого с другими лицами, что наиболее вероятно даст наиболее высокий результат при осуществлении поиска, в том числе в социальных сетях, так как, зная связи и знакомства разыскиваемого лица, органам осуществляющим оперативно-розыскную деятельность становится проще осуществлять поиск лиц из имеющейся информации, которые предварительно предоставит оперуполномоченный.

Что касается розыскной работы в отношении лиц без вести пропавших в ст. 8 ФЗ «Об ОРД» сказано, что допускается незамедлительное получение информации о соединениях абонентского устройства, в случае если будет получено информация о, то том что несовершеннолетнее лицо, или недееспособное либо ограничено дееспособное лицо без вести пропало, при условии, что в течении 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия, будет получено судебное решение [5].

Необходимо отметить про такой вспомогательный элемент в розыскной деятельности как *ориентировка.* В Интернете зачастую появились тенденции, что в социальных сетях выкладывают посту о разыскиваемых лицах. Данные посты очень часто встречаются в группах в социальной сети «Вконтакте», а также в «Одноклассники». Если говорить о данном проявлении в рамках взаимодействия, то в данном случае с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при

розыске лиц, также участвуют, а соответственно и взаимодействуют граждане, которые пользуются социальными сетями.

Особенную помощь при розыске лиц через платформы социальных сетей оказывает та категория граждан, которая в силу своих особых знаний и навыков умеют находить интересующую информацию о разыскиваемом лице. К данной категории лиц относятся прежде всего граждане, имеющие техническое образование, к ним в первую очередь относятся программисты, веб-дизайнеры и т. д.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудники не редко прибегают к помощи различных организаций, сообществ или иных структурных подразделений находящихся в сфере МВД. Однако такое взаимодействие требует документального оформления, и ожидания. Поэтому для удобства и быстроты сбора информации сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность не редко прибегают к использованию открытых источников информации, где они самостоятельно могут найти данные об определенном лице.

Сегодня Интернет, социальные сети, смартфоны и аналитика данных — все это способствует более широкому раскрытию и распространению важной информации о чрезвычайных ситуациях и кризисных событиях, тем самым способствуя более быстрому распространению новостей, секретов и утечек. Вообще говоря, разведка — это практика методичного сбора и анализа критической информации в целях безопасности или получения преимуществ.

Данные различаются в разных культурах, поскольку страны по-разному воспринимают угрозы, ищут информацию и обрабатывают метаданные. С этой целью поиск не следует рассматривать как монолитную и стандартную практику; скорее, существуют политически и культурно обусловленные способы максимизации преимуществ при принятии решений с использованием множества механизмов сбора информации.

Отдельно хотелось бы отметить следующий ресурс в розыскной работе. Так, поисково-структурный элемент аппаратно-программных средств поиска в сети Интернет, который включает в себя комплект исследований по открытым источникам сведений получила название – Osint. Данная система включает в себя поиск как по открытым Российским, так и иностранным источникам.

Сегодня интернет, социальные сети, смартфоны и аналитика данных способствуют более широкому распространению критической информации о чрезвычайных ситуациях и кризисных событиях, способствуя тем самым быстрому распространению новостей и утечек. В данной ситуации оперативному работнику становится в разы проще работать с информацией, так как имея базовый навык работы с Osint можно с легкостью найти информацию, не прибегая к проведению оперативно-розыскных мероприятий.

При работе с социальными сетями достаточно затруднительнее складывается ситуация с поиском информации, хотя они являются открытым источником информации. Причиной тому становится закрытые профили, или удаленные странички социальных сетей. Однако Osint способен игнорировать запреты и находит информацию даже в закрытых профилях, с помощью дополнительных различных ресурсов, программ, приложений и алгоритмов.

В целом с комплексом рассмотренных функций и вспомогательных элементов ведется розыскная работа в условиях пользования сетью Интернет. Однако на дан-

ный момент в условиях цифровизации и развития современных технологий, перед субъектами оперативных подразделений открываются новые возможности, позволяющие осуществлять розыск в наиболее короткие сроки и современными эффективными средствами.

Список литературы:
1.Интернет и соцсети в России в 2022 году – вся статистика. URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2022-godu-vsya-statistika/
2.Зоз В. А., Карпенко А.С. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия организованной преступности. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № . 3 Ч. 1. – С. 258-262.
3.Краткая сыскная энциклопедия: Деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная сыскная (детективная) / Авт. – сост. докт. юрид. наук А. Ю. Шумилов. -М.: Изд-ль Шумилова И. И., 2000. С. 148.
4.Шроль А.Р. Отдельные особенности осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении разыскиваемых лиц с использованием платформ социальных сетей в цифровом информационном пространстве. В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: С.А. Буткевич, И А. Петрожицкая, А.В. Гончарова [и др.], под общей редакцией С.А. Буткевича. Краснодар, 2022. С. 636-638 Об Оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». (дата обращения: 19.01.2023 г.)
5.Об Оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». (дата обращения: 19.10.2023 г.)

Lagutochkin A.V. Features of the use of the digital environment by operational police units in relation to wanted persons // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 303–308.

The article examines the features of the use of the digital environment by operational police units in relation to wanted persons, determines and characterizes the resources for the production of operational search activities in the conditions of using the telecommunications space of the Internet. The author notes the undoubted importance of this area of activity, which helps to most accurately establish all the data available in the digital environment about the person being searched and his location, focuses on individual search directions using the example of using social networks. Notes the importance of carrying out the search for persons by operational units of the internal affairs bodies, through operational investigative measures, using various social media platforms in the context of using the telecommunications space of the Internet. This allows the search to be carried out in the shortest possible time and by modern effective means. The article pays special attention to the problematic aspects of using hardware and software search tools, and analyzes the necessary directions that affect the effectiveness of the application.

Keywords: Internet, operational investigative measures, search, investigative work, social networks, problems, digital environment.

Spisok literatury:
1. The Internet and social networks in Russia in 2022 – all statistics. URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2022-godu-vsya-statistika/
2. Zoz V., A., Karpenko A.S. Operational investigative support for countering organized crime. Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2021. – Vol. 7 (73). No. 3 Part 1. – pp. 258-262.
3. Brief detective encyclopedia: Operational investigative, counterintelligence, private detective (detective) activities / Author – comp. doct. Jurid. Sciences A. Yu. Shumilov. -M.: Publishing house of Shumilov I. I., 2000. P. 148.
4. Shrol A.R. Certain features of the implementation of operational search measures in relation to wanted persons using social media platforms in the digital information space. In the collection: Ensuring public safety and countering crime: tasks, problems and prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Editorial board: S.A. Butkevich, And A. Petrozhitskaya, A.V. Goncharova [et al.], under the general editorship of S.A. Butkevich. Krasnodar, 2022. pp. 636-638 On Operational investigative activities: Federal Law No. 144-FZ of 08/12/1995 [Electronic resource] // Access from the help.- the legal system "Garant". (date of application: 01/19/2023)
5. On Operational investigative activities: Federal Law No. 144-FZ of 08/12/1995 [Electronic resource] // Access from the help.- the legal system "Garant". (date of application: 19.10.2023/

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 309–316.

УДК 34.349

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК ГУМАННОГО ВИДА НАКАЗАНИЯ

Мирошниченко Е. А.
ГУФСИН России по Ростовской области

В статье рассмотрены особенности применения принудительных работ по отношению к видам преступлений. Введение законодателем в Уголовный кодекс РФ пакета наказаний, не связанных с лишением свободы, среди которых отдельное место заняли принудительные работы, является положительным признаком гуманизации системы наказаний. Введение законодателем в УК РФ пакета наказаний, не связанных с лишением свободы, среди которых отдельное место заняли принудительные работы – признак гуманизации системы наказаний. Под принудительными работами следует считать привлечение осужденных, достигший 18 лет на момент вынесение судом приговора и совершивших преступления небольшой или средней тяжести, либо тяжкое преступление впервые к наказанию в исполнении принудительного труда в местах, специально отведенных учреждениями уголовно-исполнительной системы и применяемых каке альтернатива к лишению свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, принудительные работы, наказание.

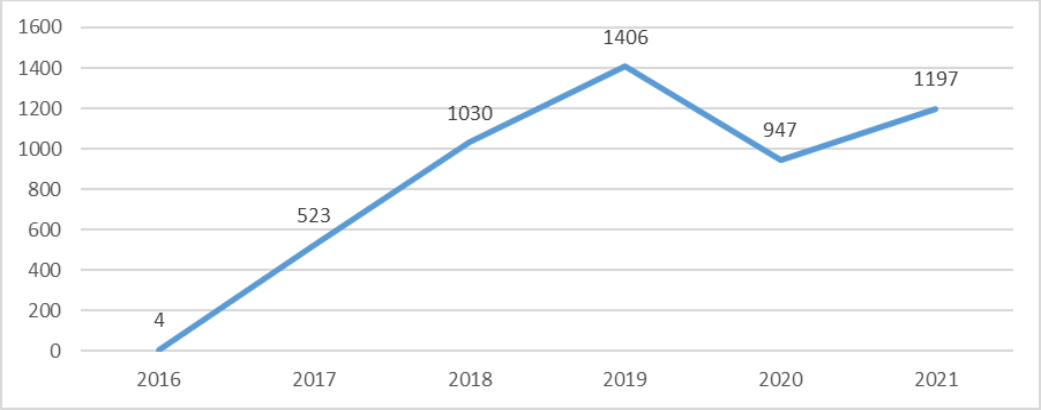
В настоящее время активно действует концепция реформ уголовно-исполнительной системы. Основной целю проведения реформирования является исправление осужденных и направление сил на предотвращение совершения новых преступлений, а также адаптации осужденных к полноценной жизни. 29 апреля 2021 г. Правительством РФ была утверждена новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. Согласно данной концепции, по отношению к принудительным работам установлена цель – развитие сети исправительных центров, обеспечивающих исполнение наказание в виде принудительных работ.

Одним из важных элементов правового поля в рамках волны либерализации Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) является введение нового вида наказания – принудительных работ. Новый вид наказания в 2017 г. был включен в ст. 53.1 УК РФ, согласно которой принудительные работы могут применяться в качестве альтернативы к лишению свободы в случаях, предусмотренных настоящим законодательством за преступления небольшой или средней тяжести. В некоторых случаях встречаются ситуации, когда данный вид наказания применяется по преступлениям тяжких и особо тяжких. Всего в России на учете 29 функционирующих исправительных центров и 88 изолированных участков, выполняющих функции исправительных центров, в которых 7 845 осужденных трудятся на принудительных работах.

Стоит отметить, что наказания в виде обязательных, исправительных и принудительных работ назначаются в 24% случаев из всех видов наказаний. На представленной ниже диаграмме рассмотрены данные статистики по назначению рассматриваемых видов наказаний за 2021 г. Так, можно отметить, что наиболее распространенным видом наказаний, связанных с привлечением осужденного к труду являются обязательные работы. За 12 месяцев 2021 г. к данному виду наказаний было осуждено 90 224 чел., что составляет 65% от общего числа наказаний в виде привлечения к труду. Меньше всего осужденным назначают такой

вид наказаний как принудительные работы, они составляют всего 0,87%.

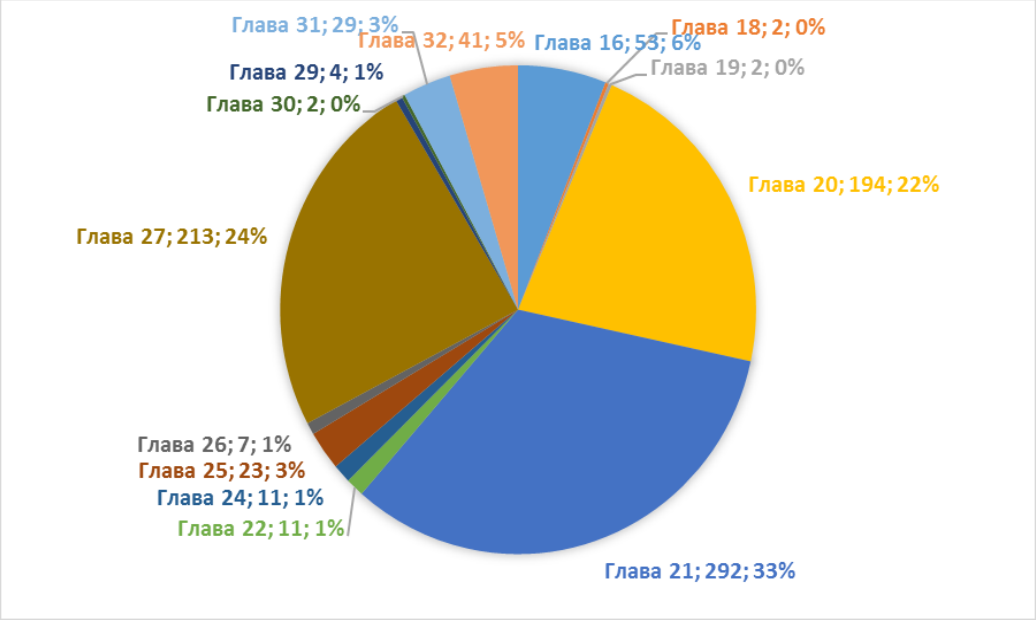
Принудительный работы для России является достаточно новым наказанием. 23 марта 2017 г. Президент РФ В.В. Путин поручил ФСИН в течение 2-х лет создать систему исправительных центров, с целью сокращения количества отбывающих наказания в местах лишения свободы, а также облегчить содержание осужденных за преступления средней и небольшой тяжести. В связи с тем, что назначение наказания в виде принудительных работ было введено в действие около 5 лет назад, по сравнению с назначением остальных видов наказания его применение не так часто используется. Статистика применения принудительных работ с введением соответствующей статьи не однозначная. На представленной диаграмме заметен резкий скачек применения данного вида наказания до 2019 г. С началом применения принудительных работ в 2016 году в России на 99,72 возросло к 2019 г. В 2020 г. наблюдается снижение на 32,65%, а в 2021 вновь количество осужденных к принудительным работам возрастает на 20,89%, а за 1е полугодие 2022 г. уже осуждено 884 чел., что на 40,38% больше чем за аналогичный период 2021 г.



Представленные выше данные о назначении принудительных работ с начала их введения в Уголовный кодекс свидетельствует о том, что данный вид наказания с каждым годом набирает обороты и начинает успешно применяться на практике, что позволяет утверждать, что введение подобного наказания было вполне успешным.

Далее рассмотрим особенности применения такого вида уголовного наказания как принудительные работы по отношению к видам преступлений.

Как видно из представленных данных, наказания в виде принудительных работ чаще всего назначаются по преступлениям, предусмотренных Гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности», Гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», Гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних.



Проведя анализ судебной практики было установлено, что принудительные работы чаще всего назначаются за такие виды преступлений как кражи, грабежи, а нередко данные виды преступлений сопровождаются с другими составами и в соучастии с другими лицами. В таких случаях судами назначают наказаний в виду степени тяжести деяния и роли соучастия каждого соучастника.

Наказанием является мера принуждения, исходящая со стороны государства, назначаемая лицу, вина которого в совершении преступления доказана и установлена в судебном порядке. Оно выражается в ограничении или лишении прав и свобод человека, закрепленных, прежде всего в Конституции РФ. Каждое наказание применяется с определенными целями. Ими, в свою очередь, являются исправление лица, совершившего преступление, предотвращение совершения преступных деяний в будущем, а также восстановление справедливости.

Для назначения любого наказания требуются исходные начала, которыми будет руководствоваться суд при применении лицу, совершившему преступление, определенной санкции. УК гласит, что лицо, которое признано виновным в совершении преступления, должно понести справедливое наказание в соответствии

с федеральным законом. Данное положение установлено в ст. 60 УК РФ.

Степень общественной опасности представляет собой количественную характеристику общественной опасности преступного деяния, разграничивающую оценку преступления того же характера и определяется многими факторами, такими как: время, в течение которого было совершено преступление; место, на котором реализовано преступное деяние; способ воздействия на объект преступления при его совершении; количество похищенного, тяжесть последствий и др.

К примеру, ст. 158 УК РФ представляет собой хищение не принадлежащего преступнику имущества, то есть кражу. Кража в размере 100 тыс. руб. и 5 мил. руб. по характеру общественной опасности остается неизменной, но степень общественной опасности у второй кражи будет выше. Суду при назначении наказания необходимо исходить из общего числа всех существующих обстоятельств, при которых было совершено преступление, для определения степени общественной опасности.

Федеральным законом от 07.12.2011 №420 ФЗ в УК были внесены изменения, по результатам которых в данный законы была добавлена ст. 53.1. УК РФ «Принудительные работы», однако применение данного вида наказания началось с 2017 г. Такое положение дел, связанное с промежутком времени от момента введения в УК ст. и до момента начала применения данной статьи связано с тем, что по состоянию на 2011 г. уголовно-исполнительная система еще не была готова к данному виду наказания. Не готовность заключалась в нехватке денежного финансирования для создания специализированных исправительных учреждения, предназначенных для приведения в исполнение данного вида наказания.

Указанное изменение можно рассматривать как подтверждение того, что расширение системы наказаний произошло прежде всего за счет так называемых наказаний, не связанных с лишением свободы. Это связано прежде всего с негативными последствиями, которые предусматривает изоляция лица от общества и общества. Человек оказывается в местах лишения свободы, оказывается оторванной от социума, в результате поведение большинства лиц, осужденных к лишению свободы, по мнению ученых-пенитенциаристов, со временем ухудшается.

Во время длительного пребывания в местах лишения свободы существенно снижаются возможности адаптации человека к обычной жизни, разрываются семейные и другие полезные социальные связи. Осужденные теряют надежду на будущее, начинают привыкать к местам лишения свободы, у них возникает чувство безнадежности.

В конце концов, трагические социальные, моральные, психологические, экономические, демографические последствия убедительно доказывают, что лишение свободы не является лучшим средством борьбы с преступностью.

В настоящее время систему уголовных наказаний можно условно разделить на наказания связанные с лишением свободы и наказания не связанные с лишением свободы. Наказание в виде принудительных работ можно определить, как нечто среднее между двумя видами наказаний, поскольку по факту это не лишение свободы, однако исполнение принудительных работ схожее с лишением свободы.

Принудительные работы представляют собой привлечение осужденных к труду, в специализированных местах при исправительных центрах и которые определяются органами уголовно-исполнительной системы, с удержанием части

заработной платы осужденного в доход государства. Такое мнение относительно определения данного вида наказания было представлено в статье Журавлевой Е.А.

По мнению Галеева М.Д. принудительные работы следует относить к «вторичным» наказаниям, после назначения основного наказания в виде лишения свободы на срок до 5 лет. Если обратиться к УК, то в ст. 53.1 содержатся обязательные признаки принудительных работ, на основании которых можно дать конкретно определение данному виду наказания: 1) вид наказания, являющийся альтернативным вариантом к лишению свободы за преступления небольшой или средней тяжести, либо за тяжкое преступление впервые; 2) привлечение осужденного к труду в специализированных местах, определяемых уголовно-исполнительными органами и учреждениями; 3) назначаются на срок не превышающий 5 лет; 4) удержание части заработной платы осужденного в пользу государства.

Таким образом сопоставив мнение выше упомянутых авторов и признаки, указанные в ст. 53.1. УК РФ, автором было сконструировано следующее определение: «принудительные работы – привлечение осужденных, достигший возраста 18 лет на момент вынесение судом приговора и совершивших преступления небольшой или средней тяжести, либо тяжкое преступление впервые к наказанию, заключающемуся в исполнении принудительного труда в местах, специально отведенных учреждениями уголовно-исполнительной системы и применяемых в качестве альтернативы к лишению свободы».

Любое уголовное наказание должно назначаться в соответствии с характером совершенного преступного посягательства. Таким образом при назначении наказания вырабатывается принцип справедливости назначенного наказания. Наказание за преступление большей общественной опасности должно быть более суровым, нежели за менее общественно-опасные преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется с целью восстановить справедливость в обществе, и в то же время достичь исправления преступника и предотвратить совершение других преступлений в будущем. Это все также отвечает принципу справедливости. Однако не стоит забывать о том, что необоснованно строгое наказание не есть справедливое. То же самое можно сказать и про необоснованно мягкое наказание.

Принцип справедливости назначения наказания требует от суда при выборе какой-либо санкции, предельно принять во внимание представления о справедливости осужденного, потерпевшей стороны и общества в целом.

Эти представления возникают относительно тех факторов, которые учитываются судом как общие начала назначения наказания, к которым относятся и личность виновного, и характер преступления и т.д. Принцип справедливости в уголовном праве при назначении наказания обязан достигать соответствия преступления и наказания. Он так же оказывает влияние на пределы наказания.

Как было указано выше, законодатель четко выделяет факт того, что принудительные работы являются альтернативным видом наказания. Более точное понимание альтернативы в наказаниях дает Зайченко В. А., которые писал, что, «альтернативные наказания – это меры государственного принуждения, назначаемые лицу, совершившему преступление, по приговору суда, не связанные с изоляцией от общества, но являются ее адекватной заменой в соответствии с

общественной опасностью содеянного и личностью виновного».

Указанное мнение в целом отражает положительные стороны данного вида наказания, однако несмотря на это, принудительные работы все же заключаются ограничении прав осужденного, выражающиеся в выборе места жительства, рода деятельности, полной оплаты труда и пр. В соответствии с этим, правоприменитель при назначении наказания должен отталкиваться не только от характера совершенного преступного деяния, но и также от личности самого преступника.

Каждый человек индивидуален в своем поведении, характере и нравственных устоях – данный фактор является основанием учета личности виновного, что является одним из общих начал назначения наказания. В судебной практике исключено такое явление как два одинаковых преступления по всем своим признакам. В случае, если характер и степень общественной опасности будут совпадать, то личность виновного в двух разных преступных деяниях будет отличаться. Человек – это уникальное биосоциальное существо.

Личность лица, совершившего преступление, характеризуется многими аспектами. Суд, назначая наказание, должен учитывать психологическое, физическое, психическое состояние виновного в момент совершения преступления. Орган правосудия устанавливает мотив, цель и умысел лица, совершившего преступление, так как умышленное деяние существенно отличается от неосторожного и санкция за их совершение будет абсолютно разной. Суд назначает наказание, руководствуясь законом, но в то же время, оценивает преступление, по внутреннему убеждению, включая такую способность человека как совесть.

Осужденный обладает определенной характеризующей его базой и до момента совершения преступления, которые таким же образом учитываются судом. К ним можно отнести свойства личности, его место и роль в обществе, а также отношение виновного к учебе, труду, служебному и общественному долгу. Также при назначении наказания, в частности при назначении наказания в виде принудительных работ, учитываются здоровье подсудимого.

Купряченик О.С. предлагает ввести некоторые изменения и заменить термин принудительные работы, на «трудовое ограничение», под которым следует понимать альтернативный вид уголовного наказания, назначаемый с учетом типологии личности преступника на определенный срок и заключается в ограничении личной свободы с обязательным привлечением к оплачиваемому труду осужденного и удержания средств из заработной платы в доход государства.

Автор настоящей работы не согласен с вышеуказанным мнением относительно замены термина «принудительные работы» на «трудовое ограничение», поскольку последнее следует относить к ограничениям, указанным в трудовом законодательстве, относительно трудовых отношений. Более того, если говорить об ограничении относительно данной темы, то тут они заключаются только в ограничении места нахождения и выбора деятельности, а также в финансовом ограничении, тогда как «трудовое ограничение» это гораздо более широкое понятие. Термин «принудительные работы» следует оставить без изменений, т.к. любое наказание не исполняется по доброй воле осужденного, фактически каждое назначаемое наказание принудительно, в данном случае добавляется своего рода «отработка» за совершенные действия, выражающаяся в труде.

Реформирование системы уголовного и уголовно-исполнительного права

обосновывают тем, что: 1) предлагаемые виды наказаний являются более гуманными для общества и общины, поскольку они не имеют тех негативных последствий, которые присущи лишению свободы; 2) они позволяют лучше, чем лишение свободы, приспосабливать людей к порядку и условиям отбывания наказания, не разрывать полезные социальные связи, особенно те, которые связаны с работой; 3) наукой уголовно-исполнительного права доказано, что эти наказания уменьшают количество осужденных, находящихся в местах лишения свободы, и являются более эффективными для предотвращения совершения повторного преступления; 4) они также значительно дешевле для государства, чем лишение свободы, и дают возможность широко привлекать общественность и трудовые коллективы к исправлению и ресоциализации осужденных и контроля за ними; в-пятых, наказания, не связанные с лишением свободы, широко применяются во всем мире и доказали свою высокую эффективность, в т.ч. способствовали уменьшению рецидивной преступности. Таким образом, введение законодателем в УК РФ пакета наказаний, не связанных с лишением свободы, среди которых отдельное место заняли принудительные работы, является положительным признаком гуманизации системы наказаний.

На основании проведенного анализа принудительных работ, установлено, что под принудительными работами следует считать привлечение осужденных, достигший возраста 18 лет на момент вынесение судом приговора и совершивших преступления небольшой или средней тяжести, либо тяжкое преступление впервые к наказанию, заключающемуся в исполнении принудительного труда в местах, специально отведенных учреждениями уголовно-исполнительной системы и применяемых в качестве альтернативы к лишению свободы.

Список литературы:

1.Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 05.10.2023. – № 0001202105050004

2.Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №39. – Ст.6535

3.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №41. – Ст.6946

4.Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №39. – Ст.6535

5.Шишкина, Ю. А. Общественная опасность как категория уголовного права / Ю. А. Шишкина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 16 (254). — С. 151–153.

6.Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 08.12.2022. – №0001201112080002

7.Журавлева, Е. А. Проблемы правового регулирования и практики применения наказания в виде принудительных работ / Е. А. Журавлева // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Томск, 19–20 апреля 2018 года / Под общей редакцией В.А. Уткина. – Томск: Федеральное казенное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний», 2018. – С. 124-128.

8.Галеев, М. Д. Принудительные работы как вид наказания в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: понятие и содержание / М. Д. Галеев // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 24. – С. 665-669.

9.Татарников, В. Г. Принцип справедливости и его отражение в общих началах назначения наказания / В. Г. Татарников // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 4(18). – С. 31-36.

10. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации / Н. В. Азаренок, В. А. Байдуков, С. Ю. Боровик [и др.]; учебник/ коллектив авторов; под редакцией В.М. Бозрова. – Москва: ООО «Юстиция», 2017. – 568 с.

11. Зайченко, В. А. Альтернативные лишению свободы наказания как средство оптимизации системы уголовных наказаний в США: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зайченко Владимир Алексеевич. – Самара, 2005. – 19 с.
12. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Г.А. Агаев, Е.Н. Алешина-Алексеева, А.Г. Антонов [и др.]; Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2020.
13. Купряченик, О. С. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы: понятие, терминология и определение / О. С. Купряченик // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5. – С. 98–100.

Miroshnichenko E. A. To the question of the essence of forced labor as a humane form of punishment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 309–316.

The article discusses the features of the application of this type of criminal punishment as forced labor in relation to types of crimes. The introduction by the legislator into the Criminal Code of the Russian Federation of a package of punishments not related to imprisonment, among which forced labor occupied a special place, is a positive sign of the humanization of the punishment system. The introduction by the legislator into the Criminal Code of the Russian Federation of a package of punishments not related to imprisonment, among which forced labor occupied a special place, is a positive sign of the humanization of the punishment system. It has been established that forced labor should be considered the involvement of convicts who have reached the age of 18 years at the time of sentencing and have committed crimes of minor or medium gravity, or a serious crime for the first time, to punishment consisting of forced labor in places specially designated by institutions of the penal system and applied as an alternative to imprisonment. Key words: penal system, forced labor, punishment.

Key words: penal system, forced labor, punishment.

Spisok literatury:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Official Internet portal of legal information. – 05.10.2023. – № 0001202105050004
2.Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. dated 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No.39. – St.6535
3.Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (ed. of 07.10.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No.41. – Article 6946
4.Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. dated 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No.39. – St. 6535
5.Shishkina, Yu. A. Public danger as a category of criminal law / Yu. A. Shishkina. — Text: direct // Young scientist. – 2019. – № 16 (254). – Pp. 151–153.
6.Federal Law No. 420-FZ dated 07.12.2011 (as amended on 03.07.2016) "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"
7.Zhuravleva, E. A. Problems of legal regulation and practice of the use of punishment in the form of forced labor / E. A. Zhuravleva // Penal enforcement system: pedagogy, psychology and law: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Tomsk, April 19-20, 2018 / Under the general editorship of V.A. Utkin. – Tomsk: Federal State Educational Institution of Additional Professional Education "Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service", 2018. pp. 124-128.
8.Galeev, M. D. Forced labor as a type of punishment in the penal system of the Russian Federation: concept and content / M. D. Galeev // Innovations. Science. Education. 2020. No. 24. pp. 665-669.
9.Tatarnikov, V. G. The principle of justice and its reflection in the general principles of sentencing / V. G. Tatarnikov // Verb of justice. – 2018. – № 4(18). – Pp. 31–36.
10.Actual problems of activity of courts of general jurisdiction of the Russian Federation / N. V. Azarenok, V. A. Baidukov, S. Yu. Borovik [et al.]; textbook/ collective of authors; edited by V.M. Bozrov. – Moscow: LLC "Justice", 2017. – 568 p.
11.Zaichenko, V. A. Alternative punishments to imprisonment as a means of optimizing the system of criminal penalties in the USA: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Zaichenko Vladimir Alekseevich. - Samara, 2005. – 19 p.
12.Criminal law. Special part: Textbook / G. A. Agaev, E. N. Alyoshina-Alekseeva, A. G. Antonov [et al.]; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – St. Petersburg: LLC "R-KOPI", 2020. – 832 p.
13.Kupriachenik, O. S. Forced labor as an alternative to imprisonment: concept, terminology and definition / O. S. Kupriachenik // Theory and practice of social development. – 2016. – No. 5. pp. 98-100.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 317–328.

УДК 343.72:336.717

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРЕДМЕТА МОШЕННИЧЕСТВА С БЕЗНАЛИЧНЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Скворцова О. В., Копанчук А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена установлению особенностей современной правовой природы предмета мошенничества с безналичными денежными средствами, ответственность за которое предусмотрена статьями 159 - 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, путем анализа норм актуального российского законодательства и положений отечественных межотраслевых доктринальных концепции о правовом статусе безналичных денежных средств, электронных денег и цифровой валюты в системе объектов гражданских прав и преступлений. В работе приведена сравнительная юридическая характеристика безналичных, электронных средств и цифровых финансовых активов, проанализирована судебная практика применения указанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, изучены нормы уголовного закона с позиции наличия правовых пробелов и коллизий при их конструировании, а также предложены пути преодоления несовершенств уголовного законодательства в целях единообразного применения положений, раскрывающих правовые признаки мошенничества.

Ключевые слова: предмет преступления, мошенничество, дистанционное хищение, объекты гражданских прав, безналичные денежные средства, электронные деньги, цифровая валюта.

Появление мобильной связи и различных способов электронных безналичных расчетов за товары и услуги привело к выделению совершенно нового вида мошенничества – дистанционного хищения безналичных денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием потерпевшего. Конституция Российской Федерации провозглашает равенство перед законом всех форм собственности, которые в одинаковой мере поставлены под правовую охрану и защищены от произвольного посягательства на них не иначе как по решению суда [1, ч. 1-3 ст. 8; ст. 35]. Несмотря на это, мошенники все чаще несанкционированно вмешиваются в повседневные человеческие виды деятельности (обслуживание в учреждениях кредитно-финансовой системы, товарооборот и оказание услуг, коммуникация в сети «Интернет», ведение бизнеса, доступ к различным категориям информации), а недостаточный уровень финансово-правовой грамотности, чрезмерная доверчивость и тревожность общества современной России, подкрепленные кризисными геополитическими изменениями 2022-2023 годов в международном и национальном пространстве, приводят к получению мошенниками крупной преступной прибыли в короткие сроки без визуального контакта с потерпевшими.

Мошенничество с безналичными денежными средствами по Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] не является самостоятельным составом преступления, а выступает обобщающей по предмету преступления теоретической категорией для основного состава мошенничества (ст. 159 УК РФ), а также его специальных подвидов – мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и мошенничества в сфере

компьютерной информации, совершенного с банковского счета, а равно в отношении электронных денег (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ).

Стоит отметить, что современная правовая регламентация мошенничества с безналичными денежными средствами, имеющими определенные сходства с наличными и электронными деньгами, а также с цифровыми финансовыми активами, при осуществлении юридической оценки таких деяний создает определенный ряд теоретических и практических проблем, что обуславливает актуальность осуществленного ниже исследования.

Понятие «безналичные деньги» и «безналичные расчеты» широко распространено в юридической литературе, нормотворчестве и деловом документообороте. Приобретая различные смысловые оттенки в зависимости от сферы правового применения, оно используется во множестве федеральных законов и подзаконных нормативных актов России, к примеру:

1) в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно п. 13.1 которой имущество – это любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях; бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии; имущественные права, включая права требования и исключительные права [3];

2) в ст. 3 Федерального закона от 07.08.2008 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в которой раскрывается понятие операции замораживания (блокирования) безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг [4];

3) в Приказе Минфина России от 30.03.2015 N 52н «Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и методических указаний по их применению», согласно п. 33 которого вышеуказанные органы и учреждения должны иметь журнал операций с безналичными денежными средствами [5];

4) в Положении Банка России от 29.06.2021 N 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», в силу п. 1.1 которого Банк России, кредитные организации осуществляют перевод денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов на основании распоряжений о переводе денежных средств [6].

Однако ни один из приведенных и иных действующих актов российского законодательства не содержит в себе нормативного определения, раскрывающего правовую природу безналичных денег, несмотря на его повсеместную категориальную востребованность и универсальный характер применения.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к

ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [7].

На сегодняшний день в гражданской правовой науке выделились несколько направлений определения места безналичных денег в системе объектов гражданских прав. Одни группы ученых относят безналичные деньги к движимому имуществу или имущественным правам, вторые настаивают, что такие деньги не имеют материальных признаков и являются сферой изучения обязательственного права. Такая теория не является новой, она зародилась в российской гражданско-правовой науке еще в девяностые годы XX века.

И.И. Кучеров и А.А. Ситник, будучи сторонниками концепции существования безналичных денег в качестве объекта вещных прав, представляют их в виде записей на счетах в кредитных организациях либо в качестве документированной информации о денежных единицах, которая зафиксирована на определенных носителях и способна передаваться в виде финансового сообщения через платежные системы [8, с. 154].

В противовес этому мнению О.М. Крылов и В.Ф. Попондопуло рассматривают безналичные деньги в качестве «права требования кредитора к кредитной организации в денежном обязательстве, представляющем собой правоотношение, в котором праву требования корреспондируется юридическая обязанность должника совершить платеж» [8, с. 154; 9, с. 46].

Указанные концептуальные споры со временем перешли из теории гражданского права в сферу уголовно-правовой науки, в которой среди ученых также постепенно возникали вопросы о возможности безналичных денег выступать в качестве предмета имущественных преступлений. Ряд авторов достаточно резко критикуют отнесение предмета мошеннического хищения в виде безналичных денег к имуществу. Е.А. Корепанова, А.Н. Богомолов, В.В. Хилюта сходятся во мнениях о том, что до тех пор, пока составы хищений будут закреплены в Гл. 21 УК РФ, предусматривающей охрану права собственности, безналичные денежные средства не могут быть предметами хищения, так как право на имущество – это уголовно-правовая фикция, которая никак не может быть отнесена к предмету хищения [10, с. 25; 11, с. 193, 197].

То есть, по мнению данных ученых, в условиях существующей системы норм УК РФ термин «имущество», содержащийся в ст.ст. 159-159.6 УК РФ, сводится только к объектам материального мира (вещи, наличная валюта - банкноты и монеты, ценные бумаги) и полностью исключает объекты виртуальной реальности (безналичные деньги, электронные деньги, цифровые активы). При этом вышеуказанные представители юриспруденции сами подчеркивают, что, несмотря на существование проблемы с определением возможности безналичных денег являться предметом хищений и серьезных пробелов в действующем законодательстве в этой сфере, правоприменительная практика идет по традиционному для доктрины уголовного права пути, то есть суды оценивают посягательства на безналичные денежные средства по-прежнему как мошенничество, кражу, вымогательство [10, с. 25].

М.А. Любавина констатирует, что деньги относятся к разновидности движимого имущества, так как в гражданском законодательстве термины «деньги» и «валюта» употребляются как синонимы [12, с. 26].

В п. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 N 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», «под валютой Российской Федерации понимаются: а) денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах» [13].

То есть, вышеуказанный Федеральный закон включил в понятие «валюта» не только банкноты и монеты, но и безналичные деньги. Такую ситуацию демонстрирует и судебная практика, поскольку Верховный Суд РФ, применяя наработки преобладающих в гражданском праве позиций, указывает, что если рассматривать имущество в качестве предмета преступлений, то оно, имея под собой гражданско-правовое основание возникновения, должно, тем не менее, истолковываться через уголовно-правовую доктрину, и разъясняет в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», что если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и в силу ст. 128 ГК РФ содеянное должно квалифицироваться как хищение чужого имущества [14].

Так, в июне 2022 г. в Тюменской области М. был осужден за совершение мошенничества в сфере кредитования. Из текста приговора следует, что М., находясь по адресу своего места жительства, имея умысел на хищение безналичных кредитных денег, при заключении договора потребительского займа с ООО МФК «Мани Мен» путем подачи онлайн-заявки в заявлении (анкете) сообщил заведомо ложные сведения о своем месте работы в МО МВД России «Заводоуковский», со среднемесячным доходом в 28 000 руб., что не соответствовало действительности, так как на момент оформления кредитного договора М. не был трудоустроен. Введя в заблуждение кредитного менеджера ООО МФК «Мани Мен», он заключил договор потребительского займа на сумму 14 840 руб. 00 коп. и с расчетного счета ООО МФК «Мани Мен», открытого в АО «КИВИ банк», получил на предоставленный им счет 14 840 руб., при этом условия договора займа о возврате суммы займа и процентов в установленный срок не выполнил [15].

Е.В. Герасимова, Ю.Е. Пудовочкин, Г.Ф. Журавлева, Н.А. Карпова, И.А. Петрова отмечают, что в последние годы не только в доктрине уголовного права, но и в правоприменительной практике все отчетливее проявляется тенденция к расширению границ общего понятия хищения и включению в данную нормативную дефиницию новых явлений, с момента появления которых возникает потребность в их адекватном позитивном регулировании и публичной охране. Это касается не только проблемы дематериализации хищения и ухода от вещественной основы предмета преступного посягательства (за счет включения в его предмет имущественных, обязательственных, информационных прав, а также нематериальных благ), но и расширения границ самого способа действия при хищении, смещения акцента уголовно-правовой охраны с вещных на обязательственные правоотношения [16, с. 85-86; 17, с. 154].

Как уже было ранее отмечено, безналичные и электронные деньги имеют некоторые схожести в правовой характеристике, обусловленные их бездокументарной

формой существования, однако тождественными эти понятия назвать нельзя. Так, О.М. Крылов считает: «Электронные денежные средства предстают в качестве субъективных юридических прав обязательственного характера на денежные знаки в денежном обязательстве. Указанные признаки электронных денежных средств проявляются и у безналичных денег, под которыми автор понимает субъективные юридические права обязательственного характера к кредитной организации на денежные знаки в денежном обязательстве, возникшем на основании договора банковского счета (вклада). Однако обязательным условием возникновения безналичных денег является договор банковского счета (вклада), в то время как основанием возникновения электронных денег является договор с оператором электронных денежных средств. Вид этого договора в законодательстве России не определен, но очевидно, что он не является договором банковского счета, поскольку денежные средства предоставляются лицу без открытия ему банковского счета» [18, с. 9].

В отличие от безналичных денег на банковском счету, электронные деньги содержатся в электронном средстве платежа – электронном кошельке [19, пп. 1.3 п. 1]. В России они применимы в расчетах за товары и услуги в гораздо меньшем количестве, чем безналичные денежные средства. Каждое предоставленное клиентам организаций право оплатить покупки или услуги электронными деньгами регламентируется в законах, подзаконных нормативных актах и локальном законодательстве предприятий. То есть ликвидность электронных денег ограничена и зависит от прямого ее нормативного закрепления, через которое такие средства наделяются функциями денег (платежеспособность, возможность накопления и участия в обеспечении оборота товаров). Сегодня электронными деньгами возможно оплатить коммунальные услуги, такси, услуги связи, цифровые товары и товары интернет-магазинов, налоги и штрафы за нарушение правил дорожного движения. В связи с постоянным расширением сферы применения, электронные деньги давно попали в поле зрения мошенников и стали представлять для них преступный интерес.

Так, М., находясь в г. Новосибирск Новосибирской области, связался со специалистом офиса ПАО «ВымпелКом» Ф., в чьи обязанности входил доступ к рабочим папкам и компьютерным программам, содержащим персональные данные клиентов ПАО «ВымпелКом», данные их лицевых счетов, охраняемые законодательством России, и получил от него заменённую без ведома потерпевшей К. принадлежащую ей сим-карту. Затем М., используя свой телефон и замененную сим-карту незаконно осуществил четыре перевода электронных денег с лицевого счета абонентского номера К., на счет электронного кошелька оператора платежной системы «Киви Банка», привязанного к абонентскому номеру потерпевшей К., откуда перевел данные средства на общую сумму 9 300 рублей 75 копеек на счет электронного кошелька «Киви Банка», привязанного к его абонентскому номеру. Своими действиями М. совершил преступления, предусмотренные п. «в» ч. 3 ст. 159.6, ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 272 УК РФ. В свою очередь, специалист ПАО «ВымпелКом» Ф., будучи неосведомленным о намерении М. совершить мошенничество, использовал свои служебные обязанности для осуществления доступа к компьютерным базам данных и незаконно произвел замену сим-карты К. без ее ведома и волеизъявления, что послужило основанием для квалификации следствием и судом его действий по ч. 3 ст. 272 УК РФ [20].

Также в последние несколько лет объектом дискуссий стала сущность цифровых денег. В частности, М.А. Простосердов отстаивает позицию о том, что «криптовалюта, как цифровой информационный продукт, то есть совокупность уникальных компьютерных данных, объединенных в виртуальный носитель, обладающих всеми признаками товара, собственной стоимостью и принадлежащих на праве собственности другому лицу, может выступать предметом хищения в преступлениях, предусмотренных статьями 159 и 159.6 УК РФ» [21, с. 10].

Данное положение вещей не удивительно, так как закрепление в ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ положений о цифровых правах в настоящее время позволяет в теории уголовного права криптовалюту также определять, как имущество. Следовательно, преступления, в которых криптовалюта выступает предметом, подлежат квалификации как определенные виды хищений, в том числе и обманных. С принятием Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», термины «цифровая валюта» и «цифровые финансовые активы» были впервые официально закреплены в российском законодательстве, на текущий момент без разрешения их использования в качестве средства платежа и ограниченной возможности их выпуска на территории России [22, ч. 2 ст. 1; ч. 5-7 ст. 14]. Таким образом, в 2020 г. был начат процесс перевода этих экономических конструкций из сферы теневой экономики к государственному правовому регулированию.

Цифровая валюта также не является аналогом безналичных денег. В.М. Пищулов отмечает, что «объединяет внешние формы проявления безналичных денег и единиц цифровых валют программно-компьютерная форма существования, а также то, что они изначально не несут в себе свойства стоимости». По мнению автора, криптовалюта, равно как и безналичные деньги, являются инструментами обеспечения товарооборота только благодаря тому, что искусственно наделяются свойством полезности и стоимости, позволяющим им обеспечивать покупательную способность их держателей. Однако безналичные средства размещаются и хранятся на банковских счетах, а единицы криптовалют существуют в виде цифровых адресов и реализуются через торги на биржах. Криптовалюта как наиболее распространенная форма цифровых валют существует без банковской системы регулирования, в чем и заключался изначальный смысл создания таких платежных инструментов – вывести этот подобный деньгам актив из-под отчетности банкам [23].

Правоприменительная практика в отношении криптовалют придерживается такой же точки зрения, как и в отношении безналичных и электронных денег, относя данные объекты гражданских прав к имуществу.

Так, в 2019 г. в г. Казань Республики Татарстан приговором суда С., Л., М. и П. привлечены к ответственности по ч. 2 ст. 159, ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 159 УК РФ. Судом было установлено, что данные лица, предварительно сговорившись и спланировав свои действия, приезжали по адресам, где Л. встречалась с потерпевшими, которым представлялась покупателем криптовалюты и демонстрировала денежные средства для их покупки. После этого Л. предлагала потерпевшим перевести криптовалюту на заранее созданный П. электронный кошелек, обещав расплатиться имеющимися при ней деньгами, при этом заранее для всех участников группы не собиралась этого делать. Будучи введенными в заблуждение, верив Л. и не подозревая о ее истинных преступных намерениях, потерпевшие переводили со своих элек-

тронных кошельков на электронный кошелек, указанный Л., криптовалюту в размере 0,916 единицы, 2,8 единицы и 0,4267 единицы соответственно, после чего Л. передавала им заранее приготовленный конверт с «билетами банка приколов» и незамедлительно покидала место происшествия совместно с остальными подсудимыми [24].

В 2023 г. экономический оборот безналичных и электронных денег, а также цифровых финансовых активов, постепенно и закономерно переходит из сферы действия международных и национальных обычаев делового оборота к существованию в официальном правовом поле. Более того, во всем мире уже повсеместно распространены такие виды экономической деятельности, как заем и кредитование электронными деньгами и криптовалютой, оформление цифровых вкладов (депозитов) и т.д. Данные операции в РФ законодательно не предусмотрены, но и не запрещены, следовательно, они в будущем неминуемо придут к нормативному закреплению.

Соответственно, нельзя неоспоримо утверждать, что в уголовных правоотношениях концепции имущественного права не позволяют использовать постулаты права обязательственного. Этот подход узок и архаичен, он не должен явиться поводом для оставления таких новых экономических отраслей финансового оборота, как успешно функционирующие расчеты электронными деньгами или цифровыми активами, за рамками уголовно-правового регулирования, учитывая, что такие инструменты органично вписываются в уже существующие уголовно-правовые концепции, и, несмотря на их слабую правовую разработанность в законодательстве, все чаще становятся предметом мошеннических хищений. Следовательно, в наших реалиях предмет преступления не может сводиться только к овеществленным объектам, так как существующие в телекоммуникационной сети элементы виртуального мира тоже плотно вошли в экономический товарооборот России, подвергаются криминальным угрозам и нуждаются в урегулировании и охране.

В связи с указанным полагаем, что в настоящее время является целесообразным принятие федерального закона, в котором изложение предмета специальных видов мошенничеств, предусмотренных ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, не затрагивая специфики иных элементов составов таких преступлений, которые являлись основанием для их выделения из общего состава мошенничества, будет представлено в следующей редакции:

1) в первом абзаце части 1 статьи 159.1 УК РФ словосочетание «хищение денежных средств заемщиком» заменить на «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество заемщиком»;

2) в первом абзаце части 1 статьи 159.2 УК РФ конструкцию «хищение денежных средств или иного имущества» заменить словосочетанием «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество»;

3) часть 1 статьи 159.3 УК РФ дополнить предложением «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество» и изложить окончательно в виде «мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество с использованием электронных средств платежа».

Подводя итог настоящему исследованию, считаем необходимым тезисно представить основные выводы работы и изменения, предложенные ее авторами, внесение которых может основательно повлиять на осуществление современными правоприменителями юридической оценки мошенничеств с безналичными денежными

средствами, предусмотренных ст.ст. 159-159.3, п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, а также сократить число правовых факторов, влекущих за особой ошибочную квалификацию указанных преступных деяний, что, в свою очередь, позволяет злоумышленникам избежать привлечения к уголовной ответственности, приводит к необоснованному прекращению уголовных дел по различным основаниям или к нарушению принципа справедливости при назначении таким лицам наказания за содеянное:

1. Безналичные и электронные деньги, а также цифровая валюта имеют некоторые похожие показатели в правовой характеристике, обусловленные их бездокументарной формой существования, однако тождественными эти понятия назвать нельзя, так как они имеют различные уровни правового регулирования в отечественном законодательстве и не соотносятся по основаниям возникновения, способам хранения, уровням ликвидности и степеням участие в российском товарообороте.

2. Современные уголовно-правовые концепции, а также уголовная правоприменительная практика признают безналичные денежные средства, электронные деньги и цифровые валюты имуществом, которое может выступать предметом мошеннических хищений. При этом в ст.ст. 159-159.6 УК РФ в результате планомерного изменения норм, отсылающих от диспозиций данных статей к иным законодательным актам для установления значений специфической терминологии, предмет указанных преступлений излагается по-разному.

3. В настоящее время является целесообразным принятие федерального закона, в котором изложение предмета особых разновидностей мошенничеств, предусмотренных ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, будет представлено в виде «хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество», то есть будет приведено к тем положениям о предмете мошенничества, которые закреплены в общем составе, предусмотренном ч. 1 ст. 159 УК РФ, не затрагивая специфики иных элементов составов таких преступлений, которые являлись основанием для их выделения из общего состава мошенничества. Такое предложение представляется обоснованным, так как позволит юридической практике в условиях стремительно развивающихся в России финансово-экономических правоотношений прийти к единообразному институциональному и терминологическому применению норм уголовного закона, раскрывающих правовые признаки мошенничества, несмотря на постоянную изменчивость законодательных актов других отраслей права в сфере регулирования отношений с безналичными, электронными деньгами и цифровыми валютами, при этом, не выходя за рамки современной расширенной теории об имуществе в уголовном праве, то есть, не прибегая к казуальному нормотворчеству.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 №6-ФКЗ, от 04.10.2022 №7-ФКЗ, от 04.10.2022 №8-ФКЗ// Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 27.08.2023). – Текст: электронный.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023)// КонсультантПлюс: СПС. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.08.2023). – Текст: электронный.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 // (дата обращения: 01.09.2023). – Текст: электронный.
4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // КонсультантПлюс: СПС. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 27.09.2023). – Текст: электронный.
5. Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению: Приказ Минфина России от 30 марта 2015 г. N 52н // Гарант: СПС. – URL: https://base.garant.ru/70951956/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/ (дата обращения: 27.09.2023). – Текст: электронный.
6. О правилах осуществления перевода денежных средств: Положение Банка России от 29.06.2021 N 762-П (ред. от 03.08.2023) // КонсультантПлюс: СПС. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394047/ (дата обращения: 28.09.2023). – Текст: электронный.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027// (дата обращения: 20.09.2023). – Текст: электронный.
8. Крылов, О.М. Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации/ О.М. Крылов. – // Правовое государство: теория и практика, № 4 (58) 2019, май 2021. – С.153-158.– ISSN: 2504-0217. – Текст: непосредственный.
9. *Попондопуло, В.Ф.* Денежные средства: понятие и правовой режим/ В.Ф. Попондопуло. – Текст: электронный // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 40-51. – DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.40-51. – .URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F564097655/162_2_gum_4.pdf (дата обращения: 19.09.2023).
10. Корепанова, Е.А. К вопросу о безналичных денежных средствах как предмете преступлений/ Е.А. Корепанова. – Текст: электронный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – №6. – 24-28. – ISSN: 2072-3164 // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-beznalichnyh-denezhnyh-sredstvah-kak-predmete- prestupleniy (дата обращения: 19.09.2023).
11. Хилюта, В.В. Право на имущество как предмет хищения в доктрине уголовного права и судебной практике/ В.В. Хилюта. – (Актуальные вопросы публичного права) (Уголовное право). – // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 185-198. – ISSN: 0131-8039. – Текст: непосредственный.
12. Безбородов, Д.А. Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / [Д.А. Безбородов, Я.И. Гилинский, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко, Д.Ю. Краев, М.А. Любавина, А.Н. Попов, П.В. Федышина]; под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 220 с. – ISBN:978-5-392-37397-0 – Текст: непосредственный.
13. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. –URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/08fc56bd86e19a3adf05254e1449e3ae4694df32/ (дата обращения: 27.09.2023). – Текст: электронный.
14. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 01.09.2023). – Текст: электронный.
15. Приговор Заводоуковского районного суда (Тюменская область) от 29.06.2022 по уголовному делу №1-219/2022// Судебные решения РФ. – URL: https://судебныерешения.рф/70656250/extended (дата обращения: 23.09.2023). – Текст: электронный.
16. Герасимова, Е.В. Квалификация преступлений против собственности. Часть 1: учебное пособие/Е.В. Герасимова, И.А. Петрова; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда, 2022. – 143 с. – ISBN 978-5-6048781-2-5. – Текст: непосредственный.
17. Журавлева, Г.В. Карпова, Н.А. Мошенничество в сфере компьютерной информации: спорные вопросы теории и практики / Г.В. Журавлева, Н.А. Карпова // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – №5. – С.153-158. – ISSN 2073-0454. – Текст: непосредственный.
18. Крылов, О.М. Электронные денежные средства как деньги в Российской Федерации: вопросы правового регулирования / О.М. Крылов. – // Финансовое право. 2018. № 10. С. 8-12. – ISSN: 1813-1220. – Текст: непосредственный.

19. Информационное письмо о предоставлении клиентам – физическим лицам информации об особенностях оказания услуг по переводу электронных денежных средств: Письмо Банка России от 11.03.2016 № ИН-017-45/12 // Гарант: справочно-правовая система. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71250826/ (дата обращения: 27.09.2023). – Текст: электронный.
20. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирск (Новосибирская область) от 17.08.2021 по уголовному делу №1-292/2021// Судебные решения РФ. – URL: https://судебныерешения.рф/64712528/extended (дата обращения: 22.09.2023). – Текст: электронный.
21. Простосердов, М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Простосердов Михаил Александрович; [Место защиты: Рос. гос. ун-т правосудия]. – Москва, 2016. - 232 с. // Электронная Российская государственная библиотека (РГБ): библиотека диссертаций.– URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01008534946 (дата обращения: 25.09.2023). – Режим доступа: для зарегистрированных читателей РГБ. – Текст: электронный.
22. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 28.09.2023). – Текст: электронный.
23. Пищулов, В.М. Цифровые валюты и безналичные деньги - сходства и различия / В.М. Пищулов. – Текст: электронный // Банковское дело: журнал о практике и теории банковского бизнеса. – Москва. – 2024. – N 1. – ISSN: 2071-4904. – URL: https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/8101 (дата обращения: 25.09.2023).
24. Приговор Кировского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) от 25.04.2019 по уголовному делу № 1-37/19 // Судебные решения РФ. – URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/43242600/extended (дата обращения: 23.09.2023). – Текст: электронный.

Skvortsova O.V., Kopanchuk A.A. Features and problematic aspects of the interpretation of the subject of fraud with non-cash funds // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 317–328.

The article is devoted to the establishment of the features of the modern legal nature of the subject of fraud with non-cash funds, responsibility for which is provided for in Articles 159 - 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, by analyzing the norms of current Russian legislation and the provisions of domestic intersectoral doctrinal concepts on the legal status of non-cash funds, electronic money and digital currency in the system of objects of civil rights and crimes. The paper provides a comparative legal description of non-cash, electronic funds and digital financial assets, analyzes the judicial practice of applying these articles of the Criminal Code of the Russian Federation, examines the norms of criminal law from the perspective of legal gaps and conflicts in their construction, and suggests ways to overcome the imperfections of criminal legislation in order to uniformly apply the provisions that disclose the legal signs of fraud.

Keywords: subject of crime, fraud, remote theft, objects of civil rights, non-cash funds, electronic money, digital currency.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s uchetom popravok, vnesennyh federal'nymi konstitucionnymi zakonami ot 04.10.2022 № 5-FKZ, ot 04.10.2022 №6-FKZ, ot 04.10.2022 №7-FKZ, ot 04.10.2022 №8-FKZ// Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (data obrashcheniya: 27.08.2023). – Tekst: elektronnyj.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 04.08.2023)// Konsul'tantPlyus: SPS. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 29.08.2023). – Tekst: elektronnyj.
3. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 04.08.2023) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 // (data obrashcheniya: 01.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
4. O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma: Federal'nyj zakon ot 07.08.2001 N 115-FZ (red. ot 10.07.2023) // Konsul'tantPlyus: SPS.– URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (data obrashcheniya: 27.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
5. Ob utverzhdenii form pervichnyh uchetnyh dokumentov i registrov buhgalterskogo ucheta, primenyaemyh organami gosudarstvennoj vlasti (gosudarstvennymi organami), organami mestnogo samoupravleniya, organami upravleniya gosudarstvennymi vnebyudzhetnymi fondami, gosudarstvennymi (municipal'nymi) uchrezhdeniyami, i Metodicheskih ukazanij po ih primeneniyu: Prikaz Minfina Rossii ot 30 marta 2015 g. N

52n // Garant: SPS. – URL: https://base.garant.ru/70951956/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/ (data obrashcheniya: 27.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
6. O pravilah osushchestvleniya perevoda denezhnyh sredstv: Polozhenie Banka Rossii ot 29.06.2021 N 762-P (red. ot 03.08.2023) // Konsul'tantPlyus: SPS. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394047/ (data obrashcheniya: 28.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya, chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 24.07.2023) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027// (data obrashcheniya: 20.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
8. Krylov, O.M. Den'gi kak beznalichnye denezhnye sredstva: voprosy pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii/ O.M. Krylov. – // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika, № 4 (58) 2019, maj 2021. – S.153-158.– ISSN: 2504-0217. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Popondopulo, V.F. Denezhnye sredstva: ponyatie i pravovoj rezhim/ V.F. Popondopulo. – Tekst: elektronnyj // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. – 2020. – T. 162, kn. 2. – S. 40-51. – DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.40-51. –.URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F564097655/162_2_gum_4.pdf (data obrashcheniya: 19.09.2023).
10. Korepanova, E.A. K voprosu o beznalichnyh denezhnyh sredstvah kak predmete prestuplenij/ E.A. Korepanova. – Tekst: elektronnyj // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2017. – №6. – 24-28. – ISSN: 2072-3164 // KiberLeninka: nauchnaya elektronnaya biblioteka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-beznalichnyh-denezhnyh-sredstvah-kak-predmete- prestupleniy (data obrashcheniya: 19.09.2023).
11. Hilyuta, V.V. Pravo na imushchestvo kak predmet hishcheniya v doktrine ugolovnogo prava i sudebnoj praktike/ V.V. Hilyuta. – (Aktual'nye voprosy publichnogo prava) (Ugolovnoe pravo). – // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. – 2013. – № 2. – S. 185-198. – ISSN: 0131-8039. ¬– Tekst: neposredstvennyj.
12. Bezborodov, D.A. Kvalifikaciya prestuplenij protiv sobstvennosti: uchebnoe posobie / [D.A. Bezborodov, Ya.I. Gilinskij, A.V. Zarubin, R.M. Kravchenko, D.Yu. Kraev, M.A. Lyubavina, A.N. Popov, P.V. Fedyshina]; pod obshch. red. A.N. Popova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2018. – 220 s. – ISBN:978-5-392-37397-0 – Tekst: neposredstvennyj.
13. O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole: Federal'nyj zakon ot 10.12.2003 N 173-FZ (red. ot 24.07.2023) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/08fc56bd86e19a3adf05254e1449e3ae4694df32/ (data obrashcheniya: 27.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
14. O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 N 48 (red. ot 15.12.2022) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (data obrashcheniya: 01.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
15. Prigovor Zavodoukovskogo rajonnogo suda (Tyumenskaya oblast') ot 29.06.2022 po ugolovnomu delu №1-219/2022// Sudebnye resheniya RF. – URL: https://sudebnyeresheniya.rf/70656250/extended (data obrashcheniya: 23.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
16. Gerasimova, E.V. Kvalifikaciya prestuplenij protiv sobstvennosti. Chast' 1: uchebnoe posobie/E.V. Gerasimova, I.A. Petrova; Severo-Zapadnyj institut (filial) Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – Vologda, 2022. – 143 s. – ISBN 978-5-6048781-2-5. – Tekst: neposredstvennyj.
17. Zhuravleva, G.V. Karpova, N.A. Moshennichestvo v sfere komp'yuternoj informacii: spornye voprosy teorii i praktiki / G.V. Zhuravleva, N.A. Karpova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – №5. – S.153-158. – ISSN 2073-0454. – Tekst: neposredstvennyj.
18. Krylov, O.M. Elektronnye denezhnye sredstva kak den'gi v Rossijskoj Federacii: voprosy pravovogo regulirovaniya / O.M. Krylov. – // Finansovoe pravo. 2018. № 10. S. 8-12. – ISSN: 1813-1220. – Tekst: neposredstvennyj.
19. Informacionnoe pis'mo o predostavlenii klientam – fizicheskim licam informacii ob osobennostyah okazaniya uslug po perevodu elektronnyh denezhnyh sredstv: Pis'mo Banka Rossii ot 11.03.2016 № IN-017-45/12 // Garant: spravochno-pravovaya sistema. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71250826/ (data obrashcheniya: 27.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
20. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Novosibirsk (Novosibirskaya oblast') ot 17.08.2021 po ugolovnomu delu №1-292/2021// Sudebnye resheniya RF. – URL: https://sudebnyeresheniya.rf/64712528/extended (data obrashcheniya: 22.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
21. Prostoserdov, M.A. Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodejstviya im: dissertaciya kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08 / Prostoserdov Mihail Aleksandrovich; [Mesto zashchity: Ros. gos. un-t pravosudiya]. – Moskva, 2016. - 232 s. // Elektronnaya Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka (RGB): biblioteka dissertacij.– URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01008534946 (data obrashcheniya: 25.09.2023). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrirovannyh chitatelej RGB. – Tekst: elektronnyj.

22. O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 N 259-FZ (red. ot 14.07.2022) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (data obrashcheniya: 28.09.2023). – Tekst: elektronnyj.
23. Pishchulov, V.M. Cifrovye valyuty i beznalichnye den'gi - skhodstva i razlichiya / V.M. Pishchulov. – Tekst: elektronnyj // Bankovskoe delo: zhurnal o praktike i teorii bankovskogo biznesa. – Moskva. – 2024. – N 1. – ISSN: 2071-4904. – URL: https://www.bankdelo.ru/fingram/press-center/pub/8101 (data obrashcheniya: 25.09.2023).
24. Prigovor Kirovskogo rajonnogo suda g. Kazani (Respublika Tatarstan) ot 25.04.2019 po ugolovnomu delu № 1-37/19 // Sudebnye resheniya RF. – URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/43242600/extended (data obrashcheniya: 23.09.2023). – Tekst: elektronnyj.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 329–339.

УДК: 343.9

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ ДЕТОУБИЙСТВА

Шевченко А. В.

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел по Республике Крым

В статье констатируется, что личность преступника является одной из ключевых категорий криминологии. Отмечена особенность личности детоубийства в части виктимологической составляющей. По результатам изучения материалов уголовных дел установлен ряд виктимологических признаков, характеризующих личность жертвы детоубийства. На основе данных проведенного эмпирического исследования установлены факторы, определяющие повышенную виктимность ребенка в части потенциальной возможности стать жертвой детоубийства. Констатируется факт взаимосвязи между возрастом и активностью социальной позиции, которая, в свою очередь, обуславливает виктимность. чем старше становится ребенок, тем более активна его социальная позиция. При этом поведенческие особенности жертвы связаны с виктимологическими. И если в период новорожденности нейтральное поведение жертвы обуславливает ее подверженность преступному воздействию (физическая слабость, эмоциональная беспомощность, неспособность оказать сопротивление), то в более старшем возрасте именно активная позиция жертвы становится катализатором и способствует совершению преступления.

Ключевые слова: детоубийство, жертва преступления, жертва детоубийства, виктимность, механизм совершения преступления, мотив преступления, социально-демографические характеристики жертвы детоубийства, морально-психологические характеристики жертвы детоубийства.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет жертву как «кого-либо, страдающего от насилия, несчастья, неудачи» [1]. Законодательное определение «жертва преступления» отсутствует. В качестве равнозначного в ст. 42 УПК РФ законодательно закреплено понятие «потерпевший» как специальный статус участника уголовного процесса («физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред…») [2]. В уголовном праве потерпевшим (пострадавшим) от преступления считается любое лицо, которому преступлением причинен вред. При этом наличие специального статуса не требуется. Исходя из критерия «причинение вреда от преступления», и потерпевший, и лицо, пострадавшее от преступления, но не имеющее процессуального статуса, являются жертвами. В юридической науке сформировались различные точки зрения в части соотношения данных категорий. Одни полагают, что понятия «потерпевший» и «жертва» являются равнозначными [3, с. 19; 4, с. 155; 5, с. 122-133], другие же, наоборот, делают акцент на их отличиях по объему, отмечая, что жертва преступления – более широкое понятие [6, с. 208; 7, с. 86].

Криминологическую науку жертва интересует как «участник преступления». Т.е. научно-практический интерес представляет комплекс причин и условий, способствующих совершению преступления в отношении конкретного лица. При этом научно доказанным является факт существования таких причин в поведении самой жертвы, своеобразной «предрасположенности» стать жертвой того или иного преступления [8, с. 27]. В науке такие свойства личности называются виктимностью. Именно с ней связывают предрасположенность лица с большей вероятностью становиться жертвой преступления. А.Н. Игнатов, например, в виктимности поведения жертвы насильственных преступлений выделяет следующие индивидуальные ха-

рактеристики: доверчивость, общительность, склонность к импульсивным и непродуманным действиям, аморальность, повышенную впечатлительность, склонность к фантазированию, смелость, решительность, рискованность, покорность, недоверчивость, подозрительность, осторожность, кокетливость, склонность к случайным знакомствам [9, с. 146-147]. Следует отметить, что не только поведение жертвы, но и ее возрастные, психофизиологические особенности, социальный статус могут обусловить виктимность и стать причиной совершения в отношении нее преступления. Потенциальная уязвимость лица не всегда обусловлена конкретными действиями жертвы. Она свойственна каждому человеку. В этом плане значение имеют такие социально-демографические характеристики, как пол, возраст, социальный статус, окружение, поведение третьих лиц. К.В. Вишневецкий по данному поводу отмечает, что каждой социальной группе присущ так называемый «фон виктимности», определяющий потенциальную возможность стать жертвой того или иного преступления [10, с. 417-418].

Механизм совершения насильственного преступления состоит в субъект-субъектной связи между преступником и жертвой. При этом существенное значение имеют особенности жертвы (нравственно-психологические и социальные качества наряду с социально-экономическими условиями, которые зачастую несут не положительный опыт, а отрицательный заряд), ставшие одним из решающих факторов, способствовавших совершению преступления. Насилие проявляется во взаимодействии личности преступника и свойств жертвы. Именно поэтому личность жертвы преступления наряду с личностью преступника является одним из основных объектов исследования криминологической науки, в частности виктимологии. Следует отметить, что изучение личности жертвы преступления позволяет обозначить ее роль в механизме преступления, установить наличие всевозможных связей с преступником, определить ее социально-психологические особенности, а также ряд иных факторов, в результате действия которых совершается преступление [11, с. 356-357; 12, с. 126-132]. На практике указанные знания способствуют установлению истины по уголовному делу (определению истинных мотивов, времени, места и обстоятельств совершения преступления), выработке конкретных мер по противодействию преступлениям, принятию соответствующих нормативно-правовых актов профилактического характера, а также снижению «социальной виктимности» (например, в результате информирования общества о свойствах и качествах личности, создающих благоприятные условия к совершению в отношении нее преступления). Как отмечают А.Н. Игнатов, К.В. Вишневецкий и А.А. Кашкаров, на специально-криминологическом уровне противодействия криминальному насилию одной из наиболее острых проблем является изучение личности преступника [13, с. 137-138].

Говоря о детоубийстве как крайнем проявлении насилия в отношении несовершеннолетних, следует отметить следующее. На законодательном уровне понятие детоубийство определено как убийство матерью новорожденного ребенка в процессе или сразу после родов, что обусловило традиционное отождествление данных понятий. При этом с учетом семантического значения и природы детоубийства, это понятие криминологически более емкое и включает в себя убийства детей всех возрастов. Именно поэтому при изучении эмпирической базы учитывалась судебная практика по уголовным делам, потерпевшими в которых выступают лица, не до-

стигшие 18 лет. В процессе проведения исследования проанализировано 585 приговоров судов Российской Федерации общей юрисдикции по уголовным делам следующих категорий: убийство матерью новорожденного по ст. 106 УК РФ – 200 эпизодов, убийство малолетнего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – 250 эпизодов, убийство лица в возрасте до 18 лет по ч. 1 ст. 105 УК РФ – 135 эпизодов.

Проведенное исследование позволило выделить ряд социально-демографических и психофизиологических признаков жертвы детоубийства, существенно связанных с виктимологической составляющей.

К социально-демографическим характеристикам личности следует отнести: возраст, пол, наличие семьи, ее состав и материальное положение, наличие социальных связей с преступником и пр. Помимо социально-демографической характеристики жертвы детоубийства важным элементом в ее структуре является морально-психологическая составляющая, которая демонстрирует особенности протекания психоэмоциональных процессов и поведенческих реакций, что в свою очередь влияет на поведение человека, способность осознавать характер своих действий и руководить ими, возможность защитить себя на физическом и эмоциональном уровне (противостоять воздействию).

Возраст жертвы в основном связывается со способностью осознавать характер и значение своих действий и действий, совершаемых с нею, противостоять нежелательным действиям, защитить себя. По результатам проведенного исследования установлена возрастная градация жертв детоубийств. Так, в соответствии с особенностями конструкции состава преступления, жертвами убийств, предусмотренных ст. 106 УК РФ выступают новорожденные, что находит подтверждение в материалах судебной практики.

Распределение возраста жертвы убийства по иным составам преступлений следующее: новорожденные – 9,2%; от 0 до 3 лет – 16%; от 3 до 5 лет – 30%, от 6 до 8 лет – 22,4%, от 9 до 11 лет – 4%; от 12 до 14 лет – 4,8%, от 15 до 18 лет – 14%.

Следует отметить, что возраст как демографическая характеристика имеет не только биологический, но также правовой и социально-психологический характер. С биологической точки зрения он демонстрирует уровень физиологического развития и психоэмоциональной зрелости. С правовой точки зрения это свойство потерпевшего выступает отягчающим обстоятельством преступления. Так, совершение преступления в отношении малолетнего лица в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ признается обстоятельством, отягчающим наказание [2]. Что касается социально-психологической составляющей, то довольно часто преступления в отношении несовершеннолетних совершаются лицами, в прямой «социальной зависимости» от которых они находятся (родители, опекуны, попечители и/или лица, их заменяющие). В данном контексте целесообразно обратить внимание на типологию потерпевших от насильственных преступлений, совершаемых женщинами, предложенную В.И. Шиян:

1. Новорожденные – дети в возрасте до четырех недель (данную категорию автор считает наиболее уязвимой в виду формирования умысла на убийство еще во время беременности);

2. Дети в возрасте от четырех недель до одного года (убийства детей указанной возрастной категории автор связывает с отсутствием у матери опыта и нежеланием ухаживать за ребенком);

3. Дети в возрасте от одного года до шести лет (убийства данной категории автор связывает с применением психического и физического насилия в связи с невыполнением запретов);

4. Дети в возрасте от шести до четырнадцати лет (по мнению автора, в указанном возрасте дети становятся жертвой преступления, если выступают помехой в установлении межличностных отношений с противоположным полом) [14, с. 140-142].

Следует отметить, что доводы автора справедливы и нашли свое подтверждение в ходе проведения исследования, а именно:

- наибольшая подверженность стать жертвой преступления и уязвимость новорожденных подкрепляется полученными статистическими данными о количестве потерпевших-новорожденных. В рамках ст. 106 УК РФ это 100% потерпевших и 9, 2% - в рамках п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ;

- желание избавить себя «от лишних забот», т.е. нежелание заботиться, ухаживать за ребенком выступает наиболее распространенным мотивом при совершении преступлений в отношении новорожденных (90% случаев) и малолетних лиц (97%);

- 70,8% убийств малолетних совершаются в домашних условиях, при этом в 70,2% случаев совершению преступления предшествовало применение в отношении жертвы физического и психического насилия (33%). При этом, применение физического насилия преобладает (37,2% случаев). На долю психического насилия приходится 33% случаев;

- причиной совершения в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц преступлений данного вида могут также выступать такие низменные мотивы, как злость и ненависть, обусловленные в том числе тем, что дети, по мнению преступника, выступают обузой в построении личных отношений. В отношении малолетних данный мотив актуален в 32,1% случаев, в отношении несовершеннолетних – в 39,8%.

Рассмотрим вышеуказанные доводы более подробно. Каждому возрастному периоду соответствуют свои психоэмоциональные процессы. Так, новорожденные и дети до года биологически беспомощны. Они не в состоянии удовлетворить ни одной жизненно важной потребности самостоятельно. Соответственно требуют много внимания и любой раздражитель вызывает реакцию в виде плача. Такие дети требуют повышенного внимания и заботы. Как показали результаты проведенного исследования, именно в виду данного обстоятельства новорожденные и дети в возрасте до 1 года становятся жертвами детоубийств. Так, в результате анализа полученных эмпирических данных установлено, что 90% убийств новорожденных (по ст. 106 УК РФ) и 97% убийств малолетних лиц (по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) совершаются по причине желания преступника «избавить себя от лишних забот». При этом, с учетом особенностей конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, жертвами данного вида преступлений в 100% случаев являются новорожденные. Относительно убийств малолетних установлено, что количество новорожденных жертв в структуре преступлений данного вида составляет 12,9%, жертв в возрасте до 1 года – 19,1%. С учетом особенности конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в структуре преступлений данного вида жертвы в возрасте от 0 до 1 года не встречаются, что подтверждается эмпирическими данными.

Жертвы детоубийств в возрасте до 1 года с учетом психофизиологических особенностей характеризуются нейтральным поведением. В структуре преступлений данного вида такое поведение характерно для 100% жертв преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного) и для 62,8% жертв преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (Убийство малолетнего).

В данном случае наблюдается реализация так называемого «фона виктимности», связанного с уязвимостью ребенка в связи с его возрастными и психоэмоциональными особенностями, а также неспособностью жертвы оказать сопротивление преступнику. Т.е. в данном случае наличие определенной социальной роли и психофизиологических особенностей в сочетании с перечисленными обстоятельствами на стороне преступника приводит к тому, что ребенок становится жертвой преступления.

Следующая возрастная группа от 1 года до 3 лет. Ребенок в данном возрасте активно познает мир. Реакция на внешние раздражители возникает мгновенно (смех, крик, плачь и пр.). Проявляется медлительность, зацикленность на занятиях и предметах, капризность. В этом возрасте ребенок требует много внимания [15, с. 7-11]. Данное обстоятельство в совокупности с иными факторами на стороне преступника (социально-демографического и морально-психологического характера) вызывает чувство злости, раздраженности и нежелания заботиться о ребенке и способствует совершению в отношении него преступления. Указанное подтверждается результатами проведенного исследования. Установлено, что убийства малолетних лиц в 97% случаев связаны с нежеланием заботиться о них, а также совершаются в результате реализации чувства злости, ненависти и раздражительности (32,1% случаев). Также установлено, что количество жертв в возрасте от 1 года до 3 лет в структуре детоубийств составляет 22,5% (по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.к. с учетом особенностей конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ, в структуре преступлений данного вида жертвы такого возраста не встречаются).

С учетом изложенного, роль жертвы детоубийства в возрасте от 1 года до 3 лет относительно пассивна, нейтральна. Ребенок становится жертвой преступления в виду беспомощности, невозможности самостоятельно удовлетворить свои потребности. При этом, в отличие от новорожденного и ребенка до 1 года, в данном случае прослеживаются элементы незначительной активности: требование внимания со стороны взрослых путем всевозможных эмоциональных проявлений.

Период от 3 до 5 лет называют возрастом «интеллектуального голода». В таком возрасте ребенок хочет все знать, задает много вопросов. Основной механизм развития личности – подражание. Ребенок ориентируется на оценки взрослых [16]. Ближе к 5-6 годам формируются начальные звенья самосознания. Для данного периода характерна обостренная чувствительность, складывается нравственная позиция, возникает стремление к признанию и одобрению со стороны сверстников и взрослых, потребность в достижении успехов [17, с. 31-33]. Очевидно, что в указанный период возрастает активность ребенка в социальной среде. Теперь он требует внимания не только на физиологическом, а на социальном уровне (общение, признание и одобрение взрослых). Более того, на следующем возрастном этапе ребенок не просто нуждается в заботе и признании, а проявляет активность в виде конкретных поступков и поведенческих реакций (намеренное непослушание, пассивность).

Так, для детей младшего школьного возраста (6-9 лет) характерны активные формы поведения, которые воспринимаются как намеренные проявления недисциплинированности или невключения в работу, совместные занятия; отстраненность и даже пассивность, быструю утомляемость, безответственность [18, с. 120]. Соответственно, указанные формы поведения с учетом ранее отмеченных особенностей на стороне преступника могут способствовать совершению в отношении ребенка преступления. Как показало проведенное исследование, общее количество жертв в структуре преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ возрасте от 3 до 8 лет, составляет 51,1%, из них 28,6% – это дети в возрасте от 3 до 5 лет; 31,5% – в возрасте от 6 до 8 лет. С учетом особенностей конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ, в структуре преступлений данного вида жертвы такого возраста не встречаются).

Возрастная группа от 10 до 12 лет характеризуется стремлением к самостоятельности, потребностью в признании со стороны взрослых своих возможностей и значения. В этом возрасте возникает потребность в общественном признании, формируется стремление ко взрослости на уровне долженствования. Подросток находится в трудном положении. С одной стороны, его желание быть причастным к социуму, стремление к самоутверждению, самосовершенствованию стимулируется происходящими внутренними естественными процессами. С другой стороны, они жестко сталкиваются с отсутствием понимания и уважения со стороны взрослого общества, с отсутствием условий для реального выхода на серьезные общественно значимые дела. Такое противоречие приводит к острому внутреннему конфликту и искусственной задержке личностного развития, лишает возможности занять активную жизненную позицию [19, с. 21]. Указанные особенности оказывают влияние на поведенческие реакции ребенка. Данный возрастной период плавно переходит в следующий, а иногда сопровождается особенностями следующего возрастного периода без четкого разграничения.

В возрасте от 12 до 14 лет кардинально перестраиваются сразу 3 системы: гормональная, кровеносная и костно-мышечная. Новые гормоны стремительно выбрасываются в кровь, оказывают будоражащее воздействие на центральную нервную систему, определяя начало полового созревания. Выражена неравномерность созревания различных органических систем. В кровеносной системе – мышечная ткань сердца опережает по темпам роста кровеносные сосуды, толчковая сила сердечной мышцы заставляет работать не готовые к такому ритму сосуды в экстремальном режиме. В костно-мышечной системе – костная ткань опережает темпы роста мышц, которые, не успевая за ростом костей, натягиваются, создавая постоянное внутреннее неудобство. Указанное приводит к тому, что повышается утомляемость, возбудимость, раздражительность, негативизм, драчливость подростков. Для данного возраста характерна противоречивость морального развития: чрезмерная ранимость и в то же время ощущение себя центром вселенной, проявление агрессии к окружающим [20, с. 17]. Растущая активная роль ребенка, в том числе стремление противопоставить себя окружению, приводит к противостоянию в семейных и иных отношениях и может стать причиной совершения в отношении подростка преступления. По результатам проведенного исследования установлено, что в структуре преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, количество жертв в возрасте от 9 до 14 лет составляет 16,9%, из них 7,9 % - это дети в возрасте от 9 до 11

лет; 9% – в возрасте от 12 до 14 лет. При этом, в 32,1% случаев мотивами совершения убийства детей указанной возрастной категории выступают злость и ненависть. С учетом особенностей конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ, в структуре преступлений данного вида жертвы такого возраста не встречаются).

Для возрастной группы от 14 до 16 лет характерна повышенная активность, которая проявляется в решении проблем, выстраивании отношений с другими людьми, наличии собственного мнения и активном его отстаивании. Подростки в данном возрасте не склонны «заряжаться» эмоциями и чувствами окружающих, проявляют самостоятельность и независимость от других. У них недостаточно развита способность к самоанализу и построению субъект-субъектных взаимоотношений. Такие подростки принимают себя, оценивают свое будущее как зависящее от них, как открытое, легкое и знакомое; критически настроены в адрес матери. Столкнувшись с трудной жизненной ситуацией, они плохо контролируют свое поведение, часто вымещают негативные эмоции на более слабых, часто вступают в конфронтацию с окружающими, склонны к риску, к импульсивным действиям и необдуманным поступкам [21, с. 233-234]. Полученные в результате проведенного исследования эмпирические данные демонстрируют, что возраст 82,5% жертв преступлений, предусмотренных ч. 1 ст.105 УК РФ, варьирует от 14 до 16 лет. С учетом особенностей конструкции составов иных анализируемых деяний, в их структуре преступлений данного вида жертвы такого возраста не встречаются).

Возрастная группа от 16 до 18 лет характеризуется стабилизацией гормональной системы. Физиологически подросток уже готов к продолжению рода, но психологическое взросление продолжается. Психика нестабильна, что отражается в поведении: импульсивность, категоричность, совершение необдуманных поступков. Лидирующие позиции занимает мнение сверстников. В эмоциональном плане это период ревностного отстаивания своего права на автономию. Появляются первые серьезные увлечения, потребность в любви и глубоком чувстве, а также потребность в построении планов на жизнь и самостоятельный выбор способов их реализации [22].

Таким образом, чем старше становится ребенок, тем более активна его социальная позиция. При этом поведенческие особенности жертвы связаны с виктимологическими. И если в период новорожденности нейтральное поведение жертвы обуславливает ее подверженность преступному воздействию (физическая слабость, эмоциональная беспомощность, неспособность оказать сопротивление), то в более старшем возрасте именно активная позиция жертвы становится катализатором и способствует совершению преступления. Так, по результатам проведенного исследования установлено, что убийства новорожденных в абсолютном большинстве характеризуются нейтральным поведением жертвы. Что же касается убийств малолетних и несовершеннолетних, то для них в 51,2% случаев характерно именно активное поведение жертвы, а именно: легкое установление контакта (10,8%), вызывающее поведение (12,2%), наличие конфликта с преступником (28,2%). При этом, рассмотрение поведенческих особенностей характера жертв указанных категорий в отдельности позволяет более четко проследить взаимосвязь между возрастом и увеличением активной роли жертвы. Так, исследование показало, что для малолетних жертв детоубийств в 62,8% случаев характерно нейтральное проведение, тогда как среди несовершеннолетних жертв нейтральное поведение встречается на 28% реже

(в 34,8% случаев), а активное – на 28% чаще (в 65,2% случаев). Если малолетние жертвы в 6,8% случаев легко идут на контакт, то несовершеннолетние – в 14,8%. Поведение малолетних жертв детоубийств в 9,6% случаев характеризуется как вызывающее, для несовершеннолетних данный показатель составляет 14,8%. Малолетние жертвы в 20,8% случаев находятся в состоянии конфликта с преступником, несовершеннолетние – в 35,6% случаев.

Следующим элементом виктимологической характеристики является пол жертвы детоубийства. Проведенное исследование показало, что жертвами детоубийств преимущественно становятся лица мужского пола (65,9%). При этом в структуре исследуемых преступлений отмечено следующее распределение жертв по половому признаку: убийство матерью новорожденного – 60% жертв мужского пола, убийство малолетнего – 64,4%, убийство лица, не достигшего 18 лет – 73,3%.

Наличие семьи и ее состав применительно к жертве детоубийства также имеет свои особенности. Жертвы преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ – это преимущественно (в 82,5% случаев) дети из неполных семей, из них: 49% - дети одиноких людей; 31% - дети матерей-одиночек; 2,5% – дети, чьи родители состоят в разводе.

Жертвы преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, – это в 58% случаев дети, рожденные в рамках семейных отношений (28,8% – в официальном браке; 29,2% – в гражданском браке) и в 42% случаев – дети, проживающие в неполных семьях (17,2% – родители в разводе; 12% – дети одиноких людей; 11,2% - дети матерей-одиночек; 1,6% – дети, один из родителей которых погиб (умер).

Схожими особенностями характеризуется семейное положение жертв преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ. Так, 66,4% таких детей рождены в семейных отношениях (34,3% – в официальном браке; 32,1% – в гражданском браке) и в 33,6% случаев – дети, проживающие в неполных семьях. При этом распределение в рамках неполных семей имеет свои особенности: 28,6% – дети одиноких людей; 3,6% – родители в разводе; 1,4% – один из родителей погиб (умер).

Кроме того, по результатам проведенного исследования установлено, что семьи, в которых дети становятся жертвами детоубийств, в среднем в 96,4% случаев характеризуются низким уровнем материальной обеспеченности. При этом в структуре преступлений данного вида распределение по признаку материальной составляющей следующее: убийство матерью новорожденного – 98,5% семей имеют низкий материальный достаток, из них 63,5% семей имеют доходы ниже прожиточного уровня; убийство малолетнего – 97,6% семей имеют низкий материальный достаток, из них ниже прожиточного уровня – 69,3%; для убийства несовершеннолетнего данный показатель составляет 94,1% и 57,8% соответственно.

По результатам изучения социальных связей потерпевших установлено, что для детоубийств характерно наличие родственных связей между жертвой и преступником. Также в роли преступников могут выступать лица из близкого окружения жертвы. Характер таких социальных связей демонстрирует степень общественной опасности детоубийств, дает представление об уровне социальной защищенности детей в условиях современного общества и в рамках семейных отношений.

Как отмечалось ранее, с учетом конструкции состава преступления, в роли преступника по ст. 106 УК РФ в 100% случаев выступает мать, что подтверждается эмпирической базой. Для убийства малолетнего и несовершеннолетнего также харак-

терно наличие связи между жертвой и преступником. Такая связь прослеживается в среднем в 92,2 % преступлений данного вида.

Так, исследование показало, что для убийства малолетнего (по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) в 88 % случаев характерно наличие связи между жертвой и преступником, при этом в 83,6 % случаев в роли преступника выступают родственники и в 4,4% - близкое окружение. И лишь 12% – это незнакомые (5,6%) и мало знакомые лица (6,4%).

Что касается характера родственных связей, следует отметить, что в 73,2% случаев в роли преступника выступают родители и (или) лица, их заменяющие (34,4% – отец, 26% – отчим, 12,8% – мать) и в 10,4 % случаев – другие родственники. Наличие связи между жертвой и преступником в случае убийства несовершеннолетнего (по ч. 1 ст. 105 УК РФ) наблюдается в 96,3% случаев, из них: 77,8% составляют родственные связи и 18,5% - близкое окружение. Незнакомые лица составляют 3,7%. Характер родственных связей также демонстрирует совершение преступлений в основном (в 63,7% случаев) родителями и (или) лицами, их заменяющими (31,1% – отец, 26,7% – отчим, 5,9% – мать). В 14,1% случаев такие преступления совершаются иными родственниками, 2,2% из которых приходятся жертве дедушками.

Наличие у жертвы психического расстройства или физических недостатков не оказывают существенного влияния на виктимологическую составляющую. Так, психические расстройства наблюдались у 4,9% малолетних и несовершеннолетних жертв детоубийств; наличие физических недостатков – у 3% малолетних жертв.

С учетом изложенного, виктимологические особенности жертвы детоубийства включают социально-демографические и психофизиологические признаки, которые преимущественно влияют на восприятие детьми окружающей действительности и демонстрируют степень резистентности ко внешним условиям. Так, чем младше ребенок, тем ниже его возможность оказывать сопротивление. При этом чем старше ребенок, тем активнее его роль, которая прослеживается в поведенческих реакциях. Чем старше становятся дети, тем больше они стремятся к самоутверждению, нуждаются в признании старших. В то же время они остаются детьми: рассеянными, иногда легкомысленными и безответственными. Все эти процессы сопровождаются изменениями на физиологическом уровне. Проведенное исследование продемонстрировало виктимологические особенности жертв детоубийств, среди которых можно выделить общие, характерные для всех в структуре преступлений данного вида (пол, возраст, наличие семьи и ее состав, социальная связь с преступником), а также свойственные отдельным видам преступлений (психофизиологические особенности). Анализ полученных результатов позволил определить виктимологическую характеристику жертв детоубийств. Жертвой убийства матерью новорожденного преимущественно являются новорожденные мальчики (60%) из неполных семей (в 82,5%), пострадавшие от матери (100%). Жертвой убийства малолетнего лица преимущественно выступают мальчики (64,4%) в возрасте от 3 до 8 лет (51,2%), поведение которых имеет нейтральный характер (62,8%), преимущественно без психических расстройств и физических недостатков (в 96,1% случаев), которые воспитываются в рамках семейных отношений (58%) с материальным достатком ниже прожиточного уровня (69,3%) и становятся жертвами отца (34,4%) или отчима (26%). Жертвой убийства несовершеннолетнего выступают преимущественно мальчики (73,3%) в возрасте от 15 до 16 лет (85,2%), находящиеся в состоянии конфлик-

та с преступником и демонстрирующие вызывающее поведение (50,4% случаев), преимущественно без психических расстройств и психических недостатков (97,5%), которые воспитываются в рамках семейных отношений (66,4%) с материальным достатком ниже прожиточного уровня (57,8%) и становятся жертвами отца (31,1%) или отчима (26,7%).

Список литературы:

1.Толковый словарь Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. – URL: http //: www.dic.academic.ru
2.Уголовно-процессуальный кодекс Россйиской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020). – URL: http: // www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_34481
3.Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. – М., 1999. С. 19
4.Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева; 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2004. С. 155.
5.Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 122-133.
6.Полубинский В.И., Ситковский А.Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: монография. М., 2006. С. 208.
7.Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. …д-ра юрид. Наук. Казань, 1998. С. 86.
8.Варчук Т.В. Виктимология: учеб.пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т.В. Варчук, под ред. С.Я. Лебедева . – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 263с.
9.Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 146-147.
10. Вишневецкий К.В. Классификация виктимности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 417-418.
11. Вишневецкий К.В. Виктимологическая характеристика насильственной преступности // Современные проблемы уголовной политики: V Междунар. Науч.-практич.конференция под ред. А.Н. Ильяшенко. 2014. С. 356-357.
12. Игнатов А.Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 126–132.
13. Игнатов А.Н., Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А. Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 133-141.
14. Шиян В. И. Особенности личности потерпевшего от насильственных преступлений, совершаемых женщинами // Борьба с преступным насилием: материалы научно-практической конференции (26 сент. 2008 г.). – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – С. 140 – 142.)
15. Смирнова Е.О. Дети раннего возраста в детском саду: лекции / Е.О. Смирнова. – М.: Первое сентября, 2010. – 104 с.
16. Галкина И.А. Развитие ребенка от 3 до 5 лет. URL: http: // laetitia.ru / index.php / recomendatsii-spetsialistov
17. Урунтаева Г.А. Дошкольная психология: Учебное пособие для студентов средних педагогических учебных заведений. – 5-е изд., стереотип. - М.: Изд. центр Академия, 2001. – 336 с.
18. Сушкова О.В., Маралов В.Г. Психологические особенности проявлений социальной реактивности у детей младшего школьного возраста // Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3-х ч., Череповец. научные чтения, с. 119-122.
19. Бадмаева Б.Б. Возрастные особенности современных школьников 10-12 лет // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. № 2, с. 20-23.
20. Краковский А.П. О подростках. – М.: Педагогика, 1970. – 271 с.
21. Ануфриюк К.Ю. Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Т.1 / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 584 с.
22. Психологические особенности юношеского возраста (16-18 лет). – URL http: // www.eduportal44.ru/

Shevchenko A.V. Victimological characteristics of an infanticide victim //Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 329–339.

The article states that the personality of the offender is one of the key categories of criminology. Based on the results of studying the materials of criminal cases, a number of victim significant signs were established that characterize the personality of an infanticide victim. On the basis of the data of the conducted empirical research, the factors that determine the child's increased victimization in terms of the potential for becoming a victim of infanticide have been established. Based on the data of an empirical study, the factors determining

the increased victimization of a child in terms of the potential to become a victim of infanticide have been established. The fact of the relationship between age and the activity of the social position, which, in turn, causes victimization, is stated. the older the child gets, the more active his social position. At the same time, the behavioral characteristics of the victim are associated with victimological ones. And if during the newborn period the neutral behavior of the victim causes her exposure to criminal influence (physical weakness, emotional helplessness, inability to resist), then at an older age it is the active position of the victim that becomes a catalyst and contributes to the commission of a crime.

Keywords: infanticide, victim of a crime, victimization, mechanism of committing a crime, motive of crime, social-demography characteristics victims of crime, psychology characteristics victims of crime.

Spisok literatury:

24. Tolkovij slovar Ozhegova S.I., Shvedovoi N.YU. URL: http //: www.dic.academic.ru
25. Ugolovno-procesualnij kodeks Rossijskoij Federecii: Federalnij Zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. от 08.12.2020). URL: http: // www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_34481
26. Kvashis V.YE. Osnovy viktimologii. Problemy zashity prav poterpevshih ot prestuplenij. M., 1999. S. 19.
27. Kriminologiya: uchebnik / pod red. N.F. Kuznetcovoij, V.V. Luneeva; 2-ye izd. pererab. i dop. M., 2004. S. 155.
28. Antonyan YU.M. Kriminologiya. Izbranniye lekcii. M., 2004. S. 122-133.
29. Polubinskij V.I., Sitkovskij A.L. Teoreticheskiye i prakticheskiye osnovi kriminalnoij viktimologii: monografiya. M., 2006. S. 208.
30. Sidorov B.V. Povedeniye poterpevshikh ot prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost: avtoref. …d-ra yurid. nauk. Kazan, 1998. S. 86.
31. Varchuk T.V. Viktimologoya: ucheb. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayuchikhsya gj specialnosti «Yurisprudenciya» / T.V. Varchuk, pod red. S.YA. Lebedeva . – M.:Yuniti-Dana, 2009. – 263s.
32. Ignatov A.N. Kriminologicheskoye issledovaniye viktimologicheskoij sostavlyayusheij mekhanizma sovershеniya nasilstvennikh prestuplenij // Obshestvo i pravo. 2015. № 4 (54). S. 146-147.
33. Vishevetskyi K.V. Klassifikaciya viktimnosti // Teoriya i praktika obshestvennogo razvitiya. 2014. № 2. S. 417-418.
34. Vishevetskyi K.V. Viktimologicheskaya kharakteristika nasilstvennoij prestupnosti // Sovremenniye problemi ugolovnoi politiki: V Mezhdunar. nauch.-praktich. konferenciya pod red. A.N. Ilyashenko. 2014. S. 356-357.
35. Ignatov A.N. O kategoriyakh «mekhanizm prestupnogo povedeniya», «mekhanizm prestupleniya» i «mekhanizm sovershеniya prestupleniya» // Gumanitarniye, socialno-economicheskiye I obshestvenniye nauki. 2017. № 6-7. S. 126-132.
36. Ignatov A.N., Vishneveckij K.V., Kashkarov A.A. Konceptual'nye osnovy, napravleniya i mery protivodejstviya kriminal'nomu nasiliyu // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2018. – № 2 (42). – S. 133-141.
37. Shiyan V.I. Osobennosti lichnosti poterpevshego ot nasilstvennikh prestuplenij, sovershaemikh zhenshinami // Borba s prestupnim nasiliyem: materiali nauchno-prakticheskoij konferensii (26 sent. 2008 g.). – M.: VNII MVD Rossii, 2008. – S. 140 – 142.
38. Smirnova YE.O. Deti rannego vozrasta v detskom sadu: lekcii / YE.O. Smirnova. – M.: Pervoye sentyabrya, 2010. – 104 s.
39. Galkina I.A. Razvitiye rebenka ot 3 do 5 let. URL: http: // laetitia.ru / index.php / recomendatsii-spetsialistov.
40. Uruntaeva G.A. Doshkolnaya psikhologiya: Uchebnoye posobiye dlya studentov srednikh pedagogicheskikh uchebnikh zavedenij. – 5-ye izd., stereotip. - M.: Izd. centr Akademiya, 2001. – 336 s.
41. Sushkova O.V., Maralov V.G. Psikhologicheskiye osobennosti proyavlenij socialnoij reaktivnosti u deteij mladshego shkolnogo vozrasta // Materiali Vserossijskoij nauchno-prakticheskoij konferencii: в 3-kh ch., Cherepovetc. Nauchniye chteniya, s. 119-122.
42. Badmayeva B.B. Vozrastniye osobennosti sovremennikh shkolnikov 10-12 let // Innovacionniye proekti I programmi v obrazovanii. – 2014. № 2, s. 20-23.
43. Krakovskij A.P. O podrostkakh. – M.: Pedagogika, 1970. – 271 s.
44. Anufriyuk K.YU. Chelovek, subyekt, lichnost v sovremennoij psikhologii. Materiali Mezhdunarodnoi konferencii, posvyashennoi 80-letiyu A.V. Brushlinskogo. T.1 / Otv. red. A.L. Zhuravlev, YE.A. Sergiyenko. – M.: Institut psikhologii RAN, 2013. – 584 .s
45. Psikhologicheskiye osobennosti yunosheskogo vozrasna (16-18 let) http: // www.eduportal44.ru/

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 340–346.

УДК 340.1

О РОЛИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Боер В. М.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения»

Правовой режим контртеррористической операции в Российской Федерации представляет собой комплексный механизм, включающий в себя нормативно-правовую базу, организационные структуры и процессуальные аспекты, направленные на противодействие и предотвращение терроризма. В данной статье автор рассматривает теоретико-правовые аспекты данного правового режима, в том числе, какую роль играют войска национальной гвардии, как одного из ключевых элементов в реализации его. Террор – это серьезная угроза современности, отличающаяся своей беспощадностью. В качестве контрмер, многие страны ввели законодательные акты и создали спецслужбы для его подавления. В 1990-х гг. Российская Федерация начала активную борьбу с террором: были приняты соответствующие законы и сформированы специальные подразделения. Правовые нормы регламентируют стратегию противодействия террористической деятельности, обязанности органов власти и права граждан.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, правовое регулирование, национальная безопасность, правовой режим, контртеррористическая операция.

Для минимизации возможного негативного эффекта контртеррористической операции (например, причинение вреда в результате правомерных действий органов власти), должна проводиться тщательная предварительная работа по юридическому анализу возможных последствий каждого шага, принятого в рамках контртеррористической операции.

В целом, процесс управления контртеррористической операцией является сложным и многогранным, требующим высокой профессиональной компетентности юристов и экспертного сообщества для минимизации ошибок и наилучшего достижения результатов по обеспечению общественной безопасности.

Контртеррористическая операция представляет собой комплекс специальных мероприятий, проводимых силами и средствами органов федеральной службы безопасности, внутренних дел, внешней разведки, войск национальной гвардии и других воинских формирований и органов. Правовой режим контртеррористической операции может предусматривать временные ограничения прав и свобод граждан, что необходимо для обеспечения безопасности людей и эффективного противодействия терактам.

Исследования учёных-правоведов позволяют осмыслить эффективность применяемых механизмов контртеррористической операций, выявить проблемные зоны и предложить пути оптимизации действующего законодательства.

В том случае, когда на государственном уровне признается, что терроризм является крайне негативным явлением, с которым следует бороться сообща, включая правовые механизмы установления факта, преследования и наказания обвиняемых по делам о совершении актов терроризма, то назревает настоятельная потребность в

сближении и консолидации соответствующих норм права отечественного законодательства с международным сообществом в решении вопросов противодействия терроризму. В теории все обстоит несколько иначе и намного сложнее.

Террористические действия создают угрозу для интересов демократического общества. Акты терроризма создают предпосылки для существенного ограничения основных прав и свобод человека. В краткосрочной перспективе под лозунгом борьбы с терроризмом происходит укрепление аппарата принуждения, производится многофункциональное переоснащение силовых структур, в том числе сыскных и связанных с ними служб, устанавливаются запреты на отправление международно признанных прав и свобод, вводится чрезвычайное, иногда военное положение, но как правило, режим контртеррористической операции.

Современный мир сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами национальной и глобальной безопасности, среди которых терроризм занимает одно из ключевых мест. Терроризм как явление возник не в наше время, однако с развитием технологий и глобализацией его масштабы и последствия значительно расширились. Рассмотрение правового режима контртеррористической операции в Российской Федерации требует углубленного анализа теоретико-правовых основ этого процесса.

Терроризм как социально-политическое явление существует столько, сколько существует государственность. В различные исторические эпохи он принимал разные формы, но его основная цель оставалась неизменной – дестабилизация общества путем создания атмосферы страха и неопределенности. С точки зрения права, терроризм – это серьезное преступление, направленное на подрыв основ конституционного строя и безопасности человека.

Гражданам обеспечивается защита от актов терроризма, одновременно они должны соблюдать требования безопасности и оказывать содействие компетентным органам при проведении контртеррористической операции. Особенно пагубно акты терроризма сказываются на интересах простых граждан и всех тех, кто выступают за мир, демократию, национальное освобождение, социальный прогресс и социализм. Наносимый ими ущерб распространяется не только на какую-то специфическую часть населения или группу государств, но и на всё международное сообщество в целом. Терроризм замедляет общественное развитие, ослабляет эффективность международного сотрудничества, затрудняет решение общих проблем, стоящих перед человечеством, препятствует демократизации международных отношений.

Далее автор рассматривает стадии проведения контртеррористической операции, которые следует представить в следующем виде: подготовительная стадия – проводится разведка и сбор информации для подтверждения угрозы; оценка ситуации – анализируется полученная информация специализированными подразделениями для принятия решения о необходимости введения специального правового режима; решение о введении – принимается ответственным лицом или коллегиальным органом; оперативное планирование – разрабатывается план проведения операции с учетом всех возможных рисков и последствий; реализация мер – непосредственное выполнение запланированных действий (эвакуация граждан, обеспечение безопасности персонала, блокирование района и т. д.); контроль за исполнением, представляет постоянный мониторинг ситуации для корректировки плана действий; продле-

ние правового режима возможно в случаях, когда угроза сохраняется или цели контртеррористической операции не были достигнуты в полном объеме. Процесс продления аналогичен первоначальному введению и требует соответствующего обоснования и документирования; отмена правового режима происходит после полной нейтрализации угрозы или достижения целей операции. Для этого необходимо подтверждение всех задействованных служб об отсутствии опасности для жизни и здоровья граждан.

Контртеррористическая операция в РФ регулируется комплексом нормативных актов. Основой для борьбы с терроризмом служит закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г., который описывает основы и методы борьбы с террористической угрозой. Полномочия по реализации антитеррористических операций переданы ФСБ, МВД, Росгвардии и другим структурам. Эти силовые структуры имеют право на оперативные действия для предотвращения преступлений, связанных с терроризмом.

Далее автор рассматривает функциональное предназначение войск национальной гвардии Российской Федерации в теоретико-правовом аспекте. Анализ основан на нормах права, различных научных трудов в области теории права и государства, а также анализе деятельности данной силовой структуры при выполнении задач как мирного времени, так и в период проведения специальной военной операции. Основная идея – это создание силовой структуры, которая должна обеспечивать стабильность и должный уровень правопорядка внутри страны. Автор обосновывает, какие существуют основания для их формирования, вопреки спорам в обществе и ошибочным мнениям критиков.

Войска национальной гвардии РФ выполняют задачи, обусловленные внутренними нуждами страны и внешними обстоятельствами. Это определяет их участие в выполнении задач, предусмотренных нормами права, а также роли в обеспечении общественного порядка внутри страны и на международной арене.

Исследование показывает, что войска национальной гвардии, отвечающие за защиту национальной безопасности и прав граждан, тесно взаимодействуют с другими федеральными органами исполнительной власти, выполняя, как правило, специфические задачи, которых нет у других силовых структур. Взгляды на функции и стратегии развития силовых структур, в том числе Росгвардии, в России различаются. Часто критика в адрес этой организации неверна и не отображает её реальной результативной деятельности в области обеспечения безопасности.

Войска национальной гвардии были наделены функциями государственного контроля, который затрагивает проверки соблюдения законодательства в области оборота оружия и деятельности частных предприятий, оказывающих услуги в охранной сфере. Также следует брать во внимание надзорную функцию, которая распространяется на безопасность в энергетическом секторе, защиту объектов с особыми уставными правами. В обязанности войск национальной гвардии РФ входит охрана важных государственных объектов, список которых утвержден Правительством РФ. Кроме того, войска национальной гвардии обеспечивают безопасность определенной категории должностных лиц, подлежащих обязательной государственной охране.

В эпоху СССР роль внутренних войск была ясной, но после их реорганизации в России появились споры об их функциональном предназначении. Восприятие действий войск национальной гвардии РФ может искажаться информационными ресур-

сами, которые в конечном счете представляют общественности не всегда объективную информацию. Чтобы противостоять ложной информации, важно фиксировать деятельность войск национальной гвардии при помощи различных технических средств фиксации в ракурсе происходящих событий. Это позволит представить фактические достоверные данные. Не следует рассчитывать на поддержку от мирового сообщества и СМИ, и после этого проводить попытки оправдывать законность действий войск при необоснованных обвинениях в злоупотреблениях служебными полномочиями.

Таким образом, необходимо, чтобы как граждане, так и государственные структуры действовали в соответствии с законами и личными принципами, соблюдая взятые на себя обязательства. Военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии РФ должны следовать этическим нормам, сочетающим законопослушность и дисциплину, что определяет правила их поведения. Их обязанности также включают соблюдение дисциплины, основанной на нормах морали, не противоречащей закону.

В рамках борьбы с терроризмом войска национальной гвардии Российской Федерации играют значимую роль. Их полномочия, закрепленные законодательством, делают их основным инструментом противодействия террористическим угрозам.

В соответствии с законодательством РФ, задачи войск национальной гвардии России охватывают широкий спектр возможностей: от нейтрализации террористов до защиты важных государственных объектов и коммуникаций, а также помощи в поддержании порядка во время введения военного и чрезвычайного режимов, в том числе правового режима контртеррористической операции.

Войска национальной гвардии РФ активно участвуют в противодействии терроризму. Они несут ответственность за поддержание порядка, осуществляют контроль за местами большого скопления народа, чтобы предупредить, в том числе теракты.

Оценка деятельности войск национальной гвардии РФ включает в себя анализ разнообразных критериев: эффективность предупреждения террористических атак, успешность операций по освобождению заложников, и уменьшение возможных убытков от воздействий, осуществляемых в результате террористических актов. В дополнение к статистическим данным, важны и качественные изменения, которые должны касаться улучшения навыков военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии РФ, обновление вооружения и специальных средств, а также внедрение передовых тактик противодействия существующих угроз.

В период проведения специальной военной операции роль войск национальной гвардии многократно возросла. Они отвечают за защиту ключевых объектов в тылу, важных для работы государственных структур. Кроме того, национальная гвардия задействована в уничтожении вражеских подразделений, будь то штурмовые отряды или диверсионно-разведывательные формирования противника. Её задачи также включают обеспечение стабильности в обществе и предотвращение массовых беспорядков в районах проведения специальной военной операции.

Согласно мнению автора, подразделения войск национальной гвардии находятся на переднем крае борьбы с терроризмом, успешно выполняя свои задачи. Несмотря на попытки дискредитации со стороны, как внутренних, так и международных субъектов, они сохраняют положительный образ. Роль войск национальной гвардии в противодействии терроризму нельзя недооценивать. Эффективность в этой сфере

требует от них непрерывного усовершенствования своих навыков, оптимизации законодательства и повышения квалификации военнослужащих и сотрудников.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г.
2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» : в ред. Федерального Конституционного закона от 3 июля 2016 г. № 6-ФКЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277 ; 2016. – № 27, ч. 1. – Ст. 4153.
3. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» : в ред. Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269 ; 2023. – № 1, ч. 1. – Ст. 85.
4. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (утратил силу). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3808.
5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» : в ред. Федерального закона от 26 мая 2021 г. № 155-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146 ; 2021. – № 22. – Ст. 3690.
6. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» : в ред. Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27, ч. 1. – Ст. 4159 ; 2023. – № 1, ч. 1. – Ст. 85.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2008 г. № 278 «О возмещении расходов, связанных с использованием при проведении контртеррористической операции транспортных средств, принадлежащих организациям или физическим лицам». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 16. – Ст. 1703.
8. Боер, В. М. Правовые предпосылки возникновения режима контртеррористической операции (теоретико-правовой аспект) / В. М. Боер // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 4(25). – С. 5-12.
9. Захарцев, С. И. Основные подходы к пониманию правовых режимов в контексте теории права (на примере правового режима контртеррористической операции) / С. И. Захарцев, В. В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 21-28.
10. Клюканова, Т. М. Международно-правовое противодействие терроризму / Т. М. Клюканова // Юридическая наука: история и современность. – 2024. – № 9. – С. 145-151.
11. Котов, А. М. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с терроризмом / А. М. Котов, О. В. Григорьев // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика : Материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 25 января 2018 года. – Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью "АМиСта", 2018. – С. 25-33.
12. Луценко, В. В. О внесении изменений в действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы национальной безопасности Российской Федерации (на примере специальной военной операции / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 1. – С. 23-26.
13. Луценко, В. В. Войска национальной гвардии как инструмент в механизме государственного воздействия на общественные процессы и отношения в Российской Федерации / В. В. Луценко // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 2-1. – С. 92-96.
14. Луценко, В. В. Основные направления правового воздействия государства на общественные отношения (на примере коммуникативной функции права) / В. В. Луценко, Е. С. Акименко, А. И. Сушицкий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2024. – Т. 33, № 2. – С. 339-343.
15. Луценко, В. В. Правовой режим контртеррористической операции (содержание и сущность) / В. Луценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 490-495.
16. Померлян, А. Н. Федеральная служба войск национальной гвардии российской федерации: вопросы борьбы с терроризмом / А. Н. Померлян, А. Н. Кононов, О. В. Григорьев // Общественные науки. – 2018. – № 3-4. – С. 149-159.
17. Поткин, В. Н. Участие войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом / В. Н. Поткин // СООТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО и МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА : сборник статей Международной научно-практической конференции, Тюмень, 11 января 2018 года. – Тюмень: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2018. – С. 66-69.

18. Сибгатуллин, Ф. С. Сущность и содержание правоохранительной функции современного государства / Ф. С. Сибгатуллин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 104-108.
19. Тимошкина, О. А. Отряды мобильные особого назначения в структуре Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: генезис и актуальные проблемы в нормативно-правовом закреплении деятельности / О. А. Тимошкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 2(66). – С. 86-96.
20. Шагов, А. Е. Национальная гвардия в России и современном мире / А. Е. Шагов // Научный альманах. – 2016. – № 7-2(21). – С. 156-159.
21. Lucenko V. V., Semenova I. V. The regime of counter-terrorism operation as a special integrated legal institution. In: Military law. 2021;4(68): 56–60.

Boer V.M. On the role of the national guard troops of the russian federation in the implementation of the legal regime of counter-terrorist operation (theoretical and legal aspect) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 340–346.

The legal regime of counter-terrorism operations in the Russian Federation is a complex mechanism that includes the legal framework, organizational structures and procedural aspects aimed at countering and preventing terrorism. In this article, the author examines the theoretical and legal aspects of this legal regime, including the role played by the National Guard troops as one of the key elements in its implementation. Terror is a serious threat of our time, distinguished by its mercilessness. As a countermeasure, many countries have introduced legislation and created intelligence agencies to suppress it. In the 1990s. The Russian Federation began an active fight against terrorism: relevant laws were adopted and special units were formed. Legal norms regulate the strategy for countering terrorist activities, the responsibilities of authorities and the rights of citizens.

Keywords: National Guard troops, legal regulation, national security, legal regime, counter-terrorism operation.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrenny`mi obshherossijskim golosovaniem 1 iyulya 2020 g.
2. Federal`ny`j konstitucionny`j zakon ot 30 maya 2001 g. № 3-FKZ «O chrezvy`chajnom polozhenii» : v red. Federal`nogo Konstitucionnogo zakona ot 3 iyulya 2016 g. № 6-FKZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 23. – St. 2277 ; 2016. – № 27, ch. 1. – St. 4153.
3. Federal`ny`j zakon ot 3 aprelya 1995 g. № 40-FZ «O federal`noj sluzhbe bezopasnosti» : v red. Federal`nogo zakona ot 29 dekabrya 2022 g. № 638-FZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1995. – № 15. – St. 1269 ; 2023. – № 1, ch. 1. – St. 85.
4. Federal`ny`j zakon ot 25 iyulya 1998 g. № 130-FZ «O bor`be s terrorizmom» (utratil silu). – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 1998. – № 31. – St. 3808.
5. Federal`ny`j zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» : v red. Federal`nogo zakona ot 26 maya 2021 g. № 155-FZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2006. – № 11. – St. 1146 ; 2021. – № 22. – St. 3690.
6. Federal`ny`j zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ «O vojskax nacional`noj gvardii Rossijskoj Federacii» : v red. Federal`nogo zakona ot 29 dekabrya 2022 g. № 638-FZ. – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 27, ch. 1. – St. 4159 ; 2023. – № 1, ch. 1. – St. 85.
7. Postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 16 aprelya 2008 g. № 278 «O vozmeshhenii rasxodov, svyazanny`x s ispol`zovaniem pri provedenii kontrterroristicheskoj operacii transportny`x sredstv, prinadlezhashhix organizaciyam ili fizicheskim liczam». – Tekst : neposredstvenny`j // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. – 2008. – № 16. – St. 1703.
8. Boer, V. M. Pravovy`e predposy`lki vozniknoveniya rezhima kontrterroristicheskoj operacii (teoretiko-pravovoj aspekt) / V. M. Boer // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional`noj gvardii. – 2024. – № 4(25). – S. 5-12.
9. Zaxarcev, S. I. Osnovny`e podxody` k ponimaniyu pravovy`x rezhimov v kontekste teorii prava (na primere pravovogo rezhima kontrterroristicheskoj operacii) / S. I. Zaxarcev, V. V. Lucenko // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. – 2022. – № 12. – S. 21-28.
10. Klyukanova, T. M. Mezhdunarodno-pravovoe protivodejstvie terrorizmu / T. M. Klyukanova // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. – 2024. – № 9. – S. 145-151.
11. Kotov, A. M. Uchastie vojsk nacional`noj gvardii Rossijskoj Federacii v bor`be s terrorizmom / A. M. Kotov, O. V. Grigor`ev // Konstitucionno-pravovoe regulirovanie obshhestvenny`x otnoshenij: teoriya, metodologiya, praktika : Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Voronezh, 25 yanvarya 2018 goda. – Voronezh: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu "AMiSta", 2018. – S. 25-33.
12. Lucenko, V. V. O vnesenii izmenenij v dejstvuyushhie normativny`e pravovy`e akty`, reguliruyushhie voprosy` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (na primere special`noj voennoj operacii / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voenno-yuridicheskij zhurnal. – 2024. – № 1. – S. 23-26.

13. Lucenko, V. V. Vojska nacional`noj gvardii kak instrument v mexanizme gosudarstvennogo vozdejstviya na obshhestvenny`e processy` i otnosheniya v Rossijskoj Federacii / V. V. Lucenko // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2019. – T. 9, № 2-1. – S. 92-96.
14. Lucenko, V. V. Osnovny`e napravleniya pravovogo vozdejstviya gosudarstva na obshhestvenny`e otnosheniya (na primere kommunikativnoj funkcii prava) / V. V. Lucenko, E. S. Akimenko, A. I. Sushiczkij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. – 2024. – T. 33, № 2. – S. 339-343.
15. Lucenko, V. V. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoj operacii (soderzhanie i sushhnost`) / V. Lucenko // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 9, № 3. – S. 490-495.
16. Pomerlyan, A. N. Federal`naya sluzhba vojsk nacional`noj gvardii rossijskoj federacii: voprosy` bor`by` s terrorizmom / A. N. Pomerlyan, A. N. Kononov, O. V. Grigor`ev // Obshhestvenny`e nauki. – 2018. – № 3-4. – S. 149-159.
17. Potkin, V. N. Uchastie vojsk nacional`noj gvardii v bor`be s terrorizmom / V. N. Potkin // SOOTNOShENIE ROSSIJSKOGO i MEZhDUNARODNOGO PRAVA : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Tyumen`, 11 yanvarya 2018 goda. – Tyumen`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu "OMEGA SAJNS", 2018. – S. 66-69.
18. Sibgatullin, F. S. Sushhnost` i soderzhanie pravooxranitel`noj funkcii sovremennogo gosudarstva / F. S. Sibgatullin // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 9, № 2. – S. 104-108.
19. Timoshkina, O. A. Otryady` mobil`ny`e osobogo naznacheniya v strukture Federal`noj sluzhby` vojsk nacional`noj gvardii Rossijskoj Federacii: genezis i aktual`ny`e problemy` v normativno-pravovom zakreplenii deyatel`nosti / O. A. Timoshkina // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki. – 2024. – № 2(66). – S. 86-96.
20. Shagov, A. E. Nacional`naya gvardiya v Rossii i sovremennom mire / A. E. Shagov // Nauchny`j al`manax. – 2016. – № 7-2(21). – S. 156-159.
21. Lucenko V. V., Semenova I. V. The regime of counter-terrorism operation as a special integrated legal institution. In: Military law. 2021;4(68): 56–60.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 347–362.

УДК 34.09

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 01.07.2021 № 236-ФЗ «О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Гаркуша-Божко С. Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируется практика применения Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», который вступил в силу 1 июля 2021 года. Несмотря на то, что данный закон действует уже 2 года практика его применения в арбитражных судах и судах общей юрисдикции оставляет желать лучшего. Автор обращает внимание на то, что суды применяют положения данного федерального закона в делах, которые напрямую не связаны с предметом его регулирования. Так, суды общей юрисдикции применяют положения Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ в делах о защите прав потребителей с участием иностранных лиц; а арбитражные суды – в делах об оспаривании блокировки аккаунтов российских юридических лиц (в основном, средств массовой информации) на таких иностранных интернет-площадках, как *YouTube*. Кроме того, автор обращает внимание на проблему статьи 13.49 КоАП РФ, а также анализирует применение положений данного Федерального закона на примере иностранного провайдера хостинга *Cloudflare*.

Ключевые слова: иностранное лицо, сеть «Интернет», провайдер хостинга, Роскомнадзор, перечень иностранных лиц, иностранное юридическое лицо, *Apple, Google, YouTube, Cloudflare*.

1 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» (далее по тексту – Закон № 236-ФЗ; Федеральный закон № 236-ФЗ) [1]. Данный Закон № 236-ФЗ был принят в целях закрепления правовой обязанности иностранных юридических лиц, иностранных организаций, не являющихся юридическими лицами, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории России (далее по тексту – Иностранные лица), официально оформить свое присутствие на территории Российской Федерации [2]. Такая необходимость была обусловлена значительным преобладанием на российском рынке информационных услуг таких Иностранных лиц.

Как было указано в Пояснительной записке к проекту Федерального закона № 236-ФЗ, поисковую систему Google предпочитают около 56% российских пользователей. Второе и третье место по популярности среди социальных сетей в России занимали ныне запрещенные в Российской Федерации социальные сети Facebook (Meta Platforms Inc., владелец Facebook и Instagram) – организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022) и Twitter (в марте 2022 г. Twitter был полностью заблокирован на территории РФ): около 16% и 14% аудитории соответственно. Кроме того, по данным Mediascope, видеохостинг YouTube, который также принадлежит компании Google, LLC, является третьим по популярности сайтом в России, его ежемесячная аудитория составляет более 44 миллионов человек [2]. Такая популярность указанных зарубежных интернет-платформ в России влекла за собой обработку Иностранными

лицами огромного объема персональных данных российских граждан, при которой обычным делом было игнорирование требований законодательства Российской Федерации о защите персональных данных.

Так, корпоративными документами транснациональных компаний в сфере информационных технологий (так называемая «политика конфиденциальности» [3]) предусмотрено, что в случае каких-либо судебных споров место их рассмотрения находится за пределами РФ. С учетом последних тенденций возрастания в англосаксонских и европейских государствах русофобии (начиная с 2014 г.), такие споры с участием российских физических и юридических лиц всегда приобретали политическую окраску, что актуализировало вопрос о защите таких лиц со стороны российского законодательства. В итоге, результатом усилий российских законодателей стало принятие вышеуказанного Закона № 236-ФЗ. По прошествии двух лет с момента вступления в силу Федерального закона № 236-ФЗ, научный и практический интерес представляет практика его применения, которой и посвящена настоящая статья.

Но прежде чем перейти к предмету настоящего исследования, необходимо сделать краткий обзор основных положений, закрепленных в Законе № 236-ФЗ.

Понятие «иностранное лицо, осуществляющее деятельность в сети «Интернет» на территории Российской Федерации» закреплено в ст. 4 Федерального закона № 236-ФЗ, часть первая которой закрепляет, что под иностранным лицом, осуществляющим деятельность в сети «Интернет» на территории РФ, понимается иностранное лицо, осуществляющее любую деятельность, не запрещенную на территории РФ, осуществляемую при условии, что иностранное лицо является владельцем сайта в сети «Интернет», и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации (далее – информационный ресурс иностранного лица), а также при одном из следующих условий: 1) на информационном ресурсе иностранного лица предоставляется и (или) распространяется информация на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе РФ или иных языках народов РФ; 2) на информационном ресурсе иностранного лица распространяется реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ; 3) иностранное лицо осуществляет обработку сведений о пользователях, находящихся на территории РФ; 4) иностранное лицо получает денежные средства от российских физических и юридических лиц [1].

Часть 2 этой же статьи добавляет, что иностранным лицом, осуществляющим деятельность иностранного лица в сети «Интернет» на территории РФ, признается также:

1) иностранное лицо, являющееся провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение информационных ресурсов в сети «Интернет», пользователи которых находятся в том числе на территории Российской Федерации;

2) иностранное лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационной системы и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и используются для организации распространения в сети «Интернет» рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся в том числе на территории Российской Федерации, посредством принадлежащих третьим лицам информационных ресурсов;

3) иностранное лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет», в том числе находящихся на территории Российской Федерации [1].

Ст. 5 Закона № 236-ФЗ устанавливает основные обязанности Иностранных лиц, к которым относятся: обязанность разместить на информационном ресурсе электронную форму для направления обращений российских граждан и организаций, требования к которой устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи; обязанность зарегистрировать личный кабинет на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, в сети «Интернет» и использовать его для взаимодействия с государственными органами РФ; создать филиал, или открыть представительство, или учредить российское юридическое лицо и обеспечить функционирование на территории РФ филиала, или представительства, или российского юридического лица [1].

Не менее важна и ст. 8 Федерального закона № 236-ФЗ, которая устанавливает обязанность Иностранного лица в течение суток с момента регистрации личного кабинета направить с его использованием заявление о включении сведений о нем и его информационном ресурсе в перечень Иностранных лиц, который ведется Роскомнадзором (далее по тексту – Перечень) [1]. В данный Перечень уже включены, например, ранее упомянутый Google, LLC, а также владелец популярного среди россиян мессенджера Telegram Messenger, Inc [4].

Перейдем к правоприменительной практике данного Закона № 236-ФЗ. Начнем с судов общей юрисдикции. В Апелляционном определении Калининградского областного суда от 04.04.2023 по делу № 2-3118/2022 Федеральный закон № 236-ФЗ был применен в деле о защите прав потребителей. Судебный процесс был инициирован по иску к ООО «Эппл Рус». Решением Ленинградского районного суда города Калининграда от 17.08.2022 по делу № 2-3118/2022 заявленный иск был удовлетворен частично: в части требования неустойки за нарушение срока возврата стоимости товара суд первой инстанции отказал во взыскании на основании Постановления Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» (далее – Постановление № 497) [5; 6]. Судебная коллегия по гражданским делам Калининградского областного суда не согласилась с таким выводом, указав, что в силу п. 2 Постановления № 497 мораторий не распространяется на включенных по мотивированному предложению руководителя федерального органа исполнительной власти, обеспечивающего реализацию единой государственной политики в отрасли экономики, в которой осуществляет деятельность соответствующее лицо, или высшего должностного лица субъекта РФ, в котором зарегистрировано или на территории которого осуществляет деятельность соответствующее лицо, в утвержденный Правительством РФ перечень лиц, на которых не распространяется действие моратория, деятельность которых регулируется Законом № 236-ФЗ [5; 6].

Далее, Калининградский областной суд указал, что в Перечень включено Apple Distribution International Ltd, которое является учредителем ООО «Эппл Рус» с размером доли 99,5%, что свидетельствует об аффилированности ООО «Эппл Рус» с данным Иностранным лицом. На основании этого Судебная коллегия по гражданским делам Калининградского областного суда пришла к выводу о нераспространении на ООО «Эппл Рус» моратория на банкротство и взыскала в пользу истца неустойку [6]. Определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2023 № 88-15710/2023 по делу № 2-3118/2022 данное Апелляционное определение оставлено без изменения [7].

Подобных дел с участием ООО «Эппл Рус» на стороне ответчика оказалось не мало: аналогичная позиция содержится, например, в Решении Железнодорожного районного суда города Самары от 15.03.2023 по делу № 2-130/2023 [8]. Кроме того, подобная позиция высказана в Решении Кировского районного суда города Самары от 27.03.2023 № 2-456/2023 в отношении ООО «Алибаба.Ком (Ру)» [9].

Однако, существует и противоположная судебная практика с участием все того же ООО «Эппл Рус»: так Заволжский районный суд г. Ульяновска в решении от 06.05.2022 по делу № 2-1289/2022 отклонил довод истца о распространении на ООО «Эппл Рус» действия Федерального закона № 236-ФЗ и указал, что этот закон распространяется на деятельность компании Apple Distribution International Ltd, которая уже зарегистрировала свое представительство в РФ – Представительство компании «Эппл Дистрибьюшн Интернэшнл Лимитед» в Москве (НЗА 20210002879) [10]. Аналогичный довод истца был отклонен на таком же основании в Решении Чердаклинского р-го суда Ульяновской области от 01.06.2022 по делу № 2-391/2022 [11].

Обобщая данную практику судов общей юрисдикции, можно сделать следующие выводы. Конечно, мотивы ссылок судов на Закон № 236-ФЗ понятны: с одной стороны, на него ссылались стороны процесса, с другой стороны ссылка на его положения имелась в Постановлении № 497, которое было предметом толкования в вышеуказанных судебных делах. Однако, Постановление № 497 регулирует, в первую очередь, вопросы моратория на возбуждение дел о банкротстве; а сами дела касаются защиты прав потребителей при купле-продаже товаров (телефонов марки Apple iPhone и ноутбука марки Apple MacBook Air).

В то же время, ст. 1 Федерального закона № 236-ФЗ устанавливает, что он регулирует отношения, связанные с осуществлением деятельности Иностранных лиц именно в сети «Интернет» на территории РФ [1]. Таким образом, рассмотренные дела судов общей юрисдикции напрямую не связаны с предметом регулирования Закона № 236-ФЗ. К сожалению, иных, более релевантных, дел автором обнаружено не было.

Между тем, на основе проанализированных выше дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, можно сделать следующие выводы. Важно подчеркнуть, что суды в этих делах обратили внимание, что иностранные компании Apple Distribution International Ltd и AliExpress Russia Holding PTE. LTD уже включены в Перечень. Если же обратиться к самому Перечню, то станет ясно, что эти Иностранные лица исполнили в полном объеме обязанности, предусмотренные ст. 5 Федерального закона № 236-ФЗ. Иными словами, проанализированные выше акты судов общей юрисдикции косвенно позволяют сделать вывод о положительной правоприменительной практике Закона № 236-ФЗ. Перейдем к арбитражным судам.

Рассмотрим Решение Арбитражного суда Москвы от 14.10.2022 по делу № А40-74815/22-134-419 по иску Общества с ограниченной ответственностью «ГПМ Развле-

кательное телевидение» (ООО «ГПМ РТВ») к Google Ireland Limited, Google LLC, Google Commerce Limited и ООО «Гугл» об оспаривании блокировки аккаунта телеканала «ТНТ» на платформе YouTube [12]. ООО «Гугл» в данном деле ссылалось на то, что его ошибочно привлекли в качестве соответчика, поскольку оно не является ни владельцем, ни администратором сайта YouTube; не является филиалом или представительством Google LLC, а также указал, что в отношении него введено наблюдение. Суд со ссылкой на Федеральный закон № 236-ФЗ отклонил этот довод и отметил, что Google LLC не создала на территории РФ представительство или филиал, отличного от ООО «Гугл», которое является единственным офисом Google LLC на территории РФ. Кроме того, суд отметил, что учредителем ООО «Гугл» является Google International LLC, которым полностью владеет Google LLC, что подтверждает факт опосредованного владения ООО «Гугл» со стороны Google LLC.

На основании этого, суд приходит к выводу о том, что ООО «Гугл» не является независимой от Google LLC организацией. С учетом того, что основной функцией ООО «Гугл» является представительство интересов Google LLC во взаимоотношениях с пользователями на территории Российской Федерации, Арбитражный суд города Москвы заключает, что привлечение ООО «Гугл» в качестве соответчика было правомерным. Иск в данном деле был удовлетворен по отношении ко всем ответчикам [12].

Данное дело, рассмотренное Арбитражным судом г. Москвы, примечательно не только тем, что Закон № 236-ФЗ был применен по вопросам его непосредственного регулирования, но и тем, что в нем содержится правовая позиция, основанная на так называемой концепции «фактического представительства». Данная концепция была выработана судами именно для целей применения Федерального закона № 236-ФЗ для того, чтобы исключить спекуляции Иностранных лиц в отношении российских юридических лиц, учредителями или участниками которых они являются. Эта концепция также была применена в следующих актах арбитражных судов по аналогичным искам об оспаривании аккаунтов на YouTube: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.08.2023 по делу № А40-97631/2022 [13] и Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2023 по делу № А40-97559/2022 [14] по иску АО «Москва Медиа»; Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.10.2022 по делу № А40-98239/22-27-648 [15] по иску ФГУП «ВГТРК» об оспаривании блокировки YouTube-канала «СМОТРИМ. Весь Соловьев» с привлечением в качестве третьего лица известного российского журналиста Соловьева В.Р.; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-90894/2022-ГК, № 09АП-90896/2022-ГК от 27.02.2023 по делу № А40-110747/2022 [16] по иску АО «Первый канал»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2023 по делу № А40-74085/2022 [17] по иску АО «Телекомпания НТВ»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-2203/2023, № 09АП-2204/2023 от 13.04.2023 по делу № А40-145501/2022 [18] по иску Автономной некоммерческой организации «Редакция парламентского телевидения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2023 по делу № А40-166658/2022 [19] по иску главного редактора телеканала «Russia Today» и МИА «Россия сегодня» Симоньян М.С. об оспаривании блокировки YouTube-канала «Маргарита Симоньян»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2023 по делу № А40-117941/2022 [20] по иску ООО «Мультимедийный информационный центр «Известия» об оспа-

ривании блокировки YouTube-канала IZ.Ru; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-664/2023-ГК, № 09АП-667/2023-ГК от 19.04.2023 по делу № А40-101687/2022 [21] по иску ОАО «Телерадиокомпания Вооруженных Сил Российской Федерации «Звезда» об оспаривании блокировки принадлежащих ей YouTube-каналов; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2023 по делу № А40-138158/2022 [22] по иску ООО «Национальный спортивный телеканал».

Для большего понимания читателями сути указанной концепции процитируем, например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2023 по делу № А40-166658/2022: «В многочисленной судебной практике концепция «фактического представительства» применительно к интернет-компаниям была признана для целей применения положений Федерального закона № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», в частности, для восстановления нарушенных прав и законных интересов российских компаний и граждан в ситуации отсутствия у иностранной IT-корпорации формально зарегистрированного филиала (представительства) и очевидных признаков нежелания иностранной IT-корпорации соблюдать законодательство РФ» [19].

Таким образом, очевидно, что арбитражные суды уже наработали практику применения Закона № 236-ФЗ, которая непосредственно связана именно с предметом регулирования данного закона, а именно: с защитой прав и законных интересов российских компаний и граждан, нарушенных действиями Иностранных лиц.

Практика арбитражных судов по применению Федерального закона № 236-ФЗ связана, в основном, с исками российских средств массовой информации о разблокировке их аккаунтов на YouTube: после начала российской СВО 24 февраля 2022 г. российские СМИ одни из первых стали жертвами нарушений со стороны западных IT-корпораций в виде блокировки аккаунтов по политическим мотивам. Учитывая, что Закон № 236-ФЗ направлен на противодействие именно таким действиям, заслуга арбитражных судов заключается в том, что они не только выработали практику применения этого закона, но и создали устоявшуюся правовую позицию в случаях отсутствия у иностранной IT-компании формально зарегистрированного филиала или представительства на территории РФ.

Между тем, следует обратить внимание на следующую важную деталь. Исходя из проанализированной практики арбитражных судов, основным злостным нарушителем Федерального закона № 236-ФЗ является одна из крупнейших западных IT-компаний – Google LLC. Важно отметить, что на момент написания настоящей статьи фактическое представительство этой иностранной компании на территории РФ находится на пути к ликвидации: Решением Арбитражного суда города Москвы от 02.11.2023 по делу № А40-126705/22-177-296 ООО «Гугл» было признано несостоятельным (банкротом); судебное заседание по рассмотрению отчета его конкурсного управляющего назначено на 17.04.2024 [23]. На основании ст. 149 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [24], в случае вынесения судом по результатам рассмотрения отчета конкурсного управляющего определения о завершении конкурсного производства такое определение является основанием для внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации организации-банкрота. Таким образом, возможная ликвидация фактического представительства Google LLC на территории РФ – ООО «Гугл» – не за горами. Неудивительно, что

на официальном сайте Google в разделе «Офисы Google» [25] больше нет информации об офисе в Москве. Ситуация с противоправными действиями Google LLC имеет также следующую интересную деталь: основателем этой компании является выходец из ССР С. Брин, переехавший из СССР в США вместе с семьей в 1979 г. в возрасте 6 лет. И вот теперь, его детище является одним из злостных нарушителей на его исторической Родине. Хотя, учитывая его высказывание о том, что «Россия – это Нигерия в снегу» [26], Россию он, скорее всего, не любит.

Возвращаясь к обязанностям Google LLC, предусмотренным Закона № 236-ФЗ, и, исходя из данных Перечня [4], то единственной обязанностью, которая была исполнена, – это регистрация личного кабинета на официальном сайте Роскомнадзора и включение в Перечень. Официально учредить филиал, или представительство, либо российское юридическое лицо; а также разместить на своих информационных ресурсах электронную форму для обращений граждан Google LLC не торопится.

Надо полагать, что и многие другие зарубежные компании не торопятся исполнять требования Федерального закона № 236-ФЗ. В таких условиях сразу же возникает вопрос о правовой ответственности за нарушение требований этого закона.

Статьей 13.49 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) установлена административная ответственность за неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством о деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации [27]. Статья 23.1 КоАП РФ предусматривает, что дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 13.49 КоАП РФ, рассматривают судьи [27]. При подготовке настоящей статьи автор изучил базы данных судебной практики справочно-правовых систем «КонсультантПлюс», «Гарант» и «СудАкт», однако, практики привлечения к административной ответственности по статье 13.49 КоАП РФ не обнаружил.

Конечно, можно предположить, что подобные решения не публикуются, но применительно к статье 13.49 КоАП РФ отсутствуют основания проведения закрытого судебного заседания, предусмотренные 24.3 КоАП РФ [27]. Важно отметить, что российские власти уже штрафовали Google LLC по ч. 2 и ч. 4 ст. 13.41 и ч. 8 ст. 13.11 КоАП РФ, и информация об этом не была скрыта от СМИ [28]. Поэтому очевидно, что практика по статье 13.49 КоАП РФ на сегодняшний день просто отсутствует, что не красит соответствующие госорганы РФ по следующей причине.

Западные IT-гиганты используются, в том числе, в целях подрыва конституционного строя РФ. Поэтому привлечение их к ответственности за нарушение Закона № 236-ФЗ – это не только обеспечение правопорядка, но и защита суверенитета РФ. Бездействие соответствующих должностных лиц в такой ситуации идет только во вред России. Конечно, есть проблема во взыскании административных штрафов с Иностранных лиц в случае отсутствия у них счетов на территории РФ: находясь на территории иностранных государств, они имеют возможность игнорировать требования российских властей. Конечно, ст. 17 Федерального закона 236-ФЗ предусмотрена такая мера понуждения Иностранных лиц, как ограничение доступа к его информационному ресурсу [1], однако, с учетом использования различных способов обхода таких блокировок (одним из которых является VPN), по мнению автора, и такая мера не эффективна.

Прежде чем дать предложения по тому, как противодействовать нарушениям Закона 236-ФЗ, автор хотел бы проиллюстрировать важность защиты государствен-

ных интересов в сфере информационных технологий следующим примером. В 2014 г. Роскомнадзор обратил внимание на увеличение количества внесения в предусмотренный ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» единый реестр запрещенной информации сетевых адресов провайдера хостинга Cloudflare, Inc, который отказывается сотрудничать с Роскомнадзором [29]. Так, на одном из IP-адресов, принадлежащем данному провайдеру хостинга (а именно: 188.114.97.3), согласно сведениям Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, на момент написания настоящей статьи заблокировано около 30 сайтов; последнее решение о блокировке датируется 30.11.2023 [30].

Cloudflare, Inc. было также замечено в качестве участника судебных дел не только о блокировании сайтов с информацией, запрещенной к распространению на территории РФ [31], но и о незаконном размещении в сети «Интернет» информации о продаже паспортов РФ, загранпаспортов РФ, СНИЛС, ИНН, водительских удостоверений, военных билетов и дипломов [32] и о размещении в интернете информации о предложениях по обналичиванию денежных средств посредством совершения сделок и составления документов, которые обладают признаками мнимости и фиктивности [33].

При этом провайдер хостинга Cloudflare, Inc. предоставляет вычислительную мощность для размещения сайта старейшего российского интернет-магазина «Озон» (Ozon.ru) [34]. Конечно, причины этого понятны: когда создавался интернет-магазин «Озон», еще не было полноценных российских провайдеров хостинга, да и на настоящий момент возможности зарубежных провайдеров порой больше, чем у российских. Однако, времена изменились, и политическую обстановку нельзя не учитывать, поэтому считаем нужным отметить следующее.

Как было отмечено, согласно п. 1 ч. 2 ст. 4 Федерального закона 236-ФЗ, Иностранным лицом, осуществляющим деятельность иностранного лица в сети «Интернет» на территории РФ, признается также иностранное лицо, являющееся провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение информационных ресурсов в сети «Интернет», пользователи которых находятся в том числе на территории РФ [1]. Не для кого не секрет, в том числе и для сервисов анализа сайтов [35], что большинство, а именно: 95.26% пользователей интернет-магазина «Озон» – это пользователи, находящиеся на территории РФ. Необходимо отметить, что посещаемость сайта Ozon.ru в месяц составляет порядка 410 млн. пользователей [35], исходя из чего можно сделать вывод, что суточная посещаемость данного сайта явно превышает 500 тыс. пользователей. Кроме того, очевидно на сайте Ozon.ru информация распространяется на русском языке – государственном языке РФ, а также распространяется реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ. Сама же компания Cloudflare, Inc. зарегистрирована по праву американского штата Калифорния со штаб-квартирой в Сан-Франциско по следующему адресу: 101 Townsend Street, San Francisco, CA 94107, США [36].

На основании вышеуказанного, можно сделать вывод, что Cloudflare, Inc. является Иностранным лицом на основании п. 1 ч. 2 ст. 4 Закона № 236-ФЗ, однако, в Перечне она отсуствует [4]. С учетом того, что на основании ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 236-ФЗ [1] включение в Перечень происходит через личный кабинет Иностранного лица, то очевидно, что Cloudflare, Inc. не исполнила обязанность, предусмотренную

п. 2 ст. 5 Закона № 236-ФЗ. Также важно отметить, что компания Cloudflare, Inc. имеет представительства в Брюсселе, Лиссабоне, Лондоне, Мюнхене, Париже, Пекине, Сингапуре, Сиднее и Токио [37]. В России же никаких филиалов, представительств или юридических лиц по российскому праву Cloudflare, Inc. учреждено не было. При этом на официальном сайте Cloudflare, Inc. [37] указан тел. для связи из России (8003014062) по вопросам оказания услуг этой американской компанией. Более того, несмотря на отсутствие офиса в России в 2016 г. Cloudflare, Inc. открыла в Москве дата-центр [38].

Можно сделать вывод, что компания Cloudflare, Inc. также не исполнила обязанность, предусмотренную п. 3 ст. 5 Федерального закона № 236-ФЗ. Таким образом, перед нами явный злостный нарушитель Закона № 236-ФЗ. Но не будем ограничиваться этим фактом, ибо про Cloudflare, Inc. имеется еще «интересная» информация. Согласно информации на официальном сайте Cloudflare, Inc., эта компания предоставляет услуги CDN, защиту от DDoS-атак, безопасный доступ к ресурсам и серверы DNS, а ее сервисы работают как обратный прокси для сайта [39]. Но главное: эта американская компания профессионально занимается сокрытием данных фактических владельцев сайтов, желающих скрыть свои данные [39]. Т.е., ее сервисы идеально подходят для размещения в сети «Интернет» сайта, который может использоваться с целью сменить правительство в каком-либо государстве. Данный вывод очевиден, т.к. использование информационных технологий – уже устоявшийся атрибут «цветных» переворотов. Поэтому услуги, оказываемые Cloudflare, Inc., представляют собой риск для безопасности любого государства, отличного от США.

Еще более «интересная» информация о руководстве компании Cloudflare, Inc., а именно: о ее советнике по общим вопросам Дугласе Крамере (Douglas Kramer), в частности, о его трудовой биографии. Перечислим его последние 6 мест работы: август 2016 – настоящее время: Советник по общим вопросам (General Counsel) в Cloudflare, Inc.; апрель 2015 – июль 2016: Заместитель руководителя (Deputy Administrator) в Управлении по делам малого бизнеса США (U.S. Small Business Administration (SBA)); Ноябрь 2013 – Март 2015: Советник по общим вопросам (General Counsel) в Агентстве США по международному развитию (АМР США; United States Agency for International Development, USAID); март 2012 – ноябрь 2013: начальник секретариата (Staff Secretary) Белого дома США и Заместитель помощника (Deputy Assistant) Президента США; сентябрь 2010 – март 2012: младший советник (Associate Counsel) и Специальный помощник (Special Assistant) Президента США; июль 2009 – сентябрь 2010: Советник Помощника Генерального прокурора США по антимонопольному отделу Министерства юстиции США (Counsel to the Assistant Attorney General for the Antitrust Division of the US Department of Justice) [40].

Исходя из данного послужного списка, очевидно, что Cloudflare, Inc. имеет тесные связи с правительством США. Но и это является только общим выводом. Необходимо обратить внимание на то, что в числе вышеуказанных органов правительства США фигурирует один из проводников американской «мягкой силы» – Агентство США по международному развитию, деятельностью которого заявлена помощь (в первую очередь, финансовая) развивающимся государствам, а на самом деле оно является прикрытием для деятельности Центрального разведывательного управления США (ЦРУ, Central Intelligence Agency, CIA) [41].

Несмотря на то, что в структуре правительстве США АМР США подчиняется Государственному департаменту США, фактически оно является прокси-организацией ЦРУ

и выполняет разведывательные и диверсионные функции, что подтверждается рассекреченными документами ЦРУ [42]. Факт того, что данное правительственное агентство США является «крышей» для американских шпионов также подтверждает и отставной сотрудник ЦРУ Филип Эйджи (Philip Agee) в своей книге «За кулисами ЦРУ: Дневник сотрудника американской разведки» (Inside the Company: CIA Diary) [43]. В СНГ USAID появилось в 1992 г., не стала исключением и Россия, но в 2012 г. деятельность этой организации прекращена по требованию руководства РФ [44]. Но, даже не смотря на то, что у АМР США отсутствуют офисы на территории РФ, расходы на «реализацию проектов в России» продолжают включаться в его бюджет [41].

В этой связи, важно также отметить, что USAID также финансируется следующими американскими некоммерческими организациями: Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy; аналогично является прикрытием для ЦРУ [45]; деятельность признана нежелательной на территории РФ по решению Генеральной прокуратуры от 28.07.2015), Фонд Джорджа Сороса «Открытое общество» (Open Society Foundation; деятельность признана нежелательной на территории РФ по решению Генеральной прокуратуры от 26.11.2015) и иные подобные «благотворительные фонды», которые активно сотрудничают с ЦРУ [41]. Кроме того, эти благотворительные фонды известны своим активным участием во всех прошедших «цветных» переворотах, в том числе и на Украине. USAID также принимало активное участие в событиях 2004 г. и 2014 г. на Украине [41].

АМР США активно сотрудничало с признанным экстремистским ФБК (Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) включён в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, по решению Министерства юстиции РФ от 09.10.2019; организация признана экстремистской, её деятельность запрещена по решению Мосгорсуда от 09.06.2021) [41]. Более того, как отметило само USAID, в отношении России оно «участвовало в работе по признанию нелегитимными итогов выборных кампаний, организации политических акций с целью влияния на принимаемые органами власти решения, дискредитации службы в Вооружённых силах России» [41].

И самое главное: несмотря на то, что с 2012 г. деятельность АМР США на территории РФ запрещена, оно продолжает осуществлять даже в отсутствие физического присутствия в РФ [41]. С юридической точки зрения, этот факт требует немедленного внимания властей РФ и принятия соответствующих правовых решений.

С учетом вышеуказанного, на вопрос о направленности деятельности провайдера хостинга, косвенно связанного со столь одиозными организациями, ответить не сложно, и автор не питает иллюзий на этот счет. В этой связи, важно отметить и то, что компания Cloudflare, Inc. не стала уходить с российского рынка после начала Специальной военной операции, мотивируя это тем, что в России достаточно много клиентов пользуется ее услугами [46]. Но не надо питать иллюзий в отношении такой «доброты» со стороны американской компании – в актуальных условиях вряд ли американская компания будет столь доброжелательной к РФ.

Исходя из всего вышеизложенного, возникает острое желание задать вопрос, почему не принимается никаких мер понуждения к исполнению Cloudflare, Inc. требований Федерального закона № 236-ФЗ? Конечно, самой желанной мерой было бы ограничение доступа к услугам хостинга от Cloudflare, Inc. на территории РФ, но с учетом количества российских сайтов, лояльных и нейтральных по отношению к

российскому государству, резкое прекращение деятельности Cloudflare, Inc. на территории России привело бы к коллапсу таких сайтов.

Что же делать в ситуации, когда Закон № 236-ФЗ не работает? Этот вопрос приобретает особое значение в свете внесенной Федеральным законом от 31.07.2023 № 406-ФЗ [47] ст. 10.2-1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [48] о таких обязанностях провайдера хостинга как: защита информации при предоставлении вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет» [49]; сотрудничество с правоохранительными органами [50]; нахождение в реестре провайдеров хостинга [51] и направление в Роскомнадзор уведомления о начале своей деятельности [52]. Предполагаем, что и эти обязанности не будут исполняться иностранными провайдерами хостинга. Что же делать в такой ситуации? Ответ прост: иностранные компании будут исполнять требования Федерального закона № 236-ФЗ, когда их лишат самого главного – их прибыли. Российская Федерация – огромный потребительский рынок, поэтому создать ситуацию, когда иностранные IT-компании будут терпеть убытки на территории России, создать не так сложно.

Так, для этого необходимо стимулировать владельцев российских сайтов переходить на российских провайдеров хостинга, которые уже существуют и имеют неплохие возможности, например, Ростелеком, Mail.Ru, Вконтакте и Яндекс. Более того, российское государство должно поощрять создание новых российских провайдеров хостинг, оказывать содействие в увеличении мощностей существующих и вновь создаваемых провайдеров хостинга. Также, такая государственная поддержка отечественных провайдеров хостинга должна осуществляться в рамках общегосударственной политики по развитию российских информационных технологий (как оборудования, так и программного обеспечения), независимых от западных технологий. У России есть для этого все ресурсы. И для эффективной реализации такой политики необходимо соблюдать два важных требования: 1) работать на результат, а не на план и «красивые отчеты»; 2) исключить все коррупционные схемы при осуществлении политики, направленной на создание и защиту цифрового суверенитета РФ.

Только в условиях, когда иностранные IT-компании столкнутся с настоящей конкуренцией на российском рынке, они начнут соблюдать требования Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». Реализация закона в сфере информационных технологий – это не только его применение судебными и иными государственными органами, но и реализация государственной политики, направленной на защиту цифрового суверенитета, который является неотъемлемой частью суверенитета государства в современном мире. Автор настоящей статьи надеется, что эта очевидная мысль будет осознана и принята на вооружение российскими властями с целью дальнейшей ее реализации.

Список литературы:

1. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации : Федеральный закон № 236-ФЗ от 01.07.2021 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
2. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации : Законопроект № 1176731-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») Государственной

Думы Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1176731-7 (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
3. Политика конфиденциальности Google : вступила в силу 15 ноября 2023 г. // Google : сайт. – Mountain View, CA, USA, 2023. – URL: https://www.gstatic.com/policies/privacy/pdf/20231115/sh7gs0by/google_privacy_policy_ru.pdf (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
4. Перечень иностранных лиц, осуществляющих деятельность в сети «Интернет» на территории Российской Федерации : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://236-fz.rkn.gov.ru/agents/list (дата обращения: 03.12.2023).
5. О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами : Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 (срок действия истек) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
6. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 04.04.2023 по делу № 2-3118/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2023 № 88-15710/2023 по делу № 2-3118/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Режим доступа: общедоступный. – Текст: электронный.
8. Решение Железнодорожного районного суда города Самары от 15.03.2023 по делу № 2-130/2023 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Режим доступа: общедоступный. – Текст: электронный.
9. Решение Кировского районного суда города Самары от 27.03.2023 № 2-456/2023 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).
10. Решение Заволжского районного суда города Ульяновска от 06.05.2022 по делу № 2-1289/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
11. Решение Чердаклинского районного суда Ульяновской области от 01.06.2022 по делу № 2-391/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 14.10.2022 по делу № А40-74815/22-134-419 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).– Текст: электронный.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.08.2023 по делу № А40-97631/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2023 по делу № А40-97559/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
15. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.10.2022 по делу № А40-98239/22-27-648 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2023 № 09АП-90894/2022-ГК, 09АП-90896/2022-ГК по делу № А40-110747/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2023 по делу № А40-74085/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
18. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2023 № 09АП-2203/2023, 09АП-2204/2023 по делу № А40-145501/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
19. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2023 по делу № А40-166658/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2023 по делу № А40-117941/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2023 № 09АП-664/2023-ГК, 09АП-667/2023-ГК по делу № А40-101687/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2023 по делу № А40-138158/2022 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).– Текст: электронный.
23. Решение Арбитражного суда города Москвы от 02.11.2023 по делу № А40-126705/22-177-296 : Документ опубликован не был // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).
24. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
25. Офисы Google : Компания Google : сайт. – Mountain View, CA, USA., 2023. – URL: https://about.google/intl/ALL_ru/locations/?region=europe (дата обращения: 03.12.2023).
26. О России «с любовью» : статья в журнале «Огонёк» : сайт. – Москва., 2013. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/2263436 (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.

27. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).
28. Российский суд впервые наложил на Google оборотный штраф на 7,2 млрд рублей : новостная публикация ТАСС : сайт. – Москва., 2021. – URL: https://tass.ru/obschestvo/13293047 (дата обращения: 03.12.2023).
29. Роскомнадзор предостерегает добросовестные интернет-ресурсы от хостинга на сетевых адресах CDN-сервиса CloudFlare : новость Роскомнадзора : сайт. – Москва., 2014. – URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news24880.htm (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
30. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://eais.rkn.gov.ru/ (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
31. Решение Гайского городского суда Оренбургской области № 2А-633/2020 2А-633/2020~М-560/2020 М-560/2020 от 20.07.2020 по делу № 2А-633/2020 : Документ опубликован не был // СудАкт : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dm01kmaCGjW6/ (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный; Решение Дальнегорского районного суда Приморского края № 2А-625/2020 2А-625/2020~М-511/2020 М-511/2020 от 29.07.2020 по делу № 2А-625/2020 : Документ опубликован не был // СудАкт : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/cLHXOGOPUtb6/ (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный; Решение Ясненского районного суда Оренбургской области № 2|2|А-178/2021 2|2|А-178/2021~М|2|-131/2021 М|2|-131/2021 от 23.07.2021 по делу № 2|2|А-178/2021 : Документ опубликован не был // СудАкт : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/EuxyTYT6ixrv/ (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
32. Решение Шарлыкского районного суда Оренбургской области № 2А-520/2021 2А-520/2021~М-439/2021 М-439/2021 от 16.11.2021 по делу № 2А-520/2021 : Документ опубликован не был // СудАкт : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/9w8jlo4YW1UO/ (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный; Решение Советского районного суда г. Орска Оренбургской области № 2А-961/2020 2А-961/2020~М-838/2020 М-838/2020 от 29.07.2020 по делу № 2А-961/2020 : Документ опубликован не был // СудАкт : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/3gNbHrifiG1d/ (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
33. Решение Ясненского районного суда Оренбургской области № 2|2|А-118/2020 2|2|А-118/2020~М|2|-128/2020 М|2|-128/2020 от 29.07.2020 по делу № 2|2|А-118/2020 : Документ опубликован не был // СудАкт : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/iCINz4unG7UV/ (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
34. Хостинг сайта : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://2ip.ru/guess-hosting/?domain=https%3A%2F%2Fwww.ozon.ru%2F+ (дата обращения: 03.12.2023).
35. Проверка посещаемости сайта be1.ru : сайт. – Москва, 2023. – URL: https://be1.ru/stat/ozon.ru (дата обращения: 03.12.2023). — Текст: электронный.
36. Application for an Order pursuant to Section 3(b)(2) of the Investment Company Act of 1940 Declaring that Cloudflare, Inc. is primarily engaged in a business other than that of investing, re investing, owning, holding, or trading in securities : US Securities and Exchange Commission (SEC) : сайт. – Washington, DC., 2023. – URL: https://www.sec.gov/edgar/search/#/q=Cloudflare%252C%2520Inc. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
37. About us : Cloudflare, Inc. : сайт. – San Francisco., 2023. – URL: https://www.cloudflare.com/about-overview/ (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
38. Moscow, Russia: CloudFlare's 83rd data center : The Cloudflare Blog : сайт. – San Francisco., 2016. – URL: https://blog.cloudflare.com/moscow/ (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
39. Cloudflare, Inc. : сайт. – San Francisco., 2023. – URL: https://www.cloudflare.com/connectivity-cloud/ (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
40. Douglas Kramer, General Counsel : Cloudflare, Inc. : сайт. – San Francisco., 2023. – URL: https://cloudflare.net/governance/board-of-directors/person-details/default.aspx?ItemId=23c8547c-a748-4e3f-83f8-af50972ca468 (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
41. Учащиеся курса «Разведывательный анализ информации», USAID, United States Agency for International Development : ver. 1.01 10.01.2022 : выпускная квалификационная работа / учащиеся курса «Разведывательный анализ информации» ; Агентство «Р-Техно». – Москва., 2022. – 83 с. – URL: https://r-techno.com/files/USAID.pdf (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
42. Joint CIA/USAID Terrorist Investigations Course 17 : USAID : сайт. – Washington DC., 2023. – URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAC304.pdf (дата обращения: 03.12.2023). –Текст: электронный.
43. Эйджи, Ф. За кулисами ЦРУ : Дневник сотрудника американской разведки / Ф. Эйджи; сокр. Пер. с англ. Л. М. Кашина. – Москва. : Воениздат, 1979. – 464 с. – Текст : непосредственный.
44. Комментарий официального представителя МИД России А.К.Лукашевича о прекращении деятельности в Российской Федерации Агентства США по международному развитию (USAID) : новость МИД РФ : сайт. – Москва., 2012. – URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1625294/?lang=ru (дата обращения: 03.12.2023). – Режим доступа: Текст: электронный.
45. Учащиеся курса «Разведывательный анализ информации» Антонов Р. О., Атланов К. Н., Гайдар О. С., Сперанский Д. В., NED, National Endowment for Democracy : ver. 1.00 29.03.2022 : выпускная квалификационная работа / учащиеся курса «Разведывательный анализ информации» Антонов Р. О., Атланов К. Н., Гайдар О. С., Сперанский Д. В. ; Агентство «Р-Техно». – Москва., 2022. – 111 с. – URL: https://r-techno.com/files/NED.pdf (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
46. Cloudflare отказался отключать российских пользователей : новостная публикация Коммерсантъ : сайт. – Москва., 2022. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5249816?ysclid=lpzwbisops886151401

47. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи» : Федеральный закон от 31.07.2023 № 406-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).
48. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023).
49. Об утверждении требований о защите информации при предоставлении вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : Приказ Минцифры России от 01.11.2023 № 936 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
50. Об утверждении Правил взаимодействия провайдеров хостинга с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 22.11.2023 № 1952 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). Текст: электронный.
51. Об утверждении Правил формирования и ведения реестра провайдеров хостинга : Постановление Правительства РФ от 28.11.2023 № 2008 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Текст: электронный.
52. Об утверждении Правил направления провайдером хостинга уведомления о начале осуществления деятельности по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : Постановление Правительства РФ от 28.11.2023 № 2009 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. (дата обращения: 03.12.2023). – Режим доступа: общедоступный. – Текст: электронный.

Garkusha-Bozhko S.Yu. Enforcement Practice of Federal Law dated 01.07.2021 No. 236-FZ "On the activity of foreign persons in the information and telecommunication network "Internet" on the territory of the Russian Federation" // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 347–362.

The article analyses the Enforcement Practice of Federal Law dated 01.07.2021 No. 236-FZ "On the activity of foreign persons in the information and telecommunication network "Internet" on the territory of the Russian Federation", which entered into force on July 1, 2021. Despite the fact that this law has been in force for 2 years, the practice of its application in arbitral (commercial) courts and courts of general jurisdiction leaves much to be desired. The author draws attention to the fact that the courts apply the provisions of this federal law in cases that are not directly related to the subject of its regulation. Thus, courts of general jurisdiction apply the provisions of Federal Law dated 01.07.2021 No. 236-FZ in cases of consumer protection involving foreign persons; and arbitral (commercial) courts – in cases of challenging the blocking of accounts of Russian legal entities (mainly mass media) on such foreign Internet sites as YouTube. In addition, the author draws attention to the problem of Article 13.49 of the Code of the Russian Federation of Administrative Offences, and also analyses the application of the provisions of this Federal Law on the example of the foreign hosting provider Cloudflare.

Keywords: Foreign person, information and telecommunication network "Internet", hosting provider, Roskomnadzor, list of foreign persons, foreign legal entity, Apple, Google, YouTube, Cloudflare.

Spisok literatury:

1. O deyatel'nosti inostrannyh lits v informatsionno-telekommunikatsionnoj seti «Internet» na territorii Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon № 236-ФЗ ot 01.07.2021 // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
2. O deyatel'nosti inostrannyh lits v informatsionno-telekommunikatsionnoj seti «Internet» na territorii Rossijskoj Federacii : Zakonoproekt № 1176731-7 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo») Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1176731-7 (data obrashcheniya: 03.12.2023).
3. Google Privacy Policy : Effective November 15, 2023 // Google : sajt. – Mountain View, CA, USA, 2023. – URL: https://www.gstatic.com/policies/privacy/pdf/20231115/sh7gs0by/google_privacy_policy_ru.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2023).
4. Perechen' inostrannyh lits, osushchestvlyayushchih deyatel'nost' v seti "Internet" na territorii Rossijskoj Federacii : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://236-fz.rkn.gov.ru/agents/list (data obrashcheniya: 03.12.2023). Tekst: elektronnyj.
5. O vvedenii moratoriya na vozbuzhdenie del o bankrotstve po zayavleniyam, podavaemym kreditorami : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.03.2022 № 497 (srok dejstviya istek) // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
6. Apellyatsionnoe opredelenie Kaliningradskogo oblastnogo suda ot 04.04.2023 po delu № 2-3118/2022 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
7. Opredelenie Tret'ego kassatsionnogo suda obshchej yurisdiktsii ot 04.09.2023 № 88-15710/2023 po delu № 2-3118/2022 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
8. Reshenie Zheleznodorozhnogo rajonnogo suda goroda Samary ot 15.03.2023 po delu № 2-130/2023 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
9. Reshenie Kirovskogo rajonnogo suda goroda Samary ot 27.03.2023 № 2-456/2023 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
10. Reshenie Zavolzhskogo rajonnogo suda goroda Ul'yanovska ot 06.05.2022 po delu № 2-1289/2022 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.

11. Reshenie Cherdaklinskogo rajonnogo suda Ul'yanovskoj oblasti ot 01.06.2022 po delu № 2-391/2022 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). –Tekst: elektronnyj.
12. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 14.10.2022 po delu № A40-74815/22-134-419 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Rezhim dostupa: obshchedostupnyj. – Tekst: elektronnyj.
13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 31.08.2023 po delu № A40-97631/2022 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
14. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 16.02.2023 po delu № A40-97559/2022 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). –Tekst: elektronnyj.
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 25.10.2022 po delu № A40-98239/22-27-648 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). –Tekst: elektronnyj.
16. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 27.02.2023 № 09АП-90894/2022-ГК, 09АП-90896/2022-ГК po delu № A40-110747/2022 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
17. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 01.08.2023 po delu № A40-74085/2022 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
18. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 13.04.2023 № 09АП-2203/2023, 09АП-2204/2023 po delu № A40-145501/2022 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
19. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 20.06.2023 po delu № A40-166658/2022 // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
20. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 03.11.2023 po delu № A40-117941/2022 : // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
21. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 19.04.2023 № 09АП-664/2023-ГК, 09АП-667/2023-ГК po delu № A40-101687/2022 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
22. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 30.10.2023 po delu № A40-138158/2022 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
23. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 02.11.2023 po delu № A40-126705/22-177-296 : Dokument opublikovan ne byl // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
24. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) : Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
25. Google Offices : Google Company : sajt. – Mountain View, CA, USA., 2023. – URL: https://about.google/intl/ALL_ru/locations/?region=europe (data obrashcheniya: 03.12.2023).
26. O Rossii "s lyubov'yu" : stat'ya v zhurnale "Ogonyok" : sajt. – Moskva., 2013. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/2263436 (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
27. Kodeks Rossijskoj Federatsii ob administrativnyh pravonarusheniyah : Federal'nyj zakon ot 30.12.2001 № 195-FZ // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
28. Rossijskij sud vpervye nalozhil na Google oborotnyj shtraf na 7,2 mlrd rublej : novostnaya publikatsiya TASS : sajt. – Moskva., 2021. – URL: https://tass.ru/obschestvo/13293047 (data obrashcheniya: 03.12.2023). Roskomnadzor predosteregaet dobrosovestnye internet-resursy ot hostinga na setevyh adresah CDN-servisa CloudFlare : novost' Roskomnadzora : sajt. – Moskva., 2014. – URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news24880.htm (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
29. Edinyj reestr domennyh imen, ukazatelej stranits sajtov v seti "Internet" i setevyh adresov, pozvolyayushchih identifitsirovat" sajty v seti "Internet", soderzhashchie informatsiyu, rasprostranenie kotoroj v Rossijskoj Federatsii zapreshcheno : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://eais.rkn.gov.ru/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
30. Reshenie Gajskogo gorodskogo suda Orenburgskoj oblasti № 2A-633/2020 2A-633/2020~M-560/2020 M-560/2020 ot 20.07.2020 po delu № 2A-633/2020 : Dokument opublikovan ne byl // SudAkt : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dm01kmaCGjW6/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj; Reshenie Dal'negorskogo rajonnogo suda Primorskogo kraya № 2A-625/2020 2A-625/2020~M-511/2020 M-511/2020 ot 29.07.2020 po delu № 2A-625/2020 : Dokument opublikovan ne byl // SudAkt : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/cLHXOGOPUtb6/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj; Reshenie Yasnenskogo rajonnogo suda Orenburgskoj oblasti № 2|2|A-178/2021 2|2|A-178/2021~M|2|-131/2021 M|2|-131/2021 ot 23.07.2021 po delu № 2|2|A-178/2021 : // SudAkt : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/EuxyTYT6ixrv/ (data obrashcheniya: 03.12.2023).
31. Reshenie Sharlykskogo rajonnogo suda Orenburgskoj oblasti № 2A-520/2021 2A-520/2021~M-439/2021 M-439/2021 ot 16.11.2021 po delu № 2A-520/2021 : Dokument opublikovan ne byl // SudAkt : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/9w8jlo4YW1UO/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). –Tekst: elektronnyj; Reshenie Sovetskogo rajonnogo suda g. Orska Orenburgskoj oblasti № 2A-961/2020 2A-961/2020~M-838/2020 M-838/2020 ot 29.07.2020 po delu № 2A-961/2020 : Dokument opublikovan ne byl // SudAkt : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/3gNbHrifiG1d/ (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
32. Reshenie Yasnenskogo rajonnogo suda Orenburgskoj oblasti № 2|2|A-118/2020 2|2|A-118/2020~M|2|-128/2020 M|2|-128/2020 ot 29.07.2020 po delu № 2|2|A-118/2020 // SudAkt : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/iCINz4unG7UV/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). –Tekst: elektronnyj.
33. Khosting sajta : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://2ip.ru/guess-hosting/?domain=https%3A%2F%2Fwww.ozon.ru%2F+ (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.

34. Proverka poseshchaemosti sajta be1.ru : sajt. – Moskva, 2023. – URL: https://be1.ru/stat/ozon.ru (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
35. Application for an Order pursuant to Section 3(b)(2) of the Investment Company Act of 1940 Declaring that Cloudflare, Inc. is primarily engaged in a business other than that of investing, re investing, owning, holding, or trading in securities : US Securities and Exchange Commission (SEC) : sajt. – Washington, DC., 2023. – URL: https://www.sec.gov/edgar/search/#/q=Cloudflare%252C%2520Inc. (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
36. About us : Cloudflare, Inc. : sajt. – San Francisco., 2023. – URL: https://www.cloudflare.com/about-overview/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Rezhim dostupa: obshchedostupnyj. – Tekst: elektronnyj.
37. Moscow, Russia: CloudFlare's 83rd data center : The Cloudflare Blog : sajt. – San Francisco., 2016. – URL: https://blog.cloudflare.com/moscow/ (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
38. Cloudflare, Inc. : sajt. – San Francisco., 2023. – URL: https://www.cloudflare.com/connectivity-cloud/ (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
39. Douglas Kramer, General Counsel : Cloudflare, Inc. : sajt. – San Francisco., 2023. – URL: https://cloudflare.net/governance/board-of-directors/person-details/default.aspx?ItemId=23c8547c-a748-4e3f-83f8-af50972ca468 (data obrashcheniya: 03.12.2023). Tekst: elektronnyj.
40. Uchashchiesya kursa "Razvedyvatel'nyj analiz informatsii", USAID, United States Agency for International Development : ver. 1.01 10.01.2022 : vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota / uchashchiesya kursa "Razvedyvatel'nyj analiz informatsii" ; Agentstvo "R-Tekhno". – Moskva., 2022. – 83 s.– URL: https://r-techno.com/files/USAID.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
41. Joint CIA/USAID Terrorist Investigations Course 17 : USAID : sajt. – Washington DC., 2023. – URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAC304.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2023). Tekst: elektronnyj.
42. Ejdzhi, F. Za kulisami TSRU : Dnevnik sotrudnika amerikanskoj razvedki / F. Ejdzhi; sokr. per. s angl. L. M. Kashina. – Moskva. : Voenizdat, 1979. – 464 s. – Tekst : neposredstvennyj.
43. Kommentarij ofitsial'nogo predstavitelya MID Rossii A.K.Lukashevicha o prekrashchenii deyatel'nosti v Rossijskoj Federatsii Agentstva SSHA po mezhdunarodnomu razvitiyu (USAID) : novost' MID RF : sajt. – Moskva., 2012. – URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1625294/?lang=ru (data obrashcheniya: 03.12.2023).– Tekst: elektronnyj.
44. Uchashchiesya kursa "Razvedyvatel'nyj analiz informatsii" Antonov R. O., Atlanov K. N., Gajdar O. S., Speranskij D. V., NED, National Endowment for Democracy : ver. 1.00 29.03.2022 : vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota / uchashchiesya kursa "Razvedyvatel'nyj analiz informatsii" Antonov R. O., Atlanov K. N., Gajdar O. S., Speranskij D. V. ; Agentstvo "R-Tekhno". – Moskva., 2022. – 111 s. – URL: https://r-techno.com/files/NED.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
45. Cloudflare otkazalsya otklyuchat' rossijskih pol'zovatelej : novostnaya publikatsiya Kommersant : sajt. – Moskva., 2022. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5249816?ysclid=lpzwbisops886151401
46. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informatsii, informatsionnyh tekhnologiyah i o zashchite informatsii" i Federal'nyj zakon "O svyazi" : Federal'nyj zakon ot 31.07.2023 № 406-FZ // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema.
47. Ob informatsii, informatsionnyh tekhnologiyah i o zashchite informatsii : Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
48. Ob utverzhdenii trebovanij o zashchite informatsii pri predostavlenii vychislitel'noj moshchnosti dlya razmeshcheniya informatsii v informatsionnoj sisteme, postoyanno podklyuchennoj k informatsionno-telekommunikatsionnoj seti "Internet" : Prikaz Mintsifry Rossii ot 01.11.2023 № 936 // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
49. Ob utverzhdenii Pravil vzaimodejstviya provajderov khostinga s upolnomochennymi gosudarstvennymi organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost' ili obespechenie bezopasnosti Rossijskoj Federatsii : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.11.2023 № 1952 // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023).
50. Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya i vedeniya reestra provajderov khostinga : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.11.2023 № 2008 // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.
51. Ob utverzhdenii Pravil napravleniya provajderom khostinga uvedomleniya o nachale osushchestvleniya deyatel'nosti po predostavleniyu vychislitel'noj moshchnosti dlya razmeshcheniya informatsii v informatsionnoj sisteme, postoyanno podklyuchennoj k informatsionno-telekommunikatsionnoj seti "Internet" : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.11.2023 № 2009 // Konsul'tantPlyus : sprav.-pravovaya sistema. (data obrashcheniya: 03.12.2023). – Tekst: elektronnyj.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 363–367.

УДК 342

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Великая О. С.
Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России

Автором установлено, что действовавшая к концу XX – началу XXI вв. в. правовая система организации перевозки заключенных в условиях 21 века потребовала существенного реформирования. Это отображено в предложениях правительства по закону о перевозке, а также внесением корректив в данный процесс законом о тюрьмах и законом о пробации (806/2011), законом по полиции (872/2011), реформой закона о предварительном заключении 2019 г. и т.д.

Сделан вывод, что проблемы правовой организации перевозки заключенных в Финляндии во второй половине XX вв. стали предметом регулирования серии нормативно-правовых актов, как непосредственно регулирующих данный вопрос, так и затрагивающий отдельные вопросы перемещения задержанных и осужденных в ходе работы суда, следственных действий, деятельности пенитенциарных учреждений, служб пробации и т.п. В тоже время, в условиях первой четверти 21 в. базовая часть данной процедуры, построенная на законе 1954 г. существенно устарела и стала требовать не принятия отдельных дополнений и изменений, а нового, комплексного, согласованного с современными условиями нормативного акта, проект которого был подписан 17 декабря 2010 г.

Ключевые слова: Финляндия, пенитенциарная система, перевозка заключенных, декрет, закон, правила, тюремный водитель, вагон.

Как известно, важнейшими нормативным актом в Финляндии в межвоенный период, регулирующими вопросы перевозки заключенных являлись Закон «о перевозке заключенных» от 17 июня 1925 г. (220/25) [1], а также Закон «о перевозке заключенных» 13 июля 1926 г. конкретизировал данный процесс более детально [2]. Основными его новеллами можно считать создание институтов перевозчиков заключенных (особо нанятые для данного процесса лица), а также установление станций, участков и остановок, где концентрировались для отправления заключенные или же принимались после процесса транспортировки [3, с. 425-433].

Однако, не смотря на их полноту, указанные нормативные акты не могли урегулировать весь круг вопросов, касающихся перевозки временно задержанных и заключенных. Так, уже в 1929 г. было принято «Положение о порядке доставки лица, помещенного в учреждение, тюрьму» [4]. В 1934 г. принят декрет об упразднении пенитенциарного вокзала Рийхимяки (487/1934) [5], а в 1935 г. – отменено решение правительства о компенсации сотрудникам полиции за перевозку заключенных (416/1935) [6].

Изменения социально-экономических и политических условий в Финляндии после 2-й Мировой войны, обусловило переосмысление и эволюции множества ранее применявшихся подходов, в том числе и в отношении перевозки заключенных.

31 марта 1954 г. был принят «Указ о тюремном транспорте» (вступил в силу 1.07.1954) [7], касающийся перевозки заключенных, и, соответственно, отменявший Закон 1926 г. от 13 июля, и принятые на его основе иные нормы

Он состоял из таких глав как: гл. 1 «Общие положения»; гл. 2 «Перевозка заключенных»; гл. 3 «Перевозка заключенных в полицейском участке»; гл. 4 «Тюремный

водитель». Им устанавливалось, что транспортировка в тюрьму осуществляется полицией и тюремными властями (§1).

Ответственность за высшее управление и надзор за перевозкой заключенных со стороны полиции возлагалось на МВД, а в случае транспортировки пенитенциарными властями – на министерство юстиции.

Транспортировка заключенных в графстве должна была управляться и контролироваться правительством провинции и окружным тюремным советом, соответственно. В свою очередь начальник полицейского участка должен был следить за тем, чтобы находящиеся под его командованием строго соблюдали правила и инструкции по перевозке заключенных (§2).

На тюремной администрации возлагалась забота о транспортировке между инициативой заключенного, между тюрьмой и железнодорожными вагонами и различными тюремными вагонами, а также между тюремным вагоном. В случае, когда заключенный должен быть доставлен из тюрьмы в суд в муниципалитете, где была тюрьма, или если заключенный переводился из тюрьмы в больницу для лечения, транспортировка также возлагалась на тюремную администрацию.

Иная перевозка заключенных возлагалась на полицейские власти (§3).

Для перевозимого заключенного орган, отдающий распоряжение о перевозке, должен был составить паспорт заключенного, в котором указывалось: 1) фамилия, имя, дата рождения, род занятий и место жительства заключенного; 2) причина лишения свободы; 3) место, куда направляется заключенный; 4) цель транзитной операции; 5) меры безопасности, принимаемые во время перевозки; 6) дата и номер паспорта и доверителя.

Что касается насилия со стороны заключенного и того, были ли основания опасаться, что заключенный попытается сбежать, то соответствующую запись следовало сделать в паспорте.

Если заключенный был приговорен к наказанию, то в паспорте также должно быть записано: 1) суд; 2) дата принятия решения; 3) преступление и наказание; 4) декларирование и подчинение недовольства (§4).

Транспортировка должна быть организована таким образом, чтобы она не наносила вреда здоровью заключенного (§5), и производилась без ненужных задержек. При этом в выходные и праздничные дни заключенных позволялось перевозить только в случае необходимости.

Перевозка должна была осуществляется, по возможности, по железной дороге в постоянных тюремных вагонах, но в ином случае кратчайшими и наиболее подходящими средствами (§6).

Перевозимое лицо должно было находиться под тщательной охраной. При необходимости его позволялось заковать в кандалы, однако, без особых причин заковывать женщин не рекомендовалось (§7).

О нарушениях на транспорте следовало сообщать в полицию в срочном порядке, а любое отклонение от порядка паспорта заключенного полагалось зафиксировать в паспорте заключенного.

Для постоянной перевозки заключенных по железной дороге должен был использоваться либо специальный тюремный вагон, либо изолированный отсек другого вагона. При этом, на постоянных тюремных вагонах всегда должен сбыл находится один или несколько охранников (§8).

В случае дополнительной перевозки заключенных по железной дороге в первоочередном порядке должна использоваться кредитная перевозка (§9).

Собственно, перевозка заключенных должна быть организована так, чтобы заключенный не подвергался излишнему вниманию общественности.

При этом, заключенный, одетый в тюремную одежду, не мог перевозиться среди других пассажиров в поезде, автобусе, на корабле или другом транспортном средстве без уважительной причины (§10).

Перевозка заключенных в полицейском округе должна была осуществляться специальным тюремным водителем, если только министерство внутренних дел не определяло это как часть обязанностей полиции в соответствующем округе. Также МВД могло после консультаций с соответствующими органами распорядиться о том, чтобы перевозка заключенных из 2-х или более полицейских округов осуществлялась одним водителем (§11).

Заключенный должен был содержится под стражей во время нахождения вне нерельсового транспорта в полицейской тюрьме или другом следственном изоляторе, утвержденном МВД (§12). При этом подробные инструкции по перевозке заключенных в уездных полицейских округах даются правительством провинции после согласования этого как с полицией, так и с тюремным управлением с правлением соответствующей окружной тюрьмы (§13).

Что касается тюремного водителя, то он должен был назначается провинциальным правительством по соглашению после тридцатидневного периода подачи заявления в течение максимум 3-х лет за один раз.

Заявления, сопровождаемые уведомлением о требуемой компенсации и другой необходимой информацией, следовало представлять начальнику полицейского округа, который давал свое мнение по заявлениям и направлял их в областное правительство.

В договоре с тюремным водителем должны были содержаться права и обязанности его должности (§14). В случае, когда водитель тюрьмы был лишен возможности выполнять свои обязанности, он должен был назначить заместителя, утвержденного начальником полицейского округа (§15).

Тюремный водитель должен был обеспечивать заключенного жильем и питанием и перевозить его, как указано в паспорте заключенного, до места судебного заседания, полицейской тюрьмы, другого тюремного водителя, тюремного вагона или тюрьмы. Если заключенного сопровождает специальный охранник, тюремный водитель должен также предоставить ему жилье и поездку (§16).

Водитель был обязан после получения уведомления прибыть в тюрьму, на железнодорожную станцию, судовую платформу или в другое подобное место, чтобы принять перевозимого им заключенного. Во время постоянной смены транспортировки заключенных водитель был обязан прибыть в соответствующий пункт приема, согласованный во время казни (§17).

С целью отчетности, каждый год власти, депортирующие заключенных, должны вести список транзитных операций с указанием номера паспорта, даты, имени лица, находящегося в пути, и места, куда был отправлен заключенный (§18). Списки для перевозки и содержания под стражей заключенных определялись МВД и министерством юстиции (§19).

Перевозка и обращение с заключенным во время перевозки должны соответствовать, в соответствующих случаях, положениям Декрета о пенитенциарных учреждениях (86/50). При этом, полицейские власти имеют право разрешать заключенному выходить под охраной для посещения близкого родственника, который слабо болен, или для прощания с близким родственником при его смерти (§20).

Более подробные положения о применении рассматриваемого Регламента устанавливались МВД в случае транспорта полицейским органом после консультаций с Министерством юстиции и, в других отношениях, Министерством юстиции после консультаций с МВД (§21).

Изменения в данный акт были внесены 2 июня 1967 г. («Декрет внесение поправок в Положение о тюремном транспорте»), согласно которым статьи 4(3) и 18 Декрета о тюремном транспорте от 31 марта 1954 года (165/54) изменялись следующим образом:

«§4. Когда суд выносит лицо, которому предъявлено обвинение или приговорено к отбытию наказания, паспорт заключенного должен быть составлен на бланке, отпечатанном Министерством юстиции. Соответствующие органы бесплатно получают бланки из Государственного полиграфического центра».

«Статья 18. Власти, осуществляющие транзит заключенных, за исключением судов и тюрем, должны вести ежегодный список транзитных операций с указанием номера паспорта, даты, имени паспорта и места, куда был направлен заключенный» [8].

17 июня 1988 г. были приняты дополнительные поправки в закон 1954 г. В частности, статья 4(3) Декрета от 31 марта 1954 г. о перевозке заключенных (165/54), изложенного в указе 250/67 от 2 июня 1967 г. (250/67), изменена следующим образом: «Статья 4. Суд должен оформить паспорт заключенного на бланке, отпечатанном Министерством юстиции. Соответствующие органы бесплатно получают бланки из Государственного полиграфического центра» [9].

18 апреля 2002 г., принято «Постановление Правительства внесение поправок в статью 3 Декрета о тюремном транспорте», согласно которому устанавливалось, что «В нарушение пунктов 1 и 2 министерство юстиции и министерство внутренних дел могут договориться о разделении обязанностей между тюремными властями и полицейскими властями на пенитенциарной основе, когда это целесообразно с учетом ресурсов, имеющихся в распоряжении тюремных и полицейских властей, а также региональных или местных условий» [10].

В тоже время, можно указать, что действовавшая к концу XX – началу XXI вв. в. правовая система организации перевозки заключенных в условиях 21 века потребовала существенного реформирования. Это отображено в предложениях правительства по закону о перевозке [11], а также внесением корректив в данный процесс законом о тюрьмах и законом о пробации (806/2011), законом по полиции (872/2011), реформой закона о предварительном заключении 2019 г. и т.д. [12].

Таким образом можно сделать вывод о том, что проблемы правовой организации перевозки заключенных в Финляндии во второй половине XX вв. стали предметом регулирования серии нормативно-правовых актов, как непосредственно регулирующих данный вопрос, так и затрагивающий отдельные вопросы перемещения задержанных и осужденных в ходе работы суда, следственных действий, деятельности пенитенциарных учреждений, служб пробации и т.п. В тоже время, в условиях

первой четверти 21 в. базовая часть данной процедуры, построенная на законе 1954 г. существенно устарела и стала требовать не принятия отдельных дополнений и изменений, а нового, комплексного, согласованного с современными условиями нормативного акта, проект которого был подписан 17 декабря 2010 г.

Список литературы:

1. Laki vankien kuljettamisesta. 17 июня 1925 года. – (Текст : электронный) –URL: Викитека (wikisource.org) C:\Temp\HE0028.v03.pdf.pdf (eduskunta.fi). (дата обращения – 12.02.2024)
2.Laki vankien kuljettamisesta. 13 июля 1926 г. – URL: Постановление о перевозке заключенных — Викитека (fi-wikisource-org.translate.goog) (дата обращения – 12.02.2024)
3.О. С. Великая. Правовое регулирование перевозки заключенных в Финляндии в 1920-х гг. // Право: история и современность. Т. 6, №4. 2022. С. 425-433.
4.Asetus menettelystä työlaitokseen otetun henkilön toimittamisessa vankilaan. - 1929 - Författningsändringsregister - FINLEX ® (дата обращения – 12.02.2024)
5.Asetus Riihimäen vankiaseman lakkauttamisesta. – URL: 487/1934 - Författningsändringsregister - FINLEX ® (дата обращения – 12.02.2024)
6.Päätös poliisimiehille maalla vankien kuljettamisesta tulevaa korvausta koskevan valtioneuvoston päätöksen kumoamisesta. – 416/1935 - Resultat - Författningsändringsregister - FINLEX ® – (дата обращения – 12.02.2024)
7.Asetus vankien kuljettamisesta (165/1954). – URL: 165/1954 - Справочник законодательных поправок - FINLEX ® – (дата обращения – 12.02.2024)
8.Förordningangående ändring liv förordningen om fångforsling. Given i Helsingfors den 2 juni 1967. – URL: Förordning angående ändring liv förordningen… 250/1967 - Ursprungliga författningar - FINLEX ® (дата обращения – 12.02.2024)
9.Förordningom ändring av 4 § förordningen om fångforsling. Given i Helsingfors den 17 juni 1988. – URL: Förordning om ändring av 4 § förordningen om… 576/1988 - Ursprungliga författningar - FINLEX ® (дата обращения – 12.02.2024)
10. Valtioneuvoston asetus Vankien kuljettamisesta annetun asetuksen 3 §:n muuttaminen. – URL: Постановление Правительства 3... 308/2002 - Первоначальный устав - FINLEX ®; LAUSUNTOJA JA SELVITYKSIÄ 2003:22 Selvitys vanginkuljetuksen nykytilasta (дата обращения – 12.02.2024)
11. Tarjous Hallitus eduskunnalle laista vankikuljetusten hankinnasta yksityisiltä palveluntarjoajilta. – URL: He 320/2010 | ЭДИЛЕКС (edilex.fi) (дата обращения – 12.02.2024)
12. Rikosseuraamuslaitoksen monisteita 2/2021 Rikosseuraamuslaitoksen turvallisuuden ja valvontatyön ulkoinen arviointi. Jyri Paasonen. 11.5.2021. – S. 76. – Rikosseuraamuslaitoksen turvallisuuden ja valvontatyön ulkoinen arviointi (дата обращения – 12.02.2024)

Velikaya O. S. Regulation of prisoner transportation in finland in the second half of the XX – early XXI centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 363–367.

The author has established that the V. The legal system for organizing the transportation of prisoners in the 21st century required significant reform. This is reflected in the government's proposals for the law on transportation, as well as the introduction of adjustments to this process by the law on prisons and the law on probation (806/2011), the police law (872/2011), the reform of the law on pre-trial detention 2019, etc. d. It is concluded that the problems of the legal organization of transport of prisoners in Finland in the second half of the twentieth century. became the subject of regulation by a series of normative legal acts, both directly regulating this issue and affecting individual issues of the movement of detainees and convicts during the work of the court, investigative actions, the activities of penitentiary institutions, probation services, etc. At the same time, in the conditions of the first quarter of the 21st century. the basic part of this procedure, built on the law of 1954, has become significantly outdated and began to require not the adoption of individual additions and changes, but a new, comprehensive normative act consistent with modern conditions, the draft of which was signed on December 17, 2010.

Key words: Finland, penitentiary system, transportation of prisoners, decree, law, rules, prison driver, carriage.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 368–375.

УДК 343.851.3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВАСТОПОЛЯ И МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Крайнова Н. А., Киселев Д. В., Павленко В. А.

Севастопольский государственный университет

Противодействие коррупции остается одним из важнейших направлений реализации государственной политики, направленной на формирование сильного государства, способного противостоять как внутренним, так и внешним угрозам. На уровне Российской Федерации принимаются значительные усилия по формированию эффективного антикоррупционного законодательства, выстраиванию стройной системы профилактики коррупционных правонарушений. Однако, учитывая существенные территориальные различия, значительную специфику российских регионов, значение приобретает изучение не только федерального опыта противодействия данному негативному явлению, но и региональный опыт антикоррупционной деятельности. В данной работе авторы проанализировали законодательство и статистические показатели коррупционной преступности в двух схожих по некоторым признакам регионах: Севастополе и Мурманской области. На основании исследования сделаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства в обоих регионах. Изучение статистических данных о получении взятки, дачи взятки, злоупотреблении должностными полномочиями в Севастополе и Мурманской области демонстрируют тенденции снижения с 2015 по 2020 год и повышения с 2021 года, характерные для обоих регионов, что предопределяет необходимость внимательного отношения к проектированию и реализации региональной антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, дача взятки, получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями.

Противодействие коррупции является одним из ключевых направлений деятельности государства, обеспечивающего его стабильное функционирование. Пристальное внимание к антикорррупционной политике обусловлено значительной социальной «злостностью» коррупции, которая создает серьезные препятствия для развития экономики, снижает доверие населения к органам власти, способствует нарушению законности [8, с. 261; 12, с. 21-22].

Несмотря на принимаемые государством серьезные усилия [9; 10; 11, с. 173], уровень коррупционной преступности остается стабильно высоким. Так, согласно данным официальной статистики в 2023 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 22711 преступлений коррупционной направленности, что на 3,4% больше аналогичного показателя за прошлый год [1]. Такая ситуация не может не вызывать беспокойства, что предопределяет целесообразность исследования эффективности принимаемых государством мер в целях определения «болевых точек» и целенаправленного воздействия на них.

Антикоррупционная деятельность на территории Российской Федерации развернута в различных плоскостях: на федеральном [7], региональном и местном уровнях. Безусловно, анализ противодействия коррупции в масштабе всей страны представляется весьма значимым, однако, как справедливо отмечают и другие исследователи, «в рассматриваемом контексте нас интересует не столько восприятие указанных выше вопросов в столице страны, сколько на региональном уровне, где сосредоточено более 90% населения, и условия противодействия коррупции существенно отличаются от столичных» [2, с. 132].

В целях настоящего исследования для сравнения регионального опыта противодействия коррупции были избраны Севастополь и Мурманская область ввиду того, что оба субъекта Российской Федерации: 1) обладают примерно одинаковой численностью населения (согласно официальным данным в Севастополе проживают 550 тыс. человек, в Мурманской области – 658 тыс. человек); 2) имеют выходы к морю; 3) являются военными форпостами России (в Севастополе Черноморский флот, Северный Флот в Мурманской области по некоторым данным насчитывают примерно по 25 тыс. человек); 4) являются стратегически важными регионами России (Севастополь имеет выходы в Черное, Средиземное и др. моря, Мурманская область – выход в Арктику).

В обоих анализируемых регионах разработаны и приняты нормативно-правовые документы, представляющие собой законодательную основу противодействия коррупции. Это Закон города Севастополя от 11 июня 2014 г. № 30-ЗС «О противодействии коррупции в городе Севастополе» [5] и Закон Мурманской области от 26 октября 2007 г. № 898-01-ЗМО «О противодействии коррупции в Мурманской области» [6].

Проведенный контент-анализ текста обоих законов позволяет сделать вывод о том, что в основном оба дублируют федеральное законодательство, в силу чего достаточно похожи. Однако, исследованием отмечены и различия. Так, закон г. Севастополя более конкретно регламентирует деятельность того или иного органа власти в сфере антикоррупционной деятельности (ст. 6.1). Также соответствующий нормативно-правовой акт Севастополя более подробно описывает процедуру отчетности о реализации антикоррупционных мер (ст. 18). В то время как в законе Мурманской области подобная норма вообще отсутствует.

Закон Севастополя «О противодействии коррупции в городе Севастополе» детально регламентирует порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов (ст. 17.1), чего не делает законодатель Мурманской области. П. 4 ст. 11 закона Севастополя регламентирована работа антикоррупционных комиссий: таковые вправе создавать рабочие группы, запрашивать у государственных органов Севастополя, органов местного самоуправления и у должностных лиц сведения, документы и материалы, необходимые для осуществления антикоррупционного мониторинга.

Законом Мурманской области «О противодействии коррупции в Мурманской области» конкретизировано взаимодействие с некоммерческими организациями. Так, в качестве меры по профилактике коррупции предусмотрена возможность оказания государственной поддержки формированию и деятельности общественных объединений, создаваемых в целях противодействия коррупции. В ст. 9 под государственной поддержкой подразумевается совокупность организационных, организационно-технических, правовых, экономических и иных мер, направленных на укрепление и развитие общественных объединений и некоммерческих организаций, имеющих и реализующих в качестве уставных целей и задач противодействие коррупции. В Севастопольском законе такой детализации нет: взаимодействие государственных органов с НКО лишь упоминается (ст. 14). Часть 2.1 ст. 4 закона Мурманской области предусматривает рассмотрение в органах государственной власти Мурманской области и (или) межведомственных коллегиальных органах по противодействию коррупции, создаваемых органами государственной власти Мурман-

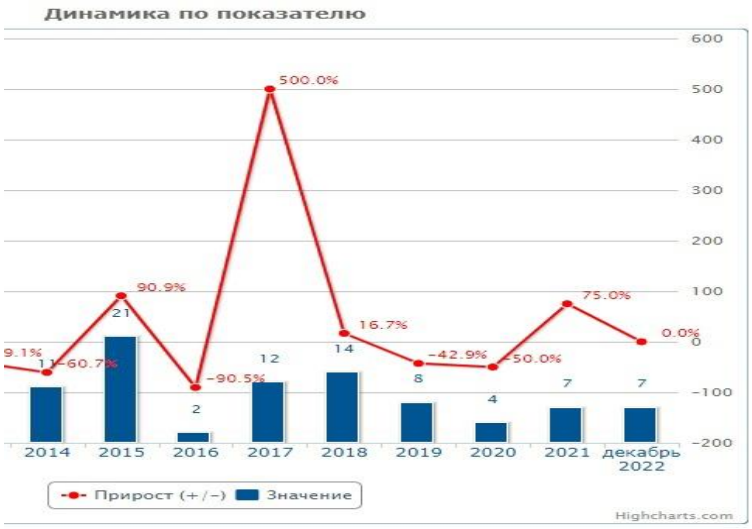
ской области, не реже одного раза в квартал вопросов правоприменительной практики по результатам вступивших в законную силу решений судов, арбитражных судов о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) указанных органов, организаций и их должностных лиц в целях выработки и принятия мер по предупреждению и устранению причин выявленных нарушений. В соответствующем нормативно-правовом акте Севастополя подобная регламентация отсутствует.

Обобщенный анализ нормативно-правового регулирования противодействия коррупции в Севастополе и Мурманской области позволяет сделать вывод о том, что в целом антикоррупционная нормативно-правовая база обоих регионов достаточная и заслуживает поддержки. Однако, как представляется, в качестве рекомендации следует предложить законодателю Севастополя обратить внимание на практику государственной поддержки некоммерческих объединений, противодействующих коррупции, реализуемую в Мурманской области. В тоже время рекомендовать детализировать полномочия государственных органов в сфере противодействия коррупции в законодательстве Мурманской области.

Достаточно позитивное антикоррупционное законодательство и правоприменительная практика в Севастополе и Мурманской области оказывают влияние и на криминологическую характеристику соответствующей преступности. Проведенным исследованием зафиксировано относительно небольшое количество преступлений коррупционной направленности в обоих регионах. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ и Севастополь, и Мурманская область в 2021 г. вошли в топ регионов с самым низким уровнем коррупции. В самой Генеральной прокуратуре отметили, что «в коррупционных сводках всегда будут лидировать регионы, где сосредоточено обращение финансовых активов» [3]. Понятно, что особенности современной геополитической ситуации, оказывающей непосредственное влияние на экономическое развитие страны, предопределяют специфику оборота финансовых потоков в анализируемых регионах. Но, как представляется, нельзя сбрасывать со счетов и качественную работу контролирующих государственных органов, а также особенности менталитета населения анализируемых регионов, что в совокупности проявляется в относительно позитивной криминологической картине коррупционной преступности.

Однако тревогу вызывает наметившаяся за последние 2 года негативная тенденция роста преступных коррупционных проявлений в обоих субъектах федерации. Так, анализ статистических показателей привлечения к уголовной ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) в Севастополе в 10-летней динамике демонстрирует в целом снижение, однако в 2021 и 2022 гг. отчетливо наблюдается рост (рисунок 1).

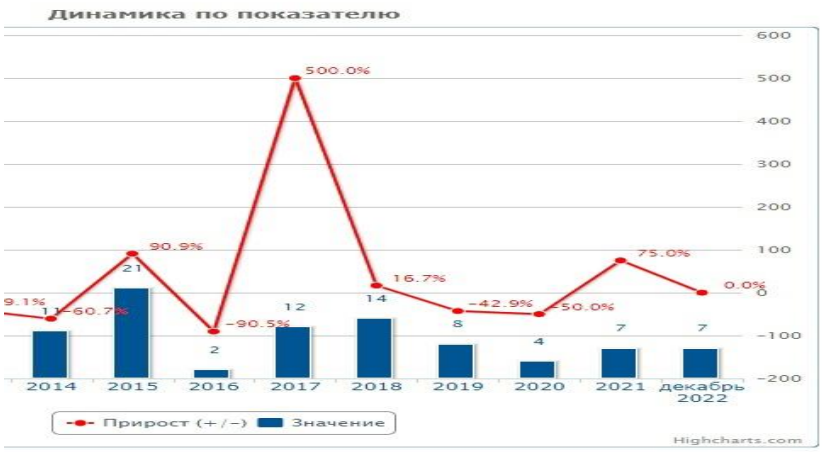
Рисунок 1. Динамика уголовной ответственности за получение взятки в Севастополе



В Мурманской области в целом наблюдается снижение показателя, хотя в целом количество зарегистрированных преступлений выше, чем в Севастополе (рисунок 2).

В результате настоящего исследования выявлено, что в обоих регионах в 2015 г. наблюдался существенный рост зарегистрированных случаев получения взятки. В Севастополе он значительно выше, что можно объяснить увеличением государственных инвестиций в развитие региона, что также предопределило формирование благоприятной среды для «любителей наживы».

Рис. 2. Динамика уголовной ответственности за получение взятки в Мурманской области.



Проведенный анализ показателей регистрируемых случаев привлечения к уголовной ответственности за дачу взятки демонстрирует негативную тенденцию роста. Следует отметить, что количество возбужденных уголовных дел по ст. 291 УК РФ зачастую превышает количество реальных фактов получения взятки. Связано это, скорее всего, с тем, что регулярно проводятся различные мероприятия по выявлению взяточников. В Севастополе наблюдается относительная стабильность количества показателя выявляемых случаев дачи взяток (рисунок 3). Исключение составляет 2015 г., когда было зарегистрировано наибольшее число случаев, что свидетельствует, с одной стороны, об ухудшении состояния преступности по данному показателю, а с другой стороны, может быть результатом улучшения качества работы правоохранительных органов по борьбе с данными преступлениями.

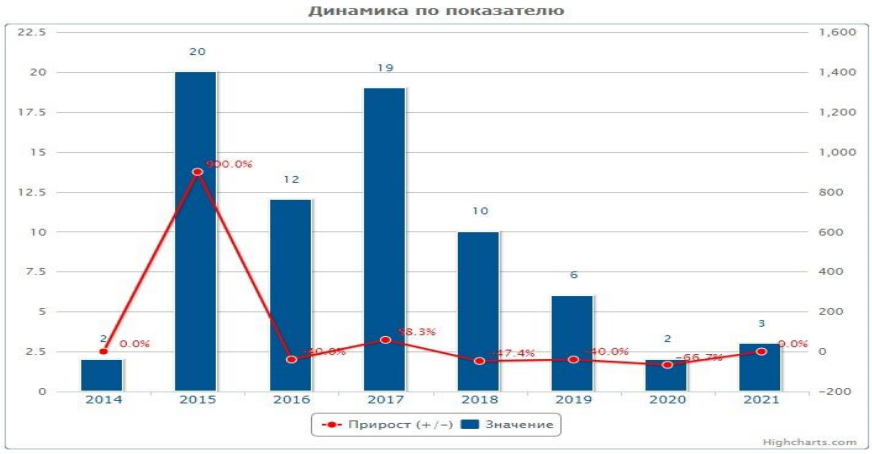
Рис. 3. Динамика уголовной ответственности за дачу взятки в Севастополе

В Мурманской области в 2014 г. было зарегистрировано значительное количество случаев дачи взяток (53) (рисунок 4), но в последующие годы это число снижалось и стабилизировалось на уровне от 3 до 9 случаев.

Рисунок 4. Динамика уголовной ответственности за дачу взятки в Мурманской области

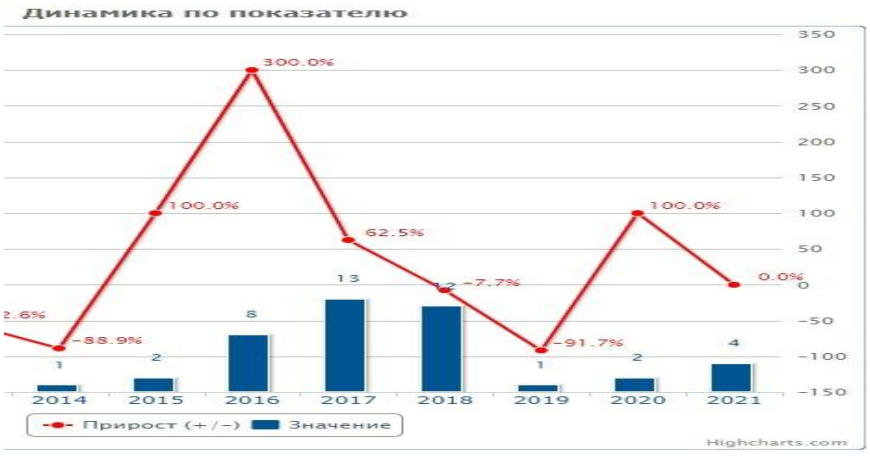
Сравнение показателей зарегистрированных в Севастополе и Мурманской области преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, демонстрирует некоторые различия. Так, в Севастополе, по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) выделяется период с 2015 по 2018 год, за который произошел резкий скачок преступности и довольно быстрый спад в дальнейшем (рисунок 5). Как представляется, подобные изменения можно увязать с тем, что российские нормы и законы только начали действовать, и значительное количество государственных служащих еще не научились или не хотели соблюдать российское законодательство. Однако в дальнейшем ситуация изменилась в лучшую сторону, что отразилось на динамике преступности, связанной со злоупотреблением должностными полномочиями.

Рисунок 5. Динамика уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в Севастополе



В Мурманской области статистические показатели регистрируемых случаев злоупотребления должностными полномочиями довольно ровные, за исключением резкого прироста в 2016, 2017 и 2018-ом годах, и затем такого же быстрого спада (рисунок 6). Можно предположить, что резкий рост анализируемого вида преступности в Мурманской области за указанный период можно отчасти объяснить увеличением государственных инвестиций в регион. Это подтверждается данными других исследователей, которые отмечают, что «за период с 2015 по 2019 годы инвестиции в основной капитал имеют положительную динамику…» [4].

Рисунок 6. Динамика уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в Мурманской области



Таким образом, проведенное исследование антикоррупционного законодательства и особенностей криминологической характеристики коррупционной преступности в Севастополе и Мурманской области позволяют говорить о том, что, несмотря на некоторые различия, в целом оба региона РФ имеют в своем арсенале достаточно проработанный и эффективный набор правовых инструментов, способных гарантировать успешность противопреступной деятельности в рассматриваемой сфере. Проведенный сравнительный анализ статистических показателей регистрируемых преступлений коррупционной направленности позволил сделать вывод о том, что после пика в 2015 г. к 2021г. показатели преступности стабилизировались, что также свидетельствует об успешности принимаемых в регионах мер. В 2021 г. наблюдается рост по показатели получения взятки, что предопределяет необходимость внимательного отношения к реализации антикоррупционных мер.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. – Текст электронный // МВД РФ : [сайт] – URL: https://мвд.рф/reports/item/42989123/. (дата обращения 31.01.2024).
2. Воронцов С.А. О некоторых особенностях противодействия коррупции на региональном уровне / С.А. Воронцов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. - № 1. - С. 130-134.
3. В Генпрокуратуре назвали лидирующие регионы по уровню коррупции. Текст электронный // РБК. Ру: [сайт] – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60470a1e9a79472b51a390b0. (дата обращения 31.01.2024).
4. Иватин Д.В., Кудревич В.В. Инвестиционный климат Мурманской области // ЭНЖ «Вектор Экономики». – 2021. - № 5. – Текст электронный // www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666 (дата обращения 05.02.2024).
5. Закон города Севастополя от 11 июня 2014 года № 30-ЗС «О противодействии коррупции в городе Севастополе» – Текст электронный // Правительство Севастополя : [сайт] – URL: https://sev.gov.ru/docs/214/513/ (дата обращения 11.02.2024).
6. Закон Мурманской области от 26 октября 2007 года № 898-01-ЗМО «О противодействии коррупции в Мурманской области». – Текст электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт] – URL: https://docs.cntd.ru/document/913512533 (дата обращения 11.02.2024).
7. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. - Текст электронный // СПС Консультант Плюс : [сайт] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ https://docs.cntd.ru/document/913512533 (дата обращения 11.02.2024).
8. Шестаков Д.А. С какой именно коррупцией мы намерены бороться? / Д.А. Шестаков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. - № 2. – С. 261-266.
9. Национальная стратегия противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 13.04.2010 г. № 460. - Текст электронный // Президент России : [сайт] – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/565 (дата обращения 11.02.2024).
10. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: Указ Президента РФ от 16.09.2021 г. № 478. - Текст электронный // СПС Гарант: [сайт] – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/. (дата обращения 11.02.2024).
11. Шакаров А.О. Борьба с коррупцией в России на законодательном уровне / А.О. Шакаров, М.М. Османов // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 172-176.
12. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / Н.А.Крайнова, Н.В.Радошнова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 174 с.

Krainova N.A., Kiselev D.V., Pavlenko V.A. Regional experience in combating corruption (on the example of sevastopol and the murmansk region) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 368–375.

Combating corruption remains one of the most important areas of implementation of state policy aimed at forming a strong state capable of countering both internal and external threats. Significant efforts are being made at the level of the Russian Federation to form effective anti-corruption legislation and build a coherent system for the prevention of corruption offenses. However, given the significant territorial differences and significant specifics of the Russian regions, it is important to study not only the federal experience of countering this negative phenomenon, but also the regional experience of anti-corruption activities. In this paper, the authors analyzed the legislation and statistical indicators of corruption crime in two regions that are similar in some respects: Sevastopol and the Murmansk region. Based on the research, specific proposals have been made to improve legislation in both regions. The study of statistical data on bribery, bribery, and abuse of office in Sevastopol and the Murmansk region demonstrate a downward trend from 2015 to 2020 and an in-

crease from 2021, characteristic of both regions, which determines the need for careful attention to the design and implementation of regional anti-corruption policy.

Keywords: corruption, anti-corruption, bribery, receiving bribes, abuse of official authority.

Spisok literatury:

1. A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January-December 2023. – Electronic text // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation : [website] – URL: https://мвд.рф/reports/item/42989123 /. (accessed 01.31.2024).
2. Vorontsov S.A. On some features of combating corruption at the regional level / S.A. Vorontsov // North Caucasian Legal Bulletin. - 2020. – No. 1. - pp. 130-134.
3. The Prosecutor General's Office named the leading regions by the level of corruption. The text is electronic // RBC. <url>: [website] – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60470a1e9a79472b51a390b0 (accessed 01.31.2024).
4. Ivatin D.V., Kudrevich V.V. Investment climate of the Murmansk region // ENJ "Vector of Economics". – 2021. - No. 5. – Electronic text // www.vectoreconomy.ru | Mass media E-mail no. FS 77-66790, ISSN 2500-3666 (accessed 05.02.2024).
5. Law of the City of Sevastopol dated June 11, 2014 No. 30-ZS "On combating corruption in the city of Sevastopol" – Electronic text // Government of Sevastopol : [website] – URL: https://sev.gov.ru/docs/214/513 / (date of application 02/11/2024).
6. Law of the Murmansk region dated October 26, 2007 No. 898-01-ZMO "On anti-corruption in the Murmansk region". – Electronic text // Electronic Fund of legal and regulatory documents : [website] – URL: https://docs.cntd.ru/document/913512533 (accessed 02/11/2024).
7. Federal Law "On Combating Corruption" dated 12/25/2008 No. 273-FZ. - Electronic text // SPS Consultant Plus : [website] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 / https://docs.cntd.ru/document/913512533 (date of appeal 02/11/2024).
8. Shestakov D.A. What kind of corruption do we intend to fight? / D.A. Shestakov // Actual problems of economics and law. - 2011. - No. 2. – pp. 261-266.
9. National Anti-Corruption Strategy: Decree of the President of the Russian Federation dated 04/13/2010 No. 460. – Electronic text // President of Russia: [website] - URL: http://www.kremlin.ru/supplement/565 (date of appeal 02/11/2024).
10. On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024: Decree of the President of the Russian Federation dated 09/16/2021 No. 478. - Electronic text // SPS Garant: [website] – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978 /. (accessed 02/11/2024).
11. Shakarov A.O. The fight against corruption in Russia at the legislative level / A.O. Shakarov, M.M. Osmanov // Education and law. – 2021. - No. 5. – pp. 172-176.
12. Legal foundations of anti-corruption: a textbook / N.A.Krainova, N.V.Radoshnova. – St. Petersburg: Publishing house of Spbsetu, 2021. – 174 p.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 376–384.

УДК 334.732.2:347.726

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА КРЕДИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КООПЕРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Невлев В. В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Белгород, Россия

В статье анализируются правовые и социально-экономические источники становления основ правового регулирования кредитной кооперации в современной России. Даны определение понятия «механизм регулирования», его отличительные качества. В процессе сравнительно-правового анализа выделены главные условия эффективности его действия в потребительской кооперации. Показано отличие юридических фактов от нормативных актов в процессе реализации норм права. Характеризуются юридические связи между субъектами кредитно-потребительских отношений. Выявлены правовые положения экономического, социального и организационного упорядочения мер воздействия на кооперативное потребительское кредитование. Представлен механизм правового регулирования в совокупности законодательных и общественных источников. Особо отмечены формы правового воздействия на сферу кредитной кооперации. Раскрыты полномочия Банка России в отношении кредитных кооперативов. Освещены компетенции саморегулируемых организаций кредитования. Показаны динамика развития и содержание принципов кредитной кооперации в российском законодательстве. Отмечена роль кредитной кооперации в социально-экономической жизни государства.

Ключевые слова: кредитная кооперация, правовое регулирование, механизм кредитной кооперации, российское законодательство, эффективность действия, юридические связи, правовые положения, источники правового регулирования, кредитные принципы, Банк России.

Кредитные потребительские кооперативы внесли существенный вклад в социально-экономическое развитие во всем мире. По данным ООН, жизнь почти трех миллиардов человек, то есть половины населения мира, обеспечивается такими кооперативами.

Россия имеет огромный исторический опыт и устойчивые традиции в области кооперативного движения. По оценке экспертов Ассоциации кооперативных организаций России, примерно 60 млн жителей страны так или иначе вовлечены в различные виды и формы кооперации. Хотя в отличие от производственных количество потребительских кооперативов увеличивается медленно, но они демонстрируют высокую эффективность в структуре экономики страны. При этом рост числа потребительских кооперативов сопровождается консолидацией их структур [2].

В России кредитная потребительская кооперация прошла сложный путь становления и развития. Она испытала на себе эпоху зарождения капитализма, рамки огосударствленной экономики, процессы хаотического реформирования. Принимавшиеся в этой сфере законодательные акты отражали соответствующие социально- экономические условия [7, с. 348-356].

В настоящее время кредитные потребительские кооперативы находятся на этапе возрождения. В условиях становления рыночных отношений потребительская кооперация как элемент гражданского общества является сдерживающим фактором всеобщей коммерциализации и, как следствие этого, возрастающей индивидуализации населения.

Обзор исходного состояния проблемы. Во многих странах мира кооперативная деятельность характеризуется как основа формирования «третьего», социального сектора экономики. Специфическая сфера экономики – кооперация требует адек-

ватного правового регулирования. Важнейшей составляющей процесса становления и развития потребительской кооперации является формирование законодательной базы.

За прошедшее десятилетие произошли существенные изменения в структуре российского законодательства о потребительских кооперативах. Принятие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) внесло существенные изменения в правовое положение потребительских кооперативов. Реализацией общих положений ГК служат федеральные законы об отдельных видах потребительских кооперативов. Действующее гражданское законодательство установило многообразие потребительских кооперативов и признало за ними статус юридического лица. У граждан возникла реальная возможность участвовать в деятельности организаций, основанных на демократических принципах, для решения имеющихся социально-экономических проблем. Постепенно расширяются и углубляются научные исследования в этой сфере. В научный оборот вошли новые правовые конструкции, институты, понятия, требующие глубокого осмыслениями [14].

Существенные изменения произошли в международно-правовом регулировании отношений с участием потребительских кооперативов. Концептуальным подходом в гражданско-правовом регулировании кредитных кооперативов является ориентация российского кооперативного законодательства на общепризнанные кооперативные принципы, закрепленные в Декларации о кооперативной идентичности, принятой XXXI Конгрессом Международного кооперативного альянса (далее – МКА) в Манчестере в 1995 г. и в Рекомендациях Международной организации труда (далее – МОТ) № 193 о содействии развитию кооперативов в 2002 г.

В российском законодательстве существует ряд значительных проблем правового характера, тормозящих развитие кооперативного сектора экономики и требующих своего разрешения. Действующие законы в области кредитной кооперации по ряду вопросов не согласуются с ГК и между собой. Нет четких критериев определения юридической личности потребительского кооператива, не определен правовой режим имущества кредитных кооперативов. Существуют проблемы, связанные с выяснением сущности организационно-уставных отношений [1].

В науке гражданского права многие проблемы теории и практики, гражданско-правового регулирования кредитной потребительской кооперации не получили должного изучения. В немногочисленных трудах, посвященных этой проблеме, исследованы гражданско-правовые аспекты отдельных видов потребительских кооперативов. В рассматриваемой области существует теоретический вакуум, отсутствует научно обоснованная концепция регулирования общественных отношений с участием кредитных потребительских кооперативов. Неразработанность теоретических проблем гражданско-правового регулирования отношений с участием кредитных кооперативов затрудняет адекватное восприятие действующего гражданского законодательства о потребительских кооперативах и разработку путей его дальнейшей модификации и совершенствования. Обозначенные обстоятельства явились предпосылкой для выбора темы данной статьи.

Аргументации заявленной проблемы способствовали работы А.В. Аверьянова. В.В.Витрянского, Д.Г. Плахотной, Д. Шастина. Сравнивались труды отечественных и таких зарубежных ученых, как Б. Балкенхол, С. Гилберт, Дж. Керолл, А. Селигман. При исследовании этапов становления отечественного законодательства о кредитной потребительской кооперации анализировались труды М.М. Агаркова, А.Н.

Анциферова, С.В. Бородаевского, М.Л. Хейсина, Р.О. Халфиной. Для выявления статуса кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества применялись положения и идеи, выработанные Л.Ю. Грудцыной, В.Д. Зорькиным. Имеются публикации автора по теме статьи.

Методологической базой данного исследования служит диалектический метод познания, предполагающий изучение правовых и социальных явлений в их развитии и взаимосвязи. В процессе изучения использованы общенаучные методы теоретического и эмпирического познания: анализ, абстрагирование, аналогия. Для решения прикладных задач применялись методы сравнения, корреляционного и сравнительно-правового анализа, экспертных оценок, выборочного наблюдения, группировок.

Главные условия действия правового механизма кредитования. Выбранной темой статьи является изучение механизма правового регулирования деятельности кредитной потребительской кооперации, которая составляет важную часть исследуемой проблемы. Экономическая специфика кредитования нуждается в особой правовой регламентации.

Механизм правового регулирования кредитной потребительской кооперации – это система правовых средств, направленных на законодательное, организационное, социально-экономическое упорядочение общественных отношений данной сферы, влияющих на развитие кооперативного кредитования. Правовое регулирование кредитной потребительской кооперации России осуществляется совокупностью формальных источников, то есть официально определенных форм внешнего выражения содержания права [6, с. 61-66].

Помимо государственного регулирования деятельности кредитных кооперативов предусмотрено существование института саморегуляции, назначение которого определяется регулированием и контролем деятельности, а также представлением и защитой интересов своих членов, реализуемых посредством объединения кооперативов в саморегулируемые организации кредитных кооперативов.

В ходе данного исследования с помощью сравнительно-правового анализа выявлена следующая закономерность. Эффективность действия механизма правового регулирования кредитной потребительской кооперации зависит от совокупности следующих главных условий: во-первых, отражения в нормах права интересов и потребностей членов (пайщиков) кредитных потребительских кооперативов; во-вторых, наличия детально регламентированных процедур правоприменения; в-третьих, создания положительного отношения общества к самому институту кредитной кооперации с одновременным повышением правовой грамотности населения.

Реализация норм нрава происходит, в большинстве случаев, посредством юридических фактов, которые отличаются от нормативных актов своим индивидуальным предназначением. Применительно к кредитной потребительской кооперации это происходит в установлении конкретных юридических связей между субъектами кредитно-потребительских отношений, порождающих, в свою очередь, их права и обязанности. Следовательно, целью правового регулирования, создания и деятельности кредитных потребительских кооперативов различных видов и уровней, союзов (ассоциаций), иных объединений кредитных потребительских кооперативов является осуществление реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников отношений по потребительскому кредитованию [15].

Невыполнение субъектом кредитных потребительских правоотношений, возложенных на него обязанностей, либо совершение им правонарушений ведёт к наступлению конкретных юридических последствий, выражающихся в возможности применения к нему государственного принуждения. Без реального обеспечения защиты прав и законных интересов пайщиков невозможно эффективное правовое регулирование института кредитной потребительской кооперации.

Легитимация любого правового акта, то есть обретение им социальной ценности, реализуется через включение юридической конструкции в идеологию и культуру конкретного общества. В данном смысле применительно к кредитной кооперации, ее месте в российском обществе, стоит отметить сегодня низкую просвещенность населения относительно возможностей данного института. Создание положительного имиджа кредитной кооперации не может быть исключительно внутренней задачей самой кооперации, активную роль в этом процессе должно взять на себя государство, напрямую заинтересованное в развитии альтернативной системы кредитования [2].

Основные правовые закономерности механизма кредитной кооперации. В ходе изучения многочисленной юридической и кооперативной литературы, нормативно-правовых источников, материалов практики кредитных потребительских кооперативов подтвердились следующие правовые положения.

1. Методологическое назначение исследования механизма правового регулирования кредитной потребительской кооперация заключается в том, что оно даёт возможность системно представить все элементы данного механизма, их структуру и внутренние связи.

2. Установлено, что механизм правового регулирования в сфере кредитной кооперации следует обозначить как систематизированную, обладающую собственной структурой и системными связями, совокупность правовых средств, основным предназначением которой является правовая регламентация общественных отношений в сфере кредитной кооперации. При этом преследуется цель социально-экономического и организационного упорядочения этих общественных отношений, обеспечивающих эффективность и обоснованность правового воздействия со стороны государства на кооперативное потребительское кредитование.

3. Механизм правового регулирования кредитной потребительской кооперации может быть представлен в виде следующей совокупности правовых источников:

– наднациональные источники – международные акты, в числе которых следует особо отметить принятые Международной кооперативной ассоциацией (МКА), другими зарубежными организациями, регулирующие правовые отношения в сфере кредитной кооперации;

– отечественные источники общей компетенции, закрепляющие основные принципы правового регулирования и управления отношениями в сфере кредитной кооперации, куда относятся прежде всего Конституция РФ и дополняющие ее конституционные законы;

– национальные источники специальной компетенции, среди которых Гражданский кодекс, содержащий отдельные нормы правового регулирования кредитной кооперации, и целиком посвящённые вопросам такого регулирования Законы о кредитной кооперации и сельхозкооперации;

– иные российские подзаконные источники, содержащие элементы правового ре-

гулирования отношений с участием кредитных кооперативов, такие как: Указы Президента РФ, Постановления и распоряжения федерального Правительства, нормативные правовые акты Министерства финансов, Банка России, органов власти, изданные в пределах их компетенции;

– источники локального характера – уставные документы кооперативов и их саморегулируемых организаций [7, с. 348-356].

4. Формы правового воздействия на сферу кредитной кооперации представлены прежде всего нормативными правовыми актами. Кроме прямого нормативного регулирования управление может осуществляться косвенно, через организационные формы, а также путем влияния через общественные институты. Соотнесение организационных и общественных форм воздействия к правовым обусловлено тем, что они также регулируются правовыми средствами. В связи с этим в качестве элементов управления деятельностью кредитных кооперативов можно выделить государственные и общественные органы управления. Это такие структуры как Банк России и саморегулируемые организации кредитных кооперативов.

5. В настоящее время уполномоченным по осуществлению властно-распорядительных, а также контрольно-надзирающих полномочий в сфере кредитной кооперации, является Банк России. В частности, к полномочиям Банка относятся:

– нормативное регулирование деятельности кредитных кооперативов, их союзов (ассоциаций), саморегулируемых организаций и иных объединений кредитных кооперативов;

– ведения государственного реестра кредитных кооперативов;

– установления дополнительных финансовых нормативов для кредитных кооперативов, помимо предусмотренных федеральным законом «О кредитной кооперации»;

– осуществления контроля и надзора за деятельностью кредитных кооперативов;

– обращения в суд с заявлением о ликвидации кредитного кооператива в установленных законодательством случаях;

– осуществления иных функций, предусмотренных законодательством [11].

6. В компетенции саморегулируемых организаций (СРО), как негосударственного элемента структуры управления деятельностью кредитных кооперативов входит: разработка и установление условий членства в саморегулируемой организации (СРО); функция контроля за соблюдением профильного законодательства, а также правили стандартов, разработанных внутри СРО, и не являющихся правовыми актами; документоведческое обеспечение деятельности кооперативов, в том числе, создание типовых уставов, внутренней документации; создание и утверждение обязательных к исполнению всеми членами СРО профессиональных правили стандартов; ведение реестра кредитных кооперативов – членов саморегулируемой организации и предоставление информации из реестра; взаимодействие с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (Министерством финансов Российской Федерации) в установленном законом порядке; организация обучения сотрудников кредитных кооперативов – членов СРО; рассмотрение жалоб на действия (бездействия) своих членов; выполнение иных функций [5].

Сравнительно-правовой анализ принципов кредитной деятельности. В своей деятельности кооперация руководствуется определенными правилами или принци-

пами. Принципы трактуются как основополагающие представления о явлении или процессе, отражающие его сущностные характеристики. В наши дни МКА формулирует семь универсальных кооперативных принципов, применимых к различным типам и уровням кооперации и носящих характер аксиологических установок: добровольного и открытого членства в кооперации; демократичности при осуществлении контроля за деятельностью; приоритетности экономического характера кооперации; обязательного совершенствования образовательного и профессионального уровня; принцип самостоятельности кооперативов и при этом принцип осознанного сотрудничества кооперативов в рамках их союзов и ассоциаций различного уровня; целевой принцип обязательной заботы о сообществе, то есть, принцип достижения устойчивого развития кооперативных общин.

Эти принципы являются обязательными установками, то есть присущими всем видам кооперативной деятельности. В то же время, как показывает проведенный в настоящей статье анализ правового регулирования потребительских кооперативов, для отечественной кредитной кооперации можно выделить свои, специфические принципы правового регулирования и управления ее деятельностью, отражающие состояние механизма правового регулирования [4].

Отмечена такая особенность, как незакрепление в законодательстве о кредитной кооперации международных источников права в качестве нормативной основы такого законодательства, хотя это следует из конституционных принципов. Тем не менее, в ходе анализа законодательства установлено, что закрепленные в нормах отечественного права принципы кредитной кооперации в целом тождественны принципам кооперации, изложенным в актах МКА.

Так, в ст.5 не действующего в настоящее время Закона о кредитных потребкооперативах 2001 г. таких принципов было четыре: добровольность участия; необусловленная свобода на право выхода; равенство прав и обязанностей всех членов кооператива; а также личное участие в управлении делами кооператива [8].

С некоторыми изменениями вышеуказанные принципы вошли в действующий федеральный закон «О кредитной кооперации» [9]. При этом, из ранее существовавшей формулировки равенства прав и обязанностей всех членов кооператива было исключено слово «обязанностей», а равенство прав было разделено на три составляющие:

1) не обусловленное размером взноса равноправие при принятии решений (п. 5 ст.3);

2) равноправие при доступе к финансовым ресурсам кооператива (п.6 ст.3);

3) равноправие на получение информации, имеющей отношение к деятельности кооператива (п. 7 ст.3) [10, с. 280-287].

В результате проведенного изучения проблемы были сформулированы следующие принципы кредитной кооперации:

– принцип взаимопомощи, сущность которого заключается в объединении финансовых ресурсов членов КПК для достижения общих целей;

– взаимосвязанный с принципом взаимопомощи принцип взаимной ответственности, который находит свое выражение в солидарной ответственности по общим обязательствам кредитного кооператива;

– принцип самоуправления, который реализуется в самостоятельном решении членами кооперативов организационных вопросов путем непосредственного и сво-

бодного волеизъявления;

– принцип добровольности, который касается как вступления в кооператив или выхода из его состава, так и сопутствующей этому добровольности возложения на себя обязанностей и отказа от тех интересов, которые противоречат общим интересам всего кооперативного образования, и, разумеется, положениям законов, Устава;

– принцип открытости для консолидации финансовых ресурсов для всех желающих принять участие в кредитной кооперации лиц, как физических, так и юридических, без каких-либо дискриминационных ограничений.

– принцип идентичности кооператива и его членов, что означает двойственность правовой природы членства в кредитном кооперативе, которая заключается в том, что член кредитного кооператива является одновременно и его учредителем, и потребителем его услуг.

– принцип территориальности кредитной кооперации базируется на фидуциарном характере отношений между членами кооператива, обусловленном как правило компактным характером их проживания [8, 9].

Публично-правовое регулирование механизма кредитной кооперации. Анализируя далее механизмы и формы правового регулирования кредитной потребительской кооперации, были рассмотрены источники регулирования. Было установлено, что данный механизм, как показано выше, может быть представлен в виде определённой совокупности правовых источников. Следует отметить, что кредитная кооперация, несмотря на свой частно-правовой характер, имеет элементы публично-правового регулирования. Деятельность кредитных кооперативов связана с оборотом денежных средств, что, в свою очередь, имеет значение для экономики в целом, а значит, носит определенную публичную значимость. Можно также отметить некоторую двойственность правовой природы кредитной кооперации, объединяющей как частно-правовые начала экономической деятельности хозяйствующих субъектов, так и публично-правовые аспекты финансовой системы государства. Имеется определенное сходство кредитной кооперации с кредитной банковской деятельностью, регулирование которой носит явно выраженный публично-правовой характер [12, с.13-14].

Из этого следует, что в области регулирования общественных отношений в сфере кредитной кооперации находит свое применение довольно большое количество конституционных принципов. При этом, эта совокупность принципов направлена на защиту интересов как государства – основного регулятора отношений в сфере финансового оборота, так и интересов частных субъектов, которым предоставляется равное право участия в экономической финансовой деятельности в сфере кредитования населения.

Таким образом, можно считать установленным, что конституционные принципы составляют базис, или основу правового регулирования отношений в сфере кредитной кооперации. Несмотря на то, что эти отношения не упоминаются в тексте Конституции Российской Федерации, и то, что Конституция не называется в качестве источника правового регулирования в текстах законодательных актов о кредитной кооперации [3].

Управление деятельностью кредитных кооперативов осуществляется Банком России по нескольким направлениям. Ещё раз вкратце это выглядит так. Первое направление – нормативное регулирование, которое выражается в принятии норма-

тивных и нормативно-правовых актов, имеющих отношение к деятельности кредитных кооперативов. Второе направление – контроль и надзор за деятельностью кредитных кооперативов как субъектов финансового оборота, в том числе контроль за совершением финансовых операций, за правильностью их отражения в документации. Контроль осуществляется как путем запросов необходимой информации, так и путем непосредственных проверок, плановых и внеплановых. Третье направление – регистрационная деятельность, то есть, ведение реестра кредитных кооперативов. Заключительно, четвертое направление деятельности – решение вопросов организационного характера, в частности, взаимодействия Банка России с СРО кредитных кооперативов. Можно отметить и такое направление, как разъяснение Банком России отдельных положений законодательства и иных руководящих актов, касающихся деятельности кредитных кооперативов.

Общий вывод, полученный при исследовании механизма правового регулирования кредитной кооперации, заключается в том, что этот механизм, представленный совокупностью источников различного уровня действия, закрепляющих как принципы правового регулирования и управления кредитной кооперацией, так и положения специального характера, влияет непосредственно на различные аспекты развития и совершенствования правового регулирования отдельных позиций кредитной кооперации.

Список литературы:

1. Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. М.: ЦУМК Центросоюза РФ, 1998. Ч. 1, 2.
2. Глушецкий А.А. Кооперация: роль в современной экономике. М.: Профиздат, 1991.
3. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря1993 года // Рос. газ. 1993. 25 дек. №237.
4. Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. Чита : Изд-во ЗИП СУПК, 1998.
5. Макаренко А.П. Теория и история кооперативного движения. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2002.
6. Невлев В.В. Основные принципы и механизмы правового регулирования кредитной кооперации // Социально-экономические и правовые исследования: теория, методология и практика: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 19 апреля 2016г.). Брянск: ООО «Новый проект», 2016. С. 61-66.
7. Невлев В.В. Социально-правовая трансформация института кредитной кооперации в Российском законодательстве / В.В. Невлев, Л.В. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 8 (74). №2. Симферополь, 2022. С. 348-356.
8. О кредитных потребительских кооперативах граждан: федеральный закон Российской Федерации от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. № 33 (часть I). Ст. 3420.
9. О кредитной кооперации: федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2009 г. № 29. Ст. 3627.
10. Соловьёва Л.В. Конвергенция социально-экономической природы правового регулирования кредитной кооперации / Л.В. Соловьева, В.В. Невлев, // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 9 (75). №1. Симферополь, 2023. С.280-287.
11. Соловьева Л.В. Экономико-правовая деятельность кредитных кооперативов: учебное пособие / Л.В. Соловьёва, В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр». 2020. 76с.
12. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М.: Изд-во Вита-Пресс, 2005. С. 13-14.
13. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 2010. С. 96.
14. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.
15. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. Томск: Книжное изд-во, 1988. 70 с.

Nevlev V. V. Legal Regulation of the Credit Activity Mechanism in Cooperative Legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 376–384.

The article analyzes legal and socio-economic sources of the formation of the legal regulation basis of credit cooperation in modern Russia. A definition of the concept “regulatory mechanism” and its distinctive

features are given. In the process of comparative legal analysis, the main conditions for its effective functioning in consumer cooperation are identified. The difference between legal facts and regulatory acts concerning the process of legal norms implementation is shown. Legal links between subjects of credit and consumer relations are characterized. Legal provisions for economic, social and organizational regulation of cooperative consumer lending are identified. The legal regulation mechanism in a combination of legislative and public sources is presented. The forms of legal influence on the credit cooperation sphere are especially noted. The powers of the Bank of Russia in relation to credit cooperatives are disclosed. The competencies of self-regulatory lending organizations are highlighted. Both the dynamics of development and content of the principles of credit cooperation in Russian legislation are shown. The role of credit cooperation in the socio-economic public life is noted.

Key words: credit cooperation, legal regulation, credit cooperation mechanism, Russian legislation, action effectiveness, legal links, legal provisions, sources of legal regulation, credit principles, Bank of Russia.

Spisok literatury:

1. Vakhitov K.I. Istoriya potrebitel'skoy kooperatsii Rossii. M.: TSUMK Tsentrosoyuza RF, 1998. CH. 1, 2.
2. Glushetskiy A.A. Kooperatsiya: rol' v sovremennoy ekonomike. M.: Profizdat, 1991.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya1993 goda // Ros. gaz. 1993. 25 dek. №237.
4. Koryakov I.A. Printsipy kooperativnogo dvizheniya. Chita : Izd-vo ZIP SUPK, 1998.
5. Makarenko A.P. Teoriya i istoriya kooperativnogo dvizheniya. M.: IVTS «Marketing», 2002.
6. Nevlev V.V. Osnovnyye printsipy i mekhanizmy pravovogo regulirovaniya kreditnoy kooperatsii // Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya: teoriya, metodologiya i praktika: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Bryansk, 19 aprelya 2016g.). Bryansk: OOO «Novyy proyekt», 2016. S. 61-66.
7. Nevlev V.V. Sotsial'no-pravovaya transformatsiya instituta kreditnoy kooperatsii v Rossiyskom zakonodatel'stve / V.V. Nevlev, L.V. Solov'yeva // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. T. 8 (74). №2. Simferopol', 2022. S. 348-356.
8. O kreditnykh potrebitel'skikh kooperativakh grazhdan: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 7 avgusta 2001 g. № 117-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 13 avgusta 2001 g. № 33 (chast' I). St. 3420.
9. O kreditnoy kooperatsii: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 18 iyulya 2009 g. № 190-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 2009 g. № 29. St. 3627.
10. Solov'yova L.V. Konvergentsiya sotsial'no-ekonomicheskoy prirody pravovogo regulirovaniya kreditnoy kooperatsii / L.V. Solov'yeva, V.V. Nevlev, // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. T. 9 (75). №1. Simferopol', 2023. S.280-287.
11. Solov'yeva L.V. Ekonomiko-pravovaya deyatel'nost' kreditnykh kooperativov: uchebnoye posobiye / L.V. Solov'yova, V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr». 2020. 76s.
12. Teplova L.Ye. Osnovy potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Izd-vo Vita-Press, 2005. S. 13-14.
13. Tugan-Baranovskiy M.I. Sotsial'nyye osnovy kooperatsii. M., 2010. S. 96.
14. Chast' pervaya Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 5 dekabrya 1994 g. № 32. St. 3301.
15. Chayanov A.V. Kratkiy kurs kooperatsii. Tomsk: Knizhnoye izd-vo, 1988. 70 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 385–393.

УДК 342.721

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЛИЧНУЮ И СЕМЕЙНУЮ ТАЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЭВОЛЮЦИЯ

Ерёмина И. С.
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Частная жизнь, личная и семейная тайна – сложные и многогранные социальные явления, включающие в себя сведения и факты, которые индивид желает сохранить в тайне от окружающих либо доверяет узкому, ограниченному кругу лиц. Исследование общемировой истории возникновения института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны будет способствовать выявлению проблем и направлений совершенствования регулирования правовых отношений по обеспечению неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны. В статье рассматриваются основные этапы возникновения и развития института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны в контексте общемировой истории. Автор приходит к выводу, что анализируемый институт отсутствовал до начала 17 века. Однако уже в эпоху Древнего мира защищаемые таким правом человеческие ценности являлись с древних времен фундаментальными и определяли социальный статус свободного человека. Право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны отличается по содержанию в зависимости от правовой системы государства.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; личная и семейная тайны; доктрина прав человека; права и свободы; романо-германская правовая система; семья общего права; судебная практика; естественно-правовая доктрина прав человека.

Конституционно-правовой доктриной установлено, что права и свободы человека – высшая ценность. История социально-культурного пути развития человеческой цивилизации свидетельствует, что права человека – сложный, многомерный институт, находящийся всегда в центре внимания философов, юристов, политиков, представителей различных религий и конфессий. Естественно-правовая доктрина прав человека закрепляет, что неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайны принадлежат человеку с рождения, диктуются природой, естеством человека, а задача государства признать и закрепить их в своих источниках права. Рассматриваемые конституционные права являются всеобщими, неотчуждаемыми, неотъемлемыми и подлежат защите независимо от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Исследование общемировой истории возникновения института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны будет способствовать выявлению проблем и направлений совершенствования регулирования правовых отношений по обеспечению неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

История возникновения и развития института неприкосновенности частной жизни показывает, что право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны отсутствовало до начала 17 века. Однако уже в эпоху Древнего мира защищаемые таким правом человеческие ценности являлись с древних времен фундаментальными и определяли социальный статус свободного человека. Греческий философ Аристотель был одним из первых, кто предпринял попытку разграничить «общественное» и «частное», к которому он относил семью и личную жизнь.

Базисом нормативного регулирования анализируемого института закономерно выступают законы царя Хаммурапи XVIII в. до н.э.; законы Ассирии XV в. до н.э., где были закреплены положения, защищающие человека от клеветы [1, с. 56].

Одной из древних форм нарушения неприкосновенности частной жизни являлось подслушивание и подглядывание. Например, в Законах царя Вавилона, Хаммурапи было установлено наказание обвинителю при недоказанности обвинения. Так, клеветником считался обвинитель, который не представил доказательства верности своих обвинений. При таком положении дел к обвинителю применялось такое же наказание и позор, как и к обвиняемому. В подтверждение правильности вышеизложенных позиций можно привести положения из текста Законов Хаммурапи:

«§1. Если человек станет обличать под клятвой человека, бросив на него обвинение в убийстве, и не докажет этого, то обличавшего его до́лжно убить.

§2. Если человек бросит на человека обвинение в чародействе и не докажет этого, то тот, на кого брошено обвинение в чародействе, должен пойти к Реке и броситься в нее. Если Река овладеет им, то обличавший его может забрать его дом; а если Река этого человека очистит, и он останется невредим, то того, кто бросил на него обвинение в чародействе, должно убить; бросавшийся в Реку получает дом обличавшего его.

§3. Если человек выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело о жизни, этого человека должно убить» [1, с. 89].

В законах XII таблиц предусматривалось наказание в виде смертной казни если кто-либо «… сложит или будет распевать песню, содержащую клевету или опозорение другого…» [1, с. 156]. Неприкосновенность жилища еще в Древнем Риме было сакральным табу. Лары и пенаты – почитаемые римлянами божества охраняли семейный очаг. А Законы XII таблиц содержали норму, в которой считалось правомерным убийство вора, застигнутого на месте совершения кражи в ночное время.

Личная и семейная тайны также были защищаемыми ценностями с древнейших времен. Так, анализ теста известной и знаменитой клятвы Гиппократа показывает, что врач должен хранить, ставшие ему известные семейные и личные тайны: «…*что бы при лечении - а также и без лечения* - я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной…» [2].

В разделе XVIII Салической Правды были предусмотрены следующие категории преступлений: посягательство на честь, достоинство и доброе имя лица. Например, «…если кто обвинит перед королем безвинного человека в отсутствие последнего, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол. А если возведет на него такую вину, за какую в случае подтверждения обвинения следует смертная казнь, то обвинитель присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.» [1, с.189]. Ответственность за оскорбление словами была предусмотрена в разделе XXX:

«§ 1. Если кто назовет другого уродом, присуждается к уплате 3 сол.

§ 3. Если кто – мужчина или женщина – назовет свободную женщину блудницей и не докажет этого, присуждается к уплате 1800 ден., что составляет 45 сол.

§ 5. Если кто назовет другого зайцем, присуждается к уплате 3 сол.

§ 6. Если кто обвинит другого в том, что он бросил (в сражении) свой щит, и не сможет доказать, присуждается к уплате 120 ден., что составляет 3 сол.

§ 7. Если кто назовет другого доносчиком или лжецом и не сможет доказать, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.» [1, с. 201].

Немаловажным считаем отметить, что еще в Древнем Риме обнародование личной корреспонденции без разрешения было под запретом. Еще в эпоху Республики представителя предпринимательского сословия – «всадники» создали сеть частных предприятий – древнеримскую почту, работе которой доверяли клиенты. Существовала в тот период времени и государственная почта, но в ней практиковали выборочную перлюстрацию переписки [3, с. 126].

Исходя из вышесказанного можно заключить, что институт неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны можно признать древнейшим.

В период средневековья источники права, хоть и косвенно, но содержали нормативные положения, закрепляющие защиту частной жизни, личной и семейной тайны. Так, с XIII в. для христианских священников утвердилось каноническое правило хранить тайну исповеди и тайну личной жизни исповедующегося [4, с. 47]. Ст. 39 Великой хартии вольностей 1215 г. предусматривала наказания «… свободным людям по законному приговору и по закону страны…» [5, с. 234]. Хабеас корпус акт нормативно закрепил гарантии неприкосновенности личности; принцип презумпции невиновности; понятие «надлежащая процедура», а также важные нормативные положения, регулирующие защиту прав человека, осуществление справедливого правосудия. Билль о правах 1689 г. расширил перечень прав личности и ограничил власть короля. Правовое регулировании неприкосновенности частной жизни в Англии значительно опережало правовое регулирование данной сферы чем в других государствах. И в дальнейшем повлияло на развитие законодательства Швейцарии XVIII в., которое нормативно закрепляло гарантии реализации и защиты «права имени» и «права портрета».

Европейские доктринальные источники и судебная практика данного периода оказали влияние на признание «права частной жизни», которое в дальнейшем повлияло на возможности его широкого толкования и возникновению новых доктрин в праве. Например, немецкая доктрина физическойизоляции, которая предусматривала защиту личной жизни публичных фигур, находящихся в стороне от людных мест от вмешательства посредством фотографирования – «in eine ortliche Abgescbiedenheit» [3, с. 127].

Считается, что право на частную жизнь зародилось во Франции. Французское государство всегда уделяло повышенное внимание вопросам правового регулирования защиты частной жизни человека. Так, уже во второй половине XIX в. нормативно закреплялись основы охраны и защиты частной жизни человека. Так, «… в 1858 году по решению суда было запрещено без согласия родственников публиковать на смертном одре портрет известной французской актрисы. В рассматриваемый период судебная практика признавала право на изображение лица абсолютным. В дальнейшем, в практике французских юристов право на изображение и право на имя признавались производными от права собственности и общего принципа защиты личности. Французское уголовное право устанавливало запрет на нарушение тайны переписки, как способ охраны права частной жизни, что явилось толчком в дальнейшем развитии института «privacy» в гражданском праве…» [3, с. 127].

Гражданское уложение 1900 г. и Закон об авторских правах на изображения 1907 г. Германии нормативно закреплял «специфические личные права», которые регу-

лировали разные сферы частной жизни. Содержание «специфических личных прав» выражалось в запрете пользоваться без согласия лица его именем или изображением лица [6, с. 55]. Верховный Суд ФРГ в 1954 году признаёт «общее право защиты личности», под которым понимается защита неприкосновенности частной жизни [6, с. 45]. Английские ученые-юристы S.D. Warren и L.D. Brandies в своем труде [6, с. 47] провели анализ судебной практики и развития общего права, на основании которого раскрыли характеристику особенностей права частной жизни:

«1. Это право не распространяется на информацию, представляющую общественный интерес.

2. Под действие этого права не подпадают действия суда, законодательных органов, муниципальных органов и с некоторыми ограничениями – других публичных органов.

3. Закон не должен предоставлять возмещение за устное нарушение, если не был причинен ущерб.

4. Это право перестает действовать после публикации фактов самимлицом или с его согласия;

5. Истинность опубликованных данных не снимает ответственности занарушение права на частную жизнь.

6. Отсутствие злого умысла также не снимает ответственности занарушение права на частную жизнь» [7, с. 89]. Данный научный труд ученых-юристов стал основой для юридической практики в Великобритании в вопросах защиты частной жизни и определил дальнейшее развитие общего права США.

Исторические события XX в. внесли значительный вклад в эволюцию современной юриспруденции. На развитие современного института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны повлияла практика взаимного конституционного заимствования, применения универсальных и региональных международных договоров.

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщая декларация прав человека в ст. 3 закрепила гарантии права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность [8]. Ст. 12 Всеобщей декларации прав человека закрепляет: «…никто не может подвергаться произвольномувмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [8]. Данные положения были нормативно закреплены в большинстве современных конституций европейских стран [9].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что институт неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны нормативно закреплен во многих государствах романо-германской правовой системы, но не везде, что объясняется особенностями юридической техники этих государств (например, Франция).

Решения Европейских конституционных судов оказали дальнейшее влияние на развитие и толкование права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Например, «… решение Конституционного Суда Чехии указало, что требование полицейских органов о выдаче какой-либо вещи всегда затрагивает право на неприкосновенность частной жизни индивида, помимо права собственности. А в другом своем решении постановил, что обязанность должностных лиц подавать

сведения о своих доходах и другие обязанности являются ограничением их прав…» [6, с. 58].

В Основных законах некоторых государств Южной Америки также нормативно закрепляется исследуемое конституционное право. Так, в Конституции Перу 1993 г. закреплено право «…каждого на неприкосновенность частной и семейной жизни, также на свой голос и образ; на секретность и неприкосновенность личной корреспонденции и документов; право хранить втайне свои политические, философские, религиозные и другие виды убеждений, а также профессиональную тайну. Ст. 5 Конституции Бразилии 1988 г. гласит, что интимность, личная жизнь, честь, репутация лиц нерушимы; тайна переписки, телеграфных сообщений, телефонных сведений и сообщений нерушима, за исключением случаев наличия судебного ордера, выданного в целях расследования по уголовному делу» [6, с. 74].

Конституция Соединенных штатов Америки прямо не закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Однако практика показывает, что при его защите применяют положения поправок 4, 5, 14, закрепляющих гарантии неприкосновенности личности и имущества; не свидетельствовать против себя: от вмешательства в интимные сферы личной жизни.

Первоначально, решение Верховного Суда США по делу Whalen v. Roe постановило, что, в отчетах медиков для государственных органов о выписанных рецептах на наркотические средства отсутствуют признаки нарушения конституционных прав граждан. Объяснив своё решение тем, что охрана и защита права частной жизни человека не является «фундаментальным правом» [6, с. 68] . Как видим, Суд в данном случае отдал приоритет общественным интересам. Но, в дальнейшем, Третий окружной суд при столкновении государственных и частных интересов разработал тест для так называемой «балансировки». Тест включает в себя «… учет следующих факторов: ущерб, который может быть причинен человеку ее дальнейшим раскрытием; меры по защите информации от любого раскрытия и степень заинтересованности общественности в ее разглашении…» [6, с. 69].

Достаточно разнородны и противоречивы принятые в США Законы «О защите частной жизни» «О предоставлении гражданам доступа к правительственной информации и службам». Применительно к исследуемому правовому институту существенно дополняют его. Некоторые штаты дополнили правовое регулирование защиты частной жизни принятием специализированных законодательных актов [6, с. 75]. В целом, можно констатировать, что становление в Америке института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны проходило в несколько этапов: доктринальное и судебное признания неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны; подготовка и принятие нормативно-правовых актов, направленных на регулирование защиты вышеназванных прав в разных сферах общественных отношений [6, с. 77]. Большое влияние на становление американской доктрины права частной жизни, личной и семейной тайны оказали решения английских судов. Но, не стоит недооценивать влияние континентального права на развитие американского нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Правовые концепции Европейского Союза формировались под влиянием доктрины американского права. Достаточно большой объем практики защиты неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны был наработан американскими юристами к появлению Европейской конвенции о защите прав человека и

основных свобод. Однако стандарты Европейского Союза по защите персональной информации существенно отличаются от американских: в ЕС они строже.

В современной американской юриспруденции право частной жизни толкуется как «право быть оставленным в покое» [6, с. 69], которое заключается в принятии самостоятельного решения в различных жизненных ситуациях; не является абсолютным и не освобождает от ответственности при совершении общественно опасного деяния (например, употребление или хранение запрещенных наркотических веществ).

Посягательство на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны является деликтом. Выделяют следующие его виды: «а) присвоение имени, изображения или образа лица как символа егоидентичности без компенсации; б) нарушение уединения лица; в) публичное обнародование частной информации; г) представление лица в ложном свете» [6, с. 76].

В силу специфики английского общего права – консервативности, на протяжении длительного периода не признавалось деликтом нарушения неприкосновенности частной жизни. Палата Лордов в своих заключениях на апелляции по таким делам ссылалась на неопределенность характеристик.

Ратификация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) повлияла на судебную практику Великобритании. Так, положения Конвенции применялись как вспомогательное средство в толковании закона, как часть права Европейского Союза и часть общего права Великобритании, как «… акт, принимаемый в рассмотрение административными органами…» [15, с. 89]. Тем не менее, статью 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, по мнению судов Великобритании «… не следует включать в общее право специального деликта о нарушении частной жизни. Признание самостоятельным деликтом нарушения неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны может привести к трудностям квалификации права частной жизни и свободы информации. Такая ситуация в судебной практике Великобритании не является уникальной…» [6, с. 87]. Подобные проблемы существуют в правовых системах государств с реально действующими правами и свободами.

Законодательные акты современной Великобритании закрепляют нормы по охране и защите частной жизни и персональных данных, а содержание Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод инкорпорировано в Закон о защите прав человека 1998 г. Современные английские юристы-практики толкуют право на неприкосновенность частной жизни как «право быть одному» на содержание которого повлияла практика Европейского Суда по правам человека. Так, неприкосновенность коммуникаций, жилища и офиса; обязанность публичных органов защищать частную жизнь от вмешательства третьих лиц составляют содержание права на неприкосновенность частной жизни.

Проведенное исследование истории возникновения и развития института неприкосновенности частной жизни показывает, что право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны отсутствовало до начала 17 века. Однако уже в эпоху Древнего мира защищаемые таким правом человеческие ценности являлись с древних времен фундаментальными и определяли социальный статус свободного человека. Греческий философ Аристотель был одним из первых, кто предпринял

попытку разграничить «общественное» и «частное», к которому он относил семью и личную жизнь.

Анализ нормативного содержания законов царя Хаммурапи; законов Ассирии; клятвы Гиппократа и Салической Правды позволяют прийти к выводу, что институт неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны можно признать древнейшим.

В период средневековья источники права, хоть и косвенно, но содержали нормативные положения, закрепляющие защиту частной жизни, личной и семейной тайны. Так, для священников обязательным было хранить тайну исповеди и тайну личной жизни исповедующегося; предусматривались гарантии неприкосновенности личности, презумпция невиновности (Великая хартия вольностей). Правовое регулировании неприкосновенности частной жизни в Англии значительно опережало правовое регулирование данной сферы чем в других государствах. И в дальнейшем повлияло на развитие законодательства Швейцарии XVIII в., которое нормативно закрепляло гарантии реализации и защиты «права имени» и «права портрета».

Европейские доктринальные источники и судебная практика данного периода оказали влияние на признание «права частной жизни», которое в дальнейшем повлияло на возможности его широкого толкования и возникновению новых доктрин в праве.

Исторические события XX в. внесли значительный вклад в эволюцию современной юриспруденции. На развитие современного института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны повлияла практика взаимного конституционного заимствования, применения универсальных и региональных международных договоров. Положения Всеобщей декларации прав человека, закрепляющие гарантии на личную неприкосновенность вошли в содержание большинства современных конституций континентальной Европы.

Большое влияние на становление американской доктрины права частной жизни, личной и семейной тайны оказали решения английских судов. Но, не стоит недооценивать влияние континентального права на развитие американского нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере. Правовые концепции ЕС формировались под влиянием доктрины американского права. Достаточно большой объем практики защиты неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны был наработан американскими юристами к появлению Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако стандарты ЕС по защите персональной информации существенно отличаются от американских.

Особенности правовой системы существенно влияют на содержание и нормативное закрепление исследуемого конституционного права. Так, в странах романо-германской правовой системы право частной жизни включает: «…честь, личную и семейную жизнь; «…интимность, собственное имя, свой голос и образ…», «неприкосновенность жилища, тайну сообщений (почтовых, телеграфных отправлений и телефонных сообщений (переговоров)…»; «…тайну политических, философских, религиозных и других видов убеждений…», профессиональную тайну...» [6, с. 66].

«В англо-саксонской правовой системе право на частную жизнь содержит спектр различных прав, которые защищают личность от посягательств со стороны государства, предусматривают свободу действий в выборе жизненного пути. Современная юриспруденция Великобритании и США под правом на частную жизнь понимает:

«право быть одному»; «…неприкосновенность коммуникаций, жилища и офиса»; «физическую неприкосновенность»; «….защиту от несправедливого обвинения»; «право быть оставленным в покое…» [6, с.76].

Представляется, что проведенный анализ возникновения и развития института неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны в контексте общемировой истории будет способствовать дальнейшему пути развития правозащитной деятельности в условиях современного многополярного мира [10, с. 3].

Список литературы:

1.Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Под ред. проф. З.М. Черниловского. – Москва: Гардарика, 1996. – 455 с.
2.Клятва Гиппократа. https://xn--8--9kc9a7a3f.xn--p1ai/docs/kl_gippokrata.pdf (дата обращения 4 ноября 2023 года)
3.Ариков, Г. Исторический анализ неприкосновенности частной жизни как института личной неприкосновенности // STUDIAUNIVERSITATIS MOLDAVIAE. – 2013. – № 3 (63). – С. 124-130.
4.Афанасьева, О.В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных // Общественные науки и современность. –2011. – № 6. – С. 45-53.
5.Головистикова, А.Н., Грудцына, Л.Ю. Конституционное право России: Учебник. – М.: Эксмо, 2006. – 834 с.
6.Телина, Ю.С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право: диссертация … кандидата юридических наук / Телина Юлия Сергеевна; Академия генеральной прокуратуры РФ. – М., 2016. – 267 с.
7.Опалева, А. А. Институт личной неприкосновенности (теоретико-правовые проблемы): 12.00.01 – теория и история права и государства; История учений о праве и государстве: автореферат диссертации … кандидата юридических наук / Опалева Алла анатольевна; Академия Управления МВД России. – М., 2008. – 156 с.
8.Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Сборник документов. – М., 1998. – 67 с.
9.См.: Конституции государств (стран) мира // http://worldconstitutions.ru. (дата обращения 14 ноября 2023 года)
10. Албутиф, Мохаммед Аднан Каркан. Траектории формирования, современное состояние и проблемы развития исламской системы защиты прав человека в контексте регионализации правозащитных систем // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 3-12.

Eremina I. S. The constitutional right to privacy, personal and family secrets: historical aspects and evolution // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 385–393.

Private life, personal and family secrets are complex and multifaceted social phenomena that include information and facts that an individual wants to keep secret from others or trusts a narrow, limited circle of people. The study of the global history of the institution of privacy, personal and family secrets will help identify problems and areas for improving the regulation of legal relations to ensure privacy, personal and family secrets. The article examines the main stages of the emergence and development of the institution of privacy, personal and family secrets in the context of global history. The author concludes that the analyzed institute was absent until the beginning of the 17th century. However, already in the era of the Ancient World, the human values protected by such a right have been fundamental since ancient times and determined the social status of a free person. The right to privacy, personal and family secrets differs in content depending on the legal system of the State.

Keywords: inviolability of private life; personal and family secrets; doctrine of human rights; rights and freedoms; universality; inalienable; inalienable; Anglo-Saxon legal system; family of common law; judicial practice; natural law doctrine of human rights.

Spisok literatury:

1.Hrestomatiya po vseobshchej istorii gosudarstva i prava. Pod red. prof. Z.M. Chernilovskogo. – Moskva: Gardarika, 1996. – 455 s.
2.Klyatva Gippokrata. https://xn--8--9kc9a7a3f.xn--p1ai/docs/kl_gippokrata.pdf (data obrashcheniya 4 noyabrya 2023 goda)
3.Arikov, G. Istoricheskij analiz neprikosnovennosti chastnoj zhizni kak instituta lichnoj neprikosnovennosti //

STUDIA UNIVERSITATIS MOLDAVIAE. – 2013. – № 3 (63). – S. 124-130.
4.Afanas'eva, O.V. Pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni. Ukreplyaet li ego zakon o personal'nykh dannykh // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. –2011. – № 6. – S. 45-53.
5.Golovistikova, A.N., Grudcyna, L.YU. Konstitucionnoe pravo Rossii: Uchebnik. M.: Ehksmo, 2006. 834 s.
6.Telina, YU.S. Konstitucionnoe pravo grazhdanina na neprikosnovennost' chastnoj zhizni, lichnuyu i semejnuyu tajnu pri obrabotke personal'nykh dannykh v Rossii i zarubezhnykh stranakh: 12.00.02 – konstitucionnoe pravo; konstitucionnyj sudebnyj process; municipal'noe pravo: dissertaciya … kandidata yuridicheskikh nauk / Telina Yuliya Sergeevna; Akademiya general'noj prokuratury RF. – M., 2016. – 267 s.
7.Opaleva, A. A. Institut lichnoj neprikosnovennosti (teoretiko-pravovye problemy): 12.00.01 – teoriya i istoriya prava i gosudarstva; Istoriya uchenij o prave i gosudarstve: avtoreferat dissertacii … kandidata yuridicheskikh nauk / Opaleva Alla anatol'evna; Akademiya Upravleniya MVD Rossii. – M., 2008. – 156 s.
8.Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, prinyata General'noj Assambleej OON 10 dekabrya 1948 g. // Sbornik dokumentov. – M., 1998. – 67 s.
9.Sm.: Konstitucii gosudarstv (stran) mira // http://worldconstitutions.ru. (data obrashcheniya 14 noyabrya 2023 goda)
10. Albutif, Mokhammed Adnan Karkan. Traektorii formirovaniya, sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya islamskoj sistemy zashchity prav cheloveka v kontekste regionalizacii pravozashchitnykh sistem // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). – № 2. – S. 3-12.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 394–401.

УДК 347.424

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЙ «СЛУЧАЙ» И «НЕПРЕОДОЛИМАЯ СИЛА» В МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Сибилев И. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Данная статья посвящена исследованию понятий «случай» и «непреодолимая сила» в контексте гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств. Автор рассматривает определения этих терминов, приводит примеры ситуаций, которые могут быть классифицированы как «случай» или «непреодолимая сила», а также анализируют положения гражданского законодательства, регулирующие применение данных понятий. Случай определяется как непредсказуемое событие, которое происходит неожиданно и не может быть предвидено или предотвращено человеком. Случай может привести к ущербу или другим негативным последствиям для людей или их имущества. Непреодолимая сила представляет собой явление, которое описывает обстоятельства, которые не могут быть предотвращены или преодолены человеком, даже если они были известны заранее. Обе эти категории служат основанием для освобождения сторон от ответственности при выполнении определенных условий. В работе также обсуждаются вопросы освобождения сторон договора от ответственности в случае наступления «случая» или «непреодолимой силы», и требования к подтверждению таких обстоятельств официальными документами. Выделены возможные пути решения возникающих в связи с наступлением форс-мажорных обстоятельств проблем.

Ключевые слова: случай, непреодолимая сила, форс-мажор, гражданско-правовая ответственность, договорные обязательства, заинтересованность сторон, возмещение вреда, материальный ущерб, неблагоприятные последствия.

Гражданско-правовая ответственность, как вид юридической ответственности, является одним из доминирующих средств защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота. Тем не менее, несмотря на повышенный уровень значимости анализируемого института, в гражданско-правовой среде, как уровня законодательного регулирования, так и правовой доктрины, отсутствует единство мнений касательно толкования сущности и содержания гражданско-правовой ответственности. В ранее проводимом нами исследовании, нацеленном раскрытие и анализ проблематики институтов возмещения убытков и взыскания неустойки в контексте правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств, было принято решение о целесообразности использования подхода в толковании, предложенного В.А. Вятчиным, в соответствии с которым гражданско-правовая ответственность это «правоотношение, возникающее на основании закона или договора, имеющее как результат неблагоприятные последствия имущественного характера на стороне правонарушителя, в целях восстановления или компенсации нарушенного права потерпевшего, обеспеченного возможностью государственного принуждения и сопровождающегося публичным осуждением правонарушения и его субъекта» [1, с. 219].

В целом, предложенная дефиниция отвечает требованиям комплексности и структурированности характерообразующих элементов толкования. Однако, все чаще в правовой доктрине и практике отмечаются проблемы применимости действующих нормативных предписаний в связи с ситуациями, при наступлении кото-

рых применение института ответственности может быть в значительной степени затруднено (или вовсе не представляться возможным) по причине образования таких явлений, как «случай» и «непреодолимая сила».

Гражданско-правовая ответственность, как и иные виды возможной ответственности, базируется на принципе наличия либо отсутствия вины. Предполагается, что отсутствие вины в действиях причинителя вреда является основанием для освобождения данного лица от бремени претерпевания негативных последствий. Актуализируется вопрос о появлении гражданско-правового случая (казуса).

Итак, случай – это обстоятельство, которое не могло быть предвидено участниками договора, возникновение которого они не могли предотвратить. Иными словами, случай является непредсказуемым событием, которое может повлиять на исполнение договорных обязательств. В гражданском законодательстве отсутствует легальное токование понятия «случай», однако отечественным законодателем уделено внимание норме-дефиниции невиновности. Последняя содержится в ч. 1 ст. 401 ГК РФ и определяет, что «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» [2].

Отметим, что отечественной цивилистике известны две разновидности оснований для применения гражданско-правовой ответственности: внедоговорная и договорная. Внедоговорная ответственность возникает в связи с нарушением одним лицом прав другого лица (причинение материального и/или морального ущерба) вне связи с заключением между такими сторонами договорных отношений. Такая разновидность ответственности характеризуется наличием следующих признаков:

- отсутствие заключенного соглашения;
- противоправность действий со стороны нарушителя;
- нарушение абсолютных прав пострадавшей стороны, не предусмотренных договором, однако обеспечивающих большую степень защиты и свободы от вмешательства государства или других лиц (например, права на свободу слова, свободу вероисповедания, права на справедливое судебное разбирательство и право на неприкосновенность частной жизни и т.д.);
- факт наличия причиненного ущерба должен быть доказан пострадавшей стороной. Как правило, процедура доказывания (в случае наличия разногласий) осуществляется в судебном порядке. Для этого пострадавшая сторона должна представить суду доказательства, подтверждающие ее утверждения. Это могут быть документы, свидетельские показания, фотографии и другие материалы, которые могут подтвердить причинение ущерба. Если пострадавшая сторона не сможет доказать факт причинения ущерба, суд может отказать в удовлетворении иска.

И вторая разновидность гражданско-правовой ответственности – договорная. При таком виде ответственности обязательства сторон фиксированы договором. Соответственно, обязанность претерпевать негативные последствия возникает в результате нарушения условий договора одной из сторон. Договорная гражданско-правовая ответственность устанавливает порядок и условия возмещения ущерба, причиненного одной стороной другой стороне в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств.

В контексте приводимого ранее положения ст. 401 ГК РФ в части применимости такого явления, как казус, можно сделать вывод, что речь идет о договорной форме ответственности: принятие или непринятие мер для надлежащего исполнения деликтного обязательства возможно лишь в случае заключения соглашения об исполнении такого обязательства. Исходя из чего, представляется возможным несколько конкретизировать дальнейшее исследование в части изучения вопросов ответственности исключительно в сфере договорных правоотношений.

Анализ правовой доктрины позволяет говорить о наличии нескольких подходов к раскрытию сущности понятия «случай» в гражданском праве. Так, в узком смысле под случаем понимается ситуация, когда определенное событие или действие является настолько непредсказуемым и неожиданным, что ни одна из сторон не может быть обвинена в его возникновении.

Некоторые затруднения и противоречия вызывает широкий подход в толковании, в соответствии с которым под случаем (казусом) понимаются любые обстоятельства, не охватываемые волей лица. В рамках такого подхода реализуется такой негативный с точки зрения практического применения институтов аспект, как фактическое упрощение категорийно образующего явления.

И третий подход, в соответствии с которым «в тех случаях, когда ответственность должника строится на началах его вины, он освобождается от нее, если будет доказано, что обязательство нарушено случайно, т.е. вследствие обстоятельств, которые не могут быть вменены ему в вину (например, в случае невозможности исполнения договорного обязательства по причине непреодолимой силы или иного стихийного бедствия)» [3]. Данный подход к гражданско-правовой ответственности в договорных отношениях подразумевает сближение понятий «случай» и «непреодолимая сила», когда последние фактически выступают как синонимы. «Непреодолимая сила» в этом контексте трактуется как экстраординарное и неизбежное событие (то есть случай), не поддающееся предвидению или предотвращению со стороны участника договора, что делает выполнение договорных обязательств невозможным.

На наш взгляд, наиболее удачным и отвечающим текущим законотворческим реалиям является подход, определяющий категории «случай» и «непреодолимая сила» как самостоятельные юридические явления, обладающие схожими характеристиками ввиду наличия единой цели. Разница же заключается в следующем.

Случай – это непредсказуемое событие, которое происходит неожиданно и не может быть предвидено или предотвращено человеком. Случай может привести к ущербу или другим негативным последствиям для людей или их имущества.

Непреодолимая сила – это юридический термин, который описывает обстоятельства, которые не могут быть предотвращены или преодолены человеком, даже если они были известны заранее. Категория «непреодолимая сила» обычно используется для определения обстоятельств, при которых сторона договора освобождается от ответственности за невыполнение своих обязательств.

Таким образом, разница между случаем и непреодолимой силой заключается в том, что случай – это непредвиденное и непредсказуемое событие, в то время как непреодолимая сила является юридическим термином, определяющим обстоятельства, при которых человек не может выполнить свои обязательства из-за внешних факторов. При этом «непреодолимая сила» также не может быть предвидена участ-

никами договора, однако, в отличие от случая, она характеризуется своей силой и масштабностью.

Несмотря на проведенную градацию, представляется, что теория разграничения явлений «случай» и «непреодолимая сила» все еще далека от своей проработанности в современной цивилистике. Как отмечал Н.М. Головин, «цивилисты забывают, что категория «гражданско-правовой случай (казус)» охватывает два неоднородных явления: внешний и внутренний казус» [4]. Внутренний казус и непреодолимая сила имеют схожие черты в виде неизбежности последствий, но отличаются тем, что внутренний казус возникает в процессе деятельности лица, тогда как непреодолимая сила имеет внешнее происхождение. С другой стороны, внешний казус, происходящий извне, подобно непреодолимой силе, имеет внешнее происхождение по отношению к действиям лица, но отличается тем, что не имеет неизбежных последствий.

Согласно статьям 401 и 405 ГК РФ, случай и непреодолимая сила могут служить основанием для освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств, если иное не предусмотрено договором. Однако на практике возникают проблемы, связанные с определением того, является ли конкретное обстоятельство случаем или непреодолимой силой.

Исходя из приведенной проблематики представляется возможным предложить авторский подход к категоризации существенных признаков правовых явлений «случай» и «непреодолимая сила», позволяющий классифицировать гражданско-правовые отношения. Так, считаем возможным предложить следующие существенные признаки непреодолимой силы, позволяющие говорить о наличии оснований для освобождения от ответственности:

- Неожиданность: Они могут быть неожиданными как для отдельных людей, так и для общества в целом.

- Непредвиденность: Непреодолимая сила обычно представляет собой событие или обстоятельство, которое не могло быть предвидено или предотвращено, особенно в рамках данного контекста или ситуации.

- Невозможность предотвратить или избежать: В большинстве случаев, люди или организации не могут предотвратить наступление непреодолимых сил или избежать их последствий.

- Внезапность: Непреодолимые силы обычно возникают внезапно, без предварительного предупреждения или возможности подготовиться к ним.

- Отсутствие контроля: Человек или организация не могут контролировать или управлять непреодолимыми силами, поскольку они находятся вне их контроля.

- Значительность: Непреодолимые силы могут иметь значительные последствия, которые могут повлиять на жизнь людей, экономику и общество в целом.

- Массовость: Это явление или событие обычно имеет массовый характер, затрагивая большое количество людей и/или объектов.

- Исключительность: Хотя непреодолимые силы могут происходить достаточно часто, они все же являются исключительными событиями, которые не происходят регулярно.

- Вариативность: Непреодолимые силы могут принимать различные формы и проявления, в зависимости от контекста и обстоятельств.

- Условность: Определение явления «непреодолимой силы» может варьироваться в зависимости от особенностей законодательного регулирования и исторического

контекста (данный критерий применим относительно сравнительно-правового анализа института форс-мажорных обстоятельств в России и зарубежных странах, что, однако, не является предметом настоящего исследования).

В свою очередь, считаем, что существенными признаками случая (казуса) являются:

- наличие конкретной жизненной ситуации, которая требует разрешения и применения правовых норм в части вопроса освобождения от ответственности;
- формирование спорного или конфликтного момента, который требует юридического анализа и оценки;
- факт заинтересованности сторон в разрешении спора или конфликта на основе действующего законодательства;
- наличие такого предмета спора, по которому стороны не в состоянии прийти к соглашению самостоятельно;
- необходимость применения соответствующих правовых норм для урегулирования конфликта;
- факт юридического оформления спора (например, подача иска в суд, обращение в арбитраж и т.д.).
- возможность принудительного исполнения решения, принятого в результате разрешения спора.

Таким образом, придерживаясь мнения о необходимости разграничения случая и непреодолимой силы как самостоятельных юридических явлений ввиду вышеизложенных факторов, представляется необходимым проследить влияние анализируемых механизмов на гражданско-правовую ответственность.

Гражданско-правовая ответственность, представляя собой систему мер, направленных на восстановление нарушенных прав и возмещение причиненного вреда, основывается, преимущественно, на принципе полного возмещения убытков, включая возможность компенсации упущенной выгоды и полученного морального вреда. Однако на практике возникают ситуации, когда ввиду наступления таких юридических категорий, как «случай» или «непреодолимая сила» невозможно полностью компенсировать причиненный ущерб. В таких случаях гражданско-правовая ответственность может быть в значительной степени ограничена или же исключена в целом. Освобождение от ответственности рассматривается «в контексте ряда причин, по которым ответственный за товар, работу или услугу (продавец, производитель или исполнитель) не должен нести ответственность за его недостатки, поскольку они не были вызваны его действиями. Это обстоятельства, которые, хотя и привели к вреду, не были связаны с юридически значимым причинно-следственным механизмом действий этого ответственного лица. Это является обязательным условием для возложения на него ответственности как за деликт, так и за договор» в целом [5].

Возможные модели исключения ответственности за нарушение обязательств вследствие возникновения непреодолимой силы небезосновательны. Категории правоотношений о необходимости возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг являются предметом многочисленных судебных споров. Так, например, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2021 № 13-КГ21-3-К2 в отношении вопроса о применимости основания «непреодолимая сила» в связи с причине-

нием вреда при использовании средства повышенной опасности, повлекшего смерть человека, была сформулирована следующая позиция: «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих …, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 Кодекса (пункт 1 статьи 1079 ГК РФ)…» [6].

Очевидным является тот факт, что выше озвученные категории являются крайне неблагоприятными обстоятельствами для контрагента, ожидающего исполнения обязательства в надлежащем виде. Последний является наименее защищенной стороной в сложившихся обстоятельствах и может претерпевать значительные потери. Однако, законодатель предусмотрел некоторые правовые гарантии.

Так, если возникновение случая связано с волевым нарушением обязательства, то ответственность за него не может быть исключена. Например, если договор предусматривает возмещение убытков при потере груза, но груз был потерян из-за пожара, который возник по вине одной из сторон, то последняя понесет ответственность за причиненные убытки в полном объеме. Российское гражданское право (п. 3 ст. 401 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ) обязывает именно должника в обязательстве представить доказательства наличия обстоятельств непреодолимой силы. Исключения составляют такие события, которые приобрели статус общеизвестных фактов и не нуждаются в доказывании. В качестве примера следует упомянуть период распространения новой коронавирусной инфекции в 2020 г., обусловившей закрытие многих предприятий и организаций на неопределенный срок. Верховным Судом РФ было определено, однако, что указанное обстоятельство не является универсальным основанием для освобождения от наступления ответственности: влияние оказывает вид деятельности, осуществляемый должником, а также регион.

Другой пример: в 2022 г. по предложению Министерства финансов РФ была выдвинута инициатива о признании частичной мобилизации форс-мажорным обстоятельством при исполнении государственных контрактов. Однако, само министерство уточняет, что «мобилизация ИП автоматически не означает невозможность исполнения контракта, поскольку контракт может продолжать исполняться в том числе нанятыми ИП работниками» [7].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что обязательным условием признания наличия «случая» и «непреодолимой силы» в качестве обстоятельства, исключающего ответственность лица, является причинно-следственная связь между форс-мажорным обстоятельством и невозможностью полностью либо частично выполнить обязательства перед контрагентом. «В.А. Ойгензихт, сторонник теории «необходимой и случайной причинной связи», используя понятия «необходимая причинная связь» и «случайная причинная связь», предлагает дополнительные критерии для разграничения непреодолимой силы и других обстоятельств. Он определяет непреодолимую силу как комплекс из двух элементов (которые в совокупности обладают свойством непреодолимости как объективным критерием): 1) наличие угрозы (например, действие стихийных сил) и 2) реализация угрозы. По его мнению, причинная связь между этими двумя элементами проявляется в возможности предотвращения [8, с. 168]. Такой механизм выступает важным гарантом соблюде-

ния прав контрагента. Если выполнение обязательств по договору стало невозможным из-за непреодолимой силы, стороны могут быть освобождены от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора.

Также в ситуации, когда гражданско-правовая ответственность была ограничена или исключена из-за случая или непреодолимой силы, пострадавшая сторона может обратиться в суд с требованием о возмещении убытков. Однако решение суда будет зависеть от обстоятельств конкретного дела и доказательств, представленных сторонами.

Подводя итог, отметим, что теоретические вопросы о связи между понятиями «непреодолимая сила» и «случай» и анализ их соотносимости в контексте сравнительного анализа достаточно поверхностно охвачен в рамках отечественной теории и практики. Нерешенными остаются задачи в части:

- установления границ непреодолимой силы: особые трудности возникают, когда одно и то же обстоятельство может иметь различные последствия для разных сторон;

- субъективности оценок: различные заключения и выводы в части того, что является случаем и непреодолимой силой, в правовой доктрине, как правило, зависят от личных убеждений, опыта и предубеждений конкретного человека или группы единомышленников, что влечет за собой различное интерпретирование;

- недостатка информации. В зависимости от конкретных обстоятельств (а также с учетом ранее упомянутой субъективности мнений), возникают затруднения в получении всей необходимой информации для категоризации явления по видовым признакам.

Заслуживает отдельного внимания изучение этих вопросов, особенно с учетом существующей российской судебной практики.

Для решения проблем, связанных с применимостью категорий «случай» и «непреодолимая сила», предлагается установить, с учетом приведенных ранее категорий, четкие критерии определения случая и непреодолимой силы на законодательном уровне. Новелла может быть включена в ст. 401 ГК РФ, путем моделирования норм-дефиниций с исчерпывающим перечнем признаков, по которым можно определить, является ли обстоятельство случаем или непреодолимой силой. В этом же контексте представляется возможным упомянуть наличие т.н. презумпции отсутствия случая и непреодолимой силы: сторона, ссылающаяся на случай или непреодолимую силу, должна доказать их наличие.

Случай и непреодолимая сила являются важными явлениями в гражданско-правовых отношениях, которые могут существенно влиять на возможность наступления гражданско-правовой ответственности. Для решения возникающих проблем необходимо разработать четкие критерии определения случая и непреодолимой силы, а также предусмотреть механизмы, позволяющие сторонам договора заранее учесть возможность их наступления.

Список литературы:

1. Сибилев, И. А. Проблематика институтов возмещения убытков и взыскания неустойки в контексте правовых мер ответственности за нарушение договорных обязательств / И. А. Сибилев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 219-227.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

3. Овдиенко Е.Б. Разрешение споров при прекращении договора и ответственность сторон за неисполнение или неправомерное расторжение договора / Е.Б. Овдиенко // Мудрый Юрист. https://wiselawyer.ru/poleznoe/16272-razreshenie-sporov-prekrashhenii-dogovora-otvetstvennost-storon-neispolnenie?ysclid=lr7rtjo7ip961279053
4. Головин Н.М. Разграничение категорий «случай» и «непреодолимая сила» // Политика, государство и право. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://politika.snauka.ru/2013/02/653
5. Урбанович Е.А. Обстоятельства непреодолимой силы как условие освобождения от ответственности за возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг // Форум молодых ученых. 2020. №4 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obstoyatelstva-nepreodolimoy-sily-kak-uslovie-osvobozhdeniya-ot-otvetstvennosti-za-vozmeschenie-vreda-prichinennogo-vsledstvie
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2021 N 13-КГ21-3-К2 URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12072021-n-13-kg21-3-k2/?ysclid=ls332ofd4f291009628
7.РБК: Минфин предложил считать мобилизацию форс-мажором при госконтрактах https://www.rbc.ru/economics/04/10/2022/633bbc0e9a7947843775e8d3?ysclid=ls8zhkrhpw241495903&from=copy
8. Иваненко Ю.Г. Способы защиты гражданского права и основания иска // Закон. - 2011. - N 1. -168 с.

Sibilev I. A. On the question of determining the essence of the phenomena “chance” and “force majeure” in the mechanism of civil liability for violation of contractual obligations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 394–401.

This article is devoted to the study of the concepts of "chance" and "force majeure" in the context of civil liability for violation of contractual obligations. The author examines the definitions of these terms, gives examples of situations that can be classified as "case" or "force majeure", and analyzes the provisions of civil legislation governing the application of these concepts. A case is defined as an unpredictable event that occurs unexpectedly and cannot be foreseen or prevented by a person. The incident may lead to damage or other negative consequences for people or their property. An irresistible force is a phenomenon that describes circumstances that cannot be prevented or overcome by a person, even if they were known in advance. Both of these categories serve as grounds for releasing the parties from liability if certain conditions are met. The paper also discusses the issues of releasing the parties to the contract from liability in the event of an "accident" or "force majeure", and the requirements for confirming such circumstances with official documents. The possible ways of solving problems arising in connection with the onset of force majeure are highlighted.

Keywords: case, force majeure, force majeure, civil liability, contractual obligations, interest of the parties, compensation for damage, material damage, adverse consequences.

Spisok literatury:

1. Sibilev, I. A. Problematika institutov vozmeshheniya uby`tkov i vzy`skaniya neustojki v kontekste pravovy`x mer otvetstvennosti za narushenie dogovorny`x obyazatel`stv / I. A. Sibilev // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 2. – S. 219-227.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 24.07.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Ovdienko E.B. Razreshenie sporov pri prekrashhenii dogovora i otvetstvennost` storon za neispolnenie ili nepravomernoe rastorzhenie dogovora / E.B. Ovdienko // Mudry`j Yurist. https://wiselawyer.ru/poleznoe/16272-razreshenie-sporov-prekrashhenii-dogovora-otvetstvennost-storon-neispolnenie?ysclid=lr7rtjo7ip961279053
4. Golovin N.M. Razgranichenie kategorij «sluchaj» i «nepreodolimaya sila» // Politika, gosudarstvo i pravo. 2013. № 2 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://politika.snauka.ru/2013/02/653
5. Urbanovich E.A. Obstoyatel`stva nepreodolimoj sily` kak uslovie osvobozhdeniya ot otvetstvennosti za vozmeshhenie vreda, prichinennogo vsledstvie nedostatkov tovarov, rabot ili uslug // Forum molody`x ucheny`x. 2020. №4 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obstoyatelstva-nepreodolimoy-sily-kak-uslovie-osvobozhdeniya-ot-otvetstvennosti-za-vozmeschenie-vreda-prichinennogo-vsledstvie
6. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 12.07.2021 N 13-KG21-3-K2 URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12072021-n-13-kg21-3-k2/?ysclid=ls332ofd4f291009628
7.RBK: Minfin predlozhil schitat` mobilizaciyu fors-mazhorom pri goskontraktax https://www.rbc.ru/economics/04/10/2022/633bbc0e9a7947843775e8d3?ysclid=ls8zhkrhpw241495903&from=copy
8. Ivanenko Yu.G. Sposoby` zashhity` grazhdanskogo prava i osnovaniya iska // Zakon. – 2011. – N 1. – 168 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 402–409.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НАКОПИТЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Игнатьева С. В., Спирин Н. Д.
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

В данной статье рассматривается возможность реализации права на жилище военнослужащими посредством участия в жилищно-строительных кооперативах. Предложены изменения в законодательство по ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих. В работе также отмечается, каким образом жилищные правовые отношения между военнослужащими и их семьями могут быть улучшены во время специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция, жилищно-строительные кооперативы военнослужащих, обеспечение военнослужащих жилой площадью, ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих.

Во время специальной военной операции становится все более важным оказывать дополнительную социальную поддержку военнослужащим и их семьям. Военнослужащие и их семьи часто сталкиваются с широким спектром проблем, включая реинтеграцию в гражданскую жизнь, проблемы с физическим и психическим здоровьем и финансовую нестабильность. Для обеспечения их успешной адаптации важно предоставить необходимые ресурсы.

В результате своего особого правового статуса военнослужащие сталкиваются

с вопросами социального обеспечения (поддержки) в сфере жилищных правоотношений, поскольку они подвергаются риску для своей жизни и здоровья. Таким образом, военнослужащие имеют право на особую защиту со стороны государства в целях гарантии своей безопасности. Это включает доступ к жилью, пригодному для проживания человека, справедливую арендную плату и защиту от выселения без предоставления иного жилого помещения. В свою очередь, наличие этого риска влияет на жилищные правоотношения [1]

В первую очередь необходимо отметить, что право военнослужащих на жилье предусмотрено статьей 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76—ФЗ «О статусе военнослужащих» [2]. Одной из форм реализации данного права является участие военнослужащих в жилищно-строительных кооперативах (далее — ЖСК). Рассмотрим специфику данного понятия более подробно. Военнослужащие обеспечиваются жилыми помещениями с помощью ЖСК. Кроме того, ЖСК могут создаваться с целью полной замены или восстановления жилых объектов, утративших свои потребительские свойства, чтобы в них снова могли проживать граждане. Они также могут построить новые дома для военнослужащих, предоставив доступное и безопасное жилье, данные меры могут помочь сократить число военнослужащих остро нуждающихся в жилых помещениях и обеспечить жилыми помещениями тех, кто в нем нуждается.

Отметим, что граждане, имеющие возможность быть принятыми в ЖСК, определены Постановлением Правительства РФ от 9.02.2012 № 108 [3] (далее — постановление об утверждении групп граждан, которые могут быть приняты в жилищный кооператив). В первоначальной редакции постановления, регламентирующей группы граждан, которые могут быть приняты в жилищный кооператив, [4] было установлено, что военнослужащие могут быть включены в жилищный кооператив [5] при наличии следующего комплекса оснований:

1. У военнослужащего отсутствует земельный участок, предоставленный исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления для индивидуального жилищного строительства на праве собственности или аренды после введения в действие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»;

2. Военнослужащий не включен в реестр участников ипотечной системы;

3. Военнослужащий принят федеральным органом исполнительной власти на учет в качестве нуждающегося в жилье, предоставляемом по договору социального найма, в соответствие со ст. 51 ЖК РФ [6].

Таким образом, данные основания определяют низкую востребованность ЖСК, что также влияет на заинтересованность военнослужащих в участии в жилищных кооперативах. Кроме того, мы проанализировали постановление от 9 февраля 2012 г. № 108 и пришли к выводу о том, что изложенные основания, регламентирующие возможность участия в ЖСК, создают препятствия для реализации всего комплекса предполагаемых положительных мер.

Особые рамки для управления и функционирования ЖСК также установлены посредством ряда критериев, указанных в постановлении, о котором мы говорили ранее. Данные критерии, а именно подтверждение прохождения военной службы, дохода и кредитной истории, также определяют право на вступление в жилищные кооператив. Кроме того, следует подчеркнуть, что при проведении специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР, Запорожской области и Херсонкой области особое значение приобретает необходимость разработки определенных мер социальной поддержки военнослужащих и членов их семей [7]. В связи с тем, что именно жилищный вопрос является наиболее проблемным, реализация мер по его решению будет является сильным фактором воздействия на добросовестное выполнение обязанностей военной службы военнослужащими.

В контексте специальной военной операции по денацификации и денационализации Украины установление дополнительных мер социальной поддержки военнослужащих и членов их семей также чрезвычайно важно. США и Западная Европа необоснованно объявили Россию своим врагом и виновницей ряда военных преступлений, и это является ключевым компонентом государственной политики.

Кроме того, гражданская война в Ливии в 2011 г., российская военная операция в Сирии в 2015 г., которая была направлена на оказание помощи законному правительству Сирийской Арабской Республики и ликвидацию террористических очагов, позволяют нам сделать вывод, что Россия сталкивается с внутренними и внешними угрозами государственного суверенитета.

Нельзя упускать из виду активную экспансию НАТО на восток. В дополнение к трансатлантической обороне НАТО расширила свои первоначальные цели, включив

в них весь мир. В 2022 г. НАТО угрожало немедленной территориальной целостности государства, если в 1991 г. НАТО не угрожало расширением на восток. Украина и Грузия являются партнерами по ускоренному диалогу вступления в НАТО. За исключением Швеции, Финляндия вступила в НАТО 4 апреля 2023 г.

Поддержание уровня социальной защищенности военнослужащих и членов их семей наиболее важно и актуально, когда они сталкиваются с вызовами и угрозами территориальной целостности государства. Этот уровень безопасности помогает гарантировать, что вооруженные силы государства способны эффективно реагировать на любые угрозы, с которыми они сталкиваются. Это также помогает создать чувство лояльности и целеустремленности среди военнослужащих, что помогает обеспечить дальнейший успех вооруженных сил.

Согласно российской военной доктрине, военная безопасность государства достигается, в том числе, за счет «повышения уровня социальной защищенности его военнослужащих» [8]

Соответственно, мы можем сделать вывод, что высокий уровень благосостояния военнослужащих способствует уверенному, стабильному, поступательному и последовательному развитию как Вооруженных Сил Российской Федерации, так и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Важно обеспечить, чтобы у военнослужащих были необходимые ресурсы, поддержка и возможности для поддержания хорошего качества жизни.

По причинам, изложенным выше, государственные органы стремились устранить причины невостребованности жилищных кооперативов. 17 мая 2022 г. было принято Правительства РФ № 891 (далее – постановление об участии в ЖСК военнослужащих) [9], отменяющее ранее существовавшие ограничения на участие военнослужащих в ЖСК. В результате этого положения были внесены изменения относительно того, какие группы граждан могут вступать в жилищный кооператив.

В частности, исключено требование о нуждаемости в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, которые установлены ст. 51 ЖК РФ. Также исключена норма права, запрещающая участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения быть участниками ЖСК. Требование о необходимости отсутствия земельного участка, предоставляемого исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления, также исключено.

Далее отметим, что в данном постановлении определены критерии для военнослужащих, позволяющие быть членом ЖСК, а именно прохождение военной службы по контракту. Кроме того, в отношении сотрудников органов внутренних дел РФ обязательным критерием является прохождение службы в органах внутренних дел Российской Федерации.

В настоящее время для военнослужащих нет других условий для реализации их права на жилищные кооперативы.

Исключение до недавнего времени существовавших ограничений на участие в жилищных кооперативах военнослужащих предоставило возможность данной категории граждан повысить уровень обеспеченности жильем.

Кроме того, устранение указанных ограничений позволило данной категории граждан получить доступ к возможности получить большее количество жилья. Так-

же исключение этих ограничений позволило военнослужащим вступать в жилищные кооперативы, несмотря на то, что они уже могут иметь собственное жилье.

Указанное Постановление № 891 от 17 мая 2022 г. об участии военнослужащих в жилищных кооперативах повысило социальную защищенность военнослужащих и сделало этот способ реализации права на жилье более привлекательным. В дополнение к стимулированию прохождения военной службы, в том числе в контексте специальной военной операции, это также повысило качество задач, которые военнослужащие выполняют ежедневно в процессе служебно-боевой деятельности.

Участие военнослужащих в жилищных кооперативах было закреплено резолюцией как «неформальный принцип военно-социальной политики в отношении участников боевых действий: каждая война, каждый вооруженный конфликт имеют свою собственную социальную защиту» [10].

Более того, мы считаем, что постановление об участии военнослужащих в ЖСК придало новый импульс развитию института жилищно-строительной кооперации и в целом улучшит условия жизни военнослужащих. Передача земельных участков определенной категории граждан для участия в военных жилищных кооперативах послужит строительным импульсом в развитии этих территорий.

Постановление об участии военнослужащих в жилищном кооперативе также определяет другие категории граждан, которые относятся к различным льготным категориям, таким как работники образования, государственные служащие и сотрудники здравоохранения. Поскольку выполнение задач военной службы, в том числе и участие в проведении СВО, связано с высоким риском для жизни и здоровья, мы считаем целесообразным предоставить военнослужащим определенные преференции, такие как установление квоты в виде фиксированного количества мест в жилищном кооперативе, специально зарезервированных для военнослужащих на законодательном уровне.

Государственные органы провели значительный объем работы по устранению ограничений, которые привели к отсутствию спроса на участие в жилищных кооперативах среди военнослужащих. Было установлено, что государство «содействует гражданам в реализации конституционного права на жилище, и в необходимых случаях предоставляет определенным категориям граждан жилые помещение безвозмездно или за доступную плату» [11]

В подтверждении сказанного можно привести некоторые статистические данные. Как указано на официальном сайте ДОМ банка РФ, «Бесплатный земельный участок позволяет снизить стоимость жилья» [12]. В результате жилье становится практически на 60% дешевле. Кооперативная модель позволяет военнослужащим приобретать жилые помещения по значительно более низкой цене и «удешевит процесс приобретения жилья» [13]. Кроме того, индексация накопительных взносов участников ипотеки также поможет решить проблему жилья для военнослужащих, не отставая от роста цен на недвижимость.

Работа органов государственной власти, направленная на социальное обеспечение военнослужащих, членов их семей и совершенствование ипотечной системы обеспечения военнослужащих жильем, стала безусловной основой высокого уровня доверия граждан к государству, а также росту поддержки целей и задач СВО населением страны.

Однако стоит отметить, что сохранение государственного суверенитета, включая недавно признанных в составе государства Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, а также активное расширение стран НАТО на восток, потребовали увеличения штатной численности российских Вооруженных сил. Для успешной адаптации к росту личного состава российских Вооруженных сил, Президент [14] создал комфортные условия проживания для военнослужащих и членов их семей. Данные меры направлены на обеспечение военнослужащих комфортабельными жилыми помещениями для улучшения условий их проживания.

Во время прохождения военной службы военнослужащим предоставляются служебные жилые помещения. В качестве альтернативы может быть осуществлена выплата компенсации за нанимаемое жилое помещение, при условии отсутствия жилого помещения по месту прохождения военной службы или в близлежащим к нему населенных пунктах (местностях). Учитывая данные факторы, мы отмечаем, что прямое увеличение штатной численности ВС России, а также создание новых подразделений, укомплектованных военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, скорее всего, потребует дополнительного федерального финансирования, в том числе, выделяемого для сферы жилищного обеспечения.

Приобретение военнослужащими жилья в жилищных кооперативах возможно на всей территории государства. Военнослужащие вновь формируемых воинских подразделений, в том числе граждане, впервые поступающие на военную службу по контракту, имеют возможность приобретения жилья в жилищных кооперативах и в местах их дислокации. В связи с тем, что военнослужащие вновь сформированных подразделений в большинстве случаев не реализовали право на жилище как участники ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, то в настоящее время возникла возможность улучшения социальной защиты для данной категории военнослужащих.

Исходя из вышеизложенного, мы убеждены, что для повышения востребованности жилищно-строительных кооперативов как средства реализации жилищных прав военнослужащих, необходимо распространить право участников ипотечной системы, которое изложено в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [15], на приобретение жилья в ЖСК за счет государственных средств.

Мы провели комплексный анализ нормативно-правовой документации в отношении регулирования жилищных правоотношений военнослужащих. По нашему мнению, принятие соответствующих изменений в законодательство позволит участникам НИС и членам их семей более эффективно и рационально реализовать предусмотренное законом право на жилье. Благодаря данным изменениям также станет возможным сохранение покупательской способности сберегательных взносов участниками НИС, что также будет способствовать дальнейшему уверенному развитию и войск национальной гвардии Российской Федерации. Кроме того, приобретение жилья военнослужащими посредством ЖСК в местах прохождения ими военной службы и за счет денежных средств, выделенных в рамках функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, будет способствовать обеспечению жильем данной категории граждан.

Также полагаем, что наличие жилого помещения у военнослужащего и членов его семьи в месте прохождения военной службы, приобретенного посредством ЖСК и с использованием денежных средств, выделенных в рамках функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, послужит веским основанием для исключения необходимости выплаты денежной компенсации за нанимаемое военнослужащим жилое помещение. Это также повлияет на необходимость строительства или приобретения служебных жилых помещений, так как военнослужащие уже будут обеспечены жильем в месте прохождения военной службы. Таким образом, государство реализует социальную гарантию по обеспечению жильем данной категории граждан.

В связи с чем считаем, что обеспечение жильем военнослужащих в местах прохождения ими военной службы, посредством его приобретения в ЖСК, за счет денежных средств, выделенных на функционирование накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, послужит ключевым основанием сохранения бюджетных денежных средств, направленных как на выплату компенсации за нанимаемые жилые помещения военнослужащими, так и затраченных на приобретение (строительство) служебных жилых помещений для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Сохранение бюджетных средств очень актуально и значимо в условиях внешних санкций.

Таким образом, можно сделать вывод, что жилищное законодательство военнослужащих в ходе реализации СВО на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области претерпевает активную трансформацию, ориентируясь на социальную поддержку военнослужащих и обеспечение «социальной защищенности» [16] участникам СВО и их семьям.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2018 г. 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 15 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданина А.В. Удовиченко». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. О статусе военнослужащих: федер. Закон Рос. Федерации от 27 мая 1998 г. № 76 — ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 марта 1998 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. 12 марта 1998 г. // Рос. газ. - 1998. - 2 июня.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 108 «Об утверждении перечня категорий граждан, которые могут быть приняты в члены жилищно-строительных кооперативов, создаваемых в соответствии с отдельными федеральными законами, и оснований включения указанных граждан, а также граждан, имеющих 3 и более детей, в списки граждан, имеющих право быть принятыми в члены таких кооперативов» // Рос. газ.- 2012.- 17 февраля.
4. Корякин В.М. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей // В.М. Корякин, А.В. Кудашкин. М.: Военный университет, Центр правовых коммуникаций, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 12.02.2024).
5. Гриб В.В. Обзор законодательства // Правовые вопросы недвижимости: сетевой журн. 2019. URL.: https://lawinfo.ru/journals/34/pravovye-voprosy-nedvizimosti (дата обращения: 12.02.2024).
6. Корякин, В.М. Жилищное обеспечение военнослужащих В.М. Корякин. - М.: За права военнослужащих, 2014. - 256 с.
7. Ефремов А.В. Определение юридически значимых обстоятельств судами при рассмотрении дел, связанных с реализацией социальных прав военнослужащих и членов их семей, членов семей погибших (умерших) военнослужащих // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 12.02.2024).
8. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Рос. газ. - 2014.- 30 декабря.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 2022 г. № 891 «Об утверждении перечня организаций, имеющих право обратиться в единый институт развития в жилищной сфере с ходатайством о передаче земельных участков, находящихся в федеральной собственности, земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, или земельных участков единого института развития в жилищной сфере кооперативам, в том числе в целях передачи ранее созданным кооперативам дополнительно земельных участков, о внесении изменений в перечень категорий граждан, которые могут быть приняты в члены жилищно-строительных кооперативов, создаваемых в соответствии с отдельными федеральными законами, и оснований включения указанных граждан, а также граждан, имеющих 3 и более детей, в списки граждан, имеющих право быть принятыми в члены таких кооперативов, и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2013 г. № 376» //Собр. законодательства РФ - 2022.- 23 мая.
10. Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах - военно-правовое обозрение. - 2022. № 4. С.89-90
11. Игнатьева С.В. К вопросу о реализации права собственности на жилое помещение // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 5. С. 77-78.
12. Информационно-коммуникационная сеть «Интернет». Официальный сайт банка ДОМ. РФ URL.:https://спроси.дом.рф./zhsk-support/ (дата обращения 12.02.2024).
13. Балановский А.А. О перспективах сохранения в российском законодательстве организационно-правовой формы жилищного кооператива // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 30 - 32.
14. Указ Президента РФ от 1 декабря 2023 г. № 915 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил российской Федерации» // URL.:publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.02.2024).
15. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: федер. Закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 117 — ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 августа 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. 8 августа 2004 г. // Рос. газ. - 2004. - 25 августа.
16. Корякин В.М. Упрощенный порядок признания участников специальной военной операции безвестно отсутствующими и погибшими // Военное право: сетевой журн. URL.: (дата обращения 12.02.2024).

Ignatieva S.V. Spirin N.D. On the issue of improving the legal regulation of housing relations in the field of the accumulation and mortgage system of housing for military servants during a special military operation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 402–409.

The possibility of realizing the right to housing by military personnel through participation in housing and construction cooperatives is being considered.Changes to the legislation on the mortgage system for housing provision for military personnel are proposed.The possibilities of improving the legal regulation of housing legal relations among military personnel and members of their families during a special military operation have been explored.

Key words: special military operation, housing construction cooperatives for military personnel, provision of living space for military personnel, mortgage system for housing provision for military personnel.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20 iyulya 2018 g. 34-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 15 stat'i 15 Federal'nogo zakona «O statuse voennosluzhashchih» v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.V. Udovichenko». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
2. O statuse voennosluzhashchih: feder. Zakon Ros. Federacii ot 27 maya 1998 g. № 76 — FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 6 marta 1998 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. 12 marta 1998 g. // Ros. gaz. - 1998. - 2 iyunya.
3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 fevralya 2012 g. № 108 «Ob utverzhdenii perechnya kategorij grazhdan, kotorye mogut byt' prinyaty v chleny zhilishchno-stroitel'nyh kooperati-vov, sozdavaemyh v sootvetstvii s otdel'nymi federal'nymi zakonami, i osnovanij vklyucheniya uka-zannyh grazhdan, a takzhe grazhdan, imeyushchih 3 i bolee detej, v spiski grazhdan, imeyushchih pravo byt' prinyatymi v chleny takih kooperativov» // Ros. gaz.- 2012.- 17 fevralya.
4. Koryakin V.M. ZHilishchnaya enciklopediya voennosluzhashchih, lic, uvolennyh s voennoj sluzhby, i chlenov ih semej // V.M. Koryakin, A.V. Kudashkin. M.: Voennyj universitet, Centr pravovyh kommunikacij, 2017. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant» (data obrashcheniya 12.02.2024).
5. Grib V.V. Obzor zakonodatel'stva // Pravovye voprosy nedvizhimosti: setevoj zhurn. 2019. URL.: https://lawinfo.ru/journals/34/pravovye-voprosy-nedvizimosti (data obrashcheniya: 12.02.2024).
6. Koryakin, V.M. ZHilishchnoe obespechenie voennosluzhashchih V.M. Koryakin. - M.: Za prava voennosluzha-shchih, 2014. - 256 s.
7. Efremov A.V. Opredelenie yuridicheski znachimyh obstoyatel'stv sudami pri rassmotrenii del, svya-zannyh s realizaciej social'nyh prav voennosluzhashchih i chlenov ih semej, chlenov semej pogibshih (umershih) voennosluzhashchih // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant» (data obrashcheniya 12.02.2024).

8. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom Ros. Federacii 25 dekabrya 2014 g. № Pr-2976 // Ros. gaz. - 2014.- 30 dekabrya.
9. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 maya 2022 g. № 891 «Ob utverzhdenii pe-rechnya organizacij, imeyushchih pravo obratit'sya v edinyj institut razvitiya v zhilishchnoj sfere s hoda-tajstvom o peredache zemel'nyh uchastkov, nahodyashchihsya v federal'noj sobstvennosti, zemel'nyh uchast-kov, gosu-darstvennaya sobstvennost' na kotorye ne razgranichena, ili zemel'nyh uchastkov edinogo insti-tuta razvitiya v zhilishchnoj sfere kooperativam, v tom chisle v celyah peredachi ranee sozdannym koopera-tivam dopolnitel'no zemel'nyh uchastkov, o vnesenii izmenenij v perechen' kategorij grazhdan, kotorye mogut byt' prinyaty v chleny zhilishchno-stroitel'nyh kooperativov, sozdavaemyh v sootvetstvii s ot-del'nymi federal'nymi zakonami, i osnovanij vklyucheniya ukazannyh grazhdan, a takzhe grazhdan, ime-yushchih 3 i bolee detej, v spiski grazhdan, imeyushchih pravo byt' prinyatymi v chleny takih kooperativov, i priznanii utrativshim silu postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 aprelya 2013 g. № 376» //Sobr. zakonodatel'stva RF - 2022.- 23 maya.
10. Koryakin V.M. Social'noe obespechenie uchastnikov special'noj voennoj operacii: problemnye vo-prosy // Pravo v Vooruzhennyh Silah - voenno-pravovoe obozrenie. - 2022. № 4. S.89-90
11. Ignat'eva S.V. K voprosu o realizacii prava sobstvennosti na zhiloe pomeshchenie // YUridicheskaya nau-ka: istoriya i sovremennost'. 2023. № 5. S. 77-78.
12. Informacionno-kommunikacionnaya set' «Internet». Oficial'nyj sajt banka DOM. RF URL.:https://sprosi.dom.rf./zhsk-support/ (data obrashcheniya 12.02.2024).
13. Balanovskij A.A. O perspektivah sohraneniya v rossijskom zakonodatel'stve organizacionno-pravovoj formy zhilishchnogo kooperativa // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2022. № 4. S. 30 - 32.
14. Ukaz Prezidenta RF ot 1 dekabrya 2023 g. № 915 «Ob ustanovlenii shtatnoj chislennosti Vooruzhen-nyh Sil rossijskoj Federacii» // URL.:publication.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.02.2024).
15. O nakopitel'no-ipotechnoj sisteme zhilishchnogo obespecheniya voennosluzhashchih: feder. Zakon Ros. Federacii ot 20 avgusta 2004 g. № 117 — FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 avgu-sta 2004 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. 8 avgusta 2004 g. // Ros. gaz. - 2004. - 25 avgusta.
16. Koryakin V.M. Uproshchennyj poryadok priznaniya uchastnikov special'noj voennoj operacii bezvestno otsutstvuyushchimi i pogibshimi // Voennoe pravo: setevoj zhurn. URL.: (data obrashcheniya 12.02.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 410–426.

УДК 340

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Нижник Н. С., Лясович Т. Г.
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье освещена дискуссия, состоявшаяся на XX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)» (2023), прошедшей в Санкт-Петербургском университете МВД России. В обсуждении актуальных вопросов современной юридической науки приняли участие 433 исследователя – ученых и практиков – граждан России, Азербайджана, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана. Освещены взгляды современных ученых на особенности функционирования органов полиции Российской империи, работу советской милиции и деятельность органов полиции современной России. Охарактеризованы результаты научных изысканий исследователей истории образовательных организаций, подведомственных МВД, и работы, посвященные Санкт-Петербургскому университету МВД России.

Ключевые слова: юридическая наука, полиция Российской империи, советская милиция, полиция Российской Федерации, ведомственные образовательные организации, Санкт-Петербургский университет МВД России.

В Санкт-Петербургском университете МВД России состоялись научные конференции, приуроченные к его 25-летию, в том числе – XX международная научно-теоретическая конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)» (2023).

Проведение международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» в Санкт-Петербургском университете МВД России является многолетней традицией [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]: в 2023 г. конференция состоялась в двадцатый раз. В очном и заочном формате в ней приняли участие 433 исследователя – ученых и практиков – граждан России, Азербайджана, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана. Широка география российских участников конференции, направивших свои работы из 53 городов. В обсуждении поставленных на конференции вопросов приняли очное участие 123 участника конференции – ученых, научно-педагогических работников и исследователей, осуществляющих практическую деятельность (в числе которых 51 доктор (юридических (35), исторических (12), философских (3), педагогических (1)) наук; 54 кандидата (юридических (42), исторических (8), экономических (1), педагогических (3)) наук.

На конференции работала секция молодых исследователей. В обсуждении актуальных проблем юридической науки приняли участие 224 молодых исследователя, в числе которых граждане Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Республики Гвинеи, Сент-Винсент и Гренадин, Кооперативной Республики Гайана. Российские участники представляли 32 образовательные организации 23 городов. Очное участие в заседании секции молодых исследователей приняли 122 участника, в том числе 23 курсанта и студента, приехавшие в Санкт-Петербург

из Великого Новгорода, Владимира, Екатеринбурга, Кирова, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Челябинска. 117 молодых исследователей выступили с докладами. Лучшим – победителям Конкурса докладов – были вручены дипломы.

В число обсуждаемых на XX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)» проблем внесены различные вопросы, в числе которых: особенности полицейской деятельности на различных этапах исторического развития отечественного государства; становление и деятельность образовательных организаций, подведомственных МВД.

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение и получили отражение в сборнике материалов конференции в двух частях (часть 1 – 2589 с. [14]; часть 2 – 1118 с. [15]).

Современная юриспруденция представляет собой триединство ключевых компонентов: профессиональной юридической деятельности, юридической науки и юридического образования [16, с. 43], что предполагает не только многоаспектность научных исследований в сфере юриспруденции [17, с. 49], но и возможность появления новых направлений научных исследований, отражающих новизну подходов к анализу правовой реальности.

Одним из направлений научных изысканий являются исследования полицейской деятельности и полицейского образования – особенностей профессиональной подготовки сотрудников МВД. Современные представления о полицейской деятельности базируются на глубоком анализе исторического прошлого органов полиции, выявлении специфики участия полиции в решении внутренних проблем государства, особенностей профессиональной подготовки сотрудников полиции на разных этапах исторического развития России.

Особое значение приобретает критическое осмысление опыта, накопленного правоохранительными органами России, в том числе ***полицией Российской империи***. Важным условием эффективности функционирования правоохранительной системы государства является взаимодействие ее институтов. В. М. Деревскова, рассматривая взаимодействие полиции и прокуратуры на досудебной стадии уголовного процесса в пореформенной России [18], обратила внимание на то, что участие полиции в производстве предварительного расследования осуществлялось в формах: дознания, совершения отдельных следственных действий в порядке ст. 258 Устава уголовного судопроизводства, выполнения отдельных поручений следователя (в том числе розыска). Во второй половине XIX в. имело место «организационное и правовое оформление предварительного следствия, дознания и розыска» [18, с. 1525], определялись основы оперативно-розыскной деятельности. Полиция была отделена от суда, осуществляемое ею дознание находилось в прямом подчинении прокурора. При этом дознание по государственным преступлениям было превращено в предварительное следствие, что существенно ограничило прокурорский надзор за действия политической полиции [18, с. 1525].

Одним из подразделений политической полиции Российской империи в конце XIX – начале XX в. являлась «служба наружного наблюдения, созданная для профессионального осуществления оперативно-розыскной деятельности методом наружного наблюдения» [19, с. 31]. Она играла важную роль в борьбе с государственными преступлениями в Российской империи и накопила богатый опыт сбора

информации, способствующей противодействию криминальным угрозам. Истории службы наружного наблюдения Российской империи, ранее «закрытой» странице ведомственной истории, посвятил свои исследования А. В. Матвеев [19; 20]. Подход к рассмотрению службы наружного наблюдения А. В. Матвеева, включающий учет того, что «наружное наблюдение может рассматриваться как государственно-правовой институт, как служба (элемент государственно-правового института) – подразделение политической полиции Российской империи, как метод осуществления оперативно-розыскной деятельности [19, с. 32], получил одобрение научной общественности [21; 22; 23]. Функционирование службы наружного наблюдения в Российской империи в конце XIX – начале XX в., полагает А. В. Матвеев, было связано с решением взаимосвязанных между собой задач, в числе которых: «негласное наружное наблюдение за подозреваемыми в совершении государственных преступлений; получение информации о подозреваемых в совершении государственных преступлений путём негласного наведения справок; обеспечение безопасности членов императорской фамилии и высших должностных лиц; осуществление негласного полицейского надзора как меры предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной политической благонадёжности» [19, с. 33]. Для совершенствования деятельности службы наружного наблюдения Департамент полиции осуществлял правотворческую и разъяснительную деятельность, исходя из статуса негласного наблюдения как важного средства в охранении общественного порядка и спокойствия. Опыт службы наружного наблюдения Российской империи конца XIX – начала XX в. и сегодня находит применение в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов современной России, утверждает А. В. Матвеев [24].

На значение деятельности урядника при обеспечении свободы вероисповедания подданных Российской империи, в частности старообрядцами, в начале XX в. обратил свой исследовательский интерес В. В. Керов [25]. Указами 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. старообрядцам была предоставлена «свобода верования и молитв по велению его совести», однако в реальной жизни права старообрядцев на свободное исповедание существенно ограничивались местной властью. В условиях «церковно-государственной взаимозависимости и ведомственных противоречий» статус старообрядцев и представителей других религиозных общин в большинстве случаев зависел от личных взглядов губернатора, исправника, и в большей части – от урядника [25, с. 1539]. Правоприменение определялось усмотрением конкретного должностного лица, который фактически мог выбирать между нормативными актами Министерства внутренних дел и Синода, имевшими одинаковую юридическую силу, нормами актов Сената, Министерства юстиции и других государственных органов, которые часто по-разному толковали законодательство Российской империи [26].

Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных ***организации и деятельности советской милиции***, новые методологические подходы и новые источники позволяют исследователям XXI в. по-новому осветить различные аспекты работы милиции в различных регионах советского государства.

В. В. Синиченко, обращаясь к проблемам партийно-воспитательной работы в московской милиции в 1918–1941 гг. [27], отметил, что кадрово-воспитательная работа с личным составом представляет собой важное направление деятельности в

органах внутренних дел, а исследование исторического (советского) опыта в этой сфере в условиях острого некомплекта кадров в МВД России приобретает особое значение. В предвоенные годы в СССР, несмотря на экономические и иные трудности, проблема комплектования московской милиции кадрами была полностью решена за счет осуществления с начала 1930-х годов больших инвестиций в материально-бытовые условия сотрудников милиции, увеличение с 1 июля 1939 г. окладов денежного содержания милиционеров. Решался острый для сотрудников московской милиции жилищный вопрос: к 1935 г. в столице было построено 8 многоквартирных домов для сотрудников милиции, а в 1937 г. были изменены ставки квартирной платы для милиционеров [27, с. 1019–1020].

Важным этапом истории отечественных правоохранительных органов явилась Великая Отечественная война. С. Г. Лысенков и С. В. Бутов акцентировали внимание на том, что военнослужащие войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны внесли важный вклад в борьбу с бандитизмом на Украине [28]. Во взаимодействии с НКГБ, Красной Армией, истребительными батальонами и партизанскими отрядами они разгромили основные банды Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии, воевавших на стороне немецко-фашистских захватчиков, и их подполье, ликвидировали многих руководителей националистов [28, с. 1029].

А. В. Гусев обратил внимание на значение в военные годы местной противовоздушной обороны [29], основу сил которой составляли объектовые и цеховые формирования предприятий и учреждений, участковые команды МПВО (в границах участков милиции) и группы самозащиты при домоуправлениях. Нападение фашистской авиации не застало (МПВО) НКВД СССР врасплох: в Киеве и Ленинграде местная противовоздушная оборона находилась в боевой готовности уже к 6 час. 30 мин. 22 июня 1941 г. [29, с. 1023]. Своевременно были подготовлены формирования МПВО Севастополя, Одессы, Житомира, Каунаса, Вильнюса, Новороссийска, Архангельска, Мурманска.

Большое значение имели меры к увеличению сил и средств МПВО, к всеобщему обучению гражданского населения страны правилам противовоздушной и противохимической обороны, к борьбе с последствиями воздушных налетов. Они позволили «решить главные задачи МПВО – снижение людских потерь, сведение к минимуму материального ущерба и ликвидация последствий воздушных налетов и артиллерийских ударов» [29, с. 1027].

После того, как в годы Великой Отечественной войны вокруг Ленинграда сомкнулось блокадное кольцо, подчеркнул А. В. Панфилец, сотрудники органов внутренних дел взяли на себя решение широкого круга задач, в том числе и ранее несвойственных органам милиции [30]. Это отвлекало силы милиционеров от их прямых обязанностей. С учетом того, что немецко-фашистские захватчики неоднократно пытались захватить город, из сотрудников органов внутренних дел, несмотря на истощение личного состава милиции и госбезопасности, сверхзанятость их сотрудников по поддержанию общественного порядка в городе, были сформированы полки на случай прорыва врага внутрь городских кварталов.

Особую роль в обеспечении общественного порядка милиция продолжала играть и в послевоенном Ленинграде. Однако, как выявил Д. В. Иванов, ленинградская милиция в своей деятельности сталкивалась с множеством трудностей [31]. Понадобилось

несколько лет, чтобы в отделе уголовного розыска УВД Ленинграда была создана оперативно-поисковая группа по борьбе с карманными кражами. Новым направлением деятельности стало обеспечение безопасности на воздушном транспорте: в апреле 1990 г., после захвата самолета ТУ-134 А (Ленинград – Москва), была пересмотрена схема работы «по угонщикам».

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, констатирует Д. В. Иванов, оперативная обстановка в стране и ленинградском регионе резко ухудшилась. В 1989 г. при ГУВД был создан Оперативный штаб и внештатный сводный отряд численностью 250 чел., создана Комиссия ГУВД по комплексным проблемам борьбы с преступностью. Однако в 1990-е «не редкостью стали серьёзные нарушения и даже преступления со стороны опersостава и их руководителей. Заметно снизился уровень социальной защиты сотрудников, возросли потери среди них в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей. Все это не замедлило сказаться на уровне борьбы с преступностью в … регионе» [31, с. 1040].

В послевоенном Ленинграде, подчеркнул Г. В. Марченко, стала активно обсуждаться идея создания единого общественного института, направленного на оказание помощи милиции в охране общественного порядка [32]. С таким статусом во второй половине 1950-х годов были созданы добровольные народные дружины. До начала 1990-х годов функции ДНД постоянно расширялись: от совместной с органами милиции охраны общественного порядка до борьбы со спекуляцией и проверки паспортного режима [33; 13; 34]. Активно работали советы профилактики на промышленных предприятиях, деятельность которых была направлена на снижение количества общеуголовных преступлений (прежде всего краж) и борьбу с пьянством. Еще одной эффективной организацией стали общественные пункты охраны порядка по месту жительства, действовавшие в плотном взаимодействии с органами милиции. «На современном этапе развития российского государства, необходимо с особой тщательностью относиться к историческому наследию различных моделей взаимодействия правоохранительных органов и общественных объединений, использовать положительный опыт и не допускать прежних ошибок в этой сфере деятельности», подчеркнул Г. В. Марченко [32, с. 1207–1208].

Деятельность правоохранительных органов в XXI в. осуществляется в условиях глобализации и цифровизации общественных отношений. Международное сотрудничество правоохранительных органов превратилось в реалии современного мира. Взаимодействие правоохранительных органов осуществляется в сфере нормотворчества и правоприменения [35; 36], в сфере организации правоохранительных органов, их взаимодействия и определения основных направлений деятельности [37; 38; 39; 40; 41].

Важным условием эффективной деятельности правоохранительных органов является их обеспеченность высококвалифицированными кадрами. Особенности профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел на разных этапах исторического развития отечественного государства – одно из направлений современных историко-правовых исследований, раскрывающих ***историю и специфику деятельности ведомственных образовательных организаций.***

Система милицейского образования в отечественном государстве была сформирована в годы советской власти. Становление и развитие милицейского образования Белоруссии (Социалистической советской Республики Белоруссии, позже – Бело-

русской ССР), отмечает В. В. Лапанович [42], пришлось на сложные времена: окончание 1-й мировой войны, Гражданскую и польско-советскую войны, сопровождавшиеся политической борьбой, социальным противостоянием и экономическим кризисом. Ситуация была осложнена захватом Польшей западной части Белоруссии, поэтому в начале 20-х годов XX в. процесс организации и функционирования милиции проходил на территории лишь нескольких уездов (Минский, Борисовский, Бобруйский, Мозырский, Слуцкий, Игуменский) Минской губернии с населением 1,6 млн человек [42, с. 2437]. Основной уклон в милицейском образовании вначале был сделан на ликвидацию безграмотности и малограмотности, на повышение боевой подготовки сотрудников. В 1921 г. были созданы первые милицейские курсы командного состава в Минске. В четырёхмесячный срок курсантам предстояло изучить материал по общеобразовательным предметам, усвоить азы юриспруденции, повысить уровень своей боевой и служебной подготовки.

В марте 1922 г. на базе курсов командного состава в Минске была открыта Школа милиционеров при Главном управлении РКМ Социалистической советской Республики Белоруссии, а в 1925 г. учебному заведению было присвоено имя М. В. Фрунзе. «В 1931 г. на базе школы подготовки младшего комсостава милиции была создана Минская школа среднего начсостава (командного состава) РКМ БССР имени М. В. Фрунзе» [42, с. 2438]. Минская школа милиции имени М. В. Фрунзе прошла путь от командных курсов до милицейской школы по подготовке кадров младшего, а затем и среднего комсостава милиции. Менялись структура и содержание образовательного процесса, росло внимание к дисциплинам юридического профиля и практической подготовке курсантов [42, с. 2439].

Система подготовки сотрудников рабоче-крестьянской милиции в Крыму начала складываться в 1920-х годах. В декабре 1921 г. в Симферополе были открыты курсы красных командиров милиции, первый выпуск которых состоялся 22 мая 1922 г. Курсы были реорганизованы в постоянную школу милиции. Весной 1922 г. начальником командных курсов, а с июня того же года – начальником школы РКМ при Главном управлении милиции Крыма был назначен Алексей Агафангелович Цвилинев [43]. В. В. Прохоров, обращаясь к биографии А. А. Цвилинева, подчеркивает, что кадровый кавалерийский офицер Российской имперской армии, прошедший все ступени военной карьеры от юнкера до генерал-майора, перешел на сторону Советской власти, но так и не смог стать для нее «своим» из-за дворянского происхождения. Свой служебный путь в милиции А. А. Цвилинев завершил на низшей ступени милицейской иерархии – делопроизводителем общего стола Симферопольского окружного управления РКМ [43, с. 2448]. Биография А. А. Цвилинева – красноречивая иллюстрация сложностей и противоречивости процессов становления советского государства, органов милиции в Крыму и профессиональной подготовки советских милиционеров.

Школа для профессиональной подготовки сотрудников милиции в Нижнем Новгороде была официально открыта в 1930 г. В 1934 г. она была преобразована в Горьковскую краевую школу среднего начсостава РК милиции. Когда началась Великая Отечественная война, из Горьковской школы милиции в 1941–1942 гг. на фронт ушли 120 человек, сообщила Л. Ю. Варенцова [44]. Милиция перестраивалась на военный лад, появилось много новых обязанностей: очистка городов и оборонно-хозяйственных пунктов от преступников, борьба с хищениями грузов во вре-

мя эвакуации на водном и железнодорожном транспорте, борьба с паникерством, дезертирством и мародерством.

В июле 1941 г. на партийном собрании было решено превратить Горьковскую школу милиции в боевой отряд, который готов выполнять любые государственные задания. Курсанты Горьковской школы милиции боролись с бандитизмом, дезертирством, спекуляцией не только в пределах Горьковской области, но и выезжали со специальными заданиями в Саратовскую, Ленинградскую, Смоленскую области.

В 1942 г. Горьковская школа милиции получила новое название – Горьковская межобластная школа милиции НКВД СССР. Ее выпускники распределялись в разные города Советского Союза: Армавир, Вологду, Ярославль, Москву, Казань, Куйбышев, Чебоксары. За годы ВОВ Горьковской школой милиции было подготовлено 715 специалистов для службы в органах внутренних дел [44, с. 2453].

Решение проблемы повышения деловой квалификации работников милиции и обеспечения постоянного совершенствования их профессионального мастерства, по мнению В. В. Борисенко, обусловило организацию курсов повышения квалификации руководящих работников и специалистов по специальностям, соответствующим профилю учебного заведения, в специальных средних школах системы МВД [45]. В Могилевской специальной средней школе транспортной милиции были открыты курсы повышения квалификации начальствующего состава органов внутренних дел на транспорте (1969), целью которых являлось восстановление у практических работников теоретических знаний, повышение их практических навыков и освоение передового опыта.

Повышение квалификации проходили начальники линейных постов и дежурных инспекторов дорожных отделов милиции на Белорусской железной дороге, начальники линейных отделов и отделений милиции МВД СССР на транспорте. С 1972 г. на курсах обучались инспекторы детских комнат милиции, начальники отделов борьбы с хищениями социалистической собственности, инспекторы отделов уголовного розыска по борьбе с детской преступностью управлений и отделов транспортной милиции; с 1974 г. – инспекторы отделов уголовного розыска, специализирующиеся на борьбе с преступлениями против личности и на борьбе с кражами личного имущества граждан, инспекторы по сопровождению самолетов и начальники отделений (отделов) на воздушном транспорте, с 1975 г. – начальники служб досмотра [45, с. 2486–2487].

Всего с момента начала работы курсов повышения квалификации начальствующего состава органов внутренних дел на транспорте до мая 1992 г., когда школа была преобразована в Могилевский филиал Академии МВД Республики Беларусь, обучение на курсах прошли свыше 8,5 тыс. сотрудников органов внутренних дел на транспорте из разных регионов и республик всего Советского Союза. Школа внесла существенный вклад не только в подготовку сотрудников системы транспортной милиции МВД СССР, но и в поддержание у них в актуальном состоянии необходимых в служебной деятельности знаний, умений и навыков [45, с. 2488].

Образовательная организация, подведомственная МВД, в Уфе была открыта в 1971 г. в соответствии с Приказом МВД СССР от 22 сентября 1970 г. «О передислокации Рязанской специальной средней школы подготовки начсостава МВД СССР в г. Уфу». Уфимская специальная средняя школа подготовки начсостава МВД СССР должна была решить задачу подготовки воспитателей для воспитательно-трудовых

колоний и начальников отрядов для исправительно-трудовых колоний.

Начальником школы был назначен Закий Кабилович Юнусов [46, с. 2471]. Опираясь на биографический метод исследования [46], С. Х. Хакимов обратил внимание на достижения Уфимской средней специальной школы подготовки начальствующего состава МВД СССР, которую весь период ее существования (1971–1988) возглавлял З. К. Юнусов. За это время был сформирован коллектив высококвалифицированных преподавателей и строевых командиров; создана учебно-материальная база, которая послужила фундаментом нового учебного заведения – Уфимской высшей школы МВД СССР, преобразованной в 1993 г. в Уфимский юридический институт МВД Российской Федерации [46, с. 2476].

Профессиональная подготовка сотрудников МВД в Нальчике в постсоветский период была связана с реорганизацией Нальчикской школы усовершенствования начальствующего состава милиции МВД России. Учебное заведение вошло в состав Ростовской высшей школы МВД России на правах факультета [47]. Н. П. Голяндин и А. М. Шериев констатируют, что с августа 1993 г. наряду с продолжением подготовки кинологов и оперативных уполномоченных в учебном заведении началось обучение по программе высшего юридического образования.

В 1997 г. учебное заведение получило статус Нальчикского филиала Ростовского юридического института МВД России. Главное управление кадров МВД России приняло решение о включении Нальчикского филиала Ростовского юридического института в проведение государственного эксперимента по созданию укрупненного учебного заведения системы МВД России – Санкт-Петербургского университета. 4.04.1999 учебное заведение получило новый статус – Нальчикский юридический институт (филиал) Санкт-Петербургского университета МВД России, но, учитывая сложность управления Нальчикским юридическим институтом (филиалом) из Санкт-Петербурга, а также в ответ на ходатайство руководства Кабардино-Балкарской Республики и Ростовского юридического института, Главным управлением кадров МВД России принято решение о возвращении ведомственного учебного заведения в Нальчике в состав Ростовского юридического института МВД.

В 2003 г. была создана Краснодарская академия МВД России, в состав которой вошел Нальчикский филиал; в 2006 г. филиал вошел в структуру Краснодарского университета МВД России, а в 2011 г. был сформирован Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России. Сегодня институт представляет собой высокотехнологичное ведомственное учебное заведение, осуществляющее подготовку, переподготовку и повышение квалификации сотрудников МВД России и Росгвардии [48], а также сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран. В 2011–2022 гг. Институтом по программам профессиональной подготовки осуществлено обучение с выдачей свидетельства о должности служащего более 12 тыс. слушателей, а по программам повышения квалификации с получением свидетельства о переподготовке и сертификатов, подтверждающих прохождение обучения, более 10 тыс. слушателей из 78 комплектующих органов, в том числе 898 иностранных специалистов из трех зарубежных стран [47, с. 2461].

Отдельная страница ведомственного образования связана с Рязанью и учреждением в 1934 г. Рязанских курсов по переподготовке среднего начальствующего состава милиции, на базе которых в 1954 г. была открыта Рязанская школа переподго-

товки начсостава МВД СССР, преобразованная в 1970 г. в Рязанскую высшую школу МВД СССР.

Ю. А. Реент, опираясь на исторический и сравнительный методы исследования, выявил особую роль этого учебного заведения в формировании иных ведомственных учебных заведений [49], в числе которых: Уфимская специальная средняя школа подготовки начсостава МВД СССР – Уфимская высшая школа МВД СССР – Уфимский юридический институт МВД России; Барнаульская средняя специальная школа подготовки начсостава МВД СССР – Барнаульский филиал Рязанского института права и экономики МВД России – Барнаульский юридический институт МВД России; Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

На базе Рязанской высшей школы МВД России – Академии ФСИН России был сформирован и целый ряд пенитенциарных вузов, в числе которых: Владимирский филиал Рязанского института права и экономики МВД России – Владимирский юридический институт МВД России; Вологодский филиал Рязанского института права и экономики МВД России – Вологодский институт права и экономики Минюста России; Кировский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний; Томская школа усовершенствования начальствующего состава лесных ИТУ; Кузбасский институт ФСИН России [49].

Одним из ведущих учреждений уголовно-исполнительной системы по профессиональной подготовке кадров является Владимирский юридический институт ФСИН России. В. С. Кузыченко и А. М. Петров констатировали, что учебное заведение ведет свое начало с 1938 г., когда были организованы курсы подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР [50]. В начале Великой Отечественной войны весь личный состав курсов был отправлен на фронт, однако, уже летом 1943 г. была создана Владимирская школа подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР, на базе которой в итоге был создан Владимирский юридический институт ФСИН России. В настоящее время вуз входит в число ведущих ведомственных образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы и правоохранительных органов в целом [50, с. 2469–2470].

Санкт-Петербургский университет МВД России, образованный 18.06.1998 стал первым университетом в системе МВД России. В состав университета вошли Санкт-Петербургские академия МВД России, институт пожарной безопасности МВД России военный институт внутренних войск МВД России. Сегодня Санкт-Петербургский университет МВД России представляет собой большой динамично-развивающийся учебно-научный центр. Санкт-Петербургский университет МВД России вносит весомый вклад в дело построения правового государства в нашей стране, в формирование профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов, считает С. М. Прокофьева [51]. Благодаря целенаправленному обучению и воспитанию юридические знания, формируемые у курсантов и слушателей, превращаются в нравственные качества, присущие человеческой личности, а также в устойчивые навыки ее правомерного поведения.

Юридические вузы МВД России вносят большой вклад в формирование гуманистического мировоззрения у сотрудников правоохранительных органов, осуществляя политику, направленную на гуманитаризацию юридического образования. Гу-

манитаризация образования – это не только и не столько увеличение часов на предметы гуманитарного цикла, но и развитие у обучаемых всех семи форм общественного сознания: политического, правового, этического (морального), религиозного, научного, эстетического (художественного) и философского [51, с. 2507–2508]. В немалой степени этому способствует изучение философии, культурологии, конфликтологии, профессиональной этики, проблем обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел, психологии в деятельности ОВД.

Вклад в формирование гуманистического мировоззрения курсантов вносит и обучение иностранным языкам, которое в Санкт-Петербургском университете МВД России – образовательной организации высшего образования неязыкового профиля – имеет профессиональную направленность, отмечает Н. А. Беломытцева [52]. Целью изучения иностранного языка в высшей школе является обеспечение практических (деловых) профессионально-коммуникативных потребностей будущих квалифицированных специалистов в разных областях. В Санкт-Петербургском университете МВД России изучаются иностранные языки (английский, немецкий и французский) в юридической / правовой, экономической, информационно-технической, психолого-педагогической сферах деятельности сотрудников органов внутренних дел. Именно так иноязычное образование (обучение, воспитание и развитие средствами иностранного языка) вносит свой вклад в юридическое образование выпускника [52, с. 2516–2517].

В структуре Санкт-Петербургского университета МВД России, осуществляющего образовательную и научную деятельность, с момента учреждения существует редакционно-издательское подразделение, подчеркнули Л. В. Каверина и А. А. Малофеев [53]. Основные задачи редакционно-издательской деятельности сосредоточены в области обеспечения образовательного процесса и развития университетской науки учебной, методической, научной и справочной литературой. Кроме того, на отдел возложена ответственность за выпуск методических изданий для организации несения службы сотрудниками органов внутренних дел в усиленном режиме при проведении в Санкт-Петербурге крупных международных мероприятий [53, с. 2521]. Редакционно-издательский отдел находится в авангарде издательского дела в системе МВД России: явился инициатором комплекса мероприятий по вопросам развития редакционно-издательской деятельности в ведомственных образовательных организациях; с 2018 г. в Университете проводится регулярный научный форум, ставший авторитетной дискуссионной площадкой в издательском сообществе МВД России, с 2022 г. – новый конкурс «Развитие и совершенствование ведомственного издательского дела: взгляд в будущее».

Достижения современных технологий активно внедряются редакцией журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России». В базе Российского индекса научного цитирования за 2022 год журнал имеет 22 место по юридическим наукам, 11 – по педагогическим и 9 – по психологическим. По коэффициенту научной значимости Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» отнесен к категории К1. В целях развития издания и расширения читательской аудитории в 2023 г. журнал переведен в статус электронного сетевого издания.

В 2021 г. был учрежден «Российский девиантологический журнал». Высокие издательские стандарты, привлечение к сотрудничеству ведущих авторов и членов

редколлегии позволили журналу сразу стать заметным явлением среди периодических изданий. Помимо двух научных журналов, учитывая значение средств массовой информации образовательного учреждения МВД России как корпоративных масс-медиа [54; 55; 56], сотрудники редакции обеспечивают подготовку и выпуск университетской газеты «На страже закона», главной задачей которой является освещение всех важнейших мероприятий, проводимых в Университете и за его пределами с участием личного состава.

Многогранная творческая деятельность редакционно-издательского отдела позволяет решать все поставленные перед отделом задачи по обеспечению эффективной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России [53, с. 2524].

Сегодня в структуру Санкт-Петербургского университета МВД России входят: факультет подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом [57]; факультет подготовки сотрудников для следственных подразделений [58]; факультет подготовки сотрудников для оперативных подразделений; факультет подготовки финансово-экономических кадров; факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка [59]; факультет подготовки иностранных специалистов; факультет заочного обучения, а также Институт-факультет профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Университет имеет два филиала – Калининградский филиал и Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России осуществляет подготовку по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Обеспечение законности и правопорядка», профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел.

В июне 2016 г. в связи с упразднением Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков Университету был передан Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России. На его базе создан Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ленинградский областной филиал является единственным в России учреждением образовательной системы МВД России, осуществляющим подготовку специалистов для оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел и является бессменным лидером по подготовке специалистов-практиков для службы наружного наблюдения МВД России, констатировали Т. Г. Лясович и А. А. Макеева [60]. Филиал исторически продолжает традиции первого учебного заведения системы МВД – Школы дружинников Союза коммун Северной области, созданной в Петрограде в сентябре 1918 г. для подготовки специалистов для подразделений наружной охраны НКВД РСФСР. В настоящее время личный состав филиала представляет собой сплоченный коллектив, нацеленный на передачу теоретических знаний и опыта практической работы в правоохранительных органах новым поколениям сотрудников органов внутренних дел [60].

Важное место в жизни Санкт-Петербургского университета МВД России занимает Межрегиональная общественная организация ветеранов органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, которая входит в состав Общероссийской общественной организации ветеранов органов внутренних дел. Сегодня Межрегиональная общественная организация ветеранов университета объединяет

три первичных организации, расположенных в Санкт-Петербурге, Калининграде и Ленинградской области с общей численностью 680 человек, отметил председатель Совета ветеранов Межрегиональной общественной организации ветеранов органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный сотрудник ОВД, воин-интернационалист генерал-майор милиции в отставке Н. Н. Силкин, который подчеркнул роль ветеранского движения в ведомственных вузах и высокий научный и личный потенциал ветеранской организации Университета [61]. Ветеранская организация активно участвует во всех воспитательных мероприятиях Университета, способствуя поддержанию высокого уровня учебно-воспитательного процесса и подготовки профессиональных кадров для органов внутренних дел [61, с. 2588], и играет важную роль в сохранении традиций Санкт-Петербургского университета МВД России [62].

Исследования полицейской деятельности и полицейского образования в рамках теоретико-исторических правовых наук углубляют представления о правоохранительной системе государства и ее структуре, организации и функционировании полицейской системы государства, задачах и критериях эффективности участия полиции в решении внутренних проблем государства, особенностях профессиональной подготовки сотрудников полиции. Изыскания в рамках теоретико-исторических правовых наук создают основу совершенствования государственно-правовой системы современной России и развития прикладной юриспруденции в условиях XXI в.

Список литературы:

1. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117. – EDN YHQDDV.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. 2018. № 4. С. 110–117. – EDN YWMUBV.
3. Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 57–72.
4. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 1–51.
5. Нижник Н. С. Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандин-ской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2018. № 4. С. 94–106.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. 2019. № 6. С. 138–145. DOI 10.31857/S013207690005271-0. – EDN WAXFHS.
7. Нижник Н. С. Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД Рос-сии в юбилейной международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 149–156. – EDN ZFBDBB.
8. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современ-ных научных исследований: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / сост. Э. Х. Мамедов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 267–296. – EDN VXMYPE.
9. Nizhnik N. 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Rus-sian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) // Historia Provinciae – the Journal of Regional History. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 495–522. – EDN ZACSYH.
10. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. История Российской Империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской Империи) // Государство и право. 2021. № 11. С. 186–195. DOI 10.31857/S102694520017466-3. – EDN XBABUE.
11. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192. DOI 10.31857/S102694520023313-5. – EDN VPXFWP.
12. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Советское государство и общество: основные направления взаимо-

действия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 384–394. – EDN MEWUES.
13. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 7–12. DOI 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12. – EDN GXTBYW.
14. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – EDN: UCESLR.
15. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 2. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. А. Федоринова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – EDN: TOQPAW.
16. Нижник Н. С. Юридическая наука как закономерный этап развития отечественной юриспруденции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 43–49.
17. Кожевина М. А. История отечественной юридической науки и современное науковедение // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1(52). С. 49–53.
18. Деревскова В. М. Прокурорский надзор за исполнением законов полицией после проведения судебной реформы 1864 года // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1519–1527.
19. Матвеев А. В. Центральный филёрский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении – субъект обеспечения безопасности главы государства в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 30–36.
20. Матвеев А. В. Особенности кадрового обеспечения службы наружного наблюдения в подразделениях Отдельного корпуса жандармов Российской империи // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 149–154.
21. Нижник Н. С. Государственно-правовой институт наружного наблюдения в Российской империи – предмет исследования современных учёных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 201–212.
22. Краковский К. П. Размышления о судьбах российской политической полиции, спровоцированные диссертацией А. В. Матвеева на тему: «Институт наружного наблюдения в правоохранительной системе Российской империи (историко-правовое исследование)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 213–221.
23. Жаров С. Н. Защищена диссертация об истории наружного наблюдения в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4(96). С. 222–233.
24. Матвеев А. В. История службы наружного наблюдения Российской империи как предмет отечественной историографии // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 200–206.
25. Керов В. В. «Царские слова старообрядцы должны понимать как додумалась узкая голова умного урядника: российское законодательство в тисках исполнительной власти начала XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижик; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1534–1540.
26. Керов В. В. Правовой статус старообрядцев в Российской империи: нормативное закрепление и особенности обеспечения в 1907–1914 годах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4(100). С. 31–38. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-31-38.
27. Синиченко В. В. Партийно-воспитательная работа и кадровая политика в московской милиции в 1918–1941 годах // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к

25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1015–1021.
28. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Военнослужащие войск НКВД СССР в борьбе с бандитизмом на Украине в период Вели-кой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической кон-ференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1029–1035.
29. Гусев А. В. Подготовка формирований МПВО НКВД СССР к защите от воздушного и химического нападения в пер-вом периоде Великой Отечественной войны (1941–1945) // Государство и право: эволюция, современное состояние, пер-спективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1022–1028.
30. Панфилец А. В. Государственное принуждение и его применение в условиях военного времени и блокады Ленинграда // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1650–1656.
31. Иванов Д. В. Уголовный розыск Ленинградского региона в 1960-х – 1990-х годах: особенности деятельности и введе-ние новых форм работы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1036–1041.
32. Марченко Г. В. На страже правопорядка: ретроспектива взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конферен-ции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1201–1209.
33. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 52–66. DOI 10.7256/2454-0692.2018.5.23796. – EDN YOMEXJ.
34. Нижник Н. С., Козинникова Е. Н., Чукаев Т. О. История Советского Союза в контексте научного анализа XIX Международная научная конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)» (28–29 апреля 2022 Г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 226–240. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-226-240. – EDN JNBXIU.
35. Шеншин В. М. Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов иностранных госу-дарств: сравнительно-правовое исследование // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы раз-вития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1049–1054.
36. Сорокина Е. А. Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов Швеции по реализации миграционной политики государства в начале XXI века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1055–1070.
37. Абдулло А. Р. Правоохранительная система в условиях реформирования Таджикского государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1078–1093.
38. Розикзода Ф. М. Органы дознания – элемент правоохранительной системы Республики Таджикистан // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-

теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 1094–1100.
39. Абдуллоев А. Р. Милиция как структурно-функциональный элемент правоохранительной системы Республики Таджикистан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(76). С. 28–31.
40. Абдуллоев А. Р. Нормативные основания становления и эволюции правоохранительной системы Республики Таджикистан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 10–19.
41. Нижник Н. С., Абдулло А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021. 476 с.
42. Лапанович С. Ф. Создание и деятельность Минской школы милиции имени М. В. Фрунзе при Управлении милиции и уголовного розыска НКВД БССР (1920-е – 1930-е) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2436–2442.
43. Прохоров В. В. Цвилинев Алексей Агафангелович: страницы биографии начальника школы комсостава РКМ Крыма // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского уни-верситета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2443–2449.
44. Варенцова Л. Ю. Горьковская межобластная школа милиции НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конферен-ции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2450–2456.
45. Борисенко В. В. Организация работы курсов повышения квалификации начальствующего состава органов внутренних дел на транспорте в Могилевской школе милиции (1969–1992) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2484–2490.
46. Хакимов С. Х. У истоков высшего учебного заведения МВД СССР в городе Уфе (к 100-летию полковника внутренней службы З. К. Юнусова) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2471–2476.
47. Голяндин Н. П., Шериев А. М. От факультета до института: 90-летие Северо-Кавказского института повышения квали-фикации (филиала) Краснодарского университета МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2457–2463.
48. Голяндин Н. П., Шериев А. М. Деятельность сотрудников Нальчикского филиала Краснодарского университета МВД России в установлении конституционных принципов государственности и поддержании общественного порядка в Кабардино-Балкарской республике России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2477–2483.
49. Реент Ю. А. Академия ФСИН России как соучредитель ряда вузов Министерства внутренних дел России России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского уни-верситета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2491–2496.
50. Кузыченко В. С., Петров А. М. Путь длиною в 80 лет (1943 – 2023): от Владимирской школы подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР до Владимирского юридического института

ФСИН России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2464–2470.
51. Прокофьева С. М. Роль Санкт-Петербургского университета МВД России в формировании профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной науч-но-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2505–2511.
52. Беломытцева Н. А. Вклад иноязычного образования в профессиональную подготовку выпускника Санкт-Петербургского университета МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2512–2518.
53. Каверина Л. В., Малофеев А. А. Становление и развитие редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2519–2525.
54. Каверина Л. В. Средства массовой информации образовательного учреждения МВД России как корпоративные масс-медиа (на примере Белгородского юридического института МВД России) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2013. № 1(21). С. 85–87.
55. Каверина Л. В. Корпоративные масс-медиа как средство овладения корпоративной культурой курсантами образовательных организаций МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2013. № 2(22). С. 37–39.
56. Каверина Л. В., Пелюх Е. И., Старосельцева М. М., Шарутенко В. Н. Использование возможностей медиапространства вуза при формировании личности сотрудника органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 92–96.
57. Цымбалова Д. Ю. Факультет подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом как структур-ная единица Санкт-Петербургского университета МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2540–2546.
58. Холодов В. Н. Факультет подготовки сотрудников для следственных подразделений как структурная единица Санкт-Петербургского университета МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2547–2551.
59. Георгиева П. А. Факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка как структурная единица Санкт-Петербургского университета МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2552–2559.
60. Лясович Т. Г., Макеева И. А. Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России: страницы истории // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2560–2569.
61. Силкин Н. Н. 25 лет – в одном строю // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-

Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2580–2588.
62. Гутман М. Ю. Тупой карандаш лучше самой острой памяти: о сборнике воспоминаний ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России «Первый и последний день войны» // Государство и право: эволюция, совре-менное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): В 2 ч. Ч. 1. Ма-териалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2570–2579.

Nizhnik N. S., Lyasovich T. G. Policing and professional activities training of employees of the internal affairs bodies as a subject of legal research // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 410–426.

The article highlights the discussion held at the XX International scientific and theoretical conference "State and Law: evolution, current state, development prospects (to the 25th anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)" (2023), held at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 433 researchers - scientists and practitioners – citizens of Russia, Azerbaijan, Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, Tajikistan took part in the discussion of topical issues of modern legal science. The views of modern scientists on the peculiarities of the functioning of the police of the Russian Empire, the work of the Soviet police and the activities of the police of modern Russia are highlighted. The results of scientific research by researchers of the history of educational organizations subordinated to the Ministry of Internal Affairs and works dedicated to the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia are characterized.

Keywords: legal science, police of the Russian Empire, Soviet police, police of the Russian Federation, departmental educational organizations, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 427–431.

УДК 347

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК СТАДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Пеленицына М. В., Грудцына В. С.

Исполнительное производство представляет собой ключевую стадию в гражданском процессуальном праве, предназначенную для обеспечения исполнения судебных решений и иных исполнительных документов. На этой стадии осуществляется принудительное приведение в исполнение обязанностей, установленных судом или другим уполномоченным органом, а также обеспечивается возмещение убытков пострадавшим сторонам. Суть исполнительного производства заключается в обеспечении принудительного выполнения судебных актов и обеспечении правопорядка. Данная стадия играет ключевую роль в обеспечении справедливости и законности в гражданском процессуальном праве, обеспечивая защиту интересов сторон и выполнение судебных решений. В настоящей статье автором уделено внимание правовой природе одной из заключительных стадий гражданского процесса – исполнительному производству. Проанализированы подходы к определению понятия «исполнительное производство» в теоретико-правовых воззрениях представителей научной юридической литературы; выделены основные сущностные характеристики, этапы исполнительного производства. На основе анализа материалов научной юридической литературы, нормативно-правовых актов отечественного законодательства автором было подчеркнуто собственное понимание стадии исполнительного производства в гражданском процессуальном праве Российской Федерации, а также ее значение в теоретическом и практическом аспектах.

Ключевые слова: исполнительное производство, гражданский процесс, судебный пристав-исполнитель, стадии, судебный процесс.

Исполнительное производство является одной из стадий гражданского процессуального права, которая осуществляется в целях принудительного исполнения судебного акта или иного решения суда. Теоретико-правовой аспект этой стадии гражданского процессуального права предполагает изучение всей системы норм, принципов и процедур, регулирующих исполнительное производство и осуществление принудительного исполнения.

Исследование данной сферы является, несомненно, актуальным, поскольку в современном правовом пространстве существует сложная система законов и правил, которые регулируют исполнение решений судов и иных органов. Изучение исполнительного производства позволяет разобраться в этих правилах и процедурах исполнения, что является необходимым для защиты своих прав и интересов. Более того, одной из важнейших задач государства является обеспечение исполнения судебных решений. Изучение исполнительного производства помогает понять, какие меры предпринимаются для принудительного исполнения судебных решений и какие права имеют должники и кредиторы в данном процессе.

Следует отметить несмотря на то, что действующим законодательством вопрос о понятии исполнительного производства не только как стадии гражданского процесса, но и в широком смысле не урегулирован надлежащим образом. В связи с этим, в научной юридической литературе отсутствует единое понимание рассматриваемого явления. Рассмотрим некоторые подходы, предлагаемые цивилистами, в результате которых сформировались три ключевые концепции определения термина «исполнительное производство».

Так, ряд авторов, среди которых Н.А. Чечина, М.С. Шакарян, М.Д. Олегов, А.К. Сергун, Е.Г. Стрельцова полагают, что исполнительное производство – это одна из стадий правосудия, преимущественно, заключительная [5].

Другой подход предполагает определение исполнительного производства как отдельной, комплексной отрасли права. Подобной позиции придерживается в своих трудах М.К. Юков. В частности, автор отмечал, что совокупность норм, регулирующих отношения, связанные с исполнением решений компетентных органов, представляет собой исполнительное право. В то же время М.К. Юков не считает исполнительное право самостоятельной отраслью права. Совокупность правовых норм он рассматривал как вторичное образование гражданского процессуального права, а суд называл одним из субъектов складывающихся отношений [7].

Продолжает мысль о том, что исполнительное производство является стадией, известный правовед В.М. Шерстюк. В своих трудах автор отмечал, что «исполнительное производство является составной частью механизма защиты гражданского права и заключительным этапом (стадией) его реализации» [7].

Дискуссия о том, является ли исполнительное производство стадией цивилистического процесса или нет, основывается на различных подходах к вопросу о моменте прекращения правозащитной процедуры. В юридической литературе по данному вопросу появились две противоположные точки зрения.

Некоторые ученые полагают, что процесс защиты прав и охраняемых законом интересов заканчивается с момента вынесения решения суда. Другие считают, что этот процесс заканчивается тогда, когда они действительно защищены посредством исполнительного производства [2].

На мой взгляд, наиболее полной и соответствующей действительности служит вторая точка зрения, поскольку она отражает сущность исполнительного производства – принудительное исполнение решений, вынесенные в пользу лиц, чьи права были нарушены. Таким образом, стадия исполнительного производства служит заключительным правозащитным механизмом в юрисдикционном процессе.

Несколько схожий по своему содержанию, близкий к ранее упомянутому служит третий подход к определению исполнительного производства, сторонниками которого выступают В.В. Ярков, О.В. Исаенкова и другие. По мнению представителей научной юридической литературы, исполнительное производство есть самостоятельно формирующаяся отрасль права, обладающая свойственным только ей предметом, методом, субъектным составом, целями и принципами [4].

Анализ позиций представителей научной юридической литературы по поводу определения правовой природы исполнительного производства позволяет выделить ряд основных признаков данной стадии в цивилистическом процессе. Так, признаки исполнительного производства включают:

1. Определенное место исполнения. Исполнительное производство обычно осуществляется в определенном месте, которое может быть, например, определено судом в соответствии с правилами, установленными законодательством об исполнительном производстве.

2. Процессуальная форма. Исполнительное производство является формой процессуального воздействия на должника с целью принудить его к исполнению судебного решения или иного исполнительного документа. Более того, реализация полномочий на стадии исполнительного производства, например, судебным приста-

вом-исполнителем предполагает облегание ее в определенную законом процессуальную форму, обеспечивая тем самым объективность, законность и беспристрастность органов исполнения судебного решения.

3. Принудительность. Исполнительное производство предусматривает применение принудительных мер по отношению к должнику, включая, например, конфискацию имущества, ограничение в правах или штрафные санкции.

4. Определенный круг лиц. Исполнительное производство проводится между определенными сторонами – истцом (кредитором), должником и органом, осуществляющим исполнение (например, Федеральной службой судебных приставов).

5. Соблюдение установленной процедуры. Исполнительное производство осуществляется в соответствии с законодательством и установленной процедурой, которая включает в себя определенные сроки и этапы процесса.

6. Эффективность и результативность. Главной целью исполнительного производства является достижение исполнения судебного решения или иного исполнительного документа и восстановление нарушенных прав или интересов кредитора. Именно с помощью реализации мер, предусмотренных законом на данной стадии гражданского процесса, обеспечивается надлежащее исполнение судебного решения в пользу лица, чьи права были нарушены.

9. Ограничение возможности обжалования. Исполнительное производство может быть обжаловано в суде только в определенных случаях и на определенных основаниях, что допускает более быстрое и эффективное исполнение решения.

Особое внимание в целях анализа правовой природы исполнительного производства следует уделить его отдельным, последовательным стадиям. Так, в литературе сложилось единое мнение относительно выделения этапов исполнительного производства в гражданском процессе: возбуждение исполнительного производства; принятие принудительных мер и совершение исполнительных действий в исполнительном производстве; окончание исполнительного производства.

На мой взгляд, указанный перечень является неполным, если характеризовать стадию исполнительного производства в цивилистическом процессе, поскольку не отражают его правовую природу в должной мере. Так, перечень этапов исполнительного производства следует расширить и закрепить следующим образом:

1. Вынесение судом судебного решения и его вступление в законную силу. По смыслу ст. 210 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), судебное решение подлежит исполнению после вступления в законную силу [3]. Исключение составляют ситуации немедленного исполнения, о чем суд, как правило, указывает в своем решении. При этом, как справедливо отмечено в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 2 июня 2015 г. по делу № 33-4636/2015, само по себе отсутствие в резолютивной части решения указания на немедленное исполнения не препятствует его немедленному исполнению в случаях, предусмотренных законом (например, когда речь идет о восстановлении на работе в соответствии с законом) [1].

2. Исполнительное производство. На данном этапе проводятся мероприятия по исполнению судебного решения. Например, в соответствии со ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве» производить розыск должника, его

имущества; осуществлять взыскание исполнительного сбора и другие мероприятия [6].

3. Обжалование исполнительных действий или бездействия. Сторона, недовольная исполнительными действиями или бездействием исполнительной службы суда, может обратиться в суд с жалобой на эти действия или бездействие. Суд может принять решение о приостановлении исполнительного производства или обязать исполнительную службу принять определенные меры для исполнения решения. Стоит отметить, что данный этап является факультативным, поскольку находит свое отражение не во всех ситуациях, связанных с принудительным исполнением решения.

4. Достижение исполнения. Когда решение суда полностью исполнено, стороны должны уведомить об этом суд, который может закрыть исполнительное производство посредством принятия акта о прекращении исполнения выданного им исполнительного документа.

5. Прекращение исполнительного производства. Исполнительное производство может быть прекращено по различным основаниям, таким как заключение мирового соглашения между сторонами, прекращение действия исполнительного документа или изменение обстоятельств дела (например, в связи со смертью взыскателя-должника).

Таким образом, исходя из анализа точек зрения представителей научной юридической литературы можно сделать вывод, что под исполнительным производством в цивилистике следует понимать стадию гражданского процесса, направленную на принудительную реализацию судебных и иных актов. Исходя из этого, основными задачами исполнительного производства являются защита и восстановление нарушенных прав и законных интересов сторон гражданского дела. Сущность исполнительного производства проявляется в том, что оно осуществляется принудительно, то есть с применением различных мер исполнительного принуждения, таких как обращение к механизмам принудительного исполнения, наложение ареста на имущество должника, осуществление вычета из зарплаты или другого дохода и так далее.

Вместе с тем, как показывает анализ литературы, отсутствие законодательного закрепления понятия «исполнительное производство» способствует тому, что трактовка данного института с позиций представителей научной юридической литературы происходит по-разному, а порой, вкорени отличается друг от друга. В связи с этим, совершенствование законодательства в данной сфере необходимо, поскольку окончательно позволит завершить дискуссии относительно правовой природы исполнительного производства, устранит двойственность понимания в данной сфере относительно трактовок его как самостоятельной отрасли или стадии гражданского процесса.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 2 июня 2015 г. по делу № 33-4636/2015 // СПС Гарант-Образование
2. Афанасьев С. Ф., Исаенкова О. В., Борисова В. Ф., Филимонова М. В. Исполнительное производство. Учебник и практикум. / под ред. Исаенкова О. В. – М.: Юрайт, 2020. – С. 245.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. – 2002. – 20 ноября.

4. Исполнительное производство. Практикум. Учебное пособие / под ред. Ярков В. В., Царегородцева Е. А. – М.: Статут, 2017. – С. 78.
5. Килоев К.Г. Особенности исполнительного производства в российском законодательстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – №5. – С. 42.
6. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – ст. 4849.
7. Юков М.К. Шерстюк В.М. Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об исполнительном производстве». – М.: Городец, 2000. – С. 212.

Pelenitsyna M.V., Grudtsyna V.S. Executive Proceedings As A Stage In Civil Procedure Law: Theoretical And Legal Aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 427–431.

Enforcement proceedings are a key stage in civil procedural law, designed to ensure the execution of court decisions and other enforcement documents. At this stage, the compulsory enforcement of obligations established by the court or other authorized body is carried out, and compensation for losses is provided to the injured parties. The essence of enforcement proceedings is to ensure the enforcement of judicial acts and ensure law and order. This stage plays a key role in ensuring fairness and legality in civil procedural law, ensuring the protection of the interests of the parties and the implementation of court decisions. In this article, the author pays attention to the legal nature of one of the final stages of the civil process - enforcement proceedings. The approaches to defining the concept of “enforcement proceedings” in the theoretical and legal views of representatives of scientific legal literature are analyzed; the main essential characteristics and stages of enforcement proceedings are highlighted. Based on the analysis of scientific legal literature, normative legal acts of domestic legislation, the author emphasized his own understanding of the stage of enforcement proceedings in the civil procedural law of the Russian Federation, as well as its significance in theoretical and practical aspects.

Key words: enforcement proceedings, civil process, bailiff, stages, trial.

Spisok literatury:

1.Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Novosibirskogo oblastnogo suda ot 2 iyunya 2015 g. po delu № 33-4636/2015 // SPS Garant-Obrazovanie
2.Afanas'ev S. F., Isaenkova O. V., Borisova V. F., Filimonova M. V. Ispolnitel'noe proizvodstvo. Uchebnik i praktikum. / pod red. Isaenkova O. V. – M.: YUrajt, 2020. – S. 245.
3.Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002g. № 138-FZ (v aktual'noj redakcii) // Rossijskaya gazeta. – 2002. – 20 noyabrya.
4.Ispolnitel'noe proizvodstvo. Praktikum. Uchebnoe posobie / pod red. YArkov V. V., Caregorodceva E. A. – M.: Statut, 2017. – S. 78.
5.Kiloev K.G. Osobennosti ispolnitel'nogo proizvodstva v rossijskom zakonodatel'stve // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. – 2014. – №5. – S. 42.
6.Federal'nyj zakon ot 02.10.2007 № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2007. – № 41. – st. 4849.
7.YUkov M.K. SHerstyuk V.M. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu Rossijskoj Federacii «Ob ispolnitel'nom proizvodstve». – M.: Gorodec, 2000. – S. 212.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 432–437.

УДК 614.44:656.073.2

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПОГРУЗО-РАЗГРУЗОЧНЫХ РАБОТ

Клименко Е. П., Клименко П. М.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Данная статья посвящена вопросу обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности при проведении погрузо-разгрузочных работ. В частности, автором исследован процесс принятия мореходных судов в порту, приходящих из подозрительных мест, а также какие меры требовалось соблюдать при выгрузке товаров. Кроме того, названы права, обязанности и меры ответственности лиц, следящих за товарами, которые выгружались из корабля в карантин. Например, карантинного чиновника, который следил, чтобы в процессе выгрузки не было взаимодействия с другими людьми и судами. Также в работе указано как следовало поступать, если на корабле уже было зафиксировано заразное заболевание и какие меры следовало предпринять с выгружаемыми товарами.

Ключевые слова: погрузочно-разгрузочные операции, карантин, устав о карантинах, морской торговый порт, карантинная контора.

Завоз заразных инфекционных заболеваний во многом связан с движением морского, железнодорожного и иного видов транспорта. Ввиду этого, в особое внимание законодателя в различных странах получили организационно-правовые меры и методы предотвращения передачи и распространения инфекции по прибытии судна в порт, а также в ходе осуществления погрузочно-разгрузочных работ. Именно этот процесс зачастую связан с транспортировкой товаров и вещей, которые использовались зараженными лицами.

Интенсификация морской торговли России в конце XVIII в. во многом была вызвана созданием торговых портов в Черном и Азовском морях, ориентированных в первую очередь на страны и регионы Средиземноморья и Азии. Однако, именно оттуда зачастую и приходили наиболее опасные эпидемиологические заболевания, а морской путь для их проникновения оказался одним из наиболее удобных.

Во многих государствах в конце XVIII – начала XX вв. (Англия, Россия, Австрия, Италия, Франция, Дания, Швеция и т.д.) законодательным путем были урегулированы вопросы как, в какие сроки и каким способом провести передачу товаров с судна на землю, чтобы не занести очаговую инфекцию. Не являлась исключением в данном вопросе и России.

Карантинные уставы были основными консолидированными законодательными актами для деятельности всей карантинной службы в Российской империи. Всего, как известно, было пять карантинных уставов, последний из которых был принят в 1866 г. [1, с. 24].

Основные меры, условно, можно разделить на следующие этапы: 1) при известности эпидемии – закрытые порты, недопущение пришедших судов, их экипажей к общению с местным населением, обмена товаров и продуктов); 2) ограниченный доступ с проверкой судов (их экипажей, товаров, судна) квалифицированным медицинским персоналом, с длительным обсервационным сроком на рейде; 3) менее ограниченный доступ, предусматривающий возможность выгрузки товаров и выхо-

да экипажей на берег, но лишь в границах карантинных учреждений; 4) полный доступ, ограниченный лишь таможенными и пограничными формальностями.

Первый Устав пограничных и портовых карантинов был принят 7 июля 1800 г. (№ 19476). Отделение IX содержало правила, как принимать мореходные суда, приходящие из подозрительных мест; и какие осторожности следовало соблюдать при выгрузке товаров.

В частности, предусматривалось, что шлюпки и лодки, принадлежащие кораблю, выдерживающему карантин, как и всякие барки, используемые для выгрузки товаров, должны были иметь красный вымпел на носу, когда только от корабля посылаются в другое место (п. 148) [2, с. 220 – 221].

Корабль, оставаясь на отведенном ему месте под присмотром находящегося на нем надежного приставника, через 4 дня по утрам и вечерам подвергается осмотру одного из членов Карантинной конторы, приезжающего на шлюпке и спрашивающего, не всходя на корабль, о здоровье начальника или его хозяина, и потом поставленных на лодке людей и пассажиров, согласно списку перед этим в карантинную контору присланному, возвращается обратно на берег (п. 158).

По прошествии этого времени, разрешалось начинать выгрузку товаров, если никто из находящихся на корабле людей в подозреваемой к наличию болезни не заподозрен (п. 159).

Получая таким образом разрешение для снятия с корабля товаров и вещей, перевоза их на берег для помещения в очистительные пакгаузы, находящийся на корабле от Карантинной конторы чиновник с караулом, сперва должен был составить именной список всем людям, произвести учет их одежды и всем пожиткам, и отправив то и другое в Карантинную Контору, произвести запись каждой вещи, выгружаемой из корабля в карантин (п. 160) [2, с. 222].

Без всякого исключения следовало выгружать товары, вещи и различные изделия, разрешенные и запрещенные Тарифом к ввозу, и, конец, чтобы удобнее можно было осмотреть судно, вымыть, вычистить и окурить его (п. 163).

Для того, чтобы все товары были выгружены в карантинный дом для очищения, налагался десятидневный карантин и штраф на того начальника корабля, в котором при свидетельстве членов Карантинной конторы оказывались еще не все вынесенными товары и вещи, что полагалось выгрузить немедленно. С этой целью, если давались будут от вышеуказанной Конторы свидетельства восьми и двенадцатидневные или более судну, то ради прекращения злоупотребления следовало признать их недействительными (п. 164) [2, с. 224 – 225].

Если судно, нагруженное опасными товарами, при соблюдении карантина, желало отправиться в иной порт Российской империи, то чтобы карантинное свидетельство могло быть признано там действительным, необходимо было иметь ярлык от таможни. В данном ярлыке следовало точно указать о том, что все товары, которыми отходящее судно нагружено, были же выгружены, в карантинных пакгаузах проветрены и окурены согласно Уставу (п. 166).

Владельцу любого корабля или мореходного судна, груз которого в карантин был вывезен, позволялось приступить к новой нагрузке судна товарами через 12 дней, считая со дня окончания выгрузки. В течении этих 12 дней следовало регулярно вычищать, вымывать морской водой, проветривать и окуривать судно, а весь

экипаж судна с своими вещами и постельными принадлежностями должны были проветривать и очищать их в карантине (п. 167).

Если нагруженное товарами судно, с особо подверженными к заражению и сохранению в товарах спор моровой язвы прибыло из региона где уже шла эпидемия данного заболевания, то по окончании предохранительных обрядов, и по выгрузке всех продуктов при очищении их в карантине, персоналу карантина следовало придерживаться нормы 1-го пункта 125 п., а в случаях болезни, появившейся на морском судне во время или до начала выгрузки товаров, следовать правилам 2 и 3 пункт той же статьи (п. 168) [2, с. 225].

Второй, в истории России «устав о карантинах» был принят 21 августа 1818 г. (№ 27490).

Отделение IV именовалось «О нагрузке через карантин». ИМ предусматривалось, что находящимся в карантине судам, когда они сами не желали для получения практики быть очищены, разрешалось внутри карантинного дома, или на пристани, специально для того назначенной, всегда или временно в относящейся к карантину, нагружаться Российскими товарами, выгружать в карантин свои товары в указанном для выгрузки товаров из сомнительных судов мест, исключая случаи, когда на таком судне выявлялась опасная болезнь. В этих случаях для большей осторожности, никакому судну без соответствующего очищения грузиться не разрешалось (п. 123).

К пристани, для нагрузки таких судов отпускными из российских портов товарами назначаемой, определялся карантинный чиновник, наблюдающий: 1) чтобы такое судно нагружалось без сообщения с другими людьми и судами; 2) чтобы из него не было выгружено на пристань никакой вещи; 3) чтобы оно не нагружало более того, что значится по ярлыкам таможни.

Вместо освидетельствования, которое обычно давалось очищенным судам в прочности и вместительности их, шкипер, нежелающий для получения практики подвергнуться карантинному очищению, должен был дать в карантин под присягою подписку в том, что судно его во всем прочно и к мореплаванию годно, что канаты, паруса и все другие снасти на нем благонадежны, что оно поднимает столько-то ластов, а в груз имеет столько-то фунтов (п. 124).

Таможенные ярлыки, свидетельства и проч. необходимые для таких шкиперов на отпускаемый товар, доставлялись им из таможни через руководство карантина. В таможню от этих шкиперов соответствующие бумаги и деньги доставлялись также через карантин с соответствующим их очищением (п. 125).

Если такие суда при нагрузке, их экипажами производимой, испытывали необходимость в лодках, или баркасах, сверх своих собственных, то им позволялось нанимать их у частных людей, когда карантин не имел возможности отделить им из своих (п. 126).

Эти лодки или баркасы с согласия владельцев по окончании нагрузки одного такого судна, могли использоваться для нагрузки другого; но они должны были во все это время оставаться в ведомстве карантина, от которого на них ставились особенные карантинные стражи (п. 127).

Лодки и баркасы должны были иметь обшивку, гладко выстроганную, быть внутри и снаружи осмолены, и такелаж их должен быть также непременно осмолен. Использование лодок, другим образом устроенных, для нагрузки таких судов за-

прещалось. По окончании нагрузки, они притоплялись на 24 часа и возвращаются хозяевам (п. 128).

Это правило распространялось и на лодки и баркасы, принадлежащие карантину, если у него были такие, которые могли быть выделены для нагрузки указанных судов. Карантин взыскивал за них со шкиперов, по примерному расчету, сколько платилось за лодки частным людям (п. 129).

Если в продолжение нагрузки выявлялись какие-либо повреждения в судне, то для исправления их давались в необходимом количестве работники, если шкипер собственными своими людьми не мог произвести ремонт [3, с. 498].

Работники, для этого использованные, подвергались после таких действий полному карантинному очищению, а шкипера оплачивал их работу.

В случае, когда ремонт не мог быть произведена без выгрузки нагруженных уже товаров, то они выгружались, и в таком случае судно и люди его подвергались полному карантинному очищению.

Если при соответствующем изучении выявлялось, что эти повреждения были последствиями непрочности и неблагонадежности судна, то шкипер за ложную подписку, данную им в карантине, подлежал суду (п. 130).

Стражи, поставленные на перегрузочные суда, лодки и баркасы, по окончании нагрузки подвергались в карантинном доме полному карантинному очищению.

Если же нужно было поставить этих стражей снова на такие же суда, то срок очищения их начинается со дня снятия их с последнего судна, на котором они были (п. 131) [3, с. 499].

«Уставы о карантинах» 1832 г. (5690) [4], 1841 г. (№ 14614) [5], 1866 [6] повторяли ранее принятые уставы и содержали аналогичные санитарно-эпидемиологические правила при проведении погрузо-разгрузочных операций.

Новым стимулом для совершенствования правовой базы в сфере санитарного благополучия населения и профилактики завоза заразных заболеваний стало начало Первой мировой войны и широкое распространение сыпного тифа, дизентерии и холеры.

Дальнейшее регулирование санитарных вопросов происходило посредством принятия отдельных нормативно-правовых актов. Так, в ходе подготовки парижской санитарной конференции 1926 г., 30 апреля 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об утверждении временного положения о санитарной охране границ Союза ССР». Оно вводилось в действие со дня опубликования в «Собрании Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР» акта о присоединении СССР к Парижской Международной Санитарной Конвенции 17 января 1912 г.

В Положении оговаривалось, что до признания за прибывшим из-за границы судном права свободной практики с санитарной точки зрения никакие органы власти (портовые, таможенные, ОГПУ и др.) не имели права делать судну никаких распоряжений о высадке пассажиров, выгрузке товаров, скота и т.п. (ст. 11).

Любое судно, не желающее подвергнуться мерам, предписанным органами санитарной охраны морских границ СССР, обязано было уйти обратно в море. Ему могло быть разрешено выгрузить свои товары с соблюдением следующих условий: а) изоляция судна, экипажа и пассажиров; б) при чуме – доставления сведений, не имеется ли на судне чрезвычайной смертности среди крыс; в) при холере – замены

питьевой воды, запасенной на судне, если эта вода признавалась «подозрительной» в смысле заражения, с соблюдением требований пункта «д» ст. 46 относительно выливания воды в порту [7].

Следует также отметить приказ НКВТ №285 от 23 июня 1934 г. «Об утверждении и введении в действие положения и технике безопасности и производственной санитарии на предприятиях и судах водного транспорта». Действовал везде (в портах, доках, судах, пристанях).

В данном положении регулировалось, что функции по технике безопасности и производственной санитарии, в основном возлагались на административно-технический персонал погрузочно-разгрузочных работ. Следовательно, лица, ответственные за проводимую погрузку-выгрузку были обязаны осуществлять еще меры санитарного контроля грузов и товаров.

Следующим шагом в урегулировании вопрос надлежащего санитарного контроля при проведении погрузо-разгрузочных работ стало принятие Обязательных постановлений для отдельно взятого порта. Так, были приняты Постановления по Новороссийскому, Мариупольскому, Ленинградскому, Одесскому портам и др.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что выполнение санитарно-эпидемиологических правил при проведении погрузо-разгрузочных операций являлось крайне обязательным, т.к. во многом от этого зависело ввоз опасных инфекционных заболеваний в порт и их возможное распространение за его пределы, как через людей, так и через ввезенные товары. В ином случае, например, если капитан корабля или судовладелец не придерживался санитарных правил, то он подлежал штрафу, а шкипер – суду. До советского времени эти вопросы регулировались пятью карантинными уставами. Позже – на основании принятых нормативно-правовых актов, которые консолидировали в себе решения Международных санитарных конференций, а также Обязательных постановлений для портов.

Особо следует указать на столь важный фактор для торгового мореплавания, в данном вопросе, как существенное удорожание перевозки при осуществлении карантинных правил, вызванное задержкой экипажей судов, самих судов, неоднократной перегрузкой товара, его дезинфекцией и т.п. Указанные последствия во второй половине XIX – начале XX вв. стали предметом обсуждения многочисленных международных конвенций, а анти эпидемиологические меры были распространены на порты погрузки; более существенное внимание стало уделяться вопросам здоровья экипажей судов, в связи с чем должность судового врача уже в начале XX в. стала практически обязательной.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии) / Б. В. Змерзлый, Е. О. Воронина. – Симферополь, 2014. – 261 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXVI. 1800 – 1801. – СПб., 1830. – 875 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXXV. 1818. – СПб., 1830. – 674 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII. Отделение первое. 1832. – СПб., 1833. – 1044 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. 1841. Отделение первое. – СПб., 1842. – 942 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. 1866. – СПб., 1868. – 1079 с.

7. Положение о санитарной охране морских границ СССР (Постановление СНК СССР от 10 марта 1925 г., распубликовано в С.З. СССР № 15-1925 г., ст.116).

Klimenko E. P., Klimenko P. M. Legal framework for ensuring sanitary control during loading and unloading operations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 432–437.

This article is devoted to the issue of ensuring sanitary and epidemiological safety during loading and unloading operations. In particular, the author examined the process of accepting seaworthy vessels at the port coming from suspicious places, as well as what measures were required to be observed when unloading goods. In addition, the rights, duties and responsibilities of persons monitoring goods that were unloaded from the ship into quarantine are named. For example, a quarantine official who ensured that there was no interaction with other people or ships during the unloading process. The work also indicates what should have been done if an infectious disease had already been detected on the ship and what measures should have been taken with the unloaded goods.

Key words: loading and unloading operations, quarantine, quarantine regulations, sea trade port, quarantine office.

Spisok literatury:

1. Zmerzlyj B. V. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoj gubernii) / B. V. Zmerzlyj, E. O. Voronina. – Simferopol', 2014. – 261 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. XXVI. 1800 – 1801. – SPb., 1830. – 875 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. XXXV. 1818. – SPb., 1830. – 674 s.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. VII. Otdelenie pervoe. 1832. – SPb., 1833. – 1044 s.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XVI. 1841. Otdelenie pervoe. – SPb., 1842. – 942 s.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie pervoe. 1866. – SPb., 1868. – 1079 s.
7. Polozhenie o sanitarnoj ohrane morskih granic SSSR (Postanovlenie SNK SSSR ot 10 marta 1925 g., raspublikovano v S.Z. SSSR № 15-1925 g., st.116).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 438–448.

УДК 340

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ[1]

Корнев А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В настоящей статье рассматриваются методологические проблемы современной юридической науки. Причем, в контексте инновационной юриспруденции, которая постепенно завоевывает свои позиции, существенным образом меняя представления о праве и его социальном назначении, которые долгое время преобладали в отечественной науке. Право сегодня следует рассматривать как инструмент конструирования позитивной социальной реальности. Понятно, что такой методологический подход был бы невозможен в рамках советской юридической парадигмы. Вместе с тем, отстаивается необходимость сохранения ставших традиционными методов юридической науки. Так называемый методологический плюрализм, который господствует в постсоветский период, не оправдал возлагаемых на него надежд, поскольку в науке стали активно предлагать такие «методы» научного исследования, которые не способны объективно оценивать реальность в силу доминирования субъективных оценок. Право обладает «всеобщностью», стало быть, и методологический инструментарий его изучения должен обладать этим качеством. Разумеется, это не отменяет свободу выбора средств познания правовой реальности как составной части общественного бытия.

Ключевые слова: государство, инновации, метод, методология, наука, право, правоведение, юриспруденция.

В настоящей статье акцент делается вовсе не на том, какие методы использует современная юридическая наука. Это хорошо известно и описано практически в любом учебнике по отраслевым юридическим наукам (как правило, фрагментарно) и по Общей теории государства и права (более развернуто). Основательное раскрытие методологического инструментария правовой науки имеет место в специализированных учебниках [6].

Ставилась задача раскрыть методологический потенциал инновационной юриспруденции. Это вовсе не значит, что таковая в отличие от «классической», должна использовать принципиально новые методы. Наука отошла от методологического монополизма. Сегодня наблюдается методологический плюрализм, нередко приобретающий формы методологического анархизма, который ассоциируется с именем современного американского философа науки П. Фейерабенда, который выразил свое кредо краткой формулой «Все дозволено». Кстати, данный подход критикуют даже сторонники постмодерна, а также те исследователи, которые предпочитают придерживаться так называемой постнеклассической рациональности. Сегодня эта своеобразная методологическая мода постепенно теряет своих сторонников. Становится все очевиднее, что не все «инновации» в методологии способны приносить нужные результаты. Некоторые из них ничего кроме иронии, вызывать не могут. *Слово, получившее свободу, в работах отдельных авторов, опасно отрывается от мысли*. Но это так, попутно сказанное.

Инновационная юриспруденция – стратегический проект и перспективное направление юридической науки и практики одновременно. Современная эпоха – время инноваций, которые могут кардинально изменить мир к лучшему, создать

[1] Статья подготовлена в рамках стратегического проекта «Приоритет – 2030».

комфортную и безопасную социальную среду. Именно на достижение этой цели и должна быть ориентирована любая инновационная деятельность. Инновации не следует рассматривать исключительно в технологическом контексте. Общество, его институты также испытывают потребность в позитивных изменениях. Слишком много накопилось проблем, которые ждут своего решение. Право является серьезным инструментов конструирования желаемой социальной реальности. В этой связи на повестке дня стоит актуальная проблема разработки правовых моделей и механизмов, позволяющих реализовать различные инновационные проекты.

Инновации следует рассматривать в двух аспектах. Для «внешней среды» право следует использовать в целях создания юридических основ, правовых форм и оценки результатов инновационной политики в различных сферах бытия личности, общества и государства. К примеру, в целях развития технологий, включая цифровые, необходимо создать соответствующее законодательство и определить правовые механизмы их внедрения. Однако технологии – это не только решение проблем, но и серьезные риски, связанные с их внедрением или недобросовестным использованием. Все это требует соответствующего правового регулирования. Между тем, даже в технологически продвинутых странах законодательство серьезно отстает от темпов технологического развития. Уже образовались своеобразные «правовые лакуны», и это обстоятельство значительно повышает социальные риски и определенные издержки.

Инновации «внутри правовой среды», как нам представляется, возможны применительно к четырем правовым сферам: юридическая наука, юридическое образование, юридическая деятельность, юридическая профессия. Причем, инновации во всех этих сферах должны быть максимально сбалансированными. Совершенно очевидно, что именно наука и образование должны сформировать методологическую основу инновационных преобразований, как в сферах юридической деятельности (правотворчество, правоприменение и проч.), так и в самой юридической профессии. В настоящее время обладать только юридическими знаниями явно недостаточно, чтобы быть социально полезным специалистом в области права. По всей видимости, предстоит серьезная работа по пересмотру оснований научной и преподавательской деятельности. Время «узкого специалиста» внутри правовой среды безвозвратно ушло. Практически любая проблема имеет межотраслевой характер. Выявление же проблем диктует необходимость использования междисциплинарного подхода, когда привлекаются данные из различных сфер научного знания.

Юридическая наука сегодня просто обязана иметь инновационный характер. Это аксиома. Является ли она таковой по факту – большой вопрос. В настоящее время раздаются призывы к тому, чтобы наука более активно искала «новые» проблемы. С одной стороны, это правильно. Вскрыть «неочевидные» проблемы значительно трудней, чем заниматься явными трудностями. Именно так и стоит понимать слово «проблема». Вместе с тем, не стоит искать новых проблем, пока не решены «старые». *И дело даже не в поиске проблем, а в разработке правовых механизмов их решения*. Именно на выполнение этой задачи и должны быть направлены усилия юридической науки и юридического образования.

Юридические вузы в настоящее время должны как можно скорее *развивать экспертно-аналитическое направление.* Образовательная деятельность при этом остается приоритетной. Тем не менее, *современные вузы, это: наука, образование, про-*

дукты. Наука и образование должны быть ориентированы, в том числе и на формирование продукта, под которым можно понимать теории, методы (методологии), методики, модели и т.д. Это в своей массе представляет то, что можно квалифицировать в качестве социальных (творческих) проектов. Их должным образом *необходимо трансформировать во «внешнюю» среду.*

Сегодня образовательная деятельность не может являться единственной, применительно к системе высших учебных заведений и отдельно взятых вузов. Они должны стать частью корпораций, где их интеллектуальные продукты могут быть востребованы. Очевидно, что *степень этой востребованности будет определяться потенциальными возможностями предлагаемого продукта создавать новые стоимости.* Рыночная экономика не знает других механизмов.

Предлагать различные инновационные продукты можно лишь при условии их надлежащего научного качества. В этой связи встает проблема серьезного методологического обеспечения инновационной юридической науки. Методология справедливо ассоциируется с фундаментальными дисциплинами в системе юридического образования. И, прежде всего, с теорией государства и права, историей государства и права, историей политических и правовых учений, социологией права, философией права, историей и методологией юридической науки. Что удивительно, именно эти науки сегодня находятся на периферии учебного процесса. Их либо исключили вовсе, либо они представлены в карикатурно малых объемах даже в ведущих вузах страны.

В настоящее время юридическая наука переживает не лучшие времена. Многие авторы пишут о кризисе, в котором она, якобы оказалась, о кризисном состоянии права, которое уже не в состоянии эффективно регулировать общественные отношения. Трудно полностью согласиться с подобными оценками. Однако не замечать очевидных проблем, в том числе серьезного характера, также нельзя.

Воздавая должное математике, естественным и техническим наукам, мы не должны забывать о социальных и гуманитарных науках, к которым теперь отнесено право. Научное открытие, сделанное сфере естественных и технических наук – практически всегда благо. Правда, сейчас так определенно сказать уже сложно. Человек делает открытия, изобретает, но при этом все более и более привносит в нашу жизнь обеспокоенность. Вопрос, как всегда, в мере. Отсюда и заповедь «Не навреди, ибо все в этом мире яд и лекарство одновременно» (Гиппократ).

Стоит констатировать огромнейшее значение социальных наук. По всей видимости, открытий ожидать в данной сфере, не стоит. Но от этого их значение нисколько не умаляется. Главное состоит в том, чтобы они осуществляли функции *понимания и предвидения.* В естественных науках суть явления объясняют посредством закона. В социальных науках важно установить причину, в силу которой явление возникло и развивается в дальнейшем. *Социальные науки, а особенно юридические, словно предназначены для того, чтобы выполнять и такую функцию научного знания, как предельная рационализация социальных практик и общества в целом.*

Социальные науки, по мнению Г.Ф. Шершеневича, «…ставят себе три задачи: 1) установить научные факты, 2) объяснить процесс их образования и 3) оценить их с точки зрения человеческих интересов» [9, с. 764].

Конечно, эти задачи не утратили своей актуальности и сегодня. Тем не менее, необходимо ставить задачи более масштабно. От любой отрасли научного знания

мы вправе ожидать открытия законов или закономерностей общественного развития.

В социальных и гуманитарных науках все чаще стали употреблять такое словосочетание, как «социальные технологии». В том числе, и в юридической науке. В данном факте есть что-то от моды, особенностей современного научного языка, а что-то и от сути явлений. Другое дело, что социальные технологии есть всего лишь способ рационализации процесса, придания ему характера предсказуемости и управляемости. И это можно только всячески приветствовать.

Общая теория права и государства в системе социальных и гуманитарных наук занимает особое место. Никакая социальная наука не обобщает всех тех знаний о государстве и праве, которые важны для понимания их непростой природы. Эту функцию выполняет общая теория государства и права, которая призвана отражать сущность государства и права на теоретическом, то есть, научном уровне.

В системе высшего юридического образования, и, разумеется, в системе юридических наук, общая теория права и государства занимает ключевое положение в связи с тем, что она обоснованно претендует на выяснение сущности государственно-правовых явлений. Иными словами, она выполняет *онтологическую функцию,* что подчеркивает её методологический статус. Однако социальные процессы необходимо понимать, ибо понимание есть ключ к их управлению. В силу этого мы выходим на такую сложную категорию, как онтология. В самом общем виде под онтологией чаще всего понимают «науку о сущем». То есть, о бытии. Причем, в самом разном его проявлении. Онтологию характеризуют и как науку о наиболее общих законах бытия. С онтологией тесно связана гносеология, которую обычно интерпретируют как «теорию познания». Правда, некоторая группа авторов предпочитает пользоваться такой категорией, как эпистемология.

Когда говорят о понимании как мыслительном процессе, направленном на уяснение истины, смысла, природы и проч., то, как раз выходят на онтологические проблемы. В науке конфликты между различными точками зрения чаще всего касаются онтологических и гносеологических аспектов.

Проявления кризиса в современных социальных и гуманитарных науках видится в том, что *общество, государство развиваются в обстановке дефицита знаний о самих себе.* Это в полной мере относится и к юридической науке. Если быть более точным, к группе научных специальностей «Право». А это само по себе есть серьезная проблема. *Все юридические науки в качестве единого объекта изучения имеют право и государство. Предметы не совпадают.* Таким образом, объективно остается неизменной проблема онтологической (сущностной) составляющей государственно-правовых явлений.

Общая теория государства и права в системе юридических наук выполняет методологическую функцию, т.е. она нацелена на производство нового научного знания в сфере государственно-правовой действительности. Данная наука не только добывает новые знания, но и систематизирует их, даёт оценку и призвана организовать обмен знаниями в рамках юридических наук. И не только. Государство и право, как объект научного анализа интересуют практически все науки без исключения. Хотя можно признать, что степень заинтересованности различна. Однако не подлежит никакому сомнению следующее обстоятельство, а именно: бытие современного общества невозможно себе представить без государства и права.

Таким образом, категория «онтология» имеет несколько значений. В общей теории права и государства, касаясь онтологических проблем, исследователь выходит на проблему сущности государственно-правовых категорий. Всех без исключения. Базовыми категориями юридической науки в целом являются государство и право. Они обладают собственной сущностью. Одновременно эти институты обеспечивают существование общества. Если онтология есть наука об общих законах бытия, то юридическая онтология, если так можно выразиться, есть наука о законах и закономерностях возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений. И прежде всего, государства и права. Только определившись с «онтологическим содержанием» этих институтов, мы можем объективно воспринимать суть иных, производных от них категорий.

Среди функций теории государства и права особое место занимают онтологическая, эвристическая и методологическая. Эвристическая функция объективируется в отыскании способов и методов решения проблем, имеющих государственно-правовой характер. И не только. В этом состоит одна из функций науки вообще.

Собственно, методологическая функция теории государства и права заключается в том, что она предлагает отраслевым наукам продуктивные методы исследования государственно-правовых явлений, проводит своего рода селекцию этих методов на предмет научной пригодности, а также формулирует базовые понятия юридической науки. И здесь мы имеем возможность наблюдать некоторую двойственность. С одной стороны, теория государства и права использует научные категории, присущие науке вообще. Таковы: время, пространство, бытие, причина, следствие и т.д. Теория не может придавать им иной смысл, чем тот, в котором они употребляются. Иногда говорят, что научные категории представляют собой очки, через которые исследователь смотрит на мир. Образно, но очень убедительно. С другой стороны, теория государства и права формирует новые и «шлифует» устоявшиеся правовые категории под влиянием времени и обстоятельств.

Объем знаний все возрастает. И как считал Д.А. Керимов, это обстоятельство повышает требования к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, а это с необходимостью предполагает изучение самого познавательного процесса. По его мнению: «Этой цели и служит методология, которая есть мышление, обращенное во внутрь себя. Она выступает в качестве «обратной логики», благодаря которой совершенствуется познавательная логика и организация исследовательского процесса, отрабатывается её инструментарий». Чаще всего логику квалифицируют в качестве науки о мышлении. В этом контексте особенно любопытны рассуждения Д.А. Керимова: «Методологическое мышление призвано превращать объективное в субъективное, познание в познанное, реальные объекты, явления, процессы в их осознанные образы. Тем самым открываются возможности для преобразования изучаемых объектов, явлений и процессов в их же «вторую природу» [4].

Это совершенно инновационное понимание методологии юридической науки, которое и призвано сформировать методологическое мышление. А его без фундаментальных юридических дисциплин невозможно представить.

Любая отраслевая юридическая наука имеет свою специфику. Да, мы исходим из единства юридических наук. Но только лишь в том смысле, что они изучают право и государство под своим, отраслевым «углом зрения». В чем они точно не едины,

так это в методологических возможностях и методологическом потенциале. Если говорить совсем откровенно, то в абсолютном большинстве юридических наук он просто отсутствует. Да, при проведении исследований применительно к конкретной отрасли права используются различные методы. Сегодня методологический инструментарий значительно расширился. Под флагом борьбы против методологического монополизма, который, скажем честно, имел место, порой предлагаются такие «методы», что порой задаешься вопросом: как с его помощью установить истину, дойти до сути явления? Совсем не просто. Ни для кого не является секретом, что современные исследователи пишут текст, а уже потом, указывают на методы, которые они якобы использовали при подготовке своих диссертационных исследований. В отраслевых юридических науках преобладают эмпирические и прикладные работы. Первые, как принято считать, ориентированы на изучение реальных процессов и явлений, которые можно и нужно регулировать при помощи различных правовых средств. Вторые тесно связаны с первыми. Эта взаимосвязь проявляется в том, что на основе изучения «эмпирики» предлагаются правовые формы решения конкретных проблем.

Социальная жизнь, как и сама социальная история очень динамична. Одни явления сменяют другие. Одним словом, сплошной калейдоскоп. По этой причине научная «живучесть» отраслевых исследований, прямо скажем довольно короткая. Изменилась ситуация, изменились и правовые механизмы влияния на неё.

Иная научная судьба у теоретических исследований. Теории, если это действительно теоретический (концептуальный) уровень научного обобщения, как правило, имеют свойство научной долговечности. Одна теория уступает место другой, если расходится с действительностью в своих базовых, основополагающих основаниях. Теорий не может быть много. Конечно, в юридической науке имеют место частные научные теории. И конкретно, в основных отраслях права. Квалификация «основные» в некоторой степени условна, но прочно занимает место.

А вот разработкой проблем методологии юридической науки занимаются очень немногие исследователи. Во-первых, это очень сложная сфера науковедения. Нужно обладать известной смелостью, чтобы браться за подобные темы. Во-вторых, методология сама по себе, не пользуется популярностью. Это же самый высокий уровень исследования – метатеоретический. Соискателей же ученых степеней более всего волнует «диссертабельность», то есть перспектива успешной защиты.

Очевидным фактом является постепенное угасание связей между юридическими дисциплинами. Уходит в прошлое методологическая культура исследователей и профессиональный язык юриспруденции. Речевая культура современного юриста оставляет желать лучшего. Мало остается ученых и практиков, которые могут демонстрировать на должном уровне понятийно-категориальный аппарат, без освоения которого настоящим юристом стать невозможно. Многим так и хочется все выразить «своими словами», избегая конструкций и категорий. Или и того хуже, а именно использование жаргонизмов и англицизмов.

История имеет обыкновение повторяться. Примерно такие же процессы происходили в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. Известный русский юрист Г.Ф. Шершеневич констатирует: «Все сильнее становится ощутительной разрозненность специальных наук в среде самого правоведения. Надо признаться, что нет более юристов, а имеются только цивилисты, криминалисты, государствоведы,

процессуалисты, канонисты. Все реже встречаются лица, способные составить себе имя не в одной, а в двух отраслях правоведения. При таком развитии специализации получается опасность для каждой юридической науки, во-первых, в возрастающей ограниченности поля зрения на правовой порядок общежития, и, во-вторых, в возрастающей ограниченности задачи изучения отдельных норм вне связи с оценкой общественного значения права. Разобщение юридических наук между собой отражается гибельно на теоретическом и практическом правоведении» [9].

По мнению члена-корреспондента АН СССР Д. А. Керимова: «Методология – явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: *мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции* (выделено мной – А.К.), всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы. Поэтому методологию нельзя сводить к одному из названных компонентов, в частности, к методу или учению о методах, поскольку за её пределами останутся другие компоненты. Но дело не только в этом. Методология вовсе не представляет собой простое суммирование теоретико-мировоззренческих концепций, принципов, методов и средств познания, выработанных отдельными отраслями науки… она имеет и свои собственные (конечно же, относительно самостоятельные) интегративные закономерности развития» [4].

Эти компоненты, считает Д.А. Керимов, находятся друг с другом в определенной связи и отношениях, и самим этим фактом приобретают свойства, отличные от их единичного существования и действия. К примеру, фундаментальные общетеоретические концепции пронизывают мировоззрение; методы познания, сохраняя относительную самостоятельность, выступают как учение о методах и теоретико-гносеологических обобщениях; всеобщие философские законы и категории определяют границы применимости обще- и частнонаучных методов в конкретных исследованиях. *В литературе порой методологию определяют, как свод законов научного познания.* Это слишком образная позиция, но она, вне всякого сомнения, имеет право на существование. Более того, пренебрежение методологическими основами может поставить под сомнение полученные результаты. Или сделанные прогнозы. От социальных наук более всего ожидают объяснения происходящего и предвидения будущего.

Существует традиционный набор функций науки – объяснение, описание и предвидение [7, с. 17]. Иногда высказывается мнение, в соответствии с которым у науки есть две функции – объяснить явление и рационализировать социальную действительность. Иными словами, объяснить суть явления (онтология) и предложить вариант изменения действительности на основе открытия законов и закономерностей.

Для второй функции идеально подходят социальные науки. Особенно юридическая наука. Мы по-прежнему исходим из того, что право служит для регулирования социально значимых отношений. Позиция справедливая. Однако она содержит некую долю пассивности. *Сегодня следует рассматривать право не просто как регулятор, но механизм конструирования той реальности, которая наиболее предпочтительна.* Иными словами, право должно играть более активную роль в социальных практиках, нацеленных на получение общественно-полезного результата. В этой связи можно обратиться к истории политических и правовых учений, которая предоставляет в этих целях огромный материал, как теоретического, так и практического свойства. По той простой причине, что любая политико-правовая доктрина

содержит методологическую, содержательную и программную компоненты. «Живучесть» учения оценивается, прежде всего, по её способности быть реализованной и дать определенный результат. Иногда результаты позитивны, а иногда – нет. Это также следует иметь в виду.

Методология юридических наук имеет свои особенности. По мнению Д.А. Керимова: «Методология права есть не что иное, как общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них, обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанные всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, её практического преобразования» [4].

Есть, конечно, некоторые сомнения в том, чтобы квалифицировать методологию права в качестве общенаучного феномена. Однако не подлежит никакому сомнению тезис о практическом преобразовании правовой действительности с помощью методологического инструментария правовой науки и правовых норм, содержащих модели поведения с заранее планируемым позитивным результатом.

В качестве своеобразного «мостика» к дальнейшему изложению материала хотелось бы привести мнение известного юриста, уделяющего большое внимание методологическим проблемам юридической науки профессора В.М. Сырых: «… метод правовой науки представляет собой систему, состоящую из пяти основных элементов: метода сбора единичных фактов, индуктивных методов, восхождения от конкретного к абстрактному, системно-структурного подхода, восхождения от абстрактного к конкретному, и определенной совокупности субэлементов: методов толкования права, конкретно-социологических, статистических и других методов» [8, с. 162].

Хотя В.М. Сырых в этом определении характеризует метод, совершенно очевидно, что речь идет о методологии юридической науки. Из этого следует, что методология суть категория, одновременно, и сложная, и комплексная. Методологию невозможно себе представить без некоторого набора методов, которые находятся в определенной взаимосвязи, дополняя друг друга.

Есть и иные подходы. Известный социолог П.А. Сорокин исследование социальной реальности ориентировал на выявление ценностей, лежащих в основе определенного типа культуры и адекватной ему системы социальных связей. Он выделял три типа мировосприятия – чувственное, рациональное и интуитивное. Интуиция иногда приводит к гораздо более продуктивным результатам, чем длительные наблюдения и эксперименты.

Сегодня мы наблюдаем явный мировоззренческий кризис. Неоднократно приходилось высказывать мнение о девальвации экономических, политических, социальных и правовых проектов, которые долгое время считались эталонными. Именно под них выстраивались национальные модели. Они выступали в качестве своеобразного «идеального объекта», если воспользоваться терминологией М. Вебера. Теперь они внезапно потускнели. И здесь опять прав В.С. Степин: «История науки дает множество свидетельств тому, что в периоды кризисов, когда возникала потребность переосмысления фундаментальных понятий и представлений науки, она обращается к философии» [7, с. 254].

История как метод. Споры о статусе истории не утихли до настоящего времени. Главный упрек историческому знанию состоит в том, что оно не раскрывает никаких исторических законов, коих по определению быть не может (К. Поппер). Но это далеко не единственное мнение. Во всяком случае, когда в XIX в. обозначился процесс дифференциации наук, в том числе и тех, которые получили в дальнейшем наименование социально-гуманитарных (одна из версий), то практически все признавали, что двум наукам – истории и юридической науке, ничего доказывать не нужно. У них есть свой объект, предмет, методология.

По идее, история должна заниматься изучением движения социальной материи, если воспользоваться постулатами классиков исторического материализма. В действительности же, предметное поле истории практически не знает границ. Имеет место история политических и правовых учений, история математики, история естествознания, история методологии, история философии, история культуры, история религий, история техники и проч. Перечень может быть очень длинным. Практически, предмет истории не может быть очерчен какими-либо границами. В этом смысле история в чем-то схожа с социологией. Имеется в виду не социология как таковая, изучающая общество, а социология общностей или каких-либо сегментов социума. К примеру, социология права или социология организации.

По факту, все отрасли научного знания имеют «свою» историю. В том числе, и история природы. Не будем забывать, что существует связь между социальной и природной системами. И связь эта проявляется в двойственной природе человека – одновременно существа биологического (природного) и социального.

История – это не то, что было на самом деле, а только то, что человечество знает о себе самом и помнит в качестве существенных и несущественных событий. Если иметь в виду данный контекст, то история существует, как минимум, в трех формах: как позитивная наука, как философия истории, как идеология (социальная мифология). Первая делается профессиональными историками и отражена в специализированных трудах, вторая – философами, третья творится самим обществом (властью, социальными институтами и социальными группами), являясь органической частью общественного, группового и индивидуального сознания и самосознания. Очевидно, что между этими историями нет непроходимой грани [2, с. 54].

В истории как науке наблюдаются два конкурирующих подхода. Одни ученые считают, что история развивается линейно. То есть, есть некая линия, олицетворяющая движение социальных практик. В силу этого, история никогда не повторяется, а исторические события носят строго очерченный характер. Другие же полагают, что история развивается в силу повторяющихся циклов. Стало быть, цикличность событий дает основание свидетельствовать о неких закономерностях и даже законах исторического развития. Спор этот давний. Для истории политических и правовых учений он принципиального значения не имеет. Доктрины как формы теоретического знания имеют место, как при линейной интерпретации истории, так и при цикличной.

Социология как метод. Основоположником социологии принято считать О. Конта, некогда секретаря Сен-Симона, который повлиял на систему его взглядов. Собственно говоря, он ввел термин «социология». Известный русский социолог Н.И. Кареев полагал, что если кто-либо имеет право на имя социолога, когда ещё не было

социологии, то это право принадлежит Монтескье. Об отношении Конта к юриспруденции Кареев выразился предельно четко. «Менее всего, – пишет он, – имеет какого-либо отношения социология Конта к юриспруденции» [3, с. 54]. Конт считал юристов «вождями общества» и ставил их рядом с метафизиками. В его оценках это вовсе не комплимент.

Э. Дюркгейм считал предметом данной науки социальные факты, которые, с одной стороны, не зависят от индивида, а с другой стороны, оказывают на него принудительное воздействие. Применительно к юридической науке, имеет большое значение умозаключение известного социолога: «Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений» [1, с. 80].

Человек живет в мире социальных явлений или, как полагал Дюркгейм, социальных фактов. Кстати, к социальным фактам он относил и верования.

Если социология, по одной из версий, должна заниматься социальными фактами, по другой, исследовать законы и закономерности, в силу которых развивается общество, то из этого следует определенный вывод. Он состоит в том, что идеи и доктрины как научные продукты формируются под влиянием целой системы социальных факторов. Это то, что обычно квалифицируют как реальность. И здесь мы видим не только взаимосвязь исторического и логического, но, прежде всего, диалектику социального и исторического. Их разделение весьма условно. Но его можно применять. Любое правовое учение имеет социальное основание. Использование социологии как метода позволяет раскрыть как раз те социальные факторы, которые повлияли на содержание теорий.

Необходимо сделать небольшое уточнение. *Социальные науки, составной частью которых являются социология и юридические дисциплины, имеют дело не с единичным фактом, а с коллективным социальным опытом.* Но только на этой методологической платформе можно выявить законы и закономерности.

Строго говоря, о конкуренции методологических подходов можно говорить только с известной долей условности. Ранее методология имела не только научное, но, прежде всего, идеологическое значение. В настоящее время есть все основания говорить о синтезе методов (подходов), которые должны приблизить исследователя к объективной оценке объекта и предмета познания. У всех юридических наук объект один – это право и государство. Предметы разные, как уже было отмечено.

Инновационная юриспруденция может и должна использовать весь свой потенциал при условии правильного понимания методологии и метода как ключевого понятия. Если принять во внимание, что научный метод представляет собой систему категорий, ценностей, регулятивных принципов, способов обоснования, образцов и т.д., которыми руководствуется в своей деятельности научное сообщество [5, с. 57], то такое понимание, что особенно важно, современное, расширяют возможности любого «традиционного» метода.

Таким образом, любой метод есть синтез научных категорий (бытие, время, пространство и проч.), ценностей (реализм, эмпиризм, теоретичность, совместимость и др.), регулятивных принципов (принцип простоты, универсальности, привычности),

способов обоснования (эмпирический, теоретический, контекстуальное) и образцов (правила адекватности).

Как раз такое расширительное понимание метода расширяет его инновационные познавательные возможности. Проблема в том, что исследователи нескольку путают или меняют местами выше названные составляющие элементы научного метода.

Вывод. Любые инновации возможны лишь при существенном преобладании теоретического знания над прикладным. В этой связи особо актуализируется значение фундаментальных дисциплин, которые формируют методологическую культуру исследователя. В этом случае специальные и частно-научные методы будут лишь инструментами познания социальной реальности. Они также могут служить для разработки правовых механизмов её позитивных изменений.

Список литературы:

1.Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 400 с.
2.Жуков В.Н. Философия права. М., Мир философии, Алгоритм, 2019. – 559 с.
3. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., Изд-во РХГА, 2008. – 816 с.
4. Керимов Д. А. Избранные произведения: в 3 томах. М., Издательский дом «Академия», 2007, Т.1. – 432 с.
5. Ивин А.А., Никитина И.П. Философия науки. М., Проспект, 2017. – 352 с.
6. Лазарев В.В., Липень С.В.История и методология юридической науки. Под редакцией А.В. Корнева. М., Норма; ИНФРА-М, 2016. – 496 с.
7. Степин В.С. История и философия науки. М., Академический проект, 2014. – 424 с.
8. Сырых В.М. Метод правовой науки. Основные элементы, структура. М., Юридическая литература, 1980. – 176 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2 Т. М., 1911, Т. 1 – 805 с.

Kornev A.V. Methodological toolkit of innovation jurisprudence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P. 438–448.

This article examines the methodological problems of modern legal science. Moreover, in the context of innovative jurisprudence, which is gradually gaining its position, significantly changing the ideas about law and its social purpose, which have long prevailed in domestic science. Law today should be considered as a tool for constructing a positive social reality. It is clear that such a methodological approach would be impossible within the framework of the Soviet legal paradigm. At the same time, the need to preserve the traditional methods of legal science is defended. The so-called methodological pluralism that prevails in the post-Soviet period has not lived up to the hopes placed on it, since science has begun to actively propose “methods” of scientific research that are not capable of objectively assessing reality due to the dominance of subjective assessments. Law has “universality”, therefore, and the methodological tools for its study must have this quality. Of course, this does not negate the freedom to choose the means of understanding legal reality as an integral part of social existence.

Key words: state, innovation, method, methodology, science, law, jurisprudence, jurisprudence.

Spisok literatury:

1.Dyurkgejm E. Sociologiya. Eyo predmet, metod, prednaznachenie. M., TERRA – Knizhnyj klub, 2008. – 400 s.
2.ZHukov V.N. Filosofiya prava. M., Mir filosofii, Algoritm, 2019. – 559 s.
3. Kareev N.I. Vvedenie v izuchenie sociologii. SPb., Izd-vo RHGA, 2008. – 816 s.
4. Kerimov D. A. Izbrannye proizvedeniya: v 3 tomah. M., Izdatel'skij dom «Akademiya», 2007, T.1. – 432 s.
5. Ivin A.A., Nikitina I.P. Filosofiya nauki. M., Prospekt, 2017. – 352 s.
6. Lazarev V.V., Lipen' S.V.Istoriya i metodologiya yuridicheskoj nauki. Pod redakciej A.V. Korneva. M., Norma; INFRA-M, 2016. – 496 s.
7. Stepin V.S. Istoriya i filosofiya nauki. M., Akademicheskij proekt, 2014. – 424 s.
8. Syryh V.M. Metod pravovoj nauki. Osnovnye elementy, struktura. M., YUridicheskaya literatura, 1980. – 176 s.
9. SHershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava. V 2 T. M., 1911, T. 1 – 805 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – С. 449-456.

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТРУКЦИИ РАМОЧНОГО ДОГОВОРА К КОНТРАКТУ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аблятипова Н. А., Волкова И.Ю.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье изучается вопрос заключения государственных или муниципальных контрактов с применением конструкции рамочного договора. Проводится анализ мнений ученых-цивилистов относительно возможности заключения контракта с открытыми условиями. Установлено, что рамочный договор является значимым гражданско-правовым институтом, так как посредством его реализации у сторон появляется возможность конкретизировать условия, которые в силу различных причин невозможно сформулировать изначально. Однако к контрактам такая конструкций применима не всегда, так как их условия должны быть сформулированы максимально конкретно во избежание нарушений антимонопольного законодательства. На основании результатов исследования норм действующего законодательства, разъяснений высших судов и сформировавшейся правоприменительной практики авторами сформулирована точка зрения относительно правомерности и целесообразности заключения контрактов с конструкцией рамочного договора.

Ключевые слова: обязательственные правоотношения, рамочный договор, существенные условия договора, изменение условий договора, государственный контракт.

Контракты для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее – контракты) занимают особое место в системе гражданско-правовых договоров. Несмотря на гражданско-правовую природу, заключение и реализация контракта имеет особое правовое регулирование, отличное от иных договоров. Так, если по общему правилу при выборе контрагента субъекты права свободны, то для определения исполнителя по контракту законодательством предусмотрены конкурентные процедуры. Кроме того, при заключении договоров между частноправовыми субъектами последние имеют право беспрепятственно вносить изменения в условия договора путем заключения дополнительных соглашений. Для этих целей гражданским законодательством закреплен институт рамочного договора или договора с открытыми условиями. В отношении контрактов применение рамочного договора является ограниченным, так как стороны не вправе вносить изменения в условия, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Несмотря на это условия контрактов нередко меняются или уточняются после заключения. Это является причиной возникновения дискуссии о возможности заключения государственного контракта с открытыми условиями в доктрине и практике. В науке гражданского права данная проблема освещена не в полной мере, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Вопрос заключения государственного контракта с применением конструкции рамочного договора является неоднозначным. Некоторые исследователи категорически не соглашаются с возможностью заключения государственного контракта как рамочного договора, обосновывая это тем, что «сущность рамочного договора противоречит целям государственных закупок, а именно, определение наилучшего поставщика» [1]. Иные же считают, что «применение открытых условий в государ-

ственном контракте допустимо, так как не во всех контрактах возможно заранее определить объем исполнения, поэтому цена контракта может варьироваться» [2]. Существует также мнение, что «государственным и муниципальным заказчикам необходимо предоставить право заключать рамочный договор, однако установить при этом ограничения в части перечня товаров и запрета заключать контракт с единственным участником конкурентной процедуры» [3, с. 8]. Кроме этого, имеет место точка зрения о необходимости закрепления категории рамочного контракта [4, с. 12].

Для определения наиболее корректной позиции по рассматриваемому вопросу необходимо определить, допускается ли изменение условий государственного контракта с точки зрения действующего законодательства и сложившейся практики. Проанализируем далее положения нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере заключения контрактов, и регламентирующих специфику рамочных договоров. Институт рамочного договора направлен на заключение договора с определением общих условий правоотношения. При этом некоторые из них могут быть уточнены или включены в договор в дальнейшем путем заключения дополнительных соглашений или иными способами [5, п. 1 ст. 429.1]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что рамочным договором могут быть установлены организационные, маркетинговые и финансовые условия договора, которые в дальнейшем должны быть конкретизированы [6, п. 30].

Правовое регулирование отношений, возникающих из контрактов, имеет большее количество ограничений по сравнению с иными договорами. Так, в гражданском законодательстве России устанавливается, что в контракт обязательно должны быть включены условия об объеме и стоимости выполняемых работ, сроках исполнения, размере и порядке оплаты, и способах обеспечения исполнения обязательств [7, п. 1 ст. 766]. По общему правилу изменение существенных условий контракта при его исполнении запрещено [8, ч 1 ст. 95]. Нарушение этого образует состав административно-правового нарушения [9, ч. 4 ст. 7.32]. При этом законом устанавливается закрытый перечень обстоятельств, при которых конкретизация условий допускается [8, ч 1 ст. 95].

Установленные ограничения обусловлены тем, что контракты заключаются по итогам проведения конкурентных процедур, поэтому условия должны быть доступны к ознакомлению всем потенциальным участникам закупки. Однако на практике стороны контракта часто заключают дополнительные соглашения, направленные на изменение или уточнение существующих условий или включение новых. Это становится причиной привлечения их к ответственности антимонопольным органом. При рассмотрении жалоб на постановления о привлечении к административной ответственности судам необходимо установить, могли ли стороны изначально предусмотреть обстоятельства, из-за которых возникла необходимость изменять или уточнять условия контракта.

При одних обстоятельствах суды признают неправомерным заключение дополнительных соглашений и внесение изменений в контракт, мотивируя это тем, что потенциальные участники, принимая решение об участии или неучастии в конкурентной процедуре, должны быть осведомлены обо всех условиях контракта, а последующее их изменение негативно влияет на состояние конкуренции. В иных слу-

чаях судебные органы признают изменение условий контракта допустимым, указывая на то, что внесение изменений необходимо для достижения целей контракта.

Важно отметить, что изменение или уточнение одного условия влечет изменения иных. Например, при конкретизации предмета государственного контракта в части объема и видов работ меняется его цена и сроки. Относительно изменения условий контракта в части увеличения объема работ ВС РФ разъяснил, что подобные изменения допустимы лишь в том случае, если их невыполнение создает угрозу прочности и качеству результата выполняемой работы. Дополнительно можно предусмотреть лишь те работы, которые не могли быть учтены изначально. Кроме того, выполнение дополнительных работ должно влиять на возможность ввода объекта в эксплуатацию [10, п.12]. Так, если стороны докажут, что формулирование предмета контракта в полном объеме было невозможно в силу объективных причин, внесение изменений будет признано обоснованным. Как пример приведем следующее дело.

По итогам проведения открытого конкурса в электронной форме государственное учреждение и акционерное общество заключили контракт на выполнение работ по строительству жилого многоквартирного дома. В процессе исполнения контракта было заключено дополнительное соглашение, по условиям которого стороны утвердили дополнительные виды и объемы работ, увеличили цена и продлили срок. Антимонопольный орган внесение изменений незаконным ввиду того, что новые виды работ не являлись работами по строительству и не предусматривались проектной документацией, поэтому для их выполнения необходимо было определить иного подрядчика путем конкурентной процедуры.

Обжалуя постановление о привлечении к административной ответственности, заказчик указал, что включенные дополнительным соглашением виды работ ранее были исключены из сметы контракта в связи с недостаточностью лимитов бюджетных средств. После их доведения было заключено дополнительное соглашение, так как ввод в эксплуатацию жилого дома без выполнения дополнительных работ был невозможен. В отношении увеличения срока заявитель отметил, что подрядчик нарушил сроки выполнения работ, за что им была уплачена неустойка и предоставлена банковская гарантия на новый срок.

Суд удовлетворил заявленные требования, так как работы, предусмотренные контрактом и включенные в него позднее, относились к одному и тому же объекту. В этой части суд также отметил, что выполнение первоначальных и дополнительных видов работ одной организацией было бы эффективней, так как при появлении иного подрядчика возникла бы необходимость согласовывать действия по выполняемым работам, что поставило бы под угрозу своевременное и качественное исполнение контракта. Кроме того, суд принял во внимание невозможность включение работ в смету контракта из-за отсутствия лимитов бюджетных обязательств [11]. Арбитражный апелляционный суд [12] и арбитражный суд округа[13] оставили решение суда первой инстанции без изменений.

В ином деле суды признали незаконным изменение условий контракта о предмете и повышение цены 0,8% по причине отсутствия объективной невозможности предусмотреть заранее условия, вызвавшие необходимость конкретизации условий [14].

Таким образом, изменение предмета контракта допустимо лишь при необходимости обеспечения более качественного исполнения контракта и реализации целей,

обусловивших его заключение. Применение рамочного договора в этом случае будет правомерным в случае, если выполнение всего комплекса работ необходимо для надлежащего функционирования объекта и введения его в эксплуатацию, а включение некоторых видов работ изначально было невозможно. Кроме того, внесение изменений в контракт, а не определение иного подрядчика должно быть целесообразным с экономической точки зрения.

Не менее значимым условиям контракта является срок его исполнения. Для принятия решения об участии в конкурентной процедуре на заключение контракта хозяйствующие субъекты оценивают возможность выполнения ими обязанностей в предусмотренные сроки. По этой причине увеличение срока после заключения контракта расценивается судами как антиконкурентное действие. В обоснование изменения условия о сроке стороны могут ссылаться на возникновение необходимости выполнения дополнительных действий, не связанных с предметом контракта. В таких случаях важно определить, что является результатом выполненных работ и подтвердить наличие возможности предусмотреть необходимость выполнения иных действий на этапе формирования проекта контракта. Продемонстрируем это на примере следующего дела.

Между районной больницей и строительной организацией был заключен контракт на выполнение работ по строительству терапевтического отделения больницы. После завершения строительства стороны заключили дополнительное соглашение, которым продлили срок выполнения контракта на 211 дней для проведения экспертизы внесенных в проектную документацию объекта изменений. Антимонопольный орган признал изменение срока незаконным и вынес определение о привлечении организации к административной ответственности. Обращаясь в суд для признания постановления незаконным, заявитель указал, что продление срока было необходимо ввиду отсутствия подтверждения соответствия внесенных изменений в документацию требованиям технических регламентов.

Принимая решение, суд учел следующее. Исходя из условий заключенного контракта, результатом выполненных работ является здание, на ввод в эксплуатацию которого получено разрешение. В рассматриваемом деле акт приемки законченного объекта строительства и разрешение на ввод в эксплуатацию были получены до заключения дополнительного соглашения. Таким образом, обязанности по контракту были исполнены, поэтому необходимости вносить изменения в контракт не было. Доказательств того, что дополнительное соглашение было заключено по причинам, которые невозможно было учесть при заключении контракта, заявитель не представил. Исходя из этого суд пришел к выводу о незаконности изменения условия контракта и отказал в удовлетворении заявленных требований [15]. Суды апелляционной [16] и кассационной [17] инстанций оставили решение в силе.

Проанализированное решение позволяет сделать вывод о том, что условие о сроке, во-первых, не может быть открытым, во-вторых, не подлежит произвольному изменению сторонами. При изменении срока выполнения контракта стороны не вправе ссылаться на то, что между ними был заключен рамочный договор, так как при формировании проекта контракта необходимо учесть все факторы, влияющие на продолжительность его исполнения.

В приведенных примерах судебной практики изменения условий контракта касались предмета, срока и цены. Однако стороны могут вносить изменения в части по-

рядка оплаты. В таких случаях правомерность таких изменений мотивируется тем, что они существенные условия контракта не менялись. Однако в проекте контракта условие о порядке и сроке оплаты работ должно быть предусмотрено изначально. Например, если контрактом не предусматривалась выплата аванса, но в дальнейшем это условие было внесено сторонами, суд не признает это правомерным. В подтверждение этого приведем следующее дело.

По результатам электронного аукциона между агентством государственного заказа Красноярского края и обществом с ограниченной ответственностью был заключен государственный контракт на выполнение ремонтно-реставрационных работ. В дальнейшем стороны заключили дополнительное соглашение, которым предусмотрели возможность выплаты аванса подрядчику. Управление Федеральной антимонопольной службы признало изменение условий контракта в части порядка оплаты незаконным и привлекло общество с ограниченной ответственностью к административной ответственности. Подрядчик не согласился с законностью действий антимонопольного органа и обратился в арбитражный суд для его обжалования.

Мотивируя требования, заявитель указал, что внесенные в контракт изменения не затрагивали его существенные условия. Так, по мнению заявителя, условие о порядке оплаты не относится к существенным условиям договора подряда, так как определяет лишь форму расчета между сторонами. Заявитель также указал на то, что цена договора сторонами не менялась.

По итогам оценки доводов сторон суд отказал в удовлетворении требований ввиду того, что внесение условия о выплате аванса, которое не было предусмотрено изначально, значительно повлияло на потенциальный круг участников электронного аукциона на этапе определения исполнителя. Суд также указал на то, что условие о порядке и сроке оплаты работ, в том числе о выплате аванса, является существенным и относится к обязательным условиям, которые заказчик обязан публиковать в единой информационной системе в сфере закупок и включать в контракт изначально [18]. Суды апелляционной [19] и кассационной [20] инстанций поддержали данные выводы. Верховный Суд Российской Федерации отказал в передаче кассационной жалобы на рассмотрение [21].

Проанализированное дело свидетельствует о том, что условие об авансе должно изначально быть в проекте контракта, поэтому применение конструкции рамочного договора для условия об авансе невозможно. Это условие нельзя оставить открытым, так как это будет негативно влиять на состояние конкуренции.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что рамочный договор является значимым гражданско-правовым институтом, так как посредством его реализации у сторон появляется возможность конкретизировать условия, которые в силу различных причин невозможно сформулировать изначально. Однако к контрактам такая конструкций применима не всегда, так как их условия должны быть сформулированы максимально конкретно во избежание нарушений антимонопольного законодательства. Однако важно отметить, что не всегда возможно заранее установить точные условия, и их изменение может потребоваться для более качественного и экономически эффективного исполнения контракта.

Исходя из положений законодательства и сформировавшейся судебной практики, рамочная конструкция для заключения государственных контрактов является

допустимой, но лишь в том случае, если изменения не создадут условия для ограничения конкуренции. Кроме того, применение конструкции рамочного договора для улучшения результата выполнения государственного контракта и введения объекта в эксплуатацию также является целесообразны и правомерным.

Законодательство о контрактной системе направлено на выбор наилучшего подрядчика при рациональном использовании средств государства или муниципалитета. В некоторых случаях с точностью установить условия реализации контракта не представляется возможным, из-за чего изменение условий в дальнейшем необходимо для экономической целесообразности и эффективности достижения целей контракта. По этой причине нельзя согласиться с мнением, что концепция рамочного договора противоречит сущности законодательного регулирования государственных закупок.

Точка зрения о необходимости закрепления в законодательстве понятия «рамочный контракт» также представляется не вполне обоснованной, так как рамочный договор не является особой разновидностью гражданско-правового договора с самостоятельным предметом, а лишь предопределяет возможность изменить условия.

Таким образом, наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой государственные и муниципальные заказчики имеют право заключать рамочные договоры, учитывая при этом ограничения, предусмотренные гражданским законодательством и законодательством о контрактной системе в сфере закупок.

Изменение условий контрактов или включение новых распространенное явление, поэтому вопрос целесообразности заключения контрактов с рамочной конструкцией будет оставаться актуальным для дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Цатурян Е.А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография / Е. А. Цатурян. – Москва: Статут, 2020. – 224 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/34iqPs (дата обращения: 10.09.2023)
2. Кирпичев А.Е. Применение конструкции рамочных договоров к государственным и муниципальным контрактам // Коммерческое право. 2011. N 1(8). С. 98-103.
3. Тасалов Ф.А. Отношения по размещению и исполнению государственного заказа: особенности гражданско-правового регулирования (на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.
4. Сергачева О.А. Европейский опыт гражданско-правового регулирования размещения заказов для государственных и муниципальных нужд (на примере Итальянской Республики). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. N 4. 11.01.2019.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N 5. Ст. 410.
8. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»// Собрание законодательства РФ, 08.04.2013. N 14. Ст. 1652.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.
10. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 12. Декабрь, 2017.
11. Решение Арбитражного суда Томской области от 24.05.2022 по делу № А67-2443/2022// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e089ce2a-7361-4815-a328-

2b397b80d168/7127668e-919e-4706-851b-4fca44d41fd2/A67-2443-2022_20220524 (дата обращения: 10.09.2023)
12. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.08.2022 по делу № А67-2443/2022// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e089ce2a-7361-4815-a328-2b397b80d168/b141c013-c0b7-47c0-81e8-2cb462ac0406/ (дата обращения: 10.09.2023)
13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.12.2022 по делу № А67-2443/2022// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e089ce2a-7361-4815-a328-2b397b80d168/fb7677ed-025c-41f8-94c3-a365406a7c74/ (дата обращения: 10.09.2023)
14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2023 по делу №А55-34005/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2d90315b-92f3-45e4-9ac8-1b61f4c8d19c/ee50ef9a-5c37-4006-8d45-f4d246e975d9/A55-34005-2021_20230125_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.09.2023)
15. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 30 сентября 2021 года по делу А05-8644/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d2b7dc06-1f69-4659-a86d-d4c17ec4c6db/da85e500-5691-4990-bc8b-9f6703f61b54/ (дата обращения: 10.09.2023)
16. Постановление Четырнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 01 февраля 2022 года по делу №А05-8644/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d2b7dc06-1f69-4659-a86d-d4c17ec4c6db/f00fb43e-0101-42cc-9a9d-37e1be5eaf6f/ (дата обращения: 10.09.2023)
17. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 мая 2022 года по делу №А05-8644/2021№А05-8644/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d2b7dc06-1f69-4659-a86d-d4c17ec4c6db/6a9a6d39-1983-44a3-9287-19170e30e3ff (дата обращения: 10.09.2023)
18. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 09 февраля 2021 года по делу № А33-37134/2020// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/3122e104-4473-4a0f-8f72-1f0a62879ce6/ (дата обращения: 10.09.2023)
19. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2021 года по делу №А33-37134/2020// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/2f56a2ec-319c-483c-b59a-ba0e57f6f108/ (дата обращения: 10.09.2023)
20. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01 июня 2021 года по делу № А33-37134/2020// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/1c7ffd37-b168-4c2d-8a4a-fce0bb167cc7/A33-37134-2020_20210601_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.09.2023)
21. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2021 № 302-ЭС21-12194// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/f4b390c3-e904-4736-9fc1-b03fa5ed2f83/ (дата обращения: 10.09.2023)

Ablyatipova N. A., Volkova I.Yu. On the question of the legality of the application of the construction of a framework agreement to a contract for state or municipal needs // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 1. – P.449-456

The article examines the issue of concluding state or municipal contracts using the framework agreement design. An analysis of the opinions of civil law scholars regarding the possibility of concluding a contract with open terms is carried out. It has been established that a framework agreement is a significant civil law institution, since through its implementation the parties have the opportunity to specify conditions that, for various reasons, cannot be formulated initially. However, such constructions are not always applicable to contracts, since their terms must be formulated as specifically as possible in order to avoid violations of antitrust laws. Based on the results of a study of the norms of current legislation, clarifications of higher courts and established law enforcement practice, the authors formulated a point of view regarding the legality and feasibility of concluding contracts with the design of a framework agreement.

Keywords: obligatory legal relations, framework agreement, essential terms of the agreement, changing the terms of the agreement, government contract.

Spisok literatury:

1. Caturjan E.A. Gosudarstvennyj kontrakt v grazhdanskom prave Rossii: problemy teorii i praktiki: monografija / E. A. Caturjan. – Moskva: Statut, 2020. – 224 s. // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://clck.ru/34iqPs (data obrashhenija: 10.09.2023)
2. Kirpichev A.E. Primenenie konstrukcii ramochnyh dogovorov k gosudarstvennym i municipal'nym kontraktam // Kommercheskoe pravo. 2011. N 1(8). S. 98-103.
3. Tasalov F.A. Otnoshenija po razmeshheniju i ispolneniju gosudarstvennogo zakaza: osobennosti grazhdansko-pravovogo regulirovanija (na primere Rossijskoj Federacii i Soedinennyh Shtatov Ameriki). Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 23 c.

4. Sergacheva O.A. Evropejskij opyt grazhdansko-pravovogo regulirovanija razmeshhenija zakazov dlja gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd (na primere Ital'janskoj Respubliki). Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 24 s.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 N 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 N 49 «O nekotoryh voprosah primenenija obshhih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zakljuchenii i tolkovanii dogovora» // Rossijskaja gazeta. N 4. 11.01.2019.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 N 14-FZ// Sobranie zakonodatel'stva RF. 29.01.1996. N 5. St. 410.
8. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 N 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd»// Sobranie zakonodatel'stva RF, 08.04.2013. N 14. St. 1652.
9. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 N 195-FZ// Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.01.2002. N 1 (ch. 1). St. 1.
10. Obzor sudebnoj praktiki primenenija zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 28.06.2017) // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. N 12. Dekabr', 2017.
11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Tomskoj oblasti ot 24.05.2022 po delu № A67-2443/2022// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e089ce2a-7361-4815-a328-2b397b80d168/7127668e-919e-4706-851b-4fca44d41fd2/A67-2443-2022_20220524 (data obrashhenija: 10.09.2023)
12. Postanovlenie Sed'mogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 09.08.2022 po delu № A67-2443/2022// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e089ce2a-7361-4815-a328-2b397b80d168/b141c013-c0b7-47c0-81e8-2cb462ac0406/ (data obrashhenija: 10.09.2023)
13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 05.12.2022 po delu № A67-2443/2022// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e089ce2a-7361-4815-a328-2b397b80d168/fb7677ed-025c-41f8-94c3-a365406a7c74/ (data obrashhenija: 10.09.2023)
14. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.01.2023 po delu №A55-34005/2021// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2d90315b-92f3-45e4-9ac8-1b61f4c8d19c/ee50ef9a-5c37-4006-8d45-f4d246e975d9/A55-34005-2021_20230125_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (data obrashhenija: 10.09.2023)
15. Reshenie Arbitrazhnogo suda Arhangel'skoj oblasti ot 30 sentjabrja 2021 goda po delu A05-8644/2021// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d2b7dc06-1f69-4659-a86d-d4c17ec4c6db/da85e500-5691-4990-bc8b-9f6703f61b54/ (data obrashhenija: 10.09.2023)
16. Postanovlenie Chetyrnadcatogo Arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 01 fevralja 2022 goda po delu №A05-8644/2021// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d2b7dc06-1f69-4659-a86d-d4c17ec4c6db/f00fb43e-0101-42cc-9a9d-37e1be5eaf6f/ (data obrashhenija: 10.09.2023)
17. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 17 maja 2022 goda po delu №A05-8644/2021№A05-8644/2021// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d2b7dc06-1f69-4659-a86d-d4c17ec4c6db/6a9a6d39-1983-44a3-9287-19170e30e3ff (data obrashhenija: 10.09.2023)
18. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnojarskogo kraja ot 09 fevralja 2021 goda po delu № A33-37134/2020// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/3122e104-4473-4a0f-8f72-1f0a62879ce6/ (data obrashhenija: 10.09.2023)
19. Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 26 marta 2021 goda po delu №A33-37134/2020// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/2f56a2ec-319c-483c-b59a-ba0e57f6f108/ (data obrashhenija: 10.09.2023)
20. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 01 ijunja 2021 goda po delu № A33-37134/2020// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/1c7ffd37-b168-4c2d-8a4a-fce0bb167cc7/A33-37134-2020_20210601_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (data obrashhenija: 10.09.2023)
21. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.08.2021 № 302-JeS21-12194// [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0617c9db-4f6c-4dd3-8e76-0189f207d5e5/f4b390c3-e904-4736-9fc1-b03fa5ed2f83/ (data obrashhenija: 10.09.2023).

.

НАШИ АВТОРЫ

Абасов Г. Г.	*д.ю.н., доц., заведующий к-ры теории и истории государства и права Крымского юридическоего института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Абисова К. С.	*к.ю.н., преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Аблятипова Н. А.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры кафедры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Анохин А. Н.	*к.ю.н., доц., доцент к-ры истории и теории государства и права юридического факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Апкаев Д. М.	*старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета ВЮИ ФСИН России*
Арсентьева С. С.	*к.ю.н., доцент к-ры уголовно-правовых дисциплин Института права Челябинского государственного университета*
Бадиков Д. А.	*к.ю.н., доц. к-ры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Орловский юридический институт ВМД России имени В. В. Лукьянова*
Боер В. М.	*д.ю.н., проф., профессор кафедры гражданского права института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения*
Брюхина Е. Р.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ – Пермь, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Бубнова Ю. Г.	*к.ю.н., доц., полковник внутренней службы, доцент к-ры управления и административно-правовых дисциплин. Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир*
Бутов С. В.	*адъюнкт адъюнктуры очного обучения факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник*

Великая О. С.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы*
Волкова И. Ю.	*Управленеие Федеральной антимонопольной службы по Республике Крым и г. Севастополю*
Воробьев А. О.	*заместитель директора Федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардии) РФ*
Гаркуша-Божко С. Ю.	*соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет*
Даниелян А. С.	*к.ю.н., Генеральный директор «Центр правовой поддержки Веритас», г. Краснодар*
Дрынь Н. В.	*студент 3 курса специалитета Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь*
Елисеева К. А.	*следователь отделения по расследованию преступлений, совершенных на территории Одоевского р-на МО ВМД России «Белевский» ОП «Одоевское»*
Еремина И. С.	*заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия", д.пед.н., к.ю.н.*
Журавленко Н. И.	*к.ю.н., доц., член-корреспондент РАЕН, доцент к-ры математического моделирования и информационной безопасности Нефтекамского филиала Уфимского университета науки и технологий*
Зарубин А. В.	*судья Двадцать первого Арбитражного апелляционного суда, к.ю.н., доцент*
Зоз В. А.	*старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Иванов С. И.	*к.ю.н., доц., начальник к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Игнатьева С. В.	*д.ю.н., проф. Санкт-Петербургский ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации*
Каляшин А. В.	*к.ю.н., доцент, доц. к-ры конституционного и муниципального права Владмирского филиала РАНХиГС*
Кандохов В. Х.	*аспирант к-ры конституционного и муниципального права Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университе «РИНХ»*

Кисилев Д. В.	*обучающийся Юридического института Севастопольского государственного университета*
Клименко Е. П.	*к.ю.н., доц. к-ры истории и теории гсоударства и права КФУ им. В. И. Вернадского*
Клименко П. М.	*д.мед.н., профессор, проф. к-ры…*
Климова Д. В.	*к.ю.н., доц., доцент к-ры государственнх и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Колычева А. Н.	*к.ю.н., старший преподаватель к-ры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД Россиии имени В. В. Лукьянова*
Кондрашов А. В.	*Преподаватель к-ры физической подготовки и спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Копанчук А. А.	*обучающаяся 3-го курса магистратуры юридического факультета Института «таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Кордобовская К. Е.	*адъюнкт к-ры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России; специалист (по воспитательной работе) отделения морально-психологического обеспечения отдела по работе с личным составом УМВД России по Красногвардейскому району г. СПб.*
Корнев А. В.	*заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор*
Крайнова Н. А.	*к.ю.н., доц., зав. каф. уголовного права и процесса Севастопольского государственного университета*
Кузнецова К. А.	*к.ю.н., доц. к-ры административного права и ажминистративно-служебной деятельности ОВД ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России*
Лагуточкин А. В.	*к.ю.н., доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Лапова Е. С.	*адъюнкт к-ры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России*
Лясович Т. Г.	*заместитель начальника к-ы социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Мурино*

	Ленинградской области), к.ю.н., доцент.
Мирошниченко Е. А.	*помощник начальника главного управления по правовой работе, начальник юридической службы ГУФСИН России по Ростовской области*
Мокроусова К. А.	*аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Мухамедова Э.Э.	*к.ю.н., доцент к-ры гражданского и трудового права Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Невлев В. В.	*к.ю.н., доц., проф. РАЕ, доц. к-ры теории и тсории государства и права, Белгородский университет кооперации, экономики и права*
Нижник Н. С.	*проф. к-ры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации*
Новочкова К. А.	*к.ю.н., доц. к-ры административного права и административной деятельности РВД Восточно-Сибирского института МВД России*
Павленко В. А.	*обучающийся Юридического института Севастопольского государственного университета*
Пасичниченко Г. В.	*Юрисконсульт Общества с ограниченной ответственностью «Центр помощи должникам»*
Прокопьева Р. И.	*магистрант группы ПОПД-22-1, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
Пестов Р. А.	*к.ю.н., доцент, доц. к-ры административного права Ростовского юридического института МВД России*
Полгар М. А.	*ассистет к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Русских Т. В.	*к.ю.н., доц., доцент к-ры экологического, трудового, административного права, основ права и российской государственнойсти ФГБОУ ВОс "«дмуртский государственный университет»*
Сибилев И. А.	*аспирант юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Савченко А. Н.	*Федеральный судья в отставке. Г. Челябинск*
Спирин Н. Д.	*соискатель Санкт-Петербургского института*

	войск национальной гвардии Российской Федерации
Скворцова О. В.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Огородников В. И.	*д.ю.н., проф., профессор к-ры управления и организации УИС юридического факультета Академии ФСИН России*
Овчинский А. С.	*д.тех.н., проф., академик РАЕН, профессор к-ры информационной безопаности учебно-научного комплекса информационных технолгий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*
Осоченко А. А.	*преподаватель юридических дисциплин. АНО ПОО Финансово-экономический колледж г. Симферополь, ул. Крымской правды, 4*
Хрущев Р. С.	*аспирант к-ры истории и теории юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Шевченко А. В.	*Управление экономической безопаности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел по Республике Крым*
Шигонин А. Б.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права, Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП»*
Шигонина Л. А.	*старший преподаватель к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российского государственного университета правосудия»*
Шкилева Н. Л.	*доцент к-ры экономики и права Курского государственного аграрного университета имени И. И. Иванова*
Шурыгина Ю. В.	*Преподаватель к-ры ПАСИ и СТС Уральского ГПС МЧС России, майор внутренней службы*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абасов С. В., Дрынь Н. В.
Общественная дипломатия: понятие и проблемы правового регулирования…...3
Апкаев Д. М.
Ретроспективный анализ развития привилегий в праве иностранных государств……12
Боер В. М.
Правовое регулирование в процессе противодействия терроризму (теоретико-правовой анализ)…….21
Бутов С. В.
Особенности юридической ответственности военнослужащих войск НКВД СССР по законам военного времени в годы Великой Отечественной Войны.30
Воробьев А. О.
К вопросу уяснения сущности термина «общественный порядок» как общетеоретического начала……...35
Даниелян А. С.
Искусственный интеллект и право будущего: риски и возможности……..41
Ерохин Р. А.
К вопросу идентификации и аутентификации в условиях цифровизации правовых отношений в Российской Федерации……..48
Кородобовская К. Е.
Дефекты и деформация правосознания как проявления его деаксиологизации……53
Лапова Е. С.
О факторах формирования правовой культуры современного общества…….64
Морозова Н. В., Ховавко С. М.
Исторический аспект развития института досудебного соглашения о сотрудничестве……76
Осоченко А. А.
Регулирование вопросов противопожарной безопасности в портовых таможнях и карантинных учреждениях……82
Овчинский А. С., Журавленко Н. И.
Информация как оружие ментально-когнитивных смысловых войн……92
Оганесян Т. Д.
Доктрина консенсуса: поиск общеевропейского стандарта……100
Хрущев Р. С.
Становление и эволюция деятельности полиции в Гренландии……..108
Шигонин А. Б., Пасичниченко Г. В.
История развития законодательства в сфере борьбы с терроризмом……..116
Шурыгина Ю. В.
Диспозитивные нормы в рамках правового режима как особая форма регулирования правоотношений……126

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Анохин А. Н.
О понимании основ конституционного процесса в Российской Федерации..138
Кандохов В. Х.
О правовой природе, сущности и содержании конституционного нормоконтроля в Российской Федерации……..…145
Климова Д. В.
Правовое регулирование государственного управления в сфере иммиграции на современном этапе……..153
Мокроусова К. А.
Концептуализация положений о территориях с особенностями организации местного самоуправления…….160
Пестов Р. А., Новочкова К. А., Кузнецова К. А.
Административно-процедурные основы поощрительного производства в зарубежных странах……..169
Силин С. В.
Специальное правовое регулирование автоматизированных средств: необходимость или излишняя нагрузка……..184
Шкилева Н. Л.
Права детей, оставшихся без попечения: понятие и место в системе конституционных прав человека……194

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Брюхина Е. Р., Прокопьева Р. И.
Механизм защиты прав человека при трансплантации органов и(или) тканей человека……..…201
Зарубин А. В.
Альтернативные модели общей совместной собственности……216
Кравченко Н. А.
Правовые проблемы внедрения системы налогового комплаенса в условиях цифровизации……223
Мухамедова Э. Э., Полгар М. А.
Проблема защиты личных неимущественных прав несовершеннолетних….230
Русских Т. В.
Система традиционных российских духовно-нравственных ценностей как один из критериев конституционности ограничения свободы сторон трудового договора……..239
Шигонина Л. А., Волкова И. Ю.
Проблемы определения существенных условий контрактов для государственных или муниципальных нужд……247

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абисова К. С.
Международные механизмы противодействия терроризму: институциональное направление……254

Бадиков Д. А., Елисеева К. А.
К вопросу о некоторых способах совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа…….260
Бубнова Ю. Г., Каляшкин А. В.
Вопросы реализации права на образование осужденных к лишению свободы: история и современность……..……266
Горбенко Т. В.
Дистанционный осмотр обширных территорий местности: технико-криминалистические особенности……...273
Иванов С. И.
Отдельные аспекты предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними……....284
Колычева А. Н., Зоз В. А.
Дистанционные способы хищения: разновидности и отдельные аспекты противодействия……291
Кондрашов А. В.
Проблемы применения физической силы сотрудниками полиции при выполнении оперативно-служебных задач…….296
Лагуточкин А. В.
Особенности использования цифровой среды оперативными подразделениями полиции в отношении разыскиваемых лиц…….303
Мирошниченко Е. А.
К вопросу о сущности принудительных работ как гуманного вида наказания……...309
Скворцова О. В., Копанчук А. А.
Особенности и проблемные аспекты толкования предмета мошенничества с безналичными денежными средствами…….……..317
Шевченко А. В.
Виктимологическая характеристика жертвы детоубийства…….……..329

СРОЧНО В НОМЕР

Боер В. М.
О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в реализации правового режима контртеррористической операции (теоретико-правовой аспект)……340
Гаркуша-Божко С. Ю.
Практика применения Федерального Закона от 01.07.2021 №236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации»……...347
Великая О. С.
Регулирование перевозки заключенных в Финляндии во второй половине XX – начале XXI вв.……..……363
Крайнова Н. А., Киселев Д. В., Павленко В. А.
Региональный опыт противодействия коррупции (на примере Севастополя и Мурманской области)……368
Невлев В. В.
Правовое регулирование механизма кредитной деятельности в

кооперативном законодательстве……..…..376
Еремина И. С.
Конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны: исторические аспекты и эволюция…….385
Сибилев И. А.
К вопросу об определении сущности явлений «случай» и «непреодолимая сила» в механизме гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств…….394
Игнатьева С. В., Спирин Н. Д.
К вопросу о совершенствовании правового регулирования жилищных правоотношений в сфере накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в период проведения специальной военной операции…….402
Нижник Н. С., Лясович Т. Г.
Полицейская деятельность и профессиональная подготовка органов внутренних дел как предмет правовых исследований……..410
Пеленицына М. В., Грудцына В. С.
Исполнительное производство как стадия в гражданском процессуальном праве: теоретико-правовой аспект…….427
Клименко Е. П., Клименко П. М.
Правовые вопросы обеспечения санитарного контроля при проведении погрузочно-разгрузочных работ…….432
Корнев А. В.
Методологический инструментарий инновационной юриспруденции …….438
Аблятипова Н. А., Волкова И.Ю.
К вопросу о правомерности применения конструкции рамочного договора к контракту для государственных или муниципальных нужд ……449